

12

НОВОБЫТЪ
МИР

НОВОБЫТЪ
МИР

12



1951

1951

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXVII

№ 12

Декабрь, 1951 г.

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ОТ РЕДАКЦИИ	3
НИКОЛАЙ ГРИБАЧЕВ — Стихи о Кавказе	5
ЕВГЕНИЙ ВОРОБЬЕВ — Высота, роман. Окончание	11
К. ВАНШЕНКИН — Два стихотворения	104
ЧЖАО ШУ-ЛИ — Песенки Ли Ю-цая, рассказ. Перевод с китайского Вл. Рогова	106
ИВАН СИМОНОВ — Гость, стихи	145
Н. СИДОРЕНКО — Первая в Якутии, стихи	148
ИРЖИ МАРЕК — Рассказы о шахтёрах. Перевод с чешского Т. Аксель и Б. Шуплецова	149
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ	
В. ДОЛИНОВ — Два года в Эфиопии (Из дневника врача)	189
ПРОБЛЕМЫ НАУКИ	
Почётный академик Н. Ф. ГАМАЛЕЯ — Патологическая и физио- логическая старость	213
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
АКПЕР БАБАЕВ — Певец мира и свободы — Назым Хикмет	235
ВИКТОР РОЗЕНЦВЕЙГ — Новая жизнь, новая литература (Заметки о румынской поэзии и прозе)	249
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
Литература и искусство	254
Н. Абалкин. Продолжение важного разговора. — Н. Богданов, Р. Ким. Серьёзные недостатки интересного романа. — З. Кедрина. Книга о жизни узбекского народа. — А. Дроздов. Победы и поражения молодого писа- теля. — П. Утевская. На освобождённой земле. — В. Жданов. По стопам Перерепенко. — Н. Мацуев. Новые библиографические справочники.	

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР“

Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
Политика и наука	
Кандидат юридических наук Л. Савинский . Китай сегодня. — П. Винокуров . Свидетельство шведских деятелей культуры. — Кандидат юридических наук О. Поленц . Международное право или международный призыв? — В. Минаев . Профсоюзные боссы на службе Уолл-стрита. — А. Пантелейев . «Калибр» — завод-новатор. — И. Халифман . — С неправильных позиций.	284
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ (Октябрь — ноябрь 1951 года)	304
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» за 1951 год	310

ОТ РЕДАКЦИИ

28 октября этого года газета «Правда» в редакционной статье «Против рецидивов антипатриотических взглядов в литературной критике» вскрыла идейно-порочную, антипатриотическую сущность статьи А. Гурвича «Сила положительного примера», напечатанной в № 9 «Нового мира».

Основной смысл статьи «Сила положительного примера» свидетельствует о том, что автор её, в недавнем прошлом разоблачённый советской общественностью как критик-антипатриот и космополит, не пересмотрел своих взглядов и по существу остался на прежних позициях. А. Гурвич утверждает, что великая русская литература прошлого не создала образов героев, обладающих силой положительного примера, и тем самым фактически отрицает силу воздействия благородных патриотических и освободительных идей, которыми проникнуто творчество Пушкина, Гоголя, Тургенева, Герцена, Некрасова, Чернышевского, Толстого, Чехова и других писателей-классиков. Он игнорирует значение художественного творчества основоположника литературы социалистического реализма А. М. Горького. Критик, как указывает «Правда», «протаскивает антипатриотические взгляды на великое наследие русских классиков, пытается представить советских писателей Иванами, не помнящими родства».

Обращаясь к советской литературе, критик искусственно противопоставляет роман В. Ажаева «Далеко от Москвы» другим произведениям советских писателей. По Гурвичу выходит, что, кроме этого романа, советская литература не создала ничего выдающегося, значительного. Он обходит молчанием образ положительного героя в творчестве Горького, Маяковского, Серафимовича, Шолохова, Фадеева, Н. Островского, Гладкова и других писателей, произведения которых составляют славу и гордость советской литературы. «Правда» справедливо подчёркивает, что в статье «Сила положительного примера» видно «стремление столкнуть советских писателей между собой и умалить, принизить достижения советской литературы в целом».

Порочными являются и основные эстетические положения А. Гурвича. Вопреки принципам марксистско-ленинской эстетики, критик видит задачу искусства только в изображении абстрактного «душевного мира человека», в раскрытии неких «резервов человеческого духа». Отрывая душевный мир людей от их общественной, политической и трудовой практики, А. Гурвич встаёт на позиции буржуазной эстетики.

Редакция «Нового мира» полностью признаёт убедительную и справедливую критику, которой подвергла «Правда» статью «Сила положительного примера», и считает опубликование этой статьи своей грубой ошибкой. Редакция не сумела разглядеть вредную идеологическую сущность статьи А. Гуревича и проявила недопустимый либерализм в отношении разоблачённых антипатриотических взглядов в литературной критике.

Такая ошибка могла быть допущена только в результате притупления бдительности со стороны редакции, а также из-за отсутствия должной коллегиальности в руководстве журналом и недооценки общественных форм в практике редакционной работы. В частности, это выразилось и в том, что статья «Сила положительного примера» не была подвергнута до её опубликования широкому обсуждению среди актива писателей и критиков.

Редакция считает своим важнейшим долгом перед советским читателем и литературной общественностью исправить допущенную ошибку и в связи с этим намеревается опубликовать в журнале ряд литературно-критических работ о русской классической и советской литературе. В этих работах редакция ставит своей задачей показать неразрывную преемственную связь советской литературы с великим наследием русских классиков, дать в этом свете анализ лучших произведений советских писателей, поставить насущные вопросы развития марксистско-ленинской эстетики. Одновременно редакция принимает меры к более широкому привлечению литературной общественности к редакционной работе «Нового мира» с тем, чтобы наиболее значительные и острые по теме художественные и литературно-критические произведения подвергались всестороннему обсуждению до их опубликования на страницах журнала.



НИКОЛАИ ГРИБАЧЕВ

★

СТИХИ О КАВКАЗЕ

ЭЛЬБРУС

Ещё предгорий нет в помине,
Ещё Кавказ за далью скрыт,
Ещё, как в пуховой перине,
В кубанском хлопке утро спит,
А между тем с версты трёхсотой,
Поднявшись в небо налегке,
Как над Москвой дворец высотный,
Эльбрус сияет вдалеке.

Скрывая мелкие детали
За дымкой, тающей не вдруг,
Он отсветы стекла и стали
Уже кладёт на всё вокруг,
И что минута, блещет краше,
И, впрямь прекрасный без прикрас,
Он чем-то будущее наше
Напоминает в этот час!

РУСТАВИ

Не пять веков назад, а ныне,
Подтянут, чист, молодцеват —
Встал новый город при долине
И вырос сад.

Шумят машины, плещут ветви,
Бетон лучами накалён...
Всех городов на белом свете
Моложе он!

Но, о былой припомнив славе,
О доброй песне, город тот
Бессмертным именем Рустави
Назвал народ.

Платья минувшему любовью,
Штурмуя будущего даль,
Пусть роднятся на здоровье
Стихи и сталь.

Из их содружества и сплава,
Страны приветствуя расцвет,
Родится песня, встанет слава
Грядущих лет.

У РИОНИ

От Риони отчалил
И уплыл меж садами закат.
Пахнет дыней и чаем,
Трактора в отдаленье стучат.

Гул воды и турбины,
Пассажирского «ила» полёт.
В горловине долины
Кутаисский вздыхает завод.

Перед фарами «зисов»,
Что выходят в поля из ворот,
По кустарникам сизым
Свет ручьями течёт и течёт.

И качает долина
На прохладных ладонях листвы
Песню-думу грузина
И — по радио —
 песню Москвы.

И толпятся предгорья,
И к Казбеку идут на совет —
Нет им сна и покоя,
Днём и ночью им отдыха нет.

Только, видно, на это
Не ответит Казбек ничего:
Пляшут сполохи света
По ущельям и склонам его —

Там асфальт накалённый
Подминая под ёлочку шин,
Мчит сегодня колонна
Припоздавших в дороге машин.

ВЗРЫВ

Как тигра, эхо разозлив,
По скалам раскатившись всласть,
В горах под Сочи грянул взрыв,
И туча пыли поднялась.

И вздрогнул возле стад пастух —
А не война ль?.. Нет, не война.
Хоть и грозитя нынче вслух,
А всё ж боится нас она,

Боится правды наших дней,
Боится выдержки стальной,
Боится сил, что перед ней
По всей земле встают стеной.

А здесь — горы обрушен бок
С утра, пока поменьше зной,
Чтоб стенкой мола стать в свой срок
И санатория стеной,

Чтоб от Мамайки до Бзугу,
Под песни ветра и воды,
На черноморском берегу
Вставали зданья и сады.

Перебивая шум реки,
Как тигра, эхо разозлив,
Гремят в горах грузовики,
Гремит, что день, за взрывом взрыв —

То, оставляя вышине
Снега Эльбруса про запас,
Поближе к сочинской волне
Переселяется Кавказ.

СВАДЬБА В КОНЧКАТИ

С утра в село
Из разных мест,
С флажками на крыле,
Идут машины, как на съезд,
Как на приём в Кремле.

Ныряя в кипени ветвей,
Дробя на стёклах свет,
Спешат они, везут гостей
На свадебный обед.

Одних Героев шестьдесят —
Все, что в районе есть, —
Невесте, как велит обряд,
Оказывают честь.

А там подружки да родня,
Да жениха дружки,
А там ещё и ребяшня
Спешит вперегонки.

И как ты там ни меряй дом,
Ни ставь столы тесней,
А всё ж и половину в нём
Не усадить гостей.

Но, чтя обычай старины,
Здесь, у дверей родных,
Стакан вина испить должны
Невеста и жених,

Испить, чтоб в счастье и в беде,
Чтоб в поле и дому
Была во всём под стать Надэ
Нүри своему.

Теперь — и в сад, к столам, туда,
Где шум и тень ветвей.
И пусть пророчит тамада
Дзе дюжины детей,

Пусть жить желает до ста лет,
 До снежной седины —
 И доживут, и спору нет,
 Вот не было б войны,

Вот не было б её одной.
 А если в час иной
 И повоюют муж с женой,
 Так только меж собой!

И пир идёт, и в свой черёд
 Ласкает шутка слух.
 И кое-кто для виду пьёт,
 А кто так и за двух,

А кто-то слаживает хор,
 А кто-то рвётся в пляс,
 Чтоб загудело эхо гор
 На весь как есть Кавказ.

А бабки — те и слёзы льют,
 У тех своя печаль:
 Героя ж замуж отдают,
 И — хорошо, и — жаль,

И то досадно, что у них
 По той поре глухой
 Ни свадеб не было таких,
 Ни почести такой...

Меж тем упал за горный пик,
 Сгорел в снегах закат,
 Гремит река, как грузовик,
 Меж каменных громад,

Смолкают голоса цикад,
 Сползает сумрак с гор,
 И звёзды бабочками в сад
 Летят через забор,

И молодым бы спать пора,
 Да выпустят навряд —
 Пусть пьют до дна
 И до утра,
 А в воскресенье спят —

Ведь как-никак, а в первый раз
 За век нелёгкий свой
 Присутствует старик Кавказ
 На свадьбе на такой!..

Мне скажут: доброй шутке рад
 Да всяким чудесам,
 Всё это выдумал ты, брат, —
 Признайся лучше сам!

А мне виниться не резон,
 Мне жизнь сюжет дала:
 В краю, где к морю мчит Рион,
 Есть Махарадзевский район —
 Там свадьба та была,

Он землю роет, пашет, жнёт,
Гудит под танковой бронёй,
Он небо выхлопами жжёт,
Почти соседствуя с луной...

И в те года, и в ту войну,
Крутя колёса и винты,
Ходил в атаку не одну
И на земле, и в небе ты.

И, может, тем, что из огня
Я вышел жив и невредим,
Тебе, Баку, обязан я,
Трудам и подвигам твоим,

И в орденах, что нам страна
Вручала в пламени тех лет,
Мне слава и твоя видна,
Твоих огней мне виден свет.

И нынче плохо бы я спал
Перед погодою худой,
Когда б не ты,
Да не Урал,
Да не Донбасс с Карагандой!..

Я замолчал. По гребням волн
Бил свет. Тягуча и темна,
Шла нефть, степной пугая сон,
С морского поднималась дна.

А там, за вышками, вдали,
Смешав огни и голоса,
Шли
В океане корабли,
Шли
Тракторы на полземли,
Шли
Самолёты в небеса.

И, света белого ручьи
Не замутив на мостовой,
Шли рядом сверстники мои —
День прошлый
И грядущий мой!



ЕВГЕНИЙ ВОРОБЬЕВ

★

ВЫСОТА

Роман *

21

Сегодня утром и днём тяжёлый гул моторов не смолкал в дымном небе над Каменогорском.

Заглушая грохоты завода и стройки, откуда-то из облаков вываливался самолёт, и люди подымали головы, провожая его сосредоточенным взглядом. Проходило время, и снова гул моторов нарастал над домами, над заводскими трубами — новый самолёт шёл к аэродрому.

Погода все последние дни держалась нелётная, но над уральским хребтом было ясно, а к югу от него самолёты летели, низко прижимаясь к реке. Самолёты уверенно шли к Каменогорску по воздушной дороге, облётанной за месяцы строительства. За много километров до города возникало на горизонте тёмное пятно, пилоты шли к нему, не сверяясь с картой, пятно густело и вырастало до огромного дымного облака, затмевающего небо над заводом. Самолёты кружили над городом, и пассажиры видели под крылом перекошенный пейзаж. День был безветренный. Дым из заводских труб восходил прямо к небу и высился над заводом надетой слегка набекрень серой папайхой.

Утром и днём на каменогорский аэродром садились многоместные самолёты.

Лётчики в кожаных костюмах с таким количеством «молний», словно в костюмах совсем не было обычных швов, первыми прыгали на мокрую траву, спеша размяться после долгого полёта. За ними по алюминиевым лесенкам сходили пассажиры, пожилые и молодые, иные в картузах, иные в шляпах, иные в спецовках, с которых не счищены были пятна извести и цемента, иные в новеньких костюмах, иные в вылинявших гимнастёрках с потемневшими орденскими планками и никогда не тускнеющим гвардейским значком.

У одних багажа было больше, у других меньше, и разные вещи лежали у них в сундучках, в чемоданах.

Но не было пассажира, который прилетел бы без своего мастерка, без кельмы, без остроносого молотка, потому что всё это были каменщики первой руки, искусные кладчики огнеупора.

И не было человека, который, спустившись из самолёта на каменогорскую землю, не повернул бы голову в сторону дымов над заводом, где ему предстояло работать.

Это был индустриальный десант, выброшенный сегодня на самый острый, решающий участок боёв за послевоенную пятилетку.

Тут же за аэродромными службами в одной большой груде лежал

* Окончание. Начало см. «Новый мир» № 11 с. 6.

багаж, доставленный другими самолётами. На машину уже переносили кровати, табуретки, тумбочки, одеяла, матрацы, радиоприёмники — всё необходимое для того, чтобы за несколько часов превратить новый, ещё не обитаемый дом в общежитие для десантников. Сегодня ночью или завтра утром десантники начнут укладывать кирпичи в домне и кауперах.

Кожух домны был сварен, лазурное созвездие сварки переместилось повыше. На всех ярусах домны, густо облепив её, хлопотали сегодня такелажники, механомонтажники, водопроводчики, электромонтажники, слесаря, а внутри уже хозяйничали кладчики огнеупора. Надо было выложить изнутри огнеупорным кирпичом стены домны. Уже готова была лещадь — огнеупорный паркет доменной печи. По этому паркету ходили мастера и тыкали между кирпичами шупы, но шупы в полмиллиметра толщиной не находили щелей. Так плотно были пригнаны один к другому палевые кирпичи, готовые к тому, чтобы их несколько лет подряд омывал жидкий чугун.

И домна и три каупера нуждались в сотнях каменщиков, хорошо знающих свою тонкую и трудную работу. И вот эти каменщики прибыли.

Они прибывали целыми подразделениями, со своими мастерами, прорабами, инженерами. Здесь были каменщики, прилетевшие из Запорожья, Днепропетровска, Чусовой. Все они встретятся в Каменогорске со своими старыми знакомыми, с которыми работали рядом уже на многих стройках. И те вовсе не будут удивлены встречей. Все они, кладчики огнеупора, работают на одной огромной стройке. Они только были командированы на разные участки, а сейчас опять съехались вместе. Сегодня здесь, в Каменогорске, — основной плацдарм, здесь сегодня выложен посадочный знак для каменщиков и для сотен других специалистов: строителей домны, мартенов, коксовой батареи, рудообогатительной фабрики.

Каменщиков на аэродроме встречали Дымов и Терновой. Со многими Дымов здоровался за руку, разговаривал — то были его соратники по другим стройкам.

Глядя на шумный, деятельный аэродром, сегодня так густо населённый, Терновой вспоминал те далёкие дни, когда он искал каменщиков для комсомольской домны.

Комсомольцы послали своего секретаря на заводы Донбасса, в Днепропетровск, Керчь, Сулин и Каменское за помощью.

Но в годы первой пятилетки среди опытных кладчиков огнеупора мало было комсомольцев и вообще молодых рабочих. Каменщики были почти сплошь потомственные мастеровые, и умение их передавалось из поколения в поколение.

Если бы опросить сейчас всех прилетевших каменщиков, то выяснилось бы, что добрая треть — уроженцы села Ново-Дубовое Воронежской области. Их отцы и деды ходили из воронежских деревень на отхожий промысел. Они клали русские печи, печи-голландки, они умели класть печи на все фасоны. Они обмуровывали котлы на заводах, клали фабричные трубы, и они же выкладывали изнутри огнеупором домны и мартены.

В годы первой пятилетки спрос на кладчиков огнеупора, на трубокладов был особенно велик, и директора заводов не торопились отпустить нужных им рабочих в далёкий Каменогорск. Бывало и так, что вместо ударников посылали летунов, полүзнаек. А иные опытные каменщики сами не хотели ехать куда-то за тридевять земель, в голую степь, где и жить-то придётся скорее всего в палатках, и бани, навер-

но, нет приличной и неизвестно ещё, как там кормят, сколько платят и дают ли ордера на сапоги и на мануфактуру.

Терновой бесплодно объехал тогда десяток заводов. Отчаявшись в успехе, он явился в Москву, пошёл в большой тёмносерый дом с зеркальными стёклами на площади Ногина и записался на приём к товарищу Орджоникидзе. Сидя в приёмной, Терновой готовился произнести перед Орджоникидзе убедительную речь.

Но когда он вошёл в просторный кабинет и увидел за столом так хорошо знакомого по портретам человека и тот пожал ему руку, усадил в глубокое кожаное кресло у стола,— вся речь, такая веская и обоснованная, вылетела из головы.

— Товарищ Орджоникидзе! — сказал Терновой, волнуясь. — Каменногорские комсомольцы строят свою домну! Дело идёт здорово! Мы уже обогнали первую домну. Мы всем показали, как надо клепать и монтировать! Но с кладкой плохо. Всё может сорваться! Я объехал десять заводов. Каменщиков нигде не дают. Вот теперь пришёл к вам. Каменщики нужны немедленно!..

Орджоникидзе внимательно слушал, пряча улыбку в усах, и глаза его смотрели с весёлым, ласковым одобрением.

— Ну, если вы, товарищ Терновой, говорите, что каменщики нужны немедленно, — будем действовать немедленно.

Терновой так никогда и не мог вспомнить, как он попросался к Орджоникидзе и как у него в руках оказался драгоценный приказ. Он помнит только, как, пропуская ступеньки, сбежал по лестницам на площадь, будто его выдуло ветром...

Орджоникидзе приказал направить на домну-«комсомолку» кладчиков огнеупора. На ряд заводов была послана по телеграфу развёрстка.

Но прошла не одна неделя, пока первые каменщики, после бесконечных пересадок, после многодневной жизни в поездах, добрались в далёкий Каменногорск.

И вот теперь Терновой стоял и смотрел, как в дверце самолёта один за другим появляются, спускаются по лесенке и ступают на выгоревшую от зноя и мокрую от дождя траву командированные министерством каменщики.

«Эх, не дожил товарищ Серго! — думал Терновой. — Ему бы сейчас всего шестьдесят три года было. Мог бы ещё жить и жить... Посмотрел бы на нашу стройку сегодня. На механизацию. На башенный кран. Обязательно поздравил бы сварщиков. Шутка ли — сварная домна! Посмотрел бы на своё детище, на Каменногорск — какие дома, сады... Ох, и отчитал бы он нас! — спохватился Терновой, взглянув на низкое задымлённое небо, подпираемое доброй сотней заводских труб. — Когда же мы избавимся от этих дымов и газов? И за бараки бы нам попало. Сорок девятый год, а сколько бараков ещё стоит!..»

Каменщиков ждали автобусы — вот они, на границе лётного поля, — чтобы везти всех в столовую, в общежитие.

— Чусовские, сюда! — кричал кто-то, стоя на ступеньке автобуса.

— Есть кто ещё из бригады Багрянцева?

— Такой дождик называется грибной.

— Грибной! Здесь и грибов-то нету.

— Скажешь тоже! Я прошлой осенью шестую домну перекладывал. Так наши в лесопитомнике нашли два белых гриба. Во-от такие!

— Что же ты их, в музей сдал? Я понимаю, грибы у нас в муромских лесах. Ногой ступить некуда!..

— Эй, запорожцы, грузись!..

Тут же Дымов распекал инженера с коксохима. До Тернового доносились:

— Голосовать будете во время выборов. Поняли меня? Полностью используете там свой голос. А сейчас делайте то, что вам приказывают. График есть график! А вы что мне тут открыли? Стыдно сказать при людях — какой-то комитет добрых услуг. На болтунов надеетесь? Как на генеральной ассамблее? Можете обижаться. Докатились!.. Позор!.. Вот подождите, сейчас придет Локтев!..

Дымов и Терновой ждали последнего самолёта. Терновому не терпелось встретить главного инженера Гинзбурга, а Дымов не мог не дожидаться всех каменщиков. Дымов вообще не любил провожать, когда уезжали с его стройки, а встречать он любил. Тем более сегодня, когда на «Уралстрой» прибыло такое пополнение и когда вместе с каменщиками должен был прилететь долгожданный инженер Локтев, которого министр, по настоянию Дымова, перевёл, наконец, на «Уралстрой».

— Ещё одного свояка ждешь? — иронически спросил Терновой.

— Жду. Не собутыльник же он мне? Не родственник?

— Любишь ты за собой хвост тащить. Как у павлина.

— Этот хвост нам сразу порядок на коксовых батареях наведёт. Вот увидишь: съедет там Локтев, сразу вся коксохимия с моих плеч долой! И что вообще значит — свои люди? Неправ ты в этом, Терновой. Если так рассуждать, то и каменщики — мне свояки. Сколько уже домен и мартенов я с ними поставил! А будет время, добыть — весь штаб со мной ездить будет. И ты за мной будешь ездить! Хотя в приятельских отношениях нас заподозрить трудно. Вот это и будет дымовский хвост.

— «Дымовстрой» на колёсах?

— «Дымовстрой»? Ты вот, когда твою дивизию с фронта на фронт перебрасывали, политруков себе новых подбирал? А почему я каждый раз должен заново свой штаб формировать?.. Штаб должен быть постоянный. Тогда легче будет вот такой десант сразу в бой бросать. Вчера нам придали монтажников, сегодня — каменщиков, потом каменщики своё дело кончат, зато другой батальон мне подбросят. Как на фронте: то добавят артиллерию, то заберут и добавят сапёров, а основное формирование — постоянное. И штаб постоянный. И не надо тогда мучиться так, как я до сих пор мучаюсь с этим начальником коксохима. Локтеву я вслепую могу довериться, я его работу уже знаю. А этот — пока я его раскусил — он чуть мне объект не провалил. Мне сейчас главное — за домной смотреть. А пришлось, сам знаешь, возиться с коксохимом. Нормально это? Нет... — Дымов глянул на Тернового исполдбья, ожидая возражений, но тот молчал, глубоко задумавшись, и Дымов с вызовом продолжал: — Вот решит завтра правительство строить на Алтае новый металлургический завод и прикажет Дымову выехать туда со всем «Уралстроем». И выеду!

— Высоко хватил, Пантелеймоныч! На целый строительный завод замахнулся!

— А что ж ты думаешь? Трест на колёсах. Вывеску сменить недолго. Сегодня «Уралстрой», завтра «Алтайстрой», а послезавтра ещё какой-нибудь «Заполярстрой»... Без работы нам сидеть не дадут. Вот так, десантом, будем высаживаться. А государству выгодно. Выгоднее, чем каждый раз рассыпать нас по белу свету, а потом заново собирать... Вот так и живём. Тянем друг у друга инженеров. Слыхал, как я того разгильдяя отчитывал? Развёл тут ассамблею, когда работать нужно. А мне требуются такие помощники, чтобы я знал всё их нутро, знал,

что им можно доверить. И чтобы на каждом шагу не проверять их и не кричать на них!..

— Разве ты можешь не кричать? — рассмеялся Терновой. — Ты же заболеешь, если у тебя всё пойдёт тихо да гладко..

— Вот потому-то мне с тобой и расставаться не хочется. Чтобы тишины не было. Ты уже мне тихо жить не дашь, знаю тебя...

Терновой знал, что Дымов может накричать на прораба, но никогда не оскорбит его, если тот хорошо работает. Терновой сравнивал Дымова с его предшественником по «Уралстрою». Тот не умел верить людям и верить в людей. Стоило работнику ошибиться, ему почти невозможно было снова завоевать доверие управляющего, потому что тот мысленно уже перевёл этого работника в разряд штрафников. Предшественник Дымова не брал на себя ответственности за человека и не интересовался его воспитанием. Он считал, что это дело партийной, комсомольской и профсоюзной организаций. А учить работников полагается в институтах, техникумах, на курсах. Его дело — создать хорошие условия для опытных строителей, поощрять их, пока они работают хорошо, и выгонять, когда работают плохо. Дымов же, требуя, умел и прощать ошибки. Чем больше человек ему нравился, тем больше он от него требовал, кричал на него, но и держался за него.

Последний самолёт опаздывал. Он пробивал облачность, внезапно нависшую над хребтом, затем попал в полосу дождя, а к Каменогорску вышел вместе с первыми проблесками солнца. И вот уже самолёт рулил по лётному полю. Жёсткий воздух ударил в уши встречающим. Трава вокруг легла плашмя. Последние обороты винта. Из самолёта вместе с новой группой каменщиков вышли инженер Локтев — высокий, седой, в плаще внакидку, и Гинзбург — в кургузом пиджаке, из-под которого выглядывала синяя косоворотка, и в широких брюках, заправленных в бурые сапоги, так что его можно было легко принять за одного из каменщиков.

Вид у Гинзбурга был такой, словно его только что разбудили. Едва ступив на землю, он тут же возле самолёта начал лихорадочно разжигать свою трубку.

— Ты, Григорий Наумович, сейчас весь аэродром подожжёшь, — сказал Терновой, отгаскивая Гинзбурга в сторону.

— Здравствуй, Иван Иванович. — Гинзбург рассеянно зажал горящую трубку в кулаке. — От самой Казани не курил. Что у вас тут стряслось? Всё время дожди?

— Дожди. Весь график размок. Поэтому министр и отменил твою командировку. Я убедил его, что без тебя дожди никогда не пройду. И ты, кажется, привёз нам солнечную погоду?

— А кроме того, каменщиков. Это важнее. Ведь управлять человеческой энергией легче, чем солнечной. В будущем мы научимся регулировать дожди и предотвращать осадки. Но сегодня, я вижу, опять будет дождь. И спрятать домну под зонтик я не смогу.

— А мы тебя не для этого вызвали. Тут весь коллектив взбудоражен простоями. А на нас с Дымовым сыплются проект за проектом.

Обгоняя Гинзбурга и Тернового, прошли Дымов и Локтев.

— Перед оперативкой поговорим, — бросил Дымов на ходу Гинзбургу.

Дымов тащил Локтева к своей машине, ни о чём не расспросив, даже не познакомив его с Терновым, и на ходу рассказывал ему о положении дел на коксохиме. И Локтев уже весь был поглощён каменогорскими делами. Он беззаботно закинул чемоданчик в присланную за ним машину, попросил шофёра доставить вещи в гостиницу, а сам умчался с Дымовым на коксохим.

Терновой, глянув им вслед, сказал:

— Одного поля ягода. Смотри, как быстро столковались!

Терновой усадил Гинзбурга в свою машину. Они поехали вслед за автобусами с каменщиками, по мокром, в голубых лужах, шоссе. Над шоссе стлался лёгкий парок.

— Вот так все дни, — озабоченно сказал Терновой. — С утра до вечера дождь, к вечеру парит, ночь работаем, а с рассвета опять галоши надевай. Монтажники сутками не уходят с домны, ждут погоды. Чуть просвет — за работу. И всё-таки отстаём. Кладка теперь двинется. Но вот монтаж, Григорий Наумович...

— Что же там твои рационализаторы предлагают?

— Ты не шути. Есть очень серьёзные предложения. Все сходятся на том, что во время дождей надо укрупнять детали на земле. Есть смелое предложение Токмакова: уже сейчас, загодя, монтировать на земле обе «свечи» с «подсвечниками».

— Обе «свечи»? Но это уже сверхукрупнение! Полное отступление от проекта. Придётся запросить разрешение министерства.

— Это уже твоя забота — обосновать так, чтобы нас поддержали.

— Я ещё не уверен, что удастся обосновать.

— А ты знаешь, не один Токмаков на этом настаивает. Как только начались дожди, об этом заговорили самые опытные монтажники. В партком приходил Шереметьев, он тоже говорит, что если мы решимся на такое укрупнение подъёмов, то сварщики смогут варить во время дождей под навесом.

— А разрезать швы, если подъём не удастся, тоже будет Шереметьев под своим зонтиком?

— Я думаю, Григорий Наумович, что такие люди, как Токмаков или Шереметьев, не будут говорить зря. Тут из-за этих предложений Нежданов целую шумиху поднял в «Каменогорском рабочем». И мне досталось, и Дымову, да и тебя не забыли. Надо рассмотреть проекты и как можно скорее рискнуть. Сейчас это единственная возможность нагнуть календарь.

Гинзбург слушал, опустив веки. Он ответил, не торопясь, не повышая голоса:

— Только чтобы не получилось так: не догнал, зато согрелся. Ты представляешь себе, если мы всё укрупним на земле, сварим, а потом — ветер? Не всегда же бригадир Пасечник будет спасать положение!

— Пасечник уже не будет спасать положение, — помрачнел Терновой. — Разбился.

— Погиб?

— Лежит в больнице.

— Ну вот видишь, какая нужна осторожность.

— Об осторожности гвердит и Дерябин. Он теперь такое раздул кадило! И Токмакова запугивает. Впору при малейшем ветерочке бросать работу. Не удивлюсь, если узнаю, что и спит он в монтажном поясе. Перестраховка у Дерябина — шестое чувство.

— В данном случае Дерябин прав. На этом этапе строительства мы вообще не имеем права рисковать. Мы можем действовать только при полной уверенности в успехе. А перестраховка — вовсе не то слово, которого в нашем деле следует бояться. Нам всегда нужен запас прочности.

— А когда ты, после освобождения Донбасса, подымал там покосившуюся домну, у тебя был запас прочности?

— Но я рисковал тогда покосившейся домной. Не удалось бы её

выпрямить — всё равно бы на снос пошла. А здесь новое сооружение. Погонисься за четырьмя днями, а потеряешь всё.

Терновой задвигался на сиденье, выбирая позу поудобнее.

— Знаешь, я сейчас о чём подумал, Григорий Наумович? Пожалуй, ты прав. Тебе в Донбассе легче было рисковать, чем сейчас в Каменогорске. У нас так иногда бывает: молод — дерзает, а потом надерзался досыта — положение, имя, звание... Уже действительно труднее пойти на риск. Этакая появляется у человека сверхосмотрительность! Боязнь потерять репутацию смелого человека.

Гинзбург молча попыхивал трубкой. Лицо его было непроницаемо, и только дымки более стремительно слетали с напряжённых губ.

— Не обижайся, Иван Иванович, но ирония — это самый дешёвый способ казаться умнее собеседника.

Терновой, довольный, усмехнулся:

— Кажется, Гегель сказал, что юмор есть высшее проявление человеческого духа. Это положение распространяется и на главных инженеров.

— Ну, знаешь! Когда человек, сойдя с небес на землю, не успел ещё докурить трубки, а его уже бьют по голове, затащив к тому же для удобства в свою машину, — тут человеку не до юмора. Полагаю, что при подобных обстоятельствах и парторг потерял бы присутствие высшего духа...

Терновой охотно рассмеялся и подтолкнул Гинзбурга в бок:

— Ну, хватит нам спорить. А то я уже сегодня со всем начальством перессорился. Жаль, ты, Григорий Наумович, не слышал, как Дымов на аэродроме размечтался.

— Вероятно, о заводах-стройках?

— Да, да. О десантах строителей.

— Это у Дымова на каждом аэродроме бывает, — улыбнулся Гинзбург, — когда встречает каменщиков или прорабов. И я думаю, что он своего добьётся.

Терновой ничего не ответил. Машина тряслась по обочине шоссе, обгоняя один за другим автобусы с каменщиками. Брызги из выбоин покрывали грязными потёками ветровое стекло. Терновой с недоверием косился на голубые разводы в облачном небе.

22

Проходная выходит прямо на берег пруда. Ею пользуются все, кто живёт на правом берегу и ездит на завод через дамбу или переправляется через пруд на катере.

Маша подъехала к проходной на лодке.

Кончилась смена, и народ валил густо, так что калитка подолгу оставалась раскрытой. До Маши всё время доносились обрывки разговоров, окрики и смех.

Перила проходной отполированы до блеска. Скользкие жерди перетроганы миллионами рук. У этой проходной Маша не раз встречала отца, старшего брата Глеба, мать, когда та во время войны работала уборщицей на блуминге.

Чем дольше ждала Маша, тем у проходной становилось малолюднее. Смена прошла. Теперь в калитке появлялись только одиночки.

Лодка чуть покачивалась на беспокойной, взъерошенной ветром воде, и на душе у Маши тоже было беспокойно. Она не отрывала взгляда от калитки, потемневшей после недавнего дождя. Лодка стояла так близко, что Маша слышала ржавый скрип каждый раз, когда пружина тянула обратно дверь, распахнутую вышедшим рабочим.

«Неужели Борис не передал записку?»

С тех пор, как случилось несчастье с Пасечником, Маша жила в постоянной тревоге. Токмаков ни разу не позвонил, хотя до этого он звонил часто, то по дороге домой, то прямо с домны. О нём Маша расспрашивала Бориса. Она узнала, что Токмаков осунулся, стал резок, часто забывает даже обедать, и ребята из бригады Пасечника носят ему еду в конторку. Рассказывая об этом, Борис жаловался, что Токмаков не переводит его в верхолазы, а вчера он уже хвастал отцу, что распрошался с лебёдкой. «Завтра меня проведут приказом», — к ужасу матери твердил он весь вечер. И когда Маша, скрывая своё беспокойство, поддевала его ироническим «Да ну?», Борис петушился: «Сам видел, как приказ составили: Берестова Б. К., лебёдка четвёртого разряда, перевести на монтажные работы». Маша поддразнивала: «Берестова Б. К.? Да кто тебя наверх пустит?». Борис злился, что-то долго объяснял, но Маша его не слушала и вонсь думала о Токмакове.

Отец, искоса поглядывая на Машу, наказывал Борису передать Токмакову, что с пятнадцатого августа разрешена охота на водоплавающую дичь и что он зовёт его в плавни, куда выезжает в субботу, с ночёвкой, если не будет вождей. Мать, вздохнув, сунула Борису узелок с пирогом для прораба и всё причитала «Берегись, сынок!». Маша понимала, что Токмаков понравился старикам, но её это стесняло, и она боялась, что Токмаков это стариковское внимание отнесёт на её счёт.

А сегодня, когда она услышала от Бориса, что Токмаков перестал уходить с домны домой и даже ночует в какой-то трубе, она поспешила взять выходной, навестила в больнице Пасечника и вызвала Токмакова на свиданье записочкой. Впервые в жизни она решилась написать: «Приходите. Я буду ждать».

Сваи набережной, у которой стояла лодка, отражались в беспокойной воде. Ветер рябил поверхность пруда, ворочал и гнул толстые сваи, но это было безобидное самоуправство. Оно касалось не самой набережной, а лишь её шаткого отражения в воде.

Токмаков медленно вышел из калитки и, лениво опершись на перила проходной, показал вахтёру пропуск. Усталой походкой он пересёк мокрую набережную.

Маша протянула руку. Токмаков спрыгнул в лодку, её сильно качнуло. Он уселся на корме. Маша оттолкнулась от берега, взялась за вёсла. Токмаков сказал:

— Извините, что заставил ждать. Только что сверху. Совсем по земле не хожу...

— Ну, куда вас везти? — спросила Маша. — Может быть, туда? — она кивнула в сторону водной станции, где на трамплине, спиной к воде, стоял розовоплечий прыгун.

— Куда хотите, — безразлично ответил Токмаков.

— Тогда, может быть, к Кандыбиной балке? Туда, где вы будете строить посёлок?

— Можно и туда.

Он сидел сгорбившись и сосредоточенно смотрел, как Маша гребёт.

— Вас не удивила моя записка? — несмело спросила Маша.

Токмаков неопределённо покачал головой.

Маша делала гребок за гребком и всматривалась с тревогой в лицо Токмакова — не брит, воспалённые глаза запали, скулы заострились, волосы спутаны.

— Вы уже с работы? — спросил Токмаков.

— Я сегодня взяла выходной.

— Да? Хорошо, — сказал он рассеянно.

— Я недавно из больницы. Проведала Пасечника.

Токмаков так резко вскинул голову и выпрямился, что качнулась лодка. Он с жадным нетерпением глядел Маше в лицо.

Она поспешно сказала:

— Сегодня Пасечнику лучше.

Токмаков смотрел недоверчиво.

Вечером, после несчастья, он ездил в больницу, но в палату его не пустили. Пасечник был в беспамятстве.

— Ему намного лучше,— повторила Маша.

Маша сказала, что всю прошлую ночь Пасечник бредил. Он показывал на портрет Пирогова, висящий в коридоре за стеклянной дверью палаты, и кричал: «Прогоните этого человека! Он включает радио и мешает мне спать!» Вчера утром Пасечник очнулся. Он отказывался от еды, твердя, что государство не обязано кормить дармоедов. Потом начал требовать у няни водки и скандалил, когда водки ему не дали.

— Скандалил? — обрадовался Токмаков.— Это хорошо.

Токмакову трудно было представить себе Пасечника гихим, послушным, покорно лежащим на больничной койке. Поэтому его так обрадовало, когда Пасечник в рассказе Маши вновь предстал таким, каким его знали монтажники. А Маша рассказывала о посещении больницы: как она вошла в палату и Пасечник ей улыбнулся белыми губами, произнес вместо приветствия: «Симуляция — залог здоровья»; как он беспокоился, что всё ещё идут дожди; как он жалел о том, что добрые люди будут без него «свечу» с «подсвечниками» поднимать, а он, мол, валяется «тяжело-здоровый»; как он подмигнул Маше и, сославшись на какого-то учёного, заявил, что вообще жить вредно, ибо от этого умирают.

Маша вспомнила: Пасечник просил передать Токмакову, чтобы тот не расстраивался.

Токмаков, услышав это, опустил голову.

Маша прервала свой рассказ на полуслове:

— Вот вы и расстроились, Константин Максимович. А он поправится. Он так бодр, так шутит, возле него всё время Катя, она ему книжки читает. Я уверена, что он скоро выздоровеет.

— Такие люди, как Пасечник, не перестанут шутить даже перед смертью. А верхолазом ему уже не быть.

— Мало ли интересного дела на земле. Пойдёт к нам в лесопитомник садовником. Или поступит на лодочную станцию — встречать и провозжать влюблённых...

— Пасечник?! Да он же презирает все земные профессии. Он — разведчик, поймите, Маша. Войну провоевал в разведке — цел остался. А тут... И всё по моей вине.

— При чём тут вы? Вы же приказали прекратить работы? Он же нарушил ваш приказ?

— Я запоздал с приказом, Маша. Раньше надо было приказывать.

Токмаков достал из кармана куртки измятый листок и протянул его Маше.

Она бросила вёсла, взяла листок и долго, внимательно читала его.

Лодка покачивалась сейчас далеко от берега, почти на середине пруда.

Где-то за крышами правобережного города, за Чапаевским посёлком, тлел закат, а с приближением вечера, как всегда, стало видно бессонное зарево над заводом. Закат на западе отгорел, но на смену ему вставал ещё более яркий закат на востоке. Небо на востоке дышало

огнём, огонь охватывал облака своим жаром и перекрашивал их в розовый цвет. Два заката соперничали один с другим. Алые отсветы ложились на воду. То было отражение оранжево-рыжих и розовых облаков, а облака отражали зарево цеховых пожаров; эти пожары разгораются и гаснут, послушные горновым, машинистам разливочных машин, дверным на коксовой батарее, сталеварам, операторам блуминга, рабочим нагревательных колодцев.

Гребешки волн стали розовыми, а когда на северном отвале вылили ковш со шлаком и он разлился где-то там огромными лужами и кляксами огня, — зеркало пруда и вовсе стало багровым.

Вечер коснулся уже и неба, и воды. На дне лодки сгушались тени.

— И вы не подписали? — подняла голову Маша; белый воротничок, охватывающий её шею, стал розовым; выгоревшая прядка волос, лоб, щёки, руки, держащие листок, тоже порозовели.

Отблески доменного пожара легли румянцем и на небритые щёки Токмакова. Он сидел, поставив локти на колени, подперев подбородок кулаками, в глубокой задумчивости.

Маша нехотя взялась за вёсла, не бросая смятого листка. Лодка медленно, виляя, тронулась с места. Токмаков видел в воде её перевернутое отражение, будто там всё время плыла вторая лодка с огненно-пунцовым днищем и второй невидимый гребец лениво грёб искривлёнными вёслами в такт с Машей.

— Помните то утро, когда мы столкнулись с вами у гидранта? — после трудного молчания сказал Токмаков. — Мне было мутно, какая-то странная пустота в душе. Вытащили из меня этот осколок, пошёл домой — тошно, одиноко. Не выдержал, побежал на домну. По дороге к вам пристал, вы меня отчитали. Потом мне досталось от Дымова, поставил меня на одну доску с этим Дерябиным, который всю войну прожил в бомбоубежище. Я со злости полез наверх, а там совершил непростительный проступок — прошёл при Пасечнике по такой же узкой балочке, с какой он сорвался после дождя. Потому я и заколебался с этим приказом. А потом эта история с царгой. Опять я раскис.

— В чём же ваша вина? Вы же не могли одной рукой награждать, другой — наказывать?

— Мог. Обязан был. Струсил. Конечно, струсил, и если меня переведут сейчас в мастера, да что в мастера — в бригадиры на место Пасечника — правильно сделают... Били уже меня за ухарство. На фронте. Вздумал собирать на мином поле землянику для девушки. Тоже гусар нашёлся! Не подумал, какими глазами смотрят на меня солдаты. Вот и всыпала мне парткомиссия. До сих пор выговор таскаю.

— Я не узнаю вас сегодня, Константин Максимович, — вслылила Маша. — Мне даже не верится, что вы, такой сильный человек, сразу сдали. Опустили руки. Вы ли командовали ротой на фронте?..

— Батальоном...

— Тем более, — Маша снова бросила вёсла, и лодку закачало на рябой воде. — Для меня в те годы все вы казались самыми сильными людьми на свете. Когда погиб Глеб, я так завидовала мальчишкам, почему я не могу пойти вместо брата в уральский танковый корпус! Я пошла в шофёры на наш завод. Каждый человек оттуда, с фронта, в гимнастёрке, с ленточками ранений, с медалью был для меня воплощением твёрдости, мужества. Когда мне впервые в жизни по-девичьи стало трудно... Я не хотела бы об этом вспоминать, но я верю, вам можно сказать, вы не будете над этим смеяться... Я глупо влюбилась, нелепо, как это бывает у девчонок в таком возрасте... Мне тоже стало тошно жить, жалко себя, пустота на какое-то время... Но, к счастью, всё

это быстро прошло. Вы мне помогли. Фронтовики! Я никогда не позволяла себе забыть о Глебе, о тех, кто шёл рядом с ним. У вас все мы обучались мужеству... Сейчас Борис повторяет каждое ваше слово. Он тянется за вами, подражает вам. А вы хотите его бросить? Хотите бросить всё, бросить людей, которые в вас верят, которые у вас учатся, для которых вы не только — прораб. Вы для них — фронтовик, командир. А вы хотите сбежать, спешите разжаловать себя в рядовые...

Токмаков, ошеломлённый, не спускал с Маши глаз.

— Я чувствую себя перед вами штрафником.

— Так исправляйтесь! Станьте таким, каким вы были. В прошлый раз вы только и твердили: проект, «свечи», Дерябин...

— Но вам же это надоело?

— По-моему, это вам надоело. Вы сегодня ни слова не сказали о ваших «свечах». Взгляните на себя — зарос, рычите на людей, спите в какой-то трубе. Со мной сегодня не поздоровались. Даже отцу моему, и то не ответили. А он вас на охоту звал. Странно, что вы откликнулись на мою записку. Пришли всё же.

— Не ругайте меня так, Машенька. Я вам первой такое наговорил. Баграту — и то не рассказывал.

— И не рассказывайте больше никому. Слышите?! А это — бросим! — Маша скомкала листок, который до сих пор держала в руке, швырнула его за борт, схватилась за вёсла и неловко зашлёпала ими по воде так, что брызги ударили Токмакову в лицо.

Токмаков отряхнулся, с весёлым изумлением глядя на Машу.

— А у вас характерец, Машенька! Человек месяц мучился, носил этот приказ в кармане, а вы раз — и выкинули!

— Жалееге? Я могу вернуться, — Маша начала разворачивать лодку.

— Не стоит, не стоит, Машенька, — Токмаков встал и сделал шаг, протягивая вперёд руки. — Дайте-ка мне вёсла. А то я сижу тут дураком, от нечего делать глупости болтаю.

Он отобрал у неё вёсла, помог ей перейти на корму, снял с себя и протянул ей куртку — Маша с удовольствием натянула её на себя. Куртка ещё хранила тепло его тела; казалось, будто сам он обнял Машу за плечи.

Токмаков начал яростно грести, словно хотел кого-то обогнать. За кормой розовела вода, взбаламученная вёслами.

Облака, гонимые ветром, смешивались с заводскими дымами. Сквозь них просвечивала луна, ранняя, багровая.

Токмаков внезапно запел хрипловатым низким голосом:

Окрасился месяц багрянцем,
И волны плескались у скал,
Поедем, красotka, кататься,
Давно я тебя поджидал!

— А дальше? — спросила Маша.

— А дальше — дальше сказано, что в такую шальную погоду нельзя доверяться волнам, а также девушкам, которые грести не умеют, а умеют только окатывать с ног до головы холодной водой. А мне и так уже холодные души надоели.

— Я уже вам однажды сказала: с вами невозможно ни о чём серьёзно разговаривать.

— А вы меня вызвали специально для серьёзного разговора?

— Неужели же голько для того, чтобы покатать вас на лодке?

— Я думал, что так. Знал бы, что вместо отдыха меня ждёт голо-
вокружение — остался бы в своей трубе...

— Так я вам и поверила.

Им хорошо было сейчас наедине. Глаза их всё время встречались. Маша и Токмаков молчали, но молчанья хватило им не надолго. Маша рассказывала то о Борисе, то о лесопитомнике, то о какой-то яблоне «уральский партизан». Токмаков редко перебивал её, он только сказал, что Борис и по земле ходит, не снимая монтажного пояса, он носит теперь пояс, как португалец с перекрещенными на спине стальными цепями, всегда с гордостью надевает новые брезентовые рукавицы с вшитыми кожаными ладонями. И они оба посмеялись над Борисом, оба повздыхались.

— А вы теперь не ходите наверх без монтажного пояса?

— Нет, я стал трусливее...

— За такую трусливость я вас хвалю, — рассмеялась Маша.

Разговор о стелющихся яблонях, о монтаже «свечи» носил почти интимный характер. Словно для того, чтобы вести разговор на эти темы, им необходимо было полное уединение, как сейчас вот, в лодке, на середине пруда...

— Сколько, Константин Максимович, остаётся дней до пуска? — внезапно спросила Маша.

— Сорок шесть. А почему вы об этом спросили, Машенька?

— Просто так.

— В общем, совсем мало осталось.

— Мало? — голос Маши дрогнул. — На днях вы считали, что это очень много?

— Мало для той работы, которую осталось сделать. Я ведь не случайно и ночью на домне. Эти дожди нас очень подвели. Нам приходится многое навёрстывать. Вы знаете, Машенька, как трудно найти замену хорошему человеку?

— Знаю.

— Все сейчас так стараются, — продолжал Токмаков, не замечая волнения Маши. — И ваш Борис. И Вадим — его из кандидатов в члены партии перевели. Настоящий рабочий! Люблю парней, которые гордятся принадлежностью к рабочему классу. Хорошее воспитание у Вадима.

— Карпухинское. Отец утверждает, что Берестовы да Карпухины построили Каменогорск. Бедная Василиса! Мама всегда её жалеет. Захар Захарыч к ней только в гости наезжает. Вечная она вдова.

— Такая уж несчастная судьба у жён строителей. — Токмаков тепло, с хитрецей заглянул Маше в глаза. — И вам, Машенька, не советуем выходить замуж за бродягу.

— Конечно! Если уж выйду замуж — только за оседлого человека...

— С нормированным рабочим днём? Чтобы домой во-время приходил? Чтобы на домнах не пропадал?

— Во всяком случае, чтобы брился во-время. И не валялся в какой-то трубе. Вы сегодня опять в трубе ночуете?

— Нет, не ночую. Просто я ночь буду работать. Видите, какая хорошая погода?

— Вернётесь на домну?

— Обязательно, Машенька. Мне уже давно пора. Хотя и не хочется с вами расставаться.

— Мы доедем до проходной на лодке. Хорошо?

— А как же вы обратно? Одна? Нет, нет, Машенька, не спорьте. Я подвезу вас поближе к дому.

Токмаков повернул к правому берегу, к лодочной станции.

Там уже зажгли фонарь на шесте. На дамбе тоже зажглись лампы, их отражения буравили беспокойную воду.

Токмаков пристал к лодочной станции у самой дамбы, спрыгнул на мостки и подал руку Маше. Она сняла с себя куртку, но Токмаков не торопился её надевать.

— Простынете, Машенька.

— Мне близко, я добегу, согреюсь. А вам ведь всю ночь работать. Вдруг опять дождь?

— Не накликайте, Машенька. Нам сейчас нужна хорошая погода. Солнца больше!..

— Я тоже очень жду солнца!

— Для ваших саженцев?

— Для себя,— рассмеялась Маша,— и чуть-чуть для вас...

Токмаков шагал по дамбе на левый берег.

Прежде чем пройти на завод, Токмаков постоял на набережной. Далеко на правом берегу, там, где он оставил Машу, мигал фонарь на шесте лодочной станции. Слева горели огни города. Там, за городом, в седловине между двумя холмами, в зелёной Кандыбиной балке Токмаков будет строить посёлок. Там подымутся четырёхэтажные дома. Оттуда рукой подать до лесопитомника, где работает Маша, особенно если идти напрямик по крутой тропе, не огибая горы. А на катере можно быстро добраться и до её дома. Как всё-таки хочется стать постоянным жителем этого города!

Сегодня он почувствовал, как Маша ему нужна. Если бы он не был влюблён в Машу раньше, он полюбил бы её сегодня.

23

Дожди не унимались. Они согнали верхолазов с монтажных высот на землю. Верхолазы, прячась, ёжась от сырости, сердито поглядывали из своего убежища на серое, без просветов, небо. Вот уже трое суток Токмаков и его монтажники работали с большими перебоями, с завистью поглядывая на всех, кто оставался на ярусах домны, кому дождь мешал меньше.

Каждое утро сменялась цифра в шите-календаре возле столовой. всё меньше оставалось дней до пуска домны, а работа стояла, время хватало монтажников за горло.

Плакат «Ни минуты простоя на домне «Уралстроя» весь в розовых потёках то и дело срывался и косо повисал на одной проволочке. Гладких, промокший, встревоженный, лез под дождём наверх и снова закреплял плакат.

Бесфамильных раздражённо закричал ему вдогонку:

— Да брось ты возиться с этой наглядной агитацией! Глаза только мозолит. Скоро каменщики нам на пятки наступят.

— Пусть мозолит! — с силой сказал Вадим. — Только одним плакатом делу не поможешь. Ты бы собрал, Гладких, партгруппу. Надо же что-то придумать.

— Окажи, Гладких, партийное влияние на погоду,— усмехнулся Бесфамильных.

— Молод шутить ещё! — взорвался Матвейч, вскакивая с земли. — Вот когда-то в Кузнецке... Я партприкреплённым состоял при комсомольской ячейке. Бураны нас мучили... Комсомольцы, знаешь, какую пожестьку дня сочинили? «Что нужно сделать, чтобы погода нами не командовала!» Вот это комсомолья была! Так и в протоколе записали...

— И помогло?

— А разве не слышал, как Урало-Кузбасс построили? То-то же. Собирай, Гладких, народ. Обмозгуем, пока дождик.

Коммунисты и комсомольцы решили дежурить на домне, чтобы использовать для работы каждый час хорошей погоды. Но дежурили все **верхолазы** — дружная собралась семья.

Каждый нашёл себе сухой куток для ночлега, и люди забыли до рогу к дому.

Токмаков спал в «свече» на железном вогнутом полу, подстлав жёсткий брезент и подложив ватник под голову. Сон был беспокойный, тревожный, и, как только снаружи стучали по трубе, Токмаков, оглушённый тяжёлым звоном, вскакивал и выбегал наружу, зная, что его зовут на работу. Но конструкции ещё не успевали высохнуть, как снова начался дождь, и Токмаков возвращался в свою трубу.

В ночь после того, как он расстался с Машей, подъём вели допоздна. При свете прожекторов монтажники заводили на высоту тяжёловес, а сварщики на нескольких ярусах жгли и жгли неутомимые голубые огни. Но опять дождь погасил и эти огни и прожектора и загнал Токмакова в его железную берлогу. Он не успел ещё заснуть, как дробным стуком его снова подняли на ноги. Он выскочил из трубы и наткнулся на Матвейча. Натянув на голову куртку, тот стоял под дождём.

— Начальство! — кричал Матвейч. — В конторке ждут.

Шлёпая по лужам, Токмаков побежал в конторку. Конторка располагалась в стороне от домны, ближе к мартеновскому цеху, тоже в трубе, ожидающей подъёма. Её специально оборудовали, провели в неё свет. С недавних пор там работала чертёжницей Таня Андриасова, вернувшаяся к своей профессии после того, как она помогла Токмакову с чертежами проекта. Таня, когда Токмаков привёл её в конторку, прежде всего потребовала повесить над чертёжной доской лампу с абажуром и грузиками.

Под этой яркой лампой, на приваренном к полу табурете у столика Тани сидел Гинзбург. Брезентовый плащ висел рядом на крючке, на дощатый настил стекала вода. Гинзбург даже не обернулся, он рассматривал чертежи, и Токмаков, став за его спиной, узнал свой проект.

Токмаков стоял позади Гинзбурга, следя за каждым его движением.

Токмаков волновался сейчас больше, чем когда защищал дипломный проект в техникуме. Гинзбург для него был не только начальником. Токмаков знал, что Гинзбург, прежде чем стать инженером, работал на стройках грузчиком, такелажником, десятником и разбирался не хуже Матвейча во всех тонкостях монтажных работ. В учебники, по которым Токмаков сейчас учился, вошло описание подъёма домны в Донбассе, осуществлённого Гинзбургом. Доменная печь, подорванная фашистами, осела набок. Гинзбург предложил не разбирать её, а выравнять с помощью гидравлических домкратов. Вадим, участник этого дела, рассказывал Токмакову, что Гинзбург сам вошёл в печь и следил по отвесу за её выравниванием. Ошибка в расчётах могла стоить ему жизни, но он верил в свой проект и оставался в домне, пока она не встала на место.

Гинзбург разжёл трубку и, полуобернувшись к Токмакову, сказал:

— В каждом новом деле всегда следует различать два риска, — слова вылетали с облачками дыма. — Прежде всего — риск новизны, то есть риск ошибки в замысле. А затем уже риск проведения, то есть риск неточности расчёта и ошибок при самом подъёме. Что касается первого, то я считаю вашу мысль правильной. План подъёма «свечи»

вместе с «подсвечниками» задуман верно. Здесь у нас риск равен бесконечно малой величине, то есть нулю.

Токмаков переглянулся с Матвейчем, стоящим в дверях. Тот жестом изобразил одобрение: знай, мол, наших!

Гинзбург попытался трубкой, зажмурил глаза и поднял веки.

— Но остаётся ещё риск, который связан с проведением вашей идеи в жизнь, то есть риск из-за неточности в расчётах при самом подъёме груза... Как вы допустили несчастный случай? — неожиданно спросил Гинзбург.

— Не доглядели, — поспешил вставить Матвейч, шагнув вперёд от двери. — Товарищ прораб запретил... когда тот дождик...

— Вы напомните вашему Гладких, что, помимо общественных функций, у него есть ещё функции служебные, — продолжал Гинзбург. — Он получает заработную плату как работник по технике безопасности и за несчастные случаи отвечает головой.

— Гладких в данном случае не виноват, — сказал Токмаков. — Свои служебные обязанности Гладких выполняет добросовестно. Это я распустил людей. Не пресёк во-время ухарство.

Гинзбург посмотрел на Токмакова так, словно увидел его впервые.

— А почему вы не работаете во время дождя на земле? Почему вы теряете время?

Токмаков не понял вопроса.

— А как же я мог монтировать на земле? Ведь проект не рассматривался!

— Вы показывали его Дерябину?

— Да. Но у него нет прав главного инженера. Да и нет желания за что-нибудь отвечать.

— А если бы главного инженера не вернули из командировки? Если бы меня задержали в министерстве? Если бы, в конце концов, самолёт разбился? Вы продолжали бы ждать? Я не понимаю: эта идея — для учебников или для сегодняшнего дня? Или вы думаете, что «свечу» достаточно поднять на «Трибуну опыта» в «Каменогорском рабочем», а выше — уже не под силу?

— Простите, Григорий Наумович. Но я же не мог без разрешения нарушать принятую технологию монтажа.

— Кто вам сказал, что надо самостийничать? Не на одном главном инженере свет клином сошёлся. Есть у меня заместитель. Есть Дымов. Есть обком партии, наконец. Съездили бы с Терновым в горком, в обком, там есть знающие инженеры, отдел строительства. Добиваться нужно, когда считаешь себя правым, нужно уметь не только составлять проекты, но и отстаивать их. А вы думаете, репутация хорошего инженера покоится только на кальке? — Гинзбург ткнул трубкой в чертёж. — Репутация хорошего инженера, даже если он уже известен и заслужил награды или лауреатские медали, утверждается всей его дальнейшей практической и общественной деятельностью, его смелостью, не эпизодической, но стойкой и всё более растущей, его постоянной готовностью дерзать и добиваться осуществления своих идей.

Он замолчал, разжёл потухшую трубку, пососал её и продолжал:

— А вы примирились с неопределённым решением Дерябина, спрятали чертежи в ящик и даже не проверили точности расчётов.

— Я проверял. Я переделал многое заново. И не я один.

— Точно, — подтвердил Матвейч, виновато почёсывая лысину.

— Значит, плохо проверяли. У вас здесь есть ошибки, непростительные для человека, имеющего диплом инженера.

— У меня нет диплома,— пробурчал Токмаков, косясь на Матвеича.
 — Значит нужно защитить его! Нужно найти время окончить институт и подтвердить своё звание инженера. Все мы привыкли оправдывать себя недостатком времени, — тяжело вздохнул Гинзбург, — а в результате диссертации пишут и учёные степени получают люди, знающие дело меньше нас с вами.

Гинзбург углубился в расчёты. Брови у него были подняты, а верхние веки тяжело лежали на глазах, отчего всё лицо выражало крайнюю усталость. Он молча шевелил губами, подсчитывая что-то в уме. Взяв карандаш, он долго что-то чертил, высчитывал и, наконец, сказал:

— Подыдем «свечку» сразу с «канделябрами». Но запас прочности этого троса,— Гинзбург снова ткнул трубкой в чертёж,— мал. Нагрузка на кран высчитана неверно. Груз весит тридцать пять тонн, а будет такой момент при подъёме, когда усилие башенного крана составит сорок тонн. Здесь у вас ошибка, грубая ошибка. Ошибки тоже бывают разные — бывают ошибки талантливые и ошибки бесталанные. А всё остальное у вас верно.

Гинзбург встал, и Матвеич поспешил снять с крючка непросохший плащ.

— Спасибо, Пётр Матвеевич, — сказал Гинзбург, влезая в плащ. — Вы можете сегодня же начинать монтаж. Эти ночные бдения надо прекратить.

— Мы дежурируем по решению партгруппы, — сказал Токмаков. — Из-за дождей.

— Надо работать нормально и нормально спать. А на дожди мы управу найдём. Заготовьте схемы и чертежи, я подпишу. — И уже на пороге, прислушиваясь к дождю и не спеша выходить, Гинзбург улыбнулся: — Придётся мне тоже утяжелить свою ответственность... Перед министерством. А шуметь о подъёме пока не будем. Сперва сделаем, а потом можете давать интервью корреспондентам.

Когда Гинзбург вышел, Матвеич, уставший от долгого молчания, быстро заговорил:

— Выгорело наше дело, Константию Максимыч. Дерябин всё бубнил — Хитромез не разрешит, Хитромез. А Хитромез-то — не закон божий.

— Не Хитромез, а Гипромез, — оборвал его Токмаков. — А учиться всё равно надо. Ты погоди, старый. я тебя ещё заставлю диссертацию защищать. Я тебе не позволю недосучкой остаться! А то придётся проекты сочинять, а тебя носом ткнут и скажут: таланта в тебе нет, даже ошибки, и те бездарные.

— Это ты прав, Константию Максимыч, — притворно вздохнул Матвеич. — Я вот думал без эллипсов жизнь прожить. Натощак. А оно не вышло. И тебе не выйдет натощак. Без учёного звания. Вот оно как!

— Неблагодарный ты человек, Матвеич, — покачал головой Токмаков. — Пока я на твои «эллипсы» время трачу, я бы на четвёртый курс перешёл. Вот кончим домну, уедешь ты куда-нибудь подальше, а я тут осяду. Буду работать с семи до четырёх. А после четырёх — целый день у меня в кармане. Быстро диплом добуду.

— Куда тебе, Максимыч! Ты, если в Каменогорске осядешь, помняи моё слово... Застропит тебя какая-нибудь Клаша или Дуныша мёртвым узлом. Пойдут пелёнки, распанонки — вот тебе и весь диплом! Нет, ты уж нас, верхолазов, не бросай. С нами скорее диплом получишь...

Они подняли воротники, нахлобучили кепки и вышли из конторки в слякотную ночь.

Молоток, который только что сотряснулся от напора сжатого воздуха, замер. Карпухин отнял молоток и долго смотрел на вишневую голловку вновь рождённой заклёпки. Неслыханной, невероятной показалась ему тишина.

Последняя заклёпка!

Подручный сейчас бросит клещи и закурит. Нагревальщица может погасить и разобрать горно, покроются пеплом кусочки кокса, посинеют, остынут навечно заклёпки, которым не нашлось места на этом каупере.

Карпухин прислушался — Баграт на соседнем каупере продолжал клепать. И его молоток грохотал уже на самом куполе, не сегодня-завтра и он закончит работу, Катя тоже погасит горно.

Карпухин крикнул «Шабаш!», вылез из люльки и медленно спустился по монтажной лесенке на землю.

Из каупера вышли подручный и нагревальщица. Карпухин поздравил свою бригаду с благополучным окончанием клёпки и собрался на обед. Он снова посмотрел на люльку Баграта. Карпухин не прочь был отметить это событие в обществе своего ученика, посидеть с ним в столовой, выпить стопку-другую, как и положено в такой день. Но Баграт вниз не торопился. Да и что его ждать, если в конторке работает его жена, обедают они теперь всегда вдвоём и для мужской компании он — человек пропащий.

Карпухин одиноко побрёл в столовую. Он нашёл себе компанию — каменщика, с которым уже много лет встречался на домнах. На днях тот прилетел в Каменогорск из Макеевки. Каменщик в вечных странствиях тоже состарился и поседел — волосы его, жёсткие, стриженные ёжиком, казалось, были припорошены мелом, как и вся одежда.

— С последней заклёпкой тебя! — каменщик поднял стопку и чокнулся с Карпухиным.

— Дай бог не последнюю! — подхватил Карпухин.

Оба с аппетитом выпили, закусили чёрными корочками с горчицей. Карпухин налил по второй. Каменщик спросил:

— На покой?

— В отпуск. Законный.

— Повезло тебе. Дома живёшь. Старуха под боком. А наше дело перелётное. Месяц, от силы полгора, в одном климате живём.

— Так ведь и моё такое дело. — подмигнул Карпухин. — Вот отпуск с Василисой отгуляю, на новую домну подамся с Вадимом.

— Ну, будем радёхоньки! — крикнул каменщик.

— Дай бог не последнюю! — живо откликнулся Карпухин.

Каменщик выпил, вытер рукой рот и с усмешкой сказал:

— Слышал я, Захар Захарыч, что бог дал тебе последнюю. Кончилась твоя клёпка.

— Это у кого же на такую глупость ума хватило?

— У кого бы ни хватило, а клёпка — дело отсталое. Наукой доказано. По одной заклёпке всю домну сшивать — разве по нашему времени дело? Теперь сварка в моде.

— Это ещё бабушка надвое сказала, — прогремел на всю столовую Карпухин. — Клёпка — штучная работа, она всегда надёжнее. А сварной шов — дело тёмное. А вдруг он неправильный, где концы найдёшь?

— Шереметьев говорит, ихнего брата теперь радиом контролируют.

— Радиом, радиом!.. Видел я этих радистов. Пузырёк с какими-то лучами таскают. А вот мне никакие лучи не нужны. Палец к заклёпке приложу — всё слышу.

— Так-то сно так, а всё же тебя Шереметьев на зады гонит. Вон в Кривом Роге дому тоже будут варить. Давай, Захар Захарыч, по старой дружбе я тебе свою кельму подарю. Подучу тебя маленько — будешь знатный каменщик. Моё дело вечное.

— Вечное, да не бесконечное, — разозлился Карпухин. — На заводах теперь дома чуть не целыми этажами отливают. Про крупные блоки слышал? А у вас — по кирпичику. И до вас доберутся. Тоже мне — кельму предлагает!..

Карпухин встал, с шумом отодвинул стул и оглянулся, за какой бы столик пересесть.

Столовая полна, обед в разгаре. Вадима не видать, работает, наверно. В дальнем углу Баграт с Таней. И к ним не присоседишься, места нет, там прораб и этот мальчишка, Берестова сын. Только Катки там нехватает, носит её где-то по телефонам, извелась по своему рыжему, всех врачей в больнице замучила...

Карпухин не стал обедать и вышел из столовой, едва не столкнувшись в дверях с Катей.

— Гипс сняли! — крикнула Катя на ходу, поправляя перед тем как войти в столовую гладкие чёрные волосы, зачёсанные назад, так что уши оставались открытыми.

— Какой там ещё гипс?! — пробурчал Карпухин, но Катя уже пронеслась мимо, спеша поделиться свсёй радостью с Баграмом и Таней.

Карпухин прошёл к кауперу, мрачно уселся у подножья и стал перетирать, смазывать свой клепальный молоток.

Карпухин и не заметил, как подошёл Дымов, наверно потому, что на этот раз Дымов был без свиты.

— Ну что, Захар Захарыч? — Дымов положил тяжёлую руку на плечо поднявшемуся Карпухину. — Все заклёпки выклепали?

— На этой домне все, товарищ начальник. Теперь на другую поеду.

— На другую? Куда же это?

— Куда все поедут, туда и я. В Североуральск, что ли. Где дому будут новую ставить.

— Дому ставить будут. Только тебе на ней, Захар Захарыч, что делать?

— То есть как это что? — Карпухин отступил на шаг от Дымова. — Решили выгнать меня, старика?

— Дому будут ставить опять сварную.

— Ну и что же! А каупера?

— В том-то и дело, Захар Захарыч... Каупера тоже ставят сварные.

— Почему же это вдруг? Вот эта домна — сварная! А всё-таки мы, глухари, подняли каупера! Рекорды ставим! Заработали «Уралстрою» славу на весь Союз. Министр меня с лекциями посылал, а ты меня выгоняешь!

— Ты не пегушись, Захар Захарыч. За славу тебе спасибо скажем ещё не раз, а каупера в Каменогорске клепали в последний раз. И то — лишь потому, что конструкции были заготовлены впрок под клёпку.

Карпухин ссутулился, усы как-то беспомощно обвисли, он оглянулся, словно искал на что бы присесть.

Дымову стало жалко старика.

— Не журишь, Захар Захарыч! Мы с тобой ещё поработаем. Или не хочешь со мной работать?

— Я разве говорю, что ты плохой? Начальник ты хороший. А с домн меня гонишь.

— Другие объекты есть. На рудообогатительной фабрике клёпки богато. На эстакаде.

— Знаю ту эстакаду. На ней только сидеть и моржей на удочку ловить!

— На разливочных машинах, — продолжал Дымов. — Виадук будем строить за рудодробилкой. Потом на мартене. Рано ещё клепку в архив сдавать! Нам ещё на других объектах клепать и клепать...

— Я всю жизнь на домнах, и мне иначе никак нельзя, — упрямылся Карпухин.

— Значит, не хочешь со мной в Каменогорске остаться?

— Правду говорить?

— Конечно!

— Не хочу.

— Я тебя задерживать не собираюсь! — Дымов ушёл. Карпухин невесело смотрел вслед, пока Дымов не скрылся за «свечой», возле которой хлопотала бригада Вадима.

Карпухин пошёл было к домне, но остановился, не дойдя до того места, где монтировали «свечу». Там в окружении монтажников и сварщиков стоял Дымов. Карпухин обошёл их стороной.

Он окликнул какого-то каменщика, тот только что вылез из каупера и был с ног до головы обсыпан палевой кирпичной пылью.

— Ты откуда прилетел к нам, орёл? — спросил Карпухин.

— Из Тагила.

— Домну там варили?

— Клепали.

— Та-ак... А каупера?

— Тоже клепали.

— Больше вопросов нет, — Карпухин повеселел и свернул к столовой, решив всё же пообедать...

Но беспокойство не покидало Карпухина. Невесело поглядывал он на свой каупер, уходя домой, невесело брёл от трамвая к своей Кандыбиной балке.

— А ты, никак, старый, опять лишнего хватил? — сразу угадала Василиса.

— Твоё дело — цыц!

— И чего это ты выпивать стал в последнее время? Только получку переводить без причины.

— На всё есть причина. Это только Христос родился без причины.

— Тьфу, болтун старый.

Василиса хлопнула дверью и пошла собирать ужин.

За ужином Карпухин придирался к Василисе — не так табуреткой двинула, яичница недосолена, мухи на свет налетели.

Пришёл Вадим, усталый, голодный и, не снимая спецовки, уселся за стол.

— Всё торопишься! — ворчал Карпухин. — Всё некогда. Всё боишься, Шереметьев тебе пятки зажарит...

Вадим примирительно сказал:

— А вас поздравить надо, Захар Захарыч. С последней заклёпочкой!

— Я тебе дам последнюю! — вскипел вдруг Карпухин. — Совсем, думаешь, израсходовался Карпухин? Меня сегодня сам Дымов агитировал! Новую домну клепать звал.

— Интересно, где это ещё домну клепать собираются?

— Где бы ни собирались, а без моего молотка дело не обойдётся.

Вадим промолчал, он спешил отужинать и вернуться на работу.

— Опять на всю ночь собрался? — не унимался Карпухин. — Без обеда работаешь! Без отдыха! Всё твой Токмаков мудрит. Всё у него не

по-людски. То в бурю работают, то по ночам. Где же это слыхано — ночью на верхотуру лезть? Один сорвался — мало ему?

Вадим встал. В серых глазах его появился холодный блеск, кровь бросилась в лицо, только лоб оставался белым.

— Услыхали бы наши монтажники, ух, досталось бы вам, Захар Захарыч. За таким прорабом я на край света поеду. Он людей на ноги ставит, он меня в партию рекомендовал.

— А вырастил тебя кто? Токмаков? Забыл, кто тебя на домну рекомендовал? За штаны мои держался, на шаг боялся от меня отойти. А кто Баграта вырастил? Карпухин. Кто молодым первый наставник? А теперь вам не нужен Карпухин! Побоку его...

Вадим знал, что, когда Карпухин сердится, он рад наговорить неприятностей и даже бравирует своей колючей откровенностью.

— Зря вы, Захар Захарыч, обижаетесь, — сдержанно сказал Вадим. — Радоваться надо, что мы, а не какая-нибудь хвалёная Америка, варим первую в мире домну. Техника шагает вперёд, а вы за старое держитесь.

— Слава тебе господи! — обрадовалась Василиса. — Хоть дома проживёт на старости лет.

— Да что вы ко мне все привязались сегодня! — Карпухин принялся сердито отгонять мух. — Хватит ещё клёпки на мой век. Рано меня в архив сдавать...

Как все несловоохотливые люди, вынужденные к большому разговору, Вадим был полон невысказанных мыслей и возбуждён. Он ушёл расстроенный, понимая, как сильно встревожен Карпухин своим будущим. А Вадим мог бы его утешить. Нужно было только сказать, что ему очень тоскливо будет ездить по стройкам без старика.

25

Монтажники закончили сборку «свечи» и «подсвечников» на земле, натянули тент, и под этой парусиновой кровлей, наперекор дождям, зажглись зарницы сварки. Шереметьев, Фоминых и ещё несколько человек сваривали тяжеловес, на них с завистью поглядывали все, кого прогнал сверху дождь и кому не было работы на земле.

«Свеча» с двумя «подсвечниками» — грандиозное сооружение. Два патрубка-газоотвода сложной конфигурации сходятся вверх под углом в одну толстую трубу. «Подсвечники» образуют причудливую арку, настолько проторную, что под ней могли бы разехаться поезда. Это сооружение, весом около тридцати пяти тонн, предстояло поднять на высоту пятнадцати этажей.

Укрупнение «свечи» на земле позволяло вместо трёх подъёмов сделать всего-навсего один, правда очень ответственный и трудный. Зато не придётся обстраивать все три элемента подмостями для того, чтобы там, на высоте, в сложнейших условиях вести монтаж и сварку.

Токмаков собрал своих монтажников и подробно изложил им план подъёма. Все сидели на «свече». Пункт за пунктом монтажники обсуждали план, делали свои замечания. Тут же сидел Гладких и, положив папку на колени, выводил на чистом листе бумаги: «Протокол производственного совещания монтажного участка № 3...» Он перечислил всех присутствующих, написал — «председатель, — подумал и вписал, — Токмаков, секретарь — Гладких», разграфил лист надвое и озаглавил обе графы: «Слушали» и «Постановили»...

Токмаков хотел, чтобы каждый высказал своё мнение о плане подъёма.

Машинист крана сказал:

— Главное, чтобы всё было в ажуре. А то начнётся — этого нету и того нема. Знаю я такой монтаж: Ванька дома — Гришки нет, Гришка дома — Ваньки нет... А кран — он за себя ответит.

Вадим сделал несколько дельных замечаний, из которых видно было, что план ясен ему во всех, самых тонких подробностях.

Борис был огорчён тем, что не может, как все, высказаться по существу. Он старался походить на старого воздушного волка — на нём монтажный пояс, рукавицы сшитыми кожаными ладонями. Но где ему разобраться во всех этих тонкостях, связанных с блоками, лебёдками, полиспастами?

«Опять Константин Максимович внимательно на меня смотрит. Ждёт, чтобы я выступил?»

Но Борис ошибался. Токмаков часто смотрел на него, потому что искал в нём черты Маши.

Токмаков озабоченно глянул на небо: «Хорошо бы, завтра ветра не было».

Облака с резко очерченными краями, похожие на льдины, медленно плыли в вымытом небе, особенно ярком после пасмурных дней.

Матвей всё время молчал. Он углубился в чертежи и схемы, которые взял у Токмакова. Токмаков смотрел на него с усмешкой, но Матвей чертёжи уже не смущали. Вдруг он сказал:

— В общем, всё в аккурате сделано. Одобряю. Подсчитали не хуже... он запнулся, — Гипромеза. Можно начинать строповку. Чтобы только без ветра. — Матвей пристально всмотрелся в небо, силясь угадать, какая погода будет завтра. — А руки всё сделают.

Матвей уселся на «свечу», рядом с тем местом, где была проведена белая вертикальная черта и написано мелом: «Здесь пройдёт трос. Токм.»...

Трос уже тянулся вдоль «свечи». Один погонный метр такого троса весит полпуда, и когда трос нужно завести на место, такелажникам помогает кран.

Каждый, кто брал слово, и все, кто слушал, то и дело поглядывали на верхушку домны, пытаясь представить себе будущий маршрут «свечи».

Только Хаенко был невнимателен. Он всё время вертелся и кланчал то у соседа слева, то у соседа справа:

— Не будь гадом, дай десятку. Прямо потеха! С утра без корма. Факт! Ну, до полочки...

По лицу Хаенко блуждала улыбка. Светлоголубые глаза его, обрамлённые белыми ресницами, смотрели простодушно.

— Тише ты, трутень безмедовый, — прикрикнул Матвей. — Не мешай!

Бесфамильных хмурил несуществующие брови и держался так, будто от него одного зависело — принять или не принять план организации работ...

— Для того поворота можно и Хаенко с его лебёдкой приспособить, — несмело предложил «Иван-да-Марья».

— Ну, куда ты суешь хаенковскую лебёдку? — оборвал его Бесфамильных. — У нас есть посерьёзней механизмы. Соображать надо!

— Эх ты, голова и два уха... — обрадовался Хаенко. — Зачем же голова дана в твоё распоряжение? Кепку носить? Разве это правильно?

— Отстань от меня! — отмахнулся «Иван-да-Марья».

— Так и я говорю, что неправильно!.. — невозмутимо продолжал Хаенко. — Если ты не будешь соображать на работе, как ты тогда ликвидируешь противоположность между своим физическим и умственным трудом?

Бесфамильных дослушал, еле сдерживаясь.

— А ну, Хаенко, дыхни! Что-то ты сегодня разболтался!

— А ты меня поил?— сквозь зубы процедил Хаенко, но рта, на всякий случай, не раскрыл и отодвинулся. — У меня свой бригадир есть. Ишь, контролёр какой нашёлся!..

У Хаенко были свои счёты с Бесфамильных.

Бесфамильных приехал с золотых приисков, где работал кайлом, пробивал шурф на руднике. Но прииск оскудел, его закрыли, и Бесфамильных, недолго думая, подался в Каменогорск, благо, это было по соседству. Бесфамильных и не сомневался, что сумеет отлично заработать на стройке — это с его-то силой! Но, приехав на стройку, он растерялся. Нигде не было особой нужды в силачах. Всю тяжёлую работу выполняли механизмы, а люди только направляли поток материалов и грузов: лебёдки выгружали рельсы с платформ, на лифте ехали наверх баллоны с кислородом, бежал по транспортёру кирпич... В одном месте кирпич нужно было переносить от транспортёра к подъёмнику, но расстояние было такое маленькое, что не стоило даже прибегать к помощи тачек, и женщины переносили кирпич на руках. Эта работа тоже была не для могучего рудокопа.

Бесфамильных рассказал Токмакову про своего отца. Тоже богатырь был, или по-местному сказать — усёлок. Якоря ковал для барж, а якоря те — по восемнадцати пудов весом.

Токмаков определил Бесфамильных в бригаду Пасечника, в подручные к Хаенко. Тот очень обрадовался, что сможет командовать таким богатырём. С тех пор Хаенко лебёдку уже не крутил, а только для видимости держался за ручку.

Но та лебёдка была последней ручной лебёдкой на стройке домны.

Хаенко перевели на электрическую лебёдку, а Бесфамильных стал верхолазом-монтажником. Хаенко, задетый быстрым продвижением своего подручного, вечно препирался с Бесфамильных, твердя, что верхолаз для лебёдчика не начальство. Но Пасечник Десяткину — он иначе не называл Хаенко — воли не давал. Когда Токмаков назначил Бесфамильных бригадиром на место Пасечника. Хаенко попал под начало к своему бывшему подручному. Он, конечно, подчинялся ему, но с таким видом, словно делал личное одолжение. Бесфамильных упросил Вадима взять Хаенко к себе в бригаду. Вадиму тоже не улыбалось возиться с ним, но он взял его как давнего товарища по беспризорной жизни в годы войны. И Хаенко пользовался теперь любым поводом, чтобы досадить своему бывшему подручному.

Бесфамильных трудно приходилось на месте такого авторитетного бригадира, как Пасечник. Сегодня, перед ответственным подъёмом, он почувствовал это особенно остро. А тут ещё Хаенко баламутит, портит всю картину...

Когда все монтажники высказались, Токмаков спросил:

— Больше вопросов нет?

— У меня есть, — сказал Гладких. — Все прения я тут зафиксировал. А как же сформулируем решение?

— Пиши, — Токмаков ткнул пальцем в протокол: — «свечу» поднять, писанину прекратить.

Гладких огорчённо произнёс:

— Зря пренебрегаете формальной стороной дела. Все предложения я внёс в протокол. Теперь необходимо сделать вывод.

— А я предлагаю записать такой вывод, — решительно встал Вадим: — Подъём «свечи» начать с рассвета.

— Правильно, Вадим!

— Полностью надо использовать день.
— И на площадке утром просторнее.
— К пяти утра выйдем. — предложил Бесфамильных.
— А на чём прикажешь в такую рань добираться? — забеспокоился Хаенко. — Топтобус номер одиннадцать? На своих на двоих? А потом целый день работа?

— Попрошу, товарищ Хаенко, шуметь потише, — Гладких постучал карандашом по «свече».

— Не спеши, Хаенко! — поднял руку Вадим. — Попрошим у прораба подать полуторку к общежитию.

— Машина будет, — обещал Токмаков. — Надо только договориться ещё насчёт завтрака.

— Вопрос питания я обеспечу, — вызвался Гладких. — Значит так и сформулируем: товарищу Гладких утрясти со столовой вопрос о досрочном завтраке...

Токмаков устроил перекур, и все задымили, сидя на той же «свече».

— Кому московский «Казбек» фабрики «Ява»? — предложил «Иван-да-Марья».

— Марья привезла? — живо откликнулся Хаенко, запуская руку в коробку.

Другие, однако, предпочли махорку. Кусок старой газеты был сорван на цыгарки.

Борис, единственный некурящий среди верхолазов, прочитал на уцелевшем уголке газеты:

— Сегодня в театрах.

«Вот бы с Машей по московским театрам походить», — замечтался Токмаков.

Борис продолжал читать:

— Государственный Большой театр — «Золушка», филиал Большого театра — «Проданная невеста»...

— Эту постановку недавно по радио передавали, — перебил Бесфамильных.

— Государственный Малый театр — «Стакан воды», филиал Малого театра — «Правда хорошо, а счастье лучше». Театр имени Вахтангова — «Макар Дубрава»...

— Эту постановку мы тоже по радио слушали. Из шахтёрской жизни...

— Художественный театр — «Анна Каренина», филиал Художественного театра — «Глубокая разведка»...

— В Художественном театре чайка на занавесе вышита, — сказал «Иван-да-Марья» несмело. — В честь пьесы писателя Чехова.

— А ты, Невьянцев, откуда знаешь? — спросил Токмаков. — Был там?

— Я сам не был, — замялся «Иван-да-Марья». — Мне Марья рассказывала.

Все вокруг рассеялись.

— Эх ты, Иван да Марья!.. — крикнул Хаенко. — Позычь по этому случаю десятку...

Жена Ивана Невьянцева Марья была среди строителей знаменитостью. Женская бригада штукатуров Марьи Невьянцевой получила всесоюзную известность. В последнее время Невьянцева много разъезжала. Она была на конгрессе сторонников мира, на пленуме ВЦСПС, на областной партконференции. Из каждой поездки Марья привозила Ивану рубашку, туфли, галстуки или ещё что-нибудь. Все на стройке знали, что это подарки Марьи, и подтрунивали над Иваном. Иван изо всех

сил старался догнать Марью, но это ему не удавалось. Когда он получил шестой разряд, Марья уже была бригадиром. Когда он вступил в комсомол, Марья уже перешла из кандидатов в члены партии. У Ивана не было никакой награды, а Марью наградили орденами Ленина и Знак Почёта. Когда они приехали в Каменогорск, Марье предоставили однокомнатную квартиру со всеми удобствами. А Ивану дали бы, в лучшем случае, комнату. И зарабатывала Марья больше. Иван втайне гордился своей женой, но, опасаясь насмешек, старался не заговаривать о ней при верхолазах...

Токмаков подали сигнал — верхолазы снова взялись за работу.

Токмакову необходимо было передвинуть вспомогательную лебёдку, а на пути её лежала исполинская труба эллиптического сечения, из тех принадлежностей домны, которые язык никак не поворачивается называть деталями.

В обычное время такая задача решается очень просто — нужно вызвать паропутевой кран, и он играючи перенесёт эту трубу в сторону. Но сейчас на пути стоят платформы с огнеупорным кирпичом, транспортёр разгружает кирпич. Нужно подождать минут двадцать.

«Двадцать минут? Обидно! — с досадой подумал Токмаков. — И так с обедом запаздываем. Но ничего не поделаешь. Впрочем, почему это — ничего не поделаешь?»

— А если мы эту трубу оттащим вручную? — спросил Токмаков у Матвенча.

— Вручную?

Вся фигура Матвенча — и поднятые брови, и мелкие морщинки, набежавшие на лоб, и приподнятые плечи выражали крайнюю степень удивления.

— А что особенного? Подумаешь, оттащить трубу. Не терять же двадцать минут!

— В самом деле! — обрадовался Матвенч и почесал лысину. — Сделаем, как дважды два. А то из-за пустяка — простой. Двадцать минут! О чём разговор? Конечно! Сейчас хлопцев кликну. Здорово это ты, Константин Максимыч, догадался. Можно сказать, новатор!

Монтажники собирались к трубе весёлые, оживлённые. Сама возможность размяться перед обедом, поработать физически была очень заманчива. Слышались шутки и смех.

— А почему вручную? — заинтересовался «Иван-да-Марья».

— С сегодняшнего дня введена зарядка перед обедом, — сострил Бесфамильных; с некоторых пор он явно подражал в этом Пасечнику. — А то я заметил, что ты вчера жевал без аппетита...

Хаенко стоял в стороне, заложив руки за спину и делая вид, что к нему призыв Токмакова не имеет никакого отношения.

— А ну, Хаенко, опять зайцем в рай хочешь проехать! — закричал Бесфамильных, подходя к трубе и с хода упираясь в её круглый бок.

Если бы труба была круглой и её можно было перекатывать! Но эта труба под напором десятков рук, плеч и спин едва стронулась со своего места. Что-то явно не ладилось.

«Пожалуй, нужно кому-то командовать». Токмаков неуверенно произнёс:

— Ну, дружно, давайте-ка ещё разок попробуем!

Он не привык командовать, когда работают вручную, и охотно уступил это дело Матвенчу.

— Эх, молодо-зелено! — весело закричал Матвенч. — Собрались здесь — лебедь, рак да щука. Отвыкли вы от настоящего дела.

— А мы и не привыкали, дедушка, — засмеялся Борис. Он тужился изо всех сил, упёршись ладонями в трубу.

Матвейч хотел было обидеться за «дедушку», но посмотрел на Бориса — на его щёки, на первый пушок над верхней губой, на непослушный мальчишеский вихор — и подумал: «А ведь и в самом деле во внуки годится».

— Разве так командуют? — Матвейч взглянул с видом превосходства на Токмакова и Вадима. Он откашлялся и зычным голосом закричал: — А ну-ка, берись!..

— Возьмёмся, товарищи! — подхватил Гладких, с хода наваливаясь всем телом на трубу.

Рядом стоял Бесфамильных. Он с удовольствием подпёр трубу могучим плечом. Наконец-то он дорвался до такого дела, где можно показать свою силу.

— Раз, два, взя-а-али! — закричал Матвейч истошным голосом.

Труба слегка заёрзала на рельсах, которые под неё были подложены.

Раз, два, взя-ли,
Е-щё друж-но,
Под-нять нуж-но!

Важно установить точный и согласный ритм в работе, чтобы люди знали, когда они могут перевести дыхание, а когда им, всем одновременно, следует поднатужиться.

Е-щё ра-аз,
По-да-ла-ась!

В этот момент труба действительно подалась, и Матвейч в азарте продолжал командовать:

Е-щё чу-уть,
Дви-нем в пу-уть!

Труба послушно отползла в сторону, и все отошли от неё, отряхивая ржавчину с курток, с порыжевших рукавиц, возбуждённые, весёлые, какими всегда бывают люди, которым довелось — не в тягость, но из озорства, из удалства, из мужской прихоти — показать свою физическую силу и которые при этом не успели устать.

Бесфамильных заправил за пояс вылезшую рубаху. У него был такой вид, словно он жалеет, что быстро исчезла надобность в его силе.

Когда платформы с огнеупором опустели и были угнаны, а паропутовой кран сумел, наконец, проехать к трубе, крановщица долго и растерянно смотрела на знакомое место: только что здесь, рядом с рельсами, лежала ржавая туша трубы, а теперь на этом месте уже вращается, разматывая трос, электролебёдка.

— А как же труба? — спросила, наконец, крановщица.

— Не хотели терять фактор времени! — важно объяснил Хаенко, хлопотавший у лебёдки.

Крановщица покосилась на электролебёдку и несколько обиженная уехала прочь.

Токмаков распорядился, чтобы «свечу» опутали электрической проводкой. Перед самым подъёмом в патроны ввинтят мощные лампы. Лампы понадобятся монтажникам наверху, эти лампы будут хорошим подспорьем прожектору, установленному на макушке башенного крана.

Борис притащил из конторки большой красный флаг, сшитый Таней Андриасовой.

— Константин Максимович! Разрешите прикрепить флаг к «свече»? Комсомольцы прсят. Как в праздник!

— До праздника ещё далеко, — сказал Токмаков. — А флаг твой пригодится. Видишь, флажок на кране захлестнуло. Будем ветер по твоему флагу определять. Как говаривал Пасечник: «На сводку надейся, а сам не плошай...»

«Добрый вечер, Машенька! — писал Токмаков, сидя в конторке после смены. — Остаётся десять часов до подъёма. Решил с площадки не уходить. Опять будем ночевать с Вадимом и Матвейчем в «свече». Ватник вместо подушки, брезент вместо перины, плащ вместо одеяла. Но эта ночёвка — последняя. Завтра поднимем нашу спальню на пятнадцатый этаж. Ребят своих отправляю по домам, отдыхать. Смотрите, чтобы Борис завтра не опоздал. Машина будет около общежития в четыре утра, до света выедут обратно. Пусть Дарья Дмитриевна не беспокоится насчёт завтрака. Накормлю здесь. Завтрак заказан на половину пятого. Только бы не было ветра. Да благословит нас дымное каменногорское небо! Мне нужно очень многое вам рассказать, но в письме это невозможно — для этого мне нужно видеть ваши глаза. К тому же Борис ждёт. Надеюсь увидиться до того, как забуду всё, что так хочется сейчас вам рассказать. Позвоните завтра днём около четырёх к Тане (коммутатор «Домна», добавочный 41). Спросите, поднята ли «свеча». Ей из конторки будет видно. Если у меня всё будет в порядке — ждите в среду в восемь вечера на трамвайной остановке против главной проходной. За внешний вид заранее, как сказал бы Дерябин, снимаю с себя всякую ответственность. Таня шутит, что от меня скоро останутся только «кожа да Костя», так что, если бы не пирожки Дарьи Дмитриевны, я бы и вовсе отошёл. Если ложитесь спать — желаю спокойной ночи. Борис очень похож на вас. Вначале я этого не замечал, а теперь часто смотрю на него и вижу, что это так. Ваш Костя».

Токмаков вышел из конторки, держа письмо в руке. Он искал Бориса.

В грузовике сидели монтажники, собравшиеся ехать в общежитие.

— Константин Максимович! — Борис подбежал к грузовику. — Разрешите заночевать на площадке. Вместе с вами.

— Это ещё к чему?

— Далеко мне из дому до общежития добираться. Боюсь проспать.

— Нечего тебе на площадке делать. Дома будут волноваться.

— Так я Маше сейчас позвоню. Ещё застану её в питомнике.

Токмаков спрятал письмо в карман.

— Я сам позвоню. А ты отправляйся в общежитие. Устройте его там, Бесфамильных!

— Уложим! — Бесфамильных перегнулся через борт и легко поднял Бориса в кузов. — У нас койка Пасечника пустует...

Грузовик уехал, а Токмаков, тяжело вздохнув, пошёл в конторку к телефону.

Токмаков лёг ногами в глубь трубы, а головой к её краю. Если закинуть голову назад — видны звёзды. Как всегда над площадкой, они очень бледные, обесцвеченные заревом плавок, прожекторами и вспышками электросварки.

Вадим и Матвейч спали рядком, подкошенные усталостью. Вадим заснул мгновенно, а Матвейч, перед тем как заснуть, долго кряхтел, поёртывался с боку на бок и бубнил себе под нос: «Добрые люди спят, только мы, грешники, маемся... Опять мне чертежи сниться будут...»

«Маша уже давно спит», — подумал Токмаков и вспомнил:

Я б увидел тебя во сне,
да бессонница у меня...

И с чего это на него вдруг бессонница напала?

Вот так же бывало и на фронте. Батальон уже спит после марша, никто и ужинать не стал, потому что усталость оказалась сильнее голода. Токмаков обходил все избы, одну за другой, потом проверял посты. Мечтал — только бы добраться до какой-нибудь лежанки и, не снимая мокрых сапог, лечь, укрыться шинелью, кисло пахнущей сукном, положить голову на полевую сумку. Был уверен, что сразу заснёт как убитый, не разбудит и очередь из автомата, пушенная над ухом. Ложился такой измученный, что, казалось, нехватит сил даже на то, чтобы увидеть сон, — и не мог заснуть. То возникала перед глазами хитрая схема немецкой мины с двумя сюрпризами. То слышался крик ездового «н-о-о, не ба-ду-у-уй!» То вдруг загоралась ракета, тревожно озаряя печь, завешанную мокрыми портянками, и бойцов, спящих вповалку на полу...

И сейчас Токмаков долго не мог заснуть, охваченный тревогой, как всегда перед трудной боевой операцией. Может, не сплоти электросварки играют на покато́м потолке и вогнутых стенах трубы, а отсветы ракет? Может, не баллоны с кислородом, а снаряды везут на машинах с красными флажками над шофёрскими кабинами? Может, доносится не дробь пневматического молотка, а пулемётные очереди? Может, не движение машин с цементом, кирпичом, досками слышится на шоссе, а железное гроыхание батарей и танков, которые гонит вперёд горячий ветер наступления?

В эту ночь перед подъёмом у Токмакова возникло такое ощущение, будто он опять участвует в штурме высоты, в большом наступлении, будто он опять прокладывает под огнём дорогу, строит переправы, расчищает завалы на пути огромной армии. И снова, как тогда на войне, дорогу вперёд ему указывает великий полководец и великий прораб пятилеток...

Токмаков встретил рассвет на верхушке домны, куда забрался, чтобы дать указания бригадирам. В последний раз он поглядел сверху на «свечу» с «подсвечниками», — конструкция лежала на земле, перевязанная могучими стальными тросами, как диковинный зверь, попавший в тенёта.

Шереметьев приваривал к «свече» держатель для флага. Рядом стоял Борис, ему не терпелось водрузить флаг на место. Гладких уже ввинтил во все патроны электрические лампочки. Их зажгли для проверки, они были почти бесцветны в сиянии наступающего утра.

На земле Токмакова поджидал Нежданов. Он пришёл после ночного дежурства в редакции и принёс свежий номер газеты. Нежданов зевал, глаза его слипались. Он усердно протирал стёкла очков, как будто этим можно было разогнать сон.

— Я сегодня — свежая голова, — сообщил Нежданов и пояснил: — Так у нас называется дежурный по номеру. Нечего сказать — свежая голова! — Он шумно рассмеялся. — А это, — он показал пальцем на конструкции, — «По следам наших выступлений»?

— «Трибуна опыта!» — вспомнил Токмаков и усмехнулся. — Мне уже из-за тебя главный инженер такую трибуну устроил — всю ночь после этого я себе места не находил. Ты вот что, Андрей Данилыч: газетку оставь, а сам пойдёшь в конторку, успеешь поспать до подъёма.

— Только бы не проспать, Константин Максимыч, — Нежданов зевнул. — А то ведь мне очерк писать.

— Иди, иди, свежая голова. Тут такое начнётся, — сам проснёшься...

— На, держи, — Нежданов отдал газету. — Правда, сигнальный экземпляр не полагается отдавать посторонним. Но ты свой, наш автор-

ский актив. Газетку передай партгруппоргу, пусть почитает вслух. Телеграмма там есть на четвёртой полосе...

Токмаков развернул газету и нашёл телеграмму, о которой говорил Нежданов.

«Бесчинства американских фашистов. Попытка линчевать Поля Робсона», — залпом прочитал Токмаков броские заголовки над телеграммой о событиях в Пикскилле, в сорока одной миле к северу от Нью-Йорка. Сколько Токмаков себя помнил, он не мог спокойно слышать слово «фашист» и сейчас тоже сразу насторожился.

«Свеча» уже висела над самой землёй, приподнятая для выверки тросов. Монтажники толпились вокруг. Токмаков вскарабкался на висющую уже махину — та даже не шелохнулась — и, стоя на скобе «подсвечника», крикнул, сдерживая волнение:

— Внимание, товарищи! Разрешите в порядке политинформации прочесть телеграмму из Америки.

— Просим!

— Читай, прораб!

— Только не шибко... с запятыми!

Токмаков читал в абсолютной тишине, если только подобная тишина возможна на строительной площадке. Лишь Матвейч несколько раз прерывал чтение возгласами: «Вот злыдни!.. Шкуры бессовестные!»...

Кончив читать, Токмаков сказал:

— Сегодня они там разжигают костёр для негров. А завтра думают разжечь войну на всей земле. Не дадим! — Токмаков поднял над головой крепкий кулак. — Мы строители, и мы будем строить! А если наш мирный труд встал им поперёк горла, так они подавятся!.. Вопросы есть?

— Хай они подавятся, прораб!

— Вот злыдни, — Матвейч звучно выругался. — Фашисты — они фашисты и есть.

— Какие тут могут быть вопросы? — рассудительно сказал Вадим. — Всё ясно. Нужно быстрее достроить нашу домну и на новую подаваться...

— И ту, следующую домну, тоже быстрее быстрого подыдем! — подхватил Токмаков.

— Правильно, прораб!

— Мы с тобой, Максимыч, ещё не такие домны отгрохаем, — умилился вдруг Матвейч, помогая Токмакову слезть со «свечи».

Токмаков спрыгнул на землю и отдал приказ всем занять свои места. Гладких проверил, на всех ли есть монтажные пояса.

Бесфамильных с бригадой полез наверх.

Вадим подбежал к лебёдке и пригрозил:

— Ну, смотри, Хаенко!

— Что же, у меня совсем котелок не варит? — вскинул голову Хаенко. — Понимаю, что к чему...

Матвейч побежал о чём-то договариваться с машинистом башенного крана.

Все словно сговорились: распоряжения выполняли только бегом.

На площадке, кроме монтажников, ещё никого не было. Только изнутри домны — стоило подойти к фурменному отверстию — доносился неумолчный звон каменщицких молотков. Там, при свете ламп, заканчивала работу ночная смена десантников. Кладчики огнеупора обтёсывали маленькими кирочками кирпичи. Чудилось цоканье копыт, словно эскадрон гарцевал по булыжной мостовой.

И вот, наконец, Токмаков поднял над головой правую руку и описал указательным пальцем несколько витков штопора.

— В и р а!..

Трепещут от натуги натянутые тросы, подрагивает стрела башенного крана, с усилием вращаются барабаны электролебёдок, всё туже захлёстывают себя петли, всё крепче завязывают себя узлы из тросов. По скрипывают, повизгивают и, кажется, слегка стонут ролики блоков. За блоками, которые испытывают наибольшую нагрузку, наблюдают специально выделенные рабочие, и среди них где-то на верхотуре дежурит Борис, а за другим блоком, над самой землёй, следит Метельский. Лишь бы не отломился бортик у ролика, лишь бы не срезало ролик тросом. Отломится бортик, трос вырвется из своего ложа — ролик тотчас же заест, заклинит.

Приступала к работе утренняя смена, и не было человека из сотен людей, работавших на домне, который время от времени не оглянулся бы на «свечу» — как она там, на сколько поднялась?

Всё сильнее запрокидывают головы люди, следящие за подъёмом с земли. Всё меньше перегибается вниз Баграт, следя за подъёмом из своей люльки у купола каупера. Сварщики нет-нет да откинут свои забрала и обернутся — где-то сейчас «свеча»?

И даже каменщики изредка выползали через шлаковую лётку из домны, чтобы посмотреть, как идёт невиданный подъём.

На наклонном мосту, на площадке лестницы стояли Дымов, Гинзбург и Терновой. Не вмешиваясь в действия Токмакова, они издали следили за подъёмом.

Токмаков дирижировал подъёмом, стоя на штабеле досок, в стороне от башенного крана, так, чтобы и ему было всё видно и чтобы его видели все.

— На будущей стройке обязательно оборудую радиотелефонную связь, — сказал Дымов. — В будке машиниста крана — громкоговорятель. Мастеру по монтажу дам переносный микрофон. И не нужна будет вся эта жестикуляция. Что мы — глухонемые? Заводы радиофицируют, а нам, строителям, сам бог велел. Это при наших-то расстояниях! Обязательно радио мобилизуем!..

От Токмакова к крану и от крана к домне всё время сновал Дерябин. Он появился на площадке к началу подъёма, но некоторое время сидел в конторке, занимаясь другими участками монтажа. Возле Токмакова он очутился тотчас же по приезде начальства. По мере того как «свеча» благополучно подымалась, Дерябин становился всё самоувереннее, и уже звучал на площадке его властный голос. Дерябин суетился, хлопотал, подымался на верхушку домны и снова спускался на землю, бегал в будку к машинисту крана, и можно было подумать, что именно он — душа всего дела.

— Как ты думаешь, Иннокентий Пантелеймоныч, кто из них прораб и кто из них старший прораб? — язвительно спросил Терновой.

— А ты сам не видишь? — насупил Дымов.

— Я вижу. Но почему ты терпишь Дерябина?

— Не мною назначен, не мне его и снимать. Тем более, что через месяц мы всё равно с ним расстанемся. Была без радости любовь, разлука будет без печали...

— А Дерябина вернут в главк или назначат на другую стройку? Да ещё, может быть, наградят за компанию с тобой?

— Наградные листы мимо тебя не пройдут. Вот ты тогда и выскажешься.

— Я выскажусь раньше. И всё же опоздаю. Потому что рабочие уже сказали своё мнение о нём.

— Ну, что же, ты парторг ЦК, тебе и карты в руки. Вот ты и сообщи мнение рабочих в министерство. А я тебя всегда поддержу.

— А сам ссориться с министерством не хочешь?

— Я не вижу серьёзного повода. Пользы от Дерябина мало, но и вреда он не принёс.

— Ты так думаешь? — Терновой гневно постучал своей клюшкой по железной площадке лестницы. — У нас на стройках давно нет таких хозяйственников, которые только тем и занимаются, что ставят палки в колёса. Я знаю, Дерябин тоже не прочь прослыть новатором, только чтоб без риска. А дерзать он не станет. Никогда. И другим не даст, если это связано с риском для него самого. Вот поэтому-то и опасно доверять Дерябину руководство. Для него важнее всего на свете — служебное положение. Откуда берётся у иных людей боязнь ответственности? От боязни утратить своё благополучие. Когда человек занимает место не по праву, он всегда боится с него слететь.

— Это называется неустойчивым равновесием, — вставил Гинзбург. — Когда центр тяжести тела выше точки опоры.

— А Дерябин пытается всю жизнь прожить в таком положении. Он балансирует на ответственных должностях. И только мешает своим подчинённым. Не даёт им развернуться.

— Куда же по-твоему Дерябина девать? — с раздражением спросил Дымов.

— К Токмакову в помощники. Смотри, как он управляет таким сложным подъёмом, какое смелое дело провёл. Разве можно его от домен отлучать? Даже не хочется думать, что такой орёл позволил себе крылья обрезать.

Дымов понял намёк Тернового, но молчал.

— Ты уже дал ход его заявлению?

— В Москву отправил. И сам поддержал, — сказал Дымов с досадой.

— Хочешь такого монтажника дисквалифицировать! Разве это в интересах государства?

— Моя ошибка, — признался Дымов так решительно, что Терновой удивлённо на него посмотрел. — Конечно, Токмаков нужен на следующей домне.

— Я тоже убедился, что Токмаков — способный монтажник, — сказал Гинзбург. — Но ему надо сперва доучиться. Пора уже от каждого прораба требовать диплом.

— Ну вот, Токмаков в Каменогорске и доучится, — обрадовался Дымов.

Терновой недовольно посмотрел на Гинзбурга:

— А тему своей диссертации ты ещё не забыл, Григорий Наумович?

— Деформация пластических тел, — мрачно ответил Гинзбург. — Когда-нибудь тебе назло напишу.

— Может, не будем ждать, пока напишешь? Устроим сейчас защиту прямо здесь, на наклонном мосту. Устно нам доложишь...

— Давно пора, Григорий Наумович, — серьёзно сказал Дымов. — У людей академики главными инженерами, а на «Уралстрое», у Дымова — без степени... Давно тебе пора остепениться! Я подберу оппонентов поговорчивее. Чтоб без волокиты... А где Нежданов? — вспомнил вдруг Дымов. — Почему я не вижу Нежданова? Как ругать нас — он тут как тут! А сегодня его нет...

— Здесь Нежданов, — Терновой показал на купол каупера, где восседали Нежданов и Флягин. — Даже фотографа затащил. Им оттуда виднее, чем нам. Ложа прессы!

Нежданов сидел на куполе ближнего каупера с блокнотом, низко напялив свою бурую шляпу, пропылённую всеми песками и цементом всех марок. Он мучительно работал над образом, он подбирал наиболее выразительное сравнение для своего будущего очерка о подъёме «свечи» с «подсвечниками».

«На что же эта бандура похожа? На ухват без ручки!.. Нет, мелко-вато... Гигантский!.. Не спасёт. А без образа до читателя не дойдёт. Зрительное представление нужно дать». Нежданов писал, зачёркивал, снова писал и, наконец, обрадованный, спросил Флягина:

— Как ты думаешь? Похож этот тяжеловес на железные штаны великана?.. Только кривоногого, — поспешил оправдаться Нежданов, заметив испуг Флягина. — Как думаешь — пройдёт?

— Вырубят, — убеждённо сказал Флягин. — Давай-ка лучше спустимся вниз.

— А как же ты без облаков?

Флаг на верхушке «свечи» был неподвижен — ни дуновенья ветерка, небо чистое, а Флягину совершенно необходимо было хотя бы одно-единственное облачко для пятна, это облачко придало бы снимку ощущение высоты.

— Чёрт с ним, впечатают. У меня облака в запасе есть.

Нежданов озабоченно взглянул на часы и записал: «12 часов 35 минут, высота 55 метров». Он кивнул Флягину и полез вниз.

Наконец «свеча» достигла наивысшей точки подъёма, и её начали заводить на место. Лёгкий порыв ветра коснулся флага и начал полоскать его в воздухе, как в прозрачной голубой воде.

Токмаков забеспокоился и подозвал Матвеича:

— Становись здесь. А я полезу наверх. Как бы ветерок не разыгрался...

Только на исходе дня Токмаков и его товарищи сошли на землю. Токмаков, как вожак, шёл впереди. За ним шли в ногу бригады Вадима, Бесфамильных. Кончалась смена, и другие строители охотно пристраивались на ходу к монтажникам, отдавая им дань уважения. Праздник монтажников стал общим праздником, и люди согласно шагали за идущими впереди. Наверху, на поднятой «свече», колыхался флаг, видный всем на стройке.

На щите-календаре, в прорезном окошке между словами «осталосьдней» стояла цифра «31». Тут же сбоку был прибит очередной выпуск популярного среди строителей раёшника «Ведёт разговор бетонщик Егор».

— «Токмаковцам», — прочёл кто-то вслух:

Победно вы стоите у финала,
Смогли в работе дружно приналець.
Хотя вы сил затратили немало,
Но и «игра», конечно, стоит «свеч»!

Токмаков и его монтажники стояли у щита, с удовольствием перечитывая поздравление «бетонщика Егора».

— Э-эх! Так и есть! Подняли гибрид!

Токмаков узнал по голосу Медовца и обернулся.

— Подняли! — Токмаков весело показал глазами на верхушку домны. — А к чему такое грустное «эх»?

Медовец ещё не успел отдышаться. Он с трудом произнёс:

— Подвели!

Он махнул ручищей и побежал к конторке, оставив в недоумении монтажников: это был первый человек, который не выразил радости по поводу их сегодняшней победы.

28

Сегодня с утра Медовец объехал подсобные предприятия, а затем, не заезжая на домну, направился в диспетчерскую. Поскольку сам Дымов проводил столько времени на домне, он распорядился, чтобы Медовец домной не занимался, а всё внимание обратил на другие участки.

Медовца всегда, а особенно сегодня, волновал вопрос о цементе, который поступал с перебойями. Цемент приходилось расходовать очень расчётливо, чтобы нигде не остановились бегонные работы.

Дежурный диспетчер доложил, что вчера на площадку к прорабу Матюшину выгрузили цемент на его долю и на долю соседа, а Матюшин взял да и израсходовал чужой цемент.

— Поставили волка ягнят сторсжить! — заорал Медовец. — Да его хлебом не корми, а только цементом, этого Матюшина. Обмен веществ в организме нарушаете!..

— Они же такие друзья, — оправдывался дежурный диспетчер, растерянно пожимая плечами. — Их водой не разольёшь.

— Вот-вот! Когда дерутся. Когда из-за цемента ссорятся. Чуете? Алло! Вот тогда их действительно водой не разольёшь!..

Затем Медовец крупно поговорил с каким-то субподрядчиком, которого называл за глаза «субчиком».

— Приказ есть приказ, — кричал Медовец. — Я на войне не был, но понимаю, что такое приказ. А не называйте это своим приказом! Назовите — пожелание. Или — рекомендация. Или — совет моим мастерам. Два паровоза я вам пришлю. Алло! Чуете? И начните немедленно погрузку. Рабочих? Да вы что, смеётесь? Три транспортёра у него и ещё — рабочих! Может, вам ещё поясок для брюк прислать?..

Всё время в этой комнате звучат голоса — басы, баритоны, тенора, то исполненные спокойного достоинства, то срывающиеся от волнения, звонкие и ошипшие от крика, распекающие и оправдывающиеся, озабоченные до испуга и невозмутимо равнодушные. Медовец безошибочно узнаёт прорабов по голосам.

Медовцу не нужно во время переговоров держать в руке телефонную трубку. Он говорит в микрофон и одновременно делает нужные записи.

Когда Медовец пытается убедить в чём-то несговорчивого собеседника, то весь пригибается к микрофону, а когда собеседник возражает, Медовец в ужасе отшатывается от микрофона. Так он всегда делает и при неприятных известиях, словно хочет быть подальше от самого их источника.

Весь день и всю ночь звенят незасыпающие телефоны в диспетчерской. Сюда тянутся нити со всех участков строительства.

Голубоглазая девушка, оператор, даёт любые справки, она осведомлена обо всём.

Да, ветер сегодня юго-западный, силой в три балла. Температура воздуха 28 градусов по Цельсию. На северный товарный пост подан состав цемента и к нему прицеплено два вагона арбузов. Между правым берегом и трестом сегодня курсируют четыре служебных автобуса. Балансиры для домны идут с Уралмашзавода большой скоростью, в четыре утра платформа отправлена со станции Свердловск-товарная. Да, на колошник доставлена холодная газированная вода. Нет, ночью

башенный кран работать не будет — технический осмотр. Прилетела новая группа каменщиков из Жданова...

С первого взгляда диспетчерская очень походит на радиостудию. Стены обиты материей, собранной в складки, потолок затянут той же материей. Мягкие диваны, мягкие кресла. Во весь пол разостлан мягкий ковёр, глушащий шаги и голоса всех, кроме голоса Медовца.

Посредине комнаты стоит стол, на котором смонтирован радиотелефонный узел на пятьдесят точек. Специальный диспетчерский коммутатор, усилительная установка, радиорепродукторы — хорошие помощники Медовца, его диспетчеров и оператора. Диспетчер может без помощи телефонистки связаться с руководителями треста, со всеми его отделами, строительными управлениями, конторами, железнодорожными станциями, гаражами. В диспетчерском журнале отмечаются все задержки, заминки, помехи, перебои в работе, все указания управляющего трестом и главного инженера, касающиеся выполнения суточного графика. В том же самом журнале указано, какие приняты меры.

И во главе всей этой диспетчерской службы стоит вездесущий, всезнающий, всевидящий и всеслышающий Медовец. Дымов доверяет Медовцу безгранично и никогда его не проверяет.

Медовец прилетел в Каменогорск вслед за Дымовым. Тот дал ему неделю для ознакомления со стройкой. Но уже на третий день Дымов раскричался: «Где Медовец? Чего он прохлаждается?». Дымов не устраивал ни стиль работы треста, ни ход строительства. «Вы, Медовец, будете шукой, — сказал Дымов. — И я хочу вас бросить в пруд, где живут караси», — при этом Дымов гневно посмотрел на дверь, за которой ждали приёма какие-то субподрядчики. С тех пор Медовца можно было увидеть на строительной площадке — он называл её «майданчиком» — на рассвете, в полдень и глубокой ночью. Во всех концах необъятного строительства маячила его высоченная фигура, всюду раздавался его громоподобный голос и смех. Вскоре он уже всё знал, всё помнил, всё видел, словно с высоты его богатырского роста ему лучше, чем другим, видны были все закоулки стройки, её самые дальние углы и тупики. В первое время Медовец и спал на диване в диспетчерской, где не смолкает телефонная перепалка, где на столе непрерывно вспыхивает и гаснет множество зелёных огоньков и три красных: Дымов, Гинзбурга и Тернового. Ещё со времени войны, со времени скоростных строек тех лет, он привык жить на казарменном положении. И потом, даже когда к нему приехала семья, Медовец сутками не уходил с «майданчика» или из диспетчерской. «Сам спать не буду и никому спать не дам, пока не выправим положение», — повторял он.

Изю дня в день, всегда и всюду неотступно и назойливо преследуют Медовца ошутительные мелочи, все эти крошечные и маленькие дела, — за день их набирается целый ворох, — не говоря уже о делах больших и огромных.

Пожалуй, никто лучше Медовца не ощущает масштаб стройки так весомо и зримо. Ежесуточно через его руки проходит 300—320 вагонов строительных материалов. В ежесуточный рацион стройки входят 30 вагонов кирпича, 20 вагонов шлако-блоков, 15 вагонов цемента, 80 вагонов песка, 50 вагонов шлака, 35 вагонов щебёнки, 20 вагонов бутового камня, 20 платформ пиломатериалов, 15 вагонов сборного железобетона и т. д. Чтобы транспортировать все эти материалы на «майданчик» и с участка на участок, чтобы, как говорил Медовец, не нарушался обмен веществ в организме стройки, под присмотром диспетчеров работает

660 автомашин, 22 паровоза, 480 вагонов, десятки кранов на рельсах, на гусеничном ходу, на колёсах.

Размах работ такой, что каждые сутки нужно, как выражаются строители, освоить сотни тысяч рублей.

— Секунда — десятирублёвка! — кричит Медовец в микрофон, когда кто-нибудь опаздывает; Медовец для убедительности щёлкает пальцами, как кассир, отсчитывающий червонцы: — Алло! Чуешь, как она хрустит?..

Медовец, где бы он ни находился — сидит ли в диспетчерской, едет куда-нибудь на гранитный карьер в своей, похожей на игрушечную, машине с открытым верхом, заседает, лежит на диване с газетой в руках, смотрит ли кинокартину, — всегда ощущает безостановочное биение пульса стройки.

То Медовец сам срывается в середине обеда к телефону и начинает названивать куда-то, то его настигает чей-то нетерпеливый или тревожный звонок, и он мчитя, вскочив из-за стола, оставив тарелку с дымящимся борщом.

Медовца трудно представить себе уставшим, опустившим руки, шагающим неторопливой походкой или говорящим вполголоса. Медовец всегда работает весело, смеётся громко и всегда как-то скоропалительно, не успев предварительно улыбнуться...

Едва Медовец закончил крупный разговор с «субчиком», телефон зазвонил снова. Медовец устало посмотрел на телефон, — «эх, как ты мне надоел!» — нажал кнопку и небрежно сказал: «Медовец слушает». Но тут же встряхнулся: в репродукторе послышался голос министра.

— Здравствуйте, Медовец.

Министр интересовался ходом монтажа на различных объектах «Уралстроя». Медовец доложил о выполнении графика на мартенах, на воздуходувке, на коксохиме, где Локтев уже наводил порядок.

— А что сегодня на домне? — спросил министр.

Медовец быстро сверился с графиком и для верности, шёпотом, через всю комнату, спросил диспетчера: «Это точно, что вошли в график?..»

В репродукторе послышался короткий смешок.

— Вошли в график, Александр Павлович!

— Я уже слышал, — засмеялся министр. — Разве вы умеете шептать, Медовец? Как там «свеча»?

Медовец опять сверился с графиком и доложил так, как было записано в плане монтажа:

— Сегодня подымаем второй «подсвечник».

— Ну, смотрите не надорвитесь, Медовец, — сердито сказал министр, и в репродукторе щёлкнуло — отбой.

Медовец отшатнулся от микрофона и грозно глянул на диспетчера:

— Вы там ничего не напутали?

— Нет, не я, — сказал диспетчер и робко добавил: — Это вы, Михаил Кузьмич...

— Что я? — заорал Медовец. — Я без вас знаю, что я — Михаил Кузьмич. Толком отвечайте — напутали или не напутали?

— Изменение плана. Дерябин сам подтвердил. «Свеча» и два «подсвечника»...

— Что же вы мне сразу не подсказали? — Медовец обхватил голову ручищами. — Вот влип! «Свеча» с «подсвечниками»... Что же вы мне про этот гибрид тигра со львом шпаргалку во-время не подали? Опозорили перед министром! Теперь же на всех стройках смеяться будут...

Впервые за все годы работы Медовец оказался неосведомлённым!

Он был очень зол и огорчён. А ещё называется главным диспетчером. Не знает, бисова душа, что делается на стройке. А ещё хвастался: «Знаю стройку вдоль и поперёк, знаю, где какая ямка выкопана». Вот и сам попал в яму... Знает он стройку! Як мокре горыть...

Медовец встал, сорвал с вешалки свой объёмистый картуз, надел его набекрень и гаркнул, выходя из диспетчерской:

— Закажите министра. Буду оправдываться с домны...

Его легковушка с открытым верхом стояла у подъезда. Шофёр, едва завидев хозяина, включил мотор. Медовец втиснулся на сиденье и бросил шофёру:

— Ось подывимся, шо це таке за тигролев... Жми!

Шофёр, который рядом с Медовцом, казалось, сидел на корточках, недоуменно посмотрел, пожал плечами, с ходу развернул машину и помчал к городу.

— Ты куда? От жары подшипники расплавились?

— Как — куда? В зверинец.

— В какой зверинец! На домну!..

На домне Медовец первым встретил Токмакова, обескуражил его своим безрадостным «э-эх!» и в конторке «Стальмонтажа» нашёл Дерябина.

— Подвёл меня сегодня «Стальмонтаж», — укорял Дерябина Медовец. — Прямо под монастырь подвели. Я-то думал — второй «подсвечник» подымаете. Оказывается, вся «свеча» наверху!

— Между нами говоря, график нагнали.

— Вот то-то и оно, что только между вами говоря! А надо мне говорить! Во-время сообщать!

Дерябин обиженно пожевал губами:

— Отстаём от графика — ругаете. Нагоняем — опять ругаете.

— А вы что же, поздравлений ждёте? В график еле-еле влезли, да ещё спасибо вам говорить?

— За такой подъём и спасибо не грех сказать, дорогой товарищ Медовец. В учебники попадёт этот подъём. Прошу специально доложить об этом Александру Павловичу. Я ведь, собственно говоря, министерский работник. Министерству это не безразлично.

— Доложено уже, — безнадёжно махнул рукой Медовец. — Я, кажется, тоже сегодня в учебники попаду!..

Этой дымогарной трубе мартеновского цеха ещё предстояло поднаться во весь рост. А пока она празднично лежала на земле, её приспособили под конторку. На трубе висела фанерная вывеска «Стальмонтаж Контора № 3».

Изнутри исполинская труба четырёх метров в диаметре походит на туннель. Дверь навесили на широкую щель, образованную двумя листами стали, перегородившими основание трубы. К её вогнутому железному полу приварены на скорую руку прогоны, а поперёк них настланы доски. Скобы, впрямь приваренные внутри к стенам трубы (по этим скобам когда-нибудь будут лазать верхолазы-монтажники), соединены узкими досками и служат полками для чертежей. Труба разделена перегородкой, на другом её конце находится склад инструментов.

На сварном столике обычно стоит пишущая машинка; металлическое эхо усиливает стук машинки до грохота. Но сегодня после работы машинку убрали со стола.

В конторке идёт заседание комсомольского бюро. Ведёт заседание Борис, его недавно избрали секретарём.

Члены бюро расселись вокруг железного столика, приваренного к полу, на табуретках, а также на приваренных тумбочках и скамейке.

С тех пор, как здесь работает Таня, конторка «Стальмонтажа» преобразилась — стало удивительно чисто, даже уютно.

Полочки, укреплённые на скобах, вдоль трубы, покрыты белой бумагой. Люк в трубе, похожий на иллюминатор, завешан белой занавеской.

На вогнутых стенах висят друг против друга портреты Сталина и Орджоникидзе. Портреты несколько велики для этой конторки, им просторнее было бы где-нибудь в зале, но здесь, в тесноте, больше ощущается их присутствие.

Сегодня день выдался не по-сентябрьски жаркий. Солнце оказалось напоследок щедрым сверх всякой меры. Днём железная труба сильно накалилась, вогнутый потолок и такие же стены пышут жаром и, хотя солнце уже унялось, труба не успела остыть, и в конторке очень душно.

Дверь раскрыта настежь, доносится гомон стройки. Таня уже несколько раз щедро полила водой дощатый помост, играющий роль пола. Лужи не удерживаются на полу, вода просачивается сквозь щели, и в подполе ржавеет невидимая вода.

На столике, в железном стакане, напоминающем большую снарядную гильзу, красуется букет, подарок Маши.

Когда Маша работала по соседству, в доменном сквере, она всегда забегала в конторку «Стальмонтажа». Она оставляла Тане букет, и Таня никогда не уносила цветы домой. Она ставила их на столик, и Токмаков, появляясь в конторке, уже знал — была сегодня Маша на площадке или нет. Сегодня на столике — букет из одних георгинов: розовые, алебастрово-белые, синие и «райская птица» — яркочерные с совершенно белыми кончиками лепестков. В углу конторки стоит веник из веток полыни. Горький и пряный степной запах наполняет конторку, и кажется, что от георгинов идёт этот полынный запах, оставляющий на нёбе и на губах приятную горечь.

Недавно работает Таня чертёжницей в «Стальмонтаже», но к ней так привыкли, будто она тут с незапамятных времён. Таня обжилась в этой трубе, освоилась с работой и стала всем так необходима, что странно — как же обходились без неё прежде.

И в те дни, когда Таня, после приезда в Каменогорск, сидела дома с Серёжкой, потому что его некуда было пристроить, она не забывала дорогу в райком комсомола. Она привыкла работать, и ей неловко было платить комсомольские взносы — по двадцати копеек в месяц, как домашней хозяйке. В детский сад Серёжку устроить не удалось, но Андриасовых выручила тётка Василиса. Она сама теперь заходила к ним по утрам, брала с собой Серёжку в Кандыбину балку и охотно возилась с ним весь день, довольная, что ей нашлась забота по сердцу. А Таня, погупив в «Стальмонтаж», с такой жадностью занялась комсомольскими делами, что её очень скоро уже знали все и на домне, и в комитете комсомола.

Не разгибая спины, Таня часами стояла над чертёжной доской, на пальцах у неё всегда чернели следы туши. А перед сменой и после работы она без усталости носилась по лестницам, пролезала под тросами, карабкалась через штабели кирпича, досок, прыгала через канавы, успевала побывать во всех закоулках, на всех этажах доменной площадки, чтобы повидать своих комсомольцев. Теперь Таня частенько задерживалась на площадке допоздна, и Баграт сидел у конторки, терпеливо поджидая её.

Сегодня три дня, как Таня не видела сына. Перед сменой в конторку заходил Карпухин и, поправляя усы, говорил Багратовой жинке: «Прижился твой Серёжка у нас в Кандыбиной балке. Не отпускает его Василиса. Пусть тешится, ко мне меньше цепляться будет...» Таня хотела отправиться за сыном позавчера — не вышло, комитет послал её в горком; вчера снова сорвалось — Борис просил проверить, как идёт сдача норм ГТО. Тане всегда находили дело, потому что она сидела у телефона, работала в одну и ту же смену, и считалось, что чертёжнице легче выкроить время для комсомольских дел.

Но сегодня, когда бы ни кончилось заседание бюро, Таня с Багратором твёрдо решили отправиться за сыном. Багра́т вместе с Карпухиным, кончив работу, сидели на штабеле рельс, у входа в конторку. Карпухин теперь клепал патрубки на пылеуловителе. Сейчас он ждал решения вопроса о Кате. В бюро комсомольской организации поступило заявление от Екатерины Петрашень.

Катя сидела на перевернутой тачке неподалёку от конторки, раскрасневшаяся так, словно она сейчас нагревала заклёпки у своего чадного горна. Катя ждала, когда её пригласят на заседание бюро. Она никак не могла собраться с мыслями и оттого ещё сильнее волновалась — она ещё никогда не рассказывала своей биографии, а сегодня ей придётся говорить во всеулышание о себе, о своих родителях.

Мать свою Катя помнила плохо, та умерла от родов, когда Кате было семь лет. Отца убили на войне, а до войны он работал жигарем на углевыжигательных печах под Алапаевском.

Печи ставились в таёжных трущобах, по три-пять штук вместе. Местность, где жили Петрашени, так и называлась — Чаша. К печам, на которых работал отец, не подходила близко даже узкоколейка, а летом и особенно весной туда с трудом можно было добраться — болота и болота. Наверно, если напрямик лететь самолётом, то и до Свердловска от них было часа полтора лёту, но казалось, что живут они на самом краю света.

В Чаше и на других лесных дачах выжигали древесный уголь для маленькой домны в Верхней Синячихе. Катя помнит печи, странные строения, почерневшие от времени и дыма. Двухскатные дощатые крыши и такие же чёрные дощатые трубы. Трое суток печь, загруженная дровами, была на ходу, потом двое с половиной суток она выстывала. Отец Кати, опытный углежог, подходил к печи, плевал на железную плиту двери и по тому, как быстро выкипал плевок, определял — «дошёл» уголь или ещё «томится». Но главной приметой был дым, валивший безостановочно из трубы, — белый, желто-зелёный и грязно-бурый. «Если, — объяснял Кате её отец, — дым сделался синий и всё сквозь него видно — готов уголёк. А если дым белый и нет сквозь него наблюдения — рано выгружать уголёк».

— Понятно, почему ты в нагревальщицы пошла, — говорил Карпухин. — Ты с колыбели к дыму привыкала. Он тебе глаз не ест.

Уже потом, в ремесленном училище, Катя услышала, что из того самого дыма, который у них в Чаше и на всех других лесных дачах выпускали в трубу, можно добывать очень ценные продукты. Дёголь, пек, уксусная кислота, метиловый спирт — это Катя ещё могла понять. Но кто объяснит ей, как из угля, обыкновенного каменного угля, у них на коксохимкомбинате вырабатывают нафталин, сахарин и сульфидин?

Она спросила об этом Пасечника, тот тоже слышал, что их вырабатывают из угля.

— Но вот как именно, — Пасечник развёл руками, — на это моё высшее самообразование ответа не даёт.

Катя хорошо помнит тот разговор с Пасечником — как раз накануне дня, когда он разбился.

Когда Катя в первый раз вошла к Пасечнику в палату, он показался ей чужим. Глаза закрыты. Голова в бинтах. Где же рыжий чуб? Катя смотрела на него с испугом, не решаясь подойти ближе. Но как только Пасечник приоткрыл глаза — всё лицо его ожило. Озорной, чуть насмешливый взгляд! У Кати забилося сердце. Она невольно поправила причёску, оглядела себя, прикрыла рукой пятно на халате, будто она сама посадила это пятно и сейчас ей достанется за неряшливость... Она ходила каждый день, носила ему гостинцы, подробно рассказывала, что делается на домне, а в обед бегала к телефону, донимая больничный персонал справками.

В день, когда подымали «свечу», Катя то и дело звонила в больницу, передавала оперативную сводку дежурной сестре. А когда вечером она пришла к Пасечнику на свидание, дежурный врач сказал ей: «Вот спасибо вам, девушка. Вы же его на ноги подняли! Психотерапия — великая вещь», Катя не поняла и обиделась на «психотерапию». Фыркнув, она невежливо повернулась к врачу спиной. Опять ей досталось от Пасечника. Но Катя даже не расстроилась: она рада была, что снова всё идёт попрежнему: раз учит — значит любит.

Катя многое перебрала в памяти, пока ждала вызова на заседание бюро. И опять она вспомнила много такого, что заставило её встревожиться и от чего сразу бросило в жар...

Но вот, наконец, Катю окликнули. Она несмело вошла в конторку.

— Садись! — сурово сказал ей Борис. Он, когда вёл заседание бюро, становился строгим, чтобы выглядеть более солидным.

Катя села на сварную табуретку у нагретой стены.

Борис взял заявление и маленькую анкетку, заполненную Катей, и торжественно сказал:

— На повестке дня — приём в комсомол нагривальщицы Петрашень, Екатерины Петровны...

Борис читал вслух заявление Кати:

«Прошу, — писала Катя, — принять меня в ряды Ленинско-Сталинского комсомола. Поскольку комсомольцы показывают пример всей молодёжи и поступают так, как учит нас товарищ Сталин. Стараюсь работать, как подобает, как учили в ремесленном училище, как учили меня товарищи Карпухин и Андриасов. Обещаю учиться, нести ответственность за все комсомольские обязанности и оправдать высокое звание комсомолки. Прошу не отказать в моей просьбе. К сему Екатерина Петрашень»

— Вопросы к Петрашень будут? — как можно строже спросил Борис.

Катя встала. Она стояла, покусывая кончик жёлтой косынки и с таким страдальческим выражением на лице, словно ей жали туфли. Она прижимала руку к бедру, боясь, что все увидят сейчас татуировку.

Катя впервые видела Бориса таким серьёзным. Для неё он всегда был Бориской, которого Пасечник гонял за папиросами. Сейчас Катя смотрела на него виноватыми глазами, ожидая от него и его товарищей решения своей судьбы.

Она глянула на Таню, Таня вела протокол собрания. Катя впервые увидела у неё орденские планки и долго не могла оторвать от них глаз. Два ордена и четыре медали. Вот это — комсомолка!

Борис зачитал рекомендации и сказал:

— Пусть расскажет свою биографию.

Катя покраснела ещё гуще.

— Родилась в тысяча девятьсот тридцать первом году... Поздно вступаю... Уже старая..

— Разве это старая? — перебила Таня. — Восемнадцать лет!..

Карпухин толкнул Баграта в бок и показал глазами на раскрытую дверь, за которой заседали комсомольцы.

— Видал старуху? Да я в тридцать первом году вторую комсомольскую домну клепал в Каменогорске!

Карпухин обязательно хотел присутствовать при том, когда Катю будут принимать в комсомол. Он даже готовился выступить на собрании, но всё перепутал. Оказалось, что собрания сегодня не будет, а перед собранием Катю ещё должны принимать на бюро.

— А разве молодая? — сказала Катя грустно, без рисовки. — Уже четыре года могла в комсомоле состоять. Если бы ветер в голове не гулял. Ещё когда в ремесленное пришла, меня, дурочку, в комсомол увлекали...

— А, может, тебя бы и не приняли раньше? — донёлся из-за открытой двери голос Карпухина. — Не всякого — раз-два и приняли...

Все обернулись на голос. Борис сказал:

— Прошу посторонних не мешать заседанию.

— Это я-то посторонний?! — вскипел Карпухин, порываясь войти в конторку. — А кто же её до комсомола довёл, если не я?

— Закройте дверь! — распорядился Борис.

— Та не надо! — запротестовала Одарка; она сидела у самого выхода, разморённая, босая, рядом стояли её резиновые сапоги. — И так дышать нема чем.

Баграт взял Карпухина за рукав и усадил обратно на рельсы.

— Зачем шуметь? Пусть заседают на здоровье. Видишь — жена там, а мужа через порог не пускают..

Катя стояла расстроенная.

— Как насчёт курения? — спросил Борис.

— Бросила, — упавшим голосом сказала Катя.

— Давно бы так! Тоже придумала. У нас мужчины, верхолазы — и то не все курят, — сказал Борис и покраснел.

Борис три года состоял в комсомоле, а на руководящую работу его избрали впервые. Ему очень хотелось убедить всех, что он опытный, выдавший виды активист. Задавая вопросы, он басил и пытался морщить лоб, но кожа на лбу не собиралась в складки и тотчас же разглаживалась, не оставляя на чистом лбу и намёка на глубокомысленные или сосредоточенность.

— Продолжай, Петрашень. Рассказывай биографию.

— Так я и рассказываю. Жили-проживали в лесу. Училась в школе, в Верхней Синячихе. Четыре класса. Потом поступила в ремесленное училище номер тринадцать. Окончила по четвёртому разряду.

— А были девушки, которым после экзаменов шестой разряд присвоили, — наставительно сказал Борис.

— Были, — подтвердила Катя. — Вот, Одарка наша. Работает на монтаже высоковольтной линии. Не то, что я — всё в нагревательницах.

— При чём тут Одарка? — раздался смешливый сиплый голос. — Что мы, Одарку в комсомол принимаем? Рассказывай свою биографию.

— А больше никакой автобиографии у меня нету, — Катя развела руками, потом, спохватившись, продолжала совсем тихо — Когда в ремесленном была, три раза продавала хлебные карточки. Также хлебные пайки продавала. У нас норма была восемьсот грамм. За сто рублей паёк продавали. Бельё казённое на базаре загнала...

— Ну вот, теперь старые простыни вытащила!

— Да, простыни, — прикрикнула вдруг Катя на незнакомого парня. — А потом комендант следить стал за мной. Простыни снять — сразу комендант заметит, что койка голая. Так я нательное бельё загнула, вторую пару... Потом на эти деньги в кино компанией ходили. Потом — на мороженое...

— То мороженое уже давно растаяло. Нашла о чём вспоминать — о хлебных карточках! Да их уже два года как отменили...

Катя метнула взгляд на Бориса и строго ответила парню, который её перебил:

— Никто мне тех ошибок не прощал. Сами же просили рассказывать автобиографию. А это, может быть, в моей жизни самое большое пятно.

— Не перебивайте её, — сказала Таня. — Пусть рассказывает всё что находит нужным.

— Ещё был некрасивый поступок с моей стороны. Присоединили мы провод к ручке двери. Двести двадцать вольт — напряжение. Комендант взялся рукой, а его как отбросит! Правда, потом извинялись перед комендантом. В присутствии всего училища. И такой факт есть в автобиографии...

— Дело-то когда было! На исповеди, что ли, находишься? — снова влез Карпухин, расстраиваясь: наговорит на себя девка три короба, откажут ещё.

— Знаю, Захар Захарыч, где нахожусь, — с достоинством сказала Катя, повысив голос. — Дело было давно. А сказать должна...

— Ты бы ещё вспомнила, как в детстве озорничала!

— Я же просил посторонних не мешать бюро. А то закрою дверь! — пригрозил Борис.

— Та дышать нечем! — взмолилась Одарка, размахивая резиновой рукавицей, как веером.

— Расскажи, Катя, как работаешь на производстве? — спросила Таня.

— Из рук заклёпки не выпадают, — бойко ответила Катя и оглянулась на дверь — У Захар Захарыча работала. Теперь у Баграта Вартановича.

— Работает дюже добре!

— Каждую заклёпку переживает!

— Даже в газетах статейки были.

— На Доске почёта днюет-ночует.

— Это верно, — подтвердил Борис. — У нас, у верхолазов, о её работе знают. Награды получала?

— На мою грудь никак ордена не подберут, — выпалила Катя скороговоркой и тут же смутилась.

— Скажи лучше, Катя, где учишься? — снова поспешила на выручку Таня.

Катя замялась:

— В библиотеку записалась. Осенью, если не уедем, попрошусь в вечернюю школу.

— А может, на курсы по сварке? Как Фатма Сагадеева?

— Нет, буду нагревать заклёпки. Копоти не боюсь.

— Но ведь сварщицей лучше работать?

Карпухин не вытерпел и крикнул в раскрытую дверь:

— Это ещё как сказать!

Катя смутилась ещё больше, чем когда рассказывала про хлебные карточки, и продолжала совсем тихо:

— Конечно, электросварка больше подходит к будущему, Захар Захарыч. Но только не думайте, я не жалею, что работаю нагревальщи-

дей. Многому меня научили. А главное — кой от чего отучили... А до сварщицы я ещё не доросла...

— Хорошо, Катя, что ты стала к себе так строга, — сказала Таня. — Но мне кажется, решение твоё неверное.

Катя молчала, не спуская с Тани насторожённых глаз.

— Сама, Катя, посуди. Разве ты — может быть, через несколько дней комсомолка, — смеешь мириться с такой мыслью? Я, мол, некультурная, поэтому от передовой техники буду держаться подальше. Учиться надо, если не доросла. Согласна?

— Согласна.

Борис смутился, подумав о себе. Хорош секретарь бюро, который не учится. Надо поскорей техминимум сдать. Нет, техминимум — не подарок. Теперь минимум из моды выходит. На техмаксимум будет учиться! А то вчера опять оконфузился. Не знал, как эллиптичность кольца определить. Так просто! Взять разность двух взаимно перпендикулярных диаметров. .

— Ну вот и хорошо, что согласна, — продолжала Таня. — Как раз новый набор на курсы электросварки объявили.

— Какие ещё есть вопросы к Петрашень? — спросил Борис.

— Семейное положение?

— Невеста, — раздался тот же весёлый сиплый голос. — Как Пасечника здоровье?

— Поправляется, — сказала Катя со счастливым смущением. — Вчера перевезла из больницы в общежитие. На костылях пока ходит.

— До свадьбы заживёт!

— Где уж нам уж выйти замуж!.. — затараторила Катя, но тут же осеклась.

Всё реже в её словаре появлялись лихие присказки. С некоторых пор Катя стала говорить медленно, с трудом подбирая слова, она как бы училась говорить заново.

— А Устав знаешь?

— Читала.

— Какая же комсомол организация — партийная или беспартийная?

— Согласно Устава комсомол — беспартийный...

— Правильно!

— Слыхал? — Карпухин ткнул в бок Баграта. — Беспартийная организация! А меня на бюро не пригласили. И даже попросили из конторки. Рта открыть не дают!..

Баграт ничего не ответил Карпухину. Может, он его даже не слышал. Он раздумывал над словами Тани об учёбе. «Сварка заставит тебя учиться», — твердила Таня и ему...

— Но я хочу, — продолжала Катя, — чтобы с меня, с комсомолки, спрашивали всё, как с партийной. Пока в кандидаты партии не переведут.

— Ну, а газеты читаешь?

— Читает теперь, — ответила Одарка и усмехнулась: — По два раза на день. Один раз про себя, другой раз моему земляку...

— Пасечнику, — испуганно пояснила Катя.

Борис спросил:

— Расскажи про международное положение. Ну, например, в Америке, какое на днях событие произошло?

— Знаю. Фашисты хотели убить негритянского певца.

— Поль Робсон.

— Вот-вот. Ещё на днях его передача по радио шла: «Поёт Поль Робсон». Всё общежитие слушало.

— За что же его хотели убить?

— За то, что поёт наши песни: «Широка страна моя родная», «От края и до края», «Полюшко-поле»...

Задали ещё несколько вопросов, на которые Катя ответила довольно складно.

Бюро цеховой организации единогласно приняло Екатерину Петрашень в члены ВЛКСМ.

— Мне можно итти? — просияла Катя.

Но Борис не успел ничего ответить. Внезапно труба содрогнулась и тяжело загудела, будто по трубе этой страшно ударили снаружи кувалдой.

Все вскочили с табуреток и железных скамеек, приваренных к полу, все обратили лица к двери, а те, кто был у входа, выскочили из конторки.

Баграт и Карпухин тоже вскочили: со стороны домны донёсся этот гул. Лампы в той стороне сразу потухли. Слышались крики, заглушаемые тревожными гудками паровозов.

— Кран рухнул! — сказал, наконец, Карпухин хриплым шёпотом. — Побежали, Баграт!

— Авария на домне! — крикнул Баграт, появившись в раскрытой двери конторки, и тут же исчез.

— Спокойно, товарищи! — сказал Борис, сильно побледнев. — Никакой паники! Заседание бюро объявляю закрытым. Все комсомольцы считаются мобилизованными. Может понадобится наша помощь.

Борис стал выбираться из-за стола.

Таня дрожащими пальцами собрала со столика листы протокола.

— А мне можно числиться в комсомолках? — спросила Катя.

— Безусловно! — крикнул Борис ломким мальчишеским голосом. — За нами!

30

Маша пристально смотрела вдоль трамвайной линии, словно опаздывала, и очень тревожилась, что нет трамвая. Лицо её казалось необычно бледным при тусклом свете лампы, висящей над асфальтовым островком, на котором стояли Маша и Токмаков.

— А вам не стыдно итти с таким кавалером в кино? — спросил Токмаков, боясь её тревожного молчания.

— Стыдно? — Маша была мыслями очень далеко. — Конечно, стыдно! И когда вы успели эти пуговицы оборвать!.. Надо будет пришить. А то, что небритый... Знаете, Костя, я уже привыкла. Вы мне даже нравитесь в таком виде... Всё знаю, — Маша взяла Токмакова под руку. — Мысленно я поздравила вас ещё тогда, в день подъёма. Ну, рассказывайте. Как ваши любимцы? Вадим? Матвейч? Бесфамильных? Верно, что Дерябин очень старался?

— Хлопстал-то Дерябин хлопотал, но знаете, Маша? Дерябин напоминает мне одного полковника из штаба нашей дивизии. Вот явится он в батальон и, если дела идут хорошо, — он во всё вмешивается. Всеми пытается командовать. Подменяет младших офицеров. А потом ходит с таким видом, будто не окажись он на месте — провалили бы операцию. Ну, а в критический момент — держится в тени. От всего отстраняется! Совета от него толкового нельзя дожидаться: «Вы комбат, вы и командуйте. Не могу же я вас подменять?..»

С каждым днём для Маши становилось яснее, что Токмаков оказался глубже и серьёзнее, чем она думала о нём вначале, и этот новый Токмаков, смеющийся реже, чем прежде, чаще, чем прежде, озабочен-

ный, с горькими складками у плотно сжатого рта, был ей дороже того шутника, самоуверенно болтающего обо всякой всячине с ней, полужанкомой девушкой, во время первых встреч.

Из-за угла показался трамвай. О его приближении возвестили отсветы огней в чёрных витринах магазинов на противоположной стороне улицы. Золотые искорки зажглись в блестящих и сейчас совсем чёрных глазах Маши.

Трамвай шёл мимо пустырей, заборов, и Токмаков не видел в окно ничего, кроме отражения самого вагона со всеми его лампочками и пассажирами, сидящими у окон. А там, где улица была освещена, за окном смешивались отражения вагона и бегущие мимо дома, деревья, киоски. За трамваем шла машина, и в свете её фар Токмаков видел силуэт «зайца», прицепившегося сзади к трамваю...

— А помните, как я «зайцем» ехал на подножке?

— Счастливый рейс?

— Счастливый. А сегодня будем смотреть «Песнь для тебя»...

У входа в кинотеатр на широких ступенях толпился народ. Под яркими лампами стояли продавщицы мороженого. В Каменогорске нет завода искусственного льда, и мороженое держат в бидонах из-под молока, стоящих в бочках и обложенных кусками солёного льда.

— Мороженое принесло мне много вреда, — сказала Маша. — Не удивляйтесь. Ну, вот почему здесь не растёт ни одно деревцо?

Токмаков оглянулся. И в самом деле, зелёный строй деревьев, высаженных по краю тротуара, обрывался перед кинотеатром.

— Продавщица выльет в канаву солёную воду и — пожалуйста! — десятка деревьев — как не бывало. Карагач, акация, клён, для них солёная вода — гибель... А около городской бани берёзки гибнут. Ломают и ломают.

— Кто же это?

— На веники. Тут же наломает веник и идёт париться.

— Эх, не догадался! В другой раз обязательно веник себе наломаю.

— Не люблю шуток на эту тему.

— Больше не буду. Но от мороженого вы всё-таки не откажетесь?

— Конечно, нет! — рассмеялась Маша.

Они отошли в сторону от кино, в сквер, он был лишён теней, освещён рассеянным лунным светом. Остро пахло табаком и каменником. его приторный медвяный запах был схож с запахом гречихи. Токмаков почувствовал напор ветра, дующего от завода.

Он посмотрел вверх. По небу неслись облака, не отчётливо очерченные, в мутных туманных пятнах, с рваными оборками. Облака неслись, заволакивая, открывая и снова заволакивая звёзды. Луны Токмаков не увидел, но она угадывалась по отражённому сиянию, исходящему из-за толщи облаков. С лунным светом спорило далёкое зарево над заводом.

Токмаков взял Машу под руку, она доверчиво оперлась на его плечо.

— Знаете, Костя... Иногда, когда хочется сказать очень много, лучше совсем промолчать. А то скажешь что-нибудь, — да не так, не то. А покажется, что уже сказано всё. Ведь правда?

— Можно сказать всё без слов.

— Без слов?

— Конечно! Откуда вы, Машенька, знаете? Может быть, мысленно я давным-давно объяснился вам в любви?

Собственные слова обожгли ему губы.

— Но ведь не могла же я — пусть даже в ваших мыслях — оказать-

ся такой невежливой и ничего не ответить. — Маша шумно передохнула. — Какой же ответ вы от меня услышали?

— Ничего утешительного, — вздохнул Токмаков.

— А вы хорошо меня слышали?

— Слышимость была неплохая, — снова вздохнул Токмаков. — Вы сказали, что я человек. в общем, скорее хороший, чем плохой.

— Ну, предположим.

— Сказали, что я вам даже чуть-чуть нравлюсь, но не больше того.

— Плохо вы меня. Костя, слышали. — Маша порывисто подняла голову, и её глаза нашли глаза Токмакова. Но она тут же отвернулась и, помолчав, сказала таким тоном, словно разговаривала сама с собой: — Конечно, плохо, когда дешёвое увлечение принимаешь за единственное, большое чувство. Вместо драгоценного камня и вдруг — подделка, стекляшка. Но ещё хуже не доверять самой себе. Настоящее чувство принимать за что-то мимолётное, несерьёзное... — Маша резко повернула голову. — Как вы считаете, Костя?

Токмаков хотел ответить что-то очень важное, но вместо этого произнёс:

— Мы с вами так редко видимся, Маша... И больше всего я боюсь разлуки. А вдруг опять меня куда-нибудь пошлют?

Он почувствовал, как Маша сжала его руку.

Маша в этот момент представила себе Токмакова, разгуливающего по узенькой балочке где-то на обморочной высоте, и у неё защемило сердце. А ведь иные женщины ежедневно провожают любимых на такую работу и потом ждут их. Как можно к этому привыкнуть? Вечная опасность, вечный риск... А она как дурочка твердила тогда в столовой: «Ах, как интересно! Ах, как увлекательно!..» А потом, когда домна построена, ехать неизвестно в какую глухомань, чтобы карабкаться по конструкциям новой домны... Или Костю опять застигнет наверху ветер?.. А может быть, он больше не будет подниматься наверх? Ведь он остаётся здесь?..

— Я недавно прочитал книгу Фучика. Я запомнил. Послушайте: «Борьба и постоянная разлука делали из нас вечных влюблённых, но однажды, а сто крат в жизни переживших жаркие минуты счастья...» Это он писал о своей Густине... И дальше: «Ах, люди, можете ли вы себе представить, как бы мы жили, если бы снова свиделись после всех этих страданий?..»

— Немногим женщинам посчастливилось быть так любимыми, — сказала Маша. — Где сейчас Густина, что делает?..

— Вы разве не знаете? Она в Москве. Приехала на конференцию сторонников мира.

— Вечные влюблённые в разлуке, — печально повторила Маша.

— Думаете, любовь может выдержать постоянную разлуку?

— Не знаю, не знаю. Если настоящая — должна выдержать.

Обоим стало грустно, тревожно, обоим мешал горластый радиорупор, висящий над карнизом кинотеатра.

— Пойдёмте, опоздаем, — Токмаков сжал Машин локоть.

Они прошли в кинотеатр.

В фойе было тесно, как всегда перед самым началом сеанса, когда публику вот-вот впустят в зрительный зал.

Маша и Токмаков медленно прогуливались, добровольно подчинившись безостановочному круговороту зрителей, со всех сторон тесно их обступавших. Слегка пахло парикмахерской. Доносились клочки разговоров.

— ...и ничего трудного нет. Задача, как задача. Нужно только помнить формулу свободно падающего тела...

— ...обещали на шесть месяцев. Но этот перманент известный — до первой бэни. А потом снова...

— ...занимаем мы с Валькой свои места и как раз — свет тушат...

— ...он так ухаживал за мной, так ухаживал — прямо жутко! Старый? Ничего не старый. Сорок лет для мужчины?..

— ...даже в газетах о нашей Нюшке напечатали. По штукатурному делу — первая работница...

— ...ну, конечно, прописала она его, всё как полагается. А тут приезжает к нему жена с девочкой...

— ...и в один приём всю эту махину подняли. «Свечу» и всё, что к ней относится...

Токмаков искоса посмотрел на Машу — слышала?..

В зале, в кресле перед ними, оказался Вадим. Он поздоровался с Машей и Токмаковым.

— Поздравьте, Маша, Вадима. Его партгруппоргом избрали.

Маша не успела поздравить смущённого Вадима, тот поспешил перевести разговор на другое.

— Знаете, Константин Максимыч, — сказал Вадим, — наклонный газоотвод нужно так подымать, как вы придумали. Двое суток в кармане останется. Они там в проекте не учли, что повернуться на площадке негде.

— Двое суток — это самое меньшее.

— Значит, и на следующей домне будем так подымать?

— Да, — подтвердил Токмаков и покраснел, как человек, уличённый во лжи. Вадим не знает, что он в отставку подал. Никто из монтажников не знает. Сказать сейчас или подождать?..

Маша в острый тревоге смотрела на Токмакова: «На следующей домне?»...

Уже погасили свет, когда в зал вошёл Медовец. Токмаков видел, как он торопливо прошагал по проходу в последний ряд, безуспешно пытаясь пригнуться на ходу. Долговязая тень его прыгала по экрану, по начальным кадрам киножурнала, и кто-то крикнул на весь зал: «Сядьте на пол, вам, товарищ, всё равно!»...

В тот вечер крутили старую немецкую картину «Песнь для тебя», слащавую и вздорную. Главный герой — тенор — прилежно пел, завязывая галстук перед зеркалом, гуляя по улице, катаясь в фэтоне, сидя за столиком в кафе, в плавательном бассейне, в кирхе. Тенор пел под аккомпанемент уличной шарманки — у его ног падали медяки, завёрнутые в бумажки, пышные слезоточивые немки лежали на подоконниках, высовываясь во двор, а на кухонных плитах горели и пригорали забытые шницеля и блинчики.

Токмаков сидел с Машей в тёмной тесноте, ощущая теплоту её плеча, слыша биенье её сердца, не различая горячих рук. Он хотел, чтобы эта дурацкая картина длилась бесконечно, чтобы на экране не прерывалась цепь сентиментальных нелепостей, чтобы как заводной, до хрипа, до изнеможения пел этот тенор — лишь бы сидеть вот так, чувствуя ступенчатое пожатие пальцев, и ни о чём не говорить, не думать — пусть вечно длится это счастье, полноте которого мешает только мысль, что оно вот-вот кончится.

— Сколько дней осталось? — шепнула вдруг Маша.

— Двадцать восемь!

«До разлуки или до неразлучной жизни?» — подумала она.

«На следующей домне! — звучали в ушах Токмакова доверчивые

слова Вадима. — А будет ли следующая домна или эта вот в Каменогорске — последняя? Хорошо бы, как в армии: приказ — изволь подчиниться. Но как трудно решить самому. Бросить свою работу, уйти сверху, с монтажа? Всё равно что попроситься из разведчиков в интендантский склад!..»

Токмакову хотелось думать, что Маша всё понимает и ни в чём его не винит. Он коснулся щекой её горячей щеки, и Маша не отвела лица, а только вздрогнула. Экран в ту минуту потух и онемел для них обоих...

Но вот экран потух и онемел на самом деле — сеанс окончен. Слепящий свет люстры. Резкий стук одновременно отброшенных сидений. Сколько народу вокруг!

— Внимание, товарищи!

Кто-то, подняв руку, стоял перед экраном, на который была отброшена фантастически увеличенная тень его руки. Так это же из парткома, заместитель Тернового!

— Внимание, товарищи! Строителей домны вызывают на площадку. Прошу собраться у кинотеатра. Машины будут через двадцать минут! Маша выбежала на улицу вслед за Токмаковым.

Тёмный и очень душный вечер стоял над городом. Токмаков всмотрелся в сторону завода, туда, где стояло бессонное зарево и где небо всегда было в сполохах и зарницах. На коксовой батарее выдали «пирог». Пламенеющий коксовый пирог едет на тушильном вагоне к тушильной башне, и эта движущаяся жаровня одна способна осветить весь коксохимкомбинат. Токмаков знает, чем подсвечено небо за домнами, но вглядывается в него так тревожно, будто в той стороне и на самом деле пожар.

Алые или фиолетовые выпелы пламени вырывают на какие-то секунды из темноты макушку трубы, освещая скоротечным светом и эту макушку, и дым, идущий из соседней трубы. Токмаков смотрит на светильники, возникающие высоко в небе, и он знает, что на мартенах в этот момент идёт перекидка газа. Но эти светильники представляются сейчас факелами тревоги.

И Токмаков опять всматривался встревоженно куда-то правее действующих домен, туда, где находится площадка строящейся домны, и голос тревоги звал его туда скорей, как можно скорей.

Вдали показалась машина, судя по расстоянию между фарами, грузовик. Он шёл от завода.

Токмаков выбежал на середину мостовой и поднял руку. Грузовик мчался прямо на Токмакова.

Шофёр, не уменьшая хода, дал сердитый гудок. Но Токмаков, освещённый фарами, продолжал стоять как вкопанный.

Грузовик надвигался с огромной скоростью.

— Костя!!! — не выдержала Маша.

Шофёр резко затормозил, нажав на скрипнувшие от натуги тормоза.

— На домну!.. Скорее!..

— А я думал, пьяный, — сказал шофёр с неожиданным добродушием. — Вот чудак! Машина-то в гараж идёт.

— Авария. Ждут нас там!.. — Токмаков кивнул на людей, сбившихся у края тротуара.

— Садитесь... Раз такое дело, — шофёр стал круто разворачивать машину.

Маша порывисто бросилась к Токмакову, обвила его шею руками и поцеловала в губы.

Кучка людей стояла в тряском кузове, держась друг за дружку, и

один из них был на голову выше спутников — Маша узнала Медовца. Токмакова она не увидела, его заслонил Вадим.

И только красный фонарик у номерного знака подрагивал в темноте, всё уменьшаясь и слабей.

31

Авария произошла около десяти вечера, вскоре после того, как у Дымова окончилось ежевечернее оперативное совещание.

Машинист крана остался стоять в своей будке, он даже не сразу понял, что ажурной мачты, возвышавшейся над потолком его будки, больше нет, что это её падение вызвало страшный металлический гул и сотрясение.

Тревожными гудками — один длинный и три коротких — загудели паровозы. Истошные крики, ругань, чей-то пронзительный свист и возглас «полундра-а!», донёсшийся откуда-то сверху.

Кран упал на юго-восток от оси домны, на пустырь, пересекаемый железнодорожной веткой, и верхушкой своей смял кирпичную трансформаторную будку.

Дежурный диспетчер сразу позвонил в партком и вызвал Тернового.

— Жертвы есть?

— Нету.

Терновой облегчённо вздохнул.

— Дымов знает?

— Ещё не знает. Едет с цементного завода к вам, в трест. Будет с минуты на минуту.

Машина Дымова подъехала к тресту. Дымов не успел ещё отнять руки от дверцы, как поджидавшая его секретарша, сбивчиво, глотая слова, сообщила о падении башенного крана. Дымов прикрыл рукой глаза и глухо спросил:

— Жертвы есть?

— Нету.

— Терновому сообщили?

— Минуты три, как выехал на домну.

— Гони всю! — Дымов яростно захлопнул дверцу.

Шофёр развил предельную для этой дороги скорость. Дымов сидел, опустив плечи, прикрыв глаза сжатыми кулаками, побелевшими от натуги.

Не сорвался бы пуск домны! И осталось-то всего несколько тяжёлых подъёмов. Как их теперь поднять, эти тяжеловесы? Что там — небрежность? Несчастный случай? Или кран — с дефектами? Тогда нужно срочно телеграфировать. Предупредить все стройки, где работают такие краны. «Вы, Иннокентий Пантелеймонович, очень везучий. Вам всегда сопутствует удача», — сегодня бы министр ему этого не сказал. Всего двадцать восемь дней до пуска. Как назло, месяц короткий. Тридцать дней в сентябре. Хоть бы на день больше было!.. Придётся вернуться к прошлому. Иначе — не спасёшь положения. Опять — к подъёмным мачтам... Что-то не видно «эмки» впереди. Разве нагонишь при такой черепашьей езде?..

Спидометр показывал восемьдесят километров, но Дымов на него не смотрел.

Где-то впереди, по тому же шоссе мчался в своей дряхлой, но выносливой «эмке» Терновой. Он держал обе руки на палке, поставленной между коленями, и всматривался в ветровое стекло.

Самое главное — чтобы люди не упали духом. Не потеряли уверенности в своих силах. А может, Дымов уже что-то придумывает? Удастся

ли быстро собрать подъёмные мачты? Надо сейчас же монтажников повидать. У Токмакова голова хорошо варит. И Матвейч не мальчик в таких делах. Он к лебёдкам и мачтам привык...

Шофёр загодя, ещё не подъехав к шлагбауму, начал давать нетерпеливые гудки, и «эмка» Тернового промчалась через проходную, не замедлив хода.

В заднее стекло били фары «победы» Дымова, преследующей «эмку» по пятам.

Падая, кран оборвал провода, на площадке было темнее, чем обычно. В полутьме, подсвеченной заводским заревом, одиноко торчала верхушка строящейся домны. Глаз невольно искал по соседству ажурную мачту крана, и её отсутствие сообщало всему пейзажу тревожную новизну.

Дымов, запыхавшись, шёл вдоль безжизненно распростёртого на земле крана. «Всё равно если бы отрубили сейчас правую руку», — подумал он. Сегодня на оперативке Дымов без конца шутил и даже ругался как-то весело, а сейчас был бледен, мрачен, мощные плечи его стали ещё более покатыми, словно отягощённые невидимой тяжестью.

Кран упал, не повредив конструкций, приготовленных для подъёма. Сила падения была такова, что крюк крана, после обрыва троса, отбросило метров на двести в сторону, при этом крюк на метр зарылся в землю. В нескольких местах кран был помят.

К месту аварии подъезжали грузовики, люди с них соскакивали на ходу, крича что-то, чего нельзя было разобрать.

Дымова очень тревожило, что упавший кран перегородил подъездные пути к домне. Он приказал немедленно начать демонтаж обрушенного крана.

Чрезвычайное оперативное совещание началось в полночь. Оно напоминало заседание армейского штаба в момент, когда противник прорвал линию фронта и нужно принять срочные меры, чтобы удержать позиции до подхода свежих подкреплений.

Медовец доложил обстоятельства дела, насколько они выяснились в результате срочного расследования.

«В момент аварии, — оглашал Медовец акт, — в 21 час 55 минут, через 5 часов 55 минут после начала смены, производился подъём футеровочных плит в количестве шести штук общим весом 3,8 тонны при вылете стрелы пятнадцать метров. Груз был заведён внутрь «свечи», причём из шести плит, связанных пакетами попарно, два пакета уже были внутри «свечи». Бригадир Петровский Н. Н., находившийся на отметке «О», то есть на земле, принял поданную сверху команду поднять груз (термин команды — «чуть вира») и передал её крановому машинисту. Машинист крана Карпенко Т. И. ясно услышал и увидел поданный рукой «чуть вира», повернул контроллер подъёма, дал незначительную выдержку и выключил контроллер. В этот момент пакет с плитами и зацепился за кромку «свечи». После выполнения команды послышался сильный треск, кран накренился в сторону груза, трос оборвался, кран откатнулся и опрокинулся в обратную сторону, вызвав обрушение верхней части крана по сечению на отметке 21 метр 134 миллиметра. Разрушение конструкций крана произошло как по сварным швам, так и по основному металлу...»

— Москва у телефона, — испуганно сообщила, приоткрыв дверь, секретарша.

Дымов тяжело положил руку на телефонную трубку и какую-то долю секунды не подымал её. Уже давно отзвенел звонок, а он всё ещё не торопился начать разговор, и все понимали — не так легко ему

взять вот сейчас и доложить министру об аварии. Дымов поднял трубку — она была тяжелее тяжёлого — и спокойным голосом доложил министру об аварии во всех её подробностях. Он прямо сказал, что, по мнению комиссии, дело не в башенном кране, а в плохой организации работ.

— Пантомима на площадке до добра не доводит. Я считаю, Александр Павлович, что подобные механизмы требуют радиосвязи...

Терновой старался по отрывочным репликам, а главное, по выражению лица Дымова понять, что говорит ему министр. Предшественник Дымова, разговаривая с министром, позволял себе иногда если не ложь, то во всяком случае полуправду. Мог ли он обижаться, если иные прорабы делали ему потом не слишком правдивые доклады? «Молодец Дымов! — подумал Терновой. — Не испугался!»...

Дымов положил трубку и приглашающе кивнул Медовцу. Тот тяжело вздохнул и тем же громовым голосом продолжал читать акт:

«Однако бригадир-такелажник Молодых П. Г. отрицает, что это он подавал вниз команду «чуть вира». Он заметил, что груз зацепился, и отправился за ломиком, чтобы стронуть груз с места. В то же время механикомонтажник Харченко А. А., работавший наверху, подтверждает, что он подавал сигнал «чуть вира» на свою лебёдку. Можно предположить, что Петровский Н. Н., стоявший на земле, принял и передал машинисту крана чужой сигнал. Таким образом, имела место несогласованность в передаче сигналов между такелажниками, чему способствовало недостаточное освещение рабочего места».

— К акту,— заключил Медовец,— приложено особое мнение старшего прораба конторы «Стальмонтаж» № 3» Дерябина.

— Что это за особое мнение?

— Разрешите, Иннокентий Пантелеймонович? — Дерябин поднялся с места. Он изо всех сил старался выглядеть спокойным, что плохо ему удавалось. Губы подёргивались, лицо его казалось сейчас ещё более длинным, чем всегда. — Я не могу отвечать за происшедшее.

— А разве кто-нибудь считает вас виновником аварии?

— Откровенно говоря, нет. Но считаю нужным заявить заранее, что негодный кран...

— Почему же негодный? — Гинзбург широко открыл глаза и выхватил трубку изо рта.— Заявление, которое не соответствует истине, является ложью!

— Зря вы, Григорий Наумович, так думаете. Между нами говоря, я обследовал сечение, по которому обрушилась верхняя часть крана. Во-первых, там имеются старые, правда, мелкие трещины. А, во-вторых, в одном месте был плохо проварен шов.

— Ну, при чём здесь сварной шов? Кран рассчитан на сорок тонн. Груз он поднимал ерундовский, всего четыре тонны. Но когда этот груз зацепился за домну и трос лопнул, суммарное разрывное усилие всех ниток троса достигло не меньше,— Гинзбург сделал паузу и сердито произвёл какие-то расчёты на бумажке,— ...не меньше ста пятидесяти тонн. Понимаете, какая сила разорвала трос? Ведь эта же самая сила и опрокинула кран. Что значит тянуть груз, который зацепился за домну? Значит, пытаться сдвинуть всю домну. Кран был в тот момент подобен человеку, который изо всех сил тянул за верёвку. Верёвка лопнула — вот он и опрокинулся на спину!

— Машинист крана виноват.— сказал Дерябин.— Обязан был почувствовать перегрузку. Я об этом членам комиссии сообщил. Остаюсь при особом мнении

— Да кто вас заставляет отказаться от своего мнения?

— Теперь возьмём, Иннокентий Пантелеймонович, освещение рабочего места.— Дерябин переступил с пяток на носки.— Собственно говоря, это вина главного механика...

— Вина, вина! — не выдержал Терновой.— Поймите, Дерябин. Здесь нет сейчас ни обвиняемых, ни обвинителей. Дымов — не судья, Гинзбург — не следователь, я — не прокурор. Мы обсуждаем сейчас вопрос о том, как быстрее ликвидировать последствия аварии.

— Сейчас вся наша забота — не сорвать пуск домны в срок! — сказал Дымов.— Конструкции укрепили в расчёте на башенный кран, а кран вышел из строя. Как мы их теперь подыдем? Может, придётся их разукрупнить на земле и поднять по частям? Или установим новую подъёмную мачту и подыдем тяжеловесы сразу? Где мы потеряем времени меньше — в первом или во втором случае? Вот что надо решить,

Напряжённая тишина воцарилась в кабинете.

Дымов подошёл к раскрытому окну и посмотрел в направлении домны. Оттуда доносился гул работы. Сотни строителей уже были заняты демонтажем крана.

Дымов вернулся к столу, обвёл всех повеселевшим взглядом и сказал:

— А вы подумали, сколько дней ушло бы у нас на разборку крана? Если бы он стоял на своём месте? Восемь дней по графику. А тут он сам рухнул. Мы его за сутки уберём. Значит, семь суток у нас есть про запас. Конечно, уж если ему падать — лучше бы не сегодня, а после подъёма второго наклонного газоотвода. Но всё-таки семь суток у нас в запасе. Вот и давайте думать, как ещё выкроить время, как уложиться в график.

Терновой внимательно посмотрел на Дымова.

Тактика и притом умная! А что пользы, если Дымов будет сейчас мрачнее тучи? Главное — не позволить никому усомниться, что домна будет задута в срок!

— Положение весьма тревожное, — сказал Дерябин, зажигая спичку дрожащей рукой и закуривая.

— Конечно, тревожное, — сказал Терновой.— И пусть тревога, самая острая тревога, владеет нами. Но только тревога, а не паника!

— Несколько тяжеловесов придётся разукрупнить. Обстоятельства вынуждают... Трезвый взгляд на вещи... Придётся составить новый график. Что же делать, если обстоятельства диктуют...

Дымов гневно пригнул голову.

— Вы хотите сказать, что обстоятельства диктуют нам отсрочить пуск домны? Никто этого не позволит! И мы сами себе этого не позволим. Вы считаете, что обстоятельства сильнее нас? Как раз наоборот! График дан нам в руки, чтобы командовать жизнью стройки. Запомните это раз и навсегда! — Дымов выдержал паузу и добавил резко: — Если собираетесь дальше работать на «Уралстрое»... Кто хочет высказаться по существу вопроса?

Выступили Медовец, Матвейч, Токмаков, Локтев, Терновой, Гинзбург и снова Дымов.

Дерябин старательно вслушивался, лицо его выражало преувеличенное внимание, но он никак не мог сосредоточиться и всё время терять разговор. Его и в самом деле никто не считает виновником аварии. Но всё равно, нужно будет срочно послать объяснительную записку в Москву. И нужно же было, чтобы это несчастье постигло его сейчас, когда монтаж идёт к концу!.. Пожалуй, в первых числах октября, сразу после пуска он мог бы выехать в Москву. Из дому уже две недели нет письма. Вчера он звонил к себе на квартиру в час ночи, в два,

наконец, застал жену. Она опять завела речь о пуховом оренбургском платке. Да нет в Каменогорске таких платков! Как же нет, если они так и называются оренбургские?.. Он пытался объяснить, что находится очень далеко от оренбургских степей, здесь совсем другие степи... Разговор иссяк сам собой прежде, чем истекло время... И вот сейчас Дерябин, такой подчеркнуто-внимательный, даже сосредоточенный — тонкие губы сжаты, в углу рта зажат изжёванный мундштук папиросы — слушал Гинзбурга и не слышал его как следует...

Все, в том числе Гинзбург и Дымов, поддержали предложение Токмакова, касающееся организации подъёмов.

Тут же, на совещании, был принят новый план работы, который укладывался в старый график. Ничего не разукрупнять. Срочно установить мощную подъёмную мачту и с её помощью поднять, все оставшиеся тяжеловесы, к счастью их немного. Теперь всё зависит от такедажников и монтажников.

Прожекторы освещали место аварии. По железнодорожным путям, поперёк которых лёг кран, с обеих сторон подошли паровые краны, которые уже примерялись к тому, как бы поскорее по частям оттащить безжизненный кран в сторону.

Над ажурными переплётками крана стоял острый смешанный запах чеснока и тухлых яиц — так пахнет ацетилен, с помощью которого режут металл газорезчики.

Токмаков увидел в этой горячей сутолоке Вадима, он уверенно распорядился целой бригадой рабочих, среди которых были и Карпухин с Баградом, Таня, Борис, Одарка и Катя.

— Константин Максимович, как же теперь? — Борис чуть не плакал.

— Не вешай голову, Борис! Всё уже придумали. График в обиду не дадим.

— Главное придумать, — подал голос Матвейч, — а руки всё сделают. «Вот я и поеду — за руками!» — решил Токмаков.

32

Токмаков взял машину и отправился на Новоодиннадцатый посёлок. Монтажники из его бригад, за исключением тех, кто был на комсомольском бюро и в кинотеатре, ещё не знали о падении крана. Они придут на работу, как обычно. Надо поднять их по тревоге. Время теперь дороже денег.

— Ну и ночь! — сказал Токмаков водителю, усевшись в кабине. — Узнал бы, что новая рубашка сегодня на мне истлела, — не удивился бы.

Всю дорогу Токмаков «ловил окуней», то есть клевал носом. Через сонный город, через пустынный посёлок, мимо домов с тёмными окнами машина домчала его до общежития.

Первым, кого разбудил Токмаков, был Бесфамильных.

— Вся бригада дома?

— Вся. Только ребята — в разобранном виде.

— Разбудить! Кран упал. Мачту ставить будем.

Бесфамильных вскочил с койки, как подброшенный пружиной, и зарыл на всё общежитие:

— Подъём!

Его била нервная дрожь, он шептал себе под нос ругательства и сам себя подбадривал: «Спокойно! Без паники!»

Одни вскакивали на ноги мгновенно, не досмотрев сна, не протерев глаз, не потянувшись вволю — в этом сказывалась военная выучка или

привычка, привитая в ремесленном училище. Другие никак не могли сразу очухаться и понять, зачем их будят в такую рань, когда радио ещё молчит, лампочка горит над столом, а в окна будто вставлены зелёные стёкла.

— «Иван-да-Марью» будить? — Бесфамильных выразительно подмигнул, — Марья только вчера вечером приехала. Из самого Будапешта. Будить?

— Разбудить. И поскорее. Ты ведь Невьянцева знаешь: пока глаза протрёт, зевнёт, умоется!..

Токмакова сильно клонило ко сну. Он вышел в коридор, постоял у стенгазеты «Монтажник», прочитал несколько заметок и стихотворение Ф. Бесфамильных, посвящённое недавнему подъёму «свечи», которым, как утверждал автор, будут гордиться наши внуки. Стихотворение заканчивалось строфой:

Но самое главное — ты не забудь
Свой опыт передать отстающим.
Зазнайство и гордость, битьё себя в грудь
Являются злом вопиющим!

Токмаков достал карандаш и начал исправлять грамматические ошибки, которыми пестрела газета. Когда ошибки были исправлены, он, чтобы разогнать сон, вышел на свежий воздух.

Уже все в комнате вскочили с коек и поспешно одевались.

Из соседней комнаты приковылял Пасечник. Он был в нижнем белье, бос и стоял на костылях, прислонившись к дверному косяку. Пасечник был очень бледен и давно не брит, борода у него — с медным отливом.

Хаенко приподнял голову с подушки, но вставать не горопился. Он скользнул небрежным взглядом по комнате, долго смотрел на свои боксёрские перчатки, висящие на стене, у кровати, затем снисходительно оглядел с ног до головы Пасечника.

— Ты что? — прикрикнул Бесфамильных. — Особого пригласительного билета ждёшь?

— Я вот лежу и думаю. К чему, собственно говоря, такая спешка? Всё спешим, спешим. И выспаться некогда. Факт!

— А у самого — аж глаза вспухли! — донеслось из угла.

Хаенко даже не повернул головы, он пропустил всё мимо ушей.

— Мне сегодня, факт, выспаться нужно. У меня сегодня встреча на ринге...

Хаенко раньше на самом деле занимался боксом. Он с успехом выступил на первенстве спортивного общества «Строитель». Но режима не соблюдал, тренировки забросил, снова зачастил в «бенилюкс». Недавно он был нокаутирован боксёром, которого сам победил некогда с большим преимуществом. Он убедил себя, что поражение случайное, но от реванша отказался. И только перчатки над кроватью напоминали о заброшенных тренировках.

Хаенко повернулся со спины на бок, чтобы не видеть запylённых перчаток, и спросил, зевнув:

— А что страшного произойдёт, если дому пустят на неделю позже?

— Ничего страшного не произойдёт, — ответил Бесфамильных в тон Хаенко. — Подумаешь, дело большое! Обокрасть страну на семь тысяч тонн чугуна!

— Уже сразу и обокрасть! — Хаенко ещё раз потянулся и громко зевнул.

— Ты же знаешь, — сказал Бесфамильных, — что у нас в стране временные трудности с металлом.

— А у нас это постоянно — временные трудности. То того подожди, то — этого. Факт! Будто война ещё идёт. А куда торопиться-то особенно? — Хаенко спустил, наконец, ноги с кровати. — Всё равно — все дороги ведут к коммунизму. Капитализм обязательно сгниёт. Об этом и на политзанятиях говорили. Непыльная будет житуха — каждому по потребностям. Ох, и толкучка, наверно, будет в первый день в магазинах при коммунизме!

— Тебе-то, Десяткин, какая забота? — подал голос Пасечник. — Ты ведь всё равно без очереди пролезешь...

Хаенко сделал вид, что не расслышал.

— А наступит коммунизм на неделю раньше, на неделю позже — какая особенно разница? — Хаенко начал обуваться. — Ты вот у нас теоретик, Бесфамильных, а такие простые вещи приходится тебе объяснять...

Бесфамильных в поисках поддержки оглянулся на Пасечника. Тот стоял, опершись на костыли, зелёные глаза его сузились, с лютой злобой смотрел он на Хаенко.

Пасечник вообще терпеть не мог Хаенко потому, что находил в нём некоторые свои черты, доведённые до уродства.

— А ну пошевеливайся! — угрожающе закричал Пасечник. — Довольно тебе, Десяткин, языком трепать.

— Ну-ну, не очень-то! — огрызнулся Хаенко. — Подумаешь, испугал! Мне к семи утра на работу. Понятно? Согласно колдоговора. Первая смена заступает в семь. Факт! Вы что меня на удочку, что ли, поймали? Так что итти сейчас или не итти — дело добровольное.

— Да ты понимаешь, что говоришь? — побледнел Пасечник ещё больше. — На домне авария. А-ва-ри-я!!! Мачту надо ставить вместо крана. Каждый человек на вес золота!

— А если на вес золота, не нужно было тебе по мокрым балкам бегать. И в костыльники записываться.

— Ах, ты, шкура!..

Пасечник замахнулся костылём. Может, он и в самом деле запустил бы его в Хаенко, но костыль с сухим треском стукнулся о притолоку двери, о косяк, и Пасечник, с дрожащими губами, снова подsunул костыль подмышку и опёрся на него.

— Ах, какие мы нервные! — Хаенко тоже сильно побледнел. — Видишь, одеваюсь? Чего же приставать... Что же у меня совсем совести нет?

Пасечник, не глядя на Хаенко, заковылял в свою комнату. Он лёг на койку, лицом к стене, прикрыв голову подушкой, и лежал так, не шевелясь.

— Если ко мне чуткий подход иметь, то всегда сговориться можно, — сказал Хаенко, надев куртку, лишённую пуговиц.

Когда Токмаков, всё такой же усталый и сонливый, вернулся в комнату Бесфамильных, все были одеты. Ждали монтажников из соседнего дома.

В комнате было неопрятно. Пепельницы не было, окурки покоились в чернильнице.

— Вы бы хоть у девчат порядку поучились, — сказал Токмаков, присаживаясь к столу.

«А моя комната? — вспомнил Токмаков. — Не помню, когда подметал в последний раз. Сколько дней не спал дома? Три? Четыре?»

Стоило Токмакову представить себе свою постель, подумать о сне, как он тут же заснул, скрестив руки на столе и положив на них тяжёлую голову.

Наконец, все в сборе. Последним прибежал к машине «Иван-да-Марья»; ленивым шагом, посвистывая, подошёл Хаенко.

Монтажники, поёживаясь от холода, сидели в кузове, строили всевозможные догадки о причинах аварии и уже спорили о том, как лучше выйти из положения. А Хаенко сказал:

— Вот бы гам догадались каждый раз машину присылать за нами! Между прочим, нам по колдоговору машина полагается. Факт! Поскольку от жилья до стройки больше трёх километров. Транспорт предоставляется в обязательном порядке. Или пусть оплачивают проезд. Пусть мне за четыре года проезд оплатят — я себе машину легковую куплю...

Только когда все разместились в кузове машины, Метельский сбегал в общежитие и растормошил спящего Токмакова. Тот залез в кабинку, и машина тронулась.

Пасечник стоял в окне, опершись на костыль, и печально смотрел вслед машине.

33

В пять тридцать утра бригады приступили к сборке новой подъёмной мачты и за полсмены, к половине десятого, сделали столько, сколько Токмаков рассчитывал сделать к концу дня. Но всё равно, впереди ещё была уйма работы, и Токмаков отдал команду на обеденный перерыв. В этот ранний час столовая пустовала, всех быстро обслужили, и вместо обычного часового перерыва на обед хватило и получаса.

Когда Токмаков вышел из столовой, радиорепродуктор встретил его трансляцией из Москвы:

— Доброе утро, товарищи! Начинаем гимнастику...

Зазвучал брагурный марш.

«Ну, конечно, восемь утра по московскому времени», — прикинул Токмаков, устало шагая под бодрые возгласы: «Сделайте глубокий вдох. Пальцы рук переплетите. Ноги на ширине плеч. Сделайте выдох. Подымайте руки: раз, два, три, четыре. Ноги совершенно прямые. Выдох-вдох, выдох-вдох...»

Токмаков вздохнул, вовсе не в ритме гимнастики, и направился снова к площадке, где собирали подъёмную мачту.

Только Хаенко не было на месте, когда бригада Вадима вновь приступила к работе.

Вадим заглянул в парикмахерскую в дощатом сарае, рядом со столовой, и увидел Хаенко, восседающего в кресле и завёрнутого в простыню.

Хаенко отвёл руку парикмахера с ножницами и встал.

— Напрасно вскочил!

— Достригусь в момент!

— Можешь стричься, можешь причёсываться. Можешь даже завиться.

Вадим круто повернулся и вышел из парикмахерской. Хаенко сдёргнул с себя простыню и выбежал следом.

— Вадим! Будь человеком! Ещё две минуты. Прямо потеха!

— От работы отстраняю. Ищи другую бригаду.

Хаенко прибежал к своей лебёдке с недостриженным затылком, один висок был обкромсан.

Но Вадим не допустил его к работе. Вадим приставил к этой лебёдке Метельского.

— Ты что? На своих нападаешь? — на лбу Хаенко налилась синяя жила, глаза его побелели от злобы. — Своим вредишь?

— Сам себе вредишь,— спокойно сказал Вадим.

— Забыл, что вместе в туннеле жили? В одной золе картошку пекли? Об одну трубу спины грели?

— Нет, помню.

— Плохо помнишь, Вадим. Но я тебе напомним. Или забыл, как училищный ватник на базаре загнал? А карточки хлебные?

— Я старое помню и стыжусь. А ты бахвалишься! Всё ещё как в туннеле живёшь. Что ты у трубы спину грел — это ничего. А вот плохо, что за чужие спины всю жизнь прячешься. Зря я тебя взял к себе в бригаду... Ты забыл моё последнее предупреждение?

— Да ты что прокурора из себя строишь? — спросил Хаенко с насмешкой, в которой было бешенство.— Мы с тобой одного поля ягоды. Вместе же в прогульщиках числились.

Лицо Вадима залила краска.

— Я те прогулы давно отработал.

— А других прогулов у тебя не было? Дымов тебя покрыл. Могу кое-что рассказать. Тоже непоздоровится!

Хаенко отряхнулся от волос, попавших ему за шиворот.

— Рассказывай на здоровье!

— И расскажу!

— Опоздал!.. Сам всё рассказал. Когда меня в партию принимали. И вчера на партгруппе рассказывал. Придётся тебе что-нибудь другое вспомнить!

— Уже шуток не понимаешь! Прямо потеха! Я ведь почему тебя прошу? Сам знаешь. Мне без тебя податься некуда.

— На испуг не взял, теперь на слезу надеешься?

— Ну, накажи меня. Сними разряд.

— Тебе два разряда снять мало.

— Да что ты привязался? Пускай я плохой. Тебе-то что? — голос Хаенко сорвался в визг.— Уйду в другую бригаду!

— И там будешь, как поганая овца. Всю бригаду портить...

Хаенко сжал кулаки и угрожающе подступил вплотную к Вадиму, так что даже слегка ткнулся о его грудь. Лицо Хаенко, перекошенное от злобы, придвинулось так близко, что Вадим ощутил его несвежее дыхание.

Вадим оттолкнул от себя Хаенко.

— Уйди. Хуже будет.

Хаенко вновь угрожающе придвинулся и отвёл кулак, примеряясь ударить. Вадим не сошёл с места, даже не пошевелился, и рука Хаенко упала как перебитая.

— Ты бы ещё перчатки свои надел! — сказал Вадим и отошёл к монтажникам.

Вадим даже не заметил Одарку. Та стояла у электробудки с надписью на листе картона: «Работают люди. Не включать. Смертельно!» Одарка с волнением прислушивалась к разговору и проводила Вадима тоскливым взглядом.

Стычка с Хаенко весь день не давала покоя Вадиму.

В годы войны на заводе околачивалось немало ночлежников. Среди них были Вадим и Хаенко. Этих ночлежников легко было узнать по многодневному налёту колоти и сажи. И Вадим и Хаенко ночевали в туннеле, под шестой коксовой батареей. Угольная пыль, лежащая на борове, проходившем вдоль туннеля, давно превратилась в никогда не остывающую золу и пепел; за полчаса в той золе запекался картофель. В туннеле было всегда сухо и тепло, как бы наверху ни бушевала метель, как бы ни хватал за нос и за уши декабрьский мороз. Можно

было сидеть, прислонившись к горячей стене, или спать, свернувшись в клубок на горячем полу.

Когда Карпухин привёл Вадима к себе домой, Вадиму показалось, что хозяйка недовольна, и он подумал — не податься ли обратно в компанию к Хаенко? Но когда Василиса постелила ему у самой печки и ещё набросила на ноги гулуп, от которого уютно пахло шерстью и парным молоком, ему так стало тепло, что он дал слово пересилить себя. На другой день, памятный для Вадима день, он показал Карпухину своё обязательство, с таким трудом сочинённое им в столовой:

«Я, Пудалов Вадим Павлович, даю своему прорабу настоящее обязательство. Мною получены от вас фуфайка, брюки ватные, пара белья, валенки, шапка и носки, всё новое на сто процентов. Меня помыли, постригли, и товарищ Карпухин Захар Захарыч взял меня к себе на квартиру. Я, Пудалов Вадим Павлович, обязуюсь соблюдать установленный режим, работать добросовестно, выполнять все распоряжения старших, чтобы меня тоже приняли в фронтową бригаду. В случае невыхода на работу или другого нарушения прошу применить ко мне самые строгие меры и наказать вашей властью. Пудалов Вадим Павлович».

Карпухин за него поручился, и Вадима взяли в фронтową бригаду. Он очень этим дорожил. Он стоял на комсомольских вахтах «За советский Харьков», «За советский Белгород», «За советский Новороссийск».

Он с волнением следил за наступлением наших войск на Смоленщине: там была его родина. Много лет не видел он матери и сестрёнки, не был в родной деревне. В начале войны он слал письмо за письмом — может, какое-нибудь и дойдёт. Но только после того, как освободили Смоленщину, получил он, наконец, ответ от матери — отец погиб в партизанах, дом еле держится, корову угнали немцы.

Долго Вадим не мог попасть на родину, под Ельню. Семья Карпухина стала ему за эти годы родной семьёй. В Чусовой, куда он уехал строить домну вместе с Карпухиным, он получил паспорт — ему исполнилось шестнадцать лет. Перед отъездом тётка Василиса справила Вадиму брски навыпуск и куртку — отрез, полученный в премию, Вадим принёс «под сохран» ещё весной. С домны на домну ездил Вадим и лишь весной 1944 года он получил, наконец, отпуск и после многолетней разлуки свиделся с матерью. Запомнился ему этот отпуск, а особенно возвращение в Каменогорск.

По приезде в родную деревню Вадим принялся помогать матери по хозяйству. После отца остались топор, рубанок, стамески, ножовка, а работы всякой было поверх головы: дверь перекосилась после близкого разрыва бомбы и не закрывалась, забора нет, ворота рассыпались, колодец неочищен, половицы покарёжились, солома на крыше сгнила. Дни летели быстро, давно пора было в обратный путь, но тут захворала мать, а потом нужно было вскопать огород, он просто обязан был отобрать лопату у десятилетней сестрёнки. Подоспели ещё хлопоты по хозяйству, и у Вадима всё нехватало смелости упаковать свой фанерный чемоданчик и уйти с ним на далёкую станцию. Родичи и соседи напоили Вадима самогоном и уговорили остаться дома совсем. Но когда Вадим наутро протрезвился, то твёрдо заявил, что возвращается на «Уралстрой».

Не так просто было добраться в тот год из Ельни в Каменогорск. Вадима ждали три пересадки, только в Москве он прожил на вокзале, не отлучаясь от касс, почти четверо суток. На работу он явился с опозданием на двадцать два дня «Судить тебя нужно, прогульщика», — сказал Карпухин при встрече. Вадима не допустили к работе, дело о нём

передали в суд. Карпухин и тётка Василиса ходили с такими лицами, будто в доме лежал покойник. Вадим не находил себе места. Он спал с лица и как похудел, что костюм висел на нём, как на вешалке. Карпухин посоветовал Вадиму пойти к Дымову и рассказать всё, как есть.

Дымов сердито спросил: «На сколько дней опоздал?» — «Двадцать два дня прогулял». Дымов поморщился: «Прогулял, прогулял... Наверно, на пересадках недели две потерял». Вадим сказал: «Нет, товарищ Дымов, врать не буду. Вся дорога обратная девять суток». Дымов смотрел на него с досадой. «Постой, Пудалов. А до отпуска ты без выходных работал?» — «Без выходных». — «Прекрасно! Сколько мы строили? Четыре месяца, — Дымов подсчитал: — Восемнадцать выходных. Та-ак. Уже веселее. Исправим ошибку. Проведут приказом эти восемнадцать суток. Надо было их к отпуску причислить... Ну, а на четверо суток ты мне рапорт сочини. На те четверо суток, которые в Москве проторчал, на вокзале... Понял?.. Всё ради твоей матери... Знаю, что разруха в доме. А возвращаться на производство надо вовремя. Нам в Запнепровье ехать — восстанавливать, а ты прогуливаешь!..» — «Понимаю». — «А понимаешь, так нечего прохлаждаться, — прикрикнул Дымов и указал подбородком на дверь. — Марш на работу!..»

Вадим прямо из кабинета Дымова помчался на работу и как был, в костюме, без спецовки, допоздна лазил по конструкциям и возился с тросами...

Вадим вспомнил сейчас эту историю с прогулом во всех подробностях. Врёт Хаенко, ничего Вадим не скрывал!..

Хаенко достригся в парикмахерской и уселся в тени забора, издали бросая на Вадима враждебные взгляды. Когда Токмаков спустился с колошника, Хаенко пожаловался ему на Вадима.

— Ничем не могу помочь, — сказал Токмаков. — Право бригадира! Ты сам виноват.

— Но поймите, — Хаенко ударил себя в грудь, — произошёл случай! Конечно, если подойти формально, — он горько улыбнулся, — я кругом виноват. Но перед вами живой человек! Живого человека не замечаете!..

— Я тебя давно на заметку взял. Знаю цену и клятвам твоим, и обещаниям.

— Ну, пошлите в другую бригаду.

— Не думаю, чтобы там согласились принять такого работника. Тебя не только Вадим выгнал. Тебя и Бесфамильных выгнал. Да и вся бригада требовала. Так что придётся, Хаенко, из верхолазов увольняться.

— Ишачить на земле?!

— Что, что?

— Работать, гсворю, на земле заставляете.

Токмаков насмешливо спросил:

— Жаль с верхотурой расставаться?

— А как же! Ставки внизу другие. Надбавку срежут.

— А молочка на вредность не хочешь? А то попробуй пойти в сварщики. Может, дадут.

— Конечно, уволить человека легче, чем воспитать. Подождите смеяться! Найду на вас управу.

— Ты сперва пуговицы к куртке пришей, — уходя, бросил Токмаков, — а потом ищи управу.

Хаенко решил жаловаться. К Дерябину он не пошёл, тот не заступится. Он подстержёт Дымова возле его кабинета в дощатом домике.

— Товарищ управляющий трестом, — Хаенко просительно снял кепку. — Вы меня, конечно, не знаете, а я...

— Почему же не знаю? Отлично знаю вас, Хаенко. Это вы тогда ушли обедать, не выключив рубильника. Так что лебёдка сама начала потом подъём...

Хаенко сразу растерял все заготовленные впрок слова.

— Честное слово, в последний раз... Ведь перед вами живой человек... Прямо руки опускаются...

— Что вы хотите?

— Сняли с работы, товарищ управляющий. В парикмахерской задержался. Ну, понимаю, было бы дело на заводе, опоздал бы к станку. Или конвейер из-за меня остановился.

Взгляд Дымова не предвещал ничего хорошего.

— Я же не на заводе работаю. Ну пять, от силы десять минут. Подумаешь, дело большое, на стройке...

— Да как вы смеете так о стройке говорить! — взорвался Дымов. — По-вашему, строитель — не чета заводскому рабочему? Ведёте себя, как отходник. Уходите с «Уралстроя». Нечего вам делать на передовой стройке! Из-за таких, как вы, у меня кран обрушился.

«А может, плюнуть на весь этот «Уралстрой»? Что я себе работы не найду?! Факт!»

Хаенко напялил кепку и с независимым видом вышел из домика.

— Ты что тут околачиваешься? — окликнул его Гладких, эн куда-то спешил, озабоченный. — Работать надо!

— Прямо потеха! — Хаенко хотел было надерзить, но тут его осенило: — Вадима спросите, почему гуляю. В такой момент! Мачту ставить надо, а он придрался по пустякам. Человек на три часа раньше на работу вышел, сил не жалел! А тут — подумаешь! В парикмахерской чуть задержался. И сразу — извольте! Расчёт!

— Без предупреждения у нас не увольняют. Сочиняешь ты, Хаенко.

— В том-то и дело, без предупреждения! — обрадовался Хаенко. — Где же это слыхано? Раз, два — и выгнали. Даже не обсудили нигде. Разве так людей воспитывают?

— Ладно, Хаенко. Я разберусь и, если ты не брешешь, так этого дела не оставлю.

— Спасибо вам, товарищ Гладких. Вот чуткий человек!

Гладких присаивался.

— Ты напиши мне заявльнице. По всей форме. Как председателю РКК.

— Эркака? Вы разве не парторг?

Гладких свик.

— Переизбрали. Вадим теперь парторг.

— Забаллотировали? Как меня? — Хаенко нагло улыбался. — Прямо потеха! Дай по этому поводу десятку до полочки!

— А дисциплинку тебе, Хаенко, надо подтянуть! — надулся Гладких. — Слабовато у тебя с этим вопросом!

— Подтянем! — Хаенко помахал рукой вдогонку Гладких. — В бенилюксе!..

Два партийных работника — Терновой и Нежданов — каждый день встречались на стройке и считали себя почти земляками. Их связывала многолетняя дружба. Терновой был родом из станицы Каменской, на месте которой разлился заводской пруд, а Нежданов — из Ленинграда. Но Каменогорск оба начали строить вместе, ещё юношами. У Терновой

в кабинете висела фотোগрафия, подаренная ему когда-то Неждановым. Ковыльная степь, склон горы Мангай. На переднем плане, по грудь в ковыле, стоит лохматая и низкорослая башкирская лошаде́нка. На ней — всадник в халате и круглой войлочной шляпе. Перед лошаде́нкой, наполовину скрытой травой, стоит мальчик, голова его чуть выше стремени. Всадник и мальчик смотрят вдаль, на гору Мангай. У её подножья раскинулся палаточный городок. Терновой в то время носил за изыскателями полосатые веши и треножник, а Нежданов, присланный на практику из техникума печати, выпускал и печатал на походном станке в своей палатке бюллетень «За большевистские темпы!» — то был предок «Каменогорского рабочего».

«Июля 5 дня 1931 года, в эпоху великого Сталина, здесь, на левом берегу Урала, в присутствии 14 тысяч рабочих произведена закладка и приступлено к работам по строительству города Каменогорска». Акт этот о закладке города был запаян в белую металлическую трубку. Нежданов написал в газете, как несколько человек, и среди них комсомолец Терновой, спустились в котлован и заложили эту трубку в щель, высверленную в кирпичной кладке фундамента первого дома.

Каменогорск назывался городом ещё до своего рождения, когда это был всего только лагерь строителей, когда архитектура города была представлена бараками, палатками, переездными на оседлость теплушками, — теплушки стояли на путях длинными неподвижными шеренгами, дымили жестяные трубы, сохло бельё, висящее вдоль обжитых вагонов. Город тогда не имел ещё ни одной добротной улицы, ни одного порядочного дома. В сущности, это был не город, а черновой набросок его, становище. Нежданов и Терновой жили, как на бивуаке. Первый почтовый адрес редакции был такой: «Город Каменогорск. Барак напротив цементного склада». На первых почтовых ящиках было написано: «Ближайшее почтовое отделение — Мясницкая, 26». То были старые ящики, привезённые из Москвы. Нежданов напечатал тогда заметку, в которой критиковал Ивана Тернового за плохую организацию комсомольского субботника по благоустройству города. Заметка называлась «Очередь за лопатой».

Менялся пейзаж стройки. Котлованов не стало видно за строительными лесами. Затем скрылась из глаз арматура, торчавшая из опалубки тысячами зонтичных рукояток; арматуру залили бетоном. А на бетонных фундаментах поднялись железные конструкции. Земляной, деревянный, каменный и железный век стройки, торопясь сменить друг друга, прошли перед Терновым и Неждановым. Монтаж первой домны то и дело задерживался из-за конструкций, застревавших по дороге. В дни первой пятилетки распутица часто останавливала железнодорожные составы, надолго загоняла их в тупики безвестных полустанков. И Нежданов с Терновым — один от газеты, другой от сквозного комсомольского контроля — садились в дрезину и уезжали в поисках каких-нибудь днищ кауперов за сотни километров по направлению к Уфе или к Свердловску. Они успевали обшарить десятки станций и полустанков, прежде чем находили, наконец, нужные платформы. Терновой перебирался с дрезины на платформу и превращался в толкача, пока днища кауперов не прибывали на площадку домны. А Нежданов бежал на станционный телеграф и проталкивал по селектору донесение комсомольского поста в редакцию.

Эта дружба не мешала им ссориться: Нежданов снова раскритиковал Тернового за плохую работу с комсомольским активом. Статья называлась «Актив в шкафу».

Но ссора была недолгой. Вскоре Терновой и Нежданов вместе

поехали в Москву, оба были членами делегации, которая отвезла в подарок всесоюзной партконференции первые чушки каменогорского чугуна с барельефами Ленина и Сталина.

Грабари на глазах Нежданова становились прорабами, землекопы — сталеварами, бетонщики — доменными мастерами. Безвестный подручный клепальщика Карпухин стал Захаром Захаровичем Карпухиным. Хорошенькая Зоя Иноземцева, когда-то нагревальщица у Карпухина, стала актрисой, премьершей местного драматического театра. А секретарь комсомольской ячейки стал партсргом ЦК ВКП(б) на «Уралстрое». Только Нежданов оставался бессменным сотрудником «Каменогорского рабочего».

Нежданов тайно мечтал написать книгу. Это должен был быть большой роман о людях и делах Каменогорска, и Нежданов уже придумал для него заглавие, которое ему очень нравилось: «Где-то в степи». Каждый день он делал записи, и все свои заметки, статьи и очерки он вырезал из газеты и хранил как материал для будущего романа. О чём он только не писал за эти годы! Он писал разоблачительные статьи о кулаках, которые пробирались на стройку и вредили как могли; чья-то чужая рука швыряла в воду концы обнажённых электропроводов, чтобы устроить короткое замыкание на плотине; и та же чужая рука старательно вколачивала гвозди и железные костыли в брёвна на лесопилке, чтобы вывести из строя пилорамы. Он написал о том, как осторожно и торжественно тронулся в свой первый рейс трамвай — это был такой праздник, будто трамвай только что изобрели в самом Каменогорске; о том, как был разбит городской парк и посажен первый саженец; о том, что в красный уголок 98-го комсомольского барака привезли росяль — первый росяль города. Нежданов не раз принимался за первую главу своего романа, но его обескураживала внезапная немота. Он всегда с такой лёгкостью писал статьи, заметки для газеты, а тут робел перед листом белой бумаги. Он писал, перечёркивал написанное, писал заново, но к перу липли какие-то казённые, холодные или подозрительно красивые слова. И он разрывал исчерканные листы...

Подпись «Андрей Нежданов» исчезла со страниц «Каменогорского рабочего» в годы войны. В качестве рядового стрелковой роты Нежданов очутился на Западном фронте. После первого же боя он оглох от канонады. Он ещё не умел отличить выстрела из орудия от разрыва снаряда, не умел как следует перемотать портянки, но уже отправил в армейскую газету «За счастье Родины» заметку о бойце, подорвавшем гранатой немецкий пулемёт. Заметку напечатали под заголовком «С гранатой в руке».

При малейшей возможности, даже в окопе, согнувшись в три погибели, писал Нежданов заметки о подвигах бойцов. Спустя полгода его отозвали в редакцию и присвоили звание политрука. Снова знакомый и такой волнующий запах типографской краски, снова гранки, клише, макеты, вёрстка, корректура. Он писал в блиндаже, при свете убогого каганца, сидя на рулоне бумаги, который заменял табуретку. Во время дождя он забирался в кабину редакционного грузовика. Кусок картона, положенный на шофёрскую баранку, служил ему столиком. А когда нужно было вызвать наборщика, Нежданов сигналил, и тот прибежал, прикрыв голову листом бумаги, за передовой статьёй или за стихами; Нежданов печатал в газете раёшник «Ведёт разговор разведчик Егор». Бывало, закоченевшие пальцы отказывались держать карандаш. Нежданов разводил костёр, но его приходилось гасить до того, как Нежданов успевал согреться, обсохнуть, дописать материал на планшете: костёр после дождя дымил, а в небе стрекотала надоедливая немецкая «рама».

Как бы Нежданову ни приходилось туго, он не забывал о своей записной книжке. Он мечтал написать когда-нибудь, если останется в живых, фронтную повесть под названием «Огневая точка».

После демобилизации он вернулся в Каменогорск. Походка у Нежданова была такая же лёгкая, почти юношеская, и глаза так же живо поблёскивали за стёклами очков, но виски побелели и уже намечалась лысина. Нежданов засел было за повесть «Огневая точка», но через месяц снова увлёкся работой в газете. Блокноты и записные книжки, исписанные мелким неразборчивым почерком, множились в числе, и мечта написать роман или повесть не оставляла Нежданова.

Когда начали строить сварную домну и Нежданов зачастил на её леса, опять сошлись пути двух партийных работников — Нежданова и Тернового.

Нежданов пришёл к Терновому с очерком «Большая семья» — о Карпухине, о тётке Василисе, об их питомцах.

— Что же, я твой очерк два раза читать буду? — проворчал Терновой, листая рукопись.

— Всё равно в газете ты читать не будешь, — ответил Нежданов. — Ты читаешь внимательно только те статьи, где тебя ругают.

— От тебя дождёшься. Похвалишь! Ругаешь ты нас самостоятельно. А тут, видишь ли, совет потребовался...

Терновой читал, а Нежданов ревниво следил за выражением его лица.

— Ну как, очень плохо? — не вытерпел Нежданов.

— Да как тебе сказать, Андрей Данилович?.. Заголовок у тебя правильный. Не то, что — помнишь тогда? — «Актив в шкафу»... «Большая семья» — хорошая мысль.

— Ну, а по существу?

— А по существу — мелковато. Не та вспашка.

Нежданов снял очки, протёр их и снова надел.

— А в чём — мелковато?

— Ты нащупал большую тему. А всё свёл к тому, что Карпухин подбирает бездомных детей, а Василиса возится с сыном Андриасовых. Ну, во-первых, пока ты не догадался меня за это выругать, — Терновой взял карандаш и сделал пометку в настольном календаре, — я выругаю Плонского. За беспорядок с детскими садами. Это уже не первый сигнал, и нечего нам скрываться за спиной Василисы. А во-вторых, из этого главная заслуга Карпухина. Ты вспомни — сколько молодых строителей он на ноги поставил! Вадима Пудалова он не просто из туннеля вытащил, он его в люди вывел. Воспитал настоящего рабочего человека. Петрашень он вырастил, смотри, как она вверх пошла. А Баграт Андриасов?.. Как ты там в статье обозвал его? Гроссмейстер клёпки!.. Любишь ты побрякушки, Андрей Данилович! Написал бы лучше, как Карпухин обучал Андриасова мастерству. Вот что строителям сегодня особенно ценно. Как бы это тебе объяснить? Плонский сказал бы: Карпухин — это наш основной капитал, а Пудалов, Андриасов, Петрашень и все другие его ученики — проценты с этого капитала...

— Я же так и думал: большая семья в том смысле, что Карпухин и его Василиса берут шефство над молодыми строителями, помогают им и на работе и в быту...

— Не знаю, что ты думал, а вышло, что старые строители должны нянчиться с ребёнком Андриасовой. Чтобы она могла работать чертёжницей. А это, повторяю, наш промах. В шефстве сейчас нуждаются не грудные младенцы. У тебя в статье есть жемчужное зерно... Что ты на меня уставился?..

— Не в статье, а в очерке, — мрачно поправил Нежданов.

— Прости. В очерке. Так вот: ты пишешь, что Карпухины из каждой полочки Пудалова откладывали ему то на костюм, то на пальто, то на часы. Вот оно — зерно: научили парня правильно расходовать заработок. Ребята приходят из ремесленного училища. Без семьи, без призора живут. Кочуют со стройки на стройку. Житейского опыта нет. Денег зарабатывают немало, а бюджет свой строить не умеют. Надо, чтобы старые рабочие научили птенцов уму-разуму. Как жить на белом свете...

— Значит, ты, Иван Иванович, предлагаешь выпатить на первый план шефство старых над молодыми?

— Конечно. И знаешь, что я тебе посоветую? Ты свою статью, то есть, прости, очерк, печатай на здоровье. А сейчас бери машину и привези сюда Захар Захарыча.

— Идея! — обрадовался Нежданов. — Письмо Карпухина к кадровым строителям! Карпухинское движение!..

— Верно! На заголовки ты мастак!..

Через полчаса Нежданов уже вёз Карпухина в партком. По дороге Нежданов пытался втолковать ему смысл своей затеи, но Карпухин всё твердил:

— Хочешь меня на весь рабочий класс ославить! Я, что ли, штаны Серёжке латаю? Василиса у корыта стоит, а я тебе про её корыто письма буду писать?! Над Катькой на старости лет шефствовать буду? Я — клепальщик! Пусть этот Пасечник над ней шефствует.

В парткоме Нежданов снова всё объяснил Карпухину.

— Хотим, Захар Захарыч, широко развернуть карпухинское движение.

— Это куда же я, например, должен теперь двигаться?

— Сиди, пожалуйста, со своей Василисой в Кандыбиной балке, — строго сказал Терновой, — а мы тебя сюда за делом вызвали. На парткоме твоё движение будем завтра обсуждать.

— Про партийных уже всё обсудили? — хсрхорился Карпухин. — Строгача ты мне, Иван Иванович, не всыпешь. Исключагь меня неоткуда, а с домны уже исключили.

— Всё ворчишь! — с укором сказал Терновой. — А ты признайся, почему Вадима в клепальщики не вывел? Пожалел? Не захотел, чтобы молоток и его всю жизнь в люльке тряс? Ты вот одного пожалел, а государство сразу обо всех заботится...

— Так ведь я призыв с молотком трястись, — как-то вдруг жалобно сказал Карпухин. — Я же другому не обучен. И Вадим на домнах, и все приятели остались. Покалякать, и то теперь не с кем будет. С Василисой за квочками бегать...

— Жаль, Захар Захарыч, сварки ты не знаешь.

— На что она мне?

— Кажется, придумал я тебе работу. Только Василисе меня не выдавай, — Терновой уже смеющимися глазами смотрел на Карпухина.

— Например?

— А если тебя бригадиром рубшиков определить? Вырубать корень сварного шва. Трещины там всякие, раковины, наплывы, шлаковые включения...

— Стар уже переучиваться, Иван Иваныч. Годы мои уклонные. У клепальщика век короткий.

— Человек — не вол, в сдной коже не стареет. Там тоже пневматика. Только вместо молотка твоего — зубило. Я вот ещё с одним прорабом посоветуюсь. Попрошу, чтобы он над тобой шефство взял.

— Дожил! К кому бы это в подшефные, в ученики вонзиться?

И смех, и грех! Может, ещё придётся сидеть на одних курсах с Катькой?!

— А знаешь, Захар Захарыч, кто придумал варить домны? Чей это проект?

— Не знаю. — Карпухин озабоченно потерял ус.

— Слаётся мне, что это, — Терновой выдержал паузу, — Василиса придумала. Её проект! Чтоб ты больше дома сидел...

На другой день, когда вышла газета, Карпухин поддразнил Василису:

— Слышишь, старая? Движение начинаю. Придумал Ванюшка Терновой: чтобы я меньше дома с тобой сидел, да больше по домнам двигался...

На «Уралстрое» со дня на день ждали министра.

Больше всех был встревожен Плонский. С министром обычно прилетал какой-нибудь дотошный финансист, и Плонский боялся, что раньше времени будет обнаружена сверхплановая экономия, неровен час, сократят ассигнования, а тогда затрешит весь его «баланец».

Было ещё одно обстоятельство, из-за которого Плонский нервничал. Только сейчас он вспомнил, что министр давно приказал предоставить квартиру сварщику Шереметьеву. Уже на нескольких стройках министр был у него в гостях. Говорят, в Запорожье он даже ночевал у Шереметьева. А вдруг министр отправится к нему и в Каменогорске?

Вечером перед прилётом министра Плонский явился к Шереметьеву, в его маленькую комнатку.

— Куда же ордер девался? — суетился Плонский, роясь в своём необъятном портфеле. — Чудесная квартира. Отдельный вход. Две комнаты. Кухня. Ванная... Пожалуйста!. Всегда горячая вода.

— Дети спят. Куда же мы поедем среди ночи? — взмолился Шереметьев.

— А мы их спящих перевезём. Машина ждёт у подъезда.

Шереметьев стал отказываться. Раньше просил — не допроситься было. А теперь спешка. Жить ему в Каменогорске осталось без году неделю. Домну доварит — и сразу в путь, в Североуральск...

— Из-за твоего каприза мне министр чуб оторвёт! — расстроился Плонский.

Шереметьев скользнул взглядом по лысому черепу Плонского, усмехнулся, начал натягивать сапог и сказал миролюбиво:

— Поедем, что ли, Ариша. Всё равно ведь спать не даст. Сколько квартир мы на своём веку сменили. Но чтобы ночью на новоселье ехать? Не приходилось!

Переезд Шереметьева облегался тем, что у него почти не было мебели, посуды и прочего домашнего скарба. Да и куда ему было обрывать вещами — пожизненному кочевнику! Когда-то он ездил один, оставляя семью дома. Уедет на два месяца, потом прибавится ещё месяц, ещё два. Жена шутя, но со слезами на глазах пригрозила ему разводом. Вечно в разлуке, а тут сын растёт, да и на два дома жить... И Шереметьевы решили, как это ни трудно, ездить всюду вместе. А на железнодорожный билет, дело известное — восемьдесят килограммов багажа полагается. Шереметьев, по приезде на новое место, сам варил из обрезков жести, из стальных трубок, прутьев и кровать для сына, и ванночку, и таз. «Гондолу стратостата варил, купол цирка в Макеевке варил, статую на выставке в Париже варил. Неужели я люльку для ребёнка покупать стану?» — говаривал Шереметьев ещё до рождения дочки — Ульяны Емельяновны.

Прямо с аэродрома министр уехал в сопровождении Дымова, Гинзбурга, Тернового и нескольких спутников в дощатый домик у проката, где он останавливался, когда прилетал на стройку.

Министр сам был из прорабов. На всех стройках знали, что он обходит участки в то время, когда меняются смены и когда больше всего бывает заминок, неполадок и упущений. Начальники управлений «Урал-Строя» и прорабы, во избежание неприятностей, вставляли ещё в потёмках и уезжали на свои объекты, стараясь попасть туда раньше министра.

Чуть свет министр, зябко кутаясь в плащ, обходил стройку. Днём бывало тепло, даже жарко, но сентябрьские утренники поневоле заставляли вспоминать о том, что климат в Каменогорске резко континентальный.

Больше всего министр интересовался опытом сварки домны и укрупнением подъёмов во время монтажа.

В домике министра и днём и ночью звонили телефоны. Всё время на проводе была Москва. Отсюда шли в Москву распоряжения, касающиеся строительства в Донбассе, в Кривом Роге и других местах, всё реже шла речь о Каменогорске и всё чаще упоминались какие-то Красные Пески.

В прихожей, которая сейчас превратилась в приёмную министра, всегда кто-нибудь ждал вызова или пытался перехватить здесь Дымова, которого теперь трудно было застать на месте.

Токмаков столкнулся в приёмной с Дерябиным. Дерябин дежурил здесь уже не первый час. Он добивался приёма, чтобы решить вопрос о своём возвращении в Москву.

— Вы, собственно говоря, по какому вопросу пришли, товарищ Токмаков?

— По личному, — нехотя ответил Токмаков.

— Если министр вас не примет, может быть, я смогу доложить ему о вашем деле?

— А я к министру не собираюсь, я Дымова жду.

Дерябин пожевал губами и отвернулся от Токмакова.

Чем меньше оставалось дней до пуска домны, тем беспokoйнее становилось на душе Токмакова. Приближался час его расставания с монтажниками. Слишком много соли съедено с людьми, которыми он командовал и в ветреное утро подъёма шестнадцатой царги, и в пасмурный день падения Пасечника, и в ночи, проведенные бок о бок с Матвейчем и Вадимом в «свече», и в предрассветный час, когда он поднял по тревоге свои бригады и привёл их к обрушенному крану. Как же он будет жить, не зная, где они строят, что нового замышляет Вадим, чем озабочен Бесфамильных, во что вмешивается Матвейч, о чём мечтает Борис и кончились ли страдания «Ивана-да-Марьи»? Как же он разлучится с любимым своим делом, с высотой, с узкими балочками, за которые ему так попадало, и не скучно ли ему будет в «каменюшниках», в которые теперь его наверняка зачислит Пасечник?

Токмаков всё больше сердился на себя, и теперь, когда вспоминал о своём заявлении, он чувствовал себя дезертиром. А может ли Маша любить дезертира?..

Дымов вышел из комнаты министра, и в прихожей сразу стало тесно.

— Хорошо, что вы здесь, товарищ Токмаков, — обрадовался Дымов. — Принимайте дела старшего прораба. Министр просил вам передать, что это назначение он делает авансом. Вам нужно в ближайшие год-два окончить институт и защитить диплом инженера. Такой человек, как вы, должен успевать и работать, и учиться. На домнах за график умеете бороться. Научитесь управлять всем своим временем!.. А на

своё место временно поставьте мастера Петренко, которого я когда-то обещал выгнать. Присматривайте за ним, работы осталось немного. Справится.

— Позвольте, — сказал Дерябин, ошеломлённый этим известием. — Я подчинён непосредственно Москве, и прежде, чем Токмаков может принять дела старшего прораба, я их должен сдать. Я ещё буду докладывать министру.

— Министр поручил решить все эти вопросы мне. Ему сейчас некогда разговаривать. Я сегодня улетаю с министром в Красные Пески. Вернусь, представлю вам другую работу. Если, конечно, вы захотите у меня работать.

— Да, но, откровенно говоря, на мне же лежит вся ответственность за контору «Стальмонтажа»...

— От этой ответственности вас уже давно пора освободить. И послушайте мой совет, товарищ Дерябин. — Дымов гневно пригнул голову. — Вы слишком много болтаете об ответственности. Если она давит вам, как узкий пиджак в плечах, так освободитесь от неё. Перестаньте быть ответственным работником. Возьмитесь за работу поскромнее, это я вам говорю, откровенно гсворя, но не между нами говоря!..

Дымов вышел не попрощавшись.

Дерябин постоял некоторое время у выхода из домика, зажёл спичку дрожащими руками, закурил и, жуя папиросу, сказал:

— Разрешите вам, Константин Максимович, дать напоследок один совет.

— Какой?

— Никогда не спешите брать на себя обязательства и тем более должности, которые вам не по плечу. Лучше оставаться в тени. Перевыполняйте себе план на здоровье. Но пусть это каждый раз будет для начальства сюрпризом. Иначе вам, как мне, придётся отвечать и за себя и за других.

— Спасибо за совет, только вряд ли я им воспользуюсь.

Дерябин пожал плечами.

— Напрасно, Константин Максимович, так и голову сломать недолго. Впрочем, вы прораб способный, хотя и недоучка. Пожелаю вам быть на этой должности удачливее меня. — На лице Дерябина странно уживались в этот момент высокомерие и плохо скрытая растерянность.

Токмаков испытывал облегчение. Такое чувство бывает после того, как решишься на очень трудный шаг, который давно уже следовало сделать, но никак не хватало смелости. Вот он уже сделан, этот шаг. Он уедет. Куда? Может быть, в те же Красные Пески, о которых так многозначительно упомянул Дымов? «Ждут нас там богатые руды», — думал Токмаков. — И если не сейчас, то когда-нибудь, после Североральска или другой домы, Токмаков туда попадёт.

Осталось только рассказать о своём решении Маше. Как же быть? Поедет ли за ним Маша? Токмаков попробовал представить себе выражение лица Маши, когда он задаст ей этот вопрос. Лицо Маши менялось в его воображении так же, как оно менялось и на самом деле, то становясь мягким, совсем беззащитным, то обретая сразу решимость, почти суровость. Маша одновременно бывает задумчивой и весёлой, откровенной и скрытной, бойкой и застенчивой. А когда Токмаков однажды сказал Маше об этом, она рассмеялась, тут же нахмурилась и сказала: «У меня характер, как наш климат, — сильно континентальный».

И снова Токмаковым овладело нарастающее беспокойство, которое не умерлось даже тем, что на него сразу теперь свалилось множество хлопот и забот.

Старший прораб Токмаков понял вдруг, какой сравнительно маленюшкой была мера ответственности, которую нёс прораб Токмаков. Недавняя работа его, такая многотрудная, представлялась теперь лёгкой. Вот точно так же, став командиром батальона, он вспоминал о днях, когда командовал ротой, как о днях сравнительного покоя, хотя никакого покоя он, конечно, и в роте не знал, а знал одни только невзгоды, трудности и опасности.

Токмакову, как старшему прорабу, выделили машину, известную под названием «бобик», а в распоряжение Матвеича дали полуторку. Старик очень гордился тем, что у него своя машина. То и дело слышалось: «Где мой шофёр?», «Я пошлю сейчас свою машину!», «Где моя машина?». Когда полуторка долго стояла без дела, Матвеич чувствовал себя неловко — словно это такси, у которого не выключен счётчик. Матвеичу с непривычки казалось, будто он всё время заставляет кого-то ждать, и, может быть, поэтому он так охотно одалживал свою машину — подвезти трос, домкрат, лебёдку, блоки, отвезти домой рабочих.

Место Матвеича занял Вадим. Он отнёсся к своему выдвижению так, словно иначе и быть не могло — рано или поздно он должен был стать мастером монтажных работ. Зато Карпухин весь день похвалялся всем и каждому новым назначением Вадима и даже по этому поводу перехватил лишнюю стопку.

А на место Вадима временно был назначен «Иван-да-Марья». Бесфамильных поздравил его:

— Значит, можно считать, ты теперь догнал свою Марью?

— Она-то у штукатуров бригадиром. — «Иван-да-Марья» печально почесал за ухом. — А я только исполняющий обязанности...

— Плохо твоё дело, — сказал Бесфамильных с сочувствием. — Значит, опять не догнал?

— Её догонишь! Она у меня такая: скоро в прорабы выскочит. Так и будут всю жизнь люди в меня пальцами тыкать: «Вон пошёл муж Марьи Невьянцевой!»...

36

Из ворот лесопитомника то и дело выезжали грузовики с саженцами. Нежная паутина корней была обнажена, и её укрывали на дорогу влажной соломой или рогожами. Деревца складывали корнями к кабине. Верхушки их, не умещавшиеся в кузове, тяжело свешивались к земле, почти касаясь её. На ухабах грузовик сильно встряхивало, и деревца подметали своими верхушками дорогу.

Когда перевозили молодые клёны, Маше казалось, что трёхтонка везёт один огромный жёлтый веник. Ясени потеряли листву раньше, и, когда их перевозили, казалось, что это исполинские метлы. Последние листья-одиночки опалили при укладке ясеней, при их перевозке.

Три тысячи машино-рейсов нужно было сделать, чтобы вывезти саженцы из лесопитомника, и каждая такая машина везла куда-то будущий скверик, уголок сада, кусочек аллеи или бульвара. И, действительно, бывало так в Каменогорске, что проснётся человек, спавший днём после ночной смены, а под окном у него — новорождённый сквер.

Саженцы уезжали из лесопитомника на машинах, на ручных тележках, их уносили на плечах. Дети бережно несли саженцы, взявшись за них по-двое, по-трое.

Маша разъезжала на «москвиче» по городу — всюду расселялись кусты и деревья, всюду за зелёными новосёлами нужен был глаз и глаз. Там кто-то догадался выкопать лунки за неделю до посадки, так что лунки уже давно сохнут, выветриваются, земля, выброшенная из лунок, тоже высохла, и деревцам придётся очень трудно. Там кто-то

собрался высадить на узкой улице липу и ясень, а куда их, с широкими кронами — на узкую улицу? А на какой-то окраине козы объели только что высаженные кусты. И Маша вспомнила: «Ну, как ваши козостойчивые?»

Попрежнему предметом вечной заботы Маши был доменный сквер. Трудно там выжить деревьям, кустам, травам. Они самоотверженно подставляют зелёную грудь дыму и копоти. Их обжигает зноем чугуна, который провозят в чашах по горячим путям. Их отравляет ядовитое дыхание газа. Иные деревья погибают. Но садовники упрямо и прилежно поливают землю, смывают копоть с листьев, выкапывают ослабевшие растения и подсаживают менее прихотливые, более выносливые. И вот даже здесь, у подножья доменных печей, зеленели деревья, они оживляли ржавый пейзаж.

А теперь Маша разбивала такой же сквер вблизи новой домны.

Вокруг ещё царил хаос — беспорядочно громоздились железные конструкции, штабели тёса, кучи битого кирпича, щебёнки, вся земля была изрыта.

Вообще-то говоря, разбивать сквер было ещё не время, газоны и цветники могли легко погибнуть.

— Только зря деньги тратим, — сокрушался Плонский. — И так уже трещит мой баланец. Чтобы в такой пыли — и сквер? Да тут ничего, кроме хвороста, не вырастет.

— Пусть даже сотня деревьев погибнет, — возражал Дымов. — Но что это за убыток, если от него — одна прибыль? Зелень к чистоте приучает.

Маша убедилась, что Дымов прав. Площадку вокруг домны быстро очистили от строительного мусора, и немалую роль сыграли здесь саженьцы, цветники, газоны.

В садах и скверах на территории завода тоже было полно хлопот. Пришло время подсаживать новые деревья взамен погибших. Скверы у старых домен уже давно поливали по методу, подсказанному Маше Токмаковым. Стоило повернуть кран гидранта — и на газоны, на клумбы низвергался душ из сотен струек воды — эти струйки били из дырчатых труб, которыми теперь были огорожены все зелёные островки.

Но особенно много времени Маша уделяла скверу у новой домны. Маша поймала себя на том, что, где бы ни застал её конец рабочего дня, она всегда находит поводы и предлоги, чтобы заехать ещё на строительную площадку.

Дымогарную трубу мартеновского цеха, в которой когда-то ютилась конторка «Стальмонтажа», уже подняли, и Маша теперь не принёсила букетов Тане: Таня вместе со всеми перебралась в домик, где недавно жил министр, и Маша, приходя на площадку, направлялась прямо к домне.

Когда Маша останавливалась у подножья домны, всматриваясь вверх, кто-нибудь из монтажников сообщал Токмакову, что его ждут внизу.

Сегодня Маша поднялась на верхушку домны. Несколько маршей лестницы были ещё без перил, но Маша смело шла, ступая за Токмаковым и слыша позади себя дыхание Бориса.

Время от времени она смотрела вниз, где становились более низкорослыми и приземистыми люди и всё уменьшались в размерах автомашины, вагоны, паровозы.

На пятнадцать ярусах одновременно, друг над другом, работали строители.

Рядом с мужчинами работали девушки. Все они были в комбинезонах и косынках, повязанных так, чтобы как можно меньше кожи оста-

бить палящим лучам солнца. Косынки — единственное, что оставалось для девичьего кокетства, только в этом могло проявиться желание щегольнуть. И девушки старались использовать эту маленькую возможность. В моде были самые пёстрые косынки. Маша с уважением смотрела на девушек, работающих наверху.

Иные монтажники расхаживали по балкам, иные стояли на каких-то уголках, где с трудом умещались обе ступни.

— Прямо циркачи какие-то!

— У нас был верхолаз, — Токмаков обернулся назад, — так он на самом деле поступил в цирк. Канатоходцем стал.

— Неужели и ты расхаживаешь так? — спросила Маша у Бориса, останавливаясь и тяжело дыша.

— Всяко приходится, — важно ответил Борис, тоже запыхавшийся. — На то мы и верхолазы.

— Ох, боюсь я за тебя!

Маша сказала «за тебя», а подумала «за вас обоих». Она понимала, что Токмаков сам полезет туда, куда Бориса не пошлёт.

Ещё лестница, ещё и ещё. Маша стояла на самой верхушке железного небоскрёба, крепко держась за Токмакова.

— Когда я смотрю с такой высоты на землю, у меня начинает холодеть где-то внутри. А пальцы на ногах противно шемит и покалывает. Какая трусиха!

— Просто нет привычки. А зачем всё время смотреть под ноги? Вы лучше посмотрите, какой вид отсюда! Как с самолёта. Посмотрите на Мангай!.. — Токмаков показал на гору, на одном из горизонтов которой появился электропоезд.

Пестрота террас и уступов в эту минуту была резче от переменчивой игры света и тени. Ветер гнал по небу множество быстрых и мелких облаков, отбрасывающих чёткие движущиеся тени.

— А знаете, Костя, машины на Мангай не ходят.

— Почему?

— Нету туда дороги. Всё, всё везут электровозы. Горняков на работу. Взрывчатку. Хлеб в столовую. Свежие газеты.

— Что значит «Мангай»?

— Мангай, — объяснила Маша, — по-башкирски «лоб». Отец говорит, что ещё двадцать лет назад Мангай был выше. Всё здесь построено из-за горы этой, из-за её сокровищ. Ни города не было бы, ни завода. Стель — и ничего больше...

Маша поёживалась от холодного ветра.

— Однако свежо. Не то, что на земле.

— Утренники и вовсе сердитые.

— А почему так легко одеты? — встревожилась Маша. — Надо что-то под куртку поддевать...

— Ничего, Машенька, я привык.

Он смотрел на Машу, порываясь сказать ей о своём решении. Но она с такой любовью вглядывалась сверху в Каменогорск, в его сады, что Токмаков так и не решился заговорить с ней об отъезде. И он подумал: «Кажется, я в первый раз струсил на высоте...»

На вешалке в кабинете Дымова висели, как всегда во время оперативок, кепки, фуражки, картузы, только ещё более замызганные, потрёпанные, замусоленные, выцветшие. Рядом с кепками, рыжими от ржавой пыли, теперь висели кепки прорабов «Теплостроая», вымазанные

извёсткой, мелом, цементом. Не было головного убора без чёрных пятен и пятнышек. Это была самая верная примета того, что близится пуск домны.

Маляры, вымазанные с ног до головы так, что чёрные кисти казались продолжением их чёрных рук, — красили чёрным кузбасским лаком кожух домны, фермы литейного двора и наклонный мост. Лак бурно высыхал на солнце, и на площадке — она не успевала проветриваться — стоял кружащий голову запах жирных смолистых испарений.

Несколько дней назад, сразу после возвращения из Красных Песков, Дымов отдал приказ малярам «работать на всех площадях», хотя прекрасно знал, что красить домну преждевременно. Важно, чтобы все видели — домну уже красят, стекольщики уже стеклят будку управления. Может быть, иные стёкла будут выбиты за эти дни и потом их придётся вставлять заново. Может, в иных местах маляры вынуждены будут пройти кистями по второму разу, зато как это сейчас подхлестнёт всех и какой будет выигрыш во времени!

Не успел на домне появиться первый стекольщик, Дымов уже позвонил Локтеву на коксовую батарею:

— Вы мне кокс скорее давайте! — Дымов всегда, когда кого-нибудь подгонял, сердито косился на телефон. — У меня уже стекольщики на домне работают. Как бы вы не опоздали!.. Вас тогда доменщики повесят, просто повесят. И вряд ли я сумею вас спасти.

— Значит, судьба, — послышался в трубке печальный голос. — Бывают же и невинно пострадавшие.

Дымов, хитро улыбаясь, положил трубку. Он хорошо знал Локтева и не сомневался, что тот сейчас подбежит к окну, посмотрит на застеклённую будку управления и стремглав побежит — тормозить, подгонять, ускорять!..

Днём такелажники произвели последний ответственный подъём — подняли наклонный газоотвод. Теснота площадки и непредвиденная замена башенного крана подъёмной мачтой сделали этот подъём исключительно трудным.

На оперативном совещании Токмаков чувствовал себя именинником. За подъёмом газоотвода наблюдал министр, он поздравил монтажников с успехом.

Сегодня на оперативном совещании впервые присутствовал директор Каменогорского металлургического комбината Осадчий. Это был признак того, что домна «на выходе», что пришла пора строителям и металлургам выработать единый план действий для быстрого ввода печи в эксплуатацию.

— Пройдёт ещё неделя — другая, — сказал Гинзбург, попыхивая трубкой, — и меня на домну не пустят.

— Полноте! — замахал руками Осадчий.

— Был такой случай с Григорием Наумовичем, — усмехнулся Дымов. — Не то в Чусовой, не то в Запорожье...

— Вот увидите, не пустят! — твердил Гинзбург. — Забудете даже пропуск прислать!

В углу, как обычно, стоял во льду баллон с газированной водой. Но теперь около неё не толпились жаждущие, и лёд в цинковом ящике долго не таял.

Токмаков уселся у окна и всё посматривал на домну, уже блестящую от чёрного лака. Бесфамильных вместе с другими монтажниками устанавливал сейчас лестницы и перила на самой макушке домны.

— Нам нужно промыть спиртом всю аппаратуру, — докладывал Дымову прораб по механомонтажу.

— Сколько спирту вам нужно? — Дымов хитро глядел в сторону.

— Ну, литров пятнадцать-двадцать, — прораб почему-то смутился.

— А не мало будет?

— Максимум — двадцать пять.

— Запишите, — Дымов обернулся к стенографистке: — двадцать пять литров спирту, — он выдержал паузу и добавил: — коксохимического. Пить его, правда, нельзя...

Прораб смутился ещё больше.

— Нужен чистый ректификат...

— Может, тогда, — Дымов опять смотрел в сторону, — нет смысла промывать аппаратуру?..

В кабинете раздался смех.

Дымов заговорил с другим прорабом: пора, давно пора навешивать двери на многочисленные конторки, машинные залы, аппаратные, будки.

— Всю эту работу, — очень сердито диктовал Дымов стенографистке, — закончить...

— Как же закончить, — раздался встревоженный голос, — когда ещё не начинали?

— Поймите! В доме без дверей ещё можно кое-как жить. Дом можно построить на девяносто девять процентов. А домна может быть построена только на сто процентов. Иначе её нельзя задуть. Короче говоря, сколько дверей готово?

— Работа выполнена процентов на...

— Я в процентах не понимаю. Сколько дверей готово? Тоже субподрядчики!

— Ноль целых и столько же десятых процента! — сказал Гинзбург и сердито выколотил трубку. — Вот их коэффициент полезного действия!

Дымов продолжал диктовать:

— Закончить всю работу в трое суток. Пора уже вашему стройуправлению с четверенек на ноги становиться. Этого можно не записывать.

Стенографистка улыбнулась.

Зашла речь о том, как приводится в порядок площадка вокруг домны. Там накопилось много мусорбв — так строители называют остатки всевозможных материалов.

Ответственным за приведение в порядок площадки вокруг домны Дымов недавно назначил Дерябина. Ему в помощники Дымов дал нескольких работников своего треста. «Думаете, без вас нельзя обойтись? — говорил Дымов, собрав этих работников. — Конечно, можно. Но вам проветриться полезно! Я ведь точно знаю, кто из вас любит закрываться на все двери в своём кабинете, кто свежего воздуха боится. Глотнёте строительной пыли — по-другому будете к каждому звонку с площадки относиться!». Дерябина даже передёрнуло от этих слов: ему казалось, что он второй раз слушает неприятное напутствие, хотя сейчас оно было адресовано не ему.

Дымов на оперативке возмущался тем, что площадка вокруг домны всё ещё не очищена.

— Прямо Карпаты какие-то! — Мусорбв много, а нетерпимости к мусорам мало. Почему «Январец» не работает на уборке территории? Зачем же он там тогда стоит? Ведь это же кран. Поймите, что «Январец» — кран, а не памятник.

— Машиниста нет, — раздался из-за печки растерянный голос какого-то прораба.

Дымов грозно пожурился на печку.

— Что вы там прячетесь? Нет машиниста? А мы вам из Академии наук машиниста выписали. Ждите. Уже едет академик. Будет крайном управлять. Товарищ Дерябин! Дают вам право свозить на свалку все конструкции, механизмы, строительные материалы, залежавшиеся на площадке вокруг домны!

Прорабы начали нервно ёрзать на стульях. Дымов знал, что, когда кончится оперативка, они сразу бросятся поскорее увозить своё добро.

Впервые зашёл разговор о том, как домна будет поставлена на сушку, как будет зажжена, как быстрее освободиться от всех наружных лесов, которые сразу стали никому не нужны. С внутренними лесами и подмостями хлопот не будет, их убирать не нужно, они сгорят, когда зажгут домну.

Домна «на выходе»!

— Имейте в виду,— сказал Дымов,— сварщики первого класса нужны в Североуральске. На днях за ними придёт самолёт. Всю мелочь пусть доваривают рядовые сварщики. Так что,— Дымов повернулся к Плонскому,— пожалуй, зря вы ночь напролёт хлопотали насчёт квартиры для Шереметьева!

Раздался дружный смех. Громче всех, трясясь всем телом, смеялся Плонский.

— А вслед за сварщиками,— продолжал Дымов,— дней через десять улетят каменщики. Часть из них — в Днепропетровск, а часть — на Дальний Восток... А потом улетит «Стальмонтаж», тоже в Североуральск!..

Домна «на выходе»!

Это ясно чувствовалось на оперативном совещании, но это было ещё яснее при взгляде на саму домну.

С кауперов сбрасывали обрывки тросов, болты, уголки, доски. У подножья кауперов караулили клепальщики, и всё время слышалось: «Эй, берегись!», «Бойся!» Уже вся домна была выложена огнеупором, и в её середке смолк звонкий перестук каменщицких молотков. Водопроводчики закончили монтаж всех холодильников и проверяли систему охлаждения домны. Её омывал холодный душ, свирепо гудела вода, запертая в трубы, трубы подрагивали под её напором.

У столовой, на фанерном щите, под рубрикой «Ведёт разговор бетонщик Егор» появились новые посвящения.

Огнеупорщикам:

Вы кладку провели в короткий срок,
Но вспоминать о ней мы будем долго!

Водопроводчикам:

Работая над охлаждением домны,
Вам был в труде неведом холодок!

Домна «на выходе»!

Только на самой макушке домны заканчивали работу сварщики, и ночью домна стояла в светящейся голубой короне.

Геодезист со своим помощником-реечником снова забрались на самую верхушку домны, выше всех монтажников и сварщиков. Реечник, в ещё более вылинявшей фуражке — скорее светлосерой, чем зелёной, — тащил за спиной ящик, похожий на футляр от баяна. И снова на шнурке под треножником висел, подобный пуле, отвес для вертикальных съёмок, снова на балке установили нивелир, и капля спирта в запаянной стеклянной трубочке бесстрастно и строго следила за тем, чтобы конструкции были смонтированы абсолютно горизонтально.

Большая судьба у этой одной-единственной капли спирта! Она направляла стройку в самом начале, когда геодезист определил на фундаменте будущей домны исходную точку для её роста, определил ось будущей домны. И она же, эта капля спирта, удостоверяет сейчас высокую точность, с которой сооружена вся домна.

38

Вечером Маша сказала:

— Утром заеду. Ждите.

Сейчас, когда Токмаков ждал Машу, комната его казалась особенно неуютной и неряшливой. Он, как мог, навёл в ней порядок, подмёл и даже вытер пыль на подоконнике и на столе, но всё это сделал второпях, так как совсем недавно ушёл Матвейч. Сегодня они решали с Матвейчем задачи по тригонометрии. А после ухода Матвейча Токмаков бегал тут же в посёлке в парикмахерскую. Парикмахер оказался косой, и бриться у него было страшновато; всё время казалось, что он смотрит мимо бритвы.

Токмаков встретил Машу на лестнице — он услышал, как к подъезду подошёл «москвич».

Маша оглядела небольшую комнату и нахмурилась. На стене висела фотография девушки в пиюлке. Маша подошла, взгляделась. Потом она круто повернулась — Токмаков не отвёл глаз.

— Это для неё вы землянику собирали?

Токмаков кивнул. Маша подумала: «Хорошо, что Костя не убрал этой фотографии перед моим приходом».

Присесть Маша отказалась — ну, чего сидеть в комнате? Она перебрала все книги на столе, сложила их аккуратной стопкой, потом подошла к койке, поправила одеяло и взбила подушку:

— Действительно, как наковальня!

— Подушка как подушка...

Маша засмеялась, чуть склонив голову набок, и потянула Токмакова за собой к выходу.

Маша села за руль, Токмаков уселся с ней рядом, и «москвич» покатил по пыльному посёлку. Токмакову приятно была сейчас зависимость от Маши.

Остались позади беспорядочные и неряшливые посёлки, состоящие сплошь из одноэтажных домов. Дома стояли за ржавыми заборчиками и изгородями из железных полос и лент — то были отходы от штамповки.

— А вот из этих штамповали снарядные донья, — сразу определил Токмаков.

Маша кивнула.

— А как её звали? — спросила она.

— Таня. У нас в батальоне было две Тани. Таня Андриасова была санитаркой. А вторая Таня — связисткой. Её все называли Незабудкой. Это потому, что позывные нашего батальона часто были — «Незабудка».

Проехали поворот дороги, ведущей в Кандыбину балку. Теперь машина шла мимо огородов. Повстречалось несколько грузовых такси, которые везли огородников вместе с их урожаем. Прошла машина с приращёнными бортами, доверху гружённая кочанами капусты. Прошло своей неторопливой и тяжёлой поступью, подымая пыль, несколько «танков» с прицепами, тяжело, в несколько штабелей гружённых мешками, с сидящими на мешках огородниками.

Маша рассказала историю этих «танков». Во время войны в Каменогорск прибывали эшелоны с разбитыми немецкими танками. Бывало,

что боевая башня разбита, а ходовая часть исправна. Машины стандартные, и нетрудно из двух-трёх-четырёх машин-инвалидов собрать совершенно исправную. Вооружение, броневой колпак шли в переплавку, а танк превращался в честный и работающий тягач.

Токмаков твёрдо решил рассказать сегодня Маше о своём решении и только искал и всё не мог найти предлога для того, чтобы начать разговор.

Сегодня у Маши выходной день, но ей нужно наведаться в лесопитомник. Она проверит, как выдают саженцы каменогорцам, посмотрит, что делается в оранжерее, а потом они побродят по лесу.

Токмаков шагал рядом с Машей.

Жёлтым туманом стоял на горизонте березняк. Рядом с ним — оранжевый осинник. Соседний ольшанник оставался совсем зелёным. Заросли татарского клёна выделялись грязно-багровым пятном, клён гиналла готовился умереть в яркокрасной одежде, а рядом увядал клён американский — листва его была интенсивно жёлтого цвета. Это был своеобразный лес-парк-сад. Достаточно было перейти узкую тропу, чтобы очутиться в ином растительном царстве.

Токмаков и Маша переходили из края в край, переступали через долготы и широты, которые, вопреки географическим масштабам, внезапно сдвинулись, и оказались совсем близко друг к другу.

Маша давала пояснения. Токмаков был рассеян, отвечал невпопад или невежливо молчал.

«Дойдём до тех кустов — всё скажу».

Но они дошли до кустов, миновали ещё какие-то заросли, а Токмаков продолжал мрачно и сосредоточенно молчать. Маша посмотрела на него сзабоченно и спросила, что с ним такое. Это был очень подходящий момент, чтобы всё сказать, но он им опять не воспользовался.

Оказывается, этот кустарник — бобовник, а бобовник — не что иное, как дикий степной миндаль. Неужели? Вот не думал! Маша говорит, что он цветёт в апреле. Оказывается, цветок и орешки пахнут миндалем. Да, да, это очень интересно! Маша говорит, что к бобовнику этому можно привить и персики, и настоящий миндаль. Она сказала ещё что-то, но Токмаков не уловил смысла сказанного.

«Вот дойдём до берёзовой рощи — всё скажу», — твёрдо решил Токмаков.

По-разному желтели берёзы. Одни — равномерно от макушки до ветвей, поникших над землёй. Другие — с одного края или с макушки. А одинокая берёза на отшибе стояла ещё совсем зелёная.

— Знаете, Машенька? — Токмаков замедлил шаг. — Давно собирался сказать... Я всё-таки уезжаю. .

— В Красные Пески? — спросила Маша, опустив голову и очень внимательно рассматривая листья.

— Нет, в Североуральск... В Красных Песках мы будем позднее, весной.

Они медленно шли сквозь берёзовую рощицу, и осень печально и мёртво шуршала под их ногами опавшей листвой. День был ветреный, и при каждом порыве холодного ветра летели черенками вниз невесомые жёлтые листья. Иные опавшие листья уже прибило дождями. Листья потемнели, и сквозь них кое-где проросла трава.

— Похоже на картину «Золотая осень», — сказал Токмаков. — Именно такая у нас осень!

Он подождал. Маша не подняла головы.

Он сказал:

— Эта картина написана в моих родных местах. И почтовый адрес

моей матери знаете какой?.. Ивановская область, Плёс, гора Левитана, дом двенадцать. Вот куда бы я, Машенька, повёз вас настоящие леса посмотреть! Вы настоящий-то берёзовый лес видели?

— Нет.

— А знаете, Машенька? Леса тоже шумят по-разному. Вот когда-нибудь услышите! Берёзовый лес сразу на ветер откликается, даже на маленький ветер. Шумит, волнуется. Стихнет ветер — и сразу в лесу тихо. В осиннике чуть дольше шум после порыва ветра, листья более жёсткие. Ну, а сосны? На маленький ветер сосны и внимания не обращают. А подует сильнее — раскачаются верхушки, гул подымет, смятение. Уже и ветра не станет, а ещё долго будет лес гудеть, будто рассерженный, что его потревожили...

Маша попрежнему смотрела под ноги. Туфли её стали мокрыми — роса в сентябре не высыхала допоздна.

— Машенька! — Токмаков остановился, завладел её руками и начал их целовать.

Стал слышен шелест листопада.

— Я давно поняла, что вы уедете, — тихо произнесла Маша. — Как же вы можете бросить своё любимое дело...

— И как я только попал в строители домен? — сказал Токмаков, когда они снова пошли рядом. — Мне бы полагалось пойти по ткацкому делу. У нас там, в Ивановской области, кругом фабрики. Или штурманом на буксир. Или лесничим. У нас и домны ни одной на сотни вёрст в округности не было! Пошёл тогда в строительный техникум, это в Костроме, от нас вверх по течению. Оттуда на практику. И куда же? На Урал, в Нижний Тагил. Там тогда как раз домну строили...

— А в Каменогорске ещё будут строить домны? — спросила Маша.

— Если и будут, то не скоро.

Маша закрыла глаза, словно в темноте ей легче было стерпеть боль.

— Машенька! Родная моя! — Токмаков порывисто привлёк её к себе. Она не отвела губ и глаз, потемневших от волнения.

Потом Маша мягко высвободилась и, приложив ладони к пылающим щекам, пошла вперёд, словно надеялась быстрой ходьбой унять сердцебиение.

Березняк уже остался позади, они пересекали лесок, засаженный стройными лиственницами. Осыпавшаяся хвоя лежала между стволами плотным бурым ковром.

Сосны и ели, росшие слева, казались по соседству с лиственницами яркозелёными.

В этих кварталах леса было сегодня совсем пустынно, никто не встречался Маше и Токмакову, никто не высматривал здесь саженцев, не выкалывал их. Хвойные породы пересаживают только весной, а осенью они никого не интересуют.

— А зимой весь лес голый, только эти кварталы зеленеют, — сказала Маша. — У нас тут хорошо зимой! Правда, снежные бураны бывают. Представьте, Костя, ту бурю, когда последнюю царгу подымали, но только со снегом. Да ещё мороз градусов на тридцать. У нас прошлой зимой был случай. Мама повесила во дворе бельё сушить, а тут — буран. Верёвку порвало, бельё унесло и замело сугробом. Уже весной, когда снег растаял, нашли то бельё где-то на пустыре... А всё равно, пусть даже бураны, — хорошо зимой! Дома у нас всегда тепло. А в подвале яблоками пахнет, всю зиму яблоки свои едим. На лыжах с гор катаемся, весело!

Токмаков попробовал себе представить Машу в шубке, в валенках, в тёплой шапке, но мешали смуглые руки, обнажённые выше локтей.

«Но ведь это Маша говорит о зиме, которую мы проведём в разлуке? Что же тут весёлого? Говорит весело, а глаза у неё всё равно грустные».

Они вышли к посадкам клёна. По соседству слышались голоса, на лесной просеке мелькали люди с лопатами на плечах.

Токмаков и Маша шли, не разнимая рук, прижавшись друг к другу так тесно, насколько это позволяла ходьба.

Они говорили о его отъезде, о её жизни в Каменогорске, и их разговор носил характер почти семейный. Теперь, после того как каждый из них мысленно обрёл себя на разлуку, они поняли, что навечно разлучить их ничто не сможет.

«Вечные влюблённые в разлуке» — вспомнила Маша. — Такая у нас, у женщин, солдатская доля. Вечно провожать любимого, а затем греховно жаться за него. Так и Костя уедет. Но ведь он вернётся? Я буду ждать его, как ждали и ждут все солдатские невесты»...

— А всё-таки попала Машенька моя в солдатские жёны! — сказал внезапно Токмаков. — Ты мне письма будешь писать?

— Буду, Костя.

— Вот получу от тебя письмо там, в Североуральске, и ещё до того как распечатаю — живо так увижу тебя. Стану угадывать, во что была одета. И в какой почтовый ящик опустила письмо. И как чуть-чуть нахмурилась, когда опускала конверт в ящик... Я тоже буду писать. Но ты пиши, не дожидаясь ответов. Хорошо?

— Хорошо, Костя.

— У меня в батальоне был лейтенант Механошин. Каждый день ему жена письмо писала. Условились они при прощании. Каждый день! Когда мы из окружения вышли, Механошин больше ста писем сразу получил. Пачка — толстая! По числам разложил он и недели две письма читал. Весь батальон ему завидовал. Да тут ещё каждый день свежие письма поспевали... Убили Механошина уже за крепостью Пиллау, на косе Фриш-Нерунг. Три дня до победы не дожид. Ещё пачка писем скопилась от жены, но тех писем уже никто не прочёл...

— Но ты не будешь злоупотреблять моим обещанием? — испугалась Маша. — Ты будешь отвечать, когда сможешь?

— Я скоро приеду в отпуск. Мне полагается сразу за два года. Построю домну в Североуральске и приеду.

— А в Красные Пески?

— Может быть, мы вместе поедem, Машенька?

Она не ответила. Токмаков крепко сжал ей руку.

Когда догорел красный ветреный закат, они подошли к «москвичу», оставленному на просеке, разделяющей заросли карагача и дикой яблони.

Они поехали в сторону города. Но им так было хорошо наедине, что, когда Токмаков предложил не торопиться обратно в город, Маша кивнула в знак согласия. Выруливая, она даже побледнела, словно очень трудно, очень опасно было развернуть «москвича» на этой пустынной, гладкой, как скатерть, дороге, проложенной в степи.

Они поехали по дороге, которая вела в совхоз, затем свернули прямо в степь.

Они вышли из машины и, взявшись за руки, пошли, не разбирая дороги, по степи, густо заросшей ковылём.

Они приминали, раздвигали, пригибали высокие стебли перезревших трав.

Роскошным мягким ковром стлалась степь перед Машей и Токмаковым.

Над самой землёй запах полыни был ещё горше. Маша чувствовала эту горечь на своих губах и на губах Кости.

Она ничего не слышала, кроме сердцебиения.

Наверно, они отъехали на машине очень далеко и долго оставались одни, потому что их настиг в степи поспешный сентябрьский вечер, а на смену вечеру быстро пришла ночь.

Над Каменогорском, особенно в стороне завода, звёзды всегда тусклые, многие из них вообще не видны. А здесь, в степи, звёзды сияли ярче, и были они многочисленнее. Над заводом висела Большая Медведица, похожая на склонённый ковш для разливки стали.

Обратно в город ехали совсем медленно. Токмаков сидел рядом, курил и всё заглядывал Маше в глаза.

Навстречу шла машина с одной фарой. Хуже нет! Никогда не поймёшь — левая фара горит или правая? Маша прижала «москвича» к самой обочине, а когда машины разминулись, нить мыслей была потеряна, и всё нужно было вспоминать и передумывать с самого начала.

Только что окончился последний сеанс в кинотеатре «Магнит». Огни «москвича», ехавшего вдоль городского бульвара, иногда находили в темноте парочки. Парочки сидели, тесно прижавшись, на скамейках. Парочки шли в обнимку по аллее. Парочки стояли у калиток и подъездов. Всё это были затянувшиеся свиданья, расставанья.

И оба — Маша и Токмаков — подумали о том, что их свиданью тоже наступает конец, что им тоже вот-вот придёт пора прощаться перед разлукой, которая, может быть, будет очень долгой и трудной.

39

Пришло время, когда диспетчеры стали чаще поглядывать на циферблаты часов, чем на листки календарей. Сегодня на щите-календаре в квадратное окошечко, выпиленное в фанере, вставлена единица, и на щите значится: «Осталось 1 дней до пуска домны».

Подняты наверх последняя балка, последний лист железа, последняя лестница. Ушли на покой подъёмные мачты, краны, транспортёры, лебёдки. Тросы и канаты, которые столько потрудились за эти месяцы — каждая стальная нитка выдержала огромное напряжение, — послушно и устало свернулись в мотки. Спрятаны теодолит и нивелир, ватерпас и отвес, с которыми ползали на головокружительной высоте геодезист и его помощник-реечник. Убраны измерительные рулетки и линейки. Обречены на временное безделье блоки, полиспасты, электрокабели, воздушные шланги.

В последний раз провёл чёрной кистью маляр и спустился на землю с пустым ведёрком в чёрной, как сажа, руке. Электросварщик вынул из держателя и ю-хозяйски спрятал в карман последнюю палочку электрода — больше варить нечего. Там, где ещё недавно, сразу на пятнадцать этажах, шла жаркая работа, стало необычно тихо и пустынно.

В домну загружены брёвна. Они лежат там настилом, призванным предохранить огнеупорный паркет от ударов кокса, который обрушится сверху при загрузке печи.

Прилежно бегают скипы по наклонному мосту, загружая печь. Вчера ещё они бегали вхолостую, а сегодня они работают и в самом деле.

Сто двадцать автоматических приборов готовы измерять температуру домны. На ходу и вся другая аппаратура — чуткая, всевидящая, почти сверхъестественно мудрая.

В будке управления трезвонят звонки, зажигаются и гаснут лампочки — жёлтые, красные, зелёные. Эти маленькие доменные светофоры следят за загрузкой печи.

Уже залиты чернилами в самозаписывающие приборы пульта управления. Приборы (их шуточно называют ябедниками) готовы к исполнению

своих канцелярских обязанностей. Чёрные чугунные ковши на лафетах и выбеленные извёсткой шлаковые чаши стоят на горячих путях. Сушится песчаный жолоб, по которому скоро пойдёт чугун. Горновые развели у лётки костёр, в него подкладывают обручи, донья и доски от разбитых бочек из-под цемента.

Но воздух и огонь ещё не вступили в свои права. Холодная домна тиха, и эта тишина предшествует рождению чугуна.

Вчера у подножья домны сидел за столиком начальник доменного цеха. Стол был покрыт бумагой в чернильных пятнах — заурядный конторский стол. Начальник цеха оформлял акты сдачи-приёмки механизмов и объектов домны, и, когда все 76 актов были подписаны, правительственная комиссия приняла домну с оценкой «отлично».

Пока шла приёмка домны, между строителями и доменщиками, как обычно в такие часы, вспыхивали маленькие ссоры и споры. Теперь все недоделки были устранены, недоразумения выяснены.

Задувка печи была назначена на двадцать два часа, а с двенадцати дня вокруг была выставлена охрана.

Монтажники из бригады Бесфамильных лазили по подкрановым балкам литейного двора, они отрывали и сбрасывали забытые там доски. Часовой не пропускал Бориса на площадку. Его выручил Бесфамильных, закричавший сверху:

— Эй, там! Пропустите! Из нашей бригады. Мы тут подмости снимаем.

И Борис поспешно полез наверх. Лишь бы остаться на пуск домны!

Гинзбург каким-то образом тоже оказался без пропуска. Часовой покосился на вылинявшую холщёвую куртку, заляпанную известью, на такие же холщёвые штаны, заправленные в стоптанные сапоги, и потребовал пропуск.

— Да я же эту домну монтировал!

— Мало ли что!

— Вы меня, очевидно, не поняли?

— Без пропуска нельзя. Приказано, чтобы лишних людей на задувке не было.

Выручил Гинзбурга начальник доменного цеха.

— Такая у нас, у строителей, судьба,— вздохнул Гинзбург.

Токмакову уже нечем было распоряжаться, некому было приказывать, нечего было делать самому. Он томился от безделья и всё-таки не уходил.

Токмаков не сразу узнал отца Маши. На Берестове был асбестовый костюм, валенки, широкополая войлочная шляпа с обгоревшим до тёмнокоричневого цвета ворсом и с синими очками, укреплёнными наподобие козырька. Шляпа была надвинута на глаза, она закрыла нависшие чёрные брови. В руке Берестов держал лом. Рядом с ним, в таких же доменных доспехах, с таким же длинным ломом, похожим на копьё, стоял горновой Прибылов.

Берестов снял асбестовую рукавичку, молча поздоровался с Токмаковым, с Карпухиным и торопливо прошёл мимо.

Все последние дни Карпухин, Баграт и другие клепальщики работали далеко от домны, на рудобогагательной фабрике. Карпухин очень боялся, что его забудут пригласить на пуск домны, но сам просить пропуск не хотел и тем более обрадовался, когда ему и Баграту прислали приглашения.

Баграт впервые присутствовал при задувке домны, и Карпухин всё время ему объяснял то одно, то другое, да так сердито, словно он, Баграт, взялся задувать сегодня домну, а сам к этому не подготовился, да вдобавок оказался ещё несообразительным учеником.

Карпухин пришёл на пуск домны со смешанным чувством обиды и гордости: сварная домна — двадцать пятая и последняя по счёту домна на его рабочем веку!

Увидев Карпухина на пуске домны, Терновой окликнул его. Тот пошёл и хмуро поздоровался.

— Что это? — удивился Дымов, стоявший рядом с Терновым. — Все весёлые. Домну вот построили, пускают. А ты нос повесил!

Карпухин промолчал.

— Что же делать, — вздохнул Дымов, — если сварка вытеснила клёпку.

— Ну, а если бы нашлась для него хорошая работа на домне? — спросил Терновой с лёгкой усмешкой.

— Такой работы нет и быть не может. Не хуже меня знаешь.

— А если бы?

— Что ты заладил — если бы! Эстакаду пусть клепают!

— Да склепают тебе эстакаду! А для Карпухина я нашёл работу. Бригадиром рубщиков будет. На домнах. Шутка сказать, двадцать пять домен. Это не фунт изюму!.. Серебряную свадьбу человек сегодня празднует!..

Терновой сговорился с Осадчим, чтобы Карпухину, в связи с его юбилеем, доверили вместе со старшим газовщиком задуть домну. Карпухин никогда ещё не удостоивался такой чести. Но узнав об этом, он не удержался и пробурчал:

— Дураку и чёрт дорогу уступает!..

В старое время домну «на счастье» разжигали сторублёвкой — «кафелькой», то была традиционная взятка заводчика судьбе; чтобы печь не капризничала, чтобы кампания печи длилась долго, чтобы рабочие не бастовали, чтобы росли дивиденды акционерного общества.

Теперь незачем задабривать судьбу, но задувка новой домны всегда походит на священнодействие.

Двадцать один час сорок пять минут. В поддоменнике многолюдно. Собралась вся доменная гвардия завода. Приехали гости из области, из министерства. Дымов рассказывает что-то Медовцу, и тот стоит, пригнув голову: иначе он ничего не услышит, так сильно гудит воздух.

Все то и дело посматривают на часы. Начальник доменного цеха передаёт приказ на воздухоудвку включить машину на новую печь.

— Всё готово! — докладывает Берестов.

Начальник доменного цеха спрашивает что-то у Осадчего, тот кивает, и раздаётся команда:

— Дать воздух в печь!

Берестов рванулся в будку управления и закричал в телефонную трубку: «Воздуха мне, воздуха!» таким истошным голосом, будто сам задышался.

Вскоре Карпухин, вместе с газовщиком, повернул штурвал горячей задвижки, и воздух, вобравший в себя весь зной раскалённого каупера, устремился в домну и родил в ней животворный огонь.

Казалось невероятным, что ещё вчера в печи, где сейчас дует свирепый огненный сквозняк, тускло горела электрическая лампочка, пахло высушенными досками и по огнеупорному паркету разгуливали Берестов и другие доменщики.

Нестройное «ура», возгласы, крики, заглушаемые гудением печи.

— Что-то газ сегодня глаза ест, — проворчал Карпухин, вытирая слёзы, текущие по носу и щекам.

Печь набирала ход, на рассвете она выдаст первую плавку.

Группа строителей осталась ждать вместе с доменщиками. Где-то

в тёмном углу поддоменника дремали Токмаков, Борис, Матвеич, Вадим, Бесфамильных и ещё несколько монтажников. Они тоже решили дожидаться чугуна.

— Значит, с нами хочешь ехать? — спросил Матвеич у Бориса. — А не рано тебе в цыгане записываться? Совсем зелёный. Небось, совершенного летия не достиг ещё?

— Уже стукнуло.

— Восемнадцать лет, это — набежало, набралось. Вот шестьдесят лет, это — стукнуло. Ты и сердца своего не слышишь, оно тебе не жмёт, как мне, старику. Восемнадцать лет живёшь на белом свете. А я этим делом да-авно занимаюсь. И авторитетно могу заявить. Без учения теперь стоящий строитель не вырастет! Ведь меня как обучали? «Бэри трос потяжелее, тащи подальше» — вот и вся наука была. А теперь? Все привилегии молодым. Только — учиться!

— Буду учиться.

— Даже если бы ты учиться не захотел, тебе прораб такой роскоши не позволит. Он тебя чуть свет подымет и задаст задачку про эксен-триси... Тьфу, чёрт её побери!..

Токмаков в полудремоте услышал и ухмыльнулся:

— Не чертыхайся, старый! Задачку-то смекнул решить, а произнести не можешь: экс-цен-три-си-тет!..

Борис не спускал глаз с отца. Тот всё чаще подходил к фурмам и заглядывал через глазки в утробу печи; как бы примеряясь, он брал в руки лом, отполированный своими и чужими ладонями; потом он ещё раз проверил баллоны с кислородом для прожигания лётки. Всё в порядке!

И вот, наконец, наступила эта гордая и величественная минута — печь готова выдать чугун.

— Пора! — скомандовал Берестов Прибылову, стараясь казаться спокойным.

Мастер и старший горновой в четыре руки начинают разделять лётку. Они стоят на железном листе, брошенном на песчаную канавку, будущее русло чугунного потока. Раскачиваясь в такт, они долбят ломом огнеупорную глину.

— А где Нежданов? Как же можно? Первая плавка — и без Нежданова? — спрашивает Дымов с деланным испугом. — Домна просто откажется выдать чугун.

Но Нежданов уже бежит, на ходу напяливая шляпу ещё ниже на глаза. Он задержался в аппаратной, где записал последние показания приборов. Следом за Неждановым, бесцеремонно толкая кого-то по дороге, бежит Флягин.

Все напряжённо следят за согласными движениями горновых. Никому не разрешается подходить близко к лётке в этот момент.

В декабре 1942 года, когда в Каменогорске пускали домну, не сумели как следует просушить для жолоба промёрзший песок. Произошёл так называемый «хлопок». Дымов стоял близко, чугун плеснул ему в затылок. Воротник шубы и ушанка сгорели, и Дымову обожгло шею...

И всё-таки именно о той домне, пущенной в дни Сталинградской битвы, когда вся южная металлургия была захвачена врагом и каждый второй наш снаряд был из каменогорской стали, Дымов вспоминает с особенной нежностью. Он и сегодня зашёл в аппаратную той домны, благо она по соседству. В стену аппаратной вделана мемориальная доска. В бронзе отлит барельеф вождя и текст телеграммы Сталина строителям печи и металлургам.

Всё тоньше и тоньше глиняный простенок, держащий чугун взаперти.

Он уже начинает светиться изнутри. Пробивается синий язычок пламени. Чугун ещё заперт, но вот он находит лазейку и вырывается наружу со стихийной силой.

Берестов и Прибылов отскочили в стороны и прижались к самой домне. Железный лист, на котором они только что стояли, покраснел. Взрыв света и тепла. Ослепительное сияние и зной, обжигающий кожу и дыхание.

Отсветы доменного пожара ложатся на потные, подрумяненные огнём лица Берестова и Прибылова.

Малиновый, кроваво-красный, розовый, жёлтый, белый пар подымается у истоков чугунной реки. И переменчивые отблески огня загораются на очках Нежданова, будто кто-то очень расторопно меняет в них цветные стёкла.

Сперва чугун идёт по песчаному руслу с лентой, нехотя, затем бежит всё быстрее и быстрее, не зная удержу. Чугун искрится. Разноцветный пар подымается над жолобом и застилает весь литейный двор.

«Вот бы Машенька посмотрела! — жалеет Токмаков. — Разве я сумею хорошо передать эту картину?»

Защигив лицо согнутой в локте рукой, Прибылов переступает кривыми ногами через огненные арыки и ставит заслонки, управляя половодьем чугуна. Мастер Берестов, Прибылов и другие горновые шагают через эти ручьи непринуждённо и уверенно, не глядя под ноги, с особой повадкой истинных доменщиков. Они пустили мощную новую домну. Где-то в Сталинске уже выходят горновые на утреннюю смену. В Кривом Роге ещё глубокая ночь. Сегодня доменщики-сибиряки и кривоножки узнают, что у них есть ещё одна домна-союзница.

Дымов смотрел на ручей чугуна в круглых песчаных берегах жолоба и думал, что ручей этот — только маленький приток, который вливается в одну большую огненную реку... Очень может быть что вот из этого металла он будет строить следующие домны, ведь на сооружение домны в Каменогорске он получал металл с заводов, которые сам прежде строил.

Двадцать восемь лет назад, после штурма Перекопского перешейка Дымов лежал раненый в Керчи, в семье горнового тамошнего металлургического завода.

...Тогда, в год всеобщей разрухи, на Керченском заводе продолжала, не угасая, гореть единственная во всей Советской России доменная печь. Горновые хранили её огонь, как люди берегли когда-то пламя первобытного костра. Словно горновые знали, что от огня этой печи займутся когда-нибудь и разгорятся доменным пожаром все потушенные войной и разрухой печи. Маленькая героическая домна стояла, как часовой на посту, оберегая будущее своей страны.

С тех пор для Дымова вся страна виделась прежде всего в заревах металлургических заводов, которые он учился строить, строил, строит и будет строить...

Однако становится больно губам, нёбу, лёгким, глазам от чугуна, который течёт и течёт по желобам, наполняя один ковш за другим. Раскалённые звёздочки кремния мечутся над желобами рассыпями белых искр. Кажется, вот-вот вспыхнет на людях одежда. Горновые уже несколько раз пили свою подсоленную воду, и Карпукhin с удовольствием выпил ковшик подсоленной воды, поднесённой ему Берестовым.

— Ну, как там мой? — спросил Берестов.

— Вадим говорит — будет толк из парня... А почему ты его на домну не взял, в подручные? Династии Берестовых от людей почёт!

— Хорош почёт! Отец — обер-мастер, а сын будет еле-еле четвёртый горновой? Одно название, что потомственный доменщик. Теперь, чтобы

до нашего с тобой звания дойти, Захар Захарович, надо в книжки заглядывать.

Карпухин вздохнул, ничего Берестову про своё звание не разъяснил, а только сказал:

— Твоего Бориса до дела доведут. Согласно моего движения.

— Чего-чего?

— Согласно, говорю, карпухинского движения!

— Ну и ну!.. Важно!.. — Берестов широко улыбнулся и надвинул на глаза войлочную шляпу.

Ещё ни один пуск домны не приносил Карпухину столько тревог и волнений. Потому ли, что с этой домной у него связано столько переживаний? Конечно, карпухинское движение — это хорошо. Но вот звание своё, звание мастера клёпки доменных печей, он потерял. Будет теперь Захар Захарович вместе с Катькой у Шереметьева учиться...

«Вот довелось ещё до одного праздника дожить, — утешал себя Карпухин. — Ещё печурку пустили».

— Константин Максимович! — услышал Карпухин рядом звонкий голос. — Как вы думаете: будет когда-нибудь устроен салют в честь рабочих?

— По-моему, каждый салют в нашу честь, в честь рабочего класса!

— Это я понимаю, Константин Максимович. А если устроить салют, например, в честь металлургов? Когда они свою пятилетку выполняют? Или в честь шахтёров? Или в честь строителей?

— А что же, Борис? Очень может быть, что когда-нибудь такие салюты и будут.

— Ишь, пострел! — Карпухин с любопытством оглянулся на Бориса. — Фейерверк в городском саду уже не годится. Салют ему требуется!..

На литейном дворе остались только доменщики. Строители спустились по железной лестнице, пересекли горячие пути, по которым паровоз уже отвёз ковши с жидким чугуном, и тесной кучкой в последний раз прошли по площадке.

Щит-календарь ещё стоял на месте, но утром квадратик фанеры с красной единицей выдернули, и в щите образовалась прореза: «Осталось... дней до пуска домны». Щит-календарь отслужил свою службу и, может быть, сегодня его уберут, как уже убрали утром все плакаты и лозунги, призывавшие во-время пустить доменную печь.

Давно ли здесь висели плакаты, на которых значились фамилии Шереметьева, Карпухина, Андриасова, Токмакова, Пудалова, Петрашень? Все эти плакаты устарели, как оторванные листки календаря.

40

В сквере, перед заводскими воротами, стоит бронзовый монумент. Именно здесь, при входе на завод, где никогда не бывает пустынно и тихо, место этому монументу.

Сталин стоит с непокрытой головой, заложив правую руку за борт френча. Солдатскую шинель распахнуло ветром, одна пола её откинута. Заводские думы касаются непокрытой головы вождя, пыль и копоть завода слегка оседают на его плечах.

Здесь, на этой площади, у главной проходной завода в шесть вечера начнётся митинг.

На площади уже было многолюдно, но народ всё подходил. Иные заняли ближние скамейки, стоящие вдоль газонов и клумб. Машины, которые всё подъезжали, становились полукругом по внешней границе площади. Борта, обращённые к площади, откидывали, и люди усажи-

зались, свесив ноги, на краю кузова, на ступеньке, на крыле машины, — то был амфитеатр. Те, что стояли в кузовах и сидели на шофёрских кабинах, составляли первый ярус. А мальчишки и взрослые, взобравшиеся на крышу заводоуправления и соседней гостиницы, образовали далёкую галёрку.

Бригадиры, мастера и прорабы, охрипшие от переговоров на расстоянии, от команд, снова обрели голоса. Все сегодня почтительно и даже несколько церемонно здоровались друг с другом, все приделались.

В горах уже выпал снег. В городе сразу похолодало. Кленовая аллея, высаженная полукругом по границе площади, просвечивала насквозь; и потому площадь сейчас казалась более просторной, чем летом. Клёны стояли оголённые, густо обвешанные кистями крылаток, они очень похожи на стрекоз с крыльями, сложенными вместе. Семена перезимуют на дереве, а весной каждое семечко улетит на своём парашюте, подхваченное ветром...

К трибуне шёл через площадь самодеятельный духовой оркестр, и ребята маршировали впереди оркестра. Оркестранты пришли на митинг из Дворца культуры, они шли через весь город и на ходу релетировали.

Вскоре люди уже стояли так тесно, что совсем не стало видно асфальта под ногами.

В толпе, запрудившей площадь, были и женщины с грудными детьми на руках, и старики, которых в Каменогорске мало, намного меньше, чем детей; старики были только приезжие, в самом Каменогорске ещё никто не успел состариться.

Из главной проходной завода вышла на площадь делегация металлургов. Впереди шёл доменный мастер Кирилл Берестов. Он только что выдал плавку на новой печи, и сейчас ему, в виде особой чести, было доверено нести на митинг знамя Государственного Комитета Обороны и Совета Министров СССР. Берестов шёл в асбестовом костюме и войлочной шляпе с обугленным ворсом. По бокам знаменосца, в качестве его ассистентов, шли сталевар и прокатчик.

Знамя, которое нёс Берестов, было вручено заводу ещё в годы войны, и с тех пор оно оставалось в Каменогорске; доменщики, сталевары и прокатчики крепко держались за его древко.

Берестов, тяжело ступая, поднялся со знаменем на трибуну, где уже струился и трепетал на осеннем ветру у ног Сталина красный костёр знамён.

Токмаков тревожно оглядывал площадь — где же Маша? Почему её до сих пор нет?

Далеко в толпе он увидел Пасечника и Катю. Пасечник шёл с костылём, но так быстро, что Катя от него отстала. Токмаков издала помахал им рукой, Пасечник заковылял ещё быстрее, проталкиваясь боком сквозь толпу. Он был в новом костюме, при орденской планке.

Едва Пасечник появился у трибуны, его сразу обступили монтажники.

Пасечник опёрся на костыль, снял кепку и картинно провёл рукой по отросшим волосам, которые теперь казались более рыжими, чем прежде. Зелёные глаза его поблёскивали.

— Не переложил лишнего? — спросил Вадим.

— Малолитражный ты человек. Даже трудно поверить, что хороший верхолаз. А меня скоро выписывают на работу. Встречайте нас с Катей в Североуральске. Через месяц наверх полезу.

— Вы его не слушайте! — фыркнула Катя. — Он у меня заводной. Скандалит с врачами: скорее наверх. А врачи сказали — не раньше, чем через два месяца.

— Где же мне от тебя спрятаться, если не на высоте? — Пасечник смешливо посмотрел на Катю. — Прямо скажу — негде. И потом сверху удобнее следить, чтобы ты с кавалером не убежала!.. «Мне сверху видно всё, ты так и знай!» — вдруг пропел Пасечник, увидел, что Катя надулась, и продсжал: «Ну, что ты, милая, курносый нос повесила?» Уже и пошутить нельзя среди своих. Лучше смеяться, чем плакать!..

В сторонке стоял Хаенко. Вадим первым увидел его и окликнул. Хаенко подошёл с независимым видом, не спеша.

Пасечник демонстративно переставил костыль и повернулся к Хаенко спиной.

— У какой лебёдки теперь хлопчешь? — спросил Вадим.

— Я теперь — «Кроватьстрой»!

— Что ещё за «Кроватьстрой»?

— Погоди, будешь ещё на моих пружинах маяться. Государственный заказ выполняем! Тыщу кроватей для Красных Песков!

— Лет на пять халтуры хватит! Скорее гигант построим, чем ты свои пружины да шарики смонтируешь.

— Это ещё как сказать, товарищ инвалид. Если бы я с вашим Дымовым сработался, я бы в Красных Песках раньше твоего был. Мне каждый день из вашего отдела найма приглашения шлют. Прямо потеха! Не желаю! У меня и так житуха нормальная.

— Я знаю, ты за способностями не гонишься, — бросил Пасечник через плечо. — Твоя забота в жизни одна — чтобы потребностей побольше было. А десятку всё-таки дать?

— Бюджет позволяет всю компанию угостить!..

Хаенко дождался, никто не принял его приглашения.

— Может, ты, Вадим, не побрезгаешь обществом отставного верхолаза? — Голос Хаенко, всегда уверенный и насмешливый, надломился, в нём прозвучала даже мольба. — Может, ещё придётся тебе с верхотуры кричать «вира, Хаенко!»

— Может, и придётся, — сказал Вадим, ему всё же было жалко своего бывшего приятеля. — Но тебе, Хаенко, надо не с одним Дымовым срабатываться...

— Ну, раз вы такие гордые, пойду, сам выпью за «свечу» с «подсвечниками». Прямо потеха!

Хаенко засунул руки в карманы, но отошёл недалеко — он опять стал в сторонке, явно расстроенный своим одиночеством.

Токмаков, наконец, увидел Машу и начал пробираться к ней.

Маша стояла близко от трибуны и смотрела на отца. Токмаков подошёл сзади и взял её под руку, она даже не оглянулась, только прижала его руку, будто знала, что он сейчас подойдёт. Они не виделись со вчерашнего дня — целая вечность!

— Ты сегодня, Машенька, — Токмаков не сразу подобрал слово, — такая ненастная...

— Разве? — Маша отвела взгляд, ей не хотелось, чтобы он видел её сейчас грустной. — Перемена погоды всегда на меня действует...

Она смотрела на отроги Уральского хребта, снег уже покрывал крутые плечи гор.

— На Северном Урале ещё холоднее, — задумчиво сказал Токмаков. — Вот когда мы попадём с тобой в Красные Пески, уже будет весна, геппо. Там, говорят, не каждый год бывает зима. Южный климат...

Оркестр в ожидании начала митинга старался изо всех сил. Толстяк-трубач опоздал и затрубил уже во время исполнения вальса, как только отдышался. Дирижировал оркестром кларнетист, который то

дул в свой кларнет, то махал поднятой над головами рукой. Ударник с тарелками в руках был единственный, кто мог курить, на зависть соседям, под музыку. Мальчишки стояли вокруг музыкантов, не столько слушая, сколько глядя, как играют, и один из них — чумазый и оборванный — благоговейно касался грязным пальцем барабана. Когда пьесу доигрывали и устраивали маленький антракт, музыканты становились лицом друг к другу, и над этим тесным кружком взвивалось сизое табачное облачко.

К трибуне пробивался Нежданов с пачкой газет в руках. Вид у него был измученный, газета опоздала. Нежданов ночь не спал, верстал и правил праздничный номер, весь посвящённый новой домне. Это был пусковой номер. В первый раз за последние месяцы газета вышла без рубрики, указывающей, сколько дней осталось до пуска, но зато на всех четырёх полосах рассказывалось об этих днях, прожитых Неждановым вместе со строителями.

— Пожертвуй номерок, свежая голова, — окликнул Нежданова Токмаков, на ходу вытягивая из пачки газету.

Маша заглянула Токмакову через плечо — Костя! Рядом с плохим фото — очерк о Токмакове и его верхолазах под названием «Ветер в лицо».

«Вот Костя уедет, а у меня нет его фотографии!» — Маша догнала Нежданова, выпросила ещё один номер — фотография была такая же тёмная, черты лица огрублены ретушью.

На трибуне, рядом с Дымовым, Терновым и секретарём горкома, появилась Мария Невьянцева, приглашённая в числе знатных людей города.

Бесфамильных толкнул в бок «Ивана-да-Марью» и выразительно подмигнул. «Иван-да-Марья» сердито от него отмахнулся и протолкался поближе. Тут же стояла тётка Василиса. Поджав губы, она смотрела на своего старого. Карпухин стоял на трибуне важный, при орденах и галстук.

Когда все поздравления были уже выслушаны и рапорт был прочитан, взял слово Терновой.

— Сколько у нас сейчас, товарищи, домен? — Терновой показал рукой в сторону завода. — Больше, чем некоторые наши недруги думают. Было время, они нас пугали, что мы строим неправильно, что нам нехватит руды, нехватит воды и чуть ли не воздуха. Про наш Урало-Кузбасс американцы писали, что это — цилиндр, надетый на голое тело. Да, мы строили тогда не по правилам, которые предписывала нам так называемая наука, точно так же, как и в гражданскую войну победили вопреки их науке. Нам некогда было строить по правилам, потому что мы очень торопились, когда закладывали Каменогорск. Мы строили гиганты, а сами ещё ходили в лаптях и зимовали в палатках. Но как только у нас появился металл, у нас появились машины, рубашки, штаны, сапоги. А цилиндр этот самый оказался на поверку не цилиндром, но каской, красноармейской каской, которую носили освободители Европы от фашизма. И нет человека, который не оценил бы прозорливости вождя, создателя Урало-Кузбасса и всей нашей могучей индустрии.

В феврале грядущего первого года Сталин сказал: «Мы отстаем от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Мы сделали это, нас не смяли в сорок первом году и нас не сомнут никогда!..

Терновой говорил о том, что новая домна — вклад в дело мира. Каждая домна усиливает мощь защитников мира.

Нежданов быстро записывал речь Тернового, подчёркивая места, которые ему больше всего нравились. «Каждая домна — это крепость», — сказал Терновой, и Нежданов на полях блокнота быстро пометил: «Домна — ДОТ, долговременная огневая точка нашей Сталинской пятилетки».

Берестов стоял у знамени как часовой, глядя с трибуны на завод, поверх площади, запружённой народом. Только один раз он задержал взгляд на выцветшей почти до белизны фуражке речника, стоявшего рядом с геодезистом. Берестов узнал фуражку пограничника, такую же фуражку он носил двадцать с лишним лет назад, когда служил на заставе, охраняя рубежи Родины.

На митинге не было ни слова сказано ни о Красных Песках, ни о Североуральске, ни о других стройках, но каждая речь была обращена к будущей работе строителей, и Токмаков тоже думал о своём завтрашнем дне.

— Знаете, Маша, — тихо сказал вдруг Токмаков, — у нас как-то получается, что трудных дел и задач впереди всегда больше, чем позади. Святое недовольство собой. Это — от сознания своих сил, от душевной полноты. Киров когда-то хорошо сказал: Чорт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить.

Перед концом митинга приняли приветственную телеграмму Сталину. Овация заглушила тяжёлое дыхание завода, гудки паровозов, снующих, судя по дымкам, где-то совсем близко. Люди стояли так тесно, что хлопали, подняв руки над головами, и долго был слышен и виден восторженный плеск ладоней.

Все остались ждать концерта. На двух трёхтонках, ставших вприценку с откинутыми бортами, была устроена сцена, а на третьей машине разместился по соседству оркестр. Начался концерт с участием московских артистов — самолёт с концертной бригадой прибыл утром.

С особенным нетерпением ждал концерта Медовец. Наконец-то он отоспался — проспал без малого сутки подряд, и его за это время будили звонками не больше десятка раз. Медовец находился в самом превосходном настроении. Он мог сегодня, не угнетаемый срочными делами и хлопотами, спокойно послушать концерт.

Когда на сцене появился конферансье, в толпе прокатился смешок: — Це наш главный диспетчер! — донеслось до Медовца. — Гляньте, якая на нём спецовка!..

Конферансье, во фраке, был ростом с Медовца, но грузнее. Когда он острил или объявлял следующий номер программы, ему каждый раз приходилось нагибаться, потому что микрофон оказался на уровне его белой манишки. На остроты конферансье Медовец отзывался громopodobными взрывами смеха, так что конферансье даже с подозрением — как зайка на зайку — посмотрел в его сторону.

Опереточная примадонна спела «Каким вином нас угощали, какой обед нам подавали...», и её смех, полный хмельного задора, странно перемежался с близкими гудками паровозов и с гудением воздуха на домнах.

Медовец смотрел на сцену поверх голов. Кто-то дёрнул его за рукав, Медовец оглянулся — диспетчер.

— Неужели по мою душу?

— Что же делать, Михаил Кузьмич? Срочно вызывает Москва.

— Кто там ещё?

— Из министерства что-то насчёт переброски автомашин в Красные Пески.

— И как ты меня только нашёл... — Медовец уже без всякого удовольствия посмотрел на эстраду, тяжело вздохнул и стал пробираться к своей машине.

41

— Все ораторы делятся на две категории, — сказал Дымов, тяжело вставая, с рюмкой в руке. — Одним трудно начать, другим трудно кончить. Но я сегодня без предисловий и очень кратко, как полагается на банкете... Вижу, Плонский морщится. Он боится слова «банкет», за банкет ему может нагореть. Ну, ладно: собрались на скромный товарищеский ужин, каким он, впрочем, и является... Так вот, мне хотелось сказать два слова по поводу пуска первой сварной домны. Мы построили её в рекордно короткий срок — это раз. Мы построили её дёшево — это два. Мы построили её отлично — это три. Но не это всё-таки самое главное. Самое большое наше достижение — на этой стройке сильно выросли люди. Мы на этой стройке никого не отдали под суд, никого не сняли с работы...

— А Дерябин? — раздался за столом голос.

— Меня никто не снимал, — откликнулся Дерябин. — Перешёл на другую работу. По личному, собственно говоря...

— Вот видите, — перебил его Дымов. — Дерябин подтверждает! Да, чуть-чуть не соврал! Как это я забыл? Выгнали лебёдчика Хаенко. — Дымов сокрушённо развёл руками. — Этот Хаенко — прямо отходник какой-то. Всю обедню нам испортил.

Дымов помрачнел, но тут же передёрнул мощными плечами:

— А нам нужны кадровые строители. Только с ними мы решим задачу — давать в год до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, чтобы наша Родина была гарантирована от всяких случайностей. Мы, вечные строители, не имеем права строить медленно, дорого, плохо. И я рад, что в Каменогорске мы с вами сделали большой шаг вперёд. Пусть «Уралстрой» будет и впредь постоянно действующим передовым заводом!.. Опыт «Уралстроя»? — задумчиво спросил себя Дымов, покосился куда-то в сторону и ответил: — Конечно, «Уралстрой»! Но не забывайте, что и сам «Уралстрой»... — Дымов обвёл тёплым взглядом всех сидевших за столом и неожиданно скомандовал: — Заднепрозцы, встаньте! Все, кто работал со мной в Заднепровье!

И чуть ли не каждый третий встал. Встали Медовец, Локтев, Карпухин, Матвейч, Вадим и ещё много других прорабов, инженеров, мастеров, бригадиров, монтажников.

Токмаков пожалел, что не может встать с ними заодно.

Тост Дымова воскресил в памяти дела и встречи на стройках, которые предшествовали Каменогорску. То и дело в фойе каменогорского Дворца культуры, превращённом сегодня в банкетный зал, слышалось:

— Разве это в Кушве было?

— Одну лебёдку крутили с тобой, по одним балкам ползали, одни дожди нас мочили!..

— В Серове лето известное. До тех пор его дожидаясь, пока оно не пройдёт. Оглянуться не успели — уже белые мухи летают.

Нежданов наклонился к Терновому:

— Бойцы вспоминают минувшие дни и домны, где вместе трудились они!..

Терновой отошёл от стола. Он уселся с секретарём горкома на диванчике в полукруглой нише.

— Ты пойми, Чекменёв, — горячо убеждал Терновой, — те люди нужны Дымову в Красных Песках. Он берёт их с собой не потому, что не доверяет тамошним кадрам, а потому, что таких кадров там нет. Ему

нужен свой штаб. Постоянный штаб строительства. Слышал сегодня — «Заднепровцы, встаньте!»? Сегодня это заднепровско-каменогорская дивизия. А завтра станет ещё и краснопесчаная.

— Дымов хочет забрать у меня из организации самых ценных людей. Мы ещё будем строить и строить Каменогорск... Ты помнишь, что Сталин говорил о работниках, которые при переезде с места на место тянут за собой хвост?

— Так там шла речь совсем о другом. О руководителях, которые подбирали на работу приятелей, земляков, своих людей — безотносительно к их политической и деловой пригодности. Таким образом создавалась семейка близких людей, артель, члены которой стараются жить в мире, не обижать друг друга, не выносить сора из избы, восхвалять друг друга. При семейственности не может быть места для критики и самокритики. Но разве эти соображения движут Дымовым? Разве на «Уралстрое» есть семейственность? Конечно, нет! Дымов всегда строже и требовательнее к тем, в кого верит, кого любит. К своим старым соратникам он беспощаден. А люди, которых Дымов просит у министра, как раз его старые соратники. Это опытные строители. Разведывать на новом месте труднее, чем у нас тут строить.

— Что ты так хлопочешь, Иван Иванович? Уж не собираешься ли и ты из родного гнезда?

Терновой вздохнул. Сегодня Дымов сказал ему: «Хоть ты, Иван Иваныч, ходок и плохой, а хотелось бы мне походить с тобой вдвоём по Красным Пескам. Пешком. Как разведчики ходят».

— Пока ЦК не перебросит меня — ты от меня не избавишься, — рассмеялся Терновой. — Я к тебе даже с фронта, и то дорогу нашёл. Но знаешь, Чекменёв? Думается, настанет время, когда и мне надо будет разделить долю всех этих кочевников. Жизнь убедила меня, что надо искать какие-то новые формы нашей работы на стройках.

— Например?

— А например то, о чём я тебе уже десять раз говорил. Опять этот временный учёт! Кончаем стройку, многие разъезжаются, а я чувствую себя перед ними виноватым. Токмакову выговор пятилетней давности не разрешаешь снимать?

— Оставь его на «Уралстрое», затребууй из Днепропетровска личное дело — снимем выговор.

— А я его сам уговорил уехать с «Уралстроя». И считаю, что правильно поступил. Не ставить же его после сварной домны на щитовые дома?

— Чего же ты от меня хочешь? Не могу же я из-за одного Токмакова нарушить установленный порядок.

— Порядок — не догма! — Терновой задвинулся на диванчике, будто отсидел ногу. — А если жизнь требует изменить какую-либо форму работы? Если бы ты знал, сколько крови мне стоил наш Гладких. Он только и думает над тем, как бы всю жизнь втиснуть в эти две графы — «слушали» да «постановили»... Неужели ты думаешь, что Гладких мог бы оказаться партгрупппергом, если бы все коммунисты, монтажники его участка, состояли на постоянном учёте? Того же Токмакова могли выбрать, Субботина, Морозко, Филипповича, Пасечника наконец, если бы он, из-за вечного кочевья, не оставался бы четыре года в кандидатах. Давно его следовало в члены партии перевести. А как, если он постоянно на временном учёте? Вот и получилось, что Токмакова, например, при его скитаниях, с самого конца войны никуда не выбирали: ни в партком, ни в бюро цеховой парторганизации.

— Конечно, это ненормально.

— А кочевье строителей не вчера началось и не завтра окончится! Нам ещё строить и строить. Вот Дымов носится с идеей завода-стройки. Строительная дивизия на колёсах. А в дивизиях, как тебе известно, есть политотделы.

— Что же ты—политотделы собираешься у каменщиков создавать?

— Я не говорю именно политотделы. Но о новых формах работы думать нужно. И идти с этим в ЦК надо не кому-нибудь, а нам с тобой...

Дымов посматривал на Тернового, оживлённо спорящего с Чекменёвым, и озабоченно говорил с Медовцом о Красных Песках.

Медовец отошёл от Дымова и собрался затянуть «Распрягайте, хлопцы, коней», он уже скашлянул и набрал воздух в лёгкие, но в этот момент прораб, сидевший по ту сторону стола за тортом, изображавшим шоколадное подобие домны, закричал:

— Товарищ Медовец! Учтите нашу дополнительную заявку! Ещё хотя бы четыре вагона!

— А ты не делай ход конём. Два вагона — самое большое.

— Что значит — два?

— Два — это такая цифра, — Медовец хотел было размашисто начертить в воздухе пальцем двойку, но раздумал и показал кукиш. — Алло! Бачишь? У нас какие цифры приняты? Арабские цифры. Из этого тебе и следует исходить в своей работе.

— Мне не до смеха. Учтите: бетонировка высоких марок требует.

Медовец посмотрел на прораба тем взглядом, каким обычно смотрел на звонящий телефон:

— Меня сейчас только марки вин волнуют. Чуешь? И давай-ка лучше чокнемся... За отъезд!

— Куда?

— Государственная тайна. Но не дальше, чем поедет Дымов!..

— Посуда любит чистоту, — подал голос Карпухин и тоже потянулся к Медовцу с бокалом.

Медовец осушил бокал, откашлялся и, опасливо покосившись на прораба, поспешно грянул свою любимую «Распрягайте, хлопцы, коней»...

Карпухин пил сегодня больше обычного и был мрачен. К нему подошёл Терновой:

— Что пригорюнился, Захар Захарыч? Ты ещё в рубшиках прославишься!

— Теперь другие мою фирму держат. — Карпухин махнул рукой. — Разве мне за молодыми угнаться? Давай лучше выпьем, Ваня. По третьей?

— Нет.

— Неужели по четвёртой? А, впрочем, куда ни шло. Уговорил ты меня!..

— А лишку не будет, Захар Захарыч?

— Сроду до дребезга не напивался. Пить, Ваня, можно. Только пить нужно так, чтобы на партийный билет не капало.

— А когда же мы тебя будем в партию рекомендовать-принимать?

— Ещё не дорос. Потом старуху свою надо сперва перевоспитать... Религиозная прослойка в семье получается...

Нежданов подсел к Гинзбургу.

— Григорий Наумович, Китай богат железными рудами?

— Только вчера провозгласили Народную республику в Китае, а вас уже заботит его индустриальное будущее?..

— Вы читали, Григорий Наумович, мой отчёт о митинге?

— Ещё не успел.

— Там есть один точный образ: домна — это ДОТ, долговременная огневая точка пятилетки. Нужно в Китае скорее строить домны.

— Нам с вами хватит дела и по эту сторону китайской стены. Вот построили домну. Все технические новшества будут отражены в отчётах, в специальных журналах, в учебниках. Но разве менее важно описать всё новое, что родилось в душах людей? Отразить новое в отношении людей к труду, в их взаимоотношениях? Взяли бы вы и написали роман.

— У меня материала уйма, — вздохнул Нежданов. — Всё руки не доходят...

— Как у меня — до диссертации. Опять придётся отложить на зиму...

— Я всё-таки напишу когда-нибудь книгу. И знаете, о ком? — горько спросил Нежданов. — О себе. О журналисте, который всю жизнь мечтал написать книгу, а вместо этого написал десять тысяч статей, очерков и заметок.

— Роман о журналисте? — Гинзбург выпустил облачко дыма. — Это значит — книга о нашем времени, о наших героях... Блокноты ваши, конечно, вещь ценная, но смотрите, чтобы факты не заслонили людей. Записи делаются только для памяти. А что такое, в сущности говоря, память? Память — это способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления. Так что впечатления вам ещё нужно будет заново пережить вместе со своими героями...

— Написать роман можно только при одном условии, — вздохнул Нежданов, вспомнив про свою недописанную первую главу. — Если есть талант.

— Талант, вдохновение — категории не материальные и судить о них я не берусь...

Дымов уже весь был в думах о новой стройке. Кто там заменит Тернового? Министр, правда, обещал, что будет ходатайствовать в ЦК партии о переброске Тернового. Но согласится ли, сможет ли Иван Иванович уехать из родного города? Тернового совсем на днях на пленуме обкома избрали членом бюро обкома. Уж не собираются ли его выдвигать? Может, он — завтрашний секретарь каменогорского горкома?

Дымов сидел за столом, но обрывки фраз, смех, песня «Стоит гора высокая», которую громовым голосом запевал Медовец, — всё это скопилось сейчас мимо его сознания. Дымов перебирал в памяти крупные и маленькие ошибки, допущенные им во время последней стройки, даже не ошибки, а упущенные, не использованные резервы времени. Он убеждён был, что сроки монтажа и сварки следующих домен можно будет сжать, проделать всю работу в ещё более короткий срок. Главное — бережно относиться не только к суткам, но также к часам и минутам. Где они, эти самые минуты? В каких уголках стройки разбросаны? Где они валяются? Как их собрать? Конечно, прежде всего — дороги. Без хороших дорог и подъездных путей строить не будем. Ведь всё равно хорошие дороги построить придётся. Так зачем ждать, когда завод вырастет? А до того — чтобы машины вязли в песке, в грязи или тряслись по ухабам и колдобинам? Дороги, дороги и дороги! Всё, что он потеряет на стройке дорог, — наверстает. И ещё нельзя откладывать водопровод. И ещё — озеленение. Не откладывать посадки до пуска завода, до постройки города. Пусть деревья растут вместе со стенами!.. Плохо на «Уралстрое» использовали ночи. Строить лучше днём. А ночью завозить все материалы на сутки, готовить фронт работ. А потом — укрупнять, во что бы то ни стало укрупнять монтажные узлы. Всё собирать загодя, на земле. Число подъёмов сократить ещё больше. У Токмакова

голова варит правильно. А вдруг его не пришлют в Красные Пески?.. Всё, всё учесть, все мелочи предусмотреть. Мобилизовать весь вчерашний и сегодняшний опыт для задач будущего. Не забыть и про широкие лестницы на литейный двор, которые были построены с опозданием и только по предложению Нежданова, не забыть про лифт на колошник домны, радиотелефон завести на монтаже. Весь опыт собрать по крупицам, ничего не растерять...

Дымову уже виделась панорама вновь воздвигнутого в степи завода и первая плавка будущей, живущей пока ещё в проектах и чертежах, домны, и будущий праздник, будущий банкет в честь пуска.

Подымеется тогда Дымов, окинет взглядом своих орлов, вдохновенных мастеров и умельцев, всю жизнь кочующих со стройки на стройку, вспомнит прошлое и кликнет клич:

«Каменогорцы, встаньте!.. Все, кто работал со мной в Каменогорске».

И с гордостью встанут на той перекличке люди, которыми владеет большевистская романтика сталинских пятилеток, благородная «охота к перемене мест», вечное творческое беспокойство.

42

При входе на перрон светился жёлтым светом диск часов — единственных часов в Каменогорске, которые показывают московское время.

Началась посадка, и Берестовы подождали, пока публика уgomонится и толчея уменьшится. У Бориса место плацкартное, торопиться некуда.

Маша купила три перронных билета, и Берестовы всей семьёй направились к вагону.

На перроне было довольно темно, хотя весь он был в световых пятнах — круглых от висящих ламп и квадратных от окон вокзала и от окон вагонов.

Холодный ветер пронизывал платформу насквозь. Ветер был какой-то суматошный, никак нельзя было понять, откуда он дует. Куда ни повернёшься — ветер в лицо. В пятнах света, лежащих на кирпичном настиле платформы, видно было, что ветер метёт и кружит опавшие листья, занесённые сюда из привокзального сквера или ещё откуда-нибудь.

Ярче всего были освещены на платформе киоски, у них толпились отъезжающие.

От газетного киоска отделился человек с палкой в руке и преградил дорогу Маше.

— А где же другая высокая договаривающаяся сторона?

— Я даже испугалась. Здравствуйте, Пасечник. Против света не видно. Вы про кого? Про Костю? Ещё не видела. Наверно, там.

Маша поспешила к вагону. Пасечник зашагал с ней рядом.

— Там наших нету.

— Ну, значит, задержалась машина. Сейчас должны приехать. А Катя где?

— У вагона. С Захар Захарычем она там и с Баграмом. А вы думаете, я туда заходил? — Пасечник показал палкой на киоски-павильончики, у которых толпился и шумел народ и сквозь стеклянные стенки которых просвечивали бутылки. — Нет, это я газетку купил...

Они пошли вдоль поезда, поглядывая на светящиеся номера вагонов. Номера эти в молочно-белых стеклянных квадратиках смотрели на обе стороны и очень напоминали те, что висят у ворот под жестяными козырьками. Два вагона, в которых ехали монтажники, стояли в самой голове поезда, у них не было светящихся номеров. Вагоны отцепят на какой-то узловой станции. Весь поезд пойдёт оттуда дальше на запад.

а вагоны с монтажниками прицепят к поезду, который пойдёт в Северуральск.

«Наверно, Костя огорчился, что не захала днём,— подумала Маша. — Зато сейчас обрадуется! Скоро и я вот так же, к девяти вечера по московскому времени, буду торопиться на поезд...»

Маша увидела у вагона Вадима, Карпухина, Баграта, Катю, тётку Василису, Таню.

Берестов с Карпухиным смотрели на освещённую надпись «Ст. Каменогорск», которая тянулась по фронту вокзала.

— А помнишь, Захарыч?

— Ну, как же...

Мало кто из пассажиров помнил теплушку, которая как могла изображала когда-то станцию Каменогорскую, ту самую станцию, о которой и слухом не слышали кассирши и название которой недоверчиво искали где-то в самом конце пухлого железнодорожного справочника, где значились все географические новости.

— А теперь — вот какой вокзал сочинили. И даже перронные билеты завели. Нет, ты только подумай!

Нельзя было понять, гордится этим нововведением Карпухин или возмущается.

— И Маша сегодня три целковых за эти перронные билеты отдала,— вспомнил Берестов.— Как одну копеечку!

— А всё-таки вокзал для нашего города маловат стал,— сказал Карпухин строго. — Куда его такой? Надо было сразу навырост строить. Как одежду для ребят шьют.

Шумной ватагой подошли монтажники, прибывшие с Новоодиннадцатого посёлка.

Токмаков нёс два чемодана. В них вмещалось всё его имущество: гардероб, библиотека, посуда, которая была представлена кружкой и ложкой, и мебель, если только можно отнести к мебели складную полочку для книг.

Он был в серой кепке и в кожанке, туго стянутой поясом. Маша по своему перевязала Токмакову шарф и обрадовалась, увидев на нём свой свитер.

Они отошли вдвоём в сторону, к паровозу, который дышал легко и равномерно, как бегун на старте, чтобы не запыхаться раньше времени на дистанции.

Тёплые, жирные запахи смазки и паровозной гари стояли над платформой.

Ветер раскачивал лампу с колпаком, висящую неподалёку у багажного пакгауза, и смутный круг света беспокойно метался по кирпичному настилу платформы, исшарканной и выбитой.

Маша сбивчиво рассказала Токмакову, что она была у Плонского, тот обещал ей место техника зелёного строительства в Красных Песках. Она решила поехать туда вместе с Токмаковым после его отпуска. Токмаков с трудом удержался от того, чтобы не высказать ей своё опасение: а вдруг его не пошлют в Красные Пески?..

— А знаешь, Костя, сегодня сто дней, как мы знакомы. Подумать только! Всего три месяца с небольшим. Больше похоже на три года..

Маша и Токмаков оставались совсем наедине в сутолоке платформы — как бы их ни толкали снующие вокруг люди, как бы всё вокруг них ни шумело, ни суетились.

Всех перебивал хриплый, сварливый голос Карпухина, который стоял рядом с Багратом, окружённый клепальщиками, работавшими сейчас на рудодробильной фабрике, и ругал напоследок Замахаева:

— Восемь молотков воздухом прокормить не может! Да он и трём коням корму не задаст. Нехай ему та дробилка семечки лузгает! — И как бы продолжая ругать Замахаева, тем же сердитым тоном Карпухин добавил, обращаясь к Баграту: — Завтра к старухе моей и переезжайте. Нечего вам в той комнате околачиваться! Подкинули дитё и довольны!..

В толпе у вагона появился Бесфамильных. И при скудном свете фонарей видны были веснушки, густо обсыпавшие его лицо. Бесфамильных с группой верхолазов из других бригад едет этим же поездом, в прямом вагоне Каменогорск—Москва.

— Предлагали мне ехать в Сочи на курорт союзного значения, — хвалился Бесфамильных. — Пришлось отказаться. По причине командировки в Москву. Едем строить высотное здание на Смоленской площади.

— Так ведь это — двадцать шесть этажей! — сказал с завистью Борис.

— А ты думал! Стратосфера! Только вечером будем в Москву спускаться, а весь день — с ласточками да с голубями.

«Мне бы в Москву, — размечтался Борис. — Но туда с пятым разрядом не пошлют. Только москвичей смешить. Наверно, с двадцать шестого этажа всю Москву видно, как на ладони. Смоленская площадь — на кольце «Б», это я знаю... Конечно, завидно. Но зато я еду вместе с Вадимом, с Константином Максимовичем».

Борис подошёл к Токмакову, стоявшему под руку с Машей, тронул его за рукав, отвёл в сторону и спросил:

— Константин Максимович! А вот будет при коммунизме такое время, когда всё-всё построят?

Токмаков озабоченно потёр лоб.

— Пожалуй, не будет. И строить будут и перестраивать. Так что можешь не беспокоиться. Мы с тобой без работы сидеть не будем...

Бывают при проходах пустые минуты, когда уже иссякло предотъездное оживление, сказаны все слова прощания и вытерты первые слёзы будущей разлуки, а поезд не трогается и не трогается, и некуда деть избыток времени, и всем становится от этого неловко. Одни мысленно уже провозили, а другие — мысленно уехали. Но сейчас всего этого не было, потому что не один Токмаков или Вадим уезжали и не одна Маша или тётка Василиса их провожала; все, столпившиеся у вагонов, были между собой знакомы, у всех находились какие-то слова — серьёзные и шуточные, которыми надо было обменяться напоследок друг с другом...

С ржавым скрипом закрылась дверь багажного вагона, после того, как оттуда кто-то спрыгнул с фонарём. Тотчас же мимо вагонов прошёл обер-кондуктор, размахивая на ходу фонарём, фонарь бросал на полу его шинели красный отблеск, будто в шинель был вшит лоскут красного сукна.

Маша крепче прижалась к Токмакову, который смотрел на далёкое зарево завода. Ветер гнал по небу растрёпанные облака. Они были как мраморные при лунном свете и в том месте, где облака набегали на луну, они сразу становились тоньше, потому что были пронизаны насквозь голубым светом.

В стороне завода облака были ещё красивее; к голубому и серому там подмешивался розовый оттенок, а ещё дальше — над самым заводом — яркоалый.

Токмаков подумал вслух:

— Что же, может быть, наша домна сейчас плавку выдаёт, — и добавил громче, обращаясь к Берестову: — Как печурка?

— Набирает темпы. Уже на полном дутье держим. Мы ведь одно серьёзное дело затеяли.

— Какое же?

— Хотим досрочно... — Лицо Берестова стало строгим — ...трёх-месячный план сработать. Примеряемся к двадцать первому декабря, в честь товарища Сталина всю программу выплавить. Сегодня опять в ночь выхожу.

— Удачи, Кирилл Данилович!

Уже почти все отъезжающие вошли в вагон, на площадке не протолкаться.

Пасечник прокричал:

— Вы там встречайте нас с Катей! Недели через три будем. Влюблённый в безделье, я должен работать!

Пасечнику было очень горько отставать от товарищей.

— Мама! — кричал Борис из-за чьей-то могучей спины, заслонившей чуть ли не всю площадку. — Там по моей заявке две песни будут передавать по радио, так ты следи! Слушайте в ту субботу в двадцать два тридцать...

Токмаков ступил на подножку, когда вагон уже дёрнулся с места.

Маша шла по перрону, всё убыстряя шаги, не отставая от вагона. Токмаков видел только её одну.

Такой он постарается запомнить Машу надолго, до самой встречи. Но всё равно Маша красивее и лучше, нежели он сможет её себе вообразить.



К. ВАНШЕНКИН

★

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

★ . ★

★

Его ещё на свете даже нету.
И женщина, пришедшая сюда,
Глядит, как ходит врач по кабинету,
Как потирает руки иногда.

Но в тишине, застенчивой и хрупкой,
Склонясь, он вдруг прищуривает глаз —
Он слышит через маленькую трубку
Биенье сердца нового сейчас.

Ему, совсем негромкому, сначала
Под материнским битьем суждено,
Чтобы потом, как песня, зазвучало
Взволнованно и радостно оно.

И кем бы ты потом ни становился,
Живи, всем сердцем родину любя.
Ведь ты ещё на свет не появился,
А сердце — сердце билось у тебя.

★ . ★

★

Сосновый дом, где ввек не сыщешь пыли,
Где мама молода и не строга
И где на подоконниках застыли
Столетников зелёные рога.

И детство шло, как надо, по порядку,
И лет с шести уже мечталось нам
В лесу раскинуть белую палатку
И турники вкопать по сторонам.

Бойцы в поход шагали ранним летом,
Бежали ребятишки через двор,
И я гремел оконным шпингалетом,
Похожим на винтовочный затвор.

Летели ввысь отрядные заповы,
И сколько тех мотивов ни таи,
Они придут, едва ты спросишь: где вы,
Подросшие ровесники мои?..

От нашего мальчишеского круга
Мы отошли. Но это не беда,
Когда, теряя из виду друг друга,
Друзьями остаются навсегда.



ЧЖАО ШУ-ЛИ

★

ПЕСЕНКИ ЛИ Ю-ЦАЯ

Рассказ

1. Почему так назван рассказ

Ли Ю-цай, по прозвищу балагур, живёт в деревне Яньцзяшань. Ему лет пятьдесят. Земли у него нет. Односельчане отдают ему пасти свой скот, а летом и осенью он ещё караулит их поля. Семья у него тоже нет. Про себя он говорит: «Наелся — вся семья сыта, закупи дом, и не нужно беспокоиться, что табуретка умрёт с голоду».

Землянка Ли Ю-цай стоит под старыми акациями на восточной окраине деревни. Были когда-то у него ещё три му¹ земли — всё, что оставил ему отец, но землю он уже давно заложил помещику Янь Хэн-юаню, и землянка теперь — его единственное имущество.

Нужно сказать, что Яньцзяшань — деревня не совсем обычная. На западной окраине её — дома большие, кирпичные, в центре — глинобитные, а на восточной окраине под старыми акациями в один ряд стоит всего десятка три низеньких землянок. Все, кто живёт на западной окраине, носят фамилию Янь; в центре живут и с фамилией Янь, и с другими фамилиями. У всех у них есть своя земля. На восточной окраине деревни половина жителей — новосёлы, они пришли из других местностей, чтобы поднимать целину; другая половина состоит из тех, кто раньше жил в центре деревни, а потом обеднел, продал свои дома и переехал сюда. Среди них есть даже три семьи с фамилией Янь, но и они полностью разорились.

— Люди, живущие под старыми акациями, — шутил говорил Ли Ю-цай, — делятся только на «лао» и «сяо» — на «старых» и «малых».

Говоря о «старых», он имел в виду, как ни странно, пришлых жителей Яньцзяшани. Старосты двадцати пяти семейств², когда посылали им извещения об уплате налога или наряды на работу, писали просто их фамилии и имена, все же другие, когда обращались к ним, обязательно прибавляли к их фамилиям ещё иероглиф «лао» — Лао Чэнь, Лао Цин, Лао Чан, — что значит не только «старый», но и «почтенный».

Говоря о «малых», Ли Ю-цай имел в виду местных жителей, потому что у них был обычай прибавлять к детскому имени иероглиф «сяо» — Сяо Шунь, Сяо Бао назывались они в детстве, и эти имена так и сохранились за ними. Зажиточные жители западной окраины к своим фамильным иероглифам никогда ничего не добавляли, и никто посторон-

¹ Му — мера площади, равна $\frac{1}{16}$ гектара. (Примеч. перев.).

² Двадцать пять семейств — старинная административная единица, так называемая «система круговой поруки», рассчитанная на контроль над населением при сборе налогов, обложений и т. д. (Примеч. перев.).

ний не смел называть их детским именем, потому что «сяо» означает не только «малый», но и «ничтожный». Но с теми, кто жил под старыми акациями, не церемонились. Будь ты восьмидесятилетний старик, тебя всё равно будут называть «Сяо — такой-то» или «Сяо — этакий». И как хочешь, так и понимай, то ли ты «сяо» — «малый», то ли ты «сяо» — «ничтожный». Пусть даже у тебя будет настоящее имя — всё равно до конца дней своих останешься «сяо». Себя Ли Ю-цай вполне мог причислить к «малым» — ведь он остался с именем Ю-цай только потому, что родители его были из провинции Хубэй, где не было обычая давать новорождённым детское имя.

Ли Ю-цай был любимцем всех живущих под старыми акациями. По вечерам, во время ужина, где он — там и веселье. На шутки он просто неистощим. Даже самым обыкновенным словам Ли Ю-цай придаёт такой смысл, что они вызывают долгий и весёлый смех. Кроме того, у Ли Ю-цай есть ещё дар складывать стихи. Какое бы событие ни произошло в деревне, он непременно по этому поводу сочинит что-нибудь. Его стихи читаются легко и гладко. В Яньцзяшани такие стихи называют «скороговорками», а их настоящее название «куай-бань», что означает: петь на быстрый лад. Их рассказывают или поют, постукивая в такт бамбуковой трещоткой.

До японской войны старый Янь Хэн-юань всегда так ловко подстраивал, что из года в год его выбирали старостой деревни. Однажды, во время перевыборов, Ли Ю-цай сложил про него такую скороговорку-песенку:

Если б мог Янь Хэн-юань, —
то со звёзд собрал бы дань.
Он у нас из года в год
должность старосты несёт.

Выбирать приходит срок —
говорят: клади листок.
Сколько раз его ни класть —
Всё равно у Яня власть.

Лучше им дощечку взять,
сделать из неё печать,
и билеты штамповать,
чтобы время не терять.

Ни к чему писать тогда:
ведь дощечка — на года,
ведь дощечка — не билет,
не сгниёт и сотню лет¹.

У Янь Хэн-юаня есть сын, зовут его Цзя-сян. После того как в 1930 году Цзя-сян окончил учительскую семинарию в уезде, он стал учителем в яньцзяшанской школе. Цзя-сян некрасив, лицо его похоже на тыкву-горлянку. Пока скажет слово — больше десяти раз моргнёт. Но нельзя судить о человеке только по наружности, поэтому не думайте, что Цзя-сян неудачник. Вовсе нет. Этот человек просто набит подлость. Все, кто с ним имел дело, обязательно оказывались внакладе. Ли Ю-цай не оставил без внимания и Цзя-сяна. Вот какую песенку сочинил он про него:

¹ Все песенки в рассказе даны в переводе поэта Марка Соболя.

Моргающий чёрт —
 удача для дома¹.
 Ресницы его
 торчат, как солома.
 Меж скулами врос
 приплюснутый нос.
 Моргает Цзя-сян
 после каждого слова:
 разочек моргнёт —
 и подлость готова.
 Любому насильно
 докажет, что прав,
 и не успокоится,
 всё не содрав.
 Пока же не выжат
 ты весь, как лимон, —
 зелёным от злости
 становится он,
 зажмурит глаза
 и хрюкать начнёт,
 как боров, залезший
 в чужой огород.

Такие песенки Ли Ю-цай сочинял почти каждый день. Складывать их для него не составляло большого труда, и молодёжь, живущая под старыми акациями, каждый вечер приставала к нему, чтобы он спел новую. И стоило только ему сложить новую песенку, как уже вся молодёжь восточной окраины распевала её. Но песенки Ли Ю-цай почти не проникали на западную окраину деревни. Жители западной окраины не собирались под старыми акациями. Если же случайно прибегали сюда поиграть их дети, то им за это здорово попадало.

— Ах, бесстыдники! Зачем бегаёте туда? Вот станете нищими, тогда и будете жить под старыми акациями! — ругали их родители.

Какая-то невидимая завеса не давала песенкам Ли Ю-цай распространяться по всей деревне.

За время антияпонской войны многое переменялось в Яньцзяшани. Переменялись и песенки Ли Ю-цай. Не раз за них Ли Ю-цай попадал даже в затруднительное положение. О том, что произошло в Яньцзяшани, о новых песенках Ли Ю-цай и будет идти речь в нашем рассказе, поэтому назовём его «Песенки Ли Ю-цай».

2. Вечерняя беседа в землянке Ли Ю-цай

О землянке Ли Ю-цай нельзя рассказывать без смеха. Если смотреть на неё с трёх разных сторон, кажется, что находишься в трёх разных помещениях. Дверь землянки открывается на юг, у правой стены посередине стоит кан², по обе стороны кана по пять четвертей свободного места. Перед стенкой около двери коптит печурка, рядом стоят корзинки с орехами и фигами. В этих корзинках Ли Ю-цай держит продукты, которые он получает от деревенских жителей за то, что

¹ «Удача для дома» — игра слов. Имя сына Янь Хэн-юаня — Цзя-сян — в буквальном переводе означает «удача в семье».

² Кан — широкая лежанка, обогреваемая от кухонной печи; в крестьянских домах Северного Китая кан служит кроватью и диваном для всей семьи.

охраняет посевы. В стене за каном выдолблена небольшая ниша. Когда открываешь дверь, с первого взгляда кажется, чтоходишь в фруктовую лавочку; если же повернёшь голову и посмотришь в западную сторону, то жилище Ли Ю-цая будет похоже на нишу для будды в храме. Если же посмотришь в сторону окна, то покажется, что ты в деревенской харчевне.

С наступлением холодов вокруг Ли Ю-цая, как вокруг затопленной печки, всегда теснится народ. Когда бы вы ни зашли к нему в землянку, она уже полна людей, собравшихся поговорить о том, о сём.

В этом году, 25 января, Ли Ю-цай только кончил свой ужин, как дверь в землянку отворилась и вошли двое. Один был соседский сын, молодой парень Сяо Фу, другой кто-то незнакомый. Увидев гостей, Ли Ю-цай зажёл плошку с джутовым маслом и повесил её на стену.

— Вот это и есть наш дядя Ю-цай, — сказал своему спутнику Сяо Фу.

Ли Ю-цай забрался в нишу, а гостям предложил сесть на тёплый кан. Помолчав немного, он спросил:

— Откуда гость?

— Это мой двоюродный брат. Он из деревни Шицзыва.

Новый знакомец был молод, но, видно, из бойких. Он сразу же заговорил с Ли Ю-цаем, правда, очень почтительно.

— Можете меня и не считать гостем. Ещё в «Праздник фонарей» я смотрел у вас представление, и когда увидел, как хорошо вы исполняете роль шута Цзяо Гуан-пу, мне очень захотелось поучиться у вас.

Ли Ю-цай засмеялся и спросил:

— А почему же в вашей деревне в этом году не было представлений?

— Не могли достать костюмов. А завтра у нас будет первое выступление, — ответил двоюродный брат Сяо Фу.

Раз уж разговор зашёл о театральных представлениях, Ли Ю-цай оживился.

— Роль Цзяо Гуан-пу хотя и небольшая, но очень важная. Её нужно исполнять с особой силой, — веско заметил он. Затем взял трубку и, размахивая ею вместо кнута, начал подражать звукам гонга и громко петь. Только он разыграл первую сцену и намеревался начать вторую, как дверь с шумом распахнулась и вошёл Сяо Шунь. В руках у него были две маленькие рисовые пампушки.

— Дядя, тише! Вы так гонг разобьёте! — смеясь, сказал он и протянул Ли Ю-цаю пампушки. — Отец просил вас попробовать наши пампушки. отведайте!

25 января в деревнях отмечается «Праздник пополнения амбаров» и все обычно едят пампушки, приготовленные на пару.

— Вы сами кушайте, в этом году ведь немного напекли, — стал вежливо отказываться Ли Ю-цай, но потом взял одну пампушку и начал есть. Затем взял другую и предложил её гостям. Когда все отказались, он стал быстро жевать и её.

Сяо Шунь присел на кан и сказал:

— Мать напекла пампушек не так уж много, конечно, не столько, как жена Чжан Ци-чана. А она в такой праздник дала только две пампушки своему работнику. Подумайте, ведь он у нас лучший артист! Во всех представлениях исполняет женские роли!

— Если тебе не под силу нанять работника, так уж лучше не нанимай, — вставил Сяо Фу. — Но уж если нанял, так должен кормить его.

— Сам-то Ци-чан ещё ничего, а жена его дрянь, — заметил Ли Ю-цай.

— А этот артист — не тот ли, который исполнял роль жены брата императора? — спросил всё время молчавший двоюродный брат Сяо Фу.

— Да, он, — ответил Сяо Фу. — Это сын Чжан Дэ-гуя. Он работает у Чжан Ци-чана.

— Он куда лучше своего отца, — добавил Сяо Шунь.

— Стоит ли говорить, конечно, лучше, — подтвердил Ли Ю-цай.

— А кто этот Чжан Дэ-гуй? — спросил шёпотом брат Сяо Фу.

Хотя он спросил очень тихо, но Сяо Шунь услышал.

— О, про него у нас даже песенка есть! — сказал он и стал напевать:

Известно всем, что Чжан Дэ-гуй
не любит лишних слов.
Янь Хэн-юаню он всегда
поддакивать готов.
Лишь только скажет Янь: «Длина
довольно велика» —
Дэ-гуй подхватит в тот же миг:
«Она не коротка».
Янь произносит: «Это круг» —
и Чжан сейчас же рад
всему народу заявить,
что это не квадрат.
Лишь только скажет Янь, что он
в горшке намнёт чеснок,
удостоверит тотчас Чжан,
что выдержит горшок.
Коль Янь расскажет, что яйцо
недавно снёс петух —
Дэ-гуй и глазом не моргнув,
«Я видел», — скажет вслух.
Едва старик Янь Хэн-юань,
не тратя лишних слов,
чуть-чуть губами шевельнёт —
Дэ-гуй на всё готов.

Когда он кончил, Сяо Фу уже перестал смеяться, а его брат всё ещё хохотал.

— Что ты смеёшься? — спросил Сяо Шунь. — За Чжан Дэ-гуюм есть ещё много чего... Он в нашей деревне известный активист... кушать чужие лепёшки.

— Что, разве он действительно активист? — спросил брат Сяо Фу.

— А как же — председатель крестьянского союза! Чиновник не малелький! — ответил Сяо Шунь.

— А почему вы сказали, что он активист по части чужих лепёшек?

— У нас в Яньцзяшани не так как в других деревнях. Если кому понадобится идти с каким-нибудь делом в сельское управление, тот должен сначала поднести пять цзинь¹ свинины и цзинь десять муки, чтобы каждому из членов управления было по цзиню лепёшек и по чашке мяса. Только наевшись, они станут с тобой разговаривать. Чжан Дэ-гуй первым отхватывает свою долю лепёшек и обязательно отбирает самые лучшие.

— У нас в деревне, — сказал двоюродный брат Сяо Фу, — ещё два года назад покончили со всеми этими подношениями и подарками.

¹ Цзинь — китайская мера веса, равная 0,6 кг. (Примеч. перев.).

— Да, теперь, пожалуй, ни в одной деревне этого нет, — согласился Сяо Шунь. — Только у нас такие странные порядки сохранились. Их ещё Янь Хэн-юань завёл, когда был старостой. Ручаюсь, если сегодня старый Янь Хэн-юань умрёт, завтра никаких подношений не будет.

В это время в землянку вошло сразу несколько человек. Среди них были отец Сяо Фу — Лао Цин и молодёжь — Сяо Юань, Сяо Мин, Сяо Бао.

Прямо с порога Сяо Юань закричал:

— Большое событие! Большое событие!

— Что? Что такое? — торопливо спросил Ли Ю-цай.

— Ну, старший брат, дождались — нашего старосту Янь Си-фу убирают!

— Неужели правда? — спрыгнув с кана, спросил Сяо Шунь. — По этому случаю следует закатить на три дня представление!

— Полностью поддерживаю, — сказал Сяо Фу.

— Значит дождались! А я-то всегда думал, что его чашка риса железными обручами стянута. А верно ли это, кто тебе сказал? — стал допытываться Ли Ю-цай.

— Чистейшая правда, — заверял его Сяо Юань. — Из уезда приехал политработник Чжан и привёз бумагу.

Брат Сяо Фу спросил:

— Неужели в вашей деревне так сильно не любят старосту?

— О, и про него тоже есть песенка! — ответил Сяо Шунь и запел:

В Яньцзяшани весь народ
«Тигром» Янь Си-фу зовёт.
Он — жестокий, хитрый, лживый,
нюхом чует, где нажива.
Раньше был торговцем он,
крал коров, держал притон,
и, бывало, как товар,
вдов несчастных продавал
и от самых грязных дел
отказаться не хотел.
Как дотронешься до Яня —
не отмоешься от дряни,
но при встрече с ним народ
низко-низко спину гнёт.

— Как, по-твоему, можно любить такого? — закончив песенку, спросил он у брата Сяо Фу. Тот засмеялся. Тогда в разговор вмешался Сяо Мин.

— Ты, гость из Шицзыва, ничего ещё не знаешь. То, что тебе рассказали про Янь Си-фу, это только его прошлое. После того, как прогнали японских чертей, он воспользовался суматохой и пролез в старосты. Теперь он стал ещё хуже. Старый чёрт Янь Хэн-юань — его дядя. Он всё время поддерживает его. Нет такого чёрного дела, к которому Янь Си-фу не приложил свою руку. С каждым пустяком нам приходится идти в сельское управление, — и уж так повелось, — нести угощения, да ещё в рукав деньги совать. Если денег мало дашь, он тебя так олуцает, что и не выберешься из беды, а то ещё и побьёт. Если Янь Си-фу задумает кого-нибудь разорить — он не отступится, пока не добьётся своего. А когда кто-нибудь разоряется, то старый Янь Хэн-юань по дешёвке скупает у него дом и землю. Все, кто живёт под старыми акациями, когда входят в сельское управление, боятся даже приблизиться к столу Янь Си-фу. Не проходит и двух дней, чтобы он не назначал нам

какой-либо сбор. И никто не посмеет даже спросить его, зачем этот сбор. На отработку повинностей всегда посылают только тех, кто живёт под старыми акациями. Из семейств по фамилии Янь за весь год никого там не увидишь, а мы должны бросать все свои дела и итти работать... Ты ведь ничего не знаешь. Ух, это гад, такой подлый гад...

— А за что же его убрали? — тихо спросил Ли Ю-цай.

— Об этом ещё не известно, — ответил Сяо Бао. — Наверное, в уезде о нём что-нибудь разузнали.

— Если Тигра только убрать с должности, но оставить в деревне, — будет большая беда, — сказал Ли Ю-цай. — Его уничтожить надо, тогда только можно считать дело законченным. Никто не слыхал — в уезде будут его судить, или нет?

— Его бы только убрать с должности, — заметил Сяо Бао. — Тогда найдётся много людей, кто против него на любом собрании выступит.

В это время с улицы донеслось:

— ...Завтра всем собраться в храме, будут выборы нового старосты деревни. Все, кому больше восемнадцати лет, должны присутствовать... — Голос приближался, звучал всё яснее.

— Это Чжан Дэ-гуй — лёгок на помине! Кто не знает его дрянного голоса! — сказал Сяо Фу.

И действительно, в этот момент в дверях землянки показался Чжан Дэ-гуй. Когда он вошёл, только Ли Ю-цай, как хозяин, небрежно поздоровался с ним, все остальные молчали, а Сяо Шунь и Сяо Фу перемигнулись.

— Ой, как вас здесь много! — воскликнул Чжан Дэ-гуй. — Хорошо! Мне не придётся бегать за каждым. Завтра будут выборы старосты. Кому исполнилось восемнадцать лет, тот должен явиться на собрание. — Затем, понизив голос, он добавил: — Староста говорит, чтобы выбирали Лю Гуан-цзюя. Всем, кого встретите, обязательно передайте это.

Чжан Дэ-гуй повернулся и ушёл.

Как только он вышел, Сяо Шунь громко сказал:

— Пошёл лепёшки есть!

— Не выйдет! Политработник всё ещё в деревне, думаю, что, пока он здесь, на лепёшки Чжану Дэ-гую нечего рассчитывать.

— Ну, зачем ты так? Ведь человек может услышать, — с укором сказал Лао Цин.

— Чего ты испугался? — перебил его Сяо Юань. — Мы как раз и хотим, чтобы он услышал.

— Посмотрите, тоже чиновник объявился. Как вам это нравится? «Кому исполнилось восемнадцать лет, тот должен явиться на собрание...» — передразнил Чжан Дэ-гуя Сяо Мин.

— Да ещё мнение старосты передаёт, — добавил Сяо Шунь.

— Пустая башка теперь станет настоящей головой. Вот будут дела! — засмеялся Сяо Фу.

— Что это ещё за Пустая башка? — спросил у него брат.

— Про Пустую башку у нас тоже есть песенка, — ответил за Сяо Фу Сяо Шунь и запел:

Лю Гуан-цзюй — надутый дурак,
лезет в начальники так и сяк.
Лижет пятки тому, кто силен,
встретившись со слабым, пыжится он.
Янь Хэн-юаня отцом зовёт,
нос свой во всякое дело суёт.
Речи заводит, склонившись кривой,
глупой, чвацливой своей головой.

Тошно народу в деревне, пока
всюду суётся Пустая башка!

— Из этой песенки, думаю, тебе стало всё ясно? — закончив петь, спросил он.

Двоюродный брат Сяо Фу на этот раз не смеялся. Он только удивлённо спросил:

— Откуда это у вас столько песенок? Кто их складывает?

— Песенок у нас много! Про каждого, кто живёт под старыми акациями, есть песенка, даже про баб рябых есть. И не только про людей, но про всякое событие у нас песенки складывают, — решил поразить гостя Сяо Шунь. — С таким дяленькой, как Ли Ю-цай, это не трудно. Сколько хочешь, столько и будет песенок! — прихвостнул он.

Но тут разговор повернулся в другую сторону.

— По-моему, — сказал Сяо Юань, — мы не должны следовать советам Янь Си-фу. Давайте поднесём ему завтра бомбу! Соберём людей и выберем не того, кого он хочет, а другого. Назло не будем выбирать Лю Гуан-цзюя!

— Не годится! Не годится! — возразил Лао Цин. — Кто из нас, живущих под старыми акациями, может тягаться с Янь Хэн-юанем? Конечно, не Си-фу, а он сказал выбирать Лю Гуан-цзюя. А раз он сказал, так и выбирайте Лю Гуан-цзюя. Какой смысл зря злить Янь Хэн-юаня?

— Чего ты испугался, старина? — рассердился Сяо Юань. — Боишься, как бы листок с дерева не разбил тебе голову? Почему тебе страшно выступить против Янь Си-фу? Ведь ты так же, как и другие, платишь налоги и выполняешь все повинности за него.

Лао Цин имел одну странность: если он видел, что молодёжь на него сердится, он сразу умолкал. Так было и теперь.

— Ты правильно говоришь, — поддержал Сяо Юаня Сяо Бао. — На этот раз мы должны пойти против обычных правил. Если же выберем Лю Гуан-цзюя, то мы попрежнему останемся в руках старого Янь Хэн-юаня. По-моему, нам всем, живущим под старыми акациями, на этот раз стоит высунуть голову и попробовать выбрать кого-нибудь из своих.

Все согласились с Сяо Бао, но только долго не могли решить, кого же им выбирать. Сяо Юань считал, что для деревенского старосты Сяо Бао вполне подходит. Лао Чэнь был уверен, что если выдвинуть Сяо Мина, то он соберёт голосов больше, чем Сяо Бао. А Сяо Мин возражал против этого и доказывал, что выдвигать надо Сяо Юаня, потому что он может лучше выступать на собраниях.

— А я думаю так, — сказал Ли Ю-цай, — если будем выбирать Сяо Мина, то у него, действительно, будет больше всего голосов, но боюсь, что с делом он не справится. Он слишком добрый и простодушный, чтобы быть старостой. На драку с прихвостнями старого Янь Хэн-юаня у него смекалки нехватит. Вот Сяо Бао — тот последние несколько лет торговал овцами, побывал во многих местах, умеет и писать и считать. Такой может с делами справиться. Но он не может бросить семью — у него пять едоков, а он единственный работник. По-моему, всё-таки Сяо Юань самый подходящий для деревенского старосты. А Сяо Бао может ему помогать вести счета и писать разные бумаги.

Доводы Ли Ю-цай убедили всех.

— Если так, то будем выбирать Сяо Юаня, — твёрдо сказал Сяо Бао.

— Правильно, — поддержал его Сяо Шунь. — Нужно идти агитировать за Сяо Юаня.

Все стали расходиться. Лао Цин, отец Сяо Фу, остановил сына.

— Куда ты суёшься? Иди домой!

В это время Сяо Шунь схватил Сяо Фу за руку и потянул за собой: — Идём! Идём! — и, обратившись к Лао Цину, задорно крикнул: — Не бойся! Если твой Сяо Фу потеряется, я за него отвечать буду!

Взявшись за руки, они выбежали на улицу. Лао Цин поспешил за ними и долго ещё кричал им вслед, пытаясь вернуть сына. Но оба парня быстро удалялись, и ему не оставлось ничего другого, как вернуться вместе со своим племянником домой и лечь спать.

Ли Ю-цай остался один. Он вскоре тоже лёг спать.

3. Избиение Тигра

На другой день Ли Ю-цай только позавтракал и собрался гнать скот на пастбище, как к нему подошёл Сяо Шунь.

— Дядя, ты не уходи, — сказал он. — Один голос больше — для нас будет лучше. Сегодня, может быть, что-нибудь у нас и выйдет. Мы собрали Сяо Юаню уже больше сорока голосов.

— Я успею, — ответил Ли Ю-цай. — Вот отгоню коров к Цзяова и вернусь — сейчас уже нечего бояться, что они потравят чьё-нибудь поле. Если на собрании будет выступать политработник Чжан, так он один до обеда говорить будет. К выборам вполне успею.

— На этот раз будет выборное собрание, речей будет мало, — возразил Сяо Шунь.

— Знаю, знаю! Чжан на всяком собрании ухитрится уже в самом начале сказать о «важности» собрания, разъяснить, каков «смысл» собрания, и даже дать оценку ему. К тому времени, когда надо будет голосовать, я вернусь.

— Тогда иди. Только не опаздывай, — согласился Сяо Шунь и пошёл в храм.

Здесь, как это всегда бывало в ожидании начала собрания, политработник Чжан и деревенские активисты сидели в зале церемоний, а народ стоял во дворе. Разница была лишь только в том, что теперь Янь Си-фу был снят с поста деревенского старосты. Всем хотелось посмотреть, будет ли он ещё задираить нос и задаваться. Поэтому народу пришло особенно много.

Прошло немного времени, пока все собрались. Янь Си-фу председательствовал на этом собрании последний раз. Хотя он и старался казаться спокойным, голос его звучал довольно неестественно. После обычных церемоний он дал слово политработнику Чжану. На этот раз Чжан говорил не так, как всегда. Он не разъяснял «смысла» и «важности» собрания, а приступил прямо к делу.

— Староста вашей деревни несколько раз допускал крупные ошибки. Вышестоящий орган приказал провести новые выборы. Если вы хотите что-нибудь сказать о старосте, вы можете выступить прежде чем мы начнём выборы.

Янь Си-фу легко можно было предъявить больше тысячи обвинений. Но, во-первых, никто специально не готовился к выступлению, во-вторых, всех смущало присутствие Янь Хэн-юаня, а в-третьих, почти все остерегались мести Янь Си-фу. Поэтому на собрании люди молчали, только шептались между собою. Одни считали, что нужно воспользоваться таким удобным случаем и подбить Тигра. Другие убеждали, что сейчас ещё лучше было бы совсем ухлопать его, а то, если не ухлопать, Тигр вернётся и будет губить людей. Так все и шептались, но открыто не выступали.

На собрании был один человек по фамилии Ма Фын-мин. Раньше он торговал чаем в провинции Аньхуэй, а последние годы жил в Яньцзяша-

ни. В отличие от других жителей деревни, очень осторожных и запуганных, он был более смелым и сообразительным. В первый же год, как Янь Си-фу стал деревенским старостой, он сразу же начал несправедливо прижимать жителей деревни. Пришлось и Ма Фын-мину немало потерпеть от него. Но тогда он смолчал. Теперь же, когда стало известно, что Янь Си-фу снят с должности, Ма Фын-мин решил поквитаться с ним. Потихоньку он стал сговариваться со своими соседями.

— Если вы будете выступать, я могу первым открыть огонь.

Услышав это, Сяо Юань подбодрил его:

— Выступай! Выступишь — я сразу же за тобой. Только начни, а там многие заговорят.

Пока они советовались между собой, политработник Чжан, сидевший на помосте в президиуме, сердито спрашивал:

— Есть желающие выступить? Даю ещё одну минуту. Кто хочет говорить?..

— Я хочу сказать,— заявил Ма Фын-мин и встал.— Слева от моей земли лежит могила предков Янь У, на могиле растут терновник и дикое финиковое дерево. Они так разрослись, что заняли половину моего поля, и невозможно стало сеять пшеницу. Зимой позапрошлого года я немного обрубил корни, а Янь У пожаловался на меня в сельское управление. Староста Янь Си-фу рассудил так: я должен заколоть свинью и пожертвовать её предкам Янь У, а семье Янь преподнести двести цзинь муки. Я сделал это. Затем он оштрафовал меня на пятьсот долларов и, кроме того, запретил обрубать кустарник и дерево на моём поле. Свинью и муку мою съели, штраф я заплатил, а моё поле, где растёт пшеница, попрежнему зарастает колючками и кислыми финиками. Но ведь я за него плачу аренду! По-моему, это не совсем правильно. Теперь будет новый староста, и я прошу такое запрещение снять.

Политработник Чжан удивлённо слушал его, а потом с недоверием спросил собрание:

— Неужели это так?

Почти все, кроме тех, кто носит фамилию Янь, в один голос подтвердили:

— Верно!

Ли Ю-цай как будто между прочим сказал:

— Есть ещё много дел куда хуже этого!

Сяо Юань перебил его и крикнул:

— Я тоже хочу слова!

И он стал подробно рассказывать, как неправильно назначали людей на общественные работы. После этого со всех сторон посыпались жалобы и обиды на старосту. Крестьяне стали выступать один за другим. Они рассказывали, как растрачивались деньги, как староста силой вынуждал угощать его и подносить подарки, как бил палками, штрафовал работой и т. д. Все говорили только о делах Янь Си-фу, но никто не посмел сказать и слова о том, что творил в деревне Янь Хэн-юань. Выступали с утра до самого обеда, и как будто уже все высказались. Политработник Чжан молча слушал их, но глаза у него просто лезли на лоб от злости, и он бросал на всех сердитые взгляды. Да это и понятно — в Яньцзяшани он бывал часто, но ему никогда и в голову не приходило, что здесь могут твориться такие дела. Так что поневоле рассердился. Под конец он не выдержал и сказал:

— Свяжите-ка этого «замечательного» старосту!

Как только он произнёс эти слова, на помост бросилось так много охотников связать старосту, что их нельзя было даже пересчитать. Деся-

ток рук схватили Янь Си-фу и, задрвав ему ноги кверху, связали, как пойманного зайца.

— Положите-ка его там, в маленькой комнатке,— сказал политработник Чжан.— Выделите двух человек для охраны. А пока разойдёмся на обед. После обеда выберем нового старосту, а Янь Си-фу я отвезу в район.

Сяо Шунь, Сяо Фу и ещё семь или восемь человек вызвались караулить Янь Си-фу.

— Я буду караулить! Я буду караулить! — кричали они, перебивая друг друга.

— Будем караулить этого Тигра все. Не большая беда, если пообедаем позже,— сказал Сяо Шунь.

Потом политработник Чжан обратился к крестьянам:

— Нужен человек, который бы написал протокол о том, что говорилось на собрании до обеда. Я отвезу этот протокол в район.

— Я напишу,— отозвался Ма Фын-мин.

— А я тебе помогу,— сказал Сяо Бао.

На этом политработник Чжан закрыл собрание.

Уже с половины дня Янь Хэн-юань и его сын были в большой тревоге. Хотя на собрании говорилось только о проделках Янь Си-фу, но ведь все знали, что тот ничего не делал без их участия, и это очень беспокоило старого помещика. Янь Хэн-юаню хотелось предупредить Янь Си-фу, чтобы он в уезде не проболтался ни о чём, но бывшего старосту охраняло так много караульных, что сделать это было совершенно невозможно. После обеда Янь Хэн-юань, сославшись на нездоровье, на собрание не пошёл, а послал на выборы своего сына Янь Цзя-сяня.

Когда собрание снова открылось, политработник Чжан разъяснил, как будут проходить выборы.

— Чтобы выбрать по-настоящему, надо сначала выбрать депутатов деревни, а потом из их числа уже выбирать старосту. Но мы не успеем сейчас проделать это. Я думаю, мы прежде выдвинем трёх кандидатов, а потом голосованием выберем одного из них. У нас много неграмотных, поэтому голосовать будем так: на трёх чашках нарисуем разные знаки. Чашки поставим так, чтобы не было видно, кто за кого голосует; затем выдадим всем по горошине, и каждый будет класть горошину в ту чашку, где стоит знак кандидата, которого он хочет выбрать. Как, по-вашему, хорошо будет так или нет?

— Хорошо! — ответили все хором.

Услышав это, Янь Цзя-сян, рассчитывавший заполнять выборные билеты для большинства неграмотных, растерялся и заморгал глазами — как же теперь обеспечить избрание Лю Гуан-цзюя? Кто мог знать, что политработник Чжан предложит голосовать с помощью горошин? Теперь ему — члену комитета по просвещению — не оставалось ничего другого, как готовить чашки для голосования. Но он всё же надеялся что-нибудь придумать...

Стали выдвигать трёх кандидатов. Конечно, Лю Гуан-цзюй — Пустая башка, благодаря заботам старого Янь Хэн-юаня, был среди них. Вторым был Ма Фын-мин, третьим — Чэнь Сяо-юань.

Янь Цзя-сян взял одну красную и две чёрные чашки, наклеил фамилии кандидатов и громко объявил:

— Внимание! Мы сейчас поставим эти три чашки во внутренний зал храма. Порядок будет такой: с востока на запад первая красная чашка для Лю Гуан-цзюя, вторая — для Ма Фын-мина и третья — для Чэнь Сяо-юаня. Повторяю ещё раз: с востока на запад первая красная

чашка для Лю Гуан-цзюя, вторая для Ма Фын-мина и третья — для Чэнь Сяо-юаня.

Он поставил чашки на жертвенный стол в середине зала, затем обошёл всех с востока на запад и роздал по одной горошине. Все сразу же начали голосовать, и через несколько минут голосование закончилось. Когда подсчитали горошины, оказалось, что Ма Фын-мин получил только 52 голоса, Лю Гуан-цзюй — 88 голосов и был выбран, а Чэнь Сяо-юань получил 86 голосов, всего на два голоса меньше, чем Лю Гуан-цзюй.

Когда выборы закончились, политработник Чжан заявил:

— Мне нужно ехать обратно в район. Прошу назначить двух человек сопровождать Янь Си-фу.

— Я назначу! — сразу закричал Янь Цзя-сян.

Несколько голосов одновременно возразили:

— Без твоих людей обойдёмся!

— Я пойду! Я пойду! — закричало и выступило вперёд более десяти человек.

— Достаточно будет двоих, — сказал политработник Чжан.

— Больше людей — больше уверенности, — возразил Сяо Юань.

В конце концов решили дать охрану из пяти человек. Политработник взял протокол, написанный Ма Фын-мином и Сяо Бао, и, забрав Янь Си-фу, уехал в район вместе с охраной.

Теперь Лю Гуан-цзюй — Пустая башка стал старостой деревни.

Первое, что он сделал, как только политработник Чжан выехал в район, — сразу же наклонив голову набок, побежал к Янь Хэн-юаню. Ясно, он должен был поблагодарить его и получить указания, как действовать дальше! Старый Янь Хэн-юань уже знал, что политработник Чжан увёз Янь Си-фу и что Сяо Юань получил только на два голоса меньше, чем Лю Гуан-цзюй. Эти новости сильно обеспокоили его. Расслабленным голосом он сказал Лю Гуан-цзюю:

— Сынок! Будь осторожен. Положение становится довольно-таки шекотливым. Смотри-ка, даже Ма Фын-мин, который из чужих краёв приплёлся к нам, и тот голос подаёт. А те, что под старыми акациями живут, те просто бунтовать начинают. — Он поднял два пальца и несколько раз повторил: — Два голоса! Два голоса! Ты подумай, как это опасно! Придётся тебе, сынок, в дальнейшем считаться с Ма Фын-мином. Подбери-ка ты ему какую-нибудь должность — члена строительного комитета, что ли? Пусть будет членом строительного комитета. А Сяо Юань — это такой, что ни неба, ни земли не боится. Нужно выбрать подходящий случай да как следует его приструнить. Иначе ты не сможешь справиться с восточной окраиной. Но сейчас пока ещё не время действовать. Вот выяснится дело Янь Си-фу, тогда поговорим. Иди, сынок. Сегодня я себя что-то очень плохо чувствую, хочу пораньше лечь отдохнуть.

Лю Гуан-цзюй попрощался и ушёл.

В этот вечер в землянке Ли Ю-цая было особенно оживлённо. Не будем об этом много рассказывать. Важно, что на другой день появились две новые песенки.

В первый день подбили Тигра,
дальше Тигру стало хуже.
Как ни прятал хвост и когти, —
всё они торчат снаружи.
На собрании народном
все крестьяне выступали,
все на Тигра навалились

и к земле его прижали,
лапы подлому связали —
Янь Цзя-сян моргал глазами,
Хэн-юаню страшно стало...
Вся деревня хохотала!

Другая песенка была короче:

Янь Хэн-юань — упряй, как болван,
вечно начальствует он в Яньцзяшани.
Новые выборы — просто обман:
власть всё равно остаётся у Уней.
Плохо для нас, а для них хорошо:
племянник ушёл — приёмьш пришёл.

4. Обмер земли

Долго не мог успокоиться старый Янь Хэн-юань после того, как забрали Янь Си-фу. Больше всего он боялся, как бы его племянник не проговорился о тех делах, в которых были замешаны они оба. Главная беда в том, что новое правительство совсем не похоже на старое — деньгами, подкупом теперь действовать нельзя. Несколько раз посылал он своего сына Янь Цзя-сяна в уезд, но тот ничего не мог разузнать. Так прошло три месяца. Однажды в уезде было созвано собрание деревенских старост. Старый Янь Хэн-юань велел Лю Гуан-цзюю заодно ещё раз попытаться разузнать о Янь Си-фу.

Через два дня Лю Гуан-цзюй вернулся. Даже не пообедав, он сразу же, скривив голову набок, побежал к Янь Хэн-юаню. Тот лежал в постели. Лю Гуан-цзюй присел на краешек кана и стал почтительно докладывать:

— Янь Си-фу обвиняют во многих преступлениях. Но он не захотел втягивать других и взял всю ответственность на себя. Уездное правительство проявило к нему особое великодушие и разрешило ему написать раскаяние и возместить все убытки. Этим всё и кончится.

Янь Хэн-юань облегчённо вздохнул и сказал:

— Ну, это ещё полбеды. Хорошо уже то, что он не втянул других. А что решали на собрании старост?

— Решали три вопроса. Первый — об учёте снижения арендной платы за землю. Роздали всем бланки. Нужно их заполнить, проставить фамилию и имя арендатора и помещика, количество земли, какая была арендная плата и на сколько снизили. Второй вопрос был — обмер земли. Все сельские организации и активисты должны принять в этом участие. Кроме того, должен быть представитель от каждого двадцати пяти семейств. И так совместно произвести обмер земли. Третий вопрос был об отряде вооружённой самообороны. Решили назначить сначала от каждой деревни по одному человеку, которые до 15 июня должны прибыть в уезд для обучения и за инструкциями.

Старый Янь Хэн-юань молча выслушал отчёт Лю Гуан-цзюя. Теперь он был спокоен за Янь Си-фу. Остальные вести заставили его нахмуриться. Как только Лю Гуан-цзюй ушёл, он сказал своему сыну Янь Цзя-сяну:

— Отряд самообороны — это не страшно. Назначить человека для военного обучения — дело не трудное. Мне кажется, они просто набирают солдат, так же, как когда-то Янь Си-шань¹. Два других дела поважнее — они-

¹ Янь Си-шань — старый феодал-милитарист, много лет бывший губернатором провинции Шаньси. (Примеч. перев.).

то ведь связаны с нами. Со снижением аренды, может, ещё обойдётся так-сяк. Нужно только заранее обойти арендаторов и предупредить, чтобы они говорили всем, что арендную плату уже снижали. Они побоятся лишиться земли и будут делать так, как мы скажем. А когда сельское управление будет заполнять бланки, то они пройдут через твои руки и, я думаю, всё будет так, как надо. Вот со вторым делом будет потруднее. В обмере земли должно участвовать много людей. Как всех обведёшь?

— А по-моему, и здесь тоже будет не трудно уладить,— непрерывно моргая, заметил Янь Цзя-сян.— Вот, скажем, активисты. Староста деревни — свой человек. Член гражданского комитета и член комитета просвещения — это мы с тобой. Председатель профсоюза Лао Фань — наш артельщик. А председатель крестьянского союза Чжан Дэ-гуй — он ведь тоже постоянно трётся возле нас. Член финансового комитета Чжан Ци-чан? Этот не вреден и не полезен,— если его не тронешь, он ничего не скажет. Его сын Сяо Линь хотя и постоянный работник союза молодёжи, но ничего не смыслит в таких делах. Вот только Ма Фын-мина трудно будет залучить. Если что — он выступит против, а его жена Гуйин, активистка женского союза, тоже пойдёт за ним...

— С Ма Фын-мином можно поладить. Все они, торгаши, любят барыши. Подкинем ему немного, и он тоже ничего не скажет. Труднее всего будет с представителями двадцати пяти семейств. Их будет много, и мнения у всех будут разные.

— По-моему, можно сделать так, чтобы они не участвовали вовсе,— сказал Янь Цзя-сян.

— Нет, так нельзя,— возразил старый Янь Хэн-юань.— У политработника Чжана ноги длинные. А вдруг он к обмеру земли нагрянет? Тогда как? По-моему, представители нужны. Но надо сделать так, чтобы их назначал староста. Нужно назначать самых бедных и тех, которые любят клевать по зёрнышку, такого как Лао Цин с восточной окраины.

— Что-то не пойму,— возразил Янь Цзя-сян.— Если он бедный, то он тем более будет тщательно следить за обмером земли...

— Вы, молодые, ничего не понимаете! Мы начнём обмер с самых мелких участков. Возьмём хотя бы землю у Цзяоца. Там на одном му семь-восемь участков. Когда будем считать, ты сможешь кое-что перебросить на счётах. А главное — надо затягивать время. Чтобы обмерить все участки только на Цзяоца, где меньше пятнадцати му земли, и то потребуется два дня. Беднякам разве под силу зря терять рабочее время? Походят они с нами два-три дня и сами разбегутся. А когда мы их выживем, тогда, во-первых, можно будет сказать, что они не активны, халатно относятся к такому важному делу, а во-вторых, произведём обмер сами, без свидетелей. Сколько скажем — столько и будет. Кто узнает?

— Но ведь после обмера надо вбивать на межах дощечки,— перебил его Янь Цзя-сян.

— У нас земля гористая, участки неровные. На межевых дощечках будем писать только общую сумму. Напишем, например, отсюда до подгорья столько-то му, столько-то фэнь¹. Кто станет проверять, правильно это или неправильно? Мелким владельцам дадим маленькую поблажку — если у него участок в три му, посчитаем за два му. Так как у него образуется некоторый недомер и он будет бояться, что его обнаружат, он и не будет особенно стараться поточнее обмерять чужую землю.

После такого наставления Янь Хэн-юань послал сына за Ма Фын-мином. Тот понадобился ему вот зачем. Ма Фын-мин приобрёл за последние годы довольно много земли. Делал это он с большой хитростью

¹ Фэнь — одна десятая му, то есть 1/100 гектара. (Примеч. перев.).

и, как правило, обмерял крестьян, у которых покупал землю. У него мерка му была значительно больше обычной. Старый Янь Хэн-юань, зная это, сказал ему:

— Твою землю ты купил недавно, её можно и не обмерять. Дощечки на межах будем ставить по документам.

Ма Фын-мин, конечно, был очень доволен этим.

Потом Янь Хэн-юань послал Янь Цзя-сяна за Лю Гуан-цзюем. Ему он рассказал о своём плане проведения обмера земли. У Лю Гуан-цзюя также не было никаких возражений — во-первых, он сам имел немало земли, а во-вторых, он стал старостой деревни только благодаря Янь Хэн-юаню.

Наступил день обмера. В деревню приехал политработник Чжан.

— Начнём с моей земли,— предложил Янь Хэн-юань.

Все активисты во главе со старостой деревни Лю Гуан-цзюем, захватив с собой сколоченную из двух жердей разножку, счёты, межевые дощечки, колья, кисточки, тушь и другие необходимые вещи, отправились к Цзяова. Среди них были член комитета по гражданским делам Янь Хэн-юань, член комитета народного просвещения Янь Цзя-сян, член финансового комитета Чжан Ци-чан, член строительного комитета Ма Фын-мин, председатель крестьянского союза Чжан Дэ-гуй, председатель профсоюза Лао Фань, председатель женского союза Гуй-ин, председатель организации молодёжи Сяо Линь и ещё больше десятка вновь назначенных представителей двадцати пяти семейств. Политработник Чжан тоже отправился с ними.

Лю Гуан-цзюй чертил квадраты, Чжан Дэ-гуй обмеривал разножкой, а Янь Цзя-сян прикидывал на счётах. Размер участков здесь не превышал двух фэнь, и они или выдавались одним углом на восток или вклинивались в другие земли на западе. Поэтому при обмере нужно было делить участок на четыре или пять частей и каждый из них обмеривать в отдельности. После обмера каждого участка делали перерыв. Лю Гуан-цзюй объяснял всем, как нужно исчислять площадь на квадратных участках и как на неровных местах по склону холмов. Янь Цзя-сян пояснял, как складывать площадь раздробленных кусков одного участка. Но люди собрались вовсе не для того, чтобы изучать способы обмера земли — им это было неинтересно. Все чувствовали, что дело затягивается. Но политработник Чжан был доволен. Ему всё это казалось очень полезным — обмер будет тщательным. Здесь не может быть никаких надутельств.

— Это образцовый обмер земли,— похвалил он и вскоре ушёл в деревню Шицзыва.

Всё шло так, как наметил старый Янь Хэн-юань. Через два дня многие крестьяне уже не приходили в поле, а обмер земли в Цзяова ещё был далёк от конца. На пятый день для обмера пришло только семь человек: Янь Хэн-юань, его сын, артельщик Лао Фань, Лю Гуан-цзюй, Чжан Дэ-гуй, Гуй-ин и Сяо Линь. Но Гуй-ин была неопытной женщиной, а Сяо Линь ещё совсем подросток.

Старый Янь Хэн-юань всё время обмахивался веером, а Лю Гуан-цзюй непрерывно курил свою водяную трубку. Артельщик Лао Фань прихватил с собой лопату. Сяо Линь взял косу в расчёте накосить сухой травы для топки. Беременная Гуй-ин собиралась набрать по пути диких овощей и захватила с собой корзинку. Все принадлежности: и разножку, и счёты, и кисточки, и тушь, и межевые колья, и дощечки нес один Чжан Дэ-гуй — он последнее время дневал и ночевал у старого Янь Хэн-юаня.

Подойдя к заднему оврагу Цзяова, хитрый Янь Хэн-юань сказал с упрёком:

— Ну вот, опять нет многих членов! Только языком трепать любят, а делать ничего не хотят. Как будто это только нас с вами касается...

В овраге вся земля принадлежала Янь Хэн-юаню. Придя туда, все разбрелись в разные стороны, каждый по своим делам. Гуй-ин сорвала несколько ещё зеленых абрикосов и отправилась собирать дикие овощи. Сяо Линь тоже съел несколько абрикосов и пошёл вслед за Гуй-ин косить траву. Янь Цзя-сян, увидев, что в одном месте осела дамба канала, приказал Лао Фаню выровнять её. Чжан Дэ-гуй сложил все приборы и пошёл помогать заделывать дамбу. Янь Хэн-юань с Лю Гуан-цзюем забрались в тень орехового дерева, росшего около поля, решив, что здесь будет неплохо отдохнуть и поговорить.

В этот день Ли Ю-цай караулил на холме пшеницу. Он видел, как в овраг спустилось семь-восемь человек, и подумал сперва, что они пришли воровать хлеб, но потом убедился, что каждый из них занят каким-то своим делом. Расстояние было далёкое, и он не мог распознать, кто были эти люди, но то, что они делали, ему было хорошо видно. Он не мог разглядеть только тех, кто сидел под ореховым деревом. Как ни прислушивался он, но так и не мог понять, о чём они говорили, хотя до него временами доносился говор и смех.

— Что это за черти? Обязательно дождусь, когда они выйдут оттуда, — сказал про себя Ли Ю-цай и сел в тень кустов.

Время приблизилось к полудню. И тут Ли Ю-цай увидел, как из-под орехового дерева вышел человек и крикнул:

— Цзя-сян, иди писать дощечки!

Ли Ю-цай сразу узнал его по голосу — это был старый Янь Хэн-юань. К нему подошли двое из тех, которые заделывали дамбу. И их узнал Ли Ю-цай: это были Янь Цзя-сян и Лао Фань. Янь Цзя-сян написал две дощечки, одну дал Лао Фаню, а другую взял сам. Лао Фань забил кол с дощечкой на восточном конце поля, а Янь Цзя-сян на западном краю. Затем они кликнули Гуй-ин и Сяо Линя и один за другим повернули к деревне. Только когда Ли Ю-цай увидел в руках Чжан Дэ-гуя разножку, он понял, что они приходили обмерять землю.

— Ого! Вот как они обмеряют землю! — воскликнул про себя Ли Ю-цай. — Пойду-ка я посмотрю, что они там на дощечках написали.

Ли Ю-цай обошёл вокруг большого поля пшеницы и посмотрел на дощечки. На дощечках он прочитал: «Отсюда до подножья холма всего три му два фэня земли». Ли Ю-цай засмеялся. Возвращаясь в деревню, он сложил такую песенку:

Семь обмерщиков земли
измерять поля пришли.
Почему ж они тогда
разбрелися кто куда?
Траву косит Сяо Линь,
ищет овощи Гуй-ин
в стороне, на дамбу глянь —
там Дэ-гуй и Лао Фань.
Янь Цзя-сян вдали идёт
и команду подаёт.
Хэн-юаню целый день
с глупым Лю болтать не лень, —
я под деревом, в тени,
пять часов сидят ошны.

Не плохо, с веером в руке, пока не схлынет зной,
болтать, смеяться и курить из трубки водяной!

Янь Цзя-сян подходит к ним,
к тем бездельникам двоим.
Осмотрев со всех сторон,
на дощечке пишет он
так, как выгодно ему —
десять с половиной му.
Небольшая хитрость тут —
даже дети разберут,
что обмерщики земли
счёт неправильный вели.

Давай считать, что придать му вмешает этот пласт.
Продай его, Янь Хэн-юань! — Ручаюсь, не продаст!

5. Странные дела происходят в «образцовой деревне»

Прошло несколько дней. Обмер земли закончился. Мелкие землевладельцы получили от этого маленькие выгоды: у кого было три му земли — засчитали за два, у кого два му — записали полтора. Вечером после окончания обмера Чжан Дэ-гуй, сразу же как только поужинал у Янь Хэн-юаня, отправился на восточную окраину под старые акации, чтобы узнать, куда здесь ветер дует, и похвалить там Янь Хэн-юаня за то, что он так позаботился о мелких землевладельцах.

Как обычно в жаркий вечер, под старыми акациями после ужина собралось много людей. Они громко болтали и смеялись. Чжан Дэ-гуй ещё издалека стал прислушиваться к разговору и остановился. Кто-то говорил:

— Эх ты, артист! Как же ты не можешь уговорить своего отца, чтобы он перестал быть хвостом у старого чёрта Янь Хэн-юаня? Повсюду твердят об этом люди...

Тут он услышал голос своего сына. Тот перебил говорящего и стал оправдываться.

— Не было такого дня, чтобы я ему об этом не толковал. Но что я могу поделывать, если он меня не слушает? Я уж не знаю сколько раз ругался с ним. Принесёт домой от Янь Хэн-юаня луковицу или пару головок чеснока и радуется. А ни я, ни мать не едим этот чеснок. Отец просто несправим!

Услышав, как собственный сын отзывается о нём, Чжан Дэ-гуй решил, что ему неловко будет подойти сейчас к людям. Но он хотел узнать, что будут говорить о нём другие, и решил послушать ещё. Немного спустя он услышал, как Ли Ю-цай спросил кого-то:

— А что, обмер земли уже закончился? Ну и сколько же оказалось земли у старого Янь Хэн-юаня?

Кто-то ответил:

— Я слышал, около ста му.

— Чёрта с два нас обманешь! Это только за последние десять лет ему заложили столько, — возразил Сяо Бао. — Почти все, кто живёт теперь под старыми акациями, сначала заложили ему свою землю, а потом уж перебрались сюда.

Тут все зашумели и, перебивая друг друга, стали подсчитывать, сколько же было заложено земли старому Янь Хэн-юаню. Оказалось, что жители деревни заложили помещику восемьдесят четыре му.

— На него круглый год работают три батрака, — сказал Сяо

Юань.— А на холме он ещё сдаёт землю шести или семи мелким арендаторам. Не будь я Чэнь, если у него при хорошем подсчёте не окажется трёхсот му!

— А разве ты не знаешь, как они обмеряли землю? — спросил его Сяо Шунь.— Ведь ты слышал песенку дяди Ли Ю-цая: «Семь обмерщиков земли измерять поля пришли. Почему ж они тогда разбрелися кто куда?..»

Он пропел песенку до конца, и все захохотали. Чжан Дэ-гуй напряжённо прислушивался.

— А по-моему, они очень по-человечески обмеряли землю, — не выдержал всё время молчавший Лао Цин.— Вот хотя бы у меня. На самом деле у меня три му, а они посчитали за два.

— Они думают, что мы дети и нас легко обмануть, — возразил Сяо Юань.— Всё это было сделано для того, чтобы Янь Хэн-юаню тоже «по-человечески» обмерили землю. Мы мелкие землевладельцы и за два или три му земли не платим теперь налоги, а вот с него за триста му причитается немало. Но при таком «человеческом» обмере — за ним числится только сто му... А если ты у этого старого чёрта будешь арендовать землю, аренду с тебя он всё равно будет брать и за один и за два му...

Чжан Дэ-гую стало ясно, что в деревне разгадали хитрости Янь Хэн-юаня. Он решил сейчас же отправиться к нему, чтобы рассказать об этом.

Старик уже спал, только Янь Цзя-сян, сидя у керосиновой лампы, заполнял бланки. Чжан Дэ-гуй рассказал ему обо всём. Не забыл он и новой песенки Ли Ю-цая да ещё описал, как бранили старого Янь Хэн-юаня.

Янь Цзя-сян слушал Чжан Дэ-гуя и не мог сдержать в себе злости — глаза его непрерывно моргали, а в адрес Сяо Юаня и Ли Ю-цая сыпались ругательства.

На другой день, не дожидаясь, когда Янь Хэн-юань поднимется с постели, Янь Цзя-сян рассказал ему о вчерашнем разговоре. Старик выслушал его молча. Ему было совершенно безразлично, как его обзывали. Но его привело в бешенство то, что люди разгадали его замысел. Он подумал и сказал:

— Непременно надо крепко взяться за кой-кого!

После обеда он позвал к себе Лю Гуан-цзюя и рассказал ему о поведении Сяо Юаня и Ли Ю-цая.

— Сяо Юаня, я думаю, нужно выдвинуть в отряд самообороны и отослать в уезд на обучение. А голодранца Ли Ю-цая нужно просто выгнать и навсегда запретить ему возвращаться в Яньцзяшань, — сказал он под конец.

Лю Гуан-цзюй сразу же созвал общее собрание, чтобы выбрать человека для посылки в уезд на военное обучение. По примеру прошлого собрания, сначала выдвинули трёх кандидатов. Среди них был Сяо Юань. Потом голосовали — клали в чашки бобы. Чжан Дэ-гуй и Янь Цзя-сян незаметно положили в чашку Сяо Юаня не по одному, а по целой пригоршне бобов, и Сяо Юань был избран.

У Сяо Юаня была только одна старая мать, которую нужно было кормить, — она давно уже была на полном его иждивении. Когда старуха узнала, что Сяо Юаня выбрали для военного обучения, она со слезами стала просить Лю Гуан-цзюя, чтобы у неё не забирали в солдаты единственного сына — она слышала, как Янь Хэн-юань, староста и другие люди в деревне говорили, что теперь так набирают в армию. Но староста не посчитался с её просьбой — разве можно ослушаться Янь Хэн-юаня!

Недалёкий Чжан Дэ-гуй был очень доволен всем. То одному, то другому он нашёптывал:

— Так ему и надо — зачем критиковал обмер земли?

Дошло это и до тех, кто жил под старыми акациями, и они сразу смекнули, почему был «избран» Сяо Юань.

Когда Сяо Мин узнал, что просьба матери Сяо Юаня оставлена без внимания, он собрал Сяо Бао, Сяо Шуня и других приятелей, чтобы сообща придумать, как выйти из затруднительного положения. Он был отзывчивым человеком, всегда помогал соседу, если у того случится какая-нибудь беда.

— По-моему, раз они действуют по заранее обдуманному плану, у нас ничего не выйдет, если мы будем просить о переизбрании, — сказал Сяо Бао. — Пойти в солдаты не такое уж плохое дело. Мы всегда дружили и неужели кто-нибудь из нас откажется помочь другу. Нам нужно будет позаботиться о матери Сяо Юаня.

— Не беспокойся, — обратился Сяо Мин к Сяо Юаню. — Не так уж хлопотно будет для нас развести огонь да вскипятить воду. Много ли старушке нужно? У тебя всего три му земли. Даже в самую горячую пору каждый сможет выделить немного времени и поработать на твоём поле.

Лао Чэнь — дядя Сяо Юаня — стал благодарить соседей и приговаривать:

— Беда упала на нашу голову, тут ничего не поделаешь. Не итти ему, конечно, нельзя. Придётся вас беспокоить.

Сяо Юань тоже горячо благодарил всех за дружескую заботу.

...Учётные бланки обмера земли были заполнены и подписаны сельским управлением, человек для военного обучения был выбран, доклад о положении в деревне был написан. После обеда назначили посыльного и вместе с Сяо Юанем отправили в уезд. Покончив с этими делами, Лю Гуан-цзюй послал человека за Ли Ю-цаем. Когда тот явился в сельское управление, староста стал стучать по столу и кричать, что Ли Ю-цай распространяет «ложные слухи», что он «явно похож на предателя». Пустая башка так разошёлся, что его просто не остановить было. Накричавшись, он приказал Ли Ю-цаю:

— Сейчас же катись на все четыре стороны. Навсегда запрещаю тебе возвращаться в Яньцзяшань. Если ты откажешься выполнить приказ, я свяжу тебя и отправлю в район как предателя!

Ли Ю-цаю ничего не оставалось делать, как рассчитаться со всеми хозяевами, у которых он пас скот, и перебраться в соседнюю деревню Шицзыва.

Через два дня приехал политработник Чжан. Он привёз из уезда бумагу, в которой было написано: «На основании доклада 6-го районного управления активисты деревни Яньцзяшань выполнили все поручения, проявив при этом большую энергию и добросовестность. Они выполнили свою задачу в кратчайший срок, за что особым приказом поощряются для дальнейшей деятельности, а Яньцзяшань объявляется образцовой деревней».

После этого Яньцзяшань всюду стали называть образцовой деревней.

6. Сяо Юань переменялся

Через две недели, окончив обучение, Сяо Юань вернулся домой. Сразу же, как только он появился под старыми акациями, люди набросились на него с расспросами. Хотя время обеда ещё не наступило, они

оставили работу и пришли, чтобы узнать о его делах. Сяо Юань был очень доволен и оживлённо рассказывал:

— Они думали, что загубили меня, им и в голову не пришло, что всё это мне на пользу. В уезде меня научили, как действовать, и приказали вернуться в Яньцзяшань, чтобы организовать отряд самообороны. Будем набирать народных ополченцев. В уезде сказали, что нам выдадут винтовки, револьверы и гранаты. И ещё сказали, что начальник отряда самообороны находится на равном положении со старостой деревни — тот по гражданским делам, а он по военным. Отряд самообороны — самостоятельная организация, она сельскому управлению не подчиняется. Кроме того, дан приказ, чтобы староста деревни подготовил всё необходимое для отряда самообороны. С сегодняшнего дня каждый, кто живёт под старыми акациями, вступив в отряд самообороны, имеет возможность участвовать в делах деревни.

— Ну, теперь посмотрим, как всемогущий Янь Хэн-юань будет управлять всем! — воскликнул Сяо Шунь.

— А мы для тебя уже рассаду вырастили, — сказал Сяо Мин. — Старуха не голодала. Кто лепёшек, кто супу ей пошлёт. И ей всегда хватало.

Не будем рассказывать о том, как сердечно благодарил Сяо Юань своих друзей.

После обеда он пришёл в сельское управление и сдал Лю Гуан-цзюю приказ из уезда. Тот прочитал его и сразу смекнул, какая произошла ошибка — оказывается, теперь у Сяо Юаня есть власть. Он тут же помчался к Янь Хэн-юаню.

Старик прочитал приказ, и его охватила досада.

— Кто мог подумать, что Сяо Юаню будет выгода от этого? — он сдвинул брови, подумал немного и сказал: — Раз уж допустили ошибку, придётся теперь исправлять её. Нужно так обкрутить Сяо Юаня, чтобы он стал нашим человеком!

— Этого парня не так легко обкрутить, — возразил Лю Гуан-цзюю.

— Ты ничего не понимаешь. Это нужно делать незаметно, постепенно. Сперва мы будем расхваливать его и оказывать всякие мелкие услуги. Он привыкнет к этому, а новая привычка изменит его характер. Пройдёт несколько месяцев, и жизнь под акациями станет ему не по вкусу!

Янь Хэн-юань дал Лю Гуан-цзюю необходимые инструкции, и тот в полном соответствии с ними начал действовать. Двор храма он разделил на четыре части: три левых восточных комнаты отвёл под сельское управление, три правых восточных комнаты под школу, три левых западных отдал в распоряжение начальника отряда самообороны, а три правых западных помещения были превращены в площадку для военного обучения.

Набрали народных ополченцев. Почти весь отряд состоял из тех, кто живёт под старыми акациями. Нет нужды говорить о том, что они часто не ладили с Лю Гуан-цзюем. Сельскому старосте было нелегко с ними справиться. Но хитрый Янь Хэн-юань постоянно руководил им и помогал выходить из всех затруднений. Исподволь же он опутывал своими сетями Сяо Юаня.

У Лю Гуан-цзюя был форменный костюм, у Янь Цзя-сяна тоже, а у Сяо Юаня форменного костюма не было. Лю Гуан-цзюю говорит как-то Сяо Юаню:

— Начальнику отряда нельзя быть без формы. Придётся тебе сшить. Через несколько дней Сяо Юаню принесли новый костюм, сшитый на казённые деньги.

У Лю Гуан-цзюя была самопишущая ручка, у Янь Цзя-сяна тоже, а у Сяо Юаня самопишущей ручки не было, и маленький карманчик на его френче был пустым. Однажды Янь Цзя-сян сказал:

— У меня есть ещё одна ручка, я принесу тебе её.

На другой день в карманчике Сяо Юаня была самопишущая ручка.

Лю Гуан-цзюй сам не косил травы для очага, Янь Цзя-сян тоже, а Сяо Юань отправился как-то косить в новом форменном костюме и вдруг почувствовал себя неловко. Лю Гуан-цзюй сказал ему:

— Много ли тебе травы надо? Пошли ополченца, он тебе накосит.

В скором времени Сяо Юань действительно изменился. Косить траву он посылал ополченца, носить воду он посылал ополченца, а сам, сложив руки на груди, только командовал всеми. Когда дядя Лао Чэнь увидел его запущенное поле, он начал ругать его.

— Смотри, Сяо Юань, на кого ты за эти два месяца стал похож! Ходишь, сложив руки, воду не носишь, траву не косишь. Когда ты ездил в уезд учиться, за тебя на поле работали друзья. Теперь уже стали колосья наливаться, а ты ещё второй раз полоть не ходил. На твоём поле трава стала выше пшеницы. Посмотрим, что ты будешь есть осенью.

И в самом деле, Сяо Юань за последнее время ни разу не удосужился сходить на своё поле. Слова дяди подействовали на него, и он решил пойти посмотреть, что там делается. После завтрака он взял мотыгу и пошёл на своё поле. По дороге ему встретился Янь Цзя-сян, который шёл в школу.

— Что, полоть идёшь? — с усмешкой спросил он Сяо Юаня.

Сяо Юань залился краской, как будто его застали на месте преступления.

— Пойду в поле... только посмотреть, — невнятно пробормотал он.

— погоди, поговорим немного, потом пойдёшь, — сказал Янь Цзя-сян.

Сяо Юань не возражал и вместе с ним дошёл до храма. Там он положил у ворот мотыгу и продолжал болтать о том, о сём с Янь Цзя-сяном и Лю Гуан-цзюем. Так они проболтали до полудня, а потом пошли обедать. Сяо Юань пришёл к выводу, что ему — начальнику отряда самоохранны — не к лицу полоть поле. На другой день он назначил на прополку своего поля двух ополченцев.

Это были Сяо Шунь и Сяо Фу. Молодые парни хотя и не посмели послушаться его приказа, но страшно разозлились. Они пришли на поле, но работали не торопясь, больше разговаривали, изливали свою душу.

— Одним богом больше — одной свечкой больше, — сказал Сяо Шунь. — Мы-то надеялись, что наш начальник за нас будет заступаться. Но кто знал, что, сделавшись начальником, Сяо Юань станет дружить с теми, кто против нас. Какая польза нам от него? Лишний раз назначит нас на работу — другого от него не жди!

— Один раз мы уже полоти ему поле, а он и во второй раз заставил нас полоть, — сказал Сяо Фу.

— Ну нет, тут есть разница, — возразил Сяо Шунь. — Когда в первый раз мы работали на него, тогда наши люди послали его в уезд учиться. Делали это мы по своему желанию, а теперь всё по-другому — он стал начальником отряда, и уже, видите ли, решил, что не может сам полоть своё поле, поэтому и назначил нас работать за себя. Если бы мы раньше знали, что так будет, то незачем было ему помогать. Разве мы не могли бы поспать вместо этого и сберечь свои силы?

— Жаль, что дядю Ли Ю-цая выселили, — сказал Сяо Фу. — Будь старик здесь, он обязательно сочинил бы такую песенку про Сяо Юаня, что ему бы непоздоровилось.

— А почему бы нам самим не попробовать сочинить? — ответил Сяо Шунь.

— Что ж, можно. Давай попробуем.

Сяо Шунь составил несколько стихов, Сяо Фу поправил некоторые из них, прибавил свои два и так, слово за словом, сложили они новую песенку:

Сяо Юань ходит гордый и важный,
нашим начальством стал он однажды.
Целые дни восседает он в храме,
форму надел — и командует нами.
Не косит травы, не носит воды,
все на других возлагает труды,
выполнял поле чужими фуками,
сделал соседей своих батраками.

Вечером Сяо Фу потихоньку спел эту песенку двум-трём приятелям. На другой день её уже распевали по всей деревне. Только один Сяо Юань, сидевший в храме, не слышал её.

Всё, о чём здесь говорилось до сих пор, было не самым большим событием в деревенской жизни. Самым важным было то, что деньги, которые Янь Си-фу по решению уездного правительства должен был вернуть жителям Яньцзяшани за понесённые ими убытки, попали вовсе не к крестьянам. А это была крупная сумма — три тысячи четыреста с лишком серебряных юаней да ещё несколько сот цзинь муки и несколько дань риса!

Произошла вот такая история.

Первого августа, в день основания Народно-освободительной армии, в уезде был назначен парад народных ополченцев. За несколько дней до этого Сяо Юань сказал Лю Гуан-цзюю, что надо приготовить походные сумки и мешки для муки — необходимо было запастись продовольствием для семи-восьми человек на три дня. Лю Гуан-цзюй сразу же доложил, конечно, Янь Хэн-юаню.

«Эге, — смекнул старик, — это подходящий случай, чтобы прибрать денежки Янь Си-фу к своим рукам».

Он велел старосте созвать собрание активистов и сказал им, что у сельского управления денег на снаряжение ополченцев нет и поэтому придётся израсходовать на это деньги, поступившие от Янь Си-фу. Активисты — свои люди, они, конечно, не возражали.

Хотя все в деревне знали, что по решению уездного правительства Янь Си-фу должен возместить им убытки, но никто не знал, сколько именно, а получить деньги всем хотелось. Многие ещё раньше стали подбивать Ма Фын-мина, который больше других пострадал от Янь Си-фу и у которого к тому же был хорошо подвешен язык, поговорить об этом со старостой. У Ма Фын-мина к этому времени наладились добрые отношения с Янь Хэн-юанем, и он не собирался ссориться с ним, но ему очень хотелось вернуть свои деньги. После решения активистов Ма Фын-мин понял, что время действовать наступило, иначе своих денег ему не видать. Он знал также, что староста был всего лишь ширмой, прикрывающей многолетнее господство помещика Янь Хэн-юаня в деревне. Поэтому он прежде всего отправился к нему.

— Все очень недовольны решением активистов. Боюсь, что они будут требовать деньги, — доверительным тоном стал он говорить Янь Хэн-юаню.

Старый Янь Хэн-юань быстро раскусил, к чему тот клонит, и сказал:

— Боюсь, что ничего из этого не выйдет. В сельском управлении на самом деле денег нет. А снаряжать ополченцев, сам знаешь, надо, да и время не терпит. Поэтому собрание активистов и постановило... Ты

ведь сам принимал в нём участие. Но мы люди свои и, думаю, поладим. Сколько ты потерпел по своему делу? Обожди немного, пусть поостынут все, и мы заставим старосту уплатить тебе отдельно, всё сполна.

— Да нет, я не о том... не о себе, — заискивающе говорил Ма Фын-мин.

— Нет, нет! — перебил его Янь Хэн-юань. — Если он не сделает этого, я ему не прощу. Ты мне не веришь? Я готов сейчас сам заплатить тебе. Ведь мы — активисты в деревне, как же можно проявлять безразличие к делам друг друга!

Ма Фын-мин понял, что он не останется с пустыми руками, и прекратил разговор на эту тему.

Через два дня в деревню вернулся Тигр — Янь Си-фу — и привёз деньги. Старый Янь Хэн-юань заявил, что самый большой убыток от Янь Си-фу потерпел он, и взял половину денег себе. Получил своё и Ма Фын-мин. На оставшуюся сумму сделали походные мешки, сумки для патронов и выдали ополченцам по 20 цзинь риса. Этим всё и закончилось.

Зато на параде ополченцы из Яньцзяшани были снаряжены лучше всех. Опять Яньцзяшань показала себя образцовой деревней, и начальник отряда Сяо Юань получил награду.

7. Махинации Янь Хэн-юаня и Лю Гуан-цзюя раскрылись

Прошло 15 августа по лунному календарю. Начался сбор осеннего урожая. Как раз в это время председатель уездного крестьянского союза товарищ Ян получил назначение проверить, как проходит сбор урожая в 6-м районе. В районном крестьянском союзе ему порекомендовали поехать в деревню Яньцзяшань — передовую, образцовую деревню в районе — так её всегда представлял политработник Чжан.

Ранним утром, позавтракав, товарищ Ян отправился в путь и ещё задолго до полудня был в Яньцзяшани. Когда он вошёл в сельское управление, Сяо Юань и Лю Гуан-цзюй играли в шашки. Они так ожесточённо спорили из-за хода, что не заметили, как он вошёл. Товарищ Ян постоял немного, но никто на него не обратил никакого внимания, не спросил, кто он и зачем пришёл.

— Кто здесь будет староста? — спросил он.

Лю Гуан-цзюй и Сяо Юань только подняли головы и бросили на него недовольные взгляды. Голова незнакомого им человека, как у всех крестьян, была повязана белым полотенцем. На нём была белая рубашка и темносиние штаны, ноги обуты в сношенные тяжёлые туфли, весом, наверное, не менее двух с половиной цзинь. Судя по одежде незнакомца, Лю Гуан-цзюй решил, что это посыльный из соседней деревни. Он вяло спросил:

— Из какой деревни?

— Из уезда, — ответил товарищ Ян.

— А зачем же ты пришёл? — рассеянно продолжал Лю Гуан-цзюй. И тут же прикрикнул на Сяо Юаня: — Эй! Ходи скорее!

— Вы, я вижу, очень заняты. Я подожду немного, когда освободитесь, поговорим, — сказал товарищ Ян. Он положил свой узелок на ступеньку и сел на него.

Лю Гуан-цзюю не понравилось поведение незнакомца, да и игра у него не ладилась. Он бросил шашки, подошёл к товарищу Яну и начал расспрашивать его, кто он да что... А тот, хотя сразу догадался, что он — и есть староста, спросил его нарочито:

— А где же староста?

Лю Гуан-цзюй тут уж совсем смутился. Он представился ему. Тогда товарищ Ян передал ему свой мандат. В нём было написано: «Податель сего председатель уездного крестьянского союза товарищ Ян направляется в деревню Яньцзяшань для проверки работ по сбору осеннего урожая. Просьба во всём оказывать необходимое содействие...»

Лю Гуан-цзюй прочитал мандат и провёл товарища Яна к себе в управление. Там, выполнив всю церемонию приветствий, он пригласил его пообедать. Но тот отказался.

— Лучше выдайте немного рису кому-нибудь из крестьян, и он сварит мне его, — сказал товарищ Ян.

Лю Гуан-цзюй продолжал уговаривать его, но товарищ Ян отказался наотрез:

— Нет, такой уж заведён порядок, не будем его нарушать.

Лю Гуан-цзюй растерялся: как быть? Староста понимал, что товарищ Ян — важное, официальное лицо, хотя на вид он был невзрачен и говорил не так уж складно.

— Ладно, — сказал он, — вы сначала отдохните, а я пойду всё устрою.

Лю Гуан-цзюй вышел из управления и, конечно, сразу же побежал к старому Янь Хэн-юаню. Он рассказал ему обо всём, показал ему мандат, заметив при этом, что товарищ Ян на вид совсем деревенщина.

— Мне ещё несколько дней назад Янь Си-фу подробно рассказывал о нём, — сказал Янь Хэн-юань. — Ты не должен относиться к нему высокомерно. Янь Си-фу говорил, что по некоторым делам даже начальник уезда советуется с ним.

— Да, да! Как только вы сказали, так я сразу вспомнил. Ведь и я его видел на собрании в уезде, но одет он был тогда в синюю куртку.

— Ну, ладно, иди! — сказал Янь Хэн-юань. — Хорошенько за ним ухаживай. Не перечь ему ни в чём. Всё обойдётся.

Лю Гуан-цзюй вышел из дому, но тут же вернулся.

— Я позвал его к себе обедать, а он не хочет. Говорит, чтобы дали кому-нибудь из крестьян немного рису, и тот сварит ему. Как быть? — спросил он у старика.

— Что ты ко мне со всякими мелочами суёшься? — раздражённо стветил Янь Хэн-юань. — Разве трудно самому догадаться, что делать? Раз он упрямится, риса пока не давай и отправь его в самую бедную семью под старые акации. Ну хотя бы к Лао Цину. Он покушает у него раза два отруби, тогда, думаю, придёт к тебе с другой песней.

— Да, но ведь люди под старыми акациями не в ладах с нами, — заметил Лю Гуан-цзюй. — Они могут нашептать на нас плохое.

— Нужно соображать, к кому посылать. Такой, как Лао Цин, сам знаешь, пикнуть не посмеет при постороннем человеке. Каждый раз после обеда ты будешь провожать Яна в сельское управление. Что же при этом может случиться?

Лю Гуан-цзюй зашёл к Лао Цину и сказал, что он должен кормить гостя. Лао Цин заволновался — в Яньцзяшани никогда ещё не было такого порядка. Он не знал, что нужно только сварить рис, который ему выдаст сельское управление, и решил, что это, как назначение на постой, идёт за его счёт. Не знал он также, что пищу приготовить нужно простую, обычную, а думал: раз человек из такого учреждения, он должен есть хорошую еду. У одного соседа Лао Цин занял соли, у другого муки. Он долго суетился и хлопотал вместе со своей старой женой.

В полдень староста привёл товарища Яна обедать к Лао Цину. В маленькой кастрюльке была приготовлена лапша, в большом котле

доваривался рис. Товарищ Ян сразу почувствовал, что его принимают, как важного гостя. Лао Цин посадил его на почётное место и, зачерпнув чашкой лапшу с супом, с большим почтением, держа чашку обеими руками, поднёс её товарищу Яну.

— Кушайте, господин! У нас, у бедняков, ничего хорошего нет. Отведайте хоть супа.

Чем больше знаков внимания оказывал ему Лао Цин, тем хуже себя чувствовал товарищ Ян. Он взял чашку и сказал:

— Дайте я сам налью себе. Нам, старина, нужно было бы из одного котла есть. Зачем это вы для меня готовили отдельно?

— Добрый господин! У нас ведь ничего нет. Только немного супу, — сказала старая жена Лао Цина. — Если бы вы посетили нас несколько лет назад, мы бы постеснялись угощать вас этим. Но вот уж несколько лет, как мы заложили нашу землю, и всё не можем выбиться из нищеты.

Только товарищ Ян хотел спросить её, кому они заложили землю, как Лао Цин прикрикнул на жену:

— Эй, ты, старая болтуня! Чего ты там мелешь своим дурным языком? Помолчи, не то подавишься! Что ты помнишь? Что ты можешь помнить?

Товарищу Яну стало ясно, что Лао Цин боится, как бы старуха не проговорилась. Он не стал её ни о чём спрашивать и успокоил Лао Цина.

В это время с поля вернулся Сяо Фу. Увидев незнакомого человека, он спросил:

— Отец, из какой деревни гость?

— Это господин из уезда, — ответил Лао Цин.

— Не называйте меня так, — сказал товарищ Ян. — Какой я господин?! Моя фамилия Ян. Я из крестьянского союза. Называйте меня товарищем Яном или в крайнем случае Лао Яном.

Он разговорился с Сяо Фу, поинтересовался, как его зовут, сколько ему лет. Жена Лао Цина открыла крышку котла, и вся семья села вокруг очага обедать. Товарищ Ян съел свою чашку супу и незаметно подсел к ним.

— Я буду есть то же, что и вы. Еда хорошая!

Старики забеспокоились и снова принялись ухаживать за ним. Но он опередил их — в его чашке уже лежал кусок пареной тыквы и сладкая картошка. Лао Цину незачем больше было разводить церемонию, угощая гостя, и он молчал.

Когда, пообедав, товарищ Ян собирался уходить, он столкнулся в дверях с Сяо Шунем. Они обменялись приветствиями.

— Дядя, люди уже молотить начали, а у меня отец заболел и поле ещё не убрано. Пусть после обеда Сяо Фу поможет нам косить, — обратился Сяо Шунь к Лао Цину.

— Мы после обеда собираемся молотить, — ответил тот.

— Тогда я вам помогу молотить, а после мы пойдём снимать наш урожай, — сказал Сяо Шунь.

— А что, разве у вас осенний урожай собирают каждый сам по себе? — спросил товарищ Ян. — Разве ваш крестьянский союз не организовал в деревне группы взаимопомощи?

— А как же? Ясно, что каждый собирает сам по себе. Разве наш крестьянский союз будет заниматься этим? — ответил Сяо Шунь.

— А чем же тогда занимается союз?

— Мы не знаем.

— Образцовая деревня! Какая же это образцовая деревня? — недоумённо пробормотал про себя товарищ Ян.

Маленькая дочка Лао Цина, услышав эти слова, вдруг запела тоненьким голоском:

Образцовая деревня — это правда или ложь?
 На восток и запад глянешь — сразу истину поймёшь:
 там, где запад, у любого дом хорош и стол богат,
 а в землянках на востоке кашу жидкую едят.

Хотя это была всего-навсего наивная детская выходка, но товарищ Ян отнёсся к ней с большим вниманием.

— Ты хорошо поёшь, — похвалил он девочку и поманил её к себе. — Спой-ка песенку ещё раз, а мы послушаем.

Лао Цин забеспокоился — он всегда и от всего ждал беды — и бросил на девочку сердитый взгляд. Но товарищ Ян не заметил этого и ещё раз спросил:

— Кто тебя научил?.. Скажи, кто?

Девочка указала пальцем на Сяо Шуня:

— Он!

Лао Цин совсем перепугался: не только сам попал в беду, но ещё и соседа в неё втянул. Старик считал, что, как повелось с древних времён, — чиновник чиновника всегда защищает. Теперь гость из уезда расскажет обо всём в сельском управлении и будет беда. Он закричал на девочку и ударил её по голове.

— Молчи! Никто тебя немой не считает!

Сяо-Шунь отвёл его в сторону и стал успокаивать.

— Зачем ты, дядя! Ну что такого, если девочка спела песенку? Я её сочинил и ничего не боюсь. Чего ты так испугался? Разве это не правда? Разве ты всю жизнь не жидкой кашей питаешься?

Старый Лао Цин замолчал и сразу же стал собираться итти молотить. Товарищ Ян, поняв после слов Сяо Шуня, что дела в деревне не так уж хороши, решил сначала всё разузнать у крестьян, а потом уж итти к председателю крестьянского союза.

— Я тоже пойду помогать тебе, — сказал он Лао Цину.

— Что вы! Как можно! — испуганно ответил тот.

Но товарищ Ян пошёл вместе с ним на ток.

Ток был небольшой, но им пользовалось сразу несколько семей — у каждой из них зерна было немного. Товарищ Ян оказался мастером на все руки — всё умел делать, особенно ловко веял обмолоченное зерно. Помогал он не только Лао Цину, но и другим. И все говорили:

— Посмотрите-ка: в его руках лопата так и порхает.

Управившись с молотью, все сели отдохнуть под старыми акациями. Сел вместе с ними и товарищ Ян. Люди стали расспрашивать его обо всём. Только один Лао Цин почтительно стоял в стороне — он считал, что нельзя так бесцеремонно разговаривать со столь важным лицом.

— Вы, товарищ Ян, большой мастер в молотье, — сказал Сяо Шунь. — У вас, наверное, дома много земли.

— Земли-то у меня немного, но зато работал я немало. Лет десять батрачил на других, — ответил товарищ Ян.

Когда Лао Цин услышал, что товарищ Ян был простым батраком, он сразу же потерял к нему уважение. Он тут же сел и строго сказал сыну:

— Сяо Фу, что ты здесь болтаешься? Иди таскай мякину!

Сяо Фу очень хотелось послушать, о чём будет рассказывать товарищ Ян. Он стал искать отговорки.

— А Сяо Шуню разве не надо косить?

— Успеешь. Отнесёшь мякину и вернёшься. Не опоздаешь слушать болтовню, — сказал Лао Цин.

Сяо Фу ничего не оставалось делать, как итти убирать мякину. А Лао Цин, не обращая внимания на то, что люди вели беседу, громко покрикивал на него:

— Подметай чище! Не только серёдку...

Поведение Лао Цина никому не понравилось. Сяо Бао подошёл к нему и сказал:

— Ты чего шумишь? Вот несносный старик! Люди беседуют, а ты мешаешь. Хочешь слушать — слушай. Не хочешь слушать — иди отдыхать.

Его поддержали остальные.

Когда молодые люди напали на Лао Цина, он, конечно, ничего не сказал, молча поднялся и ушёл. Сяо Шунь сказал товарищу Яну:

— Это очень противный старик. Всем всегда уступает, трусливый, всю жизнь нищенствует, но бедных людей не любит. Когда вы сказали, что были батраком, заметили, как он сразу переменяет к вам отношение?

— В самом деле. Я тоже это почувствовал, — улыбувшись, сказал товарищ Ян и продолжал свой рассказ.

Сразу же после обеда Лю Гуан-цзюй, как ему велел Янь Хэн-юань, пришёл за товарищем Яном, но в землянке Лао Цина его не нашёл. Кто-то сказал Лю Гуан-цзюю, что тот на току. Он поглядел туда издали, но никого не заметил. Да и вообще он никак не мог ожидать, что председатель уездного крестьянского союза пошёл бы молотить. Он обошёл всю деревню и, наконец, нашёл его возле тока под старыми акациями. Когда он подошёл к сидевшим, все умолкли.

— Товарищ Ян, — обратился к нему Лю Гуан-цзюй, — пойдёмте в сельское управление.

— Хорошо, я приду. Вы идите, а я немного ещё поговорю с людьми, — ответил товарищ Ян.

— О чём с ними можно разговаривать! Лучше пойдёмте в сельское управление, отдохнёте, — возразил Лю Гуан-цзюй.

Товарищ Ян, увидев, как бесцеремонно обращается Лю Гуан-цзюй с его собеседниками, решил проучить его при всех. Он подчёркнуто громко сказал:

— Весёда с н и м и — это и есть моя работа. Если вы хотите что-нибудь мне сказать, — подождите. Когда я освобожусь, поговорим.

Лю Гуан-цзюй почувствовал, что дело принимает неожиданный оборот, и не стал настаивать. К тому же ему очень хотелось узнать, о чём идёт у них разговор. Он стал в сторонке. Но разговора не было. Все сидели, как восемнадцать глиняных будд в храме, — неподвижные и безмолвные. Товарищ Ян понял, что в присутствии Лю Гуан-цзюя никто не хочет ни о чём говорить, видно все его боятся, а он, наверняка, давно уже привык не считаться с мнением людей. Яну хотелось выпроводить его, и он спросил:

— А вы кого ждёте?

— Никого не жду, — растерянно пробормотал Лю Гуан-цзюй и ушёл.

Когда Лю Гуан-цзюй отошёл в сторону шагов на десять, товарищ Ян нарочно громко сказал:

— Такого старосты я ещё не видел. Человек из крестьянского союза пришёл в деревню, и что же, ему нельзя с крестьянами поговорить? Только старосту сидеть и слушать?

Теперь уж все присутствующие почувствовали, что товарищ Ян действительно свой человек, — никогда ещё им не приходилось слышать, чтобы так отчитывали старосту.

Время было уже не раннее. Сяо Шунь позвал Сяо Фу косить пшеницу. Товарищ Ян видел, что Сяо Шунь разговаривает охотнее, чем другие, и он решил побольше разузнать у него о деревенских делах.

— Займи-ка у кого-нибудь косу,— сказал он Сяо Шуню.— Я тоже пойду с вами.

Сяо Мину и Сяо Бао хотелось ещё поговорить с товарищем Яном, поэтому в один голос они сказали:

— И мы пойдём!

Сяо Шунь, который сначала рассчитывал только на помощь Сяо Фу, получил теперь ещё трёх работников. Так впятером, разговаривая, они отправились в поле.

8. «Старые» и «малые» встают на ноги

Придя на поле Сяо Шуня, вся пятерка дружно взялась за работу. Пшеница ряд за рядом ложилась за косцами. Сяо Шунь любил поговорить. Он никого не боялся. Его очень обрадовало, что товарищу Яну понравилась его песенка, которую пела маленькая дочка Лао Цина. В поле товарищ Ян вспомнил её и похвалил Сяо Шуня за то, что он так складно сочиняет.

— Он у нас только ученик. Вот вы бы послушали его учителя, он куда лучше его сочиняет песенки,— сказал Сяо Бао.

— А кто же его учитель? — улыбаясь, спросил товарищ Ян. — Тогда познакомь меня с песенками твоего учителя, — обратился он к Сяо Шуню.

— Это можно. Если только у вас будет охота слушать, ручаюсь, что их хватит до вечера.

Сяо Шунь стал напевать песенки Ли Ю-цая. Споёт, а потом объяснит, в чём суть, и снова поёт. Так он рассказал о многом, что за последние годы произошло в деревне. Товарищ Ян чем дальше, тем внимательнее слушал песенки Ли Ю-цая. Они подробнее и лучше отражали жизнь деревни, чем все имевшиеся в уезде и районе отчёты и доклады.

— Это замечательные песенки, — сказал он Сяо Шуню. — Я очень хочу увидеть человека, который сложил их. Можешь ли ты после ужина свести меня к нему?

— Очень сожалею, но не смогу — его уже нет в нашей деревне. Лю Гуан-цзюй его выгнал из Яньцзяшани. Он теперь живёт в Шицзыва, — ответил Сяо Шунь.

И он подробно рассказал об обмере земли и его последствиях.

— А далеко ли эта Шицзыва отсюда? — спросил товарищ Ян.

— Не так далеко. Вон там — всего пять-шесть ли¹, — ответил Сяо Шунь, указывая на северо-запад.

— Я думаю, что мы быстро скосим эти три му пшеницы. Пусть пока кто-нибудь из вас пойдёт в Шицзыва и пригласит Ли Ю-цая к нам, а мы вечером поговорим с ним.

— Если только староста разрешит ему вернуться в нашу деревню! Он-то придёт, если мы его позовём! Я пойду за ним, — сказал Сяо Мин.

— Пусть он не беспокоится. Я ручаюсь, что с ним ничего не случится, — сказал товарищ Ян.

— У Сяо Мина ноги не такие быстрые. Сяо Фу, походи лучше ты, — сказал Сяо Шунь.

— Можно! — с радостью откликнулся Сяо Фу, бросил косу и побежал.

¹ Ли — китайская верста, равна полукилометру.

После ухода Сяо Фу товарищ Ян продолжал расспрашивать о деревенских делах. Ему рассказали почти обо всём, что за последний год произошло в деревне. Товарищ Ян слушал и недоумевал:

— Почему же в таком случае политработник Чжан ничего не знает обо всём этом? — спросил он у крестьян.

— Политработник Чжан человек хороший, но он неопытен, вот его и оплёл своими сетями Янь Хэн-юань — он всюду своих людей расставил, все наши активисты — его прихвостни, — объяснили крестьяне.

Так за разговором они быстро скосили пшеницу. Наступил вечер. Тут подошли Сяо Фу с Ли Ю-цаем, и все отправились в деревню ужинать.

Ужинали у Сяо Шуня. Он угощал своих помощников лапшой из пшеничной и бобовой муки. Товарищ Ян тоже ужинал у него — уж очень искренно и горячо приглашал его Сяо Шунь. Ли Ю-цай здесь был свой человек и, конечно, он не церемонился за едой. Все ели запросто, как у себя дома.

Лао Цин, узнав, что товарищ Ян отчитал при всех старосту, снова вспылал к нему почтением. Он подогрел лапшу, которая осталась от обеда, и стал ждать гостя к ужину. Увидев, что товарищ Ян зашёл вместе с другими к Сяо Шуню, он взял еду и пошёл к нему. Там почтительно, обеими руками он поднёс товарищу Яну чашку с лапшой. Тот вежливо, но наотрез отказался. Лао Цин перепугался не на шутку и стал ждать беды.

После ужина, когда все вышли на улицу, товарищ Ян обратился к Ли Ю-цаю:

— Где твой дом? Хочу зайти к тебе побеседовать.

Ли Ю-цай показал на свою маленькую землянку — она была совсем рядом.

— Вот мой дом, только войти в него я не могу.

Товарищ Ян взглянул и увидел: на дверях были наклеены крест-накрест бумажки — это значило, что землянка опечатана. Он рассердился, подскочил к двери и сорвал бумажку.

— Подумать голько, как они притесняют бедных людей! — вскрикнул он и, обратившись к Ли Ю-цаю, сказал:

— Открывай двери и входи.

— Я не могу их открыть — на них повешен замок сельского управления.

— Тогда иди в сельское управление, — сказал товарищ Ян, — и скажи им, чтобы они сейчас же открыли твою землянку, потому что я вызвал тебя на беседу.

В сельском управлении Ли Ю-цай нашёл Лю Гуан-цзюя и сказал ему:

— Товарищ Ян из уездного крестьянского союза позвал меня поговорить и велел вам открыть мой дом.

Лю Гуан-цзюй понял, что дело принимает неважный оборот, и не знал, как быть. Итти к Янь Хэн-юаню он побоялся, потому что тот мог рассердиться на него — нельзя же из-за каждого пустяка тревожить его. Он решил: пускай активисты из крестьянского союза сами улаживают это дело.

— Ты подожди здесь немного, я схожу за ключом, — сказал он Ли Ю-цаю.

Взяв дома ключ, он зашёл за Чжан Дэ-гуем. По пути он тихонько рассказал ему обо всём, отдал ему ключ и наказал, как действовать дальше. А Ли Ю-цаю сказал:

— Вот он тебе откроет дом.

Ли Ю-цай вместе с Чжан Дэ-гуем отправились под старые акации. Чжан Дэ-гуй уже много лет прикармливался у Янь Хэн-юаня. Он кое-чему научился у него в доме и знал, что и как следует говорить при церемонии приёма гостей. Подойдя к товарищу Яну, он расплылся в улыбке и сказал:

— Этот высокочтимый господин и есть председатель уездного крестьянского союза? Простите, что задержался. Меня зовут Чжан Дэ-гуй. Я председатель крестьянского союза этой деревни. Ещё в обед я услышал, что почётный гость прибыл к нам из района. Несколько раз я посетил сельское управление, но не мог вас застать, чтобы лично засвидетельствовать своё почтение. — Тут он с поклоном открыл двери землянки и зажёл светильник.

Чжан Дэ-гуй так умело завёл этот церемонный разговор, что другие не могли даже слова вставить. И суетился он при этом так, что никто не мог даже пошевелинуться. Ещё из песенки Ли Ю-цай, которую пел в поле Сяо Шунь, товарищ Ян знал, что это за человек. Поэтому он просто не обращал внимания на то, что говорил Чжан Дэ-гуй. Когда тот, наконец, выговорился, все расселись, и товарищ Ян, не топясь, стал расспрашивать его:

— Сколько в вашей деревне членов крестьянского союза?

— Ох, у меня память неважная. Не помню что-то. Есть списки, можно будет посмотреть, — пробормотал Чжан Дэ-гуй.

— А на сколько групп взаимопомощи разделены крестьяне?

— Это... это... Этого я тоже не помню.

Товарищ Ян рассердился:

— Как, вы даже не помните, сколько у вас групп! Ну, а сколько у вас членов комитета?

Чжан Дэ-гуй и на это не мог ответить. Он даже не понимал, о чём его спрашивают. Вместо того, чтобы по-честному признаться в том, что он ничего не делал, Чжан Дэ-гуй старался лишь разжалобить всех.

— Я... Я простой крестьянин. Я ничего не понимаю. Прошу вас, почтенный господин, простить меня.

— Если ты не понимаешь дела, которое тебе поручено, то так и говори: не понимаю. А что это за разговор: «простой крестьянин». Ни одного «не простого» в крестьянский союз не принимают. Ты даже не понимаешь, что такое крестьянский союз. Ты не только не можешь быть председателем, ты даже не имеешь права быть членом союза. Мы тебя сегодня от поста председателя отстраним, а из союза исключим.

Когда Чжан Дэ-гуй услышал, что его снимают с поста, он даже обрадовался.

— И на самом деле, я не могу справиться с этой должностью. Я несколько раз просил уволить, но меня не отпускали.

— А ты кого просил освободить тебя? — спросил товарищ Ян.

— Сельское управление.

— А кто тебя поставил на этот пост?

— Как кто? Сельское управление!

— Тогда ты, конечно, ничего не смыслишь. Оказывается, ты и сам-то не из крестьянского союза и тебя не выбирали на этот пост. Ну, ладно. На этот раз тебе не придётся просить об «увольнении», тебя и без просьбы освободят.

Чжан Дэ-гуй пытался ещё что-то бормотать в своё оправдание, но товарищ Ян махнул рукой и сказал:

— Ладно, ладно. Можешь идти. У нас ещё много дел.

Так Чжан Дэ-гуй перестал быть председателем крестьянского союза.

К этому времени слух о том, что Ли Ю-цай вернулся, прошёл уже по всей Яньцзяшани. Соседи гурьбой пришли проведать своего любимца. В этот вечер в его землянке было особенно тесно, и свидетелей того, как товарищ Ян отстранил Чжан Дэ-гуя от работы, было много. Все внимательно прислушивались к его словам. Когда Чжан Дэ-гуй ушёл, товарищ Ян обратился к крестьянам:

— Союз организован для того, чтобы бедные крестьяне объединились и общими усилиями выступили против своих угнетателей. Если японские черти будут угнетать нас, мы выступим против японских чертей. Если злостные помещики угнетают нас, мы выступаем против помещиков. Разве Чжан Дэ-гуй может руководить борьбой против японских чертей? Разве он может руководить вами в борьбе против помещиков? Как же он может быть председателем?

Все с интересом и большим вниманием слушали товарища Яна. Но всё же была страдная пора, и люди вскоре стали расходиться по домам. В землянке остались только Сяо Мин, Сяо Бао, Сяо Шунь и Ли Ю-цай. Сяо Фу не пришёл, так как отец приказал ему перенести оставшуюся неубранной солому.

— Прошу вас, — обратился ко всем товарищ Ян, — рассказать мне всё о тех безобразиях, которые творили в деревне люди Янь Хэн-юаня. Я запишу всё подробно. — Он вынул ручку и блокнот. — Говорите!

— Я начну, — сказал Сяо Мин, — и если что пропущу, то остальные дополнят.

Он начал по порядку рассказывать о деревенских делах. В том месте, когда он рассказывал, как возмещались жителям убытки, причинённые Янь Си-фу, Сяо Шунь вдруг заметил, что кто-то за окном подслушивает их разговор. Он громко крикнул:

— Кто там?

Все умолкли, и стало слышно, как кто-то побежал. Сяо Бао и Сяо Шунь выскочили на улицу и увидели вдали какую-то фигуру. Но вскоре они убедились, что человек не удалялся, а наоборот, приближался. Это оказался Сяо Фу.

— Так это ты? Почему же ты не вошёл, а убежал? — спросил Сяо Шунь.

— Зачем мне бежать. Это Чжан Дэ-гуй бежал. Я сам видел, как он улётывал, — сказал Сяо Фу.

— Опять пошёл докладывать старому чёрту Янь Хэн-юаню, — рассердился Сяо Бао.

— Нам нужно выставить охрану, чтобы этот старый чёрт не испортил нам дела, — сказал Сяо Шунь. — Вы идите, продолжайте разговор, а я покараулю.

Он забрался на крышу землянки, остальные вернулись внутрь.

Много записал в тот вечер товарищ Ян в свою записную книжку.

— Из всего, что вы мне рассказали, — заметил он под конец, — дело о возвращении заложенных земель, нарушение закона о снижении арендной платы за землю, неуплата убытков жителям, отсутствие демократии в сельском управлении — это самые важные, самые серьёзные дела, и их надо решать заново, потому что от прежнего решения пострадало большинство жителей деревни. Все мы должны вести борьбу против помещиков. Мы заставим Янь Хэн-юаня вернуть заложенные ему земли, а также вернуть деньги за аренду земли, полученные выше установленной нормы. Надо заставить Янь Си-фу сполна возместить жителям убытки по приговору уезда. А всех активистов придётся по косточкам перебрать. Свору Янь Хэн-юаня мы разгоним, и тогда люди смогут поднять голову.

— Если всё будет так, как вы говорите, тогда совсем другая жизнь настанет, — сказал Сяо Мин. — Но, к сожалению, у нас почти никто, кроме как из семьи Яней, не может писать и считать. Есть несколько человек, которые могут толково говорить, но и они к Янь Хэн-юаню тянутся.

— Напрасно они так делают. Теперь нужно опираться на народ, — сказал товарищ Ян. — Это как на войне — всё зависит от отряда, а не от командира. Командир тоже много значит, но он должен сам выйти из среды тех людей, которые составляют его отряд, только тогда он будет надёжным. Ты, Сяо Мин, говоришь, что среди вас нет людей, которые могли бы руководить вами, а по-моему, не так уж мало способных людей увидел я у вас сегодня под старыми акациями.

— Это верно, конечно, но как сделать, чтобы повернуть всё, — не могу придумать, — возразил Сяо Бао. — Вот, например, мы собираемся бороться против Янь Хэн-юаня. Хорошо! Но с чего начать? Мы в деревне не активисты, — как мы можем собирать людей? А потом, что мы им скажем? Если народ будет просить объяснить всё, тогда как? Если люди не будут нас признавать, тогда как?

— Ты рассуждаешь правильно, — ответил товарищ Ян. — Чтобы начать борьбу и добиться победы, нужно хорошо подготовиться. Людей у нас не мало, но они ничего не смогут сделать, если будут действовать разобщённо. Надо организоваться. Во многих деревнях и городах уже давно организованы рабочие, крестьянские, женские и молодёжные союзы. А у вас всем заправляет помещик и нет никакой организации. Моё мнение такое: прежде всего нужно организовать настоящий крестьянский союз. Вот тогда от имени крестьянского союза мы и будем разговаривать с помещиком и его прихвостнями. Мы будем требовать от них выполнения законов, и тогда заложенную землю, переплаченную аренду и деньги, которые они забрали у вас, — всё это они должны будут вам вернуть. Если же они будут упираться, то имейте в виду, что теперь правительство не то, что было раньше. Пусть помещик Янь Хэн-юань и кажется вам всемогущим, но его всё равно засудят, если он пойдёт против закона.

— А как организовать крестьянский союз? — спросил Сяо Бао.

Товарищ Ян рассказал о правах и обязанностях членов крестьянского союза, о том, как вступить в него.

— Тогда завтра же скажите сельскому управлению, чтобы созвали общее собрание, — сказал Сяо Бао, обращаясь к товарищу Яну. — Вы расскажете всем про крестьянский союз, про то, как можно изменить жизнь, и призовёте всех записаться в союз. Мы тогда очень быстро организуем крестьянский союз и примемся за дело.

— Нет, так действовать не годится, — сказал товарищ Ян.

— Почему? Политработник Чжан всегда так действовал, — возразил Сяо Бао. Правда, никто у нас тогда не записался, и неизвестно, как это случилось, что Чжан Дэ-гуй стал председателем.

— Поэтому я и говорю, что так не годится, — повторил товарищ Ян. — Если так действовать, то никто записываться и не будет. Во-первых, на таком собрании не всё расскажешь. Рассказать можно только в общих чертах. И, во-вторых, когда будут призывать, чтобы записывались в новый союз, сунутся и люди Янь Хэн-юаня. А что тогда делать? Принимать их или не принимать? Я думаю, что мы не будем так поступать. Вот вы оба умеете сочинять песенки. Так вот, сочините песенку о том, что приобретёт крестьянин, если он вступит в крестьянский союз. Так люди узнают о своих выгодах. Потом мы переговорим с каждым из них в отдельности. И вот, если мы увидим, что человек действительно

хочет вступить в союз, мы будем его рекомендовать. Новый крестьянский союз не будет похож на теперешний. Во-первых, в нём не будет людей Янь Хэн-юаня, и, во-вторых, кто вступит в него, тот будет знать, что он должен делать в союзе.

— Вот это хорошо! Вот это хорошо! — хором ответили все.

— Тогда пусть дядя Ли Ю-цай сегодня ночью сочинит песенку, — сказал Сяо Бао. — А уж стоит только Сяо Шуню спеть ее кому-нибудь, как к обеду уже будут все повторять.

— Это хорошо, — заметил товарищ Ян. — Но только ещё нужно будет подобрать подходящих людей, с которыми следует поговорить...

— Вот у дяди Сяо Мина очень много знакомых. Ему только стоит сделать один круг по деревне, и уже нас будет целая группа, — сказал Сяо Фу.

— Я же говорил, что среди жителей под старыми акациями есть способные люди. Разве вы не видите? — засмеялся товарищ Ян.

В это время вбежал Сяо Шунь.

— Я узнал кое-какие новости. Лю Гуан-цзюй, Чэнь Сяо-юань, Ма Фын-мин и Чжан Ци-чан пошли к Янь Хэн-юаню, — выпалил он. — Наверное, они сейчас тоже что-нибудь задумывают против нас. Я подошёл к их дому, чтобы подсмотреть, но ворота оказались наглухо закрытыми, и я ничего не мог узнать.

— Ну, ничего, — успокоил его товарищ Ян. — Продолжим наш разговор. Вы все будете считаться принятыми по моей рекомендации в союз, а завтра сможете сами рекомендовать в союз других. На сегодня хватит. Уже поздно. Давайте разойдёмся.

Все разошлись по домам.

9. Борьба закончилась полной победой

Весть о том, что товарищ Ян отчитал Лю Гуан-цзюя, вызвал Ли Ю-цай, а затем отстранил с поста Чжан Дэ-гуя, быстро разнеслась по деревне, и многие жители были очень рады этому.

— Вот здорово! — говорили они. — Пустая башка теперь ничего не сможет поделывать!

На другой день всем не терпелось посмотреть на товарища Яна, — каков он собой? После завтрака много людей с чашками чаю в руках пришли под старые акации. Ли Ю-цай за эту ночь сложил новую песенку. Утром, как только встал, он прочитал её Сяо Шуню. А Сяо Шунь стал напевать её всем, кого только встречал:

Люди, вступайте в крестьянский союз!
Мы станем сильнее во много раз.
Ответим крепостью братских уз
тому, кто посмеет затронуть нас.
Со старым Янем — полный расчёт:
он должен всё возвратить назад.
Пускай он аренду и деньги вернёт
и землю, отданную в заклад.
Не дадим ему от народных глаз
утаить хоть одно зерно.
Нечестным начальство было у нас —
пускай уходит оно!
Не станем терпеть унижений и зла,
сплотится простой народ,
и когда мы выполним эти дела —
в деревню радость придёт.

Сбросим гнѣта тяжѣлого груз.
Скорее вступайте в крестьянский союз!

В тот же день по деревне пошли разговоры о том, что нужно всем объединиться против Янь Хэн-юаня. И, как ни странно, в Яньцзяшани оказалось совсем немного таких, кто не хотел бы этого. А когда стали поговаривать о том, что он должен вернуть крестьянам вымогательски полученные деньги и заложенные у него земли, то у многих появилось желание самим выступить против своего помещика. Правда, было немало и таких людей, которые всё ещё очень боялись его. Но ненависть пересилила страх, и желающих выступить против Янь Хэн-юаня нашлось много. Люди говорили:

— Я согласен отдать последний му земли, только бы свалить этого старого чёрта!

Когда же под старыми акациями стали распевать песенку Ли Ю-цай, призывающую вступить в крестьянский союз, сразу около тридцати человек заявило о своём желании стать членами союза. Сяо Бао записал их.

Арендаторы земли Янь Хэн-юаня на холмах Цзяова, жившие в соседних деревнях, обычно без дела не приходили в Яньцзяшань. Товарищ Ян спросил:

— Кто пойдёт их организовывать?

— Я могу, — отозвался Ли Ю-цай. — На холмах Цзяова я часто пас скот и хорошо знаком с этими людьми.

Ли Ю-цай отправился на холмы Цзяова, а Сяо Мин пошёл по деревне.

Ещё до обеда в крестьянский союз вступило пятьдесят пять человек. Сяо Мин обратился к товарищу Яну и сказал:

— По-моему, все, кто посмелее, кто не боялся говорить и действовать, те уже вступили в союз. Остались только трусливые. Хотя и они согласны с нами, но боятся пока высунуть голову. Они пока воздерживаются вступать в союз.

— Не плохо, не плохо! — сказал товарищ Ян. — Такая небольшая деревня, а сразу организовали больше пятидесяти человек. Я работал во многих деревнях, но такого успеха ещё не встречал. Уж это одно говорит о том, как ненавидят крестьяне помещика Янь Хэн-юаня. Нам будет легко одержать победу. Раз дело идёт так успешно, сегодня вечером мы можем собрать учредительное собрание крестьянского союза. Выберем активистов, разобьём членов союза на группы и завтра же приступим к делам. В вашей деревне их так много, а в районе даже представления об этом не имеют. Ночью я вернусь в район и приглашу районных работников приехать завтра на общее собрание к вам в деревню.

В это время вернулся Ли Ю-цай. С ним пришло несколько арендаторов.

— А если он рассердится и отнимет у нас свою землю, тогда как? — спросили они товарища Яна.

Товарищ Ян подробно объяснил им закон о правах арендаторов. Они успокоились.

— Раз и с холмов народ пришёл, в обед можно устроить учредительное собрание союза, — предложил Сяо Мин.

— Хорошо, — согласился товарищ Ян. — В обед соберём собрание, а к вечеру я могу вернуться в район.

— А где мы собрание будем созывать? — спросил Сяо Мин.

— Когда мы агитировали людей за вступление в союз, мы не делали этого открыто, чтобы кто-нибудь из богатеев и прихвостней помещи-

ка не попытался пролезть в наш союз, — сказал товарищ Ян. — А учредительное собрание мы будем проводить открыто. Пойдёмте все в храм.

После обеда в деревенском храме открылось учредительное собрание крестьянского союза. Членами комитета были избраны Сяо Бао, Сяо Мин и Сяо Шунь. Они здесь же распределили между собой обязанности. Сяо Бао стал председателем, Сяо Мин — организатором, а Сяо Шунь — агитпропом. Затем все присутствовавшие члены союза были разделены на группы взаимопомощи. С этого дня в Яньцзяшани стал действовать настоящий крестьянский союз.

Ночью товарищ Ян вернулся в район, чтобы доложить о положении в деревне Яньцзяшань. Ни работники районного управления крестьянского союза, ни начальник районного отряда самообороны, ни председатель народного управления района совершенно не представляли себе, что происходило в Яньцзяшани. Политработник Чжан большинство приведённых фактов отрицал. Тогда председатель народного управления района сказал:

— Мы не должны бояться правды. Нельзя отрицать факты только потому, что мы о них не знаем. Завтра все мы придём на общее собрание крестьян деревни Яньцзяшань и своими глазами увидим действительное положение вещей. Если факты подтвердятся, всё это послужит для нас хорошим уроком.

А в это время старый Янь Хэн-юань не дремал — он тоже готовился к собранию и строил свои коварные планы. Он не только готовил себе поддержку среди семейств с фамилией Янь, пользуясь своим правом главы клана¹, но он ещё подослал Чжан Дэ-гуя к некоторым членам крестьянского союза.

— Вы не должны поддерживать смуту в деревне, — говорил им Чжан Дэ-гуй. — Эти уездные работники три дня здесь, день там и на пятый день меняются, а наш староста Лю Гуан-цзюй никогда не покидал Яньцзяшани. Уедет уездное начальство, и вы опять останетесь со своим старостой. Лучше не ссориться с ним — вы же знаете его нрав?

Наслушавшись угрозы, несколько человек явились к Сяо Мину и заявили о своём выходе из крестьянского союза. Сяо Мин срочно позвал Сяо Бао и Сяо Шуня, и они стали совещаться.

— Что же это такое? Они будут говорить, и мы будем говорить, — кипятился Сяо Шунь. — Пусть дядя Ли Ю-цай опять сочинит песенку, а мы напишем её и по всей деревне расклеим. Вот тогда попрыгает старый Янь Хэн-юань!

Ли Ю-цай сочинил коротенькую песенку. Сяо Бао написал её на листках бумаги, а Сяо Шунь и Сяо Фу в тот же день расклеили по всей деревне, даже на воротах дома Янь Хэн-юаня. На другой день с утра на всех улицах народ распевал:

Останется ли активист, иль будет он сменён —
союз крестьянский будет жить, не распадется он.
И если ты, Янь Хэн-юань, обидишь вновь народ —
союз крестьян тебя всегда к ответу призовет.

Песенка эта наповал убила злостные слухи, распускаемые Чжан Дэ-гуем.

Утром из района вернулся товарищ Ян. Вместе с ним прибыли председатель районного народного управления, председатель районного крестьянского союза, начальник районного отряда самообороны и полит-

¹ Клан — одна из старых феодальных организаций в деревне, объединяющая всех однофамильцев. Глава клана, обычно помещик, ведёт книгу записей родившихся и умерших членов клана. (Примеч. перев.).

работник Чжан. Все они сразу направились под старые акации. Янь Хэн-юань, Лю Гуан-цзюй и их приспешники вовсе не рассчитывали на такой оборот и были крайне обеспокоены этим.

Наконец, собрание жителей деревни открылось. Люди стали рассказывать обо всех тёмных делах Янь Хэн-юаня. Для всех желающих выступить нехватило бы и дня. Вначале выступали только члены крестьянского союза, потом стали просить слова крестьяне, не вступавшие в союз. На собрании были раскрыты все преступления старого Янь Хэн-юаня: и то, как он присваивал заложенную землю, и как отказывался от снижения аренды, и как обманывал со снижением аренды, и то, как он арестовывал невинных людей и избивал их, как незаконно облагал штрафами... Янь Хэн-юань всячески пытался отвести от себя обвинения, но доказательств было так много, что ему не удавалось их опровергнуть.

Собрание продолжалось и на другой день. Оно закончилось только поздно вечером. Было вынесено решение: обязать помещика Янь Хэн-юаня вернуть владельцам 84 му заложенной у него земли, вернуть арендаторам разницу за полученную сверх установленной законом арендную плату, а также вернуть деньги, которые, как было доказано, Янь Хэн-юань получал путём вымогательства.

Лю Гуан-цзюя за нарушение законов сняли с должности старосты деревни и отправили в уезд для разбора дела. Янь Си-фу обязали самолично рассчитаться со всеми крестьянами. Собрание было очень бурным, и, конечно, нельзя было полностью рассмотреть и возместить все обиды и притеснения.

После перерыва на обед состоялись выборы нового старосты. Старостой деревни был выбран Сяо Бао, поэтому крестьянскому союзу пришлось ещё дополнительно избирать одного члена комитета.

Под конец собрания ещё сорок крестьян изъявили желание вступить в крестьянский союз, и было выбрано много новых активистов. Ма Фын-мин и Чжан Ци-чан остались членами сельского управления, а старый Янь Хэн-юань и его сын Янь Цзя-сян по требованию большинства собрания были исключены.

Когда выборы закончились, стало совсем темно. Работники из района, вместе с товарищем Яном, остались в сельском управлении. Все они сурово критиковали политработника Чжана, который ничего не знал о том, что в действительности происходило в деревне, но зато постоянно твердил, что старый Янь Хэн-юань является одним из просвещённых и ценных людей в Яньцзяшани. Товарищ Ян упрекал политработника Чжана в том, что он потерял связь с массами, что, приезжая в деревню, всегда находился в окружении Янь Хэн-юаня и его своры и шёл у них на поводу. Крестьяне поэтому и не решались ставить волнующие их вопросы перед политработником Чжаном.

Потом товарищ Ян рассказал о Ли Ю-цае, и всем захотелось познакомиться с ним.

— Завтра утром зайдём к нему, — сказал товарищ Ян.

Все улеглись спать, потому что уже было далеко за полночь.

10. Песня венчает дело

На другой день товарищ Ян и работники из района проснулись поздно. Их разбудил громкий крик. Они выскочили на улицу посмотреть, что случилось, но когда прислушались, разобрались, что это пение.

В это время к сельскому управлению, громко напевая и приплясывая, подошёл Сяо Шунь.

— Все проснулись? Здорово вчера устали? — спросил он гостей из района.

Те ответили ему шуткой.

— Ну, какое настроение у народа после вчерашнего собрания? — поинтересовался товарищ Ян.

— А вы что, разве не слышите, как люди распевают? — вопросом ответил Сяо Шунь.

Действительно, со всех сторон слышалось пение.

— Радость у людей такая большая — до неба достаёт, — продолжал он. — Каждый радуется больше, чем в праздник Нового года. Землю вернули, деньги тоже, и никакой помещик теперь не посмеет укушать тебя. Что ещё может быть лучше этого?

— Ли Ю-цай дома? — спросил у Сяо Шуня товарищ Ян.

— Дома. Позвать его?

— Сейчас не надо. Мы решили сначала пройтись по деревне, а по пути, может быть, зайдём и к нему, — ответил товарищ Ян.

— Что ж, хорошо. Пойдёмте!

Сяо Шунь повёл всех под старые акации.

Только они спустились с пригорка, как вдруг услышали громкие крики.

— Кто это так кричит? — спросил председатель районного народного управления.

— Это Лао Чэнь ругает своего племянника Сяо Юаня. Он заслужил этого.

И Сяо Шунь стал рассказывать его историю.

— Раньше Сяо Юань был честным трудолюбивым парнем, таким, как все, живущие под старыми акациями. Но потом он стал сам не свой. Это произошло после того, как его назначили начальником деревенского отряда самообороны. Тогда он стал своим человеком в своре Янь Хэн-юаня. Всё время сидел в храме, перестал встречаться с людьми. Даже в эти горячие дни, когда все мы выступили против помещика, он отсиживался у себя. Ну, а вот теперь вернулся домой, под старые акации. Лао Чэнь всегда не одобрял его поведение, а сейчас, понятно, ругает.

Работники из района знали про Сяо Юаня ещё от товарища Яна, поэтому-то сюда и приехал начальник районного отряда самообороны.

— Сейчас очень подходящий случай как следует пробрать Сяо Юаня... — сказал он.

Все направились к Сяо Юаню.

Лао Чэнь, громко ругавший своего племянника, как только увидел подошедших к дому людей, сразу умолк. Он почтительно попросил их войти. Начальник районного отряда самообороны без лишних слов сразу приступил к делу и здорово раскритиковал поведение Сяо Юаня. Остальные так же сурово осудили его поступки. Вина Сяо Юаня, по мнению всех, состояла в том, что он позволил себе использовать своё служебное положение в личных целях, а тем самым попался в лапы Янь Хэн-юаня. Кроме того, он перестал трудиться, позабыл, что он земледелец, и, начав пользоваться небольшими услугами своих односельчан, дошёл до того, что стал эксплуатировать их.

Сяо Юань признал свои ошибки, и начальник районного отряда самообороны сказал ему:

— В течение месяца ты должен исправиться и искупить свою вину. Активисты будут постоянно наблюдать за тобой. Если же через месяц ты не исправился, мы с тобой церемониться не будем!

— Добрые, старые товарищи! Правильно вы говорите, — вставил своё слово Лао Чэнь. — Я то же самое хотел ему сказать. — И, обра-

щаясь к Сяо Юаню, он заговорил строго: — Ты понял, что наворил? Теперь все узнали тебя. Как же ты сможешь людям в глаза смотреть?

— Сейчас, дружище, не стоит уж так сердиться, — остановил его товарищ Ян. — Человек сделал ошибку, его нужно поправить, и если он хороший человек, то таким он и останется. Прошлые дела уже прошли, и не стоит всё время за них ругать.

На этом разговор закончился.

Наступило время завтрака. Товарищ Ян и работники из района отправились к Лао Цину.

Увидев их, Лао Цин сперва оцепенел от неожиданности. Потом упал на колени и сделал несколько поклонов:

— Добрые господа, вы спасли человека! Заступники вы мои, если бы не было вашей милости, мою землю можно было бы считать навсегда потерянной...

Товарищ Ян поднял его и сказал:

— За что ты нас так благодаришь? Ты старый человек, а не можешь понять, в чём дело... Ведь это крестьянский союз начал борьбу против помещика Янь Хэн-юаня, и вся деревня поддержала его. Мы были только вашими советчиками. Твоим настоящим заступником является крестьянский союз, народ всей деревни. При чём же здесь мы? Все, общими усилиями, а не один человек, добились того, что крестьяне получили свою землю. Поэтому всегда надо действовать сообща и трудиться вместе, на общее благо. Народ — твой защитник, и ты сам защитник народа!

Лао Цин пригласил гостей из района завтракать, и они гурьбой вошли в его землянку. После завтрака все отправились в сельское управление.

Сяо Шунь зашёл по пути к Ли Ю-цаю и сказал ему, что товарищ Ян и работники из района хотят его видеть.

Ли Ю-цай позавтракал, взял свою маленькую трубку и отправился в сельское управление. Он бодро шагал по деревенской улице. Даже по следам его можно было заметить, что человек он ещё сильный и здоровый. Он вошёл в храм, где помещалось сельское управление. Увидев работников из района и товарища Яна, он степенно поздоровался и громко сказал:

— Вы меня искали? Вот я и пришёл!

— Дядя Ю-цай у нас очень радостный сегодня, — пояснил всем Сяо Бао.

— Пятнадцать лет не видел своего старого друга. Сегодня он вернулся, как же не быть радостным, — продолжал Ли Ю-цай.

— О ком это ты говоришь? — спросил его Сяо Мин. — Я что-то не могу припомнить.

— Это мои три му земли, которые я заложил Янь Хэн-юаню пятнадцать лет назад.

Все громко расхохотались, а Ли Ю-цай громче всех.

— Было бы очень хорошо, — обратился к нему товарищ Ян, — если бы вы приняли на себя обязанность постоянного работника сельского управления. У вас исключительные способности к общественной работе, и вы большой энтузиаст!

— Разве он не был бы замечательным учителем в вечерней народной школе? — спросил Сяо Мин.

Всем понравилось это предложение, и люди захлопали в ладоши.

— Правильно! Правильно! Подходит!

После этого товарищ Ян обратился к Ли Ю-цаю:

— Все просят вас сочинить песенку в знак успешной борьбы против помещика Янь Хэн-юаня.

— Можно, — ответил Ли Ю-цай. — И, обращаясь ко всем, сказал: — Есть уже! — И стал напевать:

Всё перевернулось нынче в Яньцзяшани!
 Победило наше общее собрание.
 Старый Янь вернул обратно беднякам
 всё, что он годами прибирал к рукам.
 Лю-Густоголовый обирал народ —
 он теперь ответ за это понесёт.
 Больше притеснений не будет от него.
 И во всей деревне нынче торжество —
 радостная песня, душу веселя,
 льётся по деревне и летит в поля.

Все с вниманием слушали новую песенку Ли Ю-цай и шумно одобряли её. Товарищ Ян сказал:

— Песенку можно считать хорошим завершением нашего большого дела!

Работники из района ещё долго дружески беседовали с крестьянами и уехали поздно вечером. А товарищ Ян остался в Яньцзяшани на время уборки осеннего урожая, чтобы помочь работе крестьянского союза.

Октябрь 1943 г.
 Горы Тайхан.

Перевод с китайского
 Вл. Рогова



ИВАН СИМОНОВ

★

ГОСТЬ

В колхоз «Большевик»,
По дороге недлинной
Заехал к Панкову
Приятель старинный,

Приятель старинный —
В селе — по гулянке,
В полку — по штыку,
Котелку и землянке.

С попутной трёхтонки
Шофёр незнакомый
Домчал с ветерком его
Прямо до дома.

И вот они ходят
По тропкам знакомым —
Григорий Вершинин
С Васильем Панковым.

И будто смущён,
И взволнован как будто
Привольем родным
Выпускник института.

Любуется он
Племенными стадами,
Идёт по садам
С наливными плодами.

И с топотом гулким
Уходит с дороги
Табун стоголовый
Коней быстроногих.

А дальше, до самой
Колхозной границы,
Колосья шумят
Вязниковской пшеницы.

Плодами осьмано,
Солнцем согрето,

Волнует и радует
Щедрое лето.

Знакомой, на «о»,
Голосистой речью,
Звенит из-за Клязьмы
Родное Заречье.

Всё будто понятно,
Всё ясно и просто —
И всё это ново
Московскому гостю,

Что был запевалой
В труде и гулянке —
Простой паренёк
Из деревни Полянки.

О том и об этом,
О старом и новом
Торопится гость
Перекинуться словом.

Идут они рядом —
Студент с бригадиром,
Гвардеец Панков
С боевым командиром —

Друзья-одногодки
Из тихой Полянки,
Скрепившие дружбу
В окопной землянке,

В боях под Москвой
И в траншеях у Клина,
В сраженьях за Минск
И при штурме Берлина.

И в песне простой,
Где-нибудь на призале,
Родные картины
Опять оживали:

И школа на взгорье,
И заросли вишен,
И Настя, что в письмах
Звала тебя Гришей,

Писала и по две,
И по три страницы,
Писала — пока
Не уехал учиться.

— Там новые люди,
Там новая дружба.
И Настя решила:
«Там писем не нужно».

Пять лет ни листочка,
Ни звука, ни слова.
— Эх, Настя, Настюша,
Настёнка Козлова!

Он знал её девочкой
Русоволосой,
Немножко дичливой,
Немножко курносой,

С улыбкой, в которой
Задора немножко,
Такой, как на карточке —
В платье горошком.

И памятью дальней
Взволнован он снова:
— А где у вас Настя? —
Настёнка Козлова?

Василий как будто
Закуркою занят,
И будто не слышит,
И словно не знает.

— Настёнка? — задумался
Он над вопросом.
И вдруг улыбнулся:
— Ах! Русые косы?

И строго прибавил,
Спускаясь с пригорка:
— Настасья Петровна
У нас комбайнёрка.

Подруга её —
Тихомирова Поля —
На Дальнем Востоке
Работает в школе.

Орлов — зоотехник.
Назанова Люба
Окончила курсы —
Заведует клубом.

Свои кузнецы,
Трактористы, шофёры,
Свою гидростанцию
Выстроим скоро.

И только одно
Тяготит бригадира:
Такому хозяйству —
И нет командира.

Ну, нет командира!..
Никита Алёшин,
Конечно, он был
Председатель хороший.

Хорош был тогда
И Герасим Макаров,
Когда всей земли
Было триста гектаров,

А нынче две тыщи.
А пасека, стадо!
— Былой наш колхоз —
Это только бригада...

Доверчиво смотрит
На друга Василий:
— Тебе бы такая
Работа по силе.

Колхозник былой,
Выпускник института.
Ну, можно сказать,
Агроном без минуты.

А что он ответит —
Григорий Вершинин —
Куда ему ехать,
Должно быть, решили.

Дадут, как на фронте,
Заданье солдату:
Товарищ Вершинин,
Поедешь туда-то.

Быть может, в Заречье,
Быть может, в Ополе —
Везде для работы
Широкое поле.

Конечно, и здесь
Мог бы взяться он прочно
За эти подзольные,
Серые почвы,

За эти суглинки
По клязьменским склонам...
На то он учился
И стал агрономом.

Идут по полям,
Как ходили за плугом,
Студент с бригадиром —
Два давние друга.

А летнее солнце
Всё ниже и ниже,
И сумерки с каждой
Минутою ближе,

И шаг к большаку
Ускоряет Вершинин,
Чтоб в город уехать
С попутной машиной.

Тут «зимы» проходят,
Мелькают «победы».

Но разве отпустят
Его без обеда?

И сам бригадир
Деловито и важно
Хлопочет в саду
Над ухюю стерляжьей.

Вот чуть забурлила,
Повыбилась паром,
По краешкам стянута
Жёлтым наваром,

Зелёный лучок
И листочек лавровый
Кружатся.
И люди подходят:
— Здорово!

— Здорово, Григорий!
— С приятно встречей!
И тихо над садом
Спускается вечер,

И падают рядом на землю
Чуть слышно
Плоды перезрелой
Владимирской вишни.

И где-то гармонь —
Золотистые планки —
Поёт потихоньку,
Звенит над Полянкой.

А утром, поднявшись
Ещё до рассвета,
Григорий спешил
В исполком Облсовета.

С ним рядом в «победе»,
На заднем сиденье
Поехал Василий
С письмом от правленья.

И мягко шуршали
Проворные шины,
И было удобно
В колхозной машине.

И вместе вернулись
До дому в тот вечер.
Колхозники вышли
Машине навстречу.

— Ну как? —
И в ответ
Улыбнулся Василий:
— Решил исполком,
Как правленьем просили...

И, как говорится,
Колхозники миром
Избрали студента
Своим командиром.

И там, на собрание,
Увидел он снова
Настасью Петровну —
Настёнку Козлову,

С улыбкой, в которой
Задора немножко, —
Почти как на карточке,
В платье горошком...

И друга с избраньем
Поздравил приятель:
— Опять в наступленье
Идём, председатель!

Опять в наступленье,
Всей силой, всей страстью,
За мир на земле,
За народное счастье!



Н. СИДОРЕНКО

★

ПЕРВАЯ В ЯКУТИИ

Когда заметно потеплело
И стала глубь тайги светла,
Тогда из зёрнышка несмело
Былинка гонкая взошла.

О ней была статья в газете,
О ней по радио поэт
Стихи читал, и строки эти
Запомню я на много лет.

Былинка крепла и, кудрявясь,
Солнцелюбива и стройна,
Она дала листки и завязь,
Она с крыльца была видна.

Чтоб яблоньку пурга не смяла
И ветры не свалили с ног,
Склонясь, республика дышала
На драгоценный черенок.

А тот, кто зёрнышко впервые
Сажал с тревогой у воды,
Кто сберегал цветы живые,
Тот слышит, как шумят сады...

Когда-то дед его отсюда,
Сжав лук, смотрел вослед стреле.
А внук сегодня создал чудо
И подарил скупой земле.



ИРЖИ МАРЕК

★

РАССКАЗЫ О ШАХТЕРАХ

Ниже мы печатаем рассказы чешского писателя-коммуниста Иржи Марек из сборника чехословацких рассказов, подготовляемого Издательством иностранной литературы. Рассказы И. Марек удостоены Национальной премии за 1950 год.

Хитрый штейгер

Этот эпизод может показаться совсем незначительным, и захочется, быть может, сказать: не так следовало бороться с чёрной силой, наводнившей нашу землю, а совсем иначе. Это верно. Но не забудьте, что героизм не только в том, чтобы бесстрашно принять смерть. Главное ведь не смерть, а борьба, и не каждому дано побеждать под боевым знаменем. Тысячи безымянных борцов камень за камнем складывали высокое здание башни, с которой грянули фанфары победителей.

Но даже если эта история и не может идти в сравнение с тем, что пережили многие из вас, она тоже поучительна, ибо показывает, что находчивость и сообразительность всегда вознаграждаются.

Первым их увидел старый банщик, ковылявший на своей искалеченной ноге. Бывший горняк, он, охромев, получил из милости эту работу в шахтёрской умывалке. Старик увидел их и вздрогнул. За свою долгую шахтёрскую жизнь он не раз сталкивался с неожиданностями — одна из них стоила ему ноги, — но сейчас при виде нацистов у него захватило дыхание сильнее даже, чем тогда, внизу, в штреке, когда он услышал грохот обвала.

Старик видел, как резко затормозила машина. Эсэсовцы не поехали через главный вход, который вёл на широкий двор, хорошо видный из окон конторы. Их чёрная машина проехала задом, по заросшей травой дороге, и остановилась там, куда выходили окна умывалки. «То ли они сбились с пути, то ли знают его слишком хорошо», — подумал старый банщик, глядя на машину с нацистскими молодчиками, и решил, что это, видать, отпетые головы. Ясно, что приехали они не к добру.

Потом он увидел, как из машины вылезли пятеро в чёрных мундирах с пиратскими черепами на фуражках. За себя старику нечего было бояться, но он помнил, какие страшные дела творились недавно в шахте. Много лет работал он под землёй, рубал уголь, и теперь, уже калекой, продолжает служить своим товарищам — доставляет им тёплую воду, убирает душевую. Он сжился, породнился с шахтой, здесь всё дорого и близко ему, и когда нагрянувшие в прошлый раз эсэсовцы нещадно избивали двух шахтёров, старик вздрагивал так, словно били его самого.

Нацисты столпились возле машины, потягиваясь и разминаясь, видно, они приехали издалека. Потом они одёрнули свои френчи и ощупали оружие. Их громадные длинные пистолеты имели жуткий вид даже в кобурах. У двоих через плечо висели автоматы. Старый шахтёр, кото-

рый всю жизнь только и знал, что добывал уголь, никогда и не видывал такого оружия — короткое, но похоже на ружьё. Ну и гости, спаси боже! Кто знает, чем кончится этот визит, может, будет похуже, чем в прошлый раз. Тогда забрали двух шахтёров, а через несколько дней их имена значились в красном объявлении с надписью: «Приговорены к смертной казни»... Дело, видно, было серьёзное, ведь тогда арестовали и штейгера, а на его место назначили Кубата. Кубат ещё не привык как следует к своей новой должности, а чёрные молодчики уже снова нагрянули со своими пистолетами и диковинными ружьями, снова с высокомерной улыбочкой уверенно направляются к шахте. Идут к Кубату, потому что он, как и его предшественник, ответственен за взрывчатку, а взрывчатка эта всё время утекает понемногу в руки тех, кому она очень нужна.. У старого шахтёра при мысли об этом дрогнул подбородок: его сын Вацлав ведь тоже ходит к Кубату за взрывчаткой.

«Побежать, предупредить их там в конторе? — мелькнуло у него. — Нет, всё равно он не успеет туда раньше этих размашисто шагающих молодчиков в щегольских, до блеска начищенных сапогах. Какой у них вышесный вид!»

«Опять начнётся расправа, — думает старик. — Когда же будет этому конец? Когда можно будет спокойно сидеть в дверях умывалки, шурить-ся на солнышко и быть уверенным, что дождёшься вечера?»

Пятеро эсэсовцев подошли к конторе. Они прошли мимо умывалки, даже не обратив на неё внимания, не заметили и старого банщика, боязливо глядевшего на них сквозь запотевшее окно. Они шли напрямик, видно хорошо знали, что им надо. «Пропал Кубат, пропал наш новый штейгер, — думал старик. — Жаль хорошего человека... Что, если в гестапо дознаются и о моём Вацлаве? А я даже не могу добежать до штейгера и предупредить его!»

В конторе о приезде эсэсовцев узнали, когда они уже вошли в здание и ничего нельзя было предпринять. Бухгалтера даже бросило в пот. Он только успел повернуть голову к комнате, где Кубат работал над планом шахты, как щёлкнула дверь и молодчики в чёрном были уже у него. Один из них для большей внушительности расстегнул кобуру.

— Проверка взрывчатых веществ! — гаркнул он по-немецки остолбеневшему Кубату.

Тот не произнёс ни звука. Его толкнули кулаком под рёбра, рывкнули ещё раз — есть ли, чёрт побери, у него соображение? — и только тогда Кубат кивнул головой.

В его памяти молнией мелькнула сцена недавнего ареста: двух шахтёров, схваченных прямо в шахте, перепачканных угольной пылью и уже окровавленных, ведут к машине. Кубат хорошо помнит и арест своего предшественника Кжижа. Ему, Кубату, поручили тогда исполнять должность штейгера и с ядовитой усмешкой сказали, что отныне он лично отвечает за весь запас взрывчатки на шахте. Понимает ли он это?

Теперь Кубат стоял ошеломлённый, чувствуя, как бледность покрывает его лицо. «В порядке запасы взрывчатки или нет? — стучало у него в мозгу. — А вдруг кто-нибудь из бригадиров забыл записать расход и это сейчас обнаружится?» А кроме того, правильные записи это одно, а большой спрос на взрывчатку это другое. С тех пор как Кубат был назначен штейгером, у него побывало много добрых знакомых; серьёзные разговоры продолжались до поздней ночи. Всё было налажено так, чтобы взрывчатка убывала постепенно и незаметно. Но что если последние записи не сойдутся?

— Ну как? Не слышишь? Понимаешь, что я говорю? — кричит по-немецки эсэсовец.

Кубат снова машинально кивнул, но всё ещё не мог перевести дыхания. Эсэсовцы переглянулись. У них был опыт, и они знали, что если у человека такой ошеломлённый вид, значит дело нечисто.

— Мы их явно застучали на чём-то,— вполголоса сказал старший.— Иначе этот чех не перепугался бы так. Кажется, здесь пахнет жареным... Что ты скажешь, Руди?

Руди осклабился:

— Так точно, герр шарфюрер, здесь пахнет жареным. Мы во-время сюда подоспели, нюх нас не обманул.

Шарфюрер глазами подал знак остальным молодчикам. Они уже знали всю процедуру. Один из них останется в конторе у телефона. Помощник шарфюрера Руди заберёт этого чеха и немедленно спустится с ним в шахту, где хранятся взрывчатые вещества. Другой станет у подъёмной клетки, третий — у ворот, а начальник будет прохаживаться взад и вперёд. Всем работающим на шахте прикажут не трогаться с места, никого не выпустят из шахты и не впустят, потому что здесь определённо неладно и надо проверить всё.

Кубат как окаменелый стоит у дверей, не поднимая глаз, и делает вид, что не понимает, о чём говорят между собой эсэсовцы, а сам ловит каждое их слово. У него зреет какой-то план, пока ещё смутный, но постепенно принимающий всё более чёткие очертания. Пусть это глупая, смешная затея, а всё же она может помочь. Ведь там внизу, на складе взрывчатки, может быть, всё в порядке, а может быть, и нет... Если Кубата поймают хоть на какой-нибудь мелочи, размотается весь клубок...

Необходимо одно — необходимо победить без оружия.

— Форверт! — кричит шарфюрер, и молодчик Руди выталкивает Кубата на двор. Оба эсэсовца идут следом за ним к спуску в шахту, и люди, которые встречают их, испуганно отводят взгляд. Старый банщик влез на скамейку и смотрит из окна умывалки. У него затряслись руки, когда он увидел, как Кубат, словно связанный, шагает между двумя гитлеровцами. Совсем как на казни! Эсэсовцы самодовольно усмеваются, и на рожах у них написано: «Ага, попался!»

Эсэсовец, патрулирующий во дворе, уже заорал на мастера с сортировки, который вздумал подойти поближе, поглядеть, что тут творится. Он навёл на него дуло автомата, и мастер снова скрылся в своей кабинке. У подъёмника Кубат останавливается.

— Может быть, не стоит спускаться вниз? — спрашивает он дрожащим голосом.

— Что? — ухмыляется гитлеровец. — Что значит: не стоит спускаться?.. — И он выразительно смотрит на своего шарфюрера. «Вот видите, этот тип хочет выкрутиться!»

— Марш! — рявкает он.

Кубат ещё раз оборачивается к нему.

— Простите, герр начальник, в таком виде вам нельзя в шахту... там грязно... шмутциг..

— Молчать, никаких задержек! — И Руди снова подмигивает старшему: мол, штейгер хочет задержать нас, а тем временем кто-нибудь из чехов позвонит вниз по телефону. Знаем мы эти номера!

«Знаем, знаем!» — кивает довольный шарфюрер и, так как он в хорошем настроении, снимает свои кожаные перчатки.

— Возьми, Руди. Этот тип отчасти прав.

Кубат вздыхает, удивлённо глядит на перчатки, которые натягивает его спутник, и говорит:

— Простите, господа, я не могу принять ответственность... У вас такие красивые сапоги, герр начальник, а в шахте у нас мокро, застоялась вода, насосы работают плохо. Я бы вам советовал переодеться, взять другую обувь...

Он не договорил. Эсэсовец ударил его по лицу и толкнул к дверце подъёмника так, что старый Кубат чуть не разбил себе голову.

— Лампу надо взять, лампу! — забормотал Кубат.

Но его не пустили, боясь, что он предупредит тех, кто внизу. За лампой послали человека, который обслуживал подъёмник, и тот, перепуганный всем происходящим, принёс впопыхах только одну лампу.

— Хватит! — заорал немец. — Никаких задержек больше! Мне лампа не нужна, светить будешь ты.

Решительность и быстрота — залог успеха, и старший эсэсовец одобрительно кивнул головой. Руди вошёл в клеть, и она понеслась вниз с головокружительной быстротой. Даже у Кубата захватило дыхание, а немец просто взвизгнул от ужаса, когда почувствовал, что его желудок подкатывает к самому горлу. Внизу клеть так стукнулась об пол, что чуть не развалилась на части. В другое время Кубат дал бы гагоняй машинисту за такой головоломный спуск, но сейчас он только усмехнулся: ага, в машинном уже знают, кого везут. Это добрый знак. Значит, он, Кубат, не одинок даже когда рядом с ним этот чёрный ворон.

И вообще всё пока идёт хорошо. Там, наверху, у Кубата был растерянный, испуганный вид, здесь, в темноте главного коридора, где скудно светят несколько лампочек, он сразу выпрямился и украдкой оглянулся на эсэсовца, который шагал за ним. Ишь, какой вылощенный да выютюженный, словно на свадьбу собрался! Даже перчатки натянул, идиот этакий. Лайковые перчатки в шахте! Смехота да и только! Впрочем, Кубата это вполне устраивает...

Кубат идёт по высокому коридору, чёрный молодчик шагает за ним. Как медленно плетётся этот чех! Не хочется мошеннику итти, надеется оттянуть свой конец!

— Живее! — приказывает Руди.

Кубат прибавляет шаг, злорадно думая: «Погоди, не волнуйся, ещё набегаешься у меня!»

Они идут во всё сгущающейся темноте, и Кубат окончательного успокаивается. Он думает о том, что наличие динамита и детонаторов наверное совпадёт с записями в книге, которую он несёт подмышкой. А если и не совпадёт, этому молодчику не захочется пересчитывать. Кубат позаботится о том, чтобы у него пропала охота.

— Где у вас хранятся взрывчатые вещества? — спрашивает эсэсовец, который уже стал тяготиться долгим молчанием.

Они миновали освещённый главный коридор, и сейчас им светит только шахтёрская лампа, которую несёт Кубат. Свод штольни становится всё ниже и ниже.

— Они находятся в глубине шахты, куда никто не имеет доступа... Согласно инструкции, разрешите доложить, — учтиво отвечает Кубат.

— Хорошо, — с вздохом говорит гитлеровец. Но тут же, споткнувшись, он кричит: — Свети как следует, скотина!

Кубат тотчас же поворачивает фонарь назад, к немцу. Тот и раньше видел плохо, а теперь совсем ничего не видит — свет фонаря слепит его. Приходится заслонять глаза рукой. Штейгер и эсэсовец идут теперь согнувшись, и дорога становится для Руди ещё утомительней: болят уже не только ноги, заныли и руки.

Из забоев на них молча поглядывают шахтёры. На чёрных лицах сверкают белки глаз, а их петоропливое шахтёрское приветствие: «Бог

в помощь!» звучит сейчас как соболезнующий вздох. Многие из них в душе просят прощения у Кубата за то, что, завидуя ему, когда он стал штейгером, говорили: «Ишь ты, вылез в начальники, нацисты к нему благоволят». Теперь они увидели, чего стоит это благоволение. Идёт бедняга Кубат, понурив голову, освещает дорогу немцу, а тот топает за ним с револьвером.

Кубат и эсэсовец дошли до железной решётки, откуда коридор вёл к складу, где хранилась взрывчатка. Дорога туда была не так уж хороша, но всё же вполне сносная и сухая. Однако штейгер повернул налево в низкий и узкий проход. Здесь местами крепление обрушилось под напором породы, и приходилось с трудом перелезть через завалы.

— А что там такое? — показал эсэсовец на железную решётку.

— Там опасный участок. Там, видите ли, обнаружались газы... и была угроза взрыва, пожара... фэйер, понятно?

Руди кивнул — конечно, понятно. Разве он может не знать чего-нибудь, ведь немцам всё известно, в этом преимущество высшей расы. А Кубат усмехается про себя: «Вот болван, не знает даже, что такое граница участка. Сразу видно, что ни черта не смыслит в нашем деле, можно вкрутить ему что угодно. Погоди же, я тебе покажу, где раки зимуют. Отучу геба от этих проверок!»

Кубат быстро и ловко перебирается через поломанное крепление. Руди, сопя, следует за ним. Он кряхтит, потому что у него уже ноет спина, — ещё бы, приходится всё время итти согнувшись! — а через минуту вскрикивает от боли и чертыхается: он стукнулся головой о потолочную балку так, что искры посыпались из глаз. Руди ошупывает громадную шишку на лбу и шипит от ярости. Кубат услужливо светит ему фонарём. Мол, что поделаешь, герр начальник не пожелал одеть спецовку и отказался подождать, пока для него принесут кожаный шлем. От фуражки с черепом здесь мало толку: «У нас под землёй другие законы, чёрный ворон! — думает Кубат. — Чёрта с два помогут тебе тут твои свастики и мёртвые головы. Здесь ты в чёрной яме и должен быть рад, когда, наконец, вылезешь на свет божий».

Они идут дальше — путь не близок. Временами Кубат присаживается отдохнуть и неизменно обращает внимание немца на потрескивание угольного пласта, делая при этом озабоченное лицо, хотя такое потрескивание ровно ничего не значит и шахтёры обычно не обращают на него никакого внимания. Руди опасливо косится на низкий свод, где прогнувшиеся балки крепления более чем наглядно свидетельствуют о том, что давление здесь нешуточное. «Что, если свод вдруг обрушится? — с ужасом думает он, и его бравое настроение улетучивается. — Чёрт меня дёрнул лезть сюда, лучше было остаться наверху, а сюда послать Густава, всё равно этот дурень ни к чему не пригоден. Так нет же, всюду суют меня, потому что я самый энергичный и способный. А какой мне от этого толк? Что, если я пропаду здесь ни за грош? А сияк как болит, доннерветтер!»

— Осторожно, теперь будет немного сыро... вассер, — говорит Кубат и держит фонарь над тёмной лужей.

Эсэсовец, чертыхаясь, лезет в лужу. Ничего не поделаешь, пройти нужно. Впрочем, сапоги у него хорошие, воду не пропускают. Уж, конечно, начальство отметит его за то, что он поймает этого штейгера с поличным. Чёрт с ними, с сапогами! Хуже то, что здесь страшно скользко и воздух такой спёртый, что просто дышать нечем. Руди не знает, что Кубат нарочно выбрал маршрут, где испорченный воздух тянет им навстречу. Заметив, что немец тяжело дышит, штейгер сочувственно покачивает головой:

— Ай-яй-яй, всё проклятый газ... А вы держите голову ниже, поближе к земле.

Немец послушно сгибается в три погибели, тащится через лужи, хватаясь за столбы крепления. Перчатки у него в грязи и, утирая пот со лба, он размазывает грязь по лицу. Руди воображает, что он выглядит примерно так, как Кубат, который всё ещё чист, потому что он тут знает каждый уголок, всюду скользит, как кошка, идёт, словно прогуливается, а у немца фуражка валится с головы. Хорошо ещё, что не в лужу! Руди поднимает её, нахлобучивает вместе с грязью, и они идут дальше.

Снова перекрёсток и поворот.

— А нет ли тут другого пути? — неуверенно осведомляется запыхавшийся эсэсовец и выразительно похлопывает по кобуре.

— Другого пути нет, — твёрдо отвечает Кубат. — Я же вас предупреждал...

А сам думает: «Поможет тебе тут твой пугач, чёрта с два!»

— Ну ладно, пошли! — решительно командует Руди. Ведь он эсэсовец, и ему не подобает упрашивать какого-то чеха.

Теперь Кубат ведёт его вниз по крутому спуску. Под ногами у них доски с поперечными перекладинами для упора ног, но итти всё-таки трудно и скользко. Штейгер легко пересчитывает ногами перекладины, а гитлеровцу в высоких сапогах делать это не так-то просто. Он уже злится в душе на шарфюрера, который послал его сюда. И почему там, наверху, его не предупредили, что здесь такая жарница! Пот ручьями льёт с Руди — ведь френч у него застёгнут на все пуговицы, затянут портупеей. Надо бы расстегнуться, но допустимо ли это при чехе? Военный в расстёгнутом мундире — уже не настоящий военный, к тому же это придаёт какой-то оттенок фамильярности, а она недопустима с чешскими свиньями.

Но в конце концов Руди не выдерживает: просто сил нет. Он снимает пояс, скатывает его и расстёгивает френч. Но вот беда — куда деть пистолет?.. Руди снова застёгивает ремень и вешает револьвер на шею. Он не думает о том, что вся эта операция, проделанная руками в чёрных от угля и грязи перчатках, отнюдь не украсила его. Кругом потёмки, штейгер с фонарём за это время уже ушёл вперёд. «Это он нарочно», — думает Руди.

— Стой, чёрт подери! — кричит он штейгеру, но в голосе его скорее просьба, чем приказание.

— Мы уже пришли, герр начальник, — слышится голос Кубата.

Вдалеке мерцает огонёк его лампы. Но около Руди тьма-тьмушая. Спотыкаясь, он идёт на свет фонаря и, наконец, оказывается в широком коридоре, где даже висит электрическая лампочка. Чёрт подери, если здесь есть свет, почему же не освещены другие коридоры?

В тупичке около коридора видна деревянная будка с огромным замком.

— Вот склад, пожалуйста, — говорит Кубат.

Эсэсовец кивает головой. Что ж, надо признать, что хранение здесь надёжное, под замком. Другая его мысль такова: «Мейн готт, наконец-то мы на месте!» Руди не догадывается, как он смешон в грязной рубашке с засученными рукавами, с френчем на руке и пистолетом, болтающимся на шее. Он с наслаждением вдыхает свежий воздух, который доносит сюда вентиляция, и в душе благодарит Кубата за то, что тот долго возится с замком. По крайней мере можно присесть и отдохнуть.

Как это часто бывает с людьми, которые долго превозмогали и скры-

вали усталость, Руди, усевшись, едва не теряет сознание. Во всём его теле такая тяжесть, словно на него свалилась гора угля.

Он поворачивает голову и глядит вдоль широкого коридора.

— Почему, чёрт возьми, мы не шли этим путём? — как можно строже спрашивает Руди, но голос его звучит тихо, нужного тона уже не получается.

— Здесь ходить не разрешается, здесь колея канатной дороги, — спокойно врёт Кубат. — Ходить по колее — это смерть. Из темноты наедет вагонетка, бац — и убьёт!..

Он показывает жестами. Эсэсовец беспомощно кивает. «Нелегко, однако, приходится этим шахтёрам, — думает он, — а сегодня и мне вместе с ними».

Кубат отпер дверь сарайчика и ждёт. «Придётся вставать, ничего не поделаешь, — соображает ошалевший от усталости гитлеровец. — А сидеть так приятно».

Кубат начинает пересчитывать пакеты взрывчатки, и Руди делает вид, что считает вместе с ним. В голове у него шум, он садится на какой-то ящик. Не обязательно смотреть на руки Кубата, решает он, достаточно слышать, как он считает вслух.

— Семнадцать, восемнадцать, двадцать, двадцать один...

Руди устало поднимает голову.

— Как так? Восемнадцать, девятнадцать, двадцать, вот что!

— Ну да, я и говорю: семнадцать, девятнадцать, двадцать, двадцать один... Пожалуйста, всё сходится.

Немец молча кивает, и Кубат продолжает счёт. В конце концов у него не только всё сходится, но даже остаётся один лишний пакет. «Вот что значит хороший контроль!» — потихоньку ухмыляется Кубат.

— А вот, пожалуйста, детонаторы.

Эсэсовец нетерпеливо машет рукой и выглядывает в коридор.

— А нельзя ли нам вернуться другим путём? — совсем кротко осведомляется он.

Кубат продолжает бормотать, считая, потом закрывает ящик.

— К сожалению, нельзя. Но я достану для вас лампу, возьму у кого-нибудь из шахтёров, они и так обойдутся.

— Вот это было бы хорошо! — с облегчением говорит Руди. — «Пожалуй, этот штейгер неплохой парень», — решает он. — А с детонаторами всё в порядке?

— А как же! — обиженно отвечает Кубат и отправляется к ближайшей шахтёрской бригаде за лампой.

Шахтёры очень удивляются, узнав от Кубата, кого он привёл, и, вручая ему лампу, спрашивают, как это он умудрился вместе с нацистом пройти мимо них незамеченным, словно привидение.

— А мы, видите ли, шли другим путём, я немножко показал ему шахту, повёл его через третий участок... — И, увидев, что шахтёры изумлённо уставились на него, Кубат добавляет: — Уж коли они правят нами, надо, чтобы они узнали всю шахту, а?

Шахтёры тихо смеются. Через третий участок! Ого-го!

Эсэсовцу тем временем приходит мысль, что вся эта прогулка была бессмысленной, ибо никакой нехватки в кладовой не оказалось. Однако Руди зол не на Кубата, а на тех, кто послал его сюда. Он даже злорадствует: так им и надо, хороши контролёры! Вот он посадит их в калошу, сказав: «Никаких улик не обнаружено, мейне геррен, внизу всё-всё оказалось в порядке». Это будет здорово! Вот вам, пожалуйста! Я, правда, устал как собака, прямо из сил выбился, да, кажется, ещё и испачкался малость, зато вы получили кукиш. Так вам и надо, так и надо!

Кубат подсовывает ему контрольную книжку, Руди, крихтя, расписывается, с отвращением думая о том, что сейчас предстоит обратный путь по низким вонючим коридорам, где кругом опасность, где им грозит рудничный газ. Но эсэсовские правила поведения не разрешают ему проявить слабость перед каким-то чехом (ведь все наци — железные люди!), и Руди, крихтя, поднимается на ноги и снова пускается в путь.

Теперь как будто всё должно быть в порядке: у Руди есть своя лампа, итти будет удобнее. Но, оказывается, в этом есть и неудобство: раньше у него обе руки были свободны и можно было держаться за стены, теперь в одной руке тяжёлая шахтёрская лампа. Видимо, по этой причине на крутом подъёме, по которому они на этот раз карабкались вверх, Кубат слышит сзади такой звук, словно кто-то, забавляясь, хлопнул ладонью по воде. Так оно и оказалось, только это совсем не забава: его спутник растянулся в грязной луже и даже не рискнул при этом выругаться: разве можно, чтобы чех заметил его падение?!

Наконец они добрались до подъёмника. Вид Руди вызвал здесь всеобщее оживление, и только боязнь неприятностей заставила шахтёров сдерживать хохот. Когда клеть уже тронулась, слесарь, чинивший в шахте насос, прошептал товарищу:

— Кубат этим красавцем чистил трубы, не иначе! Где ещё можно так измазаться?!

Наверху их с нетерпением ждали эсэсовцы. Руди почему-то задержался, а шарфюреру не терпелось узнать, насколько тяжелы улики, чтобы в соответствии с этим определить масштаб арестов.

— Всё в порядке! — рапортует Руди, став навтыяжку.

Но начальник, словно не слыша его слов, таращит глаза и, забыв о неутешительном содержании рапорта, громко хохочет. Гогочут и другие эсэсовцы.

— Руди, боже мой, как ты выглядишь, бедняга!

— Всё в порядке! — повторяет свой рапорт Руди, побагровев, как индюк, и думает: «Хорошо вам смеяться, вы тут бездельничали наверху».

Эсэсовцы хватаются за животы, глядя на комичную, чудовищно перепачканную фигуру Руди, который один-единственный сохраняет серьёзную мину.

— Как так в порядке? — вдруг спохватывается начальник, делая строгое и недовольное лицо.

Руди пожимает плечами.

— Весь динамит на месте, — говорит он.

— Значит, мы возвращаемся ни с чем? — кисло резюмирует шарфюрер.

Они идут к машине. Кубат почтительно провожает их. Около машины возникает неожиданное осложнение.

— Нельзя же в таком виде лезть в машину, — протестует шофёр.

— Как так? Может быть, мне итти пешком в таком виде? — возмущается Руди.

— Надо умыться, — говорит другой эсэсовец.

— Это не поможет, он испачкан с ног до головы, ему придётся лезть под душ.

Руди поворачивается к шарфюреру, тот снова не в силах сдержать смех при виде его комичной фигуры. «Болван! — ругается про себя Руди, — слазил бы сам в шахту, небось, не смеялся бы!» Но он продолжает стоять навтыяжку, потому что в «СС» строгая субординация. Он стоит у машины, как унылое пугало. Наконец шарфюрер приходит к вы-

воду, что нельзя же заставлять его идти пешком в таком виде. Но под душ его ведь тоже не поставишь в полном обмундировании!

— Нужно завернуть его в бумагу, — решает он. — Иначе он перепачкает и нас, и всю машину.

Кубату велют принести самые большие листы бумаги, какие только у него есть, и кладут их на сиденье. Сверху осторожно садится «пугало». Его обвёртывают бумагой и даже на голову прикрепляют лист. Вид при этом у Руди страшно серьёзный, у Кубата тоже, остальные эсэсовцы исподтишка ухмыляются. Машина трогается, Кубат учтиво снимает кепку. Он уже не слышит, как один из немцев в машине, хихикая, напевает модную песенку:

О, маленькая кукла
В изящной упаковке...

Наконец Кубат один и может больше не сдерживать смех, он поворачивается к шахте и видит, что из окна умывалки на него удивлённо глядит старый банщик.

— Всё обошлось хорошо, Кубат?

— Ещё бы! — отвечает он, входя в умывалку. — Видел бы ты, как они упаковывали его в бумагу — словно грязное бельё! Нехватало только перевязать шпагатом и сдать этого мерзавца на почту посылкой без цены!..

И, скинув одежду, он с наслаждением становится под душ.

— А своему Вацлаву скажи, пусть придёт ко мне сегодня ночью. Благодаря этой проверке у меня теперь есть ещё один лишний пакет взрывчатки.

Перевод Г. Аксель.

Человек с ружьём

Шима вышел из здания, где временно разместилось управление шахтами, и остановился у входа, чтобы немного передохнуть и понежиться на майском солнышке. В двери непрерывно входили и выходили люди. Они спешили и хмурились, наталкиваясь на Шиму. Тогда он прошёл дальше. Его всё время не оставляла мысль: «Так вот он каков, конец войны, кто бы подумал?!»

Здания и люди — всё было покрыто пылью. Люди пропылились в долгом пути — в этот пограничный городок они приехали из внутренних районов страны, почти не спали, ожидая отправления на переполненных вокзалах, где никто толком не знал, когда пойдёт поезд. Здания же были в пыли потому, что перед самым концом войны город бомбили американцы. Вокруг площади виднелись беспорядочные развалины домов, обломки были убраны только с проезжей части. Шима с недоумением подумал: «Зачем надо было бомбить дома?», но не стал ломать себе над этим голову, решив, что война есть война.

Он в замешательстве смотрел на две бумажки, которые держал в руке. Потом бережно сложил одну из них и спрятал в нагрудный карман. Это был мандат, уполномочивающий его принять управление шахтой «Леспольд» и руководить ею впредь до дальнейших указаний. Шима улыбку и покачал головой. Подумать только: такое важное поручение, а всего несколько строк на бумажке.

На другой бумажке был обозначен точный адрес шахты и указано, как туда добраться. Это записал в управлении сам Шима своим размашистым угловатым почерком, предварительно сверившись с немецкой картой на стене.

— Вы, конечно, могли бы подождать, пока придёт наша машина, но только кто её знает, куда она запропастилась,— сказали ему.— Машины у нас все разбиты, а американцы ничего из реквизированного не вернули.

— Доберусь и пешком,— сказал Шима и поторопился уйти, видя, что в комнату входят всё новые и новые люди, и у всех неотложные дела, все требуют срочных указаний, суют какие-то бумаги, шумят. По минутно звонил телефон, и разговаривавший с Шимой человек, которого называли уполномоченным, то и дело снимал трубку. Когда Шима уже выходил, он услышал, как уполномоченный сердито кричал в трубку:

— Нет, мы туда ещё никого не посылали, он не имеет права... Что? У него есть мандат? К чертям, говорю вам, мы ему не выдавали мандата!.. — Шима уже закрывал дверь, когда уполномоченный устало сказал:

— Ну, пусть там пока сидит... Скоро этот сумасшедший дом кончится и мы его всё равно выгоним!

...Мимо Шимы с грохотом промчался кургузый американский «джип». В нём сидели солдаты и девушка. Один из них свесил ноги за борт машины и хохотал, обнимая спутницу. Шофёр ослабил, заметив удивление Шимы, и круто развернулся на повороте. Громко заскрипели тормоза, высоко взметнулось облако пыли.

— Гоняют, как шальные! — сказал какой-то человек, шедший навстречу Шиме, и закашлялся от пыли.— А как им живётся! Вы уже пробовали американские консервы?.. Знаете, эта девица, что с ними, она немка.

— Не может быть! — воскликнул Шима.

Человек кивнул.

— Точно! Они прямо кидаются на этих янки.

Прохожий пошёл дальше. Шима пожал плечами. Какое ему дело до всего этого! Он зашагал, но пришлось снова остановиться, потому что проезжала целая колонна авто. Все шофёры были чернокожие, и Шима не удержался, чтобы не поглазеть на такую диковинку. Такие чёрные, словно только что из шахты вылезли! «Расскажу дома сынишке, что видел здесь столько негров. Надо будет поскорее привезти его сюда, пусть и он поглядит»...

Но тут же он вспомнил, как уполномоченный сказал ему озабоченно:

— Если у вас возникнут какие-нибудь осложнения с американцами, звоните сюда. У нас есть, правда, договорённость с их командованием, что они не будут вмешиваться в наши дела, но полагаться на их слово не очень-то следует. Местный Национальный комитет ещё сам не знает, какие у него права. Американцы его словно не замечают. Они, видно, предпочли бы иметь дело с немецким бургомистром.

Шима всегда считал, что слабо разбирается в политике, но то, что говорил об американцах уполномоченный, задело его за живое. Как же можно не считаться с Национальным комитетом? Ведь это новая народная власть, её нужно слушаться. Вот сейчас Национальный комитет решил поставить надёжного чеха на шахту «Леопольд», где работают немцы. Какие же тут могут быть возражения? На каком основании американцы могут ставить нам палки в колёса? Он покачал головой, и ему снова представились солдаты и молодая немка в мчащемся «джипе». Шима вздохнул и поглядел в свою памятку. Там было написано: «От площади итти прямо и в конце главной улицы свернуть налево, дорога выведет за город, мимо открытых разработок».

Выйдя из города, он убедился, что идёт правильно. Открытых разра-

боток, правда, ещё не было видно, но в горячем воздухе чувствовался запах тлеющего угля. «Есть у меня шахтёрский нюх,— с удовлетворением подумал Шима.— Меня до шахты нос доведёт».

А... что там открытые разработки! — ему-то ведь досталась настоящая глубинная шахта! Это вызывало в нём чувство гордости. Работа на такой шахте тяжелее, но зато там настоящее шахтёрское дело.

Поднявшись на косогор, Шима увидел, наконец, открытые разработки. Добыча шла здесь вовсю. Паровые экскаваторы набирали большим ковшом уголь и ссыпали его в вагонетки. Шима улыбнулся: «Хорошо работают! Зря я посмеивался над этими открытыми разработками. Беру обратно свои слова. Сейчас самое главное — добывать уголь, а каким способом — всё равно. И на моей шахте надо будет поскорее наладить добычу...»

«На моей шахте»... Шима залился краской, словно сказал какую-то чушь. «Конечно, это не моя шахта, но я буду называть её так. Потихоньку, только для себя. Я ведь там всё налажу так, что любо-дорого будет поглядеть».

На шоссе было безлюдно и тихо. Только с открытых разработок доносился гул машин да грохот сыплющегося угля. Шима расстегнул воротник. Конечно, придётся нелегко, но он не спасует. Обязанности на него возложили огромные. Это факт. Но он справится. Ничего не пожалет. Конечно, он никогда не ждал такого назначения. Он рядовой работник, простой человек. Когда в последние дни войны коммунисты их подпольной организации намечали ближайшие задачи и распределяли обязанности, Шима считал естественным снова вернуться на шахту, откуда его выгнали гитлеровцы. Он был там штейгером и теперь по праву займёт прежнее место. Шима был скромн: «Мне не надо большего, чем я имел», — говорил он.

Но оказалось, что дело не так-то просто. На шахте, где он работал, не было такой острой нужды в людях, как, например, на шахтах Фалькновского бассейна, где ещё при старой республике было очень мало чехов. Что же будет с фалькновскими шахтами, если теперь туда не пойдут лучшие шахтёры? Что станет с новой народной республикой, если её граждане не будут сознательны и готовы к жертвам? Так говорил партийный секретарь на том тайном собрании в комнатке с занавешенными окнами, где было так накурено, что хоть топор вешай.

— Кто согласен ехать в отдалённый бассейн? Ведь это нужно, этого требуют интересы республики!

Секретарь замолк и, стоя, обвёл взглядом лица товарищей. Шиме было не по себе. Он почувствовал, как рассеивается его мечта о том, что он в одно прекрасное утро придёт на старую шахту и снова станет там штейгером... конечно, не без надежд на дальнейшее продвижение. У жены его тоже были свои мечты на сей счёт. Пусть это мелкое честолюбие, но оно в конце концов вполне понятно. В своё время, когда немцы прогнали его с должности штейгера и послали в забой, кое-кто из соседок подсмеивался над нею. Жену, как всякую женщину, раздражали насмешки. Да, тогда многие чехи ещё были глупы и не понимали, что гитлеровцы доберутся до каждого. Только после нескольких лет тяжких испытаний они прозрели. Чтобы забыть эти горькие годы, Шиме очень хотелось бы вернуться на старую шахту, взять, как бывало, контрольную книгу и снова формировать шахтёрские бригады.

— Что ж, никто не поедет, товарищи?

Шиму даже в пот бросило. Что-то удерживало его, не позволяя пошевелиться, и одновременно что-то толкало его сказать, что он немного знает тамошние места. Он поднял руку.

— ...Если ты думаешь... что я справлюсь... — услышал он вдруг свой голос.

По комнате прошёл одобригельный гул. А Шима уже злился на себя: зачем он сунулся? Наверняка кто-нибудь здесь уже метит на его место штейгера — ведь люди есть люди.

Дома он не сказал об этом ни слова. Но когда первые советские танки прошли через их посёлок и нацисты были изгнаны из родного края, Шима, не торопясь, собрался в путь. И вот он идёт сейчас по дороге, под ярким майским солнцем, голодный и усталый, взволнованный серьёзностью возложенной на него задачи. Он глядит на холмистый пейзаж, который кажется ему пустынным и безмолвным. На каждом шагу здесь чувствуется затаённая враждебность. И зачем только он звязался в это дело?! Зачем ему эта пыльная дорога, эта жара, от которой язык присыхает к небу, голод, неуверенность... Вот уж никогда не думал он, что доведётся ему шагать по этой дороге бог весть куда!

И тут же в его тоскливые мысли врезается другое: «Шахта «Леопольд»... В кармане у меня мандат, в котором сказано, что я назначен управляющим этой шахтой. Чёрт возьми, вот так назначение. Вроде обер-штейгера, и даже повыше. Шима, ты управляющий! Господин управляющий, как дела? Господин управляющий, как идёт добыча на вашей шахте? Господин управляющий... Каждый приподнимает шапку, а он, управляющий, только кивает головой».

Сам того не замечая, Шима на ходу говорил всё это вслух. Только подойдя к одинокому домику у дороги, он слегка смутился и смолк. «Тщеславный ты человек! — недовольно сказал он себе. — Кто знает, что ждёт тебя там, на незнакомой шахте, а ты уже думаешь о титулах и почёте. Кстати, какой из меня управляющий! Как только всё наладится, туда пошлют инженера, а мне придётся тихонько отчалить. Так-то».

У одинокого домика, мимо которого проходил сейчас Шима, стоял на стремянке человек и старательно малевал вывеску. Шима остановился и взглянул на неё. Человек как раз выводил последнюю букву. Буквы были неровные и не отличались красотой, но написано было ясно:

РЕСТОРАН
Управляющий Вацлав Гадраба

«Ещё один любитель титулов», — подумал Шима, улыбнувшись.

— Бог в помощь! — сказал он.

Человек на стремянке промолчал, дорисовывая последнюю букву, потом обернулся.

— Здорово, земляк! Наконец-то появился хоть один чех, приятно слышать! — Он слез со стремянки и показал на вывеску. — Красота, а?

Потом, прищурив глаз, он взыскательно оглядел дело своих рук.

Шима молча кивнул.

— А поесть что у тебя найдётся? — сказал он.

— Или чего захотел! — усмехнулся «управляющий». — Я сам питаюсь одним хлебом. Здесь ещё ничего нет.

— Если есть ресторан, должна быть еда, — недовольно сказал разочарованный Шима.

— Э-э, приятель, вывеску-то я повесил, чтобы никто не захватил этот трактир. Сюда уже совались люди, сам видишь, тут отличное место, можно устроить такой ресторанчик для туристов — красота, высший класс!

— А выпить у тебя тоже ничего нет?

— Было, друже, ещё вчера было. От старого хозяина осталось. Но приехали американцы и вылизали всё до капли. Ох и пьют они, я прямо рот разинул. А уж я-то, Вацлав Гадраба с Жижкова¹, немало видавал на своём веку.

Заметив, что Шима сильно устал, Гадраба сделал широкий жест. — Ладно уж, чтобы ты знал, что я порядочный чех, я тебя накормлю. Только угощение будет скудное. Как я, уже говорил — один хлеб.

Они вошли в просторную залу. Здесь был беспорядок — валялись перевернутые столы, стулья.

— Прибраться я ещё не успел. Вчера тут был такой содом... Вот и хлеб. А в горшке сало. Возьми, намажь. Когда придёшь сюда в другой раз, увидишь, какое будет меню! Найму мальчишку-подручного, сам надену фрак!

Пока он говорил, Шима ел. Его раздражал этот болтун. Шима не отвечал ему и молча жевал хлеб.

— Ну, а ты, приятель, тоже пришёл отхватить что-нибудь? Уж не соседний ли трактир? Вот была бы потеха: угощаю конкурента. Но ты, наверно, идёшь занять поместье. А меня сельское хозяйство не интересует, я с Жижкова. Знаешь наших — лихой народ!

— Я иду управлять шахтой,— сухо сказал Шима, в упор взглянув на Гадрабу.

Он уже понял, почему ему не нравится этот болтун: прежде всего позаботился о вывеске, а не об еде и питье для людей. Не выйдет из него хорошего управляющего.

— Шахтой? — всплеснул руками Гадраба. — Ну, мне далеко до тебя! Высоко ты метишь, чёрт подери! — он приятельски подмигнул Шиме. — Только ты учти, приятель, что долго тебя там не оставят. Лучше бы ты подыскал себе что-нибудь поменьше...

— Я иду, потому что меня туда послали... — Шима вдруг стукнул кулаком по столу. — Я не для себя иду забирать шахту, шкура ты такая! Для государства, для республики! — Он горько усмехнулся. — Не всякий возится только с вывеской и думает о своём кармане, есть и такие, что заботятся о государстве, о народном добре.

Гадраба разинул рот и ничего не ответил, только в растерянности сдвинул кепку на ухо.

— Видел ты, что делается там внизу, в городе? — сердито продолжал Шима. — Сколько там понаехало, а порядочных людей всё ещё мало, очень мало. Ты вот здоровый парень, а торчишь тут в пустом трактире. С такими, как ты, наша республика далеко не уйдёт.

Шима даже не подумал о том, что он кричит на совсем незнакомого человека.

Однако новоявленный «управляющий рестораном» не обиделся.

— Рестораны тоже нужны, — сказал он смущённо. — Не всякому же управлять шахтой... даже ежели не для себя, а для республики. — Он с уважением поглядел на Шиму.

Сначала ему хотелось дать этому пришельцу по уху, но, во-первых, это, как-никак, был чех, а во-вторых, кое-что в его словах было справедливо. Может быть, и сам Гадраба сказал бы то же самое какому-нибудь ловкачу-дармоеду.

Шима поднял голову.

— На многих приезжих чехов прямо смотреть противно. Каждый только и ищет, что бы прихватить. Немцы попрятались по углам, повешивали белые флаги. А их девки уже гуляют с американскими сол-

¹ Пражское предместье. (Примеч. перев.).

датами. — Он заметил, что Гадроба смотрит на него с удивлением, и добавил уже спокойнее: — Всё меня здесь раздражает... Ну, я пойду, — заключил он, отставив пустую тарелку. — Мне ещё не близко.

— Да и не далеко. Полчаса ходьбы отсюда. Я вчера проезжал мимо этой шахты.

Шима вынул кошелек.

— Сколько с меня приходится?

Гадроба встал с обиженным видом.

— Нашёл о чём говорить! За кусок хлеба я ничего не беру... Ведь и ты отчитал меня бесплатно... — Он улыбнулся, потом посерьёзnel. — Слушай-ка, а ты идёшь на эту шахту совсем один?

— Один. У нас людей нехватает, одного и то с трудом нашли.

— Совсем один! — удивился Гадроба. — Чёрт подери, а ведь там тебя могут пристукнуть. Я сюда приехал одним из первых, — меня американцы взяли в машину, — уж я-то всего насмотрелся. Опасные тут места, предупреждаю тебя.

— Может быть и так, но ничего не поделаешь. Уголь ведь нужен, и кому-то надо пойти первым.

— А оружие у тебя есть?

Шима улыбнулся.

— На охоту я иду, что ли? — Он нетерпеливо махнул рукой. — Ничего ты, я вижу, не смыслишь в шахтёрском деле!

— Что да, то да. Зато я понимаю, что в тебя тут отлично могут пульнуть из-за угла. Слушай-ка, хоть ты и придира, но всё-таки чех. Я тебе дам винтовку. Со штыком, всё честь честью. С ней ты не пропадёшь. Я вчера ею утихомиривал солдат. У них, правда, были кольты, но, как только они увидели у меня винтовку, сразу притихли. Нынче такое время, что без этого нельзя. Люди на войне совсем одичали.

Шима улыбнулся. Этот парень показался ему даже забавным.

— Мне, приятель, винтовки не нужно. Я вот попью воды да пойду. Счастливо оставаться, а когда я приду снова, пусть у тебя уже будет пиво. Для шахтёра вода не питьё.

Он вышел. Гадроба молча проводил его до дверей.

— Всё его здесь раздражает! — проворчал он, возвращаясь. — Пусть лучше не врёт, это не раздражение, а страх. Ему страшно, но он не понимает этого. А винтовку не взял! Смельчак!

Гадроба почувствовал уважение к одинокому путнику, удалявшемуся по дороге. Он помахал ему рукой, когда тот дошёл до поворота.

А Шима шёл и думал:

«Зря этот парень торчит в трактире. Камни бы мог ворочать, а он малюет вывеску!»

Он всё шёл вперёд, и вскоре трактир исчез из виду. Шима поднялся на холм и вдалеке, за деревьями, увидел шахтный копёр. Сильнее забились сердце. О Гадробе он больше не думал.

И вдруг неуверенность овладела им. Вот он придёт к совсем незнакомым людям и на своём ломаном немецком языке объявит им, что назначен управляющим шахтой. Если бы каким-нибудь чудом Шима оказался сейчас дома, на своей родной старой шахте, и рубал в забое уголь, он и то, наверное, не вспотел бы так, как в ту минуту, когда подходил к шахте «Леопольд». Тоска охватила его, суровая мужская тоска. Она всегда охватывает человека перед тем, как он берётся за большое, трудное дело и вспоминает свой утраченный покой. Шиме захотелось отказать от мандата, принёсшего ему столько хлопот, вернуться домой, забраться в свой угол и отдохнуть там, как после длительного на-

пращённого труда. Но чем сильнее овладевало им такое желание, тем быстрее он шёл. Сбежать? Никогда. Какое ребячество!

Шима ожидал, что в воротах его остановит сторож, но проходная была пуста. На шахте, однако, работали — дымила труба и вращался ворот подъёмника, возможно, что как раз сейчас подают уголь на-гора. Он замедлил шаг и осмотрелся. Хорошая шахта, кругом зелень, глаз радуется. Шима провёл рукой по небритой щеке. Он был доволен. Шахта — что надо, такую не сразу найдёшь. Вон какое-то новое здание, наверное, мастерские... Всюду чисто. Шиме захотелось похвалить тех, кто работает здесь.

По двору проходило несколько человек. Они остановились, молча глядя на Шиму, но, видимо, его приход не внушил им никакого беспокойства: у него был слишком будничный, рабочий вид. Никто даже не спросил, что ему надо. Да и вообще на всём здесь лежал отпечаток какого-то безразличия.

Шима без труда нашёл здание конторы и вошёл в тёмный коридор. Там он натолкнулся на кого-то и спросил по-чешски, где старший инженер. Человек не ответил. Шима открыл наугад первую дверь и увидел людей, рассевшихся на столах. Никто не работал. Шима вошёл и повторил свой вопрос по-немецки.

Люди с удивлением покосились на чужого человека. Один из них показал рукой направо. Шима молча подошёл к двери и открыл её. В кабинете было пусто.

Шима повернулся. «Как неудачно, — подумал он. — Надо же объяснить кому-нибудь из них, что я пришёл по важному делу»... В этот момент из кучки беседовавших людей отделился один и, испытующе глядя на Шиму, медленно подошёл к нему. Это был немолодой человек с нездоровым желтоватым цветом лица и беспокойными глазами. Прикрыв за собой дверь, он молча остановился перед Шимой, холодно глядя на него. Шима даже смутился.

— Вы говорите по-чешски? — тихо спросил он и откашлялся.

Инженер покачал головой. Шима пожал плечами.

— Ладно, тогда поговорим по-немецки. Вы старший инженер?

Человек небрежно кивнул.

Шима вынул мандат и подал его инженеру. Тот равнодушно взял документ и позвал:

— Фройлейн Шварц!

Вошла полная блондинка, инженер подал ей мандат, она прочла его, с удивлением и испугом взглянула на Шиму и быстро перевела инженеру текст мандата.

— Кто назначен управляющим? — спросил инженер и медленно, словно он очень устал, подошёл к своему столу и сел за него.

— Я... — чуть улыбнувшись, ответил Шима.

Ему показалось, что напряжение, наконец, начинает рассеиваться.

— Я назначен управляющим, — повторил он. — Может быть вы покажете мне шахту...

Инженер насмешливо посмотрел на Шиму.

— Вы? А кто вы такой?

— Кто? Ну, Шима. Там ведь написано.

— Вы инженер?

— Нет, шахтёр.

Инженер чуть приоткрыл рот, толстая блондинка вытаращила глаза. После паузы инженер сказал:

— Да... Так вот какое дело... — И, словно собравшись с духом, добавил: — Ну что ж, принимайте дела. Извольте, принимайте.

И он показал рукой на контору. Шима беспомощно оглянулся и заметил на стене над письменным столом светлый прямоугольник. Совсем недавно здесь, видимо, висел портрет, нетрудно догадаться чей.

Шима усмехнулся. Инженер поймал его взгляд и понял невысказанную мысль. Он встал, словно страшно обиженный усмешкой Шимы. Маска спокойствия спала с его лица.

— Управление шахтой примут американцы, — сказал он. — Понятно? Я сдам шахту военным властям, а не вам.

На лбу у Шимы вздулась вена. Ему захотелось ударить этого немца.

— Вы забыли, что вы в Чехословакии, — резко возразил он, — шахту примем мы, чехи, и никто другой.

Инженер не ответил. На него, видимо, подействовал решительный тон Шимы. Возможно, что он испугался. Но Шима не знал, что делать дальше. Ну ладно, он прикрикнул на инженера, а теперь что? Теперь надо, чтобы инженер пошёл с ним в шахту и показал ему всё. Но ведь он не сделает этого.

— Дайте мне план шахты! — потребовал Шима, чувствуя, что сопротивление немца будет сломлено, как только он выполнит хотя бы одно распоряжение Шимы. Одновременно Шима заметил, что инженер снова сел, а он, Шима, стоит перед ним словно проситель.

Инженер сделал резкое движение рукой.

— Нет у меня плана шахты. Его взяли американцы.

Шима понимал, что это ложь, однако был озадачен столь наглым упорством немца. Ему вдруг вспомнился болтливый «управляющий рестораном», предлагавший ему винтовку. Но теперь было поздно думать об этом. Надо одним ударом лишить инженера всех его козырей. Шима выпрямился.

— Ладно, нет так нет. Я — шахтёр, господин инженер, и уверен, что смогу ориентироваться в шахте не хуже вас. Я сам спущусь в шахту! — И он повернулся, чтобы скорее уйти из этой проклятой конторы, где у его противника было такое явное преимущество. В дверях он остановился.

— В управлении знают, что я здесь. Если бы я почему-либо не вернулся из шахты, за мной придут.

Он вышел во двор и с облегчением вздохнул. Ему, шахтёру, не к чему вести разговоры с этими господами в конторе, а лучше спуститься под землю и поглядеть, как там идут дела. Это будет самым разумным. Там он сразу увидит, что к чему. С простыми шахтёрами он найдёт общий язык, ведь ему уже приходилось работать вместе с немцами. Если это настоящие шахтёры, им наверное дорога шахта, не то, что этому субъекту с рыбьими глазами. У Шимы отлегло от сердца: теперь у него есть определённая цель, и он не стоит больше перед этим желтолицым типом, который решил исподтишка поиздеваться над ним. План шахты увезли американцы! Придумал глупость и хочет провести его, Шиму. А всё только для того, чтобы создать проволоочки и снюхаться с американцами.

Шима направился было к подъёмнику, но вернулся и стал искать ламповую. Ухватив за рукав первого попавшегося рабочего, он приказал ему:

— Пойдёте со мной в ламповую.

Тот безропотно повиновался, удивлённый и испуганный. Он заметил сильный чешский акцент Шимы.

Взяв в руки шахтёрскую лампу, Шима почувствовал себя спокойнее и увереннее.

— У вас тут, я вижу, карбидные лампы, значит в шахте нет взрыв-

чатых газов, — сказал он сопровождавшему его молчаливому немцу. — Это хорошо. — Немец молча кивнул. — А что, старая одежда найдётся?

Не ожидая ответа, он вошёл в раздевалку и снял с крючка первую попавшуюся спецовку. «Видно, шахтёр, — мелькнуло у немца. — Не тережится».

Пока клеть стремительно спускалась вниз, Шиму вдруг кольнуло сомнение: правильно ли он поступил, отправившись в шахту. Что, если немцы, там наверху, выкинут какую-нибудь штуку? Например, возьмут да просто-напросто не выпустят его отсюда. У Шимы слегка сжалось сердце, но он тотчас мысленно посмеялся над своими страхами: ведь когда он входил сюда, ворот шахты был в движении, значит внизу есть люди. Кроме того, немцы в конторе боятся его. Только инженер с рыбьими глазами был бы, пожалуй, способен на такое, потому что ему ненавистен Шима. Сдавать дела шахтёру — для него унижение. На таких людей нет смысла тратить слова — горбатого могила исправит.

Клеть быстро опустилась на дно шахты, рабочий у подъёмника открыл железную дверь, и Шима вышел, шагнув — на счастье — правой ногой.

— В добрый час! — поздоровался он с шахтёрами, которые сидели бездельничая. Люди нестройно ответили ему. Они уже знали, кто такой Шима; только что звонил телефон и инженер дал им распоряжение. Теперь они окружили Шиму и молча, с затаённой враждебностью, разглядывали его.

— Что вы делаете? — спросил Шима. — Разве все вы заняты на подаче угля? Что-то слишком вас тут много.

Люди молчали.

— Не понимаете меня, что ли? Вот, например, вы... — Он показал пальцем на одного из шахтёров. Тот, запинаясь, пробормотал, что они работают на подаче угля, но то и дело им приходится простаивать. Вот и сейчас они сидят, не зная, что делать...

— Работать, работать! — сказал Шима и отвернулся.

Он хотел было взять одного из немцев в провожатые, но потом раздумал. «Пойду один, — решил Шима. — Если можно чем-нибудь расположить к себе этих шахтёров, то скорее всего тем, что я сам разберусь во всём без их помощи. В конце концов это будет не так уж трудно».

Шима зашагал вперёд. «Что ж, шахта неплоха на вид, — думал он. — Добыча, правда, пока никудышная и долго ещё, наверное, будет низкой, потому что — это сразу видно — немцы не хотят работать. Но с расхлябанностью будет покончено, когда на шахту придёт побольше наших людей».

Шима шёл по штреку, осматривая крепление, часто останавливался и качал головой, замечая непорядки. Около транспортёра сидели несколько рабочих и курили. Когда Шима проходил мимо, никто из них даже не поднял головы, только освещавшие их огоньки сигарет задвигались в темноте. Видимо, им тоже было известно о нём. Шима не удивился этому, потому что в шахте люди самым непростимым образом моментально узнают все новости.

Он всё шёл и шёл по лабиринту штреков, замечал неисправное крепление, видел неведомо куда идущих людей (он нарочно не спрашивал их, чем они заняты) и, наконец, остановился около старого шахтёра, который чинил в штреке водоотводные трубы. Работал он медленно и равнодушно.

— Ну что, папаша, — улыбнулся ему Шима. — Как у вас тут дела? Старик испуганно заморгал и откашлялся.

— Я что ж... Я не знаю.

— Не очень-то вы тут разговорчивы. А главное не очень-то горячи в работе. Слушайте, папаша, вы шахтёр и я тоже. Скажите мне, что тут, собственно говоря, творится? Бойтесь вы чего-нибудь, ждёте чего-то?

Старый шахтёр покосился на него и промолчал.

— Вы, немцы, проиграли войну,— продолжал Шима.— Ну, ладно. Но ведь вы не только немцы, вы и шахтёры. Шахта — это дело шахтёрских рук. Можете ли вы допустить, чтобы она запустела?

Старик только вздохнул, а Шима махнул рукой.

— Нацисты отняли у вас и шахтёрскую честь. Докатились, нечего сказать!

Шахтёр поднял голову, словно хотел возразить, в глазах его заметно было замешательство.

— Что я? Я здесь ни при чём.

Шима взял свою лампу и молча зашагал дальше. «Что с ними говорить,— думал он.— Они боятся... Нет,— решил он,— это не страх, а злорадья, бессильная злоба, которая хуже ярости».

Он подошёл к забоям. Уголь не двигался по желобам, и рабочих тут не было. Шима вдруг насторожённо поднял голову и стал приглядываться. Что это такое?.. Он замер на месте. Да, теперь ясно — дым! Где-то горит. Шима пустился бежать вперёд по узкому коридору. Пожар! А шахтёры, которых он встречал, были так спокойны. Может быть, о пожаре никто не знает?

Дым сгушался. Шима остановился. Нет смысла бежать дальше. Становится всё жарче, а до огня ещё далеко. Все ходы заполнил синеватый дым. Значит, огонь идёт широкой полосой, может быть, им охвачен уже целый участок. Надо опешить назад и созвать всю смену. Шахта под угрозой!

Шима остановился — он не замечал, что дым разъедает ему глаза, горло. «Да ведь они хотят, чтобы пожар разросся,— сказал он себе злобно.— Ясно, что огонь возник здесь уже довольно давно и все ушли с этого участка — ждут, пока пламя перебросится дальше. Эх, если бы был план шахты. Инженер, сволоочь, не дал плана»..

Шиме теперь всё стало совершенно ясно. Он сжал кулаки. «Да, немцы нарочно ушли из горящей части шахты, оставили её без присмотра. Я шёл по направлению воздушного потока, поэтому так долго ничего не замечал. Стоило мне пойти в другую сторону — и я бы сразу почувствовал дым. Вот почему там около подъёмника все так уставились на меня: их интересовало, куда я иду. А я — тот, кто должен был обеспечить работу шахты, — влез вместо этого под землю, попал в ловушку и рассчитываю, что они мне помогут. Но ведь они — враги!»

Холодный пот выступил у Шимы на лбу. «А что, если я совсем один тут в шахте? Может быть, немцы, убедившись что я отошёл далеко, уже поднялись наверх? Обо мне теперь никто и не вспомнит».

В страхе Шима пустился бежать, натываясь на тёмные стены. Огонёк в его лампе чуть мерцал, но у него не было времени, чтобы прибавить пламя. Добежав до штрека, где проходила струя свежего воздуха, Шима немного пришёл в себя, отдышался и стал соображать. «Чего он, собственно, перепугался? Ведь вся шахта не может вспыхнуть, как солома. А ему самому, вообще не грозит опасность, потому что, если он до вечера не даст о себе знать в управление, оттуда придут на поиски... Придут ли? — усомнился он. — У них там и без меня хватает забот, от людей нет отбоя, каждый добивается своего, обо мне могут и не вспомнить... Нет, вспомнят. Ведь завтра-послезавтра сюда должны приехать ещё чехи. В крайнем случае, он сам вылезет по лестницам... «А немцы

там, наверху, подстерегут тебя и спихнут вниз,— снова мелькнуло в сознании, но он сразу же рассердился на самого себя.— Нельзя допустить, чтобы шахта горела. Республике нужен уголь, а я тут трясусь за свою шкуру. Сейчас важно только одно — преградить путь огню, замуровать ход, ведущий к горящему участку. О том, чтобы подниматься наверх, не может быть и речи. Значит, замуровать? А как? Ведь для этого нужны люди. Станут ли работать немцы, которые сейчас в шахте?»

Шима поспешил к главному ходу. Временами его охватывал страх, ему казалось, что он заблудился и идёт не в ту сторону, что ему давно уже пора быть у подъёмника. Вспомнились жена и сынишка, но как-то мельком, на воспоминания сейчас не было времени. Мысленно он сказал жене: «Дела мои плохи, старуха, ничего мне не удалось, шахта горит у меня на глазах, а я сам...» Проклятый штрек, когда же ему будет конец! Пора бы уже выйти к главному ходу!

Но вот в боковом штреке мелькнул огонёк. Шима свернул туда. Группа шахтёров сидела на балках. Увидев свет лампы, они замолкли и смотрели на Шиму молча и равнодушно.

— Вы что тут делаете? — обратился он к ним.

Один из шахтёров привстал с места.

— Ждём пока сверху пришлют крепёжный лес.

— И вы не знаете, что там в глубине пожар?

— Не знаем.

— Вставайте, пойдём замуровывать.

— Извёстки нет.

— А где она?

— Не знаем.

Шима стиснул зубы. Ему снова вспомнился «управляющий» Гадроба. Винтовку бы сейчас!..

— Вста-ать! — крикнул он. Люди разом поднялись. — Немедленно приготовить всё нужное для работы. Где каменщики?

— Не вышли на работу.

— Значит замуровывать будете вы. Материал должен быть возле главного отвала. Вы пойдёте со мной туда. Все до одного!

Один за другим шахтёры тронулись к главному отвалу. Шима шагал сзади. Шли быстро, не разговаривая. По дороге им встретилось ещё несколько шахтёров. Они, видимо, не догадались, куда так спешно направляется группа Шимы. Один из встреченных крикнул:

— Как там дела, Франц? Уже горит?

Среди тех, кто шёл с Шимой, наступило неловкое молчание, а тот, кого называли Францем, смущённо закашлялся.

— Ну, что ж, Франц, рассказывай, горит или нет! — взбешенно закричал Шима на своём плохом немецком языке. Он шагнул к подошедшим и строго спросил: — А вы чем занимаетесь? Ждёте, пока сгорит вся шахта? Пойдёте со мной за материалом.

Шахтёры молча повиновались. Когда Шима добрался до главного ствола, с ним было уже человек двадцать. Все молчали, слышалось лишь учащённое дыхание. Около подъёмника сгрудилось много шахтёров. Все они знали, что пожар ширится, но ничего не предпринимали и только ждали момента, когда придётся покинуть шахту.

Шима остановился перед подъёмной клетью и закричал:

— Все назад! Никто не уйдёт из шахты! Где песок и извёстка?

Из толпы послышалось невнятное бормотание, но никто не отважился перечить. Наконец чей-то голос неуверенно произнёс:

— Инженер не велел замуровывать.

— Мы должны его слушаться, — пробормотал другой.

Шима разъярился.

— Здесь приказываю я, а не ваш инженер! — вскричал он. — Ответное молчание было слишком долгим, и Шима указал на телефон. — Вызовите инженера!

Один из шахтёров охотно снял трубку и передал её Шиме. Но в трубке слышалось только слабое потрескивание, потом какой-то невнятный звук и снова молчание. Шима повесил трубку.

— Соедините снова!

Немец опять попытался соединиться с конторой. Шима нетерпеливо вырвал у него трубку. До него глухо донёсся какой-то разговор, потом отдалённый шум.

— Кто говорит? — вдруг раздалось из трубки по-чешски.

Шима с трудом сдержал возглас изумления. Неужели кто-нибудь из управления уже приехал в шахту?

— Мне нужен инженер, — ответил он. — А кто у телефона?

— Я, Венца Гадраба. Есть там внизу тот человек, что пришёл управлять шахтой?

Шима нахмурился. Что за вздор? Кто-то подшучивает над ним? Как он назвался, этот человек наверху?..

— Говорит Шима. Я звоню инженеру.

— Ему ты не дозвонишься, он у меня в лапах.

— Как, вы сказали, вас зовут?

— Гадраба. Это ты, что ли, был у меня в ресторане? Ну да, это ты, чёрт этакий! Что ж ты не признаёшься?!

— Да, это я. А ты что там делаешь? Мне нужно поговорить с инженером. Тут внизу пожар.

— Где пожар?

— В шахте. Уголь горит... Надо заставить инженера дать распоряжения шахтёрам.

— Это можно устроить. Он как раз тут. Я, понимаешь, в его кабинете. Сволочь он, твой инженер. Что я тут делаю?.. Да в общем ничего. Цельюсь из винтовки в этого долговязого... Из той, которую я тебе предлагал, помнишь? А он стоит в углу и поднял руки. Погоди-ка, я тебе всё объясню. Понимаешь, мне вдруг стало жалко тебя и не сиделось дома. Думаю, не нужна ли тебе помощь... Выходит, я угадал, а? Вот я и пришёл сюда, а он начал передо мной задаваться. Я ему сколько времени толкую, что ищу тебя, а он прикидывается, что не понимает.

Шима слушал невнимательно, сердце у него усиленно билось от радости. Гадраба пришёл сюда. Он, Шима, больше не одинок здесь, ещё один чех пришёл к нему... Товарищ!

— Ты молодчина, Гадраба! Не будь тебя, плохо было бы дело. Здесь срочно нужен инженер. Отведи его к спуску в шахту и отправь вниз — нужно замуровать горящий штрек.

— Я сам приведу его вниз, хочешь?

— Нет, ты останься там, наверху, с винтовкой и время от времени звони мне. Я тоже пойду на пожар, это необходимо. В общем ты держи вахту наверху, а я внизу. Когда я поднимусь наверх, первым делом обниму тебя!

Гадраба захохотал в телефон.

— Здорово это у нас с тобой получилось! Этого гада я уже веду к тебе. Если хочешь, могу сбросить его в шахту вниз головой. Что, не надо? Ну так будь здоров, жду тебя здесь!

Шима повесил трубку, опёрся спиной о стену и отёр пот со лба. «Этот человек с ружьём спас шахту, а не я!» — подумал он. Потом медленно обернулся к шахтёрам.

— Я приказал инженеру спуститься сюда. Он будет сам руководить работой. Никто из вас не уйдёт из шахты, пока пожар не будет ликвидирован.

Снова наступила гнетущая тишина. Ещё минуту назад некоторые шахтёры думали, что инженер будет противиться, но оказалось, что он повиновался. Из толпы вышел один. Шима узнал в нём старика, с которым разговаривал недавно.

— Нам вовсе всё это не так безразлично, как вы думаете, сударь. Я на этой шахте сорок лет работаю... Сердце у меня горит вместе с этим углем. — Он повернулся к толпе. — Пойдём за песком и известкой, камарады!

В напряжённом молчании раздалось несколько сдержанных вздохов. Шима в смущении покусывал губы. Он понял свою ошибку: «Прежде чем спускаться в шахту, надо было найти честных шахтёров, есть же такие и здесь, только они боятся подать голос, ведь их тоже притесняли и запугивали, как и нас. К тому же они ещё растеряны».

Старый шахтёр поднял лампу.

— Кто пойдёт со мной, камарады? — повторил он и добавил, понизив голос. — На чёрта нам инженер! Ему наплевать, что погибает наш труд.

Люди не двигались. Шима затаил дыхание. Старый шахтёр медленно опустил руку с лампой. В этот момент из толпы, неуверенно кашлянув, выступил один шахтёр. За ним другой, третий...

Шима обвёл взглядом чёрные лица, на которых блестели только глаза. Царило молчание, в тишине шипели огоньки карбидных ламп. Многие шахтёры смущённо опустили глаза.

— Ну идите, больше уже никто не присоединится, — сказал Шима тем, кто вышел вперёд.

Снова зазвонил телефон и почти одновременно захлопотал подъёмник. Шахтёры переглянулись: это инженер! Ещё несколько человек поспешило вдогонку тем, кто отправился за известью. Шима снял трубку. Кто-то по-немецки учтиво предупредил, что с ним сейчас будут разговаривать. Потом раздался голос Гадрабы.

— Это ты, Шима? Инженер уже едет к тебе. А я останусь тут на вахте. Внизу тебе от меня всё равно не будет проку, а в конторе есть за чем присмотреть. Они тут хотели было пожечь какие-то бумаги. Но я уже навёл порядок.

— Ты замечательный парень, Гадраба!

— Э, что я, это винтовка творит такие чудеса. Представь себе, они уже и по-чешски со мной заговорили... Что? Он уже приехал? Ну, так будь здоров и давай о себе знать.

Шима повесил трубку и усмехнулся. Ведь вот какое дело! Этот парень показался ему трепачом, а оказывается, он молодчина. Вот как проявляют себя чехи в решительный момент! Нет, наших людей не выбьешь из седла! Волна нежности к Гадрабе вдруг охватила Шиму. Будь он здесь, Шима расцеловал бы его. Не высидел в своём «ресторане», пришёл на помощь. Пришёл с винтовкой через плечо. И так вовремя!..

Прогрохотала железная дверь, и из подъёмника вышел инженер. Он даже не переоделся, на нём был тот же костюм, в котором Шима видел его в кабинете. Гадраба, видимо, не признавал промедлений. Даже в полутьме было заметно, как бледен инженер. Он чуть ли не навзрыж стал перед Шимой.

— Этот пожар — вредительство, герр инженер, — сказал Шима. —

Ваши люди сами сказали мне, что вы запретили тушить его. Если горящий штрёк не будет немедленно замурован, вам придётся худо.

Инженер испуганно заморгал.

— Дайте сами распоряжение своим людям. Я пойду с вами. Как далеко распространился пожар?

В этот момент вернулся старик со своей группой.

— Горит третий участок, — сказал он и покосился на инженера. — Мы сами справимся. Всё равно он ничего не смыслит.

Только к вечеру смена вышла из шахты. Шахтёры пошатывались от усталости, но Шима улыбался. В конторе он и Гадраба уселись рядом. Гадраба держал винтовку между коленями, а Шима, весь чёрный, с лампой в руке, которую он даже забыл потушить, говорил, обняв его за плечи.

— Ты пришёл во-время, дружище. Честное слово, мне там пришлось крутенько!

Тот усмехнулся почти смущённо.

— Сказать по правде, у меня всё не выходило из головы, как ты меня отчитал. Я, мол, ни черта не делаю, отхватил себе тёплое местечко, а другие пусть работают на республику. Тут меня и заело... Не потому, что ты так сказал, а потому что... это была правда. — Лихим жестом Гадраба сдвинул кепку на ухо, потом встал и перебросил винтовку через плечо. — Пойду в обход. На них очень хорошо действует, когда они видят, что мы начеку. А ты полежи, отдохни. Устал ведь, как собака.

— Ты завтра вернёшься в свой «ресторан», Гадраба? — спросил Шима.

Гадраба посмотрел на него с удивлением.

— Зачем? Здесь столько дел!

Они улыбнулись друг другу. В соседней комнате часы пробили полночь. «Начался новый день», — подумал Шима, кладя голову на стол. Со двора доносились медленные шаги — Гадраба с винтовкой был начеку.

Перевод Т. Аксель.

Вечерние беседы в новом посёлке

За городом, на пологом склоне холма раскинулся новый шахтёрский посёлок. Там, где кончались его строения, темнел редкий лес.

Одноэтажные домики стояли посреди только что разбитых палисадников. И если яркочерные крыши радовали глаз, то палисадники пока наводили уныние. Даже травы в них ещё не было. Люди построили дома, но не успели обзавестись газонами. Одинокие молодые деревца, привязанные к колям, сиротливо дрожали в предвечерней свежести. Над будущими цветниками, обозначенными пока чертой или натянутым шнурком, склонились люди.

Выпрямившись и подойдя к тоненькому деревцу, один из шахтёров вдруг замахал руками, подзывая работавших по соседству. Те с любопытством приблизились к ограде.

— Что случилось? — сразу раздалось несколько голосов.

— Вы только посмотрите, друзья, растёт ведь! Вот уже и почка... значит принялось!

— Все примутся, — сказал, улыбнувшись, высокий шахтёр.

Больше для себя, чем для других, он добавил:

— Всё, что мы посадили, примется.

Тут же пришла ему в голову мысль: «Ведь принялась посеянная в

нас много лет назад нашими отцами вера в светлое будущее». И он воскликнул:

— Будут когда-нибудь и здесь прекрасные сады!

Тот, кто заметил первую почку, воткнул лопату в рыхлую землю. С непривычки ныла спина, но лишь сумерки, спустившиеся на землю, заставили его прекратить работу.

Откуда-то из открытого окна неслись звуки радио, женский голос звал детей ужинать. Созвать их не простое дело — ведь лес рядом. Со всем от рук отбились. Да и взрослые никак не войдут в привычную колею. Переселение — всё-таки большое событие в их жизни!

Сумерки сгущались, плотно окутывая землю. Один за другим покидали шахтёры свои палисадники, медленно счищали с сапог глину. Едва ли кто-нибудь из них мог сказать сейчас, когда только-только началось озеленение, что ему уже представляется пёстрый цветник и тенистые деревья, пышные кроны которых будут напоминать прожитые годы. Как отдалённый шум потока, долетали сюда разноголосые детские крики. А ведь когда думаешь о деревьях, невольно приходит мысль о детях: их, а не нас, будет укрывать тень густых ветвей...

Люди останавливались перед палисадниками. Заходить в дом никому не хотелось. Вскопанная земля источала весенние запахи. Да и вечерняя пора — лучшая пора для отдыха и дружеской беседы. Эту привычку к вечерней беседе шахтёры принесли с собой из старого посёлка и вовсе не собирались с нею расставаться. Для молодёжи, возможно, это не так уж важно, а для нашего брата, бывшего шахтёра, раскурить сигаретку в компании — большое удовольствие. А кое-кому всё равно не спать — у них ночная смена. Привычный распорядок строго соблюдается и в новой обстановке, и это хорошо! Трудно рабочему человеку сразу выключиться из давно сложившегося уклада жизни.

Внизу, у подножия холма, на котором раскинулся посёлок, прозвучал гудок троллейбуса. Здесь конечная остановка. Отсюда троллейбус повернёт обратно в город. Несколько молодых парней, выскочивших из разных домиков, устремились к остановке, натягивая на ходу пиджаки. Они бежали вниз по крутой, ещё не достроенной дороге, такой скользкой после дождя.

— Вот ведь всегда бегут в последнюю минуту. Нет того, чтобы дома посидеть! Всё бы им кино да кино! — ворчала вслед убежавшим парням какая-то женщина, смешно произнося слово «кино».

— Присоединяйтесь к нашей компании, если вас покинули, — заулыбались шахтёры, услышавшие женскую воркотню.

Женщина сложила руки под фартуком и кивнула головой в знак того, что приглашение принято:

— Только на одну минутку. Столько работы, столько работы, не знаешь за что раньше взяться! Всё так ново... непривычно...

Обернувшись к пожилому, невысокого роста шахтёру, который позже всех перебрался в новый посёлок, она спросила:

— Ну как, устроились?

— Понемногу устраиваюсь. Долго мы собирались. Жена всё не хотела. Я её понимаю. «Повсюду кафель, всё окрашено в белый цвет, ванна и другие удобства... Страх меня берёт, когда подумаешь об уборке», — говорила не раз жена. Но в конце концов я решил: «Раз, думаю, ты ударник»...

— ...так должен и белый кафель терпеть, — подхватил только что подошедший шахтёр. — Знаешь, что я тебе скажу: сегодня ей сюда переезжать не хотелось, а завтра — отсюда не захочется выехать. Не об-

рашай на это внимания. Ведь здесь, прежде всего, удобства и удобства, я бы сказал, господские...

— А разве мы не господа?

Все кругом закивали, поддакивая.

— Признаться, — начал один из шахтёров, медленно закуривая, — я тоже не очень хотел сюда переезжать, когда узнал, что посёлок строит молодёжь. Не скажу, что не верил в их работу! Нет! Но мне показалось странным: парни и девушки строят для тебя дом, а ты что? Понимаете, человек теперь всё время должен привыкать к новому.

Строительству нового шахтёрского посёлка действительно помогали молодёжные бригады. Ещё и сейчас стоит барак, в котором они жили. Этот остаток трудового лагеря служит теперь для шахтёрской молодёжи клубом. К ним иногда приезжают гости из города, и в украшенном флагами помещении долго не смолкают весёлые звуки танцевальной музыки. А шахтёры смотрят на веселящуюся молодёжь, слушают задорные песни, а когда совсем стемнеет, сами начинают подтягивать.

— Что-то Долейш перестал бывать в нашей компании! — сказал шахтёр, сидевший на выступе каменной ограды. — Сердится, видно, что не приняли его рационализаторского предложения.

Действительно, с этими предложениями надо было что-то делать. Инженеры из шахтоуправления просто-напросто кляли их под сукно.

— Мы должны на собрании об этом поговорить, — раздался в сумерках решительный голос. — Безалаберщина могла быть при хозяевах, а теперь ей пора положить конец.

— Да ты посмотри на здешние дороги. Вот где настоящее безобразие...

— Вчера у нас записывали на воскресник, а шахта, говорят, даст грузовики для подвозки шлака.

— Я обязательно запишусь, — спокойно встала женщина, подсевшая к шахтёрской компании. — Разве это не наше дело?! У нас тут должно быть всё как на картинке!

Всё больше и больше темнело небо над лесом. Всё ярче разгоралась первая вечерняя звезда. Люди молча глядели на неё.

— А у моего сына будут одни пятёрки, — задумчиво стряхивая с сигареты пепел, нарушил молчание кто-то из шахтёров. — Учитель всё его расхваливал сегодня: «Хорошая, — говорит, — у твоего парня голова».

Все промолчали. Да и что на это скажешь! Ведь давно известно, что родители любят похвалиться успехами своих детей. Как бы извиняясь за своё невольное бахвальство, шахтёр продолжал:

— Помнится, с какой любовью я учился, но пришлось бросить школу: не на что было купить учебников. А теперь...

— Теперь для них словно из-под земли выросла новая жизнь. Вот она! И молодёжь разглядывает её со всех сторон.

— Нельзя ещё, конечно, сказать, что живётся нам как в раю, забот у нас не мало. Но не в этом дело. Главное, что человек ясно видит будущее, — заметил один из собеседников и посмотрел на звезду, мерцавшую над темнеющим лесом. — Взять хотя бы вот эти дома. Разве это не шаг в будущее?

— Да, но человек так устроен, что ему всегда хочется большего. У нас всё ещё много людей живёт в плохих условиях.

— Сразу через всё не перепрыгнешь. В том-то и сложность, что надо уметь копить силы для нового большого прыжка.

Огоньки сигарет осветили на мгновение добрые внимательные глаза беседующих.

— Когда наши дети узнают, что кой-кому из нас не хотелось получить лучшее, они только посмеются над нами. Они, верно, будут так же весело смеяться, как смеялись когда-то мы над старым Витасеком. Помните наши первые отпуска?

В темноте раздался громкий и дружный смех.

— Расскажите, расскажите, — отозвались сразу звонкие детские голоса. Несколько мальчуганов, которых матери тщетно пытались созвать к ужину, примостились на отцовских коленях и внимательно прислушивались к беседе старших.

Вот небольшая история, которую рассказал тогда один из шахтёров.

Первый отпуск шахтёра Витасека

Теперь всё это стало обычным, но в первые дни после войны, когда мы впервые услышали о том, что для нас готовится, никто и не поверил сразу. Курорты, санатории, дома отдыха... Неужели всё это для нас? Великим делом для шахтёра был оплачиваемый длительный отпуск. Не удивительно поэтому, что перед доской, на которой вывешивался список отпускников, всегда была изрядная толчея. Некоторые никак не могли дожидаться появления в списке своей фамилии, а были и такие, которые не верили, что когда-нибудь она там появится. К числу последних как раз и принадлежал Витасек. А когда старик всё же обнаружил свою фамилию в списке отпускников, он просто одурел от радости.

Ходит по шахте и всем и каждому то и дело повторяет:

— Ну, ребята, и я туда попал. Сбегайте прочитайте. Так и написано: Витасек Ченек. Ей-богу, не вру. Сбегайте посмотрите!

Делать нечего: имя Витасека должны были прочитать все. Всё равно дед не оставит в покое. Он, конечно, имеет все основания радоваться. Спросите у него, когда он последний раз имел отпуск? Раньше, когда бывали кризисы, особой нужды в отпуске не было. Его и так хватало в течение рабочей недели. Отработаешь, бывало, три смены, получишь за них, а в остальные дни — что бог на душу положит. А во времена оккупации? О каком тогда отпуске могла идти речь... А вспомните первый послевоенный год, сколько тогда было работы — голова шла кругом да и только! Понятно, что, получив первый законный отпуск, человек поневоле немного поглупел.

— Послушай, дед, куда ты, собственно, поедешь? — спрашивали Витасека его друзья.

— Как куда? — удивлялся старик такому вопросу. — В отпуск, конечно!

— В отпуск-то в отпуск, но куда? В какой город? Или, может быть, на курорт собрался? — не отставали шахтёры.

«Чёрт побери, — спохватился Витасек, — ведь я даже и не подумал о том, что надо куда-то ехать. А оно, оказывается, одного отпуска мало. Нужно, видите ли, ещё и место для отдыха подыскать».

Витасек всерьёз заволновался. Он спрашивал жену, не знает ли она подходящего места, предлагал даже поехать вдвоём, но ничего путного из этого не получилось.

— Ах ты, дурень старый, — не выдержала жена. — Как же я могу поехать? Кто ж, по-твоему, за козами ходить станет?

«Верно, всё верно, — убеждал себя Витасек, — жена не может поехать, она никак не может разделить со мною мои отпускные заботы. Так всегда в жизни: нахлынут заботы — человек остаётся один, —

пришёл он к глубокомысленному выводу.— А, чёрт! Поехать разве на курорт? Но это глупо, ведь я совершенно здоров. А потом курорт — это ведь не так просто! Как я там буду жить? Захочется, скажем, табачку пожевать, а какой-нибудь франт возьмёт да и обидится. Люди-то ведь не всегда понимают, что хорошо...

В конце концов, Витасек решил, что отпуск он проведёт дома. «Ведь вкуснее домашней пищи нет,— рассуждал старик.— А кроме того, ещё не наступило время столоваться в трактире».

Примерно за неделю до отпуска Витасек начал со всеми прощаться.

— Послушай, дружище, ты эту неделю на ночную пойдёшь, так мы, выходит, с тобой уже не увидимся! Ну что ж, будь здоров! Ухожу в отпуск.

В душевой прощания Витасека вызывали дружный смех.

— Эй, Витасек,— кричал ему какой-нибудь шахтёр,— ты ещё со мной не попрощался! Иди-ка сюда, старина, попрощаемся!

О том, что шахтёр Витасек идёт в отпуск, знали не только подземные рабочие, но и все на поверхности, вплоть до конторских уборщиц. С каждой из них Витасек церемонно распрощался, пожелав всего хорошего. Заботы старого шахтёра росли с каждым днём. Итак, он уходит на столько-то дней, но возникает новая забота — сумеют ли закончить за это время проходку шестого номера. Если говорить по-честному, работы там всего на неделю, но он что-то мало доверяет проходчикам, растяпы они да и только. А вообще шестой номер — прескверный участок: вентиляции никакой и все условия для скопления газов.

— Эй вы, с шестого! Будьте осторожны, не то свалится вам всё на голову,— предупредительно наставлял Витасек проходчиков.— А главное, ты, Вашек, смотри в оба! Дурень ты у нас какой-то!.. Да, совсем было забыл, рельсы-то обязательно передвиньте...

Все эти наставления давно уже надоели десятнику, и он отозвал Витасека в сторону.

— Послушай, дружище,— строго заговорил он,— довольно дурака валять, отправляйся-ка ты домой!

— Ну ладно, иду, иду,— вздохнул Витасек и с такой грустью посмотрел вокруг, как будто навсегда прощался со своей шахтой.

Наступил первый день отпуска. В пять часов утра слезает старый Витасек с кровати.

— Ты что, решил людей пугать? — заворчала спросонок жена.— Почему ты не спишь? Разве тебе сегодня на работу идти?..

— Никуда я не иду, а просто так себе встаю. Не проспять же мне весь отпуск. В отпуску-то человек и должен вставать пораньше, чтобы времени на всё хватило!

Витасек надел новый костюм, почистился и вышел из дому. Настроение у него было праздничное, но в то же время ощущалось какое-то необычное чувство неловкости. «И что это со мною происходит,— думал старый шахтёр,— воротничок почему-то стал жать... Да всё, видно, потому, что сегодня — обычный рабочий день, а я вырядился в праздничный костюм и расхаживаю, как барин». Рассеянно здороваясь со встречными, не глядя по сторонам, Витасек идёт сам не зная куда, погружённый в свои мысли. Но когда старик, наконец, поднял голову и осмотрелся, он увидел, что стоит неподалёку от шахты.

Вот здесь-то на него и налетел инженер.

— Витасек, что вы тут делаете, чёрт побери! Не собираетесь ли вы здесь весь отпуск престоить?

— Добрый день, господин инженер... Сам не знаю, как получилось, что я здесь очутился... Хотя нет, пожалуй, знаю. Совсем забыл сказать

вам, что недавно ходил на шестой участок, помните тот, что мы в прошлом году замуровали, когда там загорелось... Так мне сдаётся, что теперь можно открыть его. Не забудьте об этом!

Инженер поддакнул ему. Витасек попрощался и пошёл дальше. «Как бы снова не свернуть к шахте, — думал он, — увидят друзья — засмеют».

А солнце даёт себя знать, новый костюм стесняет, и Витасеку ничего не остаётся делать, как присесть на межу. Отсюда шахта как на ладони. Над ней нависла шапка дыма. Он видит большие колёса подъёмной вышки. Они вращаются, и вагонетки, наполненные углем, поднимаются на-гора. Это его успокаивает, и он ложится на траву. Где-то здесь, под ним, штреки, забои, там трудятся его товарищи.

«Собственно говоря, хорошего мало, что я здесь обливаюсь потом, — думает Витасек. — И почему это людям так нравится поджариваться на солнце? Гораздо приятнее стать в шахте под вентилятор и освежиться! В лес пойти, что ли? Там холодок. Жаль только, что из лесу не такой прекрасный вид на шахту!»

Витасек поднялся и побрёл полевыми тропками. Тут сорвёт цветок, там спугнёт зайца, но радости во всём этом он так и не находит. Вдруг раздался гудок. Что это — конец смены? «Быть того не может, — изумился старый шахтёр. — Неужели на поверхности так быстро летит время?..» Витасек резко повернул назад. Он выбрал такую дорогу, чтобы обязательно повстречаться с товарищами, возвращающимися домой. Пускай, мол, видят, что он в отпуску! Стоя на обочине, Витасек окликает проходящих мимо друзей. В ответ ему несутся крепкие шахтёрские шуточки. В выражениях, разумеется, никто не стесняется. А он только щурит глаза и усмехается.

— Как дела, Витасек, небось, за девушками ухаживаешь?

— Смотри, чтоб старуха тебе рёбра не пересчитала!

— Договорись подалее от дома встречаться!

Товарищи проходят, и Витасек опять остаётся один. К ним примкнуть не годится — ведь он не со смены возвращается, а так себе, прогуливается — он же в отпуску. Не годится ему и спешить так, как спешат они, — свободного времени у него хоть отбавляй, и идти он должен неторопливо.

— Пустое занятие ходить в одиночку как неприкаянному, — ворчит Витасек и степенно направляется домой.

У Витасека была привычка прилечь на часок после смены. И сегодня его неудержимо клонило ко сну. Что поделаешь? Привычка — вторая натура. Но как можно отдыхать, если ты целый день ничего не делал. «И так будет весь отпуск», — подумал он с грустью.

К вечеру, для разнообразия, Витасек направился в лес, прихватив кошёлку для грибов. Но так как дома он воздержался от послеобеденного сна, то в лесу его одолела такая дремота, что не было никаких сил с ней бороться. «Грибы подождут, — подумал Витасек, — в конце концов я в отпуску и почему бы мне не поспать в лесу! И так все смеются, что я не знаю, как провести отпуск. Так вот я и расскажу, что ходил, мол, в лес после обеда. А сон на свежем воздухе, сами знаете, полезная штука для здоровья».

Скажите, друзья, вам когда-нибудь приходилось спать в лесу? Неужели вам понравилось это? Разве вы не чувствовали, как по вас ползают муравьи, как неприятно колется сухая трава и сосновые иглы? Всё это вы, вероятно, испытали. Но, ручаюсь, вам никогда не приходилось отдыхать в шахте. Вы просто не знаете, что это за удовольствие! А Ви-

тасек, скажем откровенно, хранил об этом самые приятные воспоминания.

Во времена оккупации он работал с одним русским военнопленным. Ну и крепкий же это был человек, даже голод не мог его сломить. Бывало, совпадёт у них ночная смена, они только подмигнут друг другу. А это означало, что нагрузят они не больше трёх вагонеток, а потом заберутся в укромное местечко. Когда-то в стенке штрека вырубили нишу, чтобы шахтёры пережидали там, пока пройдут гружённые углем вагонетки. Впоследствии крепильщики завалили нишу лесоматериалом и о ней совсем позабыли. Немец-распорядитель даже не знал о её существовании. Вот там-то во время ночной смены Витасек и его русский товарищ дружно храпели в течение двух-трёх часов. Проснувшись, они вместе принимались за ужин, который приносил с собой Витасек. Что и говорить — нет под землёй ни комаров, ни назойливых мух, тихо там, как в могиле. Одним словом, всё, что нужно человеку. Ну, если изредка заскребётся мышь, так мышь ведь не плохой зверёк. Витасек придерживается старинных обычаев и всегда кинет ей корочку хлеба. «Мышь, — говорили старые шахтёры, обучавшие некогда Витасека, — самый надёжный сигнал в нашем деле. Как услышишь писк бегущих мышей — знай: быть беде!»

Витасек широко раскрыл глаза. Даже во сне он ругал отдых в лесу, но спал он, кажется, всё-таки немало. Вечерний холодок прогнал сон. Никак уже около восьми, а он ещё не ужинал! Он полез в карман за часами. Потом в другой. Снова пошарил в первом. Часов нигде не было. Они исчезли. Старые никелированные часы, но как точно они шли! «Боже мой, как же это так! — не на шутку огорчился Витасек, и руки его повисли, как плети, — могу поклясться чем угодно, что спал вполглаза...»

— Чёрт бы его побрал — этот лесной воздух! — не выдержал разъярённый вконец Витасек. Он огляделся вокруг. — В лесу, значит, завелись воры! Так, так. На каждом шагу — бродяги. Хороши порядочки — ничего не скажешь! Такой лес — позор! Муравьи, мухи, отдыхать негде и вдобавок — воры! Нет, друзья, на шахте такого не бывает.

Витасек всю дорогу не скупился на проклятья. Старый шахтёр так поносил лес, будто именно он и был повинен в пропаже часов. Выйдя в поле и остановившись, Витасек посмотрел с ненавистью на темнеющую полоску леса и обернулся в сторону шахты.

Дымит труба, вращаются колёса на подъёмной вышке, белая пелена пара стелется над вентиляционной шахтой. «Довольно бездельничать!» — решает вдруг Витасек. Он резко поворачивается на каблуках и чуть ли не бежит к шахте. Кивнув на ходу привратнику, Витасек решительно идёт в шахтком.

— Ярош, дружище, можно ли мне вернуться обратно на работу? — спрашивает Витасек у председателя.

Председатель поднимает голову. Он раздражён. Уже в третий раз ему приходится пересчитывать пачки табаку, который сегодня надо раздать рабочим, и обязательно кто-нибудь да помешает.

— Ну что это за порядки! Получил, наконец, отпуск, так оставь меня в покое, — вспыхнул он.

Но Витасек тоже сам не свой от злости, и через минуту из шахткома несётся ругань.

— Не хочу, слышишь, не хочу я никакого отпуска!

— Ты обязан быть в отпуску и не приставай ко мне больше!

— А ты председатель и твоё дело позаботиться о рабочем человеке!

На счастье, в это время мимо шахткома проходил инженер. Председателю ничего не оставалось делать, как обратиться к нему. Когда председатель рассказал, о чём идёт спор, инженер покачал головой.

— Дело, конечно, не обычное, но мы ведь не можем заставлять людей использовать отпуск,— сказал он председателю.— В конце концов даже похвально, что Витасек отказывается от отпуска. Разумеется, он получит компенсацию.

Председатель вернулся в шахтком.

— Можешь завтра спускаться в забой. Инженер сказал, что ты настоящий герой труда!

Но Витасек был настолько рассержен, что так и не понял, хорошо или плохо отозвался о нём инженер.

— Сам ты герой,— огрызнулся Витасек.— Только у себя дома,— добавил он, и, победоносно улыбаясь, вышел из шахткома.

Утром, на другой день, Витасек снова появился на шахте...

Рассказчик умолк. Наступила пауза.

— А Витасек не зря как-то говорил, что человек должен привыкать к хорошему,— снова заговорил он.— На следующий год уже без всяких возражений старик поехал на курорт. Причём с такой охотой, будто всю жизнь туда ездил. И всё открытки нам слал чуть не каждый день...

Слушатели улыбались. Многие отлично знали героя этой истории, и счастливый конец её вызвал у них хорошее расположение духа.

У подножья холма зажглись огни. Неподалёку шумел лес. После долгих уговоров детвора, наконец, отправилась по домам. Поднялись и двое из собеседников. Они должны встретить товарища, знатного ударника с их шахты, который сегодня возвращается из Праги. Не простая это была поездка — сам президент принимал прославленного шахтёра.

Кто-то пел во мраке наступившей ночи. Издалека доносился сдержанный смех. Ночь жила своей жизнью.

— Знаете, человек всегда должен видеть разницу между тем, что было, и что есть,— медленно проговорил один из шахтёров и в раздумье сжал руки.— Жена у меня сегодня рассердилась,— продолжал он,— и знаете почему? Не могла, видите ли, ковёр достать. Вы только поймите, ковёр! И как расстроилась!

Шахтёр развёл руками — он никак не мог поверить, что теперь люди могли волноваться по такому поводу.

— А прежде всего молодёжь должна знать, как жилось раньше,— заметил кто-то из присутствующих.

Тут все заговорили сразу, будто прорвало плотину.

— Да, да, молодёжь не ценит того, что имеет...

— Разве они прошли такую суровую школу, как мы...

Голоса стали громче, мирная беседа превратилась в жаркий спор. Стали перечислять недостатки нынешней молодёжи. «Нет, мы такими не были», — подчёркивали многие.

Сильный голос остановил спорщиков.

— Нет, вы не совсем правы... Дайте мне сказать! Молодёжь действительно живёт сейчас совсем в иных условиях, чем жили мы. А разве это плохо? Когда понадобится, докажут трудом, на что они способны.

Все оживлённо жестикуют. Об этом можно было бы много говорить!

— Да посмотрите на эти дома,— взволнованно продолжал защитник молодёжи. — Вы что — забыли, кто их строил?!

Шум голосов заметно ослабел.

— Ну что ж, дома — это... конечно... — неуверенно соглашается кто-то.

— Спору нет, — перебивает его другой, — здесь они помогли. Этого отнять нельзя! Но в повседневной работе они всё-таки ленятся.

— А у нас молодые шахтёры показали себя с наилучшей стороны, — снова заговорил защитник молодёжи. — История эта, правда, давняя, но и сегодня она может кое-чему поучить людей. Вы мне верьте, каждый из вас, небось, помнит, что я тоже когда-то осуждал молодёжь!

На шум голосов подошла группа рабочих, возвращавшихся, видимо, с собрания.

— Что, о молодёжи всё спорите? — засмеялся пожилой шахтёр и пригладил поседевшие волосы. — А я бы непрочь снова стать молодым!

— Вот ты как раз и можешь подтвердить всю ту историю с соревнованием на нашей шахте, о которой я только что упомянул, — обратился к подошедшему шахтёру, тот, что первым вступился за молодёжь. — Вы никак не хотите понять, что наши дети многое понимают иначе, чем мы. Что там говорить, не всегда нам легко разобраться во всяких новшествах... Но тогда они нас здорово поддели.

— Чуть неприятности из-за этого не получилось, — снова улыбнулся седой шахтёр.

В окнах уже стали гаснуть огни, а горячий защитник молодёжи только начал свой рассказ.

Как старики возвали с молодыми

Началось всё ещё тогда, когда молодые рабочие, присланные на нашу шахту, явились к нам с песней. Пение, разумеется, не плохая штука, но это дело было для нас совсем непривычным.

— Ярош, что же это такое? — удивлённо спрашивали шахтёры, выглядывая из раздевалки. — Где же это видано, чтобы на шахту являлись, как на гулянку. Непохоже, что такие смогут работать... Перед тем как приступить к работе, человек должен быть собранным, серьёзным.

Старый Патка был настолько возмущён, что выскочил из раздевалки полуголым. Впоследствии, когда ребята, покатываясь со смеху, вспоминали его вид, его тонкие, как у цапли, ноги, он страшно сердился.

Не обращая внимания на Патку, двадцать молодых парней шагали стройной колонной по трое в ряд, заглушая своим пением рёв гудка, которым приветствовал их машинист. И это тоже не понравилось шахтёрам: в жизни никто из них не слышал, чтобы на шахте ни с того ни с сего раздался гудок! Что за особые гости? Ладно, мы ещё посмотрим, как у них пойдёт дело под землёй, там они, небось, по-другому запоют!

Колонна остановилась возле конторы. Один из парней — он с самого начала был у них за старшего, вы его хорошо знаете, это — Славек Павелец, — вошёл в помещение, чтобы сообщить о прибытии молодёжной бригады. Конечно, никто из прибывших и не подозревал, что их появление на шахте, к чему, надо сказать, они усиленно готовились, будет так кисло встречено. Возможно, они надеялись, что с их приходом на шахте начнётся новая эпоха, но в жизни нередко бывает так, что люди никак не могут договориться между собой из-за каких-то мелочей. Лежит на пути к взаимопониманию какая-нибудь щепка, но никто даже не пошевелится, чтобы убрать её с дороги. Так и у нас тогда получилось. Председатель шахтного комитета Ногач видел, как маршируют парни. Он с нетерпением ждал их прихода и готов был пуститься в пляс, заслышав весёлую песню. Порою ему тоже казалось, что не годится петь на шахте, но при виде марширующей колонны он сам невольно выпрямился.

— Чёрт побери, — воскликнул председатель, — вот это ребята! А как отбивают шаг! Молодые шахтёры! Красота!

Ногач собрался выйти из конторы, чтобы приветствовать молодых рабочих, которых он давно и с нетерпением ждал. Шахта наша тогда буквально задыхалась от недостатка людей, и мы здорово сели с добычей. Поэтому Ногач, как хороший руководитель, был крайне озабочен тем, чтобы увеличить число рабочих. А двадцать молодых шахтёров были для нас словно свежая кровь для организма!

Ногач собрался было выйти из конторы, чтобы приветствовать молодых рабочих, и уже направился к двери, как на пороге появился Павел. Они остались в конторе. Возможно, это также была ошибка, хотя и не очень важная, но всё же имевшая свои последствия. На парней, которые остались стоять возле конторы, никто не обращал никакого внимания.

Плохая встреча, оказанная молодым рабочим, имела и другую причину. Старики вспомнили, как много лет назад они впервые шли на шахту. И, конечно, без всяких песен. Кое-кого отец был вынужден держать за руку и поглядывать, чтобы парнишка не сбежал дорогой. Было что вспомнить и председателю Ногачу. Сейчас он пожимает руку молодому шахтёру, а ведь его, Ногача, когда-то встретили подзатыльником. Как выяснилось впоследствии, это была всего-навсего «шутка», но уже и она красноречиво говорила о том, что ждёт новичка. А теперь перед ним стоит паренёк в форменной одежде шахтёра, и они здороваются за руку... Чувство радости, охватившее Ногача, невольно смешивалось с жалостью к самому себе, но он не подавал вида и делал строгое лицо.

Тем временем молодые рабочие, оставшиеся стоять у порога конторы, разглядывали двор, закуривали, шутили. Парни понимали, как нужны они здесь, и, несмотря на новизну обстановки, не скрывали этого. Они, разумеется, надеялись на тёплый приём, но пока веяло только холодком. Ну что ж, молодёжь не так-то легко поддаётся унынию! Они вызывающе бросали недокуренные сигареты — знай, мол, наших! — и громко критиковали беспорядок, который царил вокруг. Они, конечно, были правы — наш двор тогда представлял мало отрадную картину, на его уборку у нас всё как-то не хватало времени. В довершение всего несколько парней уселись на перекладины деревянного заборчика, который окружал палисадник, принадлежавший обер-штейгеру. Надо сказать, что обер-штейгер весьма гордился своим «садом», хотя в нём, кроме одного деревца да нескольких кустиков, ничего больше не росло. Забор, конечно, не выдержал тяжести молодых шахтёров и затрещал. С весёлым смехом парни отскочили от забора, но тут из своей конторки выбежал разъярённый обер-штейгер.

— Разве вы шахтёры! — кричал он на весь двор. — Вам хвосты коровам вязать, а не уголь добывать! Вы меня ещё узнаете!

Гнев обер-штейгера вызвал у молодых шахтёров только смех. Ну стоило ли так кипятиться из-за каких-то поломанных палок! Слово за слово — и парни стали довольно неучтиво отвечать обер-штейгеру.

— Можете кричать на тех, кто вас боится! — крикнул кто-то из них, а через секунду тот же голос добавил, обращаясь к прибывшим: — Ребята, мы вовсе не обязаны здесь оставаться! Нас и в другом месте возьмут!

Ногач слышал шум, происходивший во дворе, но решил не вмешиваться в перепалку между обер-штейгером и молодыми рабочими, охотно прощая последним их дерзость. Однако последняя фраза, отчётливо долетевшая до его слуха, не на шутку оскорбила председателя шахтного комитета.

— Объясните вашим ребятам, что они не смеют так говорить! — обратился он к Славеку. — Наша шахта достаточно прославилась, и они должны радоваться, что будут здесь работать!

— Да нет, они так плохо и не думают! Это не всерьёз сказано! — улыбнулся Славек. — Дайте нам поскорее работу, и всё станет на своё место. — А про себя подумал, что не так уж велика эта слава, и перевёл разговор на другую тему. — Мы бы хотели работать все вместе, бригадой, но если это невозможно — разделяйте нас, возражать не станем...

— «Разделяйте», «возражать не станем»! Чего доброго, вы тут скоро приказывать начнёте! — влетая в кабинет Ногача, закричал обер-штейгер. — И разделим, и не спросим! («Ах этот забор! Разве они понимают, какую радость доставляют собственные цветы на сером фоне шахтного двора!»).

Славек пожал плечами и вышел. От волнения его щёки покрылись румянцем. Ногач шагнул было вслед за Славеком, хотел ему что-то сказать, чтобы удержать его, но было уже поздно. А возможно, он и не хотел этого. Не хотел вызывать лишнего недовольства со стороны обер-штейгера, который мог заподозрить председателя в том, что тот чересчур уж рьяно поддерживает молодёжь. А парни тем временем продолжали стоять на дворе, дожидаясь, пока их запишут. Они держались вместе, им казалось, что их, как островок, окружает море неприязни.

— Ишь, в кучку собрались, словно пчелиный рой. Того и гляди ужалят! — ворчали старые шахтёры.

Наконец вновь прибывших распределили по бригадам, указали им места в раздевалке. Завтра надо было спускаться в шахту. Некоторых уже сегодня назначали во вторую смену. Обер-штейгер сдержал слово: молодых шахтёров старательно распределили по бригадам и сменам. После обеда они шли молча, без песен. И это было истолковано по-своему.

— Полюбуйтесь, — заметил кто-то из старых шахтёров, — никак обиделись, что мы не построили для них триумфальной арки и не встретили с музыкой! Даже песен не поют!

А когда молодые шахтёры направились к клетки, один из стариков съязвил им вдогонку:

— Ну что, выдохлись, голубчики? Видно и вправду работать труднее, чем песни распевать...

— А ты думаешь, я впервые спускаюсь под землю, — обернулся, входя в клетку, паренёк и солидно сплюнул.

Обидчик от удивления заморгал глазами и, поправляя фуражку, скорее в замешательстве, чем со злости, пробурчал:

— Что-то не помню, чтобы мы были знакомы и тыкали друг другу...

— А я думал, что ты партийный, — отрезал молодой рабочий и тут же крикнул: — Давайте споём, друзья!

И пока клетка стремительно опускалась под землю, они пели песни. Пели они и на поверхности и внизу в шахте.

Вот это уже старикам назло. Под землёй петь не годится!

Старый Патка, возненавидевший молодых шахтёров с того самого момента, когда он предстал перед ними в чём мать родила, говорил потом у себя в лаве:

— А я вам так скажу: их здорово испортили во всяких там школах да интернатах. В наше время никто не учился шахтёрскому делу, а разве мы плохо рубаем уголёк? А с ними носятся, как с писаной торбой! Вот и не удивительно, что такой оболтус думает о себе слишком много... Эй, поживее там! — неожиданно закончил Патка, желая показать моло-

дому шахтёру, попавшему к нему в бригаду, что он человек строгий и любит порядок.

Это была явная несправедливость, ибо не прошло и минуты, как Патка послал молодого рабочего за бревном для крепления. Но старый шахтёр рассуждал иначе: «Что, мол, сто́ит молодому человеку пробежаться».

Молодой рабочий быстро вернулся. Он легко сбросил бревно и, кивнув в ту сторону, откуда только что пришёл, заметил:

— Почему так далеко свален лес? Гораздо лучше было бы подвезти его сюда в вагонетках.

— Ты что, учить меня собрался? — озлился Патка. — Лес всегда там лежал, здесь он только мешать будет.

— А вы подсчитайте, сколько лишних шагов надо сделать!

Шахтёры рассмеялись:

— Вот так лентяй, ему лишний шаг ступить трудно!

— Небось, подсчитал, сколько сегодня шагов отмерил?

— Вот это господи, так господи! Далеко с ними не уедешь! Тсгэ и гляди после смены побежит за прибавкой: «Так, мол, и так: десять лишних шагов пришлось сделать»...

Вокруг стоял весёлый смех. Патка тоже смеялся, но к его смеху пришивалась безотчётная злость. «Вы только посмотрите, что за птица! Подмётки шахтёрской не стоит, а туда же, учить берётся нашего брата! Шаги считает!»

Когда вся эта история дошла до главного инженера, тот покачал головой.

— Ничего не вижу смешного! — сказал он. — Парень совершенно прав!

А Ногач понял, что теперь у него прибавится забот. Если бы старики и молодёжь просто поссорились, это куда бы ни шло! Но тут дело было значительно серьёзнее: молодёжь начала учить старых шахтёров. «Из этого может получиться крупная неприятность», — думал председатель шахткома.

Он вспомнил, что совсем недавно на одном из собраний руководитель областного партийного комитета как раз и говорил на эту тему: молодёжь, мол, принесёт с собою улучшение всего производства. Тогда, слушая выступление партийного руководителя, Ногач, разумеется, горячо одобрял его. Но теперь, когда ему пришлось на деле столкнуться с этой проблемой, он понял, что решить её не так просто.

А вскоре произошёл новый, ещё более досадный казус.

Славек Павелец попал в бригаду Зимы. Это были отлично спевшиеся бездельники. Работали они вразалочку, скорее делали вид, что работают. Первые дни Славек молчал, но потом решил, что играть в молчанку глупо, и отправился к десятнику.

— Не хочу я работать в этой бригаде. Переведите меня в другую, — заявил он.

— Это что ещё за разговоры! У нас тут не голубятня, нечего каждую неделю бегать из бригады в бригаду. Что у вас там случилось?

— Ничего. Но у них я всё равно не останусь. С ними заснуть можно.

Десятник посмеялся, но доложил обо всём в конторе.

— Всех этих мальчишек повыгоняю! — застучал кулаком по столу обер-штейгер. — Кривляются, словно обезьяны, дерзят! «С ними заснуть можно!» А почему, спрашивается?!

Десятник почесал подбородок.

— Ну это, положим, ясно, почему. Всем хорошо известно, как работает бригада Зимы. Просто позор! А тебе, между нами скажу, будь я на

твоём месте — перебросил бы парня в другую бригаду. У Зимы он только лодырничать научится!

Зашёл на эту тему разговор и на собрании.

— О трудовой дисциплине говорилось не мало, — начал своё выступление председатель шахткома, — но я ещё раз возвращаюсь к этому вопросу, так как мы не можем допустить, чтобы дисциплина кем-то расшатывалась. Совершенно необходимо, — продолжал оратор, — вернуться к тому, что с самого начала предлагали наши новички, а именно: создать молодёжные бригады. Как видно, у них неплохие головы!

Так возникли бригады молодёжи, и Ногач всех уверял, что теперь на шахте будет порядок. Только он, хитрец, не сказал, что в кармане у него лежит газета, в которой описана одна такая ударная бригада молодёжи, далеко опередившая «старичков». Так было на каком-то заводе. «А почему бы этому не быть и у нас, — подумал Ногач, — не плохо, если бы и мы попали в газету». И Ногач решил всемерно поддержать молодёжь.

Но самостоятельная работа — не пустяк, и первое время на молодых шахтёров то и дело сыпались жалобы. То они поспешат и не уложат рельсы для следующей смены, то пробурят неглубокие шпурь, и в результате — низкая добыча. Старые шахтёры, конечно, подмигивали друг другу: «Это вам, голубчики, не шаги считать, тут нужна шахтёрская сноровка». В особенности торжествовал старый Патка.

— Меня тут один молодец всё учить хотел, — говорил он, ухмыляясь. А того не сказал хитрый Патка, что лес теперь у него сложен гораздо ближе и что сам инженер предложил ему это сделать.

Молодые шахтёры и сами понимали, что опыта у них маловато. Они часто советовались между собой, всё думали, как им догнать стариков. Но разве сможешь делу одними совещаниями? Ногач всё чаще и чаще приходил к выводу, что возможность попасть в газету становится почти нереальной. Но вскоре утешился: может быть, это и к лучшему, во всяком случае спокойнее! Подумайте, спокойствие в наши дни! И кому оно только нужно!

Но вот однажды утром в нарядной появился большой плакат: «Вызов на соревнование»... Внизу стояли подписи членов молодёжных бригад. Шахтёры останавливались перед ним, не зная, что и сказать. Вызов! Как понять? Всё это напоминало поведение ребёнка, который дёргает вас за платье. Но стоит ли серьёзным людям обращать внимание на такие вещи? Не лучше ли просто пройти, сделав вид, что тебя это не касается.

Но разве можно было так поступить, если на следующий день появилось новое обращение: «На нашей шахте до сих пор не нашлось бригады, которая взяла бы на себя обязательство перекрыть выработку молодёжи». А ещё через день сообщалось: «В общей добыче шахты с каждым днём увеличивается доля молодёжи. Вчера молодёжные бригады выполнили план на 128⁰/₀». Это было слишком! Шахтёры уже привыкли, что молодёжь ежедневно пытается их поддеть, но тут пахло оскорблением. Старый Патка, раздобыв у десятника карандаш, написал на обращении: «Не задавайтесь, умники!» Все засмеялись и сказали, что Патка поступил правильно.

Под припиской Патки на другой день появилась уничтожающая строка: «На грубость мы не отвечаем. Мы ответим только тем, кто вызовет нас на соревнование!»

Патка, кажется, надеялся, что его друзья поймут, как ему унижительно продолжать эту переписку, но тем словно вожжа под хвост попала. Только и знали, что бегали за Паткой:

— Ну как, Фердо, что ты им ответишь?

— Я шахтёр, а не писарь! — озлился Патка. — Ничего я отвечать не буду.

— Да, но это будет означать, что они поиздевались над тобой, а ты смолчал.

— Не рассердить щенку старого пса, — гордо ответил Патка.

Но на самом деле история эта задела его за живое. Он стал усиленно совещаться со своими друзьями. И вдруг на обращении появился вызов — кого бы вы думали? — бригады Зимы! Так и было написано: «Мы готовы потягаться с бригадой Павелеца!»

Почему бригада Зимы остановилась именно на бригаде Павелеца, было понятно. С тех пор как молодой шахтёр ушёл от Зимы, разоблачив его бригаду перед всей шахтой, зимовцы затаили на него злобу. Он у них просто в печёнках сидел. Но почему Зима решился принять вызов — было неясно и явилось для всех полной неожиданностью. Тем более, что никто не мог надеяться на его победу в соревновании. Ногач долго и сокрушённо качал головой. Другие тоже разделяли сомнения председателя. Все с нескрываемым любопытством глядели на Зиму, который мрачно стоял в углу нарядной со своими людьми и курил сигареты — одну за другой. Люди боялись высказываться, тогда ещё как-то не принято было критиковать вслух друг друга. Но кто-то всё же не выдержал:

— Чёрт тебя побери, Зима, уж больно ты самоуверенный!

— Со щенками — всегда, — вызывающе ответил Зима и небрежно сплюнул.

Самоуверенность Зимы имела свои основания: он в самом деле мог действовать наверняка. Патка договорился с ночной сменой, и у Зимы в забое осталось такое количество нарубленного угля, что только успевай грузить. Шустрый Патка позаботился и о другом: в забое, где должна была работать бригада Павелеца, всё было подготовлено из рук вон плохо.

Когда кончилась смена, Зима уверенно вышел из клетки и тут же осведомился, сколько тонн выдала на-гора его бригада.

— Здорово мы утёрли нос молокососам! — сказал он, отдуваясь.

А бригада Павелеца появилась из шахты сама не своя. Работали, как лошади, а угля дали мало. Одним словом, сегодня неудача! Но только ли неудача? Давно не видели молодые шахтёры такого беспорядка, какой они застали сегодня в забое. Кое-кто из старых шахтёров советовал пожаловаться начальству, но Павелец и слушать об этом не хотел.

— Раз соревнование — какие могут быть жалобы! Ещё назовут нас неженками, — сказал он и спокойно подошёл к Зиме: — Сегодня твоя взяла, а завтра посмотрим!

— И смотреть нечего! Я завтра не соревнуюсь. Побил разок и хватит.

— Соревнование продолжается всю неделю, — твёрдо заявил Славек.

Все бросились к обращению, которое висело на стене. То, что утверждал Славек Павелец, было правдой. За бесчисленными надписями и приписками, испещрившими обращение, никто даже и не заметил этого условия. А оно было: «Соревнование продолжается неделю». Нахмурившись, Зима отвернулся и подошёл к членам своей бригады:

— Сегодня соревновалась моя бригада, завтра пусть кто-нибудь другой соревнуется, — бросил он на ходу.

— Как — кто-нибудь другой? — возмутилась молодёжь. — Вызвался ты со своей бригадой, так и продолжай!

— Вам хорошо говорить, — бурчал Зима. Он прекрасно знал, что завтра они не дадут и половины того, что дали сегодня.

Молодые шахтёры столпились на другом конце раздевалки. Они всё больше понимали, что попали в ловушку, которую подстроил им Патка и его друзья.

— Если бы у нас в забое ночью работали наши ребята, всё было бы совсем иначе,— уверял кто-то из молодых.— Как бы там ни было, а придётся своих попросить, чтобы они присмотрели за «стариками». Только подумать, сколько времени мы потеряли на подготовительные работы.

— Что говорить? «Старики» их в забой не пустят,— отозвался другой паренёк.— Нам остаётся только поднажать. Вы не бойтесь, Зима всё равно скоро выдохнется!

У старых шахтёров главное слово имел, конечно, Патка:

— Раз Зима начал, он должен и продолжать,— убеждал собравшихся Патка.— Что могут подумать эти сорванцы!— И, повернувшись к Зиме, наставительно сказал:— А ты не дрейфь, мы тебе поможем. Не такая мудрёная штука! Короче говоря, всё это дело я беру на себя.

Зима молчал. Не очень-то ему хотелось работать, как вол, целую неделю!

— Повторяю, всё это дело я беру на себя. Всё устрою ещё лучше, чем вчера. Форы на этот раз у тебя, правда, не будет, но и у мальчишек дело не скоро двинется с места. Поговорю с людьми у конвейера, попрошу откатчиков не давать порожняка... Провались я на этом месте, если опять твоя не возьмёт!..

Вот это была история, доложу я вам! Соревнование? Какое там! Настоящая война. Конвейер останавливался каждую минуту. Долгое время бригаде Павелца не давали порожняка. Столько было всяких неполадок, что весь участок, где работала молодёжь, казался заколдованным! Ну, а бригада Зимы, разумеется, работала вовсю! Когда после окончания смены подсчитали, картина оказалась довольно странной. Несмотря на хорошие показатели, которые дала бригада Зимы, общая добыча всего участка ничего не стоила. Наверху недоумевали. А Патка, конечно, расхаживал, высоко подняв голову.

— Ну и насолили мы им! Куда молокососам до нас!

Целую неделю должно было продолжаться соревнование. Но на третий день всё выяснилось. Первым пронюхал о мощенничестве десятник. А вскоре спустились в шахту главный инженер и Ногач. То, что они увидели, могло, конечно, вызвать смех, но одновременно и негодование: откатчики стояли без дела, порожняка было достаточно, но его почему-то не подавали в забой, где работала молодёжная бригада Павелца.

— Патка нам велел, чтобы мы почаще отдыхали,— стали оправдываться откатчики.

Угля на подаче — ни кусочка, а кругом одни улыбки.

— Ругаются, понимаете, ребята! С ними дела иметь нельзя.

Но тут инженер такого дал жару Ногачу, что у того голова кругом пошла. Ногач понял, что здесь есть и его вина.

Началось соревнование, так надо им руководить, а не полагаться на других. Не передоверять такое важное дело людям, которые к тому же, как видно, головы не имеют на плечах.

После смены Зиму и Павелца вызвали в контору. Оба они терялись в догадках. Должно быть, что-то важное, если так срочно требуют. Зима чувствовал, что над ним собираются тучи, и сосредоточенно шагал, никуда не глядя. А Славек всё раздумывал, нужно ли говорить, что ему мешали работать, или лучше промолчать. Зиму вызвали первым. С ним разговаривали наедине, и всё это чем-то напоминало судебное разбирательство.

Зима быстро вышел. Он во всём сознался, и Ногач немедленно послал за старым Паткой. Славек видел в окно, как тот нёсся по двору, словно спешил на свадьбу, и в душе завидовал ему. Хорошо Патке, он ведь не имеет отношения к соревнованию. Наше положение куда хуже!

Но в конторе Патка быстро утратил весь свой апломб. Славеку пришлось прижать ухо к двери, чтобы что-нибудь услышать. Ногач говорил коротко, отрывисто. Патка отвечал медленно и неуверенно:

— Послушай, председатель, я ведь тут совершенно ни при чём. Во всём виноваты ребята, это они захотели соревноваться, а я только так...

— А ты только вредил делу...

(Славек затаил дыхание: «Значит, всё уже известно. Неужели это подстроил Патка?»)

— Вредил делу? — удивился Патка. — Это неправда. Может, я им чуть помешал — такое, конечно, могло случиться...

(«Так это он! А делал вид, будто он тут ни при чём!»)

— Чуть помешал, — невесело улыбнулся инженер. — Хорошо чуть...

Обер-штейгер, как всегда, стучал кулаком по столу.

— Вы подговорили людей у конвейера остановить машину? — кричал он на весь кабинет.

«Боже ты мой, — испугался не на шутку Патка, — он со мной на «вы», как в официальном месте».

— Я только хотел сказать... — залепетал Патка.

— Вы задержали в штреке на полчаса крепильщиков?

— Я...

— Вы мешали добыче угля?

Патка молчал. Ему казалось, что земля уходит из-под ног. «Зачем он всё это спрашивает?» Ведь Патка и не предполагал...

— Вы хотите знать, как всё это называется?

В кабинете наступила тишина. Насторожившийся за дверью Славек затаил дыхание.

— Это называется, — вмешался в разговор Ногач, — саботаж.

Патка взмахнул рукой, как бы ища опоры.

— Саботаж! — повторил он в отчаянье. — А говорили — соревнование...

Руки его повисли, как плети, голова склонилась на грудь.

— Доигрался, нечего сказать, — пробурчал Ногач и открыл дверь, чтобы позвать Славка.

Как только Славек Павелец увидел подавленного Патку, ему сразу стало ясно, что и как говорить.

— Расскажи нам, что мешало твоей бригаде во время работы?

Славек ещё раз взглянул на Патку. Он заметил, как в глазах у старика что-то блеснуло. Славек отвернулся.

— Да были кое-какие неполадки...

— По чьей вине?

— Этого я не знаю... Может быть, и по нашей. Мы очень торопились. А вообще я вам скажу, соревнование было плохо подготовлено. — Тут Славек разразился пространной тирадой. — Но мы уже с Паткой договорились, — продолжал он, — как поправить дело. В воскресенье мы спустимся в шахту и наверстаем потерянное.

Патка порывисто поднял голову. Кто подаёт ему руку помощи? Кто пытается поддержать его в момент падения?

— Ты говоришь так, словно не старики, а вы сорвали добычу.

— Кто знает, если бы смогли, может быть и не сорвали, — глядя в глаза руководителям, сказал Славек.

Ногач, обер-штейгер и инженер удивились искренности, с какой говорил Славек. Ногач растерянно почёсывал затылок. «Парень думает, что я не вижу его насквозь. Явно врёт, но молодец! Да, проучили стариков!»

— Обязательно отработаем в воскресенье,— забормотал Патка.

Ногач махнул рукой: Патке, мол, лучше помолчать!

Когда шахтёры ушли, обер-штейгер громко рассмеялся, но ничего не сказал. Однако Ногач прекрасно понял причину этого смеха: молодёжь победила и его.

— Старики явно спутали соревнование с футболом, — недовольно заметил инженер.

— Мало того — с грубой игрой на штрафной площадке, — добавил Ногач. Он открыл окно, и волна свежего воздуха ворвалась в комнату.

Павелец и Патка молча шли рядом по двору шахты. Но прежде чем войти в душевую, Патка остановил Славка.

— Ты хорошо говорил... Конечно, немножко приврал, но выглядело всё очень правдоподобно. Мы хотя и не сговаривались, но в воскресенье я обязательно выйду на работу. И с бригадой договорюсь...

А когда они входили в помещение, Патка сокрушённо добавил:

— И надо же было так сглупить, до сих пор понять не могу, как это получилось, — и, не дожидаясь ответа, он дружески пропустил Славка вперёд.

Шахтёры окружили Патку и Славка. Всех разбирало любопытство.

— Ну, как соревнование? — спросил кто-то, видя, что вошедшие молчат. Патка махнул рукой.

— Соревнование окончилось плохо! — И, чтобы все хорошо его услышали, он неожиданно взобрался на скамью и оттуда заговорил: — Соревнование ради соревнования ничего не стоит. Главное — это добыча угля. А мы старались только победить. Поймите, что этого мало! И знайте — молодёжь поступала правильно, а вот я сплоховал...

От волнения Патка не мог говорить. Немного успокоившись, он добавил:

— Я прошу свою бригаду, бригаду Зимы и всех остальных выйти в воскресенье на работу. Товарищи, мы должны возместить причинённый нами убыток!

Кругом стояла напряжённая тишина. Шахтёры в жизни не видели Патку таким, каким он был сегодня. Зима скрылся в толпе. Такой оборот дела его не устраивал. Но все остальные согласились на предложение Патки.

Рядом с Паткой стал Славек.

— Молодёжь тоже выходит в воскресенье на работу, — начал он звонким голосом. — В том, что произошло, виноваты и мы, товарищи! Ведь соревнование — это не соперничество, а помощь друг другу!

Молодые шахтёры горячо поддержали своего бригадира.

— А потому, — продолжал Славек, — я вызываю вас на новое соревнование, длительное! Молодёжные бригады берут на себя обязательство давать в среднем сто пять процентов плана!

— Прибавь! — крикнул кто-то.

— Да, да, прибавь, прибавь! — понеслись со всех сторон молодые голоса.

— Хорошо, давайте для начала сто десять! А потом ещё увеличим.

Молодёжь бурно аплодировала, а старики молча слушали весь этот шум. Но вскоре руку поднял Патка:

— А я обязуюсь выполнить план на сто пятнадцать процентов, и тоже только для начала!

Кто-то удовлетворённо засмеялся. Патку стащили с лавки и в знак одобрения начали хлопать его по спине.

За исключением бригады Зимы в воскресенье все явились на работу. Эта воскресная смена стала как бы чудесным мостом, соединившим в нашей шахте старых и молодых. С тех пор у нас перестали говорить: старый — молодой! Людей ценили по их труду. И не думайте, что молодёжь всегда шла впереди. У пожилых рабочих были свои секреты, и они не раз оставляли молодёжь с носом!

В конечном счёте вся эта история принесла большую пользу: наша шахта стала одной из первых во всём бассейне.

Весенняя ночь вступила в свои права. Только когда рассказчик умолк, слушатели вспомнили, что уже поздно, почувствовали, что свежо. Где-то хлопнуло окно. Поднялся ветер.

Шахтёры вставали со своих мест. Пора и домой. А тем, кому на ночную смену, надо спешить. Наскоро попрощавшись, они разошлись по домам.

Порыв ветра пронёсся над домами, зашумели верхушки деревьев, замигали уличные фонари. Кругом опустело.

Последним ушёл шахтёр, рассказывавший о соревновании. Ему пришлось зажмуриться, когда он открыл парадную дверь: в коридоре ярко горела электрическая лампочка. Кто-то шёл ему навстречу, он открыл глаза и узнал своего соседа Славка Павелеца.

— Ты ещё не спишь? — остановился шахтёр. — Жаль, что не вышел на улицу. А я как раз о тебе рассказывал. Вернее, о том соревновании.

— Даже не верится, что такое когда-то могло быть! — улыбнулся Славек.

«А мне тоже не верится, что ты тот самый паренёк, который начинал у нас соревнование!» — подумал шахтёр и пожелал соседу доброй ночи.

Славек прикрыл дверь в переднюю. «Говорили о том соревновании! Сегодня о нём смешно вспоминать. Одни сплошные ошибки. Но тогда не могло быть иначе. И всё же это было неплохое время...»

Славек подошёл к своей комнате. За стеклянной дверью было темно. Анча уже спала. «Пусть спит... Говорят, женщине в таком положении полезно спать, — улыбнулся Славек, и теплота наполнила его сердце. — Вот и новые заботы появились!.. Соревнование было безусловно хорошим начинанием. А строительство этого посёлка — ещё прекраснее. Вот о чём надо говорить. И если бы о нём сложили песню, удивительного в этом было бы мало. Хотя бы потому, что здесь он познакомился с Анчей. Но при чём тут личные переживания, — покачал головой Славек. — Если бы не было этой встречи, всё равно стройка осталась бы великим делом!»

Когда он входил в кухню, рука его скользнула по гладкой раме двери. «Может быть именно эту дверь снимала с подводы Анча? А я в это время возил кирпич, но не забывал думать о встрече с Анчей. И всё-таки надо было быть среди первых. Ну что ж, триста двадцать пять процентов нормы — это было не так уж плохо!» — и Славек тихо засмеялся. Он вспомнил, как было трудно, когда ударили сильные морозы, как болели на студёном ветру обмерзавшие руки, а стройка продолжалась и никто не хотел сдаваться... И кто бы мог тогда сказать, что здесь будет так хорошо, чисто, на окнах занавески... Ведь кругом валялось столько строительного мусора, на всём лежал слой пыли и ветер врвался в ещё не застеклённые окна.

Славек открыл окно. Весенний ветер освежил его лицо. Он глубоко вздохнул. «Жизнь мчится быстрее ветра, она могущественнее ночи. С нею ничто не сравнится. И наш ребёнок вступит в эту жизнь, — думал Славек. — Человеку совершенно необходимо, хотя бы изредка, проникаться сознанием величия нашей жизни».

Под окном кто-то свистнул. Славек высунулся и узнал товарища.

— Приехал? — спросил он отрывисто.

— Зря на вокзал ездили. Его привезли на машине.

— Могли бы сообразить, что от президента он только так и мог вернуться.

Товарищ ушёл, и всё стихло.

Славек закрыл окно и осторожно вошёл в спальню.

Вдали переливались огни города. В разрывах облаков снова появилась звезда.

Перевод Б. Шуплецова



ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

В. ДОЛИНОВ

★

ДВА ГОДА В ЭФИОПИИ

(Из дневника врача)

3 АПРЕЛЯ 1949 ГОДА.

Если бы ещё месяц назад мне сказали, что я вскоре окажусь на африканской земле, под чужим солнцем, я бы улыбнулся, сочтя это шуткой, и ответил бы словами песни: «Не нужно мне солнце чужое, и Африка мне не нужна». Но оказалось, что людям Африки понадобилась помощь советской медицины, и вот мы — я и моя жена, скромные советские врачи, — получаем предложение Исполнительного комитета Советского Красного Креста отправиться на два года в Эфиопию для работы в советском госпитале.

Представлять отечественную медицину за рубежом в далёкой чужой стороне — почётное и ответственное поручение Родины! Мы приняли его без колебаний, гордые оказанным доверием.

Быстро пронеслись недели, ушедшие на подготовку к отъезду, и вот мы уже в Центральном аэропорту столицы. Не скрою — мы взволнованы. Взволнованы и приближающейся длительной разлукой с Родиной, близкими, друзьями, и предстоящим длинным путешествием, и отсутствием реального представления о той стране, где нам предстоит прожить два года.

Именно здесь, на Внуковском аэродроме, у меня родилось желание завести друга всех путешественников — путевой дневник, и я тут же осуществляю его. Эту первую запись я делаю в толстой тетради здесь же в аэропорту.

Итак, наш путь лежит через Прагу, Рим, Каир в Аддис-Абебу — столицу Эфиопии. В переводе на русский язык «Аддис-Абеба», как нам сказали, означает «Новый цветок».

Что знаем мы о стране, столица которой носит столь поэтическое название?

В детстве слово «Эфиопия» неизменно ассоциировалось со знойными пустынями, огромными безлюдными плоскогорьями, тропическими лесами, населёнными леопардами, львами, змеями. Впоследствии мы, понятно, распространились со столь наивными представлениями, но всё же до самого последнего времени знали очень мало о государстве, лежащем на северо-востоке Чёрного материка и по величине территории равном Франции и Италии, вместе взятым. Правда, перед отъездом мы самым добросовестным образом проштудировали почти все имевшиеся в наших библиотеках книги и статьи русских и иностранных авторов, но всё-таки достаточно полного представления о жизни и быте эфиопского народа, о его сегодняшнем дне получить не смогли.

Почти все буржуазные исследователи пытались доказывать, что Эфиопия населена отсталым, неспособным народом, что сама природа создала эфиопов якобы для того, чтобы ими руководили белые. Между тем эти утверждения находились в явном противоречии не только с историей последних лет, но и с событиями древней истории эфиопского народа, с которой мы бегло успели познакомиться. Ещё в первом веке нашей эры, когда далёкие предки нынешних европейских «цивилизаторов» облачались в звериные шкуры, Эфиопия уже была богатым государством с высокоразви-

той культурой. Именно в те давние, полуполюгендарные времена Эфиопия — под именем страны Офир — славилась своими сказочными богатствами, а египтяне, называвшие её страной Пунт, поддерживали с ней самые оживлённые связи.

Условия исторического развития Эфиопии сделали подневольными основные массы её населения. Но свободолюбивый дух народа всё же не угасал — эфиопы не раз подымались на борьбу, отстаивая от иноземных врагов свою независимость. Сравнительно недавно, в конце прошлого века, народ Эфиопии нанёс под Адва сокрушительное поражение итальянским захватчикам. И совсем уже живо встают в памяти эпизоды итало-абиссинской войны 1936 года. До сих пор помню газетные фотографии, изображавшие одиночные зенитные орудия на улицах Аддис-Абебы и босую прислугу подле них. Помню наполнявшие нас гневом сообщения о том, что итало-фашисты применяют против мирного населения Эфиопии удушливые газы.

Однако эфиопы показали, что они умеют драться с порабощателями. Даже наводнив страну танками и пушками, итальянцы не смогли поставить эфиопский народ на колени, хоть он был почти безоружным и стонал в тисках феодально-крепостнического гнёта...

И вот вскоре нам предстоит близко познакомиться с этим народом, собственными глазами увидеть эту почти сказочную страну. Но это впереди. А сейчас мы слышим громкий голос радиорупора, объявляющий о посадке на нужный нам самолёт. Путешествие начинается.

До свиданья, Родина, друзья, товарищи!

11 АПРЕЛЯ.

После коротких остановок в Праге и Риме прибываем в Каир.

Мы на африканском континенте!

...Автомашина мчит нас по улицам большого, в некоторых своих частях красивого города. В архитектуре его мавританский стиль безвкусно и противоестественно смешан с уродствами американского конструктивизма.

Осматривая Каир, мы впервые или менее близко столкнулись с чуждым нам частнособственническим миром. В Риме мы по сути не успели оглядеться, так как всё время использовали для осмотра картинных галлерей и памятников, восторгаясь бессмертными творениями великих итальянских мастеров. Только теперь, в столице Египта, начинаем познавать ту жизнь капиталистической страны, которая даже в самых простых, обыденных своих проявлениях поражает и возмущает нас.

Первое, что сразу же бросается в глаза, — это огромное количество нищих. Измождённые, оборванные женщины, старики и дети стремглав, с риском для жизни, бросаются к машине, чтобы поскорее открыть дверцу и выпросить милостыню. Мы выходим из машины — и они следуют за нами по пятам с протянутой рукой.

Мы приобрели у назойливо пристававших к нам продавцов свежие номера местных буржуазных газет. На первых страницах — многословные статьи о знатных невестах египетской столицы, о новинках дамских мод, о патентованных средствах, будто бы исцеляющих ото всех болезней, фотографии «знаменитых» собак, лошадей.. Ни слова о борьбе за мир, ни слова о том, что представляет жизненный интерес для трудящегося человека, для народных масс.

В приёмной Бактериологического института, где нам должны сделать профилактические прививки от жёлтой лихорадки, наблюдаем непривычное для нас сочетание фески, бурпуса и медицинского халата у врачебного персонала. Тут же получаем возможность ознакомиться с условиями труда местных врачей. Рассказывают, что медику найти работу по специальности здесь очень трудно. Даже на место дежурного по скорой помощи объявляется конкурс, хотя оплата этой должности очень низка. Каирские врачи живут главным образом частной практикой. Конкуренция, стяжательство, негуманное отношение к больным процветают среди многих из них. Запомнился рассказанный мне полуанекдот: некий медик долгое время весьма удачно

эксплуатировал богатого пациента. Как-то, уезжая, он оставил вместо себя сына, которого приучал к медицинской практике. Вернувшись, он стал, как обычно, ждать визита своего пациента. Но тот не приходил. Обеспокоенный эскулап заинтересовался: не являлся ли он за время его отсутствия?

— Да, он был однажды, — ответил сын, — я назначил ему новое лечение, и он выздоровел.

— Плохо я тебя учил, — с горечью сказал отец, — лечить надо так, чтобы больной содержал тебя всю жизнь...

Такого рода морально-этические «принципы», понятно, кажутся нам дикими, противозастественными.

...На улице к нам подошёл полицейский в длинном белом бурнусе и довольно настойчиво стал предлагать повести нас в «Музе де сир» — музей восковых фигур. При этом он заблаговременно и весьма откровенно спросил за услугу десять пиастров. Как выяснилось, подобный «сервис» со стороны полицейских — дело обычное в этих краях. Туристы — статья дохода для разных слоёв населения египетской столицы, в том числе и для полицейских. Бакшиш, или выклянчивание чаевых за мелкие услуги, — широко распространённое явление. К этому вынуждают многих хроническая безработица и нищета. Особенной настойчивостью и изобретательностью отличаются, как мы сами в этом убедились, местные проводники, сопровождающие туристов к пирамидам.

В музее восковых фигур нам показали свыше трёхсот весьма искусно выполненных экспонатов, иллюстрирующих различные исторические и бытовые эпизоды, а также библейские легенды. Однако почти на всех экспонатах сказывалась погоня за внешним эффектом. Игра на нездоровой эротике Музей этот скорее коммерческое, чем культурно-просветительное учреждение, и, как нетрудно убедиться, в нём больше всего стремятся потрафить вкусам заокеанских туристов: слащавые религиозные сюжеты сочетаются здесь с показом обнажённых женских тел и т. п.

В Каире мы посетили и другие, более примечательные музеи. Таков, например, основанный известным археологом Марриетом египтологический музей. В нём среди множества других памятников материальной культуры древнего Египта мы увидели пятиметровое гранитное изваяние фараона Аменофиса и его семьи. Показали нам и находящийся под особой охраной восьмипудовый золотой саркофаг фараона Тутанхамона. Американцы попытались было недавно увезти саркофаг в США, но египетская общественность, возмущённая бесцеремонным покушением на национальную реликвию, воспротивилась этому. Американцам пришлось отказаться от своего намерения.

Со многими сторонами жизни страны, с её природой, естественными богатствами и промышленностью мы познакомились в краеведческом и сельскохозяйственном музеях. В первом есть даже санитарно-гигиенический отдел, где нас, врачей, особенно поразили данные о массовом распространении в Египте туберкулёза, сифилиса, трахомы и других заболеваний.

Преждевременная смерть от нищеты, лишений, всевозможных болезней — удел многих миллионов людей в Египте. Средняя продолжительность человеческой жизни здесь — 31 год; об этом мы узнали, впрочем, не из музейных экспозиций.

Но те, кому не грозит смерть от лишений, кто расстаётся с жизнью в весьма преклонном возрасте, те даже после смерти стремятся окружить себя комфортом и богатством. «Городом мёртвых» называется большой район, прилегающий к Каиру. Здесь масса зелени, цветов, асфальтированные улицы и красивые дома. Но город пуст — его населяют... мертвецы. Зажиточные, религиозно настроенные египтяне, по существующим обычаям, ещё при жизни строят для себя и всех членов своей семьи дома-усыпальницы. Чем человек богаче, тем роскошней его посмертное обиталище. Впрочем, будущие жильцы этих домов изредка появляются здесь ещё при жизни, чтобы навести порядок в своём владении.

12 АПРЕЛЯ.

Обзор Каира и его достопримечательностей завершился традиционной экскурсией к пирамидам. Очертания этих величественных памятников видны ещё издали. Пустыня подступает к самым окраинам Каира, а от них до ближних пирамид всего лишь километр. Этот путь мы проделываем на верблюдах. Тут мы ещё раз столкнулись с местными нравами, порождёнными нищетой и торгашеством. Хотя цена за проезд была заранее обусловлена, проводники уже с первого шага стали изводить нас требованиями бакшиша за совершенно непонятные «одолжения». Наш гид-араб вдруг затягивал внезапно какую-то дикую песню и затем, остановив верблюда, требовал денег... за музыку. Потом он гнал животное бегом и требовал бакшиш «за скорость». Жена имела неосторожность принять от него сделанное из камня изображение маленького жука-скарабея, и весь остальной путь был окончательно испорчен, так как проводник никак не соглашался взять предлагаемую плату и требовал непомерно большую сумму.

У пирамид нас атаковал целый отряд фотографов весьма экзотического вида, и мы вынуждены были капитулировать перед одним из них, самым энергичным. Он без слов напялил на нас фески, щёлкнул аппаратом, а при расчёте стал требовать не только за фото, но и за «пользование» фесками. Мы вскоре обнаружили, что чем больше даёшь, тем настойчивее становятся притязания «бакшишников», окружающих туристов. С трудом удалось нам пробиться сквозь толпу этих вымогателей, чтобы увидеть сфинкса.

Обсмотрели мы и знаменитую пирамиду Хеопса. Это величайшая из всех сохранившихся пирамид. Она сооружена около пяти тысяч лет назад. Её воздвигали, как говорят предания, сто тысяч рабов, прудившихся ежедневно в течение двадцати лет. С высоты ста сорока метров Хеопсовой пирамиды открывается великолепный вид на Каир. Внутри её, где в своё время хранился саркофаг с телом фараона, — пустая тёмная пещера.

13 АПРЕЛЯ.

Сегодня на рассвете распростились с Каиром. Летим высоко, дышится трудно. Внизу с одной стороны виднеется Красное море, с другой — пустыня. И пустыня, и море совершенно неподвижны. Наслоения песков напоминают горы. Они окрашены в разные цвета: коричневый, жёлтый, орапжевый. Над сплошной, как бы застывшей поверхностью моря плывут облака, а мы летим высоко над ними, и они кажутся поэтому гребешками волн.

Через пять часов приземляемся в Асмаре. Это маленький городок в Эритрее, на пути между Каиром и Аддис-Абебой. Здесь был первый на африканском континенте опорный пункт итальянского империализма.

Асмара угостила нас ослепительным солнцем и экзотическим обедом на аэродроме. Мы уже привыкли к приёму пищи «на лету». Авиалиния принадлежит американской компании. Изобретательные янки оплату за питание и гостиницу включают в стоимость билета, независимо от того, будет ли пассажир пользоваться ими или нет...

С радостью покидаем унылый асмарский аэродром. Но радость преждевременна: остальная часть трассы оказалась наиболее тягостной. Мучают и недостаток кислорода, и непрерывные воздушные ухабы. Трудно передать то чувство нетерпения, смешанное почти с отчаянием, которое охватывает нас. Считаем минуты, оставшиеся до посадки. Наконец, наступил тот счастливый момент, когда колёса самолёта коснулись земли: Аддис-Абеба! Льёт проливной лждь.

20 АПРЕЛЯ.

Вот уже неделя, как мы в столице Эфиопии. Направляясь сюда, мы считали, что Аддис-Абеба встретит нас знойным дыханием Африки — ведь Эфиопия на юге доходит почти до самого экватора. Один из русских путешественников, посетив южные

районы Эфиопии. сравнивал эти места с верхней полкой бани, когда пускают пар. Да и само слово «эфиоп» означает по-гречески «сбожжённый солнцем». Опасения наши, к счастью, не оправдались: жаркий климат свойственен не всей территории страны.

Эфиопия расположена на высоком Абиссинском нагорье. По географическим особенностям страну обычно делят на три области. Наиболее жаркая и болотистая, богатая тропической растительностью — прибрежная область Кодла. Средняя годовая температура достигает здесь 25—30 градусов выше нуля... В области Война-Дега, расположенной на высоте 2000—3000 метров над уровнем моря, климат более умеренный — 12—15 градусов выше нуля. Эта область — самая благоприятная для жизни человека. Здесь и расположена Аддис-Абеба. Название области — «Война-Дега» означает «Виноградная долина». Однако виноград здесь мы встречали редко. Когда-то, говорят, его широко возделывали в Эфиопии, но к концу прошлого века он стал исчезать. Объясняют это якобы тем, что негус Теодор повелел уничтожить виноград, потому что вино, мол, — напиток, предназначенный для существ высших, нежели люди. В действительности причина была иная: эфиопские крестьяне не умели бороться с болезнями винограда.

В первые же дни мы с жадностью расспрашивали своих сотрудников и коллег о стране, её столице, населении. Всё, что мы узнавали, было во многом отрывочным, случайным. Но я всё же решил заносить в свою тетрадь даже эти отрывочные сведения, а также то, что успею увидеть своими глазами.

Аддис-Абеба расположена на высоте 2500 метров над уровнем моря, в самом центре провинции Шоа — одной из самых богатых в стране. По местным условиям этот край можно смело именовать «райским поясом».

Рассказывают, что негус Менелик II, ведший в 1896 году освободительную войну против итальянцев, раскинул как-то у находившегося тогда здесь небольшого селения военный лагерь. Это было в двенадцати километрах от старой столицы Энтото. Негус был в восторге от здешнего мягкого климата, обилия влаги, и дал обещание в случае победы над врагом построить на этом месте новую столицу. Вскоре последовал разгром итальянцев под Адуа, и Менелик II решил выполнить своё обещание.

В начале нашего века быстро разросшийся на месте небольшого селения новый город Аддис-Абеба стал столицей Эфиопии. Теперь в ней насчитывается примерно сто двадцать тысяч жителей. Мы говорим «примерно», потому что перепись населения в Эфиопии вообще никогда не производилась, а паспорта существуют только для иностранцев.

Центральные улицы и площади Аддис-Абебы широки и многолюдны. По ним движется много автомашин, регулярно ходят автобусы. На перекрёстках полицейские регулируют уличное движение и штрафуют водителей за малейшее нарушение правил. Тротуары, правда, очень узки, и пешеходы поэтому предпочитают пользоваться обочинами широких асфальтированных мостовых. Зато по тротуарам свободно ездят верхом на мулах и лошадях.

В городе много домов европейского типа, сооружённых, по видимому, по проектам итальянских архитекторов.

По улицам тянется сеть телефонных и электрических проводов. Кстати говоря, пользование телефоном и электричеством здесь стоит очень дорого и доступно немногим.

После второй мировой войны в Аддис-Абебе было построено много (конечно, по местным масштабам) современных зданий, проложены хорошие асфальтированные дороги. Сейчас здесь строятся первые в Эфиопии театр и университет.

Правительственные учреждения размещаются в многоэтажных домах. Но рядом с каменными зданиями даже в центре города встречаются жалкие глинобитные хижины — тукули. Окраины же сплошь застроены ими. На центральных площадях города воздвигнуты памятники национальным героям — негусу Менелику II и свя-

шеннику Петру, героически погибшему от рук итальянских фашистов. В центре города высится монумент в честь победы Эфиопии над итальянскими захватчиками.

Самой «фешенебельной» улицей столицы считается улица раса Маконена. По вечерам на ней и на центральной площади огни реклам освещают витрины многочисленных магазинов. Магазины принадлежат иностранным фирмам — американским, английским, французским, голландским. Тут же находится несколько кафе, три кинотеатра. Ещё один кинотеатр имеется в районе базара — «марката». Обычно в кино бывает по одному сеансу в вечер. В воскресенье днём, по удешевлённой цене, демонстрируются в течение одного сеанса три-четыре фильма. Любители просиживают в зале с двенадцати часов дня до шести вечера.

На холме в северо-западной части Аддис-Абебы высится монументальный старый дворец негусов. В нём жил и Менелик II. Нынешний император живёт в новом дворце, находящемся в другом конце города.

Посольства и дипломатические миссии расположены в различных частях Аддис-Абебы. Отдельных кварталов или сэттльмента для иностранцев здесь нет. К услугам верующих — несколько христианских церквей и мусульманская мечеть.

Движение по городу разрешается лишь до двенадцати часов ночи. Появление на улице после этого срока угрожает знакомством с полицейским участком. Даже врачам, отправляющимся для ночных визитов к больным, рекомендуется застись специальным разрешением. Магазины закрываются в восемь часов вечера, центральные кафе в 12 ночи. После полуночи «торгуют» лишь маленькие, подозрительного вида лавчонки-кабачки.

Днём на улицахлюдно, особенно на базарной площади. Тут всегда огромные толпы народа и, нужно сказать, это по-своему живописное зрелище.

Национальная одежда эфиопов белая; у мужчин — узкие, по шиколотки, штаны и длинная рубаха. Обычная одежда женщин — «шамма» — длинный, мелров пяти, кусок ткани, которым они ловко обёртывают своё тело. Богатые эфиопки одевают «шамма» поверх пёстрых европейских платьев, большинство же населения носит «шамма» просто на голом теле.

28 АПРЕЛЯ.

Яркие канны и гвоздики, которыми на Родине мы любимся обычно в августе — сентябре, украшают мой стол в эти апрельские дни.

Мы живём в большом эвкалиптовом парке, но даже тень могучих эвкалиптов не может укрыть нас от палящего солнца. Лечебный корпус и поликлиника занимают все три этажа главного здания советского госпиталя. Подсобные помещения размещены в боковых корпусах. Часть медицинского персонала живёт здесь же, при госпитале, остальные — в специальном доме неподалёку, в хорошо оборудованных кварталах.

В нашем госпитале действует не только стационар, но и амбулатория, физиотерапевтический и рентгеновский кабинеты. Врачи ведут круглосуточное дежурство. «Москов-хаким», как уважительно называют советских врачей местные жители, готов в любую минуту оказать необходимую помощь эфиопу, будь то знатный рас или недавний раб.

Наша первая встреча с пациентами-эфиопами была для их народа далеко не первой встречей с русской медициной. Ещё в конце прошлого века, во время национально-освободительной войны абиссинцев против итальянских поработителей, врачи Русского Красного Креста облегчали страдания раненых воинов Менелика II. Русский лазарет продолжал работать некоторое время и после войны, окончившейся в 1896 году. И только когда под влиянием иностранных «советников» эфиопское правительство потребовало оплаты пошлины за все ввозимые для лазарета медикаменты. Русский Красный Крест покинул Эфиопию.

О русских казаках, служивших в медицинском отряде, эфиопы сохранили добрую память. Местный старожил и, как он уверяет, очевидец, как-то рассказал нам такую

историю. Однажды около лазарета казак мастерил какое-то сложное столярное изделие. Проезжавший мимо негус заинтересовался его работой.

— Я думал, что вы хорошие наездники, а не плотники, — разочарованно сказал он.

— Русский казак на все руки мастак, — последовал ответ.

Тут же казак вскочил на коня и ошеломил негуса лихой джигитовкой. Недаром местные жители до сих пор говорят о русских, что они «на все руки мастера».

В 1947 году по просьбе эфиопского правительства Советский Красный Крест открыл в Аддис-Абебе госпиталь. Для него было предоставлено обширное трёхэтажное здание, близ которого погиб во время второй мировой войны в сражении с фашистскими захватчиками национальный герой Эфиопии генерал Балча. Его имя выправлено на фронтоне здания.

Открывая госпиталь, негус отметил, что советская больница в Аддис-Абебе является свидетельством традиционной дружбы народа Эфиопии с народами СССР.

В Аддис-Абебу прибыли квалифицированные советские врачи разных специальностей и средний медицинский персонал. Младший персонал был подобран из многочисленных добровольцев-эфиопов. Для них при госпитале создана школа, где мы, советские врачи, обучаем их основам медицины, правилам ухода за больными. Преподается там и русский язык.

...Сегодня в госпиталь доставили бездыханное тело рабочего-эфиопа. Он упал с высоты, работая на постройке, и мгновенно погиб от перелома основания черепа. Иностранные компании, владеющие большинством из немногочисленных здесь промышленных предприятий, совсем не заботятся об охране труда и технике безопасности.

Тело привезли несколько хорошо одетых европейцев — хозяев предприятия. Их привело сюда отнюдь не желание спасти пострадавшего, а беспокойство о возможных материальных расходах, связанных с трагическим происшествием. Вслед за нами явился представитель полиции. Медицина оказалась на сей раз бессильной.

Во время осмотра тела за окном внезапно раздался душераздирающий крик. К госпиталю приближалась толпа родственников погибшего. Впереди шла полуголая женщина — плакальщица. Она хваталась руками за голову, вскрикивала, утирая пальцами слёзы. Ей вторили остальные. Особенно тяжёлое впечатление производил старик — отец умершего. Босой, в коротких штанах, рваной рубашке, он, как в припадке, всё время извивался и глухо стонал. Эта гнетущая сцена закончилась столь же неожиданно, как и началась. Вдруг наступила полная тишина. Наш переводчик Мангеша объяснил: плачущих родственников предупредили, что нельзя тревожить шумом больных. Тело вскоре увезли из госпиталя.

Завтра будут похороны. Впереди проба пойдёт толпа женщин в белых одеждах. Если бы покойный был богат, в похоронах участвовало духовенство, а плакальщицы, обнажённые до пояса, сопровождали бы гроб до могилы.

28 АПРЕЛЯ.

В хирургическом отделении лежит пятнадцатилетний мальчик Тасфай Каса. Несколько дней назад я оперировал его. Он сын бывшего раба. Формально рабство было запрещено в Абиссинии ещё в 1924 году. После этого не раз издавались законы об освобождении невольников, последний из них — в 1942 году. Для страны, где насчитывалось примерно до двух миллионов рабов, это была весьма жгучая проблема.

Но «освобождение» без земельных наделов, без возможности приобрести орудия для обработки земли оказалось просто миражем. Формально освобождаемые невольники сразу же попадали в когти самой страшной нужды. Оставался один выход — отказываться от «свободы», которая на деле оборачивалась «свободой умереть». Вот почему бывшие рабы и их дети идут в услужение либо к прежним хозяевам, либо к новым, работают подчас совершенно без всякого вознаграждения и влчат самое жалкое, попрежнему рабское существование до конца своих дней.

Такая участь постигла освобождённого отца Тасфая, который вскоре умер. Такая же судьба ожидала и его сына. Мальчик решил уйти в город. Разъярённый хозяин настиг беглеца, укрывшегося в стоге сена, и нанёс ему несколько ударов ножом. Тасфай доставлен был в госпиталь с тяжёлыми ранениями в брюшной и грудной полостях.

Когда мальчика брали на операционный стол, он сопротивлялся, кусался: ему всё ещё казалось, что его преследуют.

Операция прошла удачно. Появились надежды на выздоровление. На тёмном лице всё чаще стала появляться кроткая виноватая улыбка.

Мальчик откровенно рассказал нам обо всём, что с ним случилось. Позже, давая показания полиции, он, боясь, повидимому, мести своего господина, рассказывал уже совершенно другое: его, мол, крестьяне приняли за ведьму, так как он храпел, и прокололи вилами...

Чтобы не тревожить мальчика, мы с санитаром Байанэ перевязываем его в палате. Глядя на осунувшееся личико, Байанэ шёпотом приговаривает: «Дай бог ему выздороветь».

6 МАЯ.

Сегодня получил наглядное представление о положении женщины в Эфиопии.

В кабинет вошла большая группа мужчин и женщин. Пожилой европеец — муж четырнадцатилетней эфиопки — просит дать справку, подтверждающую его подозрения: недавно он женился, а сейчас заподозрил, что супруга была нецеломудренной. Шум в комнате стоит невообразимый, в чём изрядно повинна мать «обвиняемой». Наиболее несчастным существом во всей этой пёстрой компании была «обвиняемая», и наиболее диким — «культурный» европеец — муж.

Ранние или даже, по нашим понятиям, преступно ранние браки в Эфиопии весьма распространены и являются следствием нищеты народных масс и бесправного положения женщины.

Я уже видел несколько «жён» моложе 13 лет. Арабы и индусы женятся здесь даже на восьмилетних. Одна из моих пациенток умудрилась в 15 лет иметь двух детей, из которых старшему — 4 года. Мать — тоненькая тростинка со старушечьим лицом и обезображенным животом. В ушах у неё промадные серьги-серпы. Чтобы не оттягивались уши, эти массивные золотые украшения прикреплены золотой же цепочкой к волосам. На щеках и кончике носа — полосы татуировки. Когда больная улыбается, у неё совсем детские задорные глаза. Улыбается она, впрочем, редко: невеста её жизнь.

Женщины-эфиопки часто не могут ответить, сколько им лет. Достигнув 18—20 лет, они перестают вести счёт своим годам, настолько «старыми» чувствуют себя.

Хотя в Эфиопии существуют установленные формы брака — церковный и гражданский, — здесь не считается предосудительной и отнюдь никем не скрывается связь мужчины с женщиной без каких-либо взаимных обязательств друг перед другом. Ведь гражданская регистрация и религиозные церемонии требуют денег, а их у подавляющего большинства населения просто нет.

Если мужчина и женщина вступают в гражданский брак, каждая из «сторон» приносит с собой опись своего имущества, чтобы в случае развода иметь точные данные для раздела.

У некоторых племён женщина нередко выходит замуж на срок, удобный мужчине. Незеста приносит в дом жениха кувшин с растительным маслом и ставит его в угол. С этого момента брак считается состоявшимся. Когда супруг желает развестись, он берёт кувшин, прилепённый женой, и ставит его на стол — это означает, что брак расторгнут.

Такой семейно-бытовой уклад тяжело сказывается на положении женщины и вызывает рост проституции в стране. Даже в самом центре столицы можно увидеть

открыто разгуливающих и пристающих к прохожим молодых женщин в ярких тюрбанах. А власти, как нам говорили, облагают публичные дома, наравне с другими коммерческими предприятиями, подоходным налогом.

Огромное распространение в Эфиопии получил сифилис, называемый здесь «урдэ». Нищета большинства населения, отсутствие у него возможности лечиться — главная причина этого. К тому же многие эфиопы считают болезнь не только не заразной, но и не опасной. Всё это, к сожалению, немало способствует ещё большему распространению болезни, подтачивающей жизненные силы эфиопского народа.

15 МАЯ.

Поездки в центр города чаще всего мы совершаем на «гарри». Это — небольшие двухколёсные пролётки, наиболее распространённый вид местного транспорта. «Гарри», которым мы постоянно пользуемся, покрашен в синий цвет, крылья — в красный. Для пушей важности возница без толку сигнализирует автомобильным рожком. Пролётка — низенькая, лошадка — маленькая, чистенькая, но тошная: хозяин держит её на подножном корму. В Аддис-Абебе на «гарри» разрешено ездить только до наступления темноты и то лишь по определённым улицам, где меньше автомашин. За поездку по городу платят обычно гроши. Не удивительно поэтому, что большинство извозчиков одето в лохмотья.

По гладко асфальтированному городскому шоссе лошадка быстро мчит лёгкую коляску, в которой, тесно прижавшись друг к другу, с трудом умещается три человека.

Много характерных сцен, иллюстрирующих местные нравы и обычаи, можно увидеть во время такой поездки.

Вот встретились двое мужчин, они пожимают, а затем целуют друг другу руки, потом лобызают друг друга в щёки. Такой ритуал приветствий, оказывается, обычен в этой стране, где, кстати говоря, мужчины занимаются и рукоделием.

Вот на осликах по тротуару едут двое мужчин. Лица у них покрыты пылью и обожжены солнцем: путь их, должно быть, далёк. Следом за ними, нагружённый сумками и пакетами, бежит измученный, одетый в лохмотья бой — их слуга.

С дикими криками, пританцовывая, пробегает группа галласов с львиными шкурами на головах. Один из них — счастливчик! — привлёк внимание иностранца с фотоаппаратом и позирует ему за полшиллинга.

Ближе к окраинам — длинные очереди у водонапорных колонок. Воды не хватает, и поэтому люди с ночи дежурят здесь. Водопровод имеется лишь в дорожных квартирах европейского типа...

«Кули, кули, кули!», — выкрикивает приказчик у дверей одного из магазинов, и на его зов со всех сторон стремглав мчатся, сверкая голыми пятками, сбивая друг друга с ног, дети и старики — чернорабочие: авось удастся заработать несколько центов!

29 МАЯ.

Тасфай Каса выздоровел. Сегодня за ним пришёл его «господин» — красивый тёмнокожий мужчина в белой одежде, босой. На голове у него замысловатый убор, какой носят эфиопские священники. Тасфай Каса своими показаниями в полиции опасен для суда. Теперь этот священнослужитель, покушавшийся на жизнь своего слуги, выворачивает пустые карманы, демонстрируя таким образом свою бедность, чтобы не платить за лечение Тасфая. Достатки местного среднего и низшего духовенства мало чем отличаются от «дходов» их нишей паствы.

С глубокой печалью принял мальчик весть о том, что должен снова вернуться к хозяину. Медленно и покорно спустился он вниз. Но пока он одевался, священник

исчез: повидимому, бледный, исхудавший мальчик показался ему слишком слабым, и он решил, что слуга будет физически неполноценным после полученных ран.

В соседнем учреждении за проши работает боем молодой парень. Он взял к себе Тасфая в услужение. Бой — на службе у боя!

15 ИЮНЯ.

Мы давно собирались поглядеть окрестности Аддис-Абебы и решили, совместив это с охотой, совершить поездку в Энтото, — бывшую столицу Эфиопии.

Энтото оказалось совсем небольшим селением. Подъезжая к нему, мы обратили внимание на сплошную пелену дыма, стлавшегося над крышами жилищ. Уж не пожар ли? Но пламени не было видно. Оказалось, что это совершенно нормально дымят тукули.

Тукуль — эфиопская хижина — круглая, с конусообразной кровлей, покрытой соломой и глиной. Глиной же, смешанной с соломой, обмазаны стены. Остов хижины обычно сплетают из прутьев, прикрепляемых к небольшим столбам. В такой хижине нет ни окон, ни дымохода. Дым просачивается через щели в крыше и стенах. Пищу варят на очаге, сложенном из камней на земляном полу. Вот почему издали кажется, что все тукули сплошь окутаны дымом. Хорошо ещё, что Эфиопия не знает зимних холодов и очаг топят здесь только для приготовления пищи.

Обычно каждый тукуль, площадь которого в среднем не превышает пяти-шести квадратных метров, делится на две части загородкой из ветвей; в передней части расположен скот и некоторые предметы домашнего обихода; в задней — на шкурах диких животных и соломенных циновках — спит вся семья владельца тукуля. Впрочем, нередко люди спят и просто на земле.

В редком тукуле можно встретить самодельный стол. Но и при наличии стола едят всё же сидя на полу.

...Едва только наша машина приблизилась к селению, как из всех тукулей выскочили люди и понеслись стремглав — кто вслед за нами, кто наперерез. Когда машина остановилась у преградившей ей путь речушки, там уже было с полсотни темнокожих курчавых мужчин и ребятшек. Они окружили машину и, распознав в нас охотников, наперебой стали предлагать свои услуги в качестве проводников. Каждый спремился подхватить у нас какую-либо мелкую вещь, чтобы считать себя завербованным. Они гнаuli нас в разные стороны, уговаривая отправиться туда, где много дичи. Когда же я попытался заснять эту забавную сцену, они при виде направленного на них фотоаппарата с громкими криками разбежались. Впрочем, вскоре они снова возвратились к машине.

Выброшенная нами полупустая консервная банка стала немедленно предметом ожесточённого спора между двумя подростками. Такая же участь постигла и бутылку с отбитым горлышком. Пришлось принять личное участие в присуждении этих «трофеев».

Так началось наше знакомство с эфиопской деревней, влачащей нищее, полуголодное существование.

Нельзя сказать, что причина этому — природные условия. Напротив. Тучные пастбища плоскогорий благоприятствуют развитию животноводства. В жарких и влажных долинах рек могут произрастать многие ценные тропические и субтропические растения, и по всей стране могли бы обильно плодоносить многочисленные злаковые культуры. Природа готова с избытком обеспечить население Эфиопии всем необходимым. И если нашим взорам на каждом шагу представлялись взрослые и дети с жадно просящими глазами и протянутыми за подаянием худыми руками, то виною этому не природа, а люди. А ещё точнее — феодалы-помещики и иностранные империалисты, задерживающие развитие страны.

Формально земля в Эфиопии является собственностью негуса. Но в действительности ею, наряду с негусом, владеет множество феодалов-помещиков и церковь. Помещики при помощи местных властей и церкви заставляют крестьян от зари до зари работать на себя за жалкое вознаграждение натурой.

Эфиопский крестьянин совершенно беззащитен. Помещик может безнаказанно разорить его и забрать единственное достояние — клочок земли. Уйти крестьянину от своего господина некуда — другой феодал ничуть не лучше прежнего. Если же крестьянин бежит, не уплатив долга помещику, то ему грозит не только поимка, но и суровое наказание.

Так называемые «свободные» крестьяне живут не лучше. Не менее трети урожая они отдают помещику за аренду земли. Помимо того, их душат всякого рода налоги и поборы, вплоть до содержания местных властей и размещённых в округе солдат. Далеко не каждый крестьянин имеет здесь быка или мула — основной рабочий скот в деревне. Мне лично не раз приходилось видеть, как бедняки сами волочили плуг, впрягшись в него.

Увидев, как обрабатывается в Эфиопии земля, я вспомнил страницы школьных учебников истории, где были изображены орудия первобытного общества. Трудно даже вообразить, что в наш век — век трактора и комбайна — можно обрабатывать землю таким орудием, как эфиопский «ахрас». Это даже не плуг и не соха, а нечто ещё более примитивное. Он сделан целиком из дерева и часто вовсе не имеет лемеха. Он не подымает пласт земли, а просто царапает почву концом палки, заострённой и для крепости обожжённой. Убирают же хлеб в Эфиопии грубо сделанным серпом.

Сколько труда и пота надо затратить, чтобы возделывать большие массивы феодально-помещичьих и церковных земель с помощью такой «техники»! А помещики, пользуясь бесправным и безысходным положением своих фактических рабов, cynично заявляют (как сообщает один из британских исследователей Эфиопии Ч. Ф. Рей): «Зачем мне обрабатывать землю механическим плугом? Любой крестьянин в моём округе обязан явиться ко мне с упряжкой быков и вспахать столько моей земли, сколько мне нужно».

12 ИЮЛЯ.

Вечер. В комнате уютно стрекочут сверчки. За окном темно, небо заволочко тучами, но такими прозрачными, что кажется — вот-вот сквозь них проступят звёзды. А дышишь всё же с трудом.

Небо и впрямь быстро проясняется, и как-то сразу высыпают яркие звёзды. Вскоре наступит тишина, прерываемая лишь лаем собак да уханьем гиен. В такие тихие ночи к нам доносится рыканье львов из двorca негуса.

Лев у эфиопов — символ могущества государства. Изображение льва встречается очень часто: на монетах, на гербах, на памятниках, на государственной печати.

Находясь в Эфиопии, особенно реально и конкретно постигаешь, что означают слова о превращении той или иной страны в рынок для сбыта чужого лежалого товара и к чему это приводит. В магазинах Аддис-Абебы можно приобрести всё: но пишущая машинка окажется швейцарской, пальто — американским, автоматическая ручка — английской, одеяло — голландским, носки — японскими, бельё — французским. То же и с продуктами питания: сардины — норвежские и португальские, сосиски — датские, масло — голландское, даже горчица — «мэйд ин Ингленд», даже соломинки, через которые потягивают лимонад в кафе, и те — импортные.

Сотни лет носили эфиопы свои «шамма», сделанные из дometканной кисел. Сейчас американцы стали ввозить значительно более дешёвую ткань и задушили слабую кустарно-ткацкую промышленность Эфиопии.

Американская продукция пользуется здесь дурной славой — сигареты сдобрены какими-то химикалиями, от которых кружится голова, дешёвые авторучки через два дня перестают писать, в шерстяных тканях половина бумаги. Но янки этим нимало не обеспокоены. Они всё больше чувствуют себя господами положения в стране.

Было бы, однако, более чем наивно предполагать, что англо-американцы и их младшие партнёры по колонизации ограничиваются здесь только сбытом низкосортных сигарет, тканей и самопишущих ручек. Такого рода торговля — лишь

фирма для значительно более широких планов порабощения Эфиопии и ограбления её народа.

Долгие годы хозяйничал в этой стране, теперь уже изрядно отошавшей, британский лев. Ныне над ним в Эфиопии открыто кружит другой хищник — американский стервятник. Выгодное военно-стратегическое положение страны на африканском континенте, её разведанные и неразведанные недра — вот что привлекает сюда империалистов США, рышущих по земному шару в поисках добычи.

Около тридцати лет назад английские офицеры обнаружили нефть на территории Британского Сомали. К своему сожалению, они установили впоследствии, что главные нефтеносные пласты уходят в сторону Эфиопии и что основные залегающие приходится, видимо, на район Харрара. Это встревожило их не на шутку. Но ещё более забеспокоились американцы. Последовала короткая и ожесточённая схватка между монополистами США и Англии. В итоге фасады некоторых домов в Аддис-Абебе украсились вывесками заокеанской нефтяной компании «Синклер», получившей монополию на разведку нефтяных месторождений по всей стране.

Так постепенно, но неуклонно Америка вытесняет из Эфиопии Англию и сама занимает её место. Даже в области торговли Англии, ещё недавно задававшая тон на эфиопском рынке, более не в состоянии выдерживать конкуренцию США. Исчезла английская шерсть, ранее ввозившаяся сюда в изобилии. В новых английских каталогах объявлено о повышении вдвое цен на шерстяные ткани. Всё реже и реже встречаются строительные материалы британского происхождения.

Экспансия США в Эфиопии проявляется на каждом шагу. В Аддис-Абебе американцы создали свой аэродром. Все воздушные линии страны находятся в руках американской компании. Американцы же ассигнуют миллионы долларов на строительство дорог чисто военного значения.

— Знаете, — сказал мне как-то один из местных прогрессивно мыслящих интеллигентов, открыто и честно высказывающий свои мысли, — бедорожье в Эфиопии было явлением не только экономическим, но и политическим. У нас не хотели строить дорог чтобы не облегчать врагам проникновение внутрь страны. Асфальтовый путь между эфиопским пунктом Дессие и итальянским Ассабом до сих пор так и не продолжен, хотя и был предусмотрен нашим договором с Италией. А сейчас? Сейчас все двери нашей страны настежь распахиваются перед американцами¹.

В этом горьком признании нет преувеличения. Мне не раз приходилось слышать о том, сколько недовольства и гневной горечи вкладывают здешние простые люди в презрительную кличку «инглиз», которой они окрестили хищников-иностранцев.

«Получая иностранные товары, народ эфиопский получает нищету. После работы в продолжение целого года наши руки оказываются пустыми», — гласила одна из патристических прокламаций, направленных против италио-фашистов.

Сейчас в этом обращении эфиопы могут изменить только адрес. Сущность же, насколько я убедился в этом собственными глазами, осталась та же.

26 ИЮЛЯ.

Базар в Аддис-Абебе называется «маркат». Ещё сравнительно недавно здесь, как нам рассказывали старожилы, судья публично отправлял правосудие, а глашатай созывал верноподданных, чтобы объявить им об очередном указе негуса. Теперь этого уже нет. Маркат сейчас лишь оживлённое торжище, где, несмотря на экзотический колорит, заключают вполне обычные коммерческие сделки.

¹ За последнее время проникновение американцев в Эфиопию резко усилилось и расширилось. Не так давно состоялся визит заместителя начальника штаба армии США генерала Болта в Аддис-Абебу. После этого американцы получили особые военные привилегии в Эфиопии. На состоявшейся в конце августа 1951 года конференции по вопросам «обороны» африканского континента, созванной по инициативе США, принимала участие и эфиопская делегация. Однако фактически её возглавляли американские «соратники». Кто знает, может быть американцы уже облюбовали в Эфиопии территорию для устройства своего военного форпоста?

В отличие от городских магазинов и лавок, большинство которых принадлежат американцам и европейцам, на маркате торгуют арабы, индусы. Эфиопы же чаще всего сидят согнувшись за швейными машинами в мастерских при магазинах, занимаются починкой обуви или же стараются сбыть всякую мелочь. Крупные оптовые магазины и здесь большей частью принадлежат иностранцам.

На маркате с утра до вечера стоит разногласный шум, снуёт пёстрая толпа. Продавцов здесь больше, чем покупателей, зевак — больше, чем продавцов и покупателей, вместе взятых...

Вот пойман с поличным мелкий воришка, стянувший старый мешок. Хозяин и вор тянут мешок каждый в свою сторону, но не дерутся. Возня продолжается до тех пор пока не появляется полицейский. Одетый в защитного цвета гимнастёрку, короткие трусы, синий берет и туфли — главное, что отличает его от босоногой толпы, — он выступает как олицетворенне власти и порядка.

Его сразу окружают многочисленные «свидетели». Они изо всех сил стараются перекричать друг друга. Полицейский важно выслушивает стороны. Проходит с полчаса, и, наконец, водворяется порядок: воришка платит цент, и все расходится.

Вот истошно визжит задавленная автомашиной собака. Полицейский спешит штрафовать провинившегося водителя. Бездомных собак здесь превеликое множество, и шофёры с осторожностью объезжают их, боясь штрафа, а собаки спойкойно стоят на дороге, не обращая никакого внимания на мчащиеся автомобили. Такого зрелища не встретишь, пожалуй, ни в одном другом городе, кроме Аддис-Абебы.

На маркате мы неоднократно видели нищих-прокажённых. Лепрозории не вмещают всех больных, и их «обязательная изоляция» осегаётся обязательной лишь на бумаге. Нередко страдающие проказой расхаживают по улицам столицы, не говоря уж о более мелких городах и деревнях. Население сторонится их, боясь заразы.

На аддис-абеском маркате можно увидеть людей всех национальностей. Вот едет в «гарри» индус в чалме, вслед за ним, тоже в чалме — араб. Вот перебегает через дорогу армянка, вот грек покупает что-то в эфиопской лавке. В проезжающих мимо автомашинах сидят итальянцы, голландцы, шведы, англичане, американцы.

Маленькие лавочки, пышно именуемые здесь «магазинами», торгуют мелочью и безделушками, привезёнными из разных стран, главным образом из Америки и Англии. Из эфиопской продукции в них можно приобрести церковную утварь, лубочные картины религиозного содержания, ароматические масла.

Продаются на базаре и различные амулеты в виде кожаных мешочков со шнурком, в них «священными» травами и зубами диких животных. Неожиданно — к нашему изумлению — из вороха хлама ловкие руки торговца извлекают старинную казацкую саблю! Покупаем копьё с двумя остриями (с такими копьёми здесь охотятся на обезьян), страусовое яйцо и другие экзотические «сувениры».

За рядами лавок и галантерейных лотков начинается базар живности. В клетках — птица, главным образом куры. Изредка можно встретить дичь (эфиопы сами не едят её). Длинный ряд торговцев баранами и овцами. Хотя живность стоит недорого, доступна она лишь немногим.

В отдельных рядах торгуют красным перцем «бэрбэрэ», камедью — «ытан», чечевицей.

«Ытан», положенная в огонь, даёт пахучий и приятный дымок. Эфиопы очень любят его. Когда мы дома зажигаем камедь, на лице у санитаря Хайлю появляется радостная улыбка: «Туруну, туруну, ытан», — говорит он («хорошо, хорошо, камедь»).

Ассортимент местных продуктов не велик, всё остальное привозное. И тут даёт себя чувствовать засилье иностранцев и подневольное положение эфиопов.

16 АВГУСТА.

В нашем госпитале мы познакомились с представителями почти всех национальностей, населяющих страну. Обращалось к нам за помощью даже несколько представителей кочевых племён. Некоторые из них до сих пор одеваются в плохо выдубленные звериные шкуры и пользуются примитивными копьями, луками и дротиками.

Среди национальностей, населяющих Эфиопию, амхарцы — господствующая. Амхарский язык является государственным языком Эфиопии. Между тем немалое число других национальностей и племён не только не разговаривает на нём, но и совершенно его не понимает. Всего же в Эфиопии насчитывается более сорока языков и диалектов, на которых говорит население различных местностей.

Сегодня мы оперировали больную Катину Эльварди. Это очень красивая женщина не только по здешним представлениям. У неё тонкие черты лица, высокий умный лоб и горячие выразительные глаза. Её кожа — шоколадного оттенка, а губы и дёсны — синеватые; нижняя губа специально подгримирована синей краской. Шесть длинных широких рубцов продольно пересекают обе щёки женщины. Это — знак благородного происхождения, который накладывается ещё в детстве.

Эфиопы красивы и стройны. Походка у молодых ритмичная, изящная. Но женщины из богатых семей, особенно замужние, ходят слегка переваливаясь, «потуинуму». Впоследствии, привыкнув, я даже стал находить в такой походке своеобразную грацию. У эфиопских женщин лицо, шея и руки часто покрыты замысловатой татуировкой.

Большинство населения не пользуется обувью, конечно не из-за простого нежелания носить её. Однако ноги у людей сохраняют красивую форму. Кожа ног, как и всего тела, — шоколадная у амхарцев и чёрная у других народностей, но ступни у них розовые.

26 СЕНТЯБРЯ.

Шумные и обильные тропические ливни, встретившие нас ещё в самолёте по пути из Асмары в Аддис-Абебу, продолжают по сей день. Вначале они нравились своей экзотической новизной, затем стали привычной неприятностью, а в последнее время уже угнетают. Они затрудняют дыхание, заставляют частенько замирать сердце в без того разреженной атмосфере.

Достаточно пробыть одну минуту под тропическим ливнем — и вы промокли до нитки. Но проходит час — и земля вновь суха, солнце светит как ни в чём не бывало, тишина заставляет забыть, что лишь недавно грохотал гром.

По интенсивности проз Эфиопия стоит на одном из первых мест в мире. Часто выпадает град. В госпитале в период ливней увеличивается количество больных с тяжёлыми астматическими обострениями.

Самое дождливое время — с конца июня по конец сентября. Это так называемый период «больших дождей», в отличие от «дождей малых», которые начинают лить в марте и длиться обычно шесть недель. Почва размокает настолько, что в это время нарушается связь между отдельными частями страны.

В период ливней особенно нагло ведут себя гунданы — особый вид коричневых муравьёв, длинных, жирных и злых, которых и здесь, в городе, очень много. Вцепившись в свою жертву, гунданы не отстают, пока их не раздавишь. Мы с трудом спасли от них щенка-сосунка, они его чуть не заели.

Фрукты, вызревающие в период дождей, — безвкусы, апельсины и мандарины кислые. Когда дождям приходит конец, лица у людей становятся светлее, радостнее. В ознаменование конца дождей у эфиопов существует даже особый праздник — «Маскаль».

«Маскаль» обычно празднуется 27 сентября. Но уже сегодня с вечера по улицам движутся праздничные толпы мужчин в белых одеждах. Женщины после наступления сумерек не появляются на улицах.

27 СЕНТЯБРЯ.

Сегодня мы наблюдали празднование «Маскаля».

...Автомобиль выносит нас на «пьяса» — центральную площадь города. В низко нависшее прозрачное небо вихрем вздымаются каскады искр, напоминая громадный феерический цветок. Воздух напоён запахом горящего эвкалипта: в центре площади, близ памятника Менелику II, тонкие стволы эвкалиптов, скрещиваясь вверх, обрамляют разложенный под ними костёр. Деревья эти срублены только сегодня. Праздничная процессия, двигаясь с песнями, ритмичным шагом, доставила их сюда на плечах. Вершина многоярусного эвкалиптового конуса украшена огромными букетами ароматных цветов. Трещат охваченные огнём стволы, одна за другой падают наземь громады деревьев.

Из толпы отделяются стройные белые фигуры и через головы стоящих мечут в костёр горящие головни. Вот небольшая группа молодёжи, медленно покачиваясь, кружит у костра. Монотонное пение, сопровождающееся рефреном из двух непрерывно повторяющихся слов: «айзох амара, айзох амара, айзох амара». Многие из присутствующих, очевидно, не знают даже и точного значения этих слов. Наш шофёр Ильма объясняет это: «Не боюсь птицы». Более точный смысл этих слов: «Эфиопы бесстрашны» (айзох — не боюсь, амара — амхарец).

Мы знаем, что эфиопский народ уже не раз доказывал своё бесстрашие. Может быть поэтому несложный и монотонный мотив неожиданно начинает звучать для нас, как боевая патриотическая песня!

На улицах у домов — всюду костры, вокруг них на корточках сидят целые семьи.

Надвигается ночь. Пустеют улицы. Направляемся домой и мы. Проезжаем мимо нового дворца императора, окружённого невысокой стеной. На рекламных плакатах кинотеатров — пошлые кадры из стандартных американских фильмов.

Как мерзко и оскорбительно выглядит эта дешёвая голливудская стряпня по сравнению с наивными, но полными национального достоинства, обычаями эфиопов.

1 ОКТЯБРЯ.

Дожди действительно прекратились, и установилась жаркая погода. Началась засушливая пора года. Фрукты стали значительно слаще, муравьи-гунданы — менее назойливы.

Сегодня, 1 октября, празднуется день коронации негуса Хайле Селассие. В числе других гостей мы получили приглашение на приём к императору.

Мы подъехали к старому дворцу как раз в тот момент, когда к нему приближалась машина негуса. Улица оказалась запруженной людьми. Среди них было много всадников.

На подступах к дворцу и внутри его выстроилась шпалерами императорская гвардия в парадной форме, то есть в мундирах защитного цвета, гусиных и башмаках. В большом зале распорядитель в штатском устанавливает порядок и очередность приёма. Устланная коврами лестница ведёт в тронный зал. Церемониал приёма начинается. Гости входят по-двое.

На троне справа стоит император, слева — императрица.

На приёме присутствовал весь дипломатический корпус. Это было довольно колоритное зрелище — дипломаты почти всех стран в национальных парадных одеяниях либо в штатской европейской одежде, но со всеми знаками отличия. Особенно сверкал золотым шитьём мундир английского посла. «Тщетная попытка «позолотить» надающий авторитет Британской империи», — мелькнуло у меня в голове.

По церемониалу предстояло отвесить три низких поклона: один при входе, другой посередине зала и третий у трона. Для дипломатов, привычных к подобного рода процедурам, это было несложным делом. Мне же, должен признаться, это удавалось с трудом.

Хайле Селяссие, стоя у прона, увенчанного короной с золотым крестом, любезно отвечал на каждый поклон

Спустя некоторое время вереница лакеев в зелёных ливреях и корогких красных штанах прошла по залу, обнося гостей различными угощениями. Это был знак того, что официальная часть приёма окончилась. Между присутствующими завязалась беседа.

4 НОЯБРЯ.

В 120 километрах от Аддис-Абебы находится город Амбо. Он расположен на высоте «всего» 1800 метров. Это означает, что там можно отдохнуть от кислородного голодания, на которое обрекает человека пребывание в столице Эфиопии.

Выехали часов в десять утра. Дорога, вначале пустынно-однообразная, вскоре стала живописнее. Машина как будто всё время кружит в сплошном кольце гор. Первую половину пути дорзга идёт вверх, но затем круто сворачивает вниз. Дышать становится легче. Одна за другой мелькают то амхарские, то галасские деревни.

Деревня в Эфиопии — это обычно одна широкая пыльная улица, с обеих сторон застроенная тукулями, почти всегда окутанными дымом. Изредка попадаются селения с высокой деревянной церковью в центре.

Навстречу нам движется толпа людей. Оказывается, это свадебное шествие. Около одного из тукулей толпа останавливается. Мужчины одеты в пёстрые, красно-жёлто-зелёные, плотно облегающие тело рубашки и защитного цвета штаны, туго обтягивающие лодыжки; женщины — с высоко взбитой причёской чёрных волос. В ожидании выхода невесты они кружат, взявшись за руки, в медленном хороводе под звуки барабана и какого-то инструмента, напоминающего нашу пастушескую дудку. В центре круга танцует молодая девушка: нижняя часть её тела почти неподвижна, руки бездействуют, но шея выделяет какие-то конвульсивные движения, в такт которым танцовщица произносит шипящие звуки: «Ыши, ыши, ычи». Как бы аккомпанируя ей, остальные всё время тянут фальцетом одну и ту же высокую ноту.

В зажиточных семьях свадебные празднества нередко продолжаются по несколько суток. Столы в доме новобрачных уставлены местными лакомствами: жирной вяленой бараниной, остро наперченной курицей «вотт», сырым мясом, брагой «тэдж». Несколько суток подряд продолжаются пляски под звуки барабана.

Новая деревня, и снова та же широкая улица. Из тукулей выбегают жители. Дети — все, сплошь стриженные, с забавными хохолками на макушке, хором кричат «тынастрли» — «здравствуйте». У дверей хижин — обнажённые по пояс, с лицами, покрытыми коготью, измождённые женщины.

Между деревнями раскинулись поля, покрытые густыми посевами «тэффа». Этот неприхотливый злак («эрагrostis абиссиника») даёт здесь обильный урожай. Из «тэффа» готовится излюбленная еда эфиопов — инжира. Это большие кисловатые блины, обильно политые соусом из красного перца «бэрбэрэ»; они заменяют эфиопам хлеб. Любимый и широко распространённый напиток — брага «тэдж», изготавливаемая, однако, не из мёда, а из семян «гашу» — дерева породы лавровых. Любят эфиопы и пиво — его варят из зёрен растения, называемого «дагуса».

Но вот и Амбо. Природа здесь более «африканская», чем в Аддис-Абебе. В самом городе и в его окрестностях растёт много красивых белых и розовых кактусов, напоминающих своей формой гигантские канделябры. Они ярко блестят на утреннем солнце и тускло мерцают в сумерках; кажется, будто в каждом из «канделябров» горит множество тонких восковых свечек.

Тут в изобилии растут местные фрукты. Очень приятны на вкус плоды манго — мякоть их напоминает сладкий герпковатый крем. Непосредственно на стволе дерева, пакетами, растут плоды папая или анона. Это ароматные дынеобразные плоды. Под папаями на земле стелются амбульки — маленькие вкусные дыньки.

В парке и вокруг города — громадные баобабы и сикоморы, изредка встречаются пальмы.

Городок, как и окрестные селения, застроен тукулями. На главной же — широкой и длинной улице — тукули стоят попеременно с одноэтажными домиками европейского типа.

В центре, в красивом парке — ванное заведение. В Амбо много горячих минеральных источников, и предприимчивые иностранные дельцы не оставили их без внимания.

Здесь лечат сосудистые заболевания и ревматизм. Пьют воду и желудочные больные. Состав источника не изучен, но он, несомненно, имеет лечебные свойства.

На обратном пути нашу машину крепко трянуло на ухабе — дороги Эфиопии несомненно оставляют желать много лучшего. Сейчас деньги на ремонт и строительство дорог дают господа американцы. Конечно, они меньше всего думают при этом об удобстве населения, а прежде всего заботятся об «удобствах» Пентагона.

10 НОЯБРЯ.

На днях нас посетил наш друг М. — человек критического склада ума, искренне и горячо желающий благоденствия и процветания своему народу.

— Я слышал, вы были в Амбо. Что же, недурная туристская прогулка. Но я бы на вашем месте посетил озеро Тана, — сказал он.

И не ожидая дальнейших вопросов с моей стороны, он рассказал поучительную историю, связанную с этим озером, которое можно смело назвать «озером раздора». Главное из его рассказа я решил занести в свою тетрадь.

Тана — самое крупное и самое живописное из всех пресных озёр Эфиопии. Водное зеркало его — около трёх тысяч квадратных километров — усеяно небольшими зелёными островками. Вода в нём мягкая, приятная на вкус, а это большая редкость здесь Тана изобилует рыбой. В нём водится огромное множество бегемотов и совершенно нет крокодилов, хотя их много во всех владающих в озеро речушках.

Вокруг озера живёт племя ваито, промышленяющее охотой на бегемотов. Это животное — самый страшный вредитель сельского хозяйства. За месяц один бегемот может попортить огромную площадь посевов, а за год сожрёт столько, сколько нужно для прокормления двух тысяч человек. У ваито охота на бегемотов считается не только промыслом, но и делом доблести. Юноша из племени ваито не имеет права жениться, пока не убьёт бегемота. До тех пор он не считается настоящим мужчиной. А убить бегемота, между прочим, не так уж легко с помощью того нехитрого оружия, каким располагают ваито.

У озера Тана есть ещё одна особенность: дующие здесь ветры меняют своё направление в определённое время дня. Первые четыре утренних часа ветер дует от берегов к центру озера и называется «табахи». Затем он поворачивает в обратном направлении и превращается в холодный, пронзительный шквальный «бахри». И горе охотникам-эфиопам, бороздящим Тана на своих утлых лодках — «танква», если их настигнет бахри!

Но главное не в красотах и капризах озера Тана, а в том, что из этого озера вытекает Голубой Нил.

Эта мощная водная артерия берёт начало в горных массивах Эфиопии, впадает в озеро Тана и вытекает из него могучим потоком, пересекает границу и широко разливается по хлопковым полям Судана. Он наполняет жизненной влагой оросительные каналы и несёт плодороднейший ил. У города Хартума — столицы Судана — Голубой Нил сливается с Белым. Воды могучих рек ещё долго не смешиваются в едином русле — у левого берега отчётливо видна белая струя, а у правого — голубовато-зелёная.

— Почвы Египта и Судана, — подчеркнул в своём рассказе М., — бесконечные хлопковые плантации Англии, живут в огромной степени за счёт тех природных удобренний, которые им приносят воды Голубого Нила. Представляете себе значение озера Тана? Поставьте здесь заслон-плотину, и английская хлопковая жатница будет лишена влаги и плодоносного ила. Тана — ключ Голубого Нила, — заметил он.

Действительно, если озеро окажется в руках американцев, они смогут поставить английские хлопковые плантации в исключительно трудное, почти безвыходное положение. Да дело и не только в экономике. Эфиопия — такой стратегический плацдарм, откуда можно ударить и по Египту, и по Адену, закрыть выход из Красного моря и захватить господство над всеми британскими колониями в Африке. Не так давно об этом мечтал итальянский фашизм. Сейчас его планы унаследовал американский империализм. Озеро Тана становится важнейшим участком борьбы между колонизаторами.

19 ЯНВАРЯ 1950 ГОДА.

Приближается к концу первый год нашего пребывания в Аддис-Абебе. Многое из того, что вначале казалось непонятым в этой стране, уже прояснилось. Мы наблюдали в повседневном общении наших переводчиков и санитаров, наших пациентов и просто знакомых и постоянно убеждались в природном уме и трудолюбии, в нравственной чистоте эфиопов. Но мы видели, что только очень немногие из двенадцатимиллионного народа получают возможность приобщаться к элементарной культуре.

Когда я думаю о том, что же препятствует более или менее широкому приобщению народов Эфиопии к культуре, то вижу причину этого прежде всего в англо-американских империалистах, тормозящих общее развитие страны. Препятствует этому и деятельность реакционно настроенного высшего духовенства. Церковь в Эфиопии — большая сила. Она пользуется значительным влиянием среди господствующих феодальных кругов и сама является крупным феодалом-помещиком. Церковь владеет огромными, по местным понятиям, поместьями, пожертвованными ей «за услуги» негусом и эфиопскими лэнд-лордами. Церковь играет важную роль и в судопроизводстве: многие документы Эфиопии написаны на древнецерковном языке «геез». Этот язык недоступен не только простому народу, но подчас и самим судьям. Вот почему «толкователями» законов в каждом отдельном случае выступают обычно представители церкви. Всячески отстаивая старые порядки, противясь реформам, церковники, в сущности, отстаивают всевластие реакции в Эфиопии. Держа народ в темноте и невежестве, они всячески используют в своих интересах его религиозные настроения и предрассудки.

Эфиопы в большинстве своём — христиане-копты. Много среди них есть и мусульман. Кое-где, в отдалённых провинциях, сохранились язычники. Коптская секта признаёт в Иисусе Христе лишь божественное естество, в отличие от остальных христиан, признающих в нём и бога, и человека. Коптианство зародилось ещё в IV веке в Египте, откуда оно проникло и в Эфиопию.

Многочисленное духовенство всячески поддерживает в населении фатализм и суеверие. Многие взрослые, не говоря уже о детях, искренне верят в существование ведьм, злых духов и «оберегают» себя с помощью всякого рода амулетов и вытатуированных на лбу и груди крестов. Люди боятся «сглазу». Бездетность сплошь и рядом считается результатом воздействия «дурного глаза».

Эфиопы очень строго соблюдают обычаи, освящённые церковью. Свинья, заяц, утка, гусь считаются «погаными» животными («мидако»), и есть их запрещено. Многие фанатики изнуряют себя длительными постами, питаются в эти дни только пресными лепёшками и водой. Наш позар Аснака, поевши в пост мясо, счёл себя великим грешником и долгое время по ночам бредил, мучался кошмарами и «видениями».

Бесконечное празднование дней всех «крупных» и «мелких» святых отнимает много времени и средств у бедного населения.

...Сегодня и завтра празднуется Крещение. С восьми часов утра к ипподрому тянутся толпы людей. Многие приехали и пришли пешком издалека ещё вчера и ночевали за оградой. В восемь с половиной часов утра еле пробиваемся на машине к воротам ипподрома и затем уже пешком проходим к бассейну. Прямо перед ним — императорский трон. На плавающем плотике горят свечи: впечатление такое, будто огни пылают на поверхности воды.

Священники в пышных ризах, но большей частью босые, кропят императора и его приближённых. Дипломатический корпус и гости, в число которых попали и мы с женой, расположились в креслах, стоящих полукругом возле трона. Затем трон и кресла сидящих поворачиваются к толпе. К бассейну со всех сторон сбегаются люди: они весело брызжут водой друг в друга.

А перед тронном уже началась духовная церемония: звучат мелодичные звуки барабана *корабо*¹. Под их однообразную мелодию священники затягивают заунывные духовные псалмы и одновременно начинают приплясывать. Два ряда одетых в белое священников, потрясая длинными жезлами, то сближаются, то вновь расходятся...

Высшее духовенство — князья церкви — в этой церемонии не участвуют. Они укрываются от палящего солнца громадными яркими шёлковыми зонтами.

Зрелище, вначале занятное, постепенно становится утомительным. Не утомляет только *корабо*. Если бы не страшный зной, казалось бы, что лежишь в лодке и слышишь, как ударяются о борта морские волны...

Такого рода пышными церемониями сопровождаются многие праздники. Ими эфиопская церковь старается укрепить своё влияние в народе...

9 ФЕВРАЛЯ.

Февраль в Абиссинии всё ещё зноет, горяч и сух. В поисках места, где можно было бы найти кратковременный отдых после работы, направляемся в Бишофту.

Пожалуй, нет более удобного и уютного угёлка вблизи Аддис-Абебы, чем Бишофта. Разумеется, для тех, кому это по карману. А таких людей, не считая иностранцев, в столице Эфиопии немного.

Привлекают в этой местности обильная тропическая растительность и красивые озёра. Предпримчивый иностранец построил здесь гостиницу и завёл небольшой моторный катер для прогулок. Помимо своей основной деятельности, он занимается ещё скупкой и перепродажей диких животных. У него целый зоологический «универмаг». В тесной железной клетке мечется молодая львица, за загородкой вприпрыжку бродят громадные уродливые кондоры. Рядом в вольере притаилась огромная черепаха, которая свободно выдерживает на своей спине человека. На цепи у дерева сидит большая обезьяна. Она тоскливым взором провожает проходящих. Маюса маленьких обезьянок различных пород шумит в клетках. Вспоминаем о нашей «Кокс» — шаловливой ласковой обезьянке, общей любимице, недавно ставшей жертвой прожорливых гиен. В Аддис-Абебе маленькие обезьянки — такие же домашние животные, как у нас кошки или собаки.

В Бишофте мы познакомились с весьма интересным, хотя и весьма необычным человеком, господином П. — владельцем небольшого имения. Он охотно предоставляет к услугам приезжих туристов свой уютный домик, когда единственная гостиница Бишофты занята.

Болгарин по происхождению, П. приехал в Африку давно, ещё будучи юношей. Его влекла сюда страсть к приключениям. Заядлый охотник, он поселился в Эфиопии, потом приобрёл участок земли и занялся собиранием и культивированием богатой местной растительности. Свою исследовательскую деятельность он до сих пор сочетает с охотой. В молодости он убил восемнадцать слонов, множество леопардов и львов. Стены его жилища увешаны всевозможными охотничьими трофеями. Здесь можно увидеть и кожу ядовитых змей, и гигантского тарантула, и рога антилопы, и чучела редких птиц, и львиные и леопардовые шкуры.

Дорога к владениям П. ничем не отличается от обычных однообразных степных пейзажей. Радует глаз лишь голубеющая вдали гладь небольшого озера. Над ним то и дело взлетают дикие утки. Охота в этих местах богатая. Нильские гуси, цапуги, зайцы, газели и прочая дичь манят сюда многих жителей эфиопской столицы, любящих побродить с ружьём в руках.

¹ *Корабо* представляет собой средних размеров полубочку с натянутой по краям кожей. Получаются два дна разного диаметра, отчего при ударах ладонями раздаются два звука разной тональности, чем-то напоминающие шум морского прибоя.

Завидев нашу автомашину, хозяин вышел навстречу и проводил нас к себе. Имени П. расположено на отлёте, и он уже много лет живёт здесь в одиночестве.

П. сейчас семьдесят пять лет. В его внешности есть что-то напоминающее Льва Толстого. Несмотря на свой почтенный возраст, он обладает большой физической силой. Два домика — для себя и гостей — П. построил своими руками и сам же возвёл каменную стену вокруг своего владения. Он обзавёлся домашними животными, обеспечивающими его продуктами питания, хотя вообще скот в Эфиопии очень мало продуктивен, так как всегда находится на подножном корму и летом постоянно страдает от бескормицы.

В озере П. развёл рыбу, равной которой по вкусу не найдёшь во всей Эфиопии. Но главная его гордость — это парк, где им собраны самые разнообразные экземпляры растений местной флоры: лимонные и апельсиновые деревья, баобабы, сикоморы и многое другое. Говорят, что из твёрдой древесины сикоморы египтяне изготовляли гробы для мумий. Нас заинтересовал особый вид бананового дерева, называемый «Муза энсэта». Листья его идут в пищу для скота, из корней эфиопы готовят себе различные блюда, а из волокон делают ткань.

Есть у П. несколько экземпляров колкуала — канделябрового молочая; сок его — сильнейший яд, способный выжечь глаза.

Хозяин справедливо гордится своим кофе и охотно убошает им. Лучшими сортами кофе на мировом рынке, кстати сказать, считаются харрарский «мокко» и «абиссинский» из провинций Каффа и Сидамо. Он успешно конкурирует с аравийскими сортами. Что касается самого названия «мокко», то оно происходит от названия порта в Аравии, через который идёт большая часть мировой торговли кофе.

Рассказывают, что ещё в пятнадцатом столетии какой-то абиссинский пастух обратил внимание на необычное поведение своего стада: козы по ночам не только не спали, но как-то неестественно резвились. Проследив за животными, пастух заметил, что они питаются листьями кофейного дерева. Тогда он сварил листья и зёрна и, отведав напиток, убедился в его бодрящих о свойствах.

Монахи-мусульмане, старавшиеся отогнать сон во время ночных религиозных бдений, стали употреблять для этой цели настой из кофейных зёрен и впоследствии культивировали и распространяли кофе в Египте. Таким образом, впервые кофе был обнаружен, видимо, в Эфиопии. Само слово «кофе» напоминает «Каффа» — наименование одной из местных провинций.

...Весь день мы провели у П., который принял нас с поистине славянским радушием. Он знакомил нас с местной природой и рассказывал много интересных эпизодов из своей полной приключений жизни. С большой любовью относится он ко всему русскому. В библиотеке его много произведений русских классиков и советских писателей. Он знаком с работами Мичурина, интересуется советским искусством, не пропускает ни одного из советских кинофильмов, демонстрируемых в Аддис-Абебе.

Вечером, когда смолкли дневные шумы, нас поразили незачкомые до сих пор нежные мелодичные звуки — это завела свою песню «соффар» — поющая акация. Собственно говоря, «поёт» не дерево, а ветер, проходящий через отверстия, проделанные насекомыми в его плодах.

Уже на рассвете покинули мы гостеприимного хозяина — одинокого славянина, затерявшегося в знойной Африке.

Возвращаясь из Бишофты, я почему-то вспомнил о другом иностранце, связавшем свою судьбу с этой страной, — человеке, совсем не похожем на скромного отшельника П., — об Альберто Прассо, историю которого мне рассказали наши аддис-абесские друзья.

Не знаю, жив ли ещё Альберто Прассо или нет, но имя его «украшает» фирму, владеющую богатыми горнорудными концессиями в Эфиопии. Не то бельгиец, не то итальянец по происхождению — впрочем, неважно, из какой страны родом был этот типичный космополит, считавший, что родина его там, где ему удастся сорвать

крупный куш. — Прассо всю жизнь колесил по Экваториальной Африке в погоне за наживой. В отличие от П. он ненавидел труд. И, пожалуй, единственным орудием, какое он когда-либо держал в своей руке, — была ручка, которой он подписывался на листках чековой книжки. Это был типичный авантюрист и конквистадор капиталистической формации.

Бродя как-то по Родезии, он увидел давно заброшенные рудники. По преданиям, древние египтяне много веков назад добывали в них золото и драгоценные камни. Эти рудники были уже совершенно пусты и «бесплодны». Но с тех пор Прассо, как одержимый, стал искать в разных концах Африки заброшенные, но неископанные прииски и разработки И в Эфиопии он действительно нашёл их.

На скупленных им по дешёвке землях сотни полурабов добывали ему в рудниках золото и платину. Каторжный режим, установленный на концессии Прассо, был настолько ужасен, что даже в далёких селениях до сих пор сохранилась страшная слава о нём. Сам Прассо, основав акционерное общество с центральным правлением в Париже, приобрёл громкую известность и считался среди других капиталистических хищников редким образцом «баловня судьбы». О нём местные колонизаторы говорят с чувством восторга и зависти. Между тем о скромном, гуманном П. — человеке, живущем собственным трудом и затрачивающем немало сил для полезного изучения природы этой всё ещё малоисследованной страны, — те же люди говорят с оттенком пренебрежения и неприязни.

2 МАЯ.

В работе время проходит быстро. Каждый день загружен настолько, что скучать просто некогда. И всё же сердце всё чаще и чаще охватывает шемашее чувство тоски по родине. Чтобы немного приглушить его, каждую свободную минуту отдаём чтению советской литературы — её мы аккуратно получаем. А по утрам, перед работой, собираемся у приёмника и жадно слушаем голос нашей страны. Волны эфира доносят к нам гул строек, радостные песни родного народа. Мы переглядываемся и читаем в глазах друг друга одно и то же желание — скорее домой! Вслух об этом говорить не принято. Лишь в конце радиопередачи, когда передаётся сводка погоды, среди присутствующих то и дело раздаются изумлённые «о!о!». Может показаться странным, почему москвичи, ленинградцы, одесситы, находясь в Аддис-Абебе, всегда так удивляются и радуются температуре воздуха в родном городе, как будто это поистине знаменательное событие. По себе знаю, что в это восклицание вкладываются самые различные мысли и эмоции.

Первомайские праздники проводим в нашей миссии.

Громадный эвкалиптовый парк убран красными флагами. Вечером широкая аллея освещена электрическими фонарями; сквозь густую зелень листвы они кажутся огромными светляками. Из зала несётся музыка. Весело. И всё же это оживление лишь в ещё большей степени подчёркивает томящее нас чувство тоски по родному дому. На чужбине надо крепко держать себя в руках, чтобы не поддаваться этому чувству. Только сознание ответственности за порученное дело и упорная работа помогают владеть собой.

Часто «отводим душу», посещая советскую фотовыставку, организованную ВОКС. Выставка пользуется большой популярностью у местного населения. Группа интеллигентов успешно изучает в организованном при выставке кружке русский язык. Слушатели живо обсуждают достижения Советского Союза.

Вот два учителя остановились у диаграммы, изображающей рост среднего образования в СССР. Они никак не могут представить себе, что число средних школ на диаграммах действительно даётся в тысячах. Ведь в Эфиопии школ очень немного. Даже в столице насчитывается менее десяти школ, причём большинство из них принадлежит иностранным миссиям и носит скорее рекламный, чем учебный характер. К тому же обучение в них, как правило, платное и доступно лишь детям богачей и иностранцев.

Несколько бесплатных школ, содержащихся за счёт благотворительности, естественно, не могут удовлетворить потребности двенадцатимиллионного народа. Педагогов-эфиопов очень мало, в школах преподают, главным образом, иностранцы. Я встречал нескольких индусов, приехавших сюда специально для того, чтобы преподавать в эфиопских школах. Легко себе представить, какое впечатление производят на местное население стенды с диаграммами, показывающими огромные успехи народного образования в СССР.

На выставке иногда демонстрируются советские кинофильмы. В такие дни зал не в состоянии вместить всех желающих.

Эфиопы — большие любители спорта, особенно футбола. Те, кому удаётся увидеть на экране наши спортивные праздники и состязания, приходят в восторг. Народ здесь очень восприимчив и к музыке. Мы часто слышим, как наши санитары напевают, и притом довольно точно, мелодии песен из советских кинофильмов. Вообще население открыто выражает своё восхищение советскими кинофильмами.

10 МАЯ.

Однажды на выставке ВОКС разговорился с молодым эфиопом, немного знавшим русский язык и довольно бегло изъяснявшимся на английском. Он замер от удивления перед стендом, посвящённым культурной революции в СССР.

Я попросил его рассказать мне об эфиопской литературе. От него я узнал, что первые национальные типографии появились в стране всего лет 35 назад. Одна из них была собственностью негуса, а вторая — тогдашнего министра иностранных дел Херуи. До этого литературная продукция Эфиопии печаталась за границей; она писалась на древнецерковном языке «геез», совершенно непонятном и чуждом народу. Это были главным образом книги богословско-религиозного содержания. Существовала также светская придворная поэзия, восхваляющая доблесть и добродетели феодалов.

Ныне в Эфиопии постепенно создаётся новая литература. Она носит реалистический, умеренно обличительный характер. В ней осуждаются невежество, суеверие, ранние браки и неустойчивость браков и семьи вообще, развращённость и реакционность духовенства. Однако, насколько я мог понять моего собеседника, основные язвы — произвол феодалов-помещиков, продажность крупных чиновников, бесправие, нищета и бескультура народных масс — остаются всё же вне внимания литературы.

— Не видеть всего этого нельзя, — с горечью заметил мой собеседник. — Можно только не хотеть всё это увидеть.

Одним из виднейших эфиопских писателей считается Вольде Селяссиэ Херуи. Он автор романов, поэм и философских сочинений, написанных не на древнецерковном «геезе», а на современном амхарском языке, более доступном народным массам.

Уже создана учёным и писателем Габру первая грамматика амхарского языка. Известный дипломат и бывший министр Текла Хавариат, кстати говоря, получивший военное образование в старой России, выступил как автор комментариев к эфиопской конституции и книги об основах сельского хозяйства.

— Вам всё это может показаться незначительным, — сказал мой собеседник, — но для нас всё это имело и имеет огромное значение.

В молодой светской литературе Эфиопии звучат патристические мотивы. Писатели пробуждают в народе национальное самосознание, будят в нём тревогу перед безопасностью, грозящей со стороны чужеземных колонизаторов.

Кто бесполезен своему Отечеству, где он родился,
Тот проклят на этой земле.

Родина моя, Эфиопия, в которой я родился,
Сколь многочисленны твои враги!
Но мы не выдадим тебя; мы защитим тебя!
Мы знаем: враг не оставит нам и крошки хлеба.

Мы окружены, как логовище льва,
Но мы, твои сыны, дружно поднимем щиты!

Эти стихи эфиопского поэта, проникнутые подлинным патриотическим пафосом, мне вполголоса прочитал тут же на выставке мой собеседник.

28 МАЯ.

Вчера в окрестностях города я увидел огромное дерево с широкой кроной, усыпанное розовато-красными цветами, напоминающими мелкую резеду. Зелёная листва слегка подёрнута румянцем увядания. Веточки покрыты мягким нежным пушком.

Цветы этого дерева, называемого «косо», население применяет как лекарство. Эфиопы, которые нередко едят сырое мясо и живут в плохих санитарных условиях, почти оплошь страдают глистами. Народной медицине здесь известно несколько сильнейших средств. Кроме «косо», вам предложат на маркете за десять центов стакан зёрен «инкоко» — порцию, способную убить верблюда. Такого рода народные снадобья употребляют не только взрослые, но и дети. Принимая их «на глазок» в произвольном количестве, эфиопы часто отравляются настолько сильно, что спасение оказывается невозможным.

Народная медицина Эфиопии богата множеством ценных лечебных средств. Но невежественные знахари неспособны применять их целесообразно и чаще всего калечат людей.

Чего стоит, например, существующий здесь обычай вырывать у младенцев язычок (лингула), так как он якобы служит причиной болезней. Этой варварской «операции» знахари подвергают большинство новорождённых.

Очень часто «абиша-хакимы» — знахари — лечат от многих болезней калёным железом. У эфиопов можно часто видеть обезображивающие рубцы — следствие подобного «лечения».

Мне не раз приходилось встречаться с жертвами «абиша-хакимов». Сегодня произошёл такой случай.

За дверью моего кабинета невообразимый шум. Слышен голос ассистента Байяне: «Кой тыниш, багаля» — «Подождите, немного после».

Но те, кто добивается встречи со мной, не успокаиваются. Им нельзя ждать, их необходимо принять тотчас же; доказывают они. Байяне сдаётся. В кабинет входит человек десять — по одежде узнаю в них мусульман. Они вносят на руках молодого мужчину, бьющегося в жестоком эпилептическом припадке. Уложив больного на диван, они хором начинают объяснять причину своего прихода. С трудом удаётся заставить замолчать всех, кроме одного, наиболее спокойного.

Байяне дословно переводит его взволнованную речь:

— Мы всё знаем, что ни один человек не в состоянии вылечить болезнь нашего родственника, так как она от дьявола.

Все присутствующие подтверждают своё согласие с этой точкой зрения.

В дальнейшем выясняется, что, по их мнению, «болезнь всё же излечима». С величайшей предосторожностью один из них извлекает из кармана какой-то маленький предмет и передаёт мне. Оказывается, это металлический патрон с запаянным в нём целебным средством. Мне говорят, что просто распечатать его никак нельзя: в нём находится «чёртовое мясо». Недавно, во время грозы, оно упало с неба и «абиша-хаким» ему одному известным способом запрягал его в патрон. Прикасаться к этому дьявольскому средству руками строго запрещено — оно немедленно развевается в прах. Извлекать его следует, по указанию знахаря, только гвоздём.

Посетители просят меня ввести под кожу больному это необыкновенное лекарство. Таким способом уже якобы было излечено несколько человек.

Я «бесстрашно» распечатываю патрон. Все с ужасом следят за моими движениями. Патрон благополучно вскрыт. В нём туго спрессованные клочки материи. Беру металлическим пинцетом тряпичные клочки и развёртываю их. «Чёртовое мясо» оказывается зерном чёрного перца. За это «лекарство» с доверчивого больного содрали десять эфиопских долларов — стоимость хорошей коровы.

Местные знахари, пользуясь отсутствием в отдалённых районах настоящих врачей, «лечат» от всех болезней травами и заговорами. Некоторые из них, поработав санитарями при врачах, отваживаются даже производить хирургические операции, принося много горя доверчивым пациентам.

Придумываются несуществующие болезни. Так появилась фантастическая болезнь, которую якобы вызывает муха, забирающаяся через ухо в мозг. Многие «врачеватели» уверяли больных, что видят эту муху, и даже умудрились показывать её пациенту. Лечили от этой мнимой болезни вливанием керосина. После такой процедуры, конечно, начиналось незамедлительно воспаление уха, которое «абиша-хакимы» и принимались снова усердно лечить, всячески облегчая карманы своей жертвы. Поподобились серьёзные усилия властей для прекращения этого жульничества.

По деревням ходят бродячие знахари. Они предлагают всевозможные лекарства — не только от бешенства, но даже от смерти. Один из наших знакомых рассказал такой эпизод. Ловкач-знахарь, только что получивший барана за «лечение» одного из соседей, стал предлагать лекарство от смерти. Наш приятель поставил условие — испытать сперва средство на баране.

— Мы дадим твоему барану лекарство, — предложил он, — а затем я выстрелю в него из ружья: если баран останется жив, я дам тебе второго, а если умрёт, — займу твоего, а тебе дам по шее.

«Абиша-хаким» почесал затылок и сразу же удалился.

8 ИЮНЯ.

Вчера наш госпиталь отметил трёхлетие своего существования. За это время он успел завоевать прочный авторитет среди населения. Велика его популярность и среди живущих здесь многочисленных европейцев, несмотря на наличие в Аддис-Абебе других иностранных госпиталей.

Больных привлекает в наш госпиталь не только современное оборудование и высокая квалификация персонала, но прежде всего — чуткое отношение и честный, советский подход к лечению.

Больные приходят сюда зачастую после длительного, бесплодного и недобросовестного лечения у специалистов-иностранцев, видящих в каждом пациенте не живого страдающего человека, а всего лишь одушевлённую «статью дохода». Аддис-Абеба в этом смысле ничем не отличается от Каира, врачебные нравы которого мы уже описывали.

Намеренное затягивание лечения, даже во вред больному, — основной «метод», применяемый торгашами от медицины. До сих пор помню маленькую Абэвэч. Когда отец принёс к нам девочку, она походила на живой труп. Тельце — кожа да кости, тоскующий неподвижный взгляд тусклых глаз, вялая реакция на окружающее. Ребёнок умирал от истощения. В течение полугода Абэвэч лечили в другом госпитале «от газов». Она уже долгое время не принимала пищи. Своевременное хирургическое вмешательство несомненно предотвратило бы столь тяжёлое истощение. Но немедленная операция вместе с тем лишила бы хирурга известной части дохода. И он намеренно медлил.

Попав в советский госпиталь, девочка сразу ожила. Ей сделали несложную операцию, заставили пройти специфическую послеоперационную терапию, и Абэвэч окончательно выздоровела.

...Абалык-Шек-Мохамед — тигрэ по национальности. Эта народность, наряду с амхарцами, принадлежит к числу основных в Эфиопии. Абадык был доставлен к нам в сопровождении слуги из Джимма. У кровати больного — привезённый им с собою промадный кованный сундук с ценностями. Абадык почти потерял надежду на выздоровление. В Джимма иностранный хирург пытался оперировать у него опухоль, но вызвал своим вмешательством лишь жестокое кровотечение.

На голове у пациента повязка, обильно смоченная кровью. Снимаю её и начинаю очерчивать. Операция протекает в напряжённой обстановке. Пришлось предварительно зажать общую сонную артерию, но долго держать зажим на ней было остро опасным, а снятие зажима вновь вызывало кровотечение. Тем не менее, в конце концов, удалось добиться успешного результата.

Спустя несколько дней больной послал нотариусу письмо с просьбой уничтожить сделанное им завещание и вскоре выехал домой вместе со слугой и сундуком.

Число подобных примеров можно было бы значительно умножить, и каждый из них красноречиво говорит о том, почему больные здесь с особым доверием относятся к представителям советской медицины.

Советская медицинская школа завоевала огромный авторитет в Эфиопии. Иностранные врачи не могут не признавать эффективности наших методов лечения. Они заимствуют от нас и всё шире начинают пользоваться тканевой терапией по Филатову, применяют новокаиновую блокаду Вишневского. После одного из консилиумов с моим участием врач-иностранец стал пользоваться методом перкуссии (высугкивания) по Образцову.

Санитары-эфиопы за время работы в больнице хорошо изучили русский язык, прекрасно овладели техническими медицинскими навыками. Квалифицированные санитары называются здесь «ассистентами». Сейчас, оценивая накопленный ими за три года существования госпиталя опыт, можно, пожалуй, признать за ними это звание в местных условиях.

Наш госпиталь стал очагом насаждения медицинской культуры среди эфиопского населения.

— Когда вернётесь в Россию, передайте мой привет и благодарность отцу Сталину, — просит один из больных.

— Когда поедете домой, возьмите меня с собой учиться советской медицине, — просит мой ассистент эфиоп К.

В одной из местных газет была помещена статья, в которой говорилось: «Русские врачи работают для людей и для бога».

Этот может быть и несколько наивный отзыв звучит всё же как искренняя благодарность и является хорошей наградой для нас, советских медиков, прибывающих сюда за десять тысяч километров, чтобы трудиться на пользу дружественному народу.

6 ОКТЯБРЯ.

Сегодня утром мы отправляемся в свою очередную экскурсию по стране. На этот раз держим путь в Джимма. Этот город расположен километрах в четырёхстах к юго-западу от Аддис-Абебы. Попасть туда можно и самолётом. Решено было, однако, ехать на автомашине, чтобы посмотреть джунгли, а также познакомиться с горячими минеральными источниками в Волясо.

Первую половину пути проделали благополучно, вторую же, из-за плохой дороги, одолели с трудом: неполадки с машиной заставляли неоднократно останавливаться. Мы проезжали по почти безводной местности и когда, наконец, достигли небольшой реки Аваш, — она показалась нам грандиозным потоком. Здесь мы досыта «напоили» нашу машину, в радиаторе которой почти вся вода выкипела, из-за чего даже распаялась какая-то деталь.

На протяжении дальнейшего пути воду нам пришлось носить из дальних тукулей. Как обычно, к машине сбегало всё население деревень. Сначала мы удивлялись. Перед нами расстилалась однообразная, пустынная и как будто совершенно безлюдная степь; но стоило машине остановиться на несколько минут, как степь мгновенно оживала. Люди вырастали как будто из-под земли и сразу же устремлялись к нам. Тукули, рассеянные на большом расстоянии друг от друга, издали совершенно незаметны. Итало-фашистские оккупанты во время войны не раз испытывали, что означают внезапные появления среди безлюдной степи отрядов эфиопских партизан — «шифты».

Сделали остановку в районном центре. Вдоль дороги стояли приёмщики, проверявшие качество зерна, привезённого крестьянами. Длинный ряд осликов, гружённых мешками, терпеливо ожидал окончания процедуры. Способ осмотра до крайности прост: приёмщик гычет палкой в мешок и по ему одному понятным признакам определяет качество зерна.

.. Наконец, Волясо! Сюда мы добрались лишь через пять часов. Уже за несколько километров от города пейзаж стал меняться — появились пальмы, кактусы, сикоморы. Стали чаще попадаться банановые деревья.

На окраине города, в прекрасном тропическом парке, расположен курорт. Рассчитан он на очень богатых эфиопов или на иностранцев. Местные источники, как говорят, помогают при болезнях почек.

В Волясо мы заночевали — необходимо было отремонтировать машину. Выехали дальше в 5 часов утра и вскоре попали в зону джунглей.

Заросли очень густы, но их нельзя назвать непроходимыми. Во время войны итальянские оккупанты, боявшиеся партизан, беспощадно вырубали и жгли джунгли.

Мы делаем частые остановки. То тут, то там вокруг могучих стволов деревьев вьются змеевидные лианы. Взгляд останавливается на дереве, усыпанном большими ийцевидными плодами. Бросаем в один из них палку. Совершенно неожиданно «плод» раскрывается, и из него вылетает шумливая стая маленьких ярких птичек. Их испуганный щебет потревожил и заставил подняться в воздух трёх спокойно прогуливавшихся цесарок. Меткие выстрелы из охотничьей двустволки — и все три птицы падают к нашим ногам. Это спасло жизнь небольшому леопарду, пробегавшему через чащу как раз в момент перезарядки ружья.

На дороге, проложенной сквозь чащу, сидела обезьяна. Она оказалась «караульным разведчиком»; заведя нас, обезьяна издала горганный звук, и в джунглях поднялась невообразимая кутерьма: скрывавшиеся в густых ветвях обезьяны стали прыгать с деревьев и перебегать в более безопасные места. Ловкие животные, ухватив подмышку своих детёнышей, удирали в глубь джунглей. Через мгновение на ближних деревьях не оказалось ни одной обезьяны. Наши охотники с трудом удержались от соблазна поохотиться за этой «дичью». Убедившись в том, что им не грозит опасность, обезьяны быстро успокоились и стали возвращаться на прежние «квартиры», но временами всё же опасливо поглядывали в сторону непрошенных гостей. Продолжая свой путь, мы не раз приближались вплотную к деревьям и наблюдали возню обезьян, их курьёзные шалости.

Километрах в 70 от Волясо мы заметили высоко в небе столб дыма, почувствовали запах гарн. Чуть дальше нам повстречались участки безжизненно поникшего леса. Навстречу неслись стаи птиц, дорогу перебежал испуганный заяц. Проезжая тропа овернула, и перед нами открылась чаща.

Подул лёгкий ветерок, огонь стал перебрасываться на противоположную сторону дороги, угрожая преградить нам путь. Машина быстро пронеслась через этот опасный участок. И дальше на протяжении нескольких километров нам всё ещё встречались пожелтевшие, опалённые деревья.

Пожары здесь возникают чаще всего от костров, разводимых пастухами. Пламя, с которым никто не борется, уничтожает громадные участки джунглей.

В Джимма прибыли поздно вечером. Единственная гостиница оказалась переполненной. Остановиться было негде. К счастью, один из компаньонов владельца отеля лишь третьего дня выписался из глазного отделения нашего госпиталя — он был пациентом моей жены. Это обстоятельство сразу открыло нам двери в неприступную гостиницу. Всей нашей довольно большой компании тотчас были предоставлены удобные комнаты для отдыха, а после ужина нас пригласили посмотреть фильм в местном кинотеатре.

Наступила ночь, и поэтому хорошо осмотреть город мы так и не успели. По первому впечатлению Джимма ничем не отличается от уже виденных нами городов. Большинство её жителей — мусульмане. Они занимаются торговлей.

Утром отправились в обратный путь той же дорогой. Весь день снова ехали через джунгли и к вечеру прибыли в Волясо. Здесь мы заночевали и на заре вновь «оседлали» нашу автомашину.

Дорогу нам часто перебегали шакалы. Ястребы, ничуть не страшась нас, спокойно восседали на обочинах, иногда неохотно и тяжело взмывая ввысь. Близ придорожных тукулей, не тревожимые жителями, бродили цапли. В воздухе ныряли и непрерывно шибетали небольшие, похожие на наших жаворонков, птички.

К городку тянулись вереницы крестьян. Все они шли с поклажей, очевидно, на рынок — маркат. Юноша ташил на плече многопудовую связку длинных поленьев. Маленький, на вид шуплый старичок нёс на плече длинный шест с гроздьями привязанных за ноги кур — штук пятьдесят, если не больше. Куры тут миниатюрные, мясо их жёсткое, неукосное.

Немолодая женщина согнулась под тяжестью большого, наполненного чем-то кувшина «гомба». Рядом с кувшином у неё за спиной привязан ребёнок. Головка мальчика острижена наголо, лишь на темени торчит смазанный маслом хохолок. Малышу нравится этот вид «транспорта». Он выпростал кулачок, размахивает им в такт шагу матери. Женщина, видно, идёт издалека. Лицо её измучено, отвислая обнажённая грудь, как и всё тело, покрыта расчёсами и рубцами от чесотки. Позади спокойным шагом, с пустыми руками, следует муж. Женщина тоскливым завистливым взглядом провожает счастливец, едущего с грузом на осле.

В Эфиопии очень много ослов — этих выносливых и неприхотливых животных. Осёл стоит относительно недорого, но купить животное может лишь богатч, так как для большинства населения пара долларов — целое состояние.

8 МАРТА.

Приближается срок нашего возвращения на родину. Мыслями об этом живём всё последнее время. По вечерам раскладываем на столе карту мира, ставим глобус и вычерчиваем маршрут. Хотелось бы уже поскорее пройти по улицам родной Москвы, промчаться по новой линии метро, прочесть сегодняшней номер «Правды», услышать бой кремлёвских курантов не по радио, а стоя на Красной площади. Как глубоко постигаешь на чужбине мудрый смысл старой русской поговорки: в гостях хорошо, а дома лучше!

Ведь прошло уже почти два года, как мы здесь. За это время многое изменилось в мире. Идёт война в Корее. Больные нашего госпиталя открыто выражают свои симпатии к свободолюбивому и героическому корейскому народу, жирной полосой подчёркивают на карте пункты, занятые Народно-освободительной армией.

Я огнюдь не закрываю глаз на то, что народные массы страны находятся ещё во власти тьмы, невежества и отсталости. Идеи прогресса и демократии только-только дают здесь первые слабые ростки. В стране очень малочисленный рабочий класс. Он насчитывает не более десяти тысяч человек, в основном занятых на железной дороге, на иностранных предприятиях и концессиях.

Ежедневно по утрам меня будит мрачный вой. Это возвещает о начале рабочего дня иностранная фабрика. К станкам здесь зовёт не радостный певучий гудок, а злобешая сирена!

Национальной промышленности в Эфиопии почти нет: с начала нашего века богатства страны хищнически эксплуатируются иностранным капиталом на «договорных» и «концессионных» началах. Итальянские, французские, немецкие и, конечно, англо-американские колонизаторы не только грабят Эфиопию, но и всячески препятствуют развитию национальной экономики. В наши дни об этом особенно ревниво заботятся американские «советники».

Но было бы ошибочным предполагать, что в самой гуще чарода не происходит никаких социальных изменений. Простые люди Эфиопии, не искушённые во всех гонимостях политической борьбы, не знакомые на практике с такими понятиями, как «избирательный бюллетень», — так как представительные учреждения страны не выби-

раются, а назначаются, — проходят тем не менее суровую и поучительную школу жизни. Она их учит очень и очень многому, в первую очередь внушая им верность патриотическому долгу и стойкость в обороне отечества от посягательств иностранных империалистов.

Мне кажется уместным напомнить здесь, что в годы второй мировой войны англичане, очищая Эфиопию от итальянцев, понесли при этом совершенно ничтожные потери (116 убитых и 386 раненых). Объясняется это отнюдь не особыми качествами британских войск, а в первую очередь — огромным размахом партизанского движения в стране. Отважные сыны эфиопского народа буквально не давали передохнуть итало-фашистским захватчикам: целые районы в годы оккупации находились под контролем партизан.

«Садитесь верхом на мулов и отправляйтесь сражаться с «макарони», — призывала одна из антиитальянских прокламаций, выпущенных партизанами. — «Поедайте» их, они не повредят вам. Некогда «макарони» уже были «съедены» нами (имеется в виду 1896 год. — В. Д.), но у нас осталось еще на глоток».

Этот документ проникнут не просто незлобивым народным юмором. Он дышит уверенностью народа в своих силах и национальным достоинством. Именно поэтому враг и был изгнан из пределов Эфиопии.

Эфиопы — воинственный, но вместе с тем и миролюбивый народ. Слишком дорого обходятся им войны, для того чтобы они легко и охотно давали себя вовлечь в новые авантюры. Здесь не забыли ещё того, что при взятии Аддис-Абебы итало-фашисты истребили тысячи мирных жителей. Вот почему слово «мир» звучит убедительно и притягательно на языках всех народностей и племён, населяющих Эфиопию. И сюда проникают сведения о том, что в городе Бамасо ещё в 1946 году было организовано «Демократическое объединение народов Африки», ставящее своей целью борьбу за мир. И здесь вы можете иной раз увидеть бюллетень с изображением крылатого голубя, где вместо подписи поставлен отпечаток пальца. И сюда доходит вой поджигателей новой войны, но этих мест достигают также и вести о забастовках горняков Нигерии, о волнениях трудящихся Золотого берега и Берега Слоновой кости.

«Африка должна быть благонадежной», — заявил мистер Ачесон. Конечно, он при этом имел в виду и Эфиопию. Мне кажется, что он не может быть вполне уверенным даже в том мелком торговце, который как-то сказал мне перед самым нашим отъездом: «Бузу гензап америкен!» — «У американцев большой карман!» Это было сказано с презрением и ненавистью.

Эфиопский народ постепенно прозревает и приучается трезво мыслить. Когда в Аддис-Абебе официально праздновалось постановление Генеральной Ассамблеи ООН о передаче Эритреи Эфиопии, народ не испытывал радости. «Эритрея будет нашей, — услышал я в этот день на улице Аддис-Абебы, — но хозяйничать в ней будут «инглиз». Эти бесхитростные слова как нельзя лучше раскрыли положение вещей: в течение долгого времени не удалось обманывать народ, даже усердно зачисляемый империалистами в разряд сугубо отсталых. Теперь и на тростниковых хижинах во многих странах Африки появляется изображение голубя с распростёртыми крыльями — символ стремления к мирной жизни!

10 АПРЕЛЯ.

Наконец, настал долгожданный час отъезда на родину. Мы — на аэродроме Аддис-Абебы, но вылет задерживается. Пассажиры забочены. Совсем недавно произошла в воздухе авария самолёта американской авиалинии 36 человеческих жертв. Среди них — многие пассажиры из Аддис-Абебы. Сгорел хирург шведского госпиталя Кволь с малолетним сыном. Я говорил с ним незадолго до катастрофы, и он рассказывал о том, что с успехом делает пластические операции по методу Филатова.

На аэродроме среди провожающих много знакомых лиц, в том числе и наши бывшие пациенты. Все они — как бы живое олицетворение нашей работы в госпи-

тале, её одушевлённый итог. Вот шейх из Йемена. Он долго пожимает мою руку и размеренно-плавно произносит на арабском языке тёплую прощальную речь. Переводчик здесь не нужен, и без него всё понятно. Шейх страдал от неудачно произведённой в Париже операции, никто из хирургов иностранных госпиталей Аддис-Абебы не рисковал вмешаться. Только в советском госпитале ему действительно помогли.

К нам для прощального пожатия тянутся десятки рук. Эфиопка Аскаля приехала на аэродром со своей семьёй. В нашем госпитале помогли не только ей, но и мужу, дочери, сестре: вторая её сестра недавно назвала свою новорождённую дочь русским именем Екатерина.

Целую моих верных помощников — ассистентов Байанэ и Қэбэдэ. Жена прощается со своим помощником галласом Марио.

Уже из окна самолёта мы видим, как машет ручонкой пятилетний индус Усман: в нашем госпитале ему вернули зрение.

Трап поднят. Самолёт в воздухе. Мы покидаем Аддис-Абебу с чувством исполненного долга и предвкушением скорого возвращения на родину. Приятно будет вспомнить остающихся здесь друзей эфиопов — умных, способных, красивых, жизнерадостных людей, достойных дружбы и уважения.



ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

Почётный академик **Н. Ф. ГАМАЛЕЯ**

★

ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ И ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ СТАРОСТЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема долголетия издавна привлекает внимание науки, и каждая новая работа по этому вопросу (и издано таких работ великое множество) неизменно вызывает к себе интерес со стороны широких слоёв населения. В этом нет ничего удивительного, ибо давно уже известно, что человеческая жизнь могла бы быть гораздо более продолжительной, чем она есть на самом деле.

Закономерный интерес людей к этой волнующей их проблеме используется в странах капитализма всевозможными шарлатанами, торгующими «эликсирами жизни» или открывающими «секрет молодости». Что же касается заправил капиталистических государств, то их, разумеется, нисколько не заботит проблема продления жизни трудящихся. Вынашивая чудовищные планы подготовки новой мировой войны и расходуя сотни миллиардов долларов на вооружение, правительство Трумэна сочло возможным ассигновать на здравоохранение менее одного процента общей суммы государственного бюджета.

Совсем иначе обстоит дело в нашей стране, стране победившего социализма, где люди являются самым ценным капиталом. Только в Советском Союзе разработка проблемы долголетия носит подлинно научный и действительный характер.

Настойчивая и планомерная борьба за продление человеческой жизни уже принесла реальные и значительные результаты. Средняя продолжительность жизни в Советском Союзе значительно возросла.

Известно, что предупредить болезнь легче, чем её лечить. Вот почему советское здравоохранение с первых же дней своего существования поставило задачей предупреждение заболеваний. Широко известны огромные успехи, достигнутые в этой области. Окончательно ликвидированы у нас такие особо опасные инфекционные заболевания, как холера и оспа, редчайшими стали случаи сыпного тифа, неуклонно снижается и заболеваемость другими заразными болезнями.

Не так давно в Западной Европе разразилась жестокая эпидемия гриппа, унесшая в могилу множество жертв. Эпидемия, начавшаяся в Англии, распространилась и в других странах. Но в СССР доступ ей оказался строго воспрещённым благодаря мерам, своевременно принятым органами советского здравоохранения.

Большое значение в успешной борьбе с заразными болезнями — этим серьёзнейшим препятствием на пути к долголетию — получили в последние годы широко применяющиеся в Советском Союзе такие эффективные лекарства, как пенициллин и другие антибиотики, а также сульфамиды (сульфидин, дисульфидин и т. д.) и некоторые специфические препараты (например, паста при туберкулёзе). Эти новые лекарственные вещества, изыскиваемые совет-

скими учёными, являются наряду с общими санитарно-профилактическими мероприятиями ценным оружием в борьбе за ликвидацию заразных болезней.

Успешная борьба с ними — один из рычагов, с помощью которого социалистическое государство осуществляет огромную работу по продлению жизни своих граждан. Однако ясно, что неравномерно большее значение имеет создание общих условий, благоприятствующих долголетию. Сюда относится соблюдение правил гигиены и санитарии в городах и других населённых пунктах, охрана труда, повседневная забота о матери и ребёнке и т. п. Всё это в невиданных масштабах осуществляется в нашей стране.

Советское государство всемерно стремится повысить рождаемость и сохранить здоровье людей. Гигантские планы преобразования природы, величественные стройки коммунизма — всё это направлено на развитие нашей экономики, на дальнейший материальный и духовный расцвет нашей страны, на всё более полное удовлетворение запросов населения.

Разработкой вопросов старости и долголетия давно уже занимались передовые учёные нашей страны, начиная с И. И. Мечникова. К их числу по праву следует отнести и почётного академика Николая Фёдоровича Гамалея (1859—1949), который ещё в 1901 году разбирал эту проблему в своей работе «О старческом увядании». К этой теме учёный неоднократно возвращался. Разрабатывая вопросы борьбы с бактериями и вирусами как возбудителями заразных заболеваний, укорачивающих человеческую жизнь, Н. Ф. Гамалея вместе с тем полагал, что борьба за широкую гигиену и санитарию является важнейшей задачей, решение которой имеет огромное государственное значение. Эти идеи Н. Ф. Гамалея восторжествовали только после Великой Октябрьской социалистической революции.

«Есть такие болезни, — говорил Н. Ф. Гамалея, — которые вовсе не обязательны для человечества и которые поэтому названы «странными». Эти болезни заразные, смерть от которых приравнивается к насильственной смерти или к самоубийству». Наряду с этим он подчеркивал: «Человеческий организм прекрасно приспособлен к сохранению и умножению жизни. Активная самозащита заключается в рефлексах нервной системы». Не лишне вспомнить, что Н. Ф. Гамалея умер на 91 году жизни, и до последних дней сохранил свежесть мысли и трудоспособность.

Посвятив свою жизнь борьбе с заразными болезнями, Н. Ф. Гамалея звял к этому и других учёных: «Что может быть почётнее и радостнее для учёных, — писал он, — чем борьба за избавление человека от опасных смертоносных болезней». Об этом же маститый учёный говорил и на Всесоюзном съезде микробиологов в 1939 году.

Мыслями о продлении жизни человека путём ликвидации инфекций проникнута и публикуемая сейчас впервые статья Н. Ф. Гамалея «Патологическая и физиологическая старость». Эта статья, по всем данным, написана в дни Великой Отечественной войны, в Боровом (Северный Казахстан), где учёный находился в период эвакуации.

Есть основание предполагать, что Н. Ф. Гамалея хотел дополнить свою рукопись экспериментальным материалом по проверке некоторых специфических методов лечения туберкулёза. Этому заболеванию он отводил большую роль, как фактору, сокращающему продолжительность жизни и вызывающему патологическую старость.

В 1949 году рукопись «Патологическая и физиологическая старость» в числе других материалов поступила для хранения и разработки в носителей имя Н. Ф. Гамалея Институт эпидемиологии и микробиологии Академии медицинских наук СССР. Рукопись, публикуемая ниже с некоторыми сокращениями, всйдёт в один из томов избранных трудов почётного академика, подготовленных сейчас к печати.

С тех пор, как написана эта статья, прошло около десяти лет. Но она не потеряла своего значения. Статья отличается оригинальностью мысли и по-новому ставит вопрос о месте микробиологии и эпидемиологии при решении вопроса о ликвидации заразных болезней и о продлении жизни человека.

Кандидат медицинских наук И. Грязнов.

* * *

Жизнь ведёт к смерти. Этот роковой конец всех живущих был источником всех религий. Но, с другой стороны, он породил всю медицину, как непрерывную борьбу за жизнь, за её сохранение и продление. И на этом пути борьбы со смертью стоит очень важный вопрос: чем вызывается смерть и от чего она зависит?

Необходимость смерти вытекает из основ диалектического материализма: «И вот мы снова вернулись к взгляду великих основателей преческой философии о том, что вся природа, начиная от мельчайших частиц её до величайших тел, начиная от песчинки и кончая солнцем, начиная от протиста и кончая человеком, находится в вечном возникновении и уничтожении, в непрерывном течении, в неустанном движении и изменении. С той только существенной разницей, что то, что у греков было гениальной догадкой, является у нас результатом строго научного исследования, основанного на опыте, и поэтому имеет гораздо более определённую и ясную форму»¹.

Но этот общий принцип необходимой гибели всего возникшего не устанавливает для неё пределов времени.

Допустимо поэтому бессмертие одноклеточных, которые, размножаясь делением, не оставляют — при нормальных условиях — трупов. Действительно, при размножении всё тело производителя переходит в потомков.

Многоклеточные организмы все смертны и оставляют трупы. Только часть их — половые клетки — не гибнут и способны после оплодотворения создавать новые организмы, поддерживающие видовую жизнь.

Возможно, однако, что нет полной противоположности между одно- и многоклеточными: первые также терпят часть веществ при своём размножении, как это показывают наблюдения в электронный микроскоп. Для жизни тех и других необходимо восприятие чуждых продуктов и избавление от переработанных.

Эта мысль подтверждается таким наблюдением над бактериями: они при размножении удлиняются с одного конца и затем делятся. Очевидно, что при этом только с одного выросшего конца появилось молодое вещество, а на другом осталось старое. После многих последовательных делений могло бы появиться большое отличие между старыми и юными концами палочек. На самом деле такого отличия нет, что доказывает, что при всяком делении происходит перераспределение содержимого бактерий.

Изучение простейших и бактерий показало, что не все они могут удовлетворяться в своём питании простыми веществами.

Так, некоторые бактерии могут размножаться в синтетической среде, содержащей аммиачную соль, как единственный источник азота. Они, следовательно, могут при помощи этой соли синтезировать аминокислоты, входящие в состав белков. Другие же бактерии нуждаются в этих аминокислотах, которые являются для них необходимыми факторами роста. Есть даже такие бактерии, для которых необходимы гораздо более сложные вещества — витамин В, гематин и т. д. Вообще говоря, необходимость в каком-либо факторе роста указывает на утрату организмом способности готовить его путём синтеза из более простых веществ. Изучение природы этих факторов указывает на их роль, аналогичную роли витаминов, которые служат для построения энзимов², необходимых для жизненного метаболизма³.

Интересные данные получены исследованием эксплантации культуры тканей.

Известно, что некоторые ткани могут жить десятки лет в искусственных культурах и на долгое время переживать те организмы, из которых получены. Но для этого им нужно давать подходящую пищу и промывать их от продуктов их жизнедеятельности. Какие продукты требуются для поддержания культуры эксплантированных клеток? Они имеются в кровяной сыворотке. Но замечательно, что в сыворотке имеются и способствующие и препятствующие росту тканей агенты, а именно, в сыворот-

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1948, стр. 13.

² Энзимы — ферменты.

³ Метаболизм — обмен веществ.

ке молодых субъектов преобладают первые, а у старых вторые. Впрочем, такая двойственность присуща многим свойствам кровяной сыворотки. Так, в крови находят вещества, способствующие росту опухолей, и другие, задерживающие этот рост; находят агенты, ускоряющие размножение бактерий и препятствующие этому размножению. В организме, действительно, часто связаны одно с другим два противоположных начала: полезное и вредное. Не будучи опосредованы разьединить эти две составные части сыворотки, для роста клеточек употребляли, как наиболее благоприятные, вытяжки из зародышевых тканей мышей или цыплят. При этом приходилось каждые три-четыре дня отмывать ткани от вредных метаболитов¹ и питать их зародышевыми витаминами.

Теперь же сделано в этом отношении большое открытие. Оказалось, что можно получить из сыворотки крови только полезный ингредиент, очищенный от вредного. Для этого надо подвергнуть сыворотку ультрафильтрации². Такая ультрафильтрованная сыворотка поддерживает жизнедеятельность тканей в течение месяцев. Мы далее укажем на практическое значение этого открытия.

Из всего изложенного можно вывести заключение, что при зарождении организма он снабжается необходимыми веществами, которые постепенно в течение жизни утрачиваются. Этот природный запас жизненной энергии уже не может достаточно восполняться после рождения, постепенно расходуется и наконец исчезает, приводя к естественной смерти.

Но, с другой стороны, возможно, что и вредные продукты жизнедеятельности не способны достаточно совершенно выбрасываться из организма и, накапливаясь в нём, ведут к повреждению тканей, необходимых для жизни.

Обе указанные возможности достаточно объясняют предел, положенный человеческой жизни.

С изложенной точки зрения нормальная смерть и старческая дряхлость, как ступень к смерти, не считается более хронической и неизлечимой болезнью, зависящей от изменений сердца, артерий и поражений моторных органов, но есть результат инволюционных процессов³, вызванных, в частности, утратой необходимых жизненных элементов. Причина естественной смерти заложена в самом организме. Но, кроме естественной смерти и физиологической старости от внутренних причин, имеется и патологическая старость, наступающая от влияния различных болезней, а также и преждевременная смерть, вызванная последними.

В зависимости от этого следует различать нормальную естественную продолжительность жизни, заканчивающейся физиологической старостью, и преждевременно сокращённую жизнь с патологической старостью и вызванной болезнью смертью.

Доказательством существования физиологической старости и нормальной естественной смерти являются случаи, когда при вскрытии глубоких стариков не находят значительных изменений и перерождений в их органах. Один такой случай, касающийся двухсотлетнего старца, описан знаменитым Гарвеем, открывшим кровообращение. Подобная смерть от старческой дряхлости без какого-либо заболевания заносится в особую рубрику в статистике причин смерти. Но в этой рубрике обычно имеются ничтожно малые цифры. Внезапная тихая смерть подёнков⁴ вслед за кладкой яиц хорошо иллюстрирует явление нормальной смерти.



Какова же продолжительность человеческой жизни?

Она может быть очень различна — от нескольких минут (новорожденные) до 100—200 лет (глубокие старики). Люди могут кончать жизнь во всяком возрасте. Но число людей, умирающих в различные возрасты, очень различно. Так, например, на

¹ Метаболиты — продукты обмена веществ (метаболизма).

² Ультрафильтрация — фильтрование через специальные ультрафильтры, отличающиеся микроскопическими размерами своих пор.

³ Инволюционный процесс — процесс, характеризующийся изменением органов и тканей, ведущим к понижению их жизнедеятельности.

⁴ Подённы — бабочки, погибающие после кладки яиц.

первом году жизни умирает очень много — больше, чем в каком-либо другом возрасте. С другой стороны, 200-летние старики чрезвычайно редки, число же столетних значительно больше.

Ввиду такого разнообразия возрастов умирающих можно высчитать для каждой эпохи и для каждой страны среднюю продолжительность жизни. Для этого перемножают число умерших каждого возраста на количество прожитых ими лет, складывают эти произведения всех возрастов от 1 года до 70, 75 или до 100 и делят полученную сумму на число всех возрастных групп.

В результате получаются очень интересные данные, которые показывают, что в прежние времена средняя продолжительность жизни была крайне мала и затем стала постоянно нарастать.

Так, у европейцев в XVI веке она равнялась 16—20 годам, в конце XVIII века составила 25, в конце XIX века поднялась до 40. Теперь в Соединённых Штатах она насчитывает 56 лет, в Новой Зеландии доходит до 60, а в Индии равняется всего только 25 годам.

Эти большие отличия зависят от величины общей смертности, которая была очень высока в прежние века и в Европе и теперь огромна в Индии, где каждый год многие миллионы гибнут от чумы, холеры, от голода, от диких зверей и ядовитых змей.

Общая смертность населения измеряется числом, указывающим, сколько человек из каждой тысячи умирает за год. Она в прежние времена равнялась 30 и больше на тысячу, а в 1933 году снизилась в некоторых странах до 10—17.

Оказывается, что существует зависимость между средней продолжительностью жизни и общей смертностью. Чем выше продолжительность жизни, тем ниже в данной стране в данное время общая смертность.

Детальное изучение колебаний общей смертности показывает, что величина её зависит в значительной степени от того, как много детей гибнет на первом году жизни, так как эта возрастная группа является наиболее многочисленной.

Чрезвычайно поучительно распределение общей смертности по возрасту. Оказывается, что наибольшая смертность падает на первый и на последний период жизни.

Наименьшей смертностью отличается детский возраст от 5 до 15 лет, на который и падают все значительные так называемые детские болезни: корь, скарлатина, коклюш, дифтерия и т. д. Замечательно, что этот возраст тем не менее оказывается наиболее крепким, наиболее жизнеспособным, наиболее устойчивым по отношению ко всем пагубным влияниям.

Дети же до 5 лет являются ещё слишком ранимыми и малоспособными пережить резкий переход из асептической среды во внешний мир, населённый микробами. Старцы в возрасте 70 лет и выше оказываются в значительной степени утратившими свою устойчивость. Начиная с 15 лет, смертность повышается и усиливается с каждым прожитым годом.

Отчего зависит это начинающееся после 15 лет понижение жизнеспособности?

Я думаю, что утрата сопротивляемости вызывается наступающим половым созреванием; при нём, нужно думать, затрачиваются те агенты, которые нужны, чтобы парализовать неблагоприятные жизненные условия. Это мнение особенно подтверждается изучением смертности от туберкулёза.

Максимум туберкулёзной смертности представляет интересные колебания с течением времени.

Раньше, когда один туберкулёз убивал больше людей, чем все остальные инфекции, вместе взятые, смертность от него могла быть изображена кривой, которая имела два максимума — один в первые годы жизни, а второй — к 50 годам с дальнейшим медленным понижением.

Теперь же, когда смертность от туберкулёза сократилась вдвое и втрое¹, она выражается иными цифрами.

¹ Автор имеет здесь в виду прежде всего успехи в борьбе с туберкулёзом, достигнутые в СССР. В капиталистических странах и особенно в колониальных и полуколониальных странах смертность от туберкулёза достигает чрезвычайно высоких цифр.

Повышение смертности у женщин начинается раньше, чем у мужчин, и идёт гораздо более быстрым темпом. Вследствие этого, хотя женщины вообще умирают медленнее, чем мужчины, и величина женской смертности значительно отстаёт от мужской, но возрастные группы от 5 до 25 лет составляют исключение, так как в них женщины гибнут от чахотки в большем числе, чем мужчины.

Более быстрое повышение чахоточной смертности у женщин вполне соответствует более раннему сравнительно с мужчинами их половому созреванию. Это подтверждают данные выше объяснения наблюдаемому после 15 лет повышению общей смертности. На возраст 20—25 лет падает также наибольшая смертность от брюшного тифа и от пандемического гриппа.

В общем выводе мы приходим к заключению, что продолжительность человеческой жизни зависит от потребляющейся в жизненном процессе энергии. Это соответствует выводу, сделанному вначале и вместе с тем указывает на какое-то отношение потери жизненной энергии к затратам на половое созревание.



Ввиду указанного значения полового созревания для жизненной устойчивости естественно обратить внимание на связь половых функций с длительностью жизни.

На экспериментальный путь этот вопрос был впервые поставлен Броун-Секаром¹, одним из пионеров эндокринологии². Он вводил себе вытяжки из семенных желез и почувствовал значительное повышение бодрости, мышечной силы и работоспособности, о чём сообщил в Парижском биологическом обществе. Это сообщение вызвало большой интерес, который, однако, быстро угас.

Всё же несколько лет спустя венский учёный Штейнах, работая в том же направлении, получил очень интересные результаты. Он перевязывал семенной канал у крыс с целью задержать в организме выделение семенных желез. Благодаря этому ему удалось не только значительно удлинить жизнь крыс, но и достигнуть несомненного эффекта омоложения. Дряхлые крысы крепили, шерсть приобретала прежний блеск, возвращалась половой инстинкт. Это омоложение длилось, правда, всегда несколько месяцев, так как железы с перевязанными выводными протоками, не имея возможности выделять наружу продукты своей деятельности, постепенно атрофировались и переставали отдавать в кровь свой оживляющий внутренний секрет. Но перерезка или перевязка протока второй железы давала снова временное омоложение дряхлеющей крысы. Штейнаху таким образом удавалось почти вдвое удлинить нормальную жизнь крыс. Метод Штейнаха был испробован и на людях.

Большее распространение получил одно время способ Воронова, который пересаживал старикам семенные железы человекообразных обезьян и также получал некоторые явления омоложения — временного, однако, так как пересаженные от обезьяны ткани через некоторое время рассасывались. Получаемое продление жизни было ввиду этого незначительным, и предложенные способы омоложения не получили широкого распространения. Между тем броун-секарское направление заслуживает серьёзного внимания, особенно ввиду того, что, как было указано выше, теперь удалось при помощи ультрафильтрации выделить из сыворотки крови живительное вещество без примеси вредного. Это вещество, однако, ещё не было испытано как средство омоложения и продления жизни целого организма и изучалось только на отдельных трансплантированных тканях.

Мы видели, что продолжительность человеческой жизни бывает очень различна. Это, повидимому, зависит как от изменяющейся с возрастом сопротивляемости организма, так и от случающихся смертельных болезней.

От каких болезней чаще умирают люди, и, в особенности, старики?

Каждый человек умирает по-своему. Наука, однако, обобщила бесчисленные болезни в сотни отдельных видов, а затем соединила их в 10 больших групп. Таким

¹ Броун-Секар (1817—1894) — известный французский физиолог и врач-невропатолог.

² Эндокринология — учение о внутренней секреции.

образом, различаются болезни органов кровообращения, дыхания, пищеварения, мочеполовых органов, нервной системы, органов движения, затем болезней крови, заразные болезни, злокачественные новообразования и случайные и насильственные смертные случаи. Если же придерживаться не такой смешанной, а строго этиологической классификации¹, то из 1 682 отдельных болезней 742, то есть 42,7 процента падают на живых агентов, 367 — 22,3 процента вызываются неживыми агентами (механическими, физическими и химическими) и 607 болезней, то есть 35 процентов имеет эндогенное² происхождение, в большинстве случаев невыясненное. Сюда относятся болезни метаболизма, душевные и нервные, болезни крови и, наконец, очень большая группа злокачественных опухолей.

Но последние болезни, а также очень многие из предыдущих в настоящее время справедливо приписываются микробам, которые таким образом составляет громадное большинство этиологических агентов.

При изучении смертности в различных странах и в различные эпохи отмечается неодинаковое количественное преобладание той или другой из указанных категорий. Так, например, теперь во время войн категория насильственных смертей значительно превосходит все остальные.

Нами была взята статистика смертности Англии, Германии и США за 1933 год, и оказалось, что порядок расположения по величине смертности не только главных категорий, но и отдельных болезней везде совпадает. Не только сравнительная, но даже и абсолютная величина частоты отдельных случаев болезней одинаковы. Так, во всех трёх странах от инфекционных болезней умирало 13 на 10 000. От злокачественных опухолей везде погибло 13,8 на 10 000. Наибольшее число смертей дали во всех странах болезни кровеносной системы — 30 на 10 000. Из них больше всего жертв унесли болезни сердечной мышцы — около 25 на 10 000. В десятую категорию случайной и насильственной смерти входит также и смерть от старческой дряхлости без какой-либо определённой болезни. Но число таких смертей ничтожно. Замечательно, что указанная последовательность чисел, характеризующих причины смерти, довольно точно повторяется из года в год, если исключить крупные катастрофы, как только что упомянутая война или большие эпидемии, каковой была, например, «испанка» 1918—1920 гг. Этот одинаковый порядок смертности указывает, что он зависит от основных свойств человеческой природы и от сходных условий жизни.

Изменения в указанном порядке происходят, но через значительный промежуток времени.

Разберём некоторые из происшедших за многие годы изменений частоты смертельных болезней.

Важнейшим из них следует признать сокращение смертности младенцев первого года жизни. Максимум смертности в этом возрасте стал постепенно опускаться, медленно отражаясь на понижении общей смертности с 30 до 25, 20 и, наконец, 10 на 1 000.

Такое значительное влияние сокращения смертности младенцев на среднюю продолжительность жизни зависит от того, что возрастная группа младенцев многочисленнее всех остальных, почему и изменения её судьбы отражаются наиболее чувствительно на общей смертности и на средней продолжительности жизни.

Прогрессивное же понижение смертности новорожденных происходит вследствие успешной борьбы с важнейшей смертельной инфекцией их — с детским летним поносом, который, как известно, побеждается кормлением материнским молоком и надлежащей асептикой.

Второе важное количественное изменение смертности относится к туберкулёзной инфекции. Эта болезнь — особенно в её наиболее опасной форме — лёгочной чахотке — имела несколько десятков лет тому назад большое распространение во всех странах и превосходила в количественном отношении все остальные инфекции, вместе взятые.

¹ Этиологическая классификация болезней — классификация, основанная на причинах болезней.

² То есть не вызванное видимыми внешними причинами.

Затем, ещё до открытия Кохом возбудителя туберкулёза (в 1882 году), началось постепенное и непрерывное падение смертности от этой болезни, составляющей теперь только одну половину и одну треть первоначальной.

Замечательно, что при этом отнюдь не уменьшается заражённость населения туберкулёзной бактерией, которая, напротив, оказывается повсеместно распространённой.

Так, в больших городах, например в Париже, взрослые заражены туберкулёзом в 97 процентах случаев, хотя это заражение у большинства не проявляется в активной форме и остаётся, как говорят, латентным¹, обнаруживаясь только посредством так называемой туберкулиновой реакции².

Если построить кривую, то видно, что эти два коэффициента (т. е. смертность от туберкулёза и распространение латентного туберкулёза) находятся между собою в обратной зависимости.

Третье важнейшее изменение смертности состоит в значительном сокращении числа умирающих от заразных болезней. Это вполне объясняется большими успехами последнего времени в области этиологии, профилактики и терапии этих болезней.

Очень важно, наконец, явление представляет непрерывное в настоящее время нарастание смертности от злокачественных опухолей. Оно наблюдается во всех странах, и, главным образом, по отношению к лёгочным опухолям. Причины этого нарастания не вполне ясны, что вполне соответствует недостаточности наших знаний о злокачественных опухолях.

Следует также отметить, что в связи с общим удлинением человеческой жизни повышается число смертных случаев, падающих вообще на более поздние возрасты. Если мы построим кривую, то будет видно, как смертность от болезней органов кровообращения обгоняет остальные виды смертности.

Преобладающее значение в общей смертности болезней органов кровообращения давно отмечалось врачами. Указывалось на постоянное вместе с возрастом уплотнение артерий, что считалось необходимым признаком старости: «Человек имеет возраст своих артерий». Однако артерioskлероз, который прежде считался главным показателем старческого увядания, значительно в настоящее время уступает, как причина смерти, поражению сердечной мышцы.

Указанные исторические изменения как размеров смертности, так и преобладания различных болезней снова доказывают, что следует различать физиологическую старость и естественную смерть и патологическую старость и преждевременную смерть, вызываемую болезнями.



Громадное большинство смертей происходит не от старческой дряхлости, а от болезней и должно быть признано преждевременным. Также и обычная картина старости, ведущей к такой смерти, является не физиологической, а патологической.

Какова же эта картина?

Обычные старческие изменения в организме, тонкая и морщинистая кожа, истончённые и хрупкие кости, дряблые мышцы, уменьшение паренхимы³ внутренних органов с развитием в них, а также в коже, в мышцах, в связках волокнистой рубцовой ткани — представляются типичной атрофией, характерной для стариков.

Объясняется эта атрофия тем, что рабочие эпителиальные клетки и мышечные волокна погибают под влиянием различных вредных веществ, поступающих снаружи в организм или развивающихся в нём самом, а на место погибающих размножается более выносливая к этим ядам соединительная рубцовая ткань.

¹ Латентный — скрытый.

² При вприскивании туберкулина (вещества, получаемого при помощи специальной обработки туберкулёзных бактерий) в кожу человека, больного туберкулёзом, но не имеющего явных признаков заболевания, на месте введения возникает воспалительная реакция (покраснение, припухание).

³ Паренхима — мякоть, составляющая активную часть органа.

Для объяснения этих явлений И. И. Мечников создал интересную теорию, на основании которой он счёл возможным указать средство для продления жизни. «В старческой атрофии, — говорит Мечников, — мы всегда встречаем одну и ту же картину — атрофию благородных специфических элементов тканей и замену их разросшейся соединительной тканью. В мозгу нервные клетки исчезают, чтобы уступить место невроглии — род соединительной ткани. В печени соединительная ткань вытесняет печёночные клетки, выполняющие существенную роль в питании организма. Та же ткань наводняет и почки. Другими словами, старость характеризуется борьбой между благородными элементами организма и простыми первичными клеточками, борьбой, кончающейся в пользу последних. Победа их выражается ослаблением умственных способностей, расстройством питания, затруднением обмена веществ и т. п.»

Эти победоносные клеточки — мечниковские фагоциты, потомки мезодермы¹, сидячие и блуждающие элементы соединительной ткани являются составными частями так называемой ретикуло-эндотелиальной системы², играющей важную роль в явлениях иммунитета и некоторых других. Фагоциты — по Мечникову — захватывают и уничтожают попадающие в организм посторонние клеточки (например, бактерии), а также и повреждённые или погибающие собственные клетки организма.

Размножившись на месте поражённых клеточек, фагоциты (так называемые макрофаги) превращаются в соединительно-тканые волокна и создают, таким образом, рубцовую ткань, сдавливающую своими петлями остатки благородных элементов и ведущую к развитию склерозов и циррозов³. Однако начинается здесь этот процесс не со стимуляции фагоцитов, как первоначально полагал Мечников, а с повреждения паренхиматозных элементов. Это повреждение вызывается различными ядовитыми веществами, и давно известны алкогольные циррозы печени и почек, сифилитические склерозы мозга и т. п.

Мечников обратил особое внимание на те яды, которые развиваются в кишечнике вследствие гнилостного разложения пищи в слепой кишке. Эти давно известные яды — фенол, индол, скатол — были признаны Мечниковым главными виновниками старческих изменений и преждевременной смерти. При этом он основывался и на сравнительных зоологических наблюдениях. Они показывают, что существует связь между наличием слепой кишки и степенью её развития и долговечностью животных данного вида. Такая кишка отсутствует у летающих птиц и имеется у млекопитающих. Вместе с тем, птицы гораздо долговечнее млекопитающих; по сто лет и больше могут жить попугаи, вороны и соколы, тогда как даже слон живёт гораздо меньше. А страус, который не летает, а бегаёт и имеет слепую кишку, — недолговечен.

Чтобы прекратить пагубное самоотравление кишечника ядами, Мечников предложил воспользоваться известным антагонизмом между разложением углеводов, порождающим кислоты, и гниением белков, дающим щелочи и ядовитые вещества. Для этого нужно ввести в пищу простоквашу и другие молочные продукты, из которых от действия молочнокислых бактерий образуется молочная кислота. В частности, Мечников рекомендовал особую молочнокислую бактерию — болгарскую палочку, выделенную из болгарской простокваши — ягурта. При этом Мечников подчёркивал, что болгары, потребляющие ягурт, отличаются особой долговечностью.

Стройная теория Мечникова нашла много сторонников, лактобациллин и мечниковская простокваша получили широчайшее распространение. Сам Мечников не достиг особого долголетия, что могло быть отчасти объяснено запоздалым применением его средства.

Установлено, однако, что выбор Мечниковым этой бактерии для заселения чело-

¹ Мезодерма — средний зародышевый слой, из которого развиваются мышцы.

² Особые клетки печени, селезёнки, костного мозга, лимфатических узлов, соединительной ткани и сосудов, которые были объединены Мечниковым в группу макрофагов, освобождающих организм путём фагоцитоза от инфекционных возбудителей и обуславливающих своей деятельностью вместе с микрофагами состояние иммунитета, а также играющих главную роль в воспалении.

³ Перерождение артерий и органов: склероз сосудов, цирроз печени, почки.

веческого кишечника сделан неудачно. Она здесь не выживает. Но к этому же роду молочнокислых бактерий относится другой вид — ацидофильная бактерия, которая, напротив, способна приживаться в кишечнике человека и животных. Поэтому теперь этой бактерией пользуются для приготовления простокваши и особенно кислого, так называемого ацидофильного молока. Это молоко нашло себе широкое применение не только как здоровая и полезная пища для людей, но также и в животноводческой практике, где им пользуются (под именем ацидофилина) для предупреждения и лечения поносов у телят, свиней и других сельскохозяйственных животных.

Вообще молочнокислые бактерии играют очень полезную роль в предупреждении инфекций у человека.

Так, кишечник новорожденных, пока они питаются материнским молоком, заселён бактерией — бифидум, которая обуславливает безгнилостность содержимого кишечника.



Изучив различные виды и условия преждевременной, вызванной болезнями смерти, следует перейти к рассмотрению признаков и условий своевременной нормальной смерти, которая завершает физиологическую старость.

Одно положение относительно долговечности может считаться хорошо установленным. Она — наследственна. Наиболее шансов долго прожить имеют те, родители которых отличались долголетием. Характерный эпизод приводит А. В. Нагорный в своей книге «Старение и продление жизни». Он рассказывает о сидевшем у своей хижинки и плакавшем столетнем старике. Плакал он потому, что был наказан отцом за то, что дерзко обошёлся со своим дедом.

Однако наследственность сама по себе ничего не объясняет, так как оставляет открытым вопрос, какие именно качества, обуславливающие долголетие, передаются по наследству. Кроме того, в большинстве случаев долголетние старики живут вместе со своими родителями и детьми, и общее их долголетие может зависеть от тождественных жизненных условий.

Более поучительно наблюдение над случаями выдающегося долголетия для выяснения условий его осуществления.

По мнению Мечникова, среди болгар, как уже указано, наблюдалось большое число стариков, достигших столетнего возраста и превысивших его. Но зависело ли это от простокваши?

В наше время очень много глубоких стариков встречается на Кавказе. Богомолец сообщает, что группа научных сотрудников, изучавших проблему долголетия, отправившись осенью 1937 года в Сухуми, разыскала в течение 10 дней в окрестных селениях 12 человек в возрасте от 107 до 135 лет. «Все эти старцы оказались бодрыми людьми и гостеприимными хозяевами». Богомолец отмечает одну их особенность, которая повторялась во всех протоколах обследования, — это равномерное, согласованное приспособление всех функций организма к уменьшившимся с возрастом возможностям, но вместе с тем сохранение качественной стороны работы большинства физиологических систем.

Что имеют между собою общего болгары и кавказцы?

В высокой степени замечательно, что столетних стариков находят не среди жителей больших городов, пользующихся всеми завоеваниями культуры, а в глухих не затронутых современной цивилизацией селениях¹. Много ли глубоких стариков среди английского духовенства или среди учёных, хотя и тот и другой класс дают наиболее благоприятные показатели общей смертности? За последние 60 лет только один из членов французской Академии наук перевалил за 100 лет. Это был Шеврель.

Возникает вопрос, не сокращают ли жизнь те болезни, которые присущи жителям так называемых цивилизованных стран и которые ещё не распространены среди обывателей глухих местностей? Эти болезни, к которым первые привыкли и с кото-

¹ По последним данным, в СССР имеется много долголетних людей — жителей городов.

рыми сжились, уже не ведут их к скорой смерти, но оставляют роковые следы, постепенно сокращающие жизнь.

Вторые же не знают многих болезней и долго живут, пока не встречаются с этими болезнями, которые их быстро убивают.

Это предположение находит себе подтверждение в единственной в своём роде истории Фаррерских островов, описанной датским учёным Панумом и ставшей классической в учении о кори.

На Фаррерских островах в течение 65 лет с 1781 года не было заболеваний корью, но в 1846 году она была туда занесена, и всё население в числе 6 000 человек переболело корью за исключением 1 782 человек, которые 65 лет тому назад перенесли эту болезнь.

Фаррерские острова, благодаря своему географическому положению, доступны были для сношения с другими странами только короткое время года. Поэтому не только корь, но и скарлатина и грипп появлялись там чрезвычайно редко. Население отличалось долголетием, что видно уже по тому, что на 6 000 жителей было 1 782 человека старше 65 лет, то есть 297 на 1 000. По вычислению Панума, средняя продолжительность жизни населения Фаррерских островов равнялась 70 — цифра, до которой до сих пор не дошли ни в одной стране.

Представляется достаточно вероятной мысль, что препятствием для нормальной смерти и физиологической старости являются те следы, которые оставляются в организме перенесёнными, хотя и излеченными болезнями. Для целого ряда заразных болезней — кори, тифов, дифтерии, скарлатины и др. — найдено, что после них могут оставаться патологические изменения тканей. Так, известно, что среди перенесших брюшной тиф, в течение трёх лет после выздоровления смертность вдвое выше нормальной. Но кроме этих совершенно определённых и точно регистрируемых последствий, не играют ли не менее важную роль в сокращении человеческой жизни другие недомогания, менее заметные, хотя и более частые, как, например, ангина, насморк, грипп, диспепсия и тому подобные? Незначительные изменения, накапливаясь за долгие годы и встречая пониженную жизненную стойкость тканей, могут привести к серьёзным поражениям.

Особенное внимание следует обратить на туберкулёз. Выше уже было указано на его постоянное присутствие в культурных странах, особенно в их центрах. Известно, как быстро гибнет от туберкулёза население, впервые приходящее с ним в соприкосновение. Жители крупных городов менее восприимчивы к туберкулёзу, потому что уже заражены им ещё в детстве и несут его в скрытом состоянии.

Но можно ли считать этот туберкулёз безвредным?

Даже убитые туберкулёзные бактерии ядовиты и (как я нашёл¹) вызывают у экспериментальных животных хроническое заболевание, ведущее к перерождению тканей, кахексии², исхуданию и смерти. Возможно, что и скрытый туберкулёз людей, почти никогда не исчезающий, способен вызывать, кроме иных, также и те поражения сердечной мышцы, которые обуславливают тяжёлые страдания стариков. Что туберкулёзная аллергия³, которая наравне с туберкулёзным иммунитетом присутствует взрослому населению культурных стран, знаменует известное повреждение клеток и тканей, можно считать установленным. Действительно, та тройная реакция (местная, общая и очаговая), которая вызывается у всех взрослых людей туберкулёзом, может произойти (как я впервые нашёл) и от разных неспецифических веществ и от других воздействий, как например, от мышечных усилий. Она, следовательно, зависит не от ядовитости туберкулина (который, напротив, безвреден для здоровых людей и животных), а от ранимости тканей субъектов, несущих в себе живые или

¹ Это было открыто Н. Ф. Гамалея в 1890—91 гг.

² Кахексия — тяжёлое истощение.

³ Аллергия — изменение чувствительности. Туберкулёзная аллергия выражается в повышении чувствительности к туберкулёзному яду. Определяется местной реакцией тканей на введение туберкулина (реакция Пирке и Манту на туберкулёз).

даже убитые туберкулёзные бактерии и оправляемых продуктами жизнедеятельности этих бактерий.

В меньшей степени, но также не могут не быть вредными и другие, вызванные перенесёнными болезнями аллергии — бруцеллёзная, брюшнотифозная и т. п.

Люди приобретают на своём жизненном пути — естественно и искусственно — иммунитет по отношению к большому числу различных инфекций. Этот иммунитет обыкновенно сопровождается аллергией к соответственным возбудителям (повышенной чувствительностью к ним или к их продуктам). Такая повышенная чувствительность или, иначе говоря, понижение порога раздражимости к указанным продуктам является существенным условием активного иммунитета. Но эта повышенная чувствительность, или аллергия, служит источником появления более или менее тяжёлых поражений.

Думается поэтому, что все разнообразные и бесчисленные расстройства здоровья, хотя бы самые лёгкие, которые претерпевает в течение своей жизни человек, не проходят бесследно, а способны в конце концов привести к серьёзным отклонениям от нормы.



Предыдущие рассуждения и выводы устанавливают, что иммунитет есть обоюдоострое оружие — его приобретение ведёт к неблагоприятным последствиям: предохраняя от немедленного заболевания, оно сокращает старческий период.

Последние 60 лет были посвящены микробиологией почти исключительно изучению иммунитета, которое стало возможным благодаря открытиям Пастера. Это изучение дало блестящие результаты, позволившие во много раз сократить смертность от инфекций. Вследствие этого значение иммунитета было преувеличено и заслужили иные способы борьбы с болезнями, также чрезвычайно эффективные.

Так, одними санитарными мероприятиями удалось искоренить чуму (борьба с грызунами), холеру (водоснабжение и удаление нечистот), сыпной и возвратный тифы (истребление платяных вшей). Существуют города, в которых — без каких-либо предохранительных прививок — круглый год не наблюдается ни одного заболевания брюшным тифом или дизентерией. Но для этого нужны — помимо мер, выработанных против холеры, — ещё особые предосторожности по отношению к так называемым бациллоносителям. Затем, в наших руках имеются агенты-бактериофаги, которые уничтожают различные патогенные бактерии и создают таким образом невосприимчивость, не зависящую от иммунитета. Но, кроме того, микробиология, идя по пути Мичурина, научилась изменять природу микробов, и ничто не препятствует ей задаться проблемой создания микробов-антагонистов, уничтожающих соответственные болезнетворные агенты (что в некоторой степени выполняют упомянутые молочнокислые бактерии). Следует, наконец, обратить внимание на то, что в человеческом организме имеются не зависящие от иммунитета средства уничтожения патогенных микробов. Это различные антисептические выделения.

Кожа человека очень быстро убивает некоторые помещённые на неё сапрофитные и патогенные бактерии. Кишечные палочки, бактерии брюшного тифа и дизентерии погибают на ней через несколько минут. Так, помещая на чистой ладонной поверхности руки бактерии, уже через 10 минут нельзя на ней найти живых возбудителей, например тифозных, кишечных.

На грязных руках уничтожение бактерий задерживается. Но не все бактерии погибают на коже. Стафилококки сохраняются надолго. Чем убиваются бактерии на коже, не вполне выяснено. Реакция нормальной кожи руки кислая — рН — 5, 8—5,2¹. Эта кислая реакция зависит от выделения кожных желез.

Конъюнктив глаза омывается секретом слёзных желез, содержащих лизоцим².

¹ Реакция (степень кислотности или щёлочности) измеряется показателем рН, указывающим на концентрацию водородных ионов. Чем более показатель рН, тем ниже кислотность. Нейтральная реакция выражается показателем около 7. (Ред.).

² Лизоцим — вещество, вырабатываемое некоторыми тканями и органами. Содержится в слезах, курином яйце и мн. др. (Открыт П. Н. Лащенко в 1909 году).

Он обладает способностью разрушать и убивать бактерии. Полезность лизоцима для защиты покрова глаза от бактерий доказана прямыми опытами.

Слизистая оболочка носа предохраняется от инфекции особым секретом. Действие этого секрета было изучено по отношению к вирусу гриппа, причём было доказано, что этот вирус погибает от действия выделений слизистой оболочки носа. Также восприимчивым оказался вирус полиомиелита.

Выделения слизистой желудка (пепсин, соляная кислота), как известно, очень бактерицидны и являются важным средством для предохранения кишечника от инфекции.

Выделения остальных отделов пищеварительного аппарата также бактерицидны, но пока менее изучены.

Из приведённых примеров следует, что организм обладает способностью выделять бактерицидные и вирулицидные¹ вещества и что эти вещества являются новым фактором резистентности, совершенно отличающимся от антител и фагоцитов. Ближайшее изучение этого фактора открывает новые пути в борьбе с инфекцией, как это выяснилось по отношению к гриппу.

Грипп играет выдающуюся роль в развитии явлений, приводящих к преждевременной смерти стариков. Вирус гриппа поражает слизистую оболочку носа, убивая её покровные эпителиальные клетки. Лишённая своей защиты оболочка подвергается нашествию других микробов и, главным образом, пневмококков, которые совместно с припозным вирусом ведут к развитию бронхитов, бронхолитов и пневмонии.

Воспаление лёгких служит очень частой непосредственной причиной смерти стариков. Слабость сердечной мышцы лишает их возможности сопротивляться повышению кровяного давления и компенсировать сокращение дыхательной поверхности, вызванное воспалением лёгких. Число умирающих от пневмонии уже за период 1901—1910 годов превышало смертность от туберкулёза и тифа, вместе взятых. И это повторяется из года в год².

Периодически повторяющиеся гриппозные пандемии уносят многие миллионы жертв. Так, пандемия 1918—1920 годов, охватившая весь земной шар, унесла около 20 миллионов людей.

Борьба с гриппом является поэтому очень серьёзным вопросом. Применение вакцины и лечебных сывороток не дало до сих пор благоприятных результатов ввиду того, что вирус гриппа имеется в нескольких разновидностях, каждый из которых требует особых вакцин и антител, а угадать наперёд, с какой разновидностью придётся иметь дело, слишком трудно.

Полезно поэтому обратиться для борьбы с гриппом к естественным защитным силам организма, а именно к только что указанному вирулицидному свойству выделения слизистой оболочки полости носа. Но эти выделения не у всех и не всегда способны появляться во время и в надлежащем количестве. Поэтому следует повысить невосприимчивость слизистой оболочки дыхательных путей, что без труда — по многочисленным свидетельствам — достигается действием лёгкого раздражения в виде ежедневного смазывания внутренней поверхности ноздрей жидкой мыльной пеной. Этот чрезвычайно простой и общедоступный способ гарантирует от заболевания, если организм ещё вообще сохранил способность реагировать секретцией на раздражения. А что эта способность может утрачиваться в некоторых случаях, доказывается исчезновением лизоцима при авитаминозе А³.

Говоря об отрицательных сторонах использования активного иммунитета для борьбы с инфекцией, нужно задаться вопросом, не найдутся ли у науки средства, чтобы обезвредить их, то есть, чтобы погасить возникшую аллергию? В частности, по отношению к туберкулёзу уже давно практикуется с только что указанной целью

¹ Вирулицидные — убивающие вирусы.

² В последние годы чрезвычайно эффективным средством лечения пневмонии оказались сульфамидные соединения (сульфидин и т. п.).

³ Авитаминоз А — недостаток витамина А, который необходим, в частности, для нормального функционирования слизистых оболочек.

употребление малых доз туберкулина. В опытах на заражённых животных находили, что употребление туберкулина не сокращает, а удлиняет их жизнь. Однако при вскрытии погибших обнаруживали у них более тяжёлые поражения, чем у контрольных. Вопрос поэтому должен быть признан невыясненным.

* * *

Если счастливо удалось избежать всех подводных камней и мин, угрожающих преждевременной остановкой жизни, то наступает на 90-м, 100-м и дальнейших годах физиологическая старость, приводящая к нормальной своевременной смерти.

Эта смерть представляется в виде постепенной утраты сил, нарастания общей слабости и незаметного — без всякой борьбы — перехода в спокойный вечный сон.

Такова смерть бабочки, закончившей кладку яиц. Иногда она остаётся тут же на них и, умирая, прикрывает их своим трупом. Такие бабочки, как например, подёнки (эфемеры), не стараются уйти или улететь, если к ним притронуться, и кажется, что они не в силах двинуться с места.

Это — картина смерти от истощения сил, одинаковая для человека и животных — без заключительной болезни и без последней ожесточённой борьбы за жизнь.

Она, однако, может принимать несколько иную форму вследствие того, что в потерявшем способность к сопротивлению организме начинают размножаться неболезнетворные (сапрофитные) бактерии.

Подобные явления можно наблюдать и на животных, искусственно лишённых устойчивости. Так, например, наблюдали, что у обессиленного продолжительной беготнёй во вращающемся колесе животного начинали переходить в кровь кишечные бактерии, которые не способны жить в крови при здоровом состоянии организма. Такой же переход микробов-сапрофитов в кровь отмечается у чрезмерно охлаждённых и у загнанных на охоте животных.

Возможно, что такое же объяснение следует дать тому факту, что в последнее время максимум смертности от туберкулёза передвигается на наиболее старую возрастную группу. Раньше люди умирали от других болезней, не успевая дойти до потери приобретённого к туберкулёзу иммунитета.

На предыдущих страницах не дано какого-либо рецепта долголетия — в виде жизненного эликсира или особого образа жизни и поведения. Но, вместо того, указано на некоторые возможности продления жизни, для осуществления которых необходимы новые серьёзные исследования.

Так было сообщено о возможности выделения особым способом агента, способного чрезвычайно удлинить жизнь клеток и тканей и могущего поэтому быть полезным для укрепления жизненных сил и поддержания угасающей энергии.

Высказано далее предположение о сокращающем жизнь влиянии аллергического состояния, а также о влиянии различных, хотя и лёгких, но очень многочисленных и часто повторяющихся в течение долгих лет недомоганий. В частности, относительно одного из важнейших дано практическое указание для его устранения.

Не решён окончательно вопрос о борьбе с самым важным препятствием к достижению долголетия — с туберкулёзом, так как упомянутый туберкулин может считаться только паллиативом в ожидании более радикального средства. Но последнее вряд ли заставит себя долго ждать, так как уже имеются признаки возможности успешной борьбы с бактериями туберкулёза как при помощи антагонистов, так и повышением окислительных процессов в организме.

Таким образом в предлагаемой работе сделаны некоторые шаги к выяснению столь интересной проблемы продолжения человеческой жизни.

Выше разбирались возможности, которые стоят перед дальнейшей экспериментальной разработкой вопроса о долголетии. Но спрашивается, не располагаем ли мы уже теперь сведениями, на основе которых возможны полезные указания на факторы, способствующие продлению жизни?

Речь, разумеется, не идёт о том, чтобы повторять общеизвестные истины о враде

излишеств, о необходимости умеренности во всём — в пище и в питье, в работе и отдыхе, в чередовании физических упражнений и умственного труда. Салернская школа¹ изложила это учение в афоризмах на латинском языке. Макробиотика Гуффеланда² заключает в себе такую сводку указаний на самый благоприятный для долголетия образ жизни.

Но в дополнение к этим старинным рецептам желательнее было бы знать, нельзя ли извлечь из позднейших достижений науки каких-либо новых способов укрепления расшатывающейся жизнеспособности.

В последнее время мы узнали об огромном значении витаминов и начинаем понимать способ их действия. Помогла здесь микробиология с её изучением синтетических культурных сред. Оказалось, что некоторые витамины являются необходимыми факторами роста бактерий в этих средах. А эти факторы роста часто служат для построения энзимов (ферментов), вырабатывающих те или другие существенные составные части жизненного обмена веществ.

Вместе с тем обнаруживалось, что витаминны не только способны предохранять от специальных, связанных с каждым из них болезней, как цинга, рахит, пеллагра и т. д. Витамины могут также быть полезны для предупреждения и лечения иных инфекционных заболеваний. Так, например, витамин С — аскорбиновая кислота — излечивал обезьян от смертельного полиомиелита. Этот же витамин считается применимым как лечебное средство при туберкулёзе.

Существует мнение, что для укрепления сил полезен повышенный приём витамина С, а также и других витаминов.

Особого внимания заслуживают окислительные ферменты.

Появление чёрного пигмента — меланина при разрушении туберкулёзных бактерий свидетельствует о происходящей при этом окислительной реакции. Основной жизненный процесс — окисление — является вместе с тем наиболее могущественным средством борьбы с туберкулёзом и, вероятно, со всякой инфекцией. Такой вывод вполне совпадает с общими терапевтическими принципами. Большая часть терапевтических мер усиливает процесс спорадия: лечение чистым воздухом и светом, введение кислорода, усиление питания, действие металлов. Расстройство обмена веществ при лёгочном туберкулёзе состоит в недостаточности окислительных процессов, которые могут быть повышены свежим воздухом, сырым или полусырым мясом, сахаром (мёд) и катализаторами. К последним относится фосфорная кислота и активатор окисления, который может быть извлечён из пивных дрожжей, из хрена и из некоторых бактерий.

Не только в борьбе с туберкулёзной инфекцией окисление играет важную роль. Бактерицидность сыворотки крови также, повидимому, связана с окислительным процессом. Он также участвует в уничтожении бактерий и вирусов под действием выделений слизистой оболочки носовой полости. Привыкание к некоторым ядам, как например, к алкоголю, также зависит от усиления окислительной способности организма.

Поэтому особенно полезным для поддержания жизненной энергии должно оказаться введение окислительных ферментов. Наиболее общераспространёнными из них и, вероятно, наиболее необходимыми представляются железные порфириновые энзимы, в которых простатической группой, связанной с протеином, является железный порфирин. Сюда относятся каталаза и пероксидаза. Каталаза найдена даже у простейших сапрофитных вирусов³.

¹ Салернская школа — древняя медицинская школа, возникшая в IX веке в Салерно (Италия). Самым знаменитым сочинением этой школы является научное стихотворение на латинском языке: «Наставление о пище, её значении и способе применения лекарственных средств». С тех пор оно нашло такое широкое распространение, какое выпадает на долю немногих книг, и появлялось до новейшего времени в ряде бесчисленных переводов и изданий, начиная с 1360—1363 гг. на всех языках.

² Гуффеланд, Хр. Р. Искусство продлить человеческую жизнь (макробиотика). СПб, 1856. изд. 3-е.

³ Сапрофитные или сапрофитические вирусы — вирусы, нормально не вызывающие заболевания и питающиеся мёртвыми органическими веществами.

Затем из средств, способных поддержать слабеющий организм, можно указать на те, которые увеличивают содержание лимфоцитов¹ в крови.

Важное значение лимфоцитов обнаружилось по отношению к туберкулёзному процессу. В этом вопросе последнее время принесло интересные данные.

Давно известно, что проникшие в животный организм туберкулёзные бактерии очень быстро захватываются полинуклеарами, которые, однако, скоро разрушаются и уступают место мононуклеарам². В дальнейшем бактерии оказываются захваченными и лежащими внутри бугорка, состоящего из гигантской клетки, эпителиоидных клеток и лимфоцитов. Удалось витальной окраской отличить мононуклеары от плазматочитов и доказать, что тогда как первые являются благоприятной средой для жизни и размножения бактерий, главная роль в разрушении последних принадлежит плазматочитам (иначе, гистиоциты и макрофаги³). Вместе с тем было найдено доминирующее значение для суждения о ходе туберкулёзного процесса как у животных, так и у людей, отношения числа моноцитов к лимфоцитам — моноцитам (монолимфоцитарный индекс — $M = L$).

Здесь были установлены следующие положения:

1. Отношение моноцитов к лимфоцитам в периферической крови соответствует такому же в туберкулёзных очагах.

2. Повышение сравнительного числа моноцитов указывает на ухудшение процесса, а увеличение числа лимфоцитов — на благоприятное течение его.

3. Все влияния, повышающие число лимфоцитов (как, например, ультрафиолетовые лучи), улучшают вместе с тем состояние туберкулёзных больных.

4. Монолимфоцитарный индекс, найденный у животных до заражения их туберкулёзом, указывает на их будущую резистентность (устойчивость) по отношению к этому заражению.

5. Уменьшение при помощи антисывороток числа моноцитов увеличивает сопротивляемость животных инфекций.

6. Некоторые из продуктов, извлечённых из туберкулёзных бактерий (фосфатиды⁴ увеличивают относительное число моноцитов и понижают сопротивляемость животных.

7. Метилловый экстракт у туберкулёзных бактерий повышает количество лимфоцитов и улучшает течение туберкулёза у животных и у людей.

Чем объясняется столь благоприятное влияние лимфоцитов на течение туберкулёза? Участвуя в разрушении туберкулёзных бактерий они не принимают, так как, находясь на периферии бугорка, не приходят в непосредственное соприкосновение с ними. Но к лимфоцитам несомненно доходят токсические продукты, возникающие при разрушении туберкулёзных бактерий. А мы знаем, что даже убитые кипячением туберкулёзные бактерии вызывают не только образование бугорков, но также аллергию, исхудание, кахексию с перерождением во внутренних органах и смерть животных. Следовательно, эти токсины проходят из бугорков через лимфоциты, прежде чем вступить в общую систему кровообращения.

Туберкулёзные токсины имеют некротизирующее⁵ влияние на клетки, непосредственно заключающие бактерии, как можно судить по вызываемым ими коагуляционному некрозу и казеозному распаду. На отдельные же клетки, а также и, следовательно, на весь организм они влияют, вызывая аллергию, то есть повышенную ранимость и в дальнейшем истощение и кахексию.

Вместе с тем выясняется роль лимфоцитов в подавлении туберкулёзной инфек-

¹ Лимфоциты — один из видов бесцветных кровяных телец.

² Мононуклеары — вид бесцветных кровяных телец — имеют одно крупное ядро. Поли- нуклеары имеют несколько ядер, чаще всего соединённых друг с другом перемычкой.

³ Макрофаги — особые клетки печени, селезёнки, костного мозга, лимфатических узлов, соединительной ткани, сосудов, освобождающие организм путём фагоцитоза от заразных возбудителей.

⁴ Фосфатиды — сложные органические вещества, содержащие фосфор.

⁵ Некроз — омертвление.

ции: они служат для уничтожения или ослабления токсинов, выделяемых из туберкулёзных очагов. Эти токсины, вероятно, принадлежат к липоидам (фосфатидам), за что говорит также значительная ядовитость ацетоновых вытяжек из туберкулёзных бактерий. А лимфоциты заключают липазы и, следовательно, обладают способностью разрушать или видоизменять липоиды¹.

Известна также роль лимфатической железы в истории воспалительных очагов.

Если все приёмы помощи стареющему организму иллюстрировались на примере средств борьбы с туберкулёзом, то это сделано на основании ранее указанного значения туберкулёза в смысле превращения физиологической в патологическую старость.

Сказанным исчерпываются те немногие практические указания, которые возможны в ожидании экспериментальных достижений в проблеме удлинения человеческой жизни.

* * *

В заключение я хотел бы указать на ту роль, которую играют микробы на различных этапах перестройки человеческого организма. Уже в начале жизни, при самом рождении, когда новорождённый впервые приходит в соприкосновение с новыми не известными ему агентами — микробами, ему угрожает преждевременная смерть от размножения этих микробов в его теле. Особенно опасны для младенца бактерии в кишках, вызывающие детский летний понос. Против этой инфекции младенцы предохранены существованием бактерицидной способности сызротки крови, получаемой человеческим зародышем ещё через плаценту, а телятами в молозиве коровы. С кишечной инфекцией борются также желудочный сок и молочнокислые бактерии. К пяти годам ребёнок приобретает способность хорошо противостоять этой кишечной инфекции. Затем с юношеским возрастом начинается затрата жизненной энергии на половое созревание, особенно значительная у девушек, подготовляющихся к питанию и вынашиванию плода, и вместе с тем наблюдается понижение сопротивляемости по отношению к туберкулёзным и некоторым другим микробам.

Ещё позже, когда утрачивается половая способность и половые железы перестают выделять свой живительный секрет, начинают развиваться злокачественные опухоли. Отчего, в самом деле, смертность от рака падает главным образом на возрастную группу в 50—60 лет и редко угрожает пережившим этот возраст? Можно ли согласиться с гипотезой, что эпителиальные клеточки превращаются в раковые, потому что их более не задерживает атрофирующаяся соединительная ткань? Не проще ли допустить, что скрытая раковая инфекция проявляется, когда жизненная энергия падает при половой инволюции?

Наконец, при окончательной утрате жизненных сил, при полной потере сопротивления, в ослабевшем организме размножаются пневмококки, вызывающие столь частую смертельную пневмонию стариков. Реже они умирают от кишечных или туберкулёзных бактерий.

¹ Ацетон — жидкость, растворяющая жиры. Липазы — ферменты, действующие на жиры и липоиды (жироподобные вещества).



ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

АКПЕР БАБАЕВ

★

ПЕВЕЦ МИРА И СВОБОДЫ — НАЗЫМ ХИКМЕТ

Имя Назыма Хикмета — пламенного борца за мир, крупнейшего поэта современной Турции, глашатая свободы и независимости турецкого народа, певца мира и демократии — стало символом борьбы миллионов турок за своё национальное и социальное освобождение. Жизненный и творческий путь поэта — это путь непримиримой борьбы против турецкой реакции и её империалистических покровителей, путь борьбы за свободу народа, за его подлинно демократическое искусство.

Назым Хикмет Ран¹ родился в 1902 году в городе Салоники.

Отец Назыма — Хикмет-бей — служил в Салониках в департаменте министерства просвещения, а позднее, в годы первой мировой войны, был консулом в Гамбурге; мать его — ныне здравствующая Айше Джеллиле — художница.

Большую роль в формировании будущего поэта сыграл его дед Мехмед Назым-паша. Отличный знаток турецкой литературы, Назым-паша сам был поэтом и всячески старался привить своему внуку любовь к поэзии. Дед был первым читателем его детских и юношеских стихов. По утверждению турецкого литературоведа Асыма Сарп, первые стихи молодого поэта были написаны под влиянием Назыма-паши и в его стиле. В знак благодарности деду за преподанные ему литературные уроки юный автор стал подписывать свои стихи его именем — Назым. Это имя и осталось за поэтом.

¹ В 1934 году в Турции были введены фамилии, ранее там отсутствовавшие. Назым Хикмет принял фамилию «Ран».

Пятнадцать лет от роду Назыма Хикмета отдали в военно-морское училище на острове Хейбели-Ада; однако окончить его он не успел. В 1919 году на учебном корабле, стоявшем у Золотого Рога, начались волнения курсантов, носившие революционный характер. В числе «зачинщиков» был уволен из училища и семнадцатилетний Н. Хикмет.

Это были годы, когда произошёл величайший переворот в истории человечества, — на одной шестой части земного шара победила Великая Октябрьская социалистическая революция. По образному выражению И. В. Сталина, Октябрьская революция создала для трудящихся масс всего мира «...маяк, освещающий им дорогу и дающий перспективы»¹. Это сталинское определение относится полностью и к трудящимся Турции.

В это время Турция была оккупирована чужеземными войсками. Вдохновлённый революционными событиями в России, турецкий народ начал упорную борьбу против английских, итальянских, греческих, французских и американских оккупантов. Назым Хикмет был вместе с народом в этой его героической борьбе за независимость.

Неукротимый темперамент борца, прибуна, глашатая народной правды чувствуется уже в первых стихах Н. Хикмета. Порой они несут на себе следы абстрактного мышления, их образы слишком аллегоричны и условны, но даже и через эту условность читатель ощущает мощь протестующего голоса поэта:

¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 10, стр. 247.

Не забудь, человек, день благословить,
Когда тьма над страной разорвется вдруг,
Когда время придет,

чтобы отрубить
Силе чёрной навек кисти чёрных рук!
(Перевод С. Кирсанова)

Здесь, в этих стихах 1920 года, ещё всё отвлечённо. Здесь нет отчётливых примет классовой борьбы, которые с такой яркостью выступают в поэзии Н. Хикмета позднее. Но и здесь, в этих далёких от совершенства стихах, чувствуется, что о себе заявляет поэт незаурядной силы. И уже в ранних стихах ощущается принципиальное различие между Назымом и его предшественниками.

Если в отдельных стихотворениях турецких поэтов, предшествовавших Н. Хикмету или же современных ему, появлялись порой мотивы народного горя и страданий, то в творчестве Хикмета эти мотивы становятся ведущими и приобретают совсем иную окраску. Вот, к примеру, стихотворение турецкого поэта-демократа Тевфика Фикрета «Рамазанская милостыня». Нищий мальчик просит милостыню. Не останавливаясь, равнодушно проходят господа; голос мальчика в праздных лохмотьях вызывает у них отвращение. Поэт присоединяет свой голос к голосу нищего ребёнка: «О, вы, счастливы, несущиеся в уютно убранные, благоухающие хоромы,— перед вами человек, душа которого стонет! Подайте же ему, заставьте замолчать этот болезненный голос!» Фикрет с горечью говорит здесь о страданиях народа, но не находит ещё другого выхода, как обратиться к проповедью к богачам.

Назым Хикмет, начавший, так же как Фикрет, как и многие другие турецкие поэты, с изображения горя и страданий народа, обращался к самому народу, призывал его уничтожить «чёрную силу», что «как язва гноит наше тело...»

С самого начала своей поэтической деятельности Н. Хикмет поставил перед собой задачу — изображать в своих произведениях реальную жизнь турецкого крестьянина и рабочего, их нужду и лишения, их радость и горе, помочь народу обрести своё счастье.

В стихотворении Н. Хикмета «Анатолия» перед турецким читателем впервые предстала подлинная, неприкрашенная карти-

на турецкой деревни. В этом стихотворении прозвучал голос протеста против поэтов, идеалически изображавших жизнь крестьян, которые якобы проводят своё время среди цветов или слушают меланхолические мелодии пастушеской свирели (поэзия Орхана Сейфи, Юсуфа Зири и др.).

Но в ранних произведениях Н. Хикмета ещё отчётливо видно влияние традиционной турецкой поэзии с её обветшалыми образами соловья и розы, лунных ночей, холодных родников и огненных губ.

Действительный рост поэта, его активное приобщение к подлинно народной, революционной поэзии начинается с приезда Назыма Хикмета в СССР в начале 1921 года. Этот приезд был ознаменрован знакомством и дружбой с великим советским поэтом Владимиром Маяковским. С этого времени Н. Хикмет окончательно порывает с направлениями, господствовавшими в турецкой поэзии, и кладёт начало новой, революционной и реалистической поэзии Турции.

В Москве Хикмет поступил в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), о котором товарищ Сталин в 1925 году сказал: «В Университете народов Востока имеется около 10 различных групп слушателей, пришедших к нам из колониальных и зависимых стран. Всем известно, что товарищи эти жаждут света и знания. Задача Университета народов Востока состоит в том, чтобы выковать из них настоящих революционеров, вооружённых теорией ленинизма, снабжённых практическим опытом ленинизма и способных выполнить очередные задачи освободительного движения колоний и зависимых стран не за страх, а за совесть»¹.

Всей своей дальнейшей жизнью, борьбой и боевым творчеством Назым Хикмет показал, что он сумел выковать из себя такого революционера, который способен выполнить очередные задачи освободительного движения своей родины «не за страх, а за совесть».

С величайшим интересом и вниманием Назым Хикмет изучал строительство новой жизни в Советском Союзе. «Все читают,— писал он,— все учатся, у всех в руках книги Ленина и Маркса». Отмечая труд-

¹ И. В. Сталин. Социализм, т. 7, стр. 150—151.

борьбе, он говорит о необходимости нового, революционного, реалистического искусства, противостоящего традиционной турецкой поэзии:

Пусть смолкнет истошный глас
Меркнувшей старины:
Что для тебя
Трёхструнный сааз?
Три тощих соловья
Его три струны.
Пойми, наконец,
Пойми,
Что трёхструнный сааз,
Три струны которого
Три тощих соловья,
Для нас — умершие слеза.
Сааз — это музыка кротов,
Роющих землю власясть.
Разве он может миллионы ртов
Слить в одну пасть...

(Перевод Э. Багрицкого и Н. Дементьева)

Н. Хикмет не отрицает, конечно, значения классического наследия вообще и классического восточного стиха в частности, — он считает необходимым критически отнестись к традиционным формам старого искусства, так их переработать, чтобы можно было наиболее полно передать бурные события современной жизни.

На первых порах, борясь за утверждение нового, революционного искусства, Н. Хикмет допускал некоторые ошибки. Он стоял одно время на крайне «левых» эстетических позициях, которые фактически мешали созданию подлинно нового, народного, реалистического искусства. Некоторые произведения Назыма Хикмета, созданные в эти годы, страдают абстрактностью. В отдельных стихотворениях чувствуется влияние символистов. Но всё это было лишь временным увлечением молодого поэта, увлечением, не вышедшим за рамки формальных экспериментов. По всей своей направленности творчество Н. Хикмета было чуждо формальным «изысканиям» футуристов, символистов и им подобных. Поэт вскоре освобождается от их влияния и пишет такие глубоко реалистические, полные революционного пафоса произведения, как «Поездка в Баку», «Человек с Востока и СССР», «Та стена», «Сякко и Ванцетти» и многие другие. Своей перестройкой поэт был обязан благотворному воздействию передовой восточной литературы.

В своих стихотворениях «Поэт» и «Новое искусство» Хикмет излагает новую творческую программу, требуя отказа от прославления и идеализации старого Востока, от мистики, от бесплодной фантастики. В своих произведениях, написанных в Советском Союзе, Н. Хикмет изображает родную ему турецкую действительность во всей её неприглядности. Он гневно разоблачает буржуазных писателей и поэтов, наводящих сусальный глянец на «загадочно-сказочную» жизнь народов Востока. В стихотворении «Восток и Запад», посвящённом «Дню освобождения угнетённого Востока», поэт пишет:

Мистерии,
Покорность, фатализм,
Решетчатые окна,
Вырезной карниз,
Караван-сарай и караваны,
На площадях прохладные фонтаны.
Под рассказ Шехерезады
Год и тысячу лет
Отдыхает падишах над бассейном
лазурным.
Через лёгкий и розовый минарет
Перекинулись коралловые котурны...
По улицам рыщут собаки и люди,
Султанша танцует на серебряном блюде,
И с восходом зари
И навстречу ветрам
Стонет зеленобородый имам...

(Перевод Э. Багрицкого и Н. Дементьева)

Поэт категорически отрицает существование такого Востока; он подчёркивает:

Ни вчера, ни сегодня,
Ни поздно, ни рано
Нет, не было и не будет такого Востока.

Н. Хикмет рисует действительный, реальный Восток. Он показывает, что Восток — это

Дом для всех,
Кроме жителей этой страны,
Где рабы на гибель обречены.
В этой житнице, полной пшеницы
и золота,
Голод околевает от голода.

Эти строки написаны двадцать шесть лет назад, в 1925 году. Но разве они не могут быть применены к сегодняшнему Ближнему Востоку, к сегодняшней Анатолии? Разве слова поэта — «Дом для всех, кроме жителей этой страны», — не напоминают сегодняшнюю маршаллизованную Турцию, стонущую под американским са-

погом? Разве сегодня турки — «жители этой страны» — являются хозяевами у себя дома? Разве не о такой Турции говорил Назым Хикмет, когда писал: «В этой житнице, полной пшеницы и золота, голод околевает от голода»? Вот почему стихи поэта и сегодня звучат так же актуально, как они звучали четверть века назад. Их сила — в пламенной, мобилизующей массы идее, зовущей к непримиримой борьбе против реакции, за независимую и свободную Турцию.

Восставая против поэтов, изображающих жизнь в ложных красках, Назым Хикмет создаёт прекрасные образцы реалистического искусства. Как в зеркале, отражается в его произведениях подлинная жизнь Турции. Рабский труд народа, его борьба за свои жизненные права, его оптимизм, его вера в светлый завтрашний день, героические забастовки рабочих, гибель борцов за народное дело — всё это находит отражение в стихах Н. Хикмета.

В декабре 1924 года Н. Хикмет вернулся в Турцию, чтобы поделиться с соотечественниками приобретёнными знаниями и принять участие в борьбе против антинародного кемалистского режима.

Однако на родине Н. Хикмету не пришлось пробыть долго. Позже он рассказывал азербайджанскому поэту Сулейману Рустаму:

«...Я вернулся на родину, в Турцию, вооружённый священными освободительными идеями. Я уже не мог молчать. И всеми силами, каждым своим стихотворением я стремился открыть глаза многострадальному народу, показать ему правду... Молодёжь, ознакомившаяся через журнал «Айдынлык» и газету «Орак-чекич» с успехами и достижениями искусства и литературы СССР, ещё крепче оплотилась вокруг революционной печати. Это новое течение напугало турецких реакционеров. Чёрные силы закрыли нашу печать. Реакционные газеты и журналы начали обливать нас грязью. Решили арестовать меня. Мне пришлось временно перейти в подполье, чтобы не попасть в руки палачей. В 1925 году мне удалось снова приехать в Москву...»

В Москве Назым Хикмет продолжает изучать марксизм-ленинизм, углублённо знакомится с русской классической и со-

ветской литературой и пишет свою философскую поэму «Беркли» (1926).

Это произведение, имеющее большое значение для распространения в Турции идей марксистской философии, можно рассматривать в то же время как своеобразный ответ студента КУТВ'а на экзамене по диалектическому и историческому материализму. Со свойственным Назыму Хикмету остроумием, со злым сарказмом он высмеивает идеалистический субъективизм Беркли.

Вот и ты
и твоя философия вместе — пусты!..
Отрицай
жизнь, что есть вне нас
и несмотря на нас!
Это синее море и мысы,
и паруса судов, —
видимо, только тени твоих мелькающих
мыслей.

Ну а если твоя мыслишка —
судёнышко
и если море — твоё измышление,
значит нет ничего,
ни пространства, ни времени,
ни покрыва, ни донышка!
Ишь ты, Беркли,
каков!
Без тебя, получается, нету нас, бедняков...
Без тебя — никакого на свете явления,
а после тебя — светопреставление!
Получается так, что на свете
только двое — ты и бог!
Слышь ты, блудливый поп, завсегда
трактирных попсек:
Дочку трактирщика, вертевшуюся в твоих
волосатых руках,
как считать — вне тебя?
Так сказать, «мыслью», спавшей с тобой?..
Возможно, как и Христос,
ты не имеешь прямого папаша...

(Перевод С. Кирсанова)

Вслед за этим Н. Хикмет на ярких и убедительных примерах показывает материальность природы и её полную независимость от сознания человека.

Назым Хикмет знает, что идеализм — оружие в руках капиталистов для борьбы с революционным движением, для отвращения трудящихся от политической борьбы. Хикмет понимает, что в наши дни идеализм направлен прежде всего против пролетарской революции:

своей философией ты кадишь,
чтоб вконец закружилась голова
человека,
чтобы он на коленях пополз,
глотнув твой гашиш.

Для мусульманской Турции, где сознание народа в течение веков отравлялось ядом религии и мистики, такая атака на идеализм является необычайно смелой.

С позиций передового революционного мышления поэт разоблачал в своём стихотворении «Книга в кожаном переплёте» (Кюран) мракобесие мусульманского духовенства.

В «Думах про Гераклита в Москве» поэт в ясной и доходчивой форме говорит о законах развития природы и общества, о неизбежности краха капитализма, о грядущей победе коммунизма.

Творчество Назыма Хикмета 1920—1928 годов нашло наиболее полное отражение в его первом сборнике стихов «Песня пьющих солнце», изданном в Баку в 1928 году. В нём собраны стихи и поэмы, написанные поэтом в период пребывания в СССР, во время кратковременного посещения Турции (1924—1925 гг.) и после возвращения из Турции в Советский Союз. Сборник содержит и ряд произведений, посвящённых строительству социализма в Советском Союзе, вождям Октябрьской революции Ленину и Сталину, темам пролетарского интернационализма, всемирной революции.

Стихи и поэмы Н. Хикмета, составляющие сборник «Песня пьющих солнце», — это серия последовательных ударов по угнетателям народа, по сеятелям горя, нищеты, смерти, по злоешему стану поджигателей войны. И одновременно в творчестве Хикмета с большой силой звучит мотив жизнеутверждения, мотив братства всех тружеников земли, без различия национальности, — братства, реальной опорой которого является победоносный опыт Великой Октябрьской социалистической революции.

Искренней любовью к советским людям, восхищением перед их трудовыми и боевыми подвигами, перед единством воли советской семьи народов, озарённой гением Ленина — Сталина, наполнены эти стихи поэта.

После возвращения Н. Хикмета в Турцию, в Стамбуле в 1929 году был издан новый сборник его стихов — «835 строк», содержащий в большинстве своём стихи, написанные во время пребывания в СССР.

На долю книги «835 строк» выпал необы-

чайный успех. Громадное впечатление стихи Назыма произвели на литературную молодёжь Турции. Сразу же после выхода в свет сборника в турецких газетах и журналах начали появляться стихи молодых поэтов, подражавших Н. Хикмету. Молодые поэты отказывались от прежних размеров, принятых в турецкой поэзии, и писали стихи «под Назыма», так называемым «свободным стихом».

Любопытен следующий факт, показывающий популярность Назыма Хикмета в первые же годы после его возвращения на родину. Некоторые стихотворения из сборника «835 строк» были записаны на грамофонные пластинки в исполнении автора. Эти пластинки прослушал тогдашний президент Турции — Мустафа Кемаль-паша и выразил желание познакомиться с поэтом. Несомненно, это была попытка привлечь Хикмета на свою сторону. Однако Назым Хикмет отказался идти на приём в президентский дворец. Ему не о чем было говорить с реакционным диктатором буржуазной Турции.

Все свои усилия, все своё боевое революционное творчество Н. Хикмет отдаёт делу освобождения турецкого народа от внутренней и внешней кабалы. Поэт так определяет своё назначение в жизни:

Я — поэт тех, кто жизнь творит
Из земли, огня, железа...
Я — солдат миллионов...

(Подстрочный перевод)

В беседе с одним турецким журналистом Н. Хикмет говорит о себе: «Я — поэт определённого класса, занимающего определённое место в социальной жизни, порождённой индустрией... Я рассказываю о горестях, печалах и нуждах этого класса...»

Наши песни
В первом ряду,
Раньше всех должны напасть на врага,
Раньше нас должны быть окрашены
лица наших песен в кровь!

(Подстрочный перевод)

Поэт ставит перед собой задачу — правдиво рассказать в своих произведениях о тяжёлой жизни народа. При этом он не ограничивается простым описанием этой жизни, а стремится содействовать её изменению, активно борется против социальной несправедливости, за то, чтобы

«тёмную ночь в светлое утро превратить». Он выступает против турецких правителей, торгующих суверенитетом своей страны, в защиту демократии и национальной независимости турецкого народа. Эта борьба поэта после его возвращения из Советского Союза принимает всё более организованный и сознательный характер. Если в ранних стихах Н. Хикмет ограничивался изображением отдельных моментов освободительной борьбы своего народа, не претендуя на широкие обобщения, то теперь, обогащённый опытом революционной России, он берётся за более ответственные задачи, ставит большие, сложные проблемы. В своих произведениях он показывает место простых людей в историческом процессе, раскрывает роль рабочего класса в событиях международного масштаба. Он создаёт большие реалистические полотна, отображает крупные социальные и политические конфликты.

Назым Хикмет — убеждённый поэт-антиимитарист. Стихи его проникнуты резко отрицательным отношением к милитаризму, к братоубийственным войнам. В сердце трудового народа Хикмет подслушал не только его недовольство существующим строем, не только его готовность поднять знамя восстания, но и его непреклонную волю к миру. Борьба за мир в творчестве поэта органически связана с борьбой против империалистической экспансии в странах Востока, против милитаристской политики Америки.

Революционной борьбе народа за своё освобождение от ига иностранных колонизаторов и местных — турецких — эксплуататоров посвящён роман в стихах и прозе «Почему Бенерджи покончил с собой?» (1932).

Хикмет с пнём говорит об истреблении туземного населения колониальных стран, находящихся под игом английского империализма. Он правдиво и отчётливо рассказывает о том, что приносит народам Азии хваленая «европейская цивилизация». Безработица, голод, нищета, разорение — вот плоды, насаждаемые в полуколониальных странах Азии представителями буржуазной Европы. Но народы колониальных стран поднимаются на борьбу против своих угнетателей. Они объединяются и организованно вступают в борьбу за своё

освобождение из-под английского ига, за лучшую и счастливую жизнь.

В романе «Почему Бенерджи покончил с собой?» Назым Хикмет показывает образы мужественных вождей индийского народа — Бенерджи и Самодевы.

Мысль о создании этого романа зародилась у Н. Хикмета ещё в Москве. По утверждениям товарищей, учившихся вместе с Назымом Хикметом в КУТВ^е, в 1926 году поэт познакомился в Москве с молодым доктором-индусом по имени Бенерджи. По словам людей, знавших его, это был человек «с прекрасной душой и большими знаниями. Он питал большую надежду на спасение своей родины от векового гнёта и жестокой эксплуатации путём восстания...»

Как и в большинстве своих произведений, Назым Хикмет положил в основу своего романа действительный факт из жизни Бенерджи. Но судьба Бенерджи послужила писателю только поводом. Выбор темы определился и другим, притом наиболее важным и значительным обстоятельством.

Товарищ Сталин в своём выступлении на собрании студентов КУТВ^а 18 мая 1925 года, говоря о характерных особенностях существования и развития колониальных и зависимых стран Востока, отметил:

«...Двигать вперёд революцию и завоевать полную независимость капиталистически развитых колоний и зависимых стран невозможно без изоляции соглашательской национальной буржуазии, без освобождения мелкобуржуазных революционных масс из-под влияния этой буржуазии, без проведения политики гегемонии пролетариата, без организации передовых элементов рабочего класса в самостоятельную коммунистическую партию...»

Основная задача коммунистов колониальных и зависимых стран состоит в том, чтобы исходить в своей революционной работе из этих выводов¹.

В романе ход освободительного движения в Индии и действия индийских коммунистов освещены под углом зрения именно этих сталинских выводов. Самый выбор темы романа — революционно-освободительное движение индийского наро-

¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 7, стр. 145.

да — говорит об истинном замысле автора: показать на примере Индии основные пути революционного движения в капиталистически развитых колониях и зависимых странах, показать соглашательские позиции национальной буржуазии и сформулировать задачи коммунистов в зависимых странах Востока, в том числе и в Турции. Употребляя индийские названия городов, индийские имена действующих лиц, Н. Хикмет имеет в виду и события, происходящие в самой Турции, происки турецкой реакции.

Роман написан в форме, напоминающей киносценарий. Авторская характеристика героев скупа, почти отсутствуют подробные описания природы, внешности героев.

Основной герой романа — народ, борющийся за свою национальную независимость. Основная идея романа — необходимость организованной и последовательной борьбы народа за своё освобождение.

В романе хорошо показаны уличные демонстрации, забастовки, митинги. Особенно ярко нарисована сцена забастовки рабочих и служащих Калькутты, охватившей все отрасли промышленности и городского хозяйства. Заметим, что для изображения этой забастовки Н. Хикмет использовал своё стихотворение «Забастовка», написанное в 1929 году и посвящённое стамбульским рабочим, тем самым ещё раз подчеркнув, что события, описанные в романе, относятся и к Турции, к борьбе турецкого народа за своё освобождение.

Написанный с высоким поэтическим вдохновением и исполненный большой социальной силы, роман Назыма Хикмета не лишён погрешностей и недочётов. Так, например, сюжетно не оправдана попытка к самоубийству Самодевы — человека с сильной волей и негибаемым характером, стойкого революционера. Так же неоправдано самоубийство главного героя романа — Бенерджи. Н. Хикмет словами самого Бенерджи пытается оправдать его вторичное решение покончить с собой. Он даже посвящает этому вопросу особую главу: «В каких обстоятельствах самоубийство революционера оправдывается?».

И, однако, несмотря на ряд недостатков, роман «Почему Бенерджи покончил с собой?» представляет значительное явление в творчестве Назыма Хикмета. Это

произведение, правдиво, без всяких прикрас изображающее жизнь колониальных и зависимых стран Востока, призывает народы бороться за своё освобождение.

Разоблачение мира доллара, мира капиталистов, бизнесменов, мошенников, мира купли и продажи — основной стержень драмы Н. Хикмета «Череп» (1932 г.).

Автор дал условную географию места действия. Город у него именуется «Долларьяном», герои названы итальянскими, английскими именами. Этим автор как бы подчёркивает, что жизнь, изображённая им в драме, — это жизнь всего капиталистического мира, жизнь любой страны, находящейся под властью доллара.

Судьба доктора Далбанезо — героя драмы — это судьба честного учёного в условиях капиталистического строя, где всё продаётся и покупается. На примерах судеб поэта и художника Назым Хикмет даёт глубокое и типичное изображение участи талантов, которых коверкает и убивает капитализм.

Сюжет пьесы в основном сводится к следующему: некий доктор Далбанезо работает над изобретением противотуберкулёзной сыворотки. Он мечтает спасти человечество и в первую очередь свою дочь от страшной болезни. Для завершения работы изобретателю необходимы деньги, лаборатория. Открытие Далбанезо тревожит хозяев крупного треста санаториев. Они принимают все меры к тому, чтобы не дать ему возможности применить на практике своё изобретение. Пользуясь бедственным положением доктора, его заставляют подписать договор, запрещающий ему в течение шести месяцев заниматься научной работой... Дочь Далбанезо умирает, а сам он попадает в тюрьму за несоблюдение условий договора. Затравленный Далбанезо лишается рассудка и вскоре умирает.

Гибель Далбанезо показана Н. Хикметом, как один из многочисленных фактов, характеризующих капиталистическое варварство. Наука, поэзия, искусство — всё, что создало человечество, отдано в рабство доллару. Выразительно изображён Н. Хикметом механизм буржуазной прессы и радио. Резкими штрихами рисует автор омерзительные нравы подкупной журналистики, изображает «кухню» продажной

печати, способы изготовления .ею различных клеветнических «блюд».

Персонажи драмы «Череп», которую с полным основанием можно назвать политическим памфлетом, несколько схематичны. Можно упрекнуть автора также за отсутствие показа борьбы демократических сил против реакции. Слишком пассивен единственный представитель прогрессивных сил — Педро, который ограничивается тем, что постоянно, даже несколько назойливо напоминает доктору Далбанезо о связи, существующей между медициной и политической экономией (следует заметить, что образ Педро был изуродован цензурой, вымаравшей наиболее сильные места пьесы). Но сила этой драмы — в правдивом изображении сущности растленного буржуазного общества, в разоблачении — впервые в турецкой литературе — американских империалистов и их турецких подпевал, восхищающихся пресловутым «американским образом жизни».

Борьбе абиссинского народа и прогрессивных сил Италии против фашизма посвящена поэма Н. Хикмета «Письма к Таранта-Бабу».

В этой книге, вышедшей в 1935 году и посвящённой памяти Анри Барбюса, Н. Хикмет выступает как страстный борец против произвола и насилия фашизма, против папы, защищающего режим Муссолини. Поэт требует обуздать кровавую фашистскую агрессию в Абиссинии, он разоблачает звериную, человеконенавистническую природу империалистических претендентов на мировое господство, он клеймит в злой сатире турецких сторонников фашизма.

«Письма к Таранта-Бабу» — публицистическая поэма в стихах и прозе. Она состоит из тринадцати писем — тринадцати отдельных глав.

Переживания юноши-абиссинца, от лица которого написана поэма, его гнев, его ненависть к «проклятому дуче» и любовь к простому итальянскому народу, населяющему рабочие кварталы Рима — «картьеры популярни», — это переживания самого автора, его гнев, его ненависть и его любовь.

С болью и гневом пишет Н. Хикмет о голоде и нищете в фашистской Италии, о бесчеловечной эксплуатации миллионов трудящихся магнатами капитала, которые

для поддержания высоких цен на рынке бросают в море тысячи тонн продуктов. Автор бичует фашистских убийц, выражает глубокую ненависть к зачинщикам истребления абиссинского народа. Вместе с тем он ясно сознаёт, что народ Италии не хочет грабительской войны. Он понимает, что миллионы честных друженников Италии не питают вражды к абиссинскому народу. И если сегодня эти вооружённые рабочие, рыбаки, батраки «идут стрелять, резать, сжигать», то их принуждают к этому концлагери Муссолини и проповеди Ватикана.

Кузнец из Турина,
оставивший в Сомали
отрубленную правую руку,
больше никогда не будет
ткаать железные прутья, как шёлк,—
горе ему, горе!
И слепой рыбак, возвратясь в Сицилию,
не увидит свет любимого моря.

Сколько турецких табаководов, шелководов, рыбаков и крестьян очутились сегодня в положении, описанном Назымом Хикметом! Сколько турецких солдат, посланных правителями «демократической» партии в далёкую Корею, вернулись к себе домой без рук и без ног, и сколько не вернутся совсем... По сообщениям турецких газет, турецкий премьер Аднан Мендерес издевательски наградил турецких солдат, возвращающихся на родину без рук... ручными часами. Разве это не напоминает слова Н. Хикмета из «Писем к Таранта-Бабу»:

Идут, Таранта Бабу, назад
с жестяными крестами
на кровавых бинтах,
безрукий — без рук,
слепой — без глаз,
безногий — на костылях...

С годами рос и мужал талант Хикмета. Всё с большим вниманием и любовью прислушивался к голосу своего поэта турецкий народ. Всё более широкий характер приобретала литературная и общественная деятельность Хикмета. Турецкое правительство, напуганное растущим влиянием поэта, непрерывно подвергало его жестоким преследованиям. Его то и дело арестовывали, сажали в тюрьмы, но каждый раз, под давлением общественного мнения, власти вынуждены были освобождать поэта, с тем, однако, чтобы немедленно

вновь возобновить его правлю. Для этого полиция усердно собирала «улик» против поэта. Как-то Назым сидел в кофейной и случайно накрыл газетой свою фуражку. Это было принято за условный знак. Когда в кофейной среди многочисленных посетителей нашёлся ещё один человек, полжизни газету на свою фуражку, шпика не замедлили донести: «тайное собрание». Хикмет был в очередной раз арестован: его обвинили в «коммунистическом заговоре». Однако после длительного разбирательства суд вынужден был и на этот раз оправдать поэта.

Правительство было крайне возмущено «мягкостью» пражданских судов, которым не удавалось посадить поэта в тюрьму на длительный срок. Решили поручить это дело военным властям. Во что бы то ни стало изолировать Назыма от народа — таково было задание турецкому генеральному штабу. Задание это было выполнено: поэта приговорили к двадцати восьми годам и четырём месяцам тюрьмы.

Заключённый в сырые казематы, тяжело больной поэт-трибун не прекращал борьбы за счастье народа, борьбы против предателей родины, против поджигателей новой войны. Хикмет не переставал творить.

За тринадцать лет заточения Назымом Хикметом написано двенадцать томов стихов. В тюрьме он создал также замечательные стихотворения, как «Ангина пекторис», «Полю Робсону», «Турецкий крестьянин», «На пятый день голдовки», «С тех пор, как я вошёл в тюрьму» и много других. Он начал работу над такими монументальными произведениями, как «Национально-освободительная война турецкого народа», «Симфония Москвы» и «История XX века».

«Симфония Москвы» — это эпопея, в большей своей части посвящённая Великой Отечественной войне советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Работу над этим произведением Н. Хикмет начал в тюрьме в 1942 году и продолжает её и сейчас. Автором написано пять частей эпопеи. Чтобы представить себе всю грандиозность работы над произведением, достаточно сказать, что каждая часть эпопеи, названная автором «Книгой», делится на пять-шесть глав, а каждая глава состоит из 1000 — 1500 строк.

В эпопею ярко показаны симпатии простых людей земного шара к великому советскому народу. Вот далеко от нашей родины — в Турции — простые люди слушают по радио симфонию из Москвы, симфонию «Великая Отечественная война».

Здесь Москва говорит в сорочку
первому году.

Здесь Москва говорит,

Голос правды её

Всем народам знаком...

... — Москвичи, москвичи... —

И хор скрипок согласных

Говорит:

— Не они ль

Под водительством большевиков

Равноправие белых

и желтых,

и чёрных,

и красных

Утвердили на веки веков?..

Не они ли поставили малые страны

Со своею большою страной наравне?

Не они ль человеческий труд

Объявили святыней

В свободной советской стране?..

... Вдруг вознаются в сердце

тоскливые звуки

Внезапно, как дождь.

Возникают вороньи и ямы...

Контрабас говорит:

— Люди жизни и люди любви

В глубь страны отступают с боями.

Вомбы, падают с неба.

Льётся кровь.

И земля под ногами горит...

И уверенно трубы с барабанами в паре

Выступают вперед:

— Враг жесток и коварен...

Он пришёл к нам с мечом —

от меча и умрёт!..

(Перевод В. Журавлёва)

Слушая симфонию, крестьянин Халил
хотел бы

... вынуть сердце своё

И отдать его людям борьбы целиком...

Через всю эпопею красной нитью проходит любовь турецкого народа к великому советскому народу.

Стихи Назыма Хикмета, написанные в тюрьме, передавались в Турцию из уст в уста. И ни тюремные стены, ни бдительность жандармов, ни жестокий террор не смогли помешать распространению произведений Н. Хикмета среди турецкого народа. Распространение и издание книг Н. Хикмета на протяжении ряда лет осуществляется в Турции государственным преступлением. И тем не менее, его произведения известны в Турции больше, чем произве-

дения любого другого поэта. Они ходят по рукам среди рабочих на заводах и фабриках, среди студентов; их заучивают наизусть и читают друг другу.

Н. Хикмет пользовался каждой возможностью, чтобы работать в тюрьме, откуда многие его произведения проникали на волю, становясь оружием борьбы против турецкой реакции и её заокеанских вдохновителей.

«Источники» информации Хикмета в тюрьме были подчас весьма необычными. Когда в годы второй мировой войны поэта сажали в темный, сырой и полный нечистотами подвал, а вся его еда состояла из ломтя чёрного хлеба, он понимал, что на советско-германском фронте наступают немцы. Когда же через некоторое время его перевели на второй этаж в светлую камеру и начинали давать горячую пищу, было ясно: наступают советские войска. Этот своеобразный «барометр» никогда не обманывал поэта и его товарищей. Они научились пользоваться показаниями этого «барометра» для связи с внешним миром.

Иногда заключённым разрешали свидания. В один из таких дней мать Н. Хикмета, Айше Джелиле, посетила в тюрьме своего сына. Она принесла ему вырезку из газеты, где сообщалось о подвиге Зои Космодемьянской и была напечатана её фотография. Взволнованный судьбой замечательной советской партизанки, Н. Хикмет написал поэму о бесстрашной комсомолке. В следующее своё посещение тюрьмы Айше Джелиле несколько раз прослушала поэму в исполнении сына, выучила её наизусть и передала товарищам на воле.

Так мир услышал замечательные слова, обращённые к «Тане» — Зое Космодемьянской:

Таня!
Я люблю свою родину так же, как ты.
Я — турок,
ты — русская,
мы — коммунисты..
..Ты — партизанка, повешенная врагом,
я — заключённый в тюрьму поэт,
но между нами преграды нет!

(Перевод М. Алигер)

Стихи и поэмы, написанные в тюрьме, занимают особое место в творчестве Назыма Хикмета. Изображаемое в его стихах приобрело гораздо большую конкретность,

стихи освободились от неопределённостей и условностей.

В «Нескольких наставлениях тому, кто будет сидеть в тюрьме» Назым Хикмет с горечью говорит:

Если ты веришь
в родину, в мир, в человека —
тебя или вешают,
или сажают в тюрьму.

(Перевод Т. Сикорской)

Но поэт не впадает в пессимизм, он уверен в том, что:

Каждый твой день,
пока остаёшься живым ты, —
это удар по врагу...

Поэта не страшат ни тюрьма, ни смерть, — его гнетёт, что в трудный час он не вместе со своим народом. Не оттого у него «ангина пекторис» (грудная жаба), что он сидит в сыром подвале и много курит, а оттого, что вот уже несколько лет он не может дать своему народу ничего, кроме своего сердца.

Десять лет я в тюрьме. Чем могу
я народу помочь?
Десять лет я в тюрьме. Что же есть
у меня?
Только сердце моё, чтобы каждую ночь
Раздавать его тем, кому день это дня
жить всё больше живучь.

(Перевод Н. Разговорова)

Сердце поэта — вместе с обездоленными соотечественниками, оно и

...там, где спускаются к Жёлтой реке
Солдаты Китая, которых не счесть,
Солдаты Китая, поющие песнь
с винтовкой в руке..

Оно там, где при свете кровавой луны
Творят палачи свою чёрную месть
Над юностью Греции, вставшей за честь
и волюность своей страны..

Бодростью полна концовка стихотворения:

Есть на свете звезда. С каждым днём
она ярче горит,
И когда её луч сквозь решётку
мне светит в окно,
Легче грудь моя дышит,
и сердце моё
не болит.

Большой и сложный творческий путь, пройденный Назымом Хикметом, — это путь

художника, упорно борющегося за овладение методом социалистического реализма и по-своему, самобытно, применяющего его. При этом Н. Хикмет твёрдо опирается на национальные традиции и национальные особенности быта, языка, художественного сознания своего народа.

Правдивое изображение действительности, глубокое раскрытие смысла происходящих событий, историческая конкретность, упреждённая в будущее, — эти основные черты социалистического реализма как художественного метода стремится воплотить в своём творчестве Назым Хикмет. В своих публицистических статьях Н. Хикмет неоднократно подчёркивал необходимость самой тесной связи поэта с действительностью. Он писал:

«Поэт не станет заниматься лишь собственной любовью, собственным счастьем и горем. В стихах поэта будет биться пульс народа... Чтобы поэт преуспел, он должен мастерски освещать в своих произведениях материальную жизнь. Тот, кто убегает от реальной жизни и берёт темы вне жизни, тот осуждён сгореть бессмысленно — подобно соломее... Подлинное искусство — это то, которое отображает реальную жизнь».

М. Горький говорил, что писателю необходимо «...знать не только две действительности — прошлую и настоящую, ту, в творчестве которой мы принимаем известное участие. Нам нужно знать ещё третью действительность — действительность будущего... Мы должны эту третью действительность как-то сейчас включить в наш обиход, должны изображать её. Без неё мы не поймём, что такое метод социалистического реализма».

Н. Хикмет включает эту «третью действительность» в свой поэтический обиход, пытается проникнуть в неё зрением художника. Отсюда — широта его творческого вмешательства в жизнь. Почти во всех стихотворениях поэта неизменно фигурирует эта «третья действительность». Реально изображая современность, отталкиваясь от прошлого, поэт смело заглядывает в будущее, рисует воображаемые черты этого будущего, призывает свой народ активно бороться за это будущее. Оно, это будущее, приобретает в произведениях Хикмета реальные черты. Это удаётся Хикмету прежде всего потому, что он увидел в

СССР живое воплощение будущего. Мечтая о завтрашнем свободном дне турецкого народа, он мысленно уносился в советскую действительность. Мечта поэта не абстрактна — своими корнями она уходит в реальную действительность. И в этом отношении творчество Н. Хикмета родственно творчеству основоположников советской литературы — Горького и Маяковского.

Как отмечает Говард Фаст, «социалистический реализм нельзя рассматривать вне связи с существованием социализма. Это не означает, что метод социалистического реализма может существовать только внутри географических границ Советского Союза... Советский Союз является определяющим моментом в том качественном изменении мира, которое делает социалистический реализм возможным». Творчество Н. Хикмета может служить наглядной иллюстрацией к этим словам Говарда Фаста.

Особого внимания заслуживает поэтический язык Н. Хикмета. Полемизируя с турецкими поэтами, оторвавшимися от народа, высмеивая их книжную, искусственную поэзию, Н. Хикмет стремится вернуть поэтическому языку свежесть и конкретность языка турецкой народной поэзии. Он выступает против искусственности книжного языка буржуазных интеллигентов, против загромождения живого турецкого языка арабо-персидскими элементами. Его поэтический язык близок к языку народных песен и дестанов.

Поэтический язык Н. Хикмета, выросший на основе живого общенародного турецкого языка, — образец ясности, простоты, выразительности. И это в то время, как творчество многих поэтов и писателей Турции являет собой яркий пример деградации языка, неизбежно начинающейся тогда, когда язык отрывается от общенациональной основы, становится достоянием лишь узкого круга людей, которые называют ему «...свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения»¹. Выступая против тех, кто требует от поэта особого, возвышенного, так называемого «поэтического» языка, Н. Хикмет пишет: «Поэт не разделяет язык на язык

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языковедения. Издательство «Правда», 1950, стр. 10.

стиха, язык размера и на разговорный язык. У него только один язык: не вымышленный, не искусственный, а живой, красочный и простой народный язык. В нём — все элементы жизни. Поэт не пользуется разными языками, когда он пишет стихи, когда он разговаривает с людьми или когда он спорит со своим издателем. Он пользуется простым народным языком...»

Бросив Назыма Хикмета в тюрьму, турецкие правители рассчитывали на то, что он погибнет там. Но в защиту поэта выступил народ самой Турции и прогрессивные силы всех стран земного шара. В конце 1949 года в Париже был создан специальный комитет «В защиту Назыма Хикмета». Во многих странах печатались статьи о великом турецком поэте, о его замечательной жизни и борьбе. Вот, например, что писал французский журналист Роже Пайет Бюрен в газете «Юманите»:

«...Назым Хикмет известен во всей Турции. Нет ни одного стамбульского рабочего, ни одного анкарского студента, ни одного измирского докера, который бы не знал, что Назым Хикмет является самым великим поэтом Турции и что за то, что он встал за дело своего народа, он находится на протяжении двенадцати лет в заключении в тюрьме Бурсы и должен оставаться там ещё шестнадцать лет. Решение турецкого правительства, несправедливо осудившего Назыма Хикмета, это пример грубого беззакония, жертвой которого стал человек, являющийся гордостью своей страны и по заслугам считающийся одним из величайших людей нашего времени».

Всемирная Федерация демократической молодёжи, Международный союз студентов и ряд других прогрессивных организаций неустанно требовали от турецкого правительства освобождения Назыма.

В самой Турции борьбу турецкого народа за освобождение своего великого поэта возглавили демократические силы страны, связывая эту борьбу с общей борьбой за мир и национальную независимость. Показательно, что наряду с журналом «Барыш» («Мир») — органом турецкого комитета сторонников мира, — в Стамбуле в 1950 году выходила газета под названием «Назым Хикмет». Эта газета требовала

освобождения Назыма из тюрьмы и в то же время знакомила широкие круги читателей с творчеством поэта. Она освещала международную кампанию за освобождение Назыма и, в частности, опубликовала на своих страницах письмо советских поэтов с требованием предоставить ему свободу. Даже реакционная турецкая печать вынуждена была признать, что осуждение Назыма было незаконным.

Протестуя против заключения и невыносимых тюремных условий, а также против наглого вмешательства американцев, запретивших турецкому правительству амнистировать Н. Хикмета, поэт решил начать голодовку. В его заявлении корреспонденту газеты «Кудрет» говорится:

«Я не потерял надежды, что правда и справедливость восторжествуют. 8 апреля я начал голодную забастовку не потому, что потерял надежду, а потому, что верю в торжество правды. Я не кончаю жизнь самоубийством».

Под давлением турецкого народа, под давлением прогрессивных сил всех стран турецкое правительство вынуждено было освободить поэта. Но из Турции ему пришлось бежать, так как «демократические» турецкие правители, выпустившие его из тюрьмы, собирались вновь арестовать его и при первом удобном случае убить «при попытке к бегству». Сейчас Назым Хикмет живёт в Советском Союзе.

Назым Хикмет попрежнему полон творческих сил. Литературные планы его обширны.

Сейчас он работает над завершением своих поэм «Симфония Москвы» и «Национально-освободительная война турецкого народа», над пьесой о борьбе за мир в Турции.

Уже закончены им вступительные главы «Книги о фестивале», воспроизводящей впечатление берлинского лета 1951 года.

Поэтом задуман киносценарий по мотивам записок турецкого коммуниста С. Устюнгеля «В тюрьме и на воле», опубликованных в журнале «Новый мир» (№ 9 за 1951 год).

Автору этих записок, героическому борцу турецкой коммунистической партии, посвящено одно из последних стихотворений Назыма Хикмета «Думаю о тебе», в котором поэт как бы подводит итог тому,

ВИКТОР РОЗЕНЦВЕИГ

★

НОВАЯ ЖИЗНЬ, НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

(Заметки о румынской поэзии и прозе)

В августе 1951 года исполнилось семь лет со дня освобождения Румынии Советской Армией и свержения фашистской диктатуры патриотическими силами, руководимыми румынскими коммунистами. С каждым годом всё яснее выступает историческое значение этого великого события для судеб румынской нации.

Освобождение Румынии от фашистско-империалистического ига было началом её демократического обновления. Несмотря на козни американо-английских империалистов, на сопротивление эксплуататорских классов, Румыния с помощью Советского Союза из страны буржуазно-помещичьей, национально-зависимой, стала страной рабочих и крестьян, подлинно суверенным и равноправным государством в лагере демократии, мира и социализма.

День 23 августа 1944 года был также началом культурного преобразования страны. В борьбе с декадентской, шовинистической и космополитической идеологией ныне активно развивается подлинно национальная румынская культура, связанная с демократическими и социалистическими идеями.

Свои темы, своих героев, своё мировоззрение, свою поэзию новая литература черпает из жизни народа, строящего социализм. Идейно объединяя и политически направляя писателей, Румынская рабочая партия¹ добивается максимального приближения литературы к жизни, полного осознания писателями своей ответственности перед народом, своего призвания удов-

летворять и развивать идейные и эстетические запросы румынских трудящихся.

Буржуазные литературоведы-космополиты — и румынские и зарубежные — отрицают и продолжают отрицать своеобразие румынской литературы, клеветнически утверждая, что литература румынского народа импортирована якобы с Запада.

Член Французского института Марно Рок выпустил в 1946 году в Париже сборник румынских рассказов под заглавием «Страждущие души». Этим заголовком составитель хотел выразить «общий характер этих разных произведений, составляющий цельность сборника и, более того, определяющий одну из особенностей современной румынской литературы и даже — ещё глубже, может быть, — одну из черт румынской души... Страждущая душа, душа беспомощная, без прибежища, без выхода к определённой доступной цели, без просвета какой-либо, даже отдалённой, надежды...»

Дипломированный лакей изображает румынскую литературу и румынский национальный характер такими, какими хотели бы их видеть его хозяева — «без просвета какой-либо, даже отдалённой, надежды».

Американские хозяева господина Рока со свойственной им грубостью выражаются прямее. В книжонке, изданной в Нью-Йорке, сказано откровенно-цинически: «Румыния черпала свою политическую и духовную жизнь во Франции, Великобритании, Италии и Соединённых Штатах».

Тех, кто «черпал свою политическую и духовную жизнь» в странах империализма, румынские трудящиеся сограждане со своей свободной земли...

Румынская литература, — как и самая жизнь, в ней отражающаяся, — за последние годы развивается стремительно.

¹ Румынская рабочая партия (РРП) была создана в 1948 году на объединительном съезде рабочих партий Румынии.

На первом этапе развития новой румынской литературы поэзия преобладала над прозой. В последние годы, под воздействием советской литературы, вместе с лирикой развиваются и эпические жанры, отражающие борьбу румынского народа за своё освобождение, мирное социалистическое творчество румынских трудящихся.

Писатели, имеющие за плечами большой творческий путь (А. Тома, М. Садовяну), по-новому осмысливают жизнь. Появляются и новые поэты и прозаики, творческое лицо которых ещё только складывается. Всё здесь в становлении.... Однако уже ясно направление этого развития, видны основные его силы, различимы недостатки и препятствия, с которыми приходится бороться передовым румынским писателям.

1

Когда перелистываешь сейчас страницы буржуазных литературных журналов, вышедших в Румынии в первое время после освобождения, бросается в глаза их стремление обойти жизненно важные вопросы. При этом советского читателя поражает их омерзительное приспособленчество, желание угодить и «нашим и вашим». Статьи о близости «румынства» и германской расы, печатавшиеся в годы «союза» с гитлеровской Германией, автоматически сменились в иных из этих журналов статьями об американской «демократии».

Однако буржуазно-декадентская литература слишком скомпрометировала себя сотрудничеством с силами реакции, — вскоре она и разделила их участь.

В борьбу румынских коммунистов за демократизацию общественной и культурной жизни, за национальную независимость страны включались всё более широкие массы народа, увлекала и людей умственного труда.

Большинство румынской интеллигенции увидело в рабочем классе национальную и демократическую силу только сейчас, когда поняло, что коммунистическая партия Румынии является единственной партией, способной спасти страну от национальной катастрофы.

Но отдельные румынские писатели уже давно черпали своё вдохновение в освободительной борьбе рабочего класса. К ним

принадлежит, в первую очередь, поэт Александру Тома — живое воплощение революционных традиций румынской литературы. Тщетно было бы искать в работах буржуазных критиков и историков литературы даже упоминание его имени. Характерно, что за пятьдесят лет творчества А. Тома удалось в буржуазно-помещичьей Румынии издать всего одну книгу стихов, — большинство его произведений публиковалось лишь на страницах рабочей печати. Впервые сочинения поэта были собраны и изданы в прошлом году, когда румынская общественность торжественно отмечала 75-летие со дня рождения А. Тома.

Этому сборнику, удостоенному Государственной премии Румынской Народной Республики, поэт дал название одного из лучших своих стихотворений, написанного в 1919 году под впечатлением Великого Октября: «Песнь жизни». Как в сказочной пещере, говорит А. Тома, где эхо вторит голосу веков, из смеха и плача ушедших поколений складывается новая песнь. В душе поэта находят отзвук вековые страдания хлебороба, отдаётся стук молота фабричных рабов; его душа первая бросается к баррикадам, вместе с мужественными падает, но, неустанно возрождаясь верой в человека, зовёт вперёд, к победам.

Этим ощущением неразрывной связи поэзии и жизни народа, героическим устремлением к социалистическому будущему и характерна поэзия А. Тома. В стойкой борьбе людей труда, в вечно возрождающейся природе, в неустанном прогрессе человечества поэзия А. Тома находит почву, питающую её оптимизм. Человек глубокой культуры, А. Тома внимательно следил за революционной борьбой в России. Русская революция 1905 года и, в ещё большей степени, Великая Октябрьская социалистическая революция окрылили его творческую силу, укрепили его как поэта трудящихся.

А. Тома с юношеских лет боролся против реакции в жизни и культуре. Он остался верным идеалу коммуниста и поэта и в мрачные годы антисоветской войны. Его стихи этих лет, часть из которых нелегально была напечатана румынскими коммунистами, дошли до широкого читателя только после освобождения страны, в 1946 году. Поэт объединил их в книге под названием «Огни на вершинах».

Эти стихи дышат ненавистью к титулованному разбойнику, бросившим обманом и силой румынских тружеников на безумную и преступную войну против страны социализма.

Близкие по своей образности и по общему характеру стихотворной формы к румынскому устному народному творчеству, стихи цикла «Огни на вершинах» призывают крестьян, рабочих, солдат к свержению господ и строительству новой Румынии.

Только поэт, сроднившийся с революционным пролетарским движением, мог в тяжёлые годы реакции не потерять своей веры в светлое будущее, проникновенно выразить стремление лучшей части румын к национальному освобождению и социальному обновлению своей Родины. Его голосом говорили борцы за свободу.

В первые дни после освобождения Румынии поэт переводит на румынский язык советские песни о Сталине, «Песню о Соколе» и «Песню о Буревестнике» М. Горького, стихи советских поэтов.

Новый этап в жизни народа стал новым этапом и в творчестве А. Тома. С трибуны коммунистической печати его стих обращается к миллионам рабочих и крестьян, предупреждает их о заговорах врагов, зовёт их к борьбе за народную демократию. Публицистичность становится характерной чертой его лирики. Ещё больше окреп и его оптимизм: питавшийся раньше только верой в будущее, он выражает теперь радость бытия, творчества новой жизни. Тема мирного труда и преобразования родной земли занимает сейчас центральное место в лирике А. Тома.

В 1948 году на съезде Румынской рабочей партии Анна Паукер — «Товарищ Анна», как любовно называют её румынские трудящиеся, — сказала: «Нам был мил этот дом — наша страна — и тогда, когда мы в нём трудились из-под палки хозяев, но мы их ненавидели и боролись, чтобы их уничтожить. Сейчас, когда народ становится хозяином страны, с каким подъёмом и с какой любовью мы трудимся, чтобы сделать её красивой, богаче!».

Эти чувства и мысли румынских патристов-революционеров, сквозь тюрьмы пронёсших глубокую любовь к Родине, выражены в последних стихах А. Тома. Обращаясь к трудовому народу, поэт призы-

вает его возвысить своими делами освобождённую Родину, воспитывать своих сыновей и дочерей в любви к труду, жить в дружбе с советским народом и со всеми миролюбивыми соседями.

2

Более двадцати лет назад И. В. Сталин говорил: «Кроме стран капиталистически развитых, где победа революции приведёт сразу к пролетарской диктатуре, существуют еще страны, капиталистически мало развитые, с феодальными пережитками, со специальным аграрным вопросом антифеодального типа (Польша, Румыния и т. д.), где мелкая буржуазия, особенно крестьянство, обязательно скажет своё веское слово в случае революционного взрыва...»¹.

Это гениальное предвидение полностью подтвердилось историей. Установленная И. В. Сталиным историческая закономерность общественного развития Румынии определила также характер и пути развития её литературы, определила, в частности, то внимание, которое эта литература отдала крестьянству.

К писателям, творчество которых посвящено в основном крестьянству, относится в первую очередь старейший и крупнейший из современных румынских прозаиков Михаил Садовяну (род. в 1880 г.). Кровно связанный с крестьянством, с детства наблюдавший, как помещики и их ставленники угнетали народ и издевались над ним, рано приобщившийся к демократической культуре — как румынской, так и русской, — Михаил Садовяну уже в первых своих рассказах сочувственно изображал обездоленного румынского крестьянина. В крестьянине Садовяну сидел центральную фигуру румынского общества. С болью в сердце описывал он жизнь угнетённых и бесправных тружеников, тяжёлую долю женщины-крестьянки. Правда, подобно другим румынским писателям прошлого, Михаилу Садовяну казалось, что можно коренным образом улучшить жизнь крестьянина насаждением в деревне культуры. Эта гнившая мечта, характерная для его ранних рассказов, определила их романтическое звучание.

¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 11, стр. 155.

Дальнейшее развитие капиталистических отношений в румынской деревне значительно поколебало народнические иллюзии Садовяну. Жизнь убеждала писателя в том, что капиталистическая культура в сельском хозяйстве, в сочетании с помещичье-крепостническими формами эксплуатации, ещё больше закабаляют крестьян. Крупнейшее в истории Румынии революционное выступление крестьян — восстание 1907 года, вспыхнувшее под воздействием русской революции 1905 года, — обнаружило глубокий кризис всей общественной жизни Румынии, показало антинародный, реакционный характер как консерваторов, так и либералов — этих палачей народа, руководивших расстрелом одиннадцати тысяч крестьян. Рассказы и повести, созданные Садовяну в этот период, свидетельствуют об усилении демократизма и реализма в его творчестве. Впервые в творчестве писателя появляются образы крестьян, бунтующих против дикого произвола помещика. Садовяну выходит за пределы села, исследует жизнь мелкого городского люда, обличает алчность и жульничество политических правителей Румынии накануне первой мировой войны. Эти годы — период расцвета творчества Садовяну, созревания его реалистического мастерства.

После первой мировой войны в Румынии росла капиталистическая промышленность, крепло рабочее движение, руководимое германской коммунистической партией. Тем не менее румынский промышленный пролетариат не находил своего отражения в творчестве Садовяну. Писатель недооценивал значение пролетариата в современной истории вообще и в румынской общественной жизни в особенности. Он не понимал всемирно-исторического значения Великой Октябрьской социалистической революции, не понимал того, что единственной силой, способной вывести трудящееся крестьянство из темноты и забитости, является пролетариат. Садовяну не верил в революцию, как в единственный путь спасения Румынии от империалистической кабалы. Излюбленные герои рассказов и повестей Садовяну в это время — люди, стоящие как бы вне общественных и экономических связей деревни, характеры, сохранившие первобытную природную цельность, — пастухи, лесники, рыболовы. Протест против разрушительной силы буржу-

азной цивилизации и её космополитической культуры выражается в многочисленных рассказах и повестях Садовяну, воспевавшего девственную прелесть родного края. Одновременно писатель создаёт ряд исторических романов, посвящённых многовековой борьбе румынского крестьянина за родную землю.

В предвоенные годы, когда в Румынии установилась фашистская диктатура, были уничтожены последние возможности сколько-нибудь реалистического творчества. Гибель угрожала народу, культуре — всему, что было дорого Садовяну. «Я переживал, — рассказывал впоследствии об этом времени М. Садовяну, — настоящий кризис, меня одолело сомнение и тяжёлое уныние. Сомнение в смысле жизни; тяжёлое уныние из-за тщетности нашего пребывания на этой земле. Мгла, которой безумная пропаганда окутывала наш мир, рассеялась, солнце с Востока победило дракона моих сомнений».

С освобождением Румынии были созданы, наконец, условия для коренной демократизации румынского общества, для решения крестьянского вопроса, десятилетиями волновавшего передовых людей страны. Вместе с героями своих лучших книг, Садовяну сразу же выступил на стороне демократических сил. Статьи этих лет, собранные писателем в книге «Калейдоскоп» (1946), свидетельствуют об идейном росте Садовяну. Редко откликавшийся ранее на политические события, М. Садовяну в эти годы активно участвует в общественной жизни страны, много пишет, выступает на собраниях, читает лекции и доклады. Основное направление его публицистики — борьба за демократизацию Румынии.

«Правящие круги, которые усвоили внешние формы жизни Запада, — говорил он в книге «Свет с Востока» (апрель 1945 г.), — столетиями держали крестьянский народ в угнетении и забитости, а литература восторгалась красотой, обычаями и фольклором сельской жизни. Пора отказаться от этой ложной поэзии. Необходимо быстро и толково повести крестьянство к интенсивной культуре, побудить его отказаться от устаревших примитивных обычаев. Дадим крестьянам возможность пользоваться не только землёй, которую мы не можем увеличить, но и тракторами,

отборными семенами, ирригацией, мелнорачной почвой, товариществами, кооперативами сбыта и покупки, дешёвыми кредитами, благоустроенными жилищами, медицинской помощью, профессиональными школами. Дадим им прежде всего честную администрацию, доступное и быстрое правосудие».

Эта программа действий не выходит ещё, как видим, за рамки того, о чём Садовяну мечтал на заре своей литературной деятельности. Однако опыт Советского Союза убедил его, что только экспроприация помещиков, только насильственная ломка «старых устоев» открывает путь к коренному преобразованию крестьянской жизни.

«В Советском Союзе, — говорит Садовяну, — были осуществлены великие аграрные опыты: были культивированы почти пустынные края, за немногие годы было индустриализировано сельское хозяйство, улучшены семена и скот, увеличена продукция. Жизнь трудового крестьянина стала важной. Земледелец с доверием может глядеть в будущее... Великая победа советского строя в Отечественной войне и плоды героических жертв советских людей могут достаться и румынскому народу: я питаю эту надежду, думая о моём крестьянском народе».

Надежда вскоре стала действительностью. Летом того же 1945 года румынская демократия, по инициативе и под руководством коммунистической партии, сломив саботаж реакции, впервые осуществляла подлинную аграрную реформу. Помещичьи земли были конфискованы и безвозмездно переданы трудящимся крестьянам.

Публицистическая деятельность Садовяну благоприятно отразилась на его художественном творчестве. Она столкнула писателя с коренными вопросами жизни, научила большей смелости в их решении. Сама манера письма Садовяну в какой-то степени меняется: она становится менее созерцательной, более энергичной.

В апреле 1948 года вышла в свет повесть М. Садовяну «Малая Пэуна». В ней автор рассказывает о трудовом товариществе, созданном на заболоченных придунайских землях несколькими крестьянами, разорёнными второй мировой войной. Совместными усилиями, целесообразным разделением труда, применением техники членам товарищества удаётся преобразовать неплодородные земли, выйти из нужды.

Первым в румынской художественной прозе М. Садовяну обращается к теме коллективного труда, творческого преобразования земли. Правда, история возникновения и успешного развития товарищества «Малая Пэуна» не показана в связи с бурной классово-борьбой; с деятельностью коммунистической партии. Недостает типичности многим образам повести.

Несмотря на эти серьёзные недостатки, в своё время отмеченные румынской критикой, «Малая Пэуна» представляет большой интерес. Глубоко правдива, хотя недостаточно исторически-конкретно выражена, основная её мысль: только взаимопомощь и совместная обработка земли открывают путь к обновлению румынской деревни.

В прежнем творчестве М. Садовяну, отражавшем конфликт между крестьянами и помещиками, крестьянство, как правило, выступало цельным, без внутренних антагонистических противоречий. Между тем, борьба за народную демократию, строительство основ социализма, начало коллективизации сельского хозяйства ярко обнаруживали классовое расслоение румынской деревни. Уже в «Малой Пэуне» писатель показал конфликт между кулаком и крестьянским коллективом. Однако этот конфликт ещё не являлся центральным, и кулак не выступал как непримиримый враг трудового народа, как опора буржуазно-помещичьего строя в деревне. Таким его рисует М. Садовяну только в последующем своём произведении «Митря Кокор», опубликованном в декабре 1949 года.

Повесть эта, удостоенная Золотой медали мира, уже известна советскому читателю по изданиям на русском языке и многочисленным откликам в нашей печати. Нет поэтому надобности в данной статье детально её разбирать. Отметим только, что в галерее сотен крестьянских образов, созданных М. Садовяну, Митря Кокор занимает особое место. Впервые в творчестве писателя крестьянин-бедняк противопоставляется кулаку и судьба этого бедняка дружественно связывается с жизнью передового рабочего. Новые черты появляются и в характере героя. И в прежних своих произведениях М. Садовяну рассказывал о бунте бедняков против своих угнетателей. Но то бывал взрыв возмущения униженной и оскорбленной лично-

сти. После такого бунта крестьянин на всю жизнь уходил в леса или же мужественно принимал смерть. Теперь же в характере крестьянина-бедняка Садовяну показывает черты политической сознательности, организованности. Шире кругозор этого героя, более целеустремлённа его энергия. Вместе с тем он сохраняет свою национальную самобытность — близость к природе, сердечное отношение к людям, задушевность. Сама сюжетная линия повести — жили-были два брата, один добрый, другой злой, и т. д. — подчёркивает её близость к народным мотивам.

Как уже отмечалось критикой, в повести «Митря Кокор» недостаёт живости главам, посвящённым пребыванию Митри в армии, на фронте, в советском лагере военнопленных и, что особенно важно, в дивизии «Тудор Владимиреску», вместе с советскими войсками воевавшей против гитлеровской армии. Тот же недостаток ощущается и в изображении характера рабочего-коммуниста, друга и учителя Митри.

В близости к народу выражается связь творчества М. Садовяну с передовыми традициями румынской литературы прошлого. Продолжение этих традиций, художественное познание современных событий в жизни народа обогатило реализм румынской литературы. Развитие творчества Михайла Садовяну по пути к социалистическому реализму столь же закономерно, как и движение к социализму трудового румынского крестьянства, выразителем интересов которого писатель является в лучших своих книгах.

3

Как и в других капиталистических странах, антиреалистические течения — формализм и натурализм — оказали влияние на значительную часть румынской художественной интеллигенции. Это относится к тем писателям, общественные, политические и эстетические взгляды которых сложились в период между первой и второй мировыми войнами, в условиях господства реакции в политической и культурной жизни, засилья империалистического, упадочного искусства Запада, в отрыве от демократических национальных традиций, в отчуждении от великой русской и советской культуры.

Влияния формализма не избежали и поэ-

ты, критически настроенные по отношению к господствующим порядкам и не утерявшие полностью связи с народом и его демократической культурой.

Темпераментный, жизнерадостный талант Михаила Бенюка впервые проявился в его стихах тридцатых годов. Глубокое переживание «румынского горя» придавало голосу молодого поэта искреннее звучание. Сквозь недоговорённость, обусловленную гнётом реакции («дерево смерти заслоняет окно, которое я открыл на Восток», — говорил тогда поэт), и налёт формализма, портившего многие из его стихов, чувствовалась связь поэзии М. Бенюка с жизнью крестьянства. Недаром поэт советует тем, кто захочет узнать его, изучать его родной край, Трансильванию, где «каждая скала повествует о страшных восстаниях против властей». «Мой пегас — румынская лошадка...» — говорил М. Бенюк в стихотворении «Мой путь». На крестьянской лошадке отправился он в дальний путь, чтобы в борьбе с драконами освободить поработённую и заколдованную врагами возлюбленную — Родину. Драконы в жизни были страшнее, чем в народном эпосе, отзвуки мотивов которого слышны в стихах поэта, а народ, казалось поэту в мрачные годы войны, окаменел в своём молчании.

Хотя М. Бенюк, в отличие от А. Тома, не ощущал благотворного воздействия коммунистического подполья, его горе и одиночество всё же не были беспросветными. Он глядел в будущее с уверенностью человека, ожидающего рассвета.

Быть «барабанщиком новых времён» — так определил М. Бенюк после освобождения страны своё поэтическое призвание и просил свою привыкшую к горю музу научиться петь о радости. Его стих воспевал наступление солнечного дня над родной землёй.

Исторической теме посвящена поэма М. Бенюка «Красный Кивер» — о знаменитом в румынской истории восстании трансильванских крестьян в конце XVIII века. Поэма, близкая традициям румынского поэтического фольклора, полна ненависти к власти крепостников, императора, церковников, полна страстного стремления к воле.

Успешное строительство основ социализма расширило горизонт поэта. Источни-

ком его творчества становится поэзия коллективного труда, выражаемая М. Бенюком с присущими ему бодростью и темпераментом.

Освобождение Румынии и установление народной демократии вызвали перелом в творчестве другого поэта того же поколения, что и М. Бенюк, — Марии Бануш. Первые её стихи, опубликованные в 1937 году, были проникнуты пессимизмом, сознанием бесперспективности жизни, окружавшей в то время поэтессу. Но сила молодости, жажда счастья нашли себе место даже в этих, в целом ещё ушербных, стихах. Волю к жизни не мог погасить и гнёт фашизма. «Песни под танками» — назвала Мария Бануш свои стихи этих мучительно тяжёлых лет, когда человеколюбивое сердце поэтессы изнывало от боли и народного горя.

Освобождение Румынии было и её освобождением. Статьями, стихами, переводами русской поэзии¹ Мария Бануш принимает активное участие в политическом и культурном обновлении страны, в борьбе за её полное оздоровление. В бурной общественной деятельности поэтесса восстанавливает свои душевные силы.

Сущность своей поэзии последних лет Мария Бануш определила названием вышедшей в 1949 году книги стихов — «Радость». О чём бы ни пела М. Бануш — о торжестве народной демократии, о красоте жизни, полной и свободной, о героическом труде молодёжи, жаждущей знания и творчества, о женщине, наравне с мужчиной строившей Республику, о детях, празднующих весёлый Первомай, — её песни — песни радости. Только человек, вместе с народом страдавший и завоевавший новую, свободную жизнь, может так искренне и полнокровно радоваться жизни.

В новых песнях М. Бануш слышатся стремительная мелодия народного танца, зьуки весёлой детской песенки и суровый ритм боевого марша. О врагах румынского народа, вчерашних хозяевах, мечтающих о насильственном возвращении своего бывшего господства, с нелюдях, замышлявших новую войну, М. Бануш говорит с бичующим гневом, вкладывая в свои слова пафос матери, защищающей жизнь и счастье своих детей.

¹ М. Бануш издала книгу переводов стихов Пушкина.

Заметим, что Мария Бануш — не единственная поэтесса, творчество которой расцвело в условиях румынской народной демократии. Об общественном росте румынской женщины, её участии в строительстве новой культуры слагают стихи Вера Порумбаку, Нина Кассиан и другие.

Слышны в Румынии и голоса поэтов, творческий путь которых начался уже в бурные годы народно-демократических преобразований.

Среди молодых поэтов выделяется Миху Драгомир. Он обратил на себя внимание стихотворением «Болото». Болотистая пойма Дуная всё ещё недоступна человеку. Но пока природа готовится к зимней спячке, карандаши указывают на карте волнам новый путь, циркуль нащупывает изменности, составляется план наступления. Здесь будет море, по его волнам побегут пароходы, доставляя людям дары природы... Примечательна изобразительная сила стиха, движение чувств поэта — от спокойного созерцания картины могущественной стихии до энергичного порыва воли к овладению природой на благо Родины.

После «Болота» Миху Драгомир создал ряд стихов, включённых в книгу «Первая плавка» (1950), где он говорит с глубокой взволнованностью о новых процессах в жизни страны. Первый в румынской поэзии он воспевае новых людей села: тракториста МТС, снимающего богатый урожай с земли, некогда впитавшей много крестьянских слёз; бывшего середняка, который, борясь со своими сомнениями, выбирается на новую дорогу; девушку-крестьянку, приобщённую партией к культурной жизни в колхозе.

Из молодых поэтов быстро выдвинулся также Дан Дешлиу. Первые его стихи появились в 1945—1947 годах. Они передавали пафос бурной ломки старых политических порядков, гром народного гнева, прокатившийся по стране.

В стихах Д. Дешлиу этого времени сатира, бичующая враждебный мир, сочетается с призывом к революционному действию. Устремления молодого поэта, однако, не всегда подкреплены точным знанием действительности, и это сообщает его стихам налёт риторичности; многократно повторяется одно и то же слово или его синонимы, изобилуют гиперболические эпитеты.

Отмечая достоинства поэзии Д. Дешлиу, румынский писатель М. Новиков справедливо указывал и на то, что «...когда он пытается скрыть бедность содержания ложным «блеском» образов, Дешлиу отдаёт дань формализму...»

Лучшее, что создал до сих пор Дан Дешляу, — лирико-эпическая поэма «Лазар из Руска». Она посвящена памяти крестьянина-коммуниста Лазара Чернеску, зверски убитого кулаками. Словами, полными энергии, близкими к народной речи образами, поэт воспевае героя — храброго и светлого человека, вдохновителя новой колхозной жизни.

Из клочков полей

Создадим одно большое поле, —

говорит Лазар крестьянам. Он ненавидит кулаков, уверен в их обречённости. Об одном только жалеет перед смертью коммунист Лазар Чернеску: он не увидит воплощения своей мечты, не дойдёт до конца пути, по которому, вслед за советским, идёт румынское крестьянство.

В целом, при всём своеобразии пути и стиля современных румынских поэтов, в их творчестве имеются общие черты, свойственные новой румынской поэзии.

Опираясь на передовые национальные традиции, современные румынские поэты стремятся выразить новое, социалистическое содержание общественной жизни. Народная демократия освободила поэзию от тяжелейших условий и мучительных вопросов, с которыми сталкивались румынские поэты XIX века.

Румынское национальное государство сложилось в третьей четверти XIX века, то есть в тот период европейской истории, когда буржуазная демократия уже истощивала свою прогрессивную роль в истории, а пролетарская демократия ещё только созревала. Поколения румынских общественных деятелей и писателей, борющихся за объединение румынских княжеств в единое, независимое государство, ещё искренно верили, что в этом государстве будут царствовать свобода, равенство и братство. То был иллюзорный исторический оптимизм, который пронизывает работы историка и писателя Николая Бэлческу (1819—1852), освещает стихи «весёлого» Василе Александри (1821—1890), одного из талантливейших поэтов своего поколения.

После революции 1848 года, которая кончилась сделкой между буржуазией и помещиками, после объединения румынских княжеств (1859 год) и создания «независимого» государства (1877 год), эти иллюзии культивировались только либеральной буржуазией. Честные писатели прошлого поколения, пережившие эти события, — среди них и Василе Александри, — не могли не сознавать того, что чувствовали многомиллионные массы крестьянства: декларации о «национальном», «независимом» государстве, за которое народ проливал кровь в войне против османовской Турции, оказались обманом. А прогресс, о котором кричали краснобаи-либералы, возносящие до небес освобождение крестьян от крепостного права, оказался не чем иным, как расчётливой пути капитализму.

Этот крах иллюзий и разочарование оставили глубокий след в народном сознании и тяжело отразились на румынской поэзии. Поэзия Михаила Эминеску (1850—1889) и была выражением той трагической дилеммы, перед которой история поставила в то время румынское крестьянство, как общественный класс и как носителя национального начала: либо старый патриархально-феодальный уклад жизни, сохранение национальной самобытности, но тогда — гнёт и произвол бояр; либо капиталистический прогресс, но тогда — господство денежного мешка и потеря национальной самобытности. Силы, способной положить конец такому прогрессу общества, при котором он совершался на костях крестьянства, в Румынии тогда ещё не было. Развитие же капитализма в Европе, — в период после поражения Парижской Коммуны вплоть до могучего выступления на всемирно-историческую арену русского революционного пролетариата, — ещё больше укрепило в румынских писателях того времени ощущение безвыходности. У М. Эминеску это ощущение тем более усиливалось, что критика капиталистического прогресса, при отсутствии в стране пролетарской, революционной критики капитализма, не могла его не привести в лагерь людей, критиковавших либерализм с противоположной стороны: в ненавистный ему лагерь консерваторов. Измученный этими неразрешимыми противоречиями, голодный, одинокий, талантливейший поэт заболел тяжёлой душевной болезнью.

Наследие М. Эминеску противоречиво. Оно дорого народу выражением антикапиталистических настроений; близостью к жизни трудового крестьянства; преемственностью его вековой героической борьбы за национальную государственность и самобытность; любовью к родной земле, её нравам, обычаям, фольклору; нравственной чистотой и эстетическим совершенством. Эти качества и наследовали поэты следующего за М. Эминеску поколения, развившие протест крестьянства против гнёта помещиков — Александру Влахуца (1858—1919), Георге Кошбук (1866—1918). Однако они унаследовали и его народнические заблуждения. Именно эти черты ограниченности Эминеску выпятили после первой мировой войны декаденты, насаждая реакционно-романтическую, шовинистическую «поэзию румынства».

Только румынский пролетариат, с помощью великого Советского Союза, оказался в силах освободить румынское крестьянство, румынскую нацию от всякого гнёта. Только новая румынская культура могла плодотворно унаследовать лучшие традиции национальной поэзии прошлого, освобождая их от всего ограниченного, в том числе и от декадентской фальсификации. И не только хранить наследство, но и развивать его. Нет больше почвы в Румынии ни для идиллической поэзии иллюзорной радости, ни для поэзии безысходной скорби о народной судьбе. Неразрывно связанные с народом, румынские поэты разделяют и воспевают его радость жить и творить в своём подлинно свободном и независимом государстве. «Сегодня страна твоя — дом твой», — говорит А. Тома своему товарищу, хозяину румынской земли.

С радостным задором воспевает Михай Бенюк праздник обновлённой деревни:

Прибывает в село сегодня первый
трактор,
И земля с ним обручается.

О творческом труде румынского рабочего, удостоенного Орденом Труда, поёт молодая поэтесса Вера Порумбаку.

Недаром отдали в борьбу с реакцией свою жизнь лучшие сыны и дочери народа — румынские коммунисты, недаром принесли жертвы и приняли лишения рабочие и крестьяне, недаром страдал М. Эми-

неску, если может сегодня румын петь: «Ясно небо над Республикой моей» (Миху Драгомир).

4

Ломка старого, частнособственнического мира и зарождение новых, социалистических отношений отражаются и в художественной прозе.

В первые два-три года после освобождения страны, когда новый общественный строй только оформлялся, передовые писатели по-новому осмыслили старый жизненный материал. Даже повесть «Малая Пэуна», при всей своей современности, в значительной части посвящена прошлому, жизни румынского общества предвоенных лет.

Произведения на эту тему создавали прозаики, творческий путь которых начался в период между двумя войнами, — именно те из них, которые, несмотря на господство декаданса, не утеряли связи с реалистическими традициями: Камил Петреску, Джео Богза и другие.

Критическое изображение буржуазно-помещичьего общества и господствующей в нём реакционной идеологии расчищало путь к новой жизни и современной тематике.

В конце декабря 1948 года, год спустя после ликвидации монархии и через шесть месяцев после национализации капиталистических предприятий, то есть после установления в стране диктатуры пролетариата в её народно-демократической форме, газета «Скынтейя», центральный орган Румынской рабочей партии, писала: «Хорошо, что писатели воспевают борьбу народов за свободу или по-новому оценивают прошлое — близкое и далёкое. Литература должна отвести важное место и боевым традициям народа, и героическому прошлому партии. Однако основной источник творчества писатели могут найти в великих днях настоящего, в днях революционного преобразования не только экономического, политического и общественного уклада жизни, но и сознания людей. Эти преобразования предлагают писателям значительные факты и бесконечное число героев, достойных пера величайших талантов».

Этот призыв, выразивший политику Румынской рабочей партии в области литературы, имел большое значение для раз-

вития румынской литературы в направлении социалистического реализма. Газета «Скынтейя» широко открыла доступ молодым писателям для освещения в очерках и коротких рассказах фактов социалистического творчества трудящихся. Критикой декадентской литературы газета «Скынтейя», а вслед за ней литературная печать (газеты «Контемпоранул» и «Флакэра», журнал «Вьяца Ромыняска») помогли дальнейшему развитию реалистических традиций.

Румынская художественная проза в прошлом являлась как бы второстепенным жанром в литературе. Она заняла господствующее положение только в начале нашего века. Художественная проза Румынии развивалась и крепла, опираясь не только на достижения реалистической литературы XIX века, в первую очередь русской; она вбирала в себя традиции устного народного эпоса и творений летописцев. Этот её своеобразный путь развития и придал румынской художественной прозе ту самобытную прелесть, которая чарует читателя реалистических рассказов, повестей и романов М. Садовяну — классика румынской художественной прозы.

Сила и слабость реализма румынской прозы определялась силой и слабостью румынского освободительного движения XX века. По мере того, как усиливалось революционное пролетарское движение, в особенности после Великой Октябрьской социалистической революции и создания коммунистической партии Румынии, вырос и наполнялся новым содержанием реализм румынской прозы. Это новое содержание не могли выразить писатели старшего поколения, не о связанные с революционным рабочим движением, заражённые пережитками либерального народничества. В тяжелейших условиях буржуазно-помещичьей диктатуры, господства империалистического декаданса, существования антисоветского «железного занавеса», реалистическую художественную прозу могли двигать вперёд лишь немногочисленные отдельные писатели, близкие народу.

Таким писателем был Александру Сахиа (1908—1937). Ещё будучи студентом бухарестского университета, А. Сахиа писал своему другу в 1930 году: «Я люблю человека, помогаю и жертвую собою по порыву души. Смысл жизни нахожу себе

только в счастье других». И однако в те годы А. Сахиа не видел силы, способной избавить Румынию от мерзостей феодально-помещичьей жизни. Массовые стачки и демонстрации, антифашистские выступления румынских трудящихся в тридцатых годах открыли эту силу. А. Сахиа устанавливает связь с рабочим движением и вступает в подпольную коммунистическую партию. Впервые перед ним открывается богатство марксистского мировоззрения. В 1934 году, преодолевая многочисленные рогатки, А. Сахиа приезжает в Москву на Первый съезд Союза советских писателей. Пафос социалистического строительства, равноправие и дружба народов, расцвет советской культуры глубоко взволновали молодого писателя. Выступление А. А. Жданова, доклад М. Горького, речи советских писателей на съезде были для него откровением новой эстетики, нового понимания литературы. Вернувшись на родину, А. Сахиа говорил: «Я пишу не для собственного развлечения. Это было бы преступлением. Моё творчество должно содействовать освободительной борьбе рабочих масс. Их идеал — мой идеал». Приводя сказанные М. Горьким слова о необходимости участия писателя в великих всемирно-исторических делах нашего времени, А. Сахиа выступает против «хныкающего романтизма» и мистицизма, за сближение искусства с освободительным движением румынского общества.

«Писатель, — говорил Сахиа, — является защитником всего человечества, и от него требуется освещение пути к новым формам жизни — без эксплуатации, без классов, без расовой ненависти».

Немногочисленные рассказы, которые удалось написать А. Сахиа за свою короткую жизнь, свидетельствуют о благотворном воздействии горьковского творчества на одарённого писателя. А. Сахиа был первым румынским писателем-прозаиком, реалистически изображавшим жизнь и революционную борьбу румынского рабочего. Рассказ о подневольной жизни, о нужде румынских трудящихся сочетается в творчестве А. Сахиа с показом неугасимой силы духа румынского рабочего, его стойкости в борьбе за освобождение. В изображении А. Сахиа румынский рабочий выступает не только как эксплуатируемый пролетарий, но и как способный и трудолю-

бывый человек, гордый своим призванием создателя всех земных благ, творца истории.

А. Сахиа не дожидаясь освобождения своей страны — нужда и преследования реакционеров преждевременно подточили его здоровье. Но рассказы его стали достоянием тех, для кого он жил и творил.

В течение 1949—1950 гг. новая тематика разрабатывалась, преимущественно, в малых формах художественной прозы. Однако и в очерках и в коротких рассказах писатели стремятся к широким обобщениям, к максимальной типичности в обрисовке обстоятельств и действующих лиц. Появление трудящегося человека в качестве положительного героя литературы, перемещение сюжета из сферы частной жизни в кипучую деятельность многоликого рабочего коллектива позволяет молодым румынским писателям по-новому показать действительность.

Социалистическому преобразованию румынского общества посвятил своё творчество Петру Думитриу, один из талантливых деятелей новой румынской литературы.

П. Думитриу быстро улавливает черты нового в румынской жизни. В первых своих рассказах — «Вражда» (1947), «100 километров» (1948), «Охота на волков» (1949) он повествует о трудящихся крестьянах, под руководством коммунистов борющихся за освобождение села от власти кулака.

Теме преобразования румынской деревни посвящён и следующий рассказ П. Думитриу «Приходи, дам хлеба» Однако здесь столкновение между новым, зарождающимся, и старым, осуждённым на гибель, выражается уже не только во вражде между трудовым крестьянством и кулачеством, а, главным образом, в борьбе между новым и пережитками старого в сознании труженников земли. Старое, индивидуалистическое в характере людей постепенно отступает перед новым, социалистическим.

Первым в румынской литературе изобразив борьбу трудящегося крестьянства за становление и утверждение народной демократии, П. Думитриу также первым рассказал о решающем шаге в социалистическом преобразовании деревни — о коллективизации. Этой теме посвящена его повесть «Июньские ночи» (1949), удостоенная Го-

сударственной премии Румынской Народной Республики.

В рассказах и повестях П. Думитриу жизнь румынского крестьянства наших дней исследована столь серьёзно, что румынская критика рассматривает их как хронику румынского села. Однако П. Думитриу — не крестьянский писатель в узком понимании слова. Одной из отличительных черт новой румынской литературы, отражающей укрепление союза рабочего класса с трудовым крестьянством и углубление народной демократии, является то, что постепенно исчезает разделение писателей на «рабочих» и «крестьянских», зарождается единая реалистическая литература, изображающая социалистическое преобразование румынского общества.

Произведения П. Думитриу свидетельствуют о стремлении писателя к эпическому изображению жизни. Характерно, что П. Думитриу написал повесть о крестьянском восстании 1907 года — «Фамильные драгоценности». Эта историческая тема разрабатывалась и прежде румынской литературой. Однако только в этой повести П. Думитриу изображение истории носит подлинно эпический характер. Писатель, обогащённый опытом революционных преобразований современной жизни, сумел увидеть и изобразить восстание 1907 года, как один из моментов в движении своего народа вперёд к социализму.

Новое произведение П. Думитриу — «Дорога без пыли», роман о канале Дунай — Чёрное море, крупнейшей стройке народно-демократической Румынии. Но это не производственный роман в узком смысле слова. Автор не описывает эпизодов строительства, а рассказывает о людях, своими трудовыми подвигами преобразующих пустынную природу Добруджи. Этим людям, их политическому, профессиональному и общекультурному росту П. Думитриу уделяет основное внимание. Писатель не закрывает глаза на их недостатки, слабости, унаследованные от прошлого предрассудки. Но он показывает в характере каждого из них ценные ростки, развитие которых поощряется народным строем.

«Дорога без пыли» — роман о строительстве нового русла румынской истории. В нём выражен творческий пафос румынских трудящихся, борющихся за осуществление пятилетнего плана и плана элек-

трификации страны. Недаром строители канала Дунай—Чёрное море, обсуждая «Дорогу без пыли», называли этот роман «нашей книгой».

П. Думитриу широко охватывает жизнь современной Румынии. В романе действуют люди всех классов и национальностей страны, люди разных поколений и разной среды: рабочие, крестьяне, интеллигенты, бывшие капиталисты и помещики; румыны, венгры, татары, евреи; люди из Молдовы и Трансильвании, Добруджи и Марамуреша; старики и только вступающие в сознательную жизнь юноши и девушки. Читатель видит участки стройки, общежития и столовые рабочих, партийные и производственные совещания, Констанцу, потрёпанные «салоны» Бухареста, где доживают свои последние дни остатки разбитых классов, работников посольства «иностранной державы», плетущих антинародные заговоры.

Нередко П. Думитриу возвращается в своём романе к персонажам, о судьбе которых он рассказывал в предыдущих своих произведениях—«Охота на волков» и «Фамильные драгоценности».

Повесть «Фамильные драгоценности» читатель откладывает с убеждением, что торжество алчных, диких в своём зверстве бояр над справедливо восставшими крестьянами является временным, шатким. Сейчас в новом романе П. Думитриу читатель видит бывших усмирителей восстания 1907 года разбитыми, а собственников «фамильных драгоценностей» — сметёнными с исторической сцены румынскими рабочими и крестьянами.

Тема мира, которая в творчестве П. Думитриу занимает большое место, является центральной темой современной румынской литературы. В этом—одна из черт её народности. «Нашему народу, — говорит Г. Георгиу-Деж, — познавшему на протяжении своей истории турецкое владычество, империалистическое иго, ужасы войны, особенно дороги независимость и мир»¹.

О воле румынских людей к миру пел А. Тома ещё в своих стихах 1944 года; её выражает в публицистике и художественном творчестве Михаил Садовяну; ею вдох-

новляются деятели румынской литературы. Обличая всё, что уродует физическое и душевное здоровье человека, утверждая равноценность людей труда любой расы и национальности, воспитывая уважение ко всему великому в мировой культуре, современная румынская литература подняла знамя мира, как знамя своего нравственного и эстетического идеала.

Столетиями существовало между Румынией и Венгрией недоверие, которое подогревали, с одной и другой стороны, эксплуататорские классы и империалистические захватчики. Разгром гитлеровских полчищ советскими войсками, освобождение Румынии и Венгрии, торжество в этих странах истинно демократических порядков положили начало дружбы между Румынией и Венгрией, между румынскими и венгерскими трудящимися, населяющими пограничную Трансильванию.

Современная румынская литература отражает и идейно утверждает чувство этой интернациональной дружбы и мирного сотрудничества. В романе И. Кэлугэру «Сталь и хлеб», в пьесе М. Давидоглу «Огненная крепость», в стихах поэтов, в произведениях венгерских писателей Трансильвании румынские и венгерские трудящиеся изображаются с чувством взаимного уважения и братской солидарности. Попытки поджигателей войны и их титовских агентов посеять раздор между национальностями стран народной демократии разбиваются об общую решимость всех трудящихся европейских стран народной демократии отстаивать свою национальную независимость, дружбу и мир во всём мире.

«Наш народ знает, что одержанные нами успехи были бы невозможными без помощи и поддержки советского народа, большевистской партии, Советского правительства и лично товарища Сталина», — говорит румынский народ устами Г. Георгиу-Деж. Выражая признательность и любовь к советскому народу, румынская литература органически объединяет тему мира, демократии, социализма с темой дружбы со страной Советов, оплотом мира и безопасности народов.

5

Новая румынская литература возникла и развивается, опираясь на достижения советской литературы.

¹ Г. Георгиу-Деж. Славная годовщина освобождения Румынии. «Правда» от 23 августа 1950 года.

Традиции дружбы между русским и румынскими народами уходят в глубь веков. Ни преступления царизма, ни шовинистическая политика румынских помещиков и капиталистов не были в силах полностью прервать эти традиции. Исследования, которыми занимаются сейчас румынские историки и литературоведы, раскрывают огромное значение русской культуры в развитии румынской общественной мысли, науки, искусства и литературы.

Цензурные и всякие иные заграждения, установленные румынской реакцией после Великой Октябрьской социалистической революции, нанесли огромный вред румынской культуре, тормозили развитие реалистической литературы.

Освобождение Румынии от фашистского ига открыло румынским читателям и писателям доступ к советской литературе. Уже в первые годы после освобождения были переведены на румынский язык произведения М. Горького, В. Маяковского, Н. Островского, Д. Фурманова, М. Шолохова, И. Эренбурга, А. Фадеева, Л. Леонова, К. Симонова и других писателей. Издания произведений советской литературы на румынском языке явились огромной помощью передовым румынским писателям в их борьбе с антиреалистической литературой, в борьбе с пережитками декадентства в своём собственном творчестве. Зная, какую огромную работу проделали большевистская партия и советское государство в борьбе против всяких формалистических выкрутасов и натуралистического уродства, в борьбе за социалистический реализм, помня о напряжённых творческих усилиях советских писателей в познании средствами искусства новой небывалой жизни, об их исканиях, а порой ошибках и неудачах, — помня всё это, можно оценить значение великого опыта советской литературы социалистического реализма для новой румынской литературы. В лучших произведениях советской литературы румынские писатели открывали не только новый мир, новые темы, новых героев. Они находили здесь новый метод искусства, последовательно-объективное и исторически-конкретное познание жизни в её революционном развитии.

Решения ЦК ВКП(б) по вопросам литературы, театра, кинематографии, музыки, выступления А. А. Жданова по вопросам

философии и искусства, его разоблачения декадентского искусства оказали неоценимую помощь передовым деятелям Румынии в их борьбе за реалистическое искусство.

На первом этапе народно-демократической революции, когда румынские коммунисты боролись за расширение и углубление демократических преобразований, советская литература открывала передовой румынской литературе перспективу движения к социалистическому реализму. После установления народной демократии и по сей день советская литература помогает утверждению румынской литературы на путях социалистического реализма. Этой молодой литературе советская литература служит образцом слияния реализма и коммунистической идейности, сочетания объективности изображения жизни с партийностью. Без творчества Горького, без творчества Маяковского, без романов и стихов советских прозаиков и поэтов новая румынская литература не смогла бы проделывать путь к социалистическому реализму.

В показе единства индивидуальной и народной судьбы, в раскрытии сложного и богатого мира румынского трудящегося крестьянина обнаруживается, например, близость П. Думитриу к советской эпике, в частности к романам М. Шолохова и А. Толстого. «Читая Шолохова и других советских писателей, — говорит П. Думитриу, — я понял, каким сильным оружием может быть искусство».

Помощь советской литературы оказалась особенно действенной в последние годы, когда в румынскую литературу пришёл новый герой, строитель социалистического общества.

Советская литература помогает румынским писателям видеть зарождение новых черт в характере передовых людей своего народа и любовно их воссоздавать. «Поднятая целина» стала сейчас в Румынии одной из самых популярных книг. «Я встретил героев Шолохова в деревне Луна де Жос, — пишет Петру Винтиля, один из молодых румынских писателей. — В Луна де Жос Давыдов — это Иосиф Кешери, бывший токарь железнодорожных мастерских в Клуже... Областная партийная организация направила его сюда, чтоб возглавить борьбу за укрепление коллективного сельского хозяйства».

Так, недавно вышел в свет роман А. Жара «Конец жалобам», первая книга трилогии, посвящённой революционным традициям румынского рабочего класса. Тема исключительно важная, в особенности, если учесть, что в прежнем румынском романе отсутствовал образ промышленного рабочего. Отметив как заслугу А. Жара обращение к новой теме, румынская критика вместе с тем указала и на существенные недостатки романа. Критик О. Крохмэлничану, ведущий последовательную борьбу за румынское реалистическое искусство, справедливо заметил, что А. Жар предпочтительно описывает грубую физическую силу рабочих, смакуя сцены одичалости и распушенности. Характерно, что натуралистическое изображение жизни сочетается в романе «Конец жалобам» с формалистическими языковыми извращениями.

Преодолению этих антиреалистических элементов в произведениях румынской литературы, расцвету истинно социалистической и подлинно национальной литературы содействует советская культура.

Безгранично велико значение труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» в борьбе за становление и утверждение социалистической по содержанию и национальной по форме румынской культуры. На пленарном заседании Академии наук Румынской Народной Республики, состоявшемся 21—25 марта 1951 года, виднейшие учёные страны, обсуждая последние работы И. В. Сталина, говорили об историческом вкладе товарища Сталина в мировую науку, о значении этих работ

для дальнейшего развития румынской культуры.

Труды И. В. Сталина помогают румынским писателям обнаруживать и изживать антиреалистические тенденции в современной румынской литературе. Состоявшееся в феврале этого года пленарное заседание Союза писателей РНР обсудило, в свете последних работ И. В. Сталина, вопросы современной румынской поэзии. В докладе М. Бенюка, в выступлениях писателей и критиков отмечалась решающая роль трудов И. В. Сталина в борьбе против явления пролеткультовщины в новой румынской литературе, в борьбе за высокое мастерство писателя. «Применяя учение товарища Сталина,— сказал М. Бенюк,— наша Партия требует от поэтов и всех писателей, чтобы они изучали жизнь, чтобы они научились изображать её с высоким художественным мастерством... Усвоение классической традиции, национальной и мировой, фольклора, русской литературы и, в особенности, литературы советской, является основным условием развития нашей поэзии». Говоря о схематизме, упрощенчестве и невыразительности языка в произведениях некоторых молодых писателей, один из секретарей Союза писателей, Траян Шельмару, заявил: «...Наше счастье в том, что мы имеем перед собою богатый советский опыт. Опираясь на этот опыт, мы должны научиться избегать подобных ошибок».

В дружеском общении с советской литературой — залог дальнейших достижений румынской литературы на путях социалистического реализма.



КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Н. Абалкин. Продолжение важного разговора.— **Н. Богданов, Р. Ким.** Серьёзные недостатки интересного романа.— **З. Недрина.** Книга о жизни узбекского народа.— **А. Дроздов.** Победы и поражения молодого писателя.— **П. Утевская.** На освобождённой земле.— **В. Жданов.** По стопам Перерепенто.— **Н. Мацуев.** Новые библиографические справочники.

ПОЛИТИКА И НАУКА

Кандидат юридических наук **Л. Савинский.** Китай сегодня.— **П. Виноуров.** Свидетельство шведских деятелей культуры. Кандидат юридических наук **О. Поленц.** Международное право или международный произвол? — **В. Минаяв.** Профсоюзные боссы на службе Уолл-стрит.— **А. Пантиелев.** «Италиб» — завод-новатор.— **И. Халифман.** С неправильных позиций.

Литература и искусство

Продолжение важного разговора

Сборник статей «Образ моего современника» продолжает важный разговор, который был начат в книге «Работа режиссёра над советской пьесой», выпущенной в прошлом году издательством «Искусство». Обе книги посвящены одной теме: показу современности в советском театре. Актёры и режиссёры говорят в них о самом главном в своей творческой жизни — о правдивом отражении на сцене новой, социалистической действительности, о создании художественного образа передового советского человека.

Авторы сборника — признанные мастера советской сцены — **Н. Черкасов, В. Ванни, Н. Боголюбов, В. Марецкая, М. Токарева, В. Топорков, Е. Гоголева, Н. Мордвинов, Ю. Толубеев, Н. Анненков, Н. Колофидин, П. Константинов, Н. Колесников, Г. Черноволенко.**

Страницы книги «Образ моего современника» — свидетельство идейной и художественной зрелости советского актёра, его умения говорить о театре, о своей творческой работе принципиально, с позиций общественных интересов. В этом, в частности, сказалось огромное воспитательное

значение постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства. Советский актёр более глубоко осознаёт свою ответственность перед народом, он стремится сделать театральное искусство достойным передового советского зрителя.

У каждого из авторов книги по-разному складывалась творческая биография, по-разному вырабатывались приёмы работы над ролью, и в их сценической деятельности много несходного. Но, сохраняя свою творческую индивидуальность, все они с одинаковой настойчивостью защищают и обосновывают важнейшие требования художественного творчества: знание жизни! Именно здесь в полную меру выявляется единопущие и целеустремлённость всего авторского коллектива. Неизменная верность жизни и придаёт такую жизнеутверждающую силу, такой оптимизм советскому театральному искусству.

«Я глубоко убеждён в том, — пишет Ю. Толубеев, — что нет и не может быть ролей, которые бы не требовали от актёра самого широкого и самого конкретного знания жизни, знания людей и постоянного творческого интереса к ним».

«Умение усваивать уроки жизни — едва ли не самая драгоценная черта актёрского таланта», — говорит **Н. Черкасов.** Но эта черта становится действительно дра-

«Образ моего современника». Сборник статей мастеров советской сцены. Составитель сборника **К. Рудницкий.** Редактор **М. Сатаева.** Издательство «Искусство», М. 1951.

гоценной, когда актёр подходит к изучению жизни с передовых идейных позиций, когда он способен глубоко раскрывать идейный смысл наблюдаемых жизненных явлений, отбирать в жизни главное, характерное, отделять его от всего второстепенного, частного, мелочного. Иначе художник превращается в ограниченного бытописателя-эмпирика, в беспристрастного ремесленного копировальщика, сводящего высокие цели художественного творчества к простому натуралистическому воспроизведению действительности.

Знать жизнь — это значит постоянно и неустанно её изучать, расти вместе с нею, обогащать свои жизненные наблюдения. «Мы хорошо знаем своего современника, свою современницу, — пишет Е. Гоголева. — Однако сплошь да рядом время нас обгоняет. Оно вносит новые и новые коррективы в тот образ, который сложился в нашем представлении, оно наполняет новым содержанием старые, издавна усвоенные и знакомые нам формы. Иной раз за этим трудно уследить — но это ведь наша прямая обязанность».

То новое, что характеризует подход советского художника к изучению жизни, нашло верное определение у Н. Черкасова. Он говорит: «...знание жизни — это отнюдь не отвлечённое и раз навсегда определённое качество художника. Невозможно знать жизнь, не обладая сложившимся и зрелым мировоззрением. Мировоззрение — это и есть та единственная основа, на которой могут развиваться наблюдательность актёра, его интерес к людям, его способность проникать в глубь человеческих характеров». И дальше: «невозможно з н а т ь жизнь, активно в ней не участвуя, только взирая на неё с холодным любопытством наблюдателя».

Такого же глубокого знания жизни требует актёр и от драматурга. Наспех написанная пьеса, являющаяся плодом поверхностных жизненных наблюдений, скрывает творческие возможности актёра, даёт ему вместо яркого и правдивого образа — безжизненную схему.

В рецензируемом сборнике обращает на себя внимание небольшое замечание, сделанное М. Токаревой: «Пьеса Н. Вирты «Заговор обречённых» всколыхнула всех нас, актёров, и я очень благодарна драматургу за то, что он дал мне возможность выразить в образе Ганны Лихта си-

лу передовых политических идей и страстность коммунистической мысли».

В первые годы строительства молодой советской театральной культуры Станиславский говорил о том, что героическая эпоха нашей жизни требует и актёра другого. И он был глубоко прав. В условиях социалистической действительности сложился новый тип актёра, которого раньше не знал театр.

Одним из отличительных качеств советского актёра стало его стремление раскрыть в сценическом действии процесс мышления своего героя, показать его идейные устремления. Без этого не может быть целостного, законченного представления о характере советского человека. И правильный вывод делает В. Топорков, когда пишет: «Уменьше показать мышление героя особенно необходимо актёру, когда он имеет дело с советской пьесой, ибо современный герой — не только герой действия, он ещё и мыслящий герой... герой сегодняшней нашей жизни интересен зрителю прежде всего своим богатым внутренним миром, который нельзя показать на сцене, не вскрывая самый процесс мышления изображаемого человека».

Советский актёр способен успешно решать эту серьёзнейшую творческую задачу. Он прошёл большую школу жизни и большую школу мастерства; вырос он и в идейном отношении. Но в современных советских пьесах ещё недостаточно значительных и ярких ролей, дающих возможность актёру показать во всей полноте богатство духовного мира советского человека. Нашего актёра глубоко интересует изображение на сцене не только действующего, но и думающего, мыслящего героя.

Авторы книги «Образ моего современника» знакомят читателя с творческим процессом создания сценического образа. Это — серьёзный профессиональный разговор, как бы вводящий читателя в творческую лабораторию художника. Но при всём этом никто из авторов не сводит дело к решению узко-профессиональных актёрских задач. Советский актёр, как это убедительно показано в книге, ищет ключ к раскрытию образа своего современника не в арсенале актёрских приёмов, призванных показать лишь внешнюю характерность роли, а в социалистической действительности, рождающей нового ге-

роя. Собственно о технологии актёрского мастерства, о сценических приёмах, о всяческих «секретах» творчества в книге не говорится. Это, конечно, неплохо, хотя разговор о самом творческом процессе и мог бы быть более предметным. Недостаточная конкретизация темы придаёт книге несколько декларативный характер. Авторы интересуют прежде всего общественная, а не специальная сторона их творческого труда. Поэтому с такой настойчивостью они и проводят мысль о том, что без органической, близкой связи художника с современностью не может быть подлинного художественного творчества. Вот несколько характерных мыслей, высказанных ими по этому поводу: «Чем ближе будет актёр к современности, тем легче, тем ярче выразит он... главное содержание роли» (В. Ванин). «Мне думается, художник лишь в том случае идёт в ногу со временем, если он активный участник современности, если творчество его обнаруживает и доскональное знание жизни народа, и активность художника в борьбе за передовые идеи великой сталинской эпохи» (Н. Боголюбов). «Уход... от действительности, незнание, пренебрежение к ней чревато самыми пагубными последствиями — в этом причина всех идейных и творческих вывихов, неминуемо ведущих художника к омертвлению его таланта и к полному краху» (В. Марецкая).

Глубокое понимание общественного назначения театрального искусства, творческого труда актёра характеризует представленных в сборнике авторов. Они активно выступают против сценического ремесленничества, против бездумного, халтурного отношения к творчеству.

Мастера советского театра подходят с идейных позиций к решению любой конкретной задачи, возникающей перед актёром в процессе работы над ролью. Искусство перевоплощения, например, говорит о степени мастерства актёра, об уровне его сценической культуры. С чего же должно начинаться перевоплощение актёра в каждой новой роли? Обобщая свой опыт, Н. Черкасов приходит к следующему выводу: «без проникновения в главную идею образа немислимо никакое перевоплощение». С этого же, то есть с глубокого осознания идейной сущности роли, начинаются у актёра и поиски характерного. Нельзя не согласиться с П. Кон-

стантиновым, когда он говорит: «Мне кажется, что актёр, который, получив роль военного, с первых же репетиций пойдёт по линии поисков профессиональных навыков своего героя, совершит серьёзную ошибку, потому что за внешними характерными признаками он рискует потерять главное».

О служебном, подчинённом значении сценического приёма в работе над ролью пишет и Н. Анненков: «Никакими театральными приёмами нельзя изобразить простоту, глубину, моральную высоту, внутреннее богатство советского человека, если в сценическом образе не будет чувствоваться взволнованность, патриотизм его создателя — актёра-гражданина». И это понятно. Никогда ещё, кажется, герой современной пьесы и актёр, изображающий его на сцене, не были так едины. В образе героя нашего времени советский актёр видит духовно близкого себе человека. Он хорошо понимает этого героя, разделяет его убеждения и чувства. Создавая образ современника, советский актёр выражает свои гражданские качества, свой советский патриотизм. У подлинного художника приёмы мастерства никогда не становятся самоцелью. Посредством их воплощается в художественных образах идейный замысел драматурга.

Когда драматург, создавая образ передового советского человека, уделяет основное внимание изображению его профессиональных навыков, уснащению роли профессиональной терминологией, это ничего, в сущности, не даёт ни актёру, ни зрителю. При таком подходе к созданию образа нашего современника вполне возможно, что технология заслонит человека. Так и получилось, например, с пьесой «Дорога первых» А. Салынского.

Автор весьма старательно стремился познакомить зрителя с процессом добычи угля, вместо того чтобы полнее раскрыть в пьесе характер современного советского рабочего-новатора. Пьеса кончается праздничной сценой. Героя поздравляют с присуждением ему Сталинской премии. Однако это мало радует зрителя — он ещё не узнал героя пьесы, не успел ещё полюбить его. «Театральное искусство, — пишет Ю. Толубеев, — призвано сделать зримыми новые качества, рождённые в людях новой действительностью, и тем самым поднимать самосознание своих зрителей». Моло-

дой драматург пошёл не по этому пути. Он не показал новых качеств передового рабочего — его внимание больше было занято технологией горного дела. Но зрителя и актёра привлекает не само по себе горное дело, а человек, поднимающий его на новую высоту, живущий широкими интересами.

Вызывает сожаление, что авторы сборника не развернули по-настоящему серьёзного творческого разговора с драматургами об образе нашего современника. Они почему-то не нашли нужным выразить свои требования к драматургам, показать опыт совместной творческой работы театра с драматургами, высказать авторам пьес свои критические замечания.

Этого вопроса несколько касается лишь Н. Мордвинов. Он рассказывает, как проходила его работа над ролью демобилизованного полковника Петрова в пьесе «В одном городе» А. Софронова. Спектакль много раз переделывался, менялись тексты, целые сцены, мотивировки поведения действующих лиц и т. д. и т. д. И актёр справедливо заявляет: «...подобная практика мало способствует подлинному рождению образа. Актёр может подсказать автору много хорошего, ценного, интересного. Может поделиться своими мечтами, вдохновить автора на материал, на основе которого он, актёр, высказал бы своё заветное. Но этим он должен, как правило, заниматься до начала репетиций. К началу репетиций роли в основном должны быть закончены. Актёр должен отвечать за их трактовку, а не за собственно тексты».

Н. Черкасов в своём очерке «Источники вдохновения», вспоминая былые дискуссии о том, можно ли играть так называемое «отношение к образу», говорит: «Ответ, и притом самый категорический, на этот вопрос дан всем опытом, всем существом нашего театрального искусства: ведь, в сущности говоря, именно отношение к образу и рождает самый образ, только активная позиция, занимаемая художником в жизни, и даёт ему право творить жизнь в своих художественных созданиях». Автор в общем прав в своём утверждении, но при этом нельзя забывать, что в дискуссиях, о которых он вспоминает, некоторые участники пытались понятием «отношение к образу» подменить реалистическое искусство сценического переживания, творческий метод Станиславского. Поэтому автору следовало бы уточнить свой ответ, показать, что современное понимание природы отношения к образу подразумевает и жизнь актёра в образе, без чего не может быть подлинного сценического переживания.

Повышение художественного мастерства, решительная борьба со сценическим ремесленничеством, с проявлениями несерьёзного отношения к творчеству — важнейшая задача, стоящая перед советским театром. Только при этом условии можно добиться дальнейшего подъёма театрального искусства. Поэтому выход книги, воспитывающей требовательное, критическое отношение к художественному творчеству, следует расценить как положительное явление. Такие книги нужны и деятелям искусства, и советским зрителям.

Н. АБАЛКИН.

★

Серьёзные недостатки интересного романа

В своей двухтомной эпопее П. Далецкий подробно и правдиво рисует состояние русского общества в период русско-японской войны 1904 года. Он вскрывает неприглядное противоречие между народом и самодержавным строем, душившим всё живое и прогрессивное, попиравшим все лучшие качества русской нации.

Трагедия русской армии, не знающей, а что она воюет, руководимой бездарны-

ми, не заинтересованными в победе России генералами, изображена автором глубоко и верно.

Разложившееся, вырождающееся офицерство, грызущиеся между собой, забывшие суворовские традиции военачальники, типичным представителем которых является безвольный и бездарный придворный генерал Куропаткин, — вот одна группа персонажей романа.

Но есть в романе и другие герои — офицеры и солдаты, слицетворяющие новую Россию. Сильно, убедительно показано

Павел Далецкий. «На сопках Маньчжурии». Роман. Тома I и II. Редактор И. Рахманов. «Советский писатель», Л. 1951.

П. Далецким нарастание революционного движения в стране и в армии, зарождение первых большевистских организаций в войсках, рост самосознания солдатских масс.

Автору безусловно удалось положить положительные герои: прямодушный, беззаветно храбрый и чистый душой пехотный офицер Логунов, носитель славных традиций русской артиллерии офицер Неведомский. С любовью, живыми красками выписаны образы русских солдат, олицетворяющих собой лучшие черты народа, — Корж и Емельянов.

Крестьянский сын, богатырь Емельянов, благородный и честный, гуманный по натуре русский солдат — подлинная удача автора. Емельянов — это прообраз того «человека с ружьём», с которым народы мира познакомились после Великой Октябрьской социалистической революции и затем в дни Великой Отечественной войны.

На протяжении романа этот герой растёт и развивается, превращаясь из стихийного бунтаря против помещичьего владения в сознательного революционера.

Со страстным негодованием, художественно выразительно описывает П. Далецкий военные несчастья и неудачи русской армии и показывает, как победа, не раз подготовленная героизмом русских солдат, превращалась в поражение из-за трусости, интриг и предательства царских генералов — в значительной части немцев либо представителей растленной придворной клики.

Русская действительность того времени изображена автором широко и правдиво.

Но стоит только автору перешагнуть линию фронта и взяться за описание противоположного лагеря — критическое чутьё изменяет ему, историческая правда ускользает из-под пера, подменяется лакировкой.

Писатель, видимо, не замечает, что подчас японская сторона выглядит в романе такой, какой она подавалась японскими лубками, восхваляющими доблести императорской армии. Вот некоторые образцы такого странного, неожиданного освещения автором японской армии: «Воинские грузы несла армия носильщиков, из тех неудачных молодых людей, ко-

торых по росту, слабости сложения и иным причинам не принимали в строй. Она шагали с тяжёлым грузом по обочине дороги, довольные, что хотя бы таким образом они принимают участие в войне...»

Носильщики переезжали реку на плотах. Но вот двое из них, увидя затруднительное положение англичан, стремительно разделись, схватили под уздцы коней и повели их через реку.

Англичане благодарили и улыбались. Солдаты-носильщики смеялись. Седой англичанин протянул солдатам по золотому. Те взяли, захохотали и принялись рассматривать монеты. Это было огромное для них состояние! Но, так же весело смеясь, они вернули состояние англичанину и сказали по-японски:

— Мы — солдаты!

— Вот, — сказал Майеяма, — это наш народ. Воин и деньги несовместимы, неправда ли?»

Или:

«Около города какая-то японская часть готовилась к празднику победы.

Солдаты занимались искусством — на полянке они создавали наивную и вместе с тем трогательную иллюстрацию к старой японской сказке.

Юзо остановился и долго наблюдал. Они сделали гигантскую лягушку из гамаш и сапог. Из доставшихся трофеев — русских подков — ещё более грандиозного змея, из котелков и седел — улитку. А из ящиков, накрытых одеялами, соорудили сопку, между ними пустили ручеёк, навели мосты, из палочек и бумаг сделали войска... и вот вам, пожалуйста, сражение на Ялу!..»

Солдаты агрессора, каким являлась Япония, выглядят здесь предельными потомками богини Аматерасу, играющими в войну.

Упоминания о жестокости и коварстве, присущих духу самурайства, не спасают положения. Автор как бы любит японской военщиной:

«В эту торжественную минуту вступления на землю войны Майеяма хотел бы быть истинным японцем, то есть тем самым воином, красота духа которого несравнима ни с чем. Как высказать то, что совершается сейчас в его душе? Написать стихи?..»

Офицер Майеяма — носитель самого ди-

кого японского шовинизма — появляется на страницах романа героем и, совершив множество «подвигов», уходит таким же героем: автор никак не разоблачает его.

А вот описания, характеризующие боевой дух японских солдат:

«Несмотря на напряжённость момента, — каждую минуту могли появиться русские суда, — с берега доносились беспечные голоса и смех».

«Солдаты мылись в ручье, прыгали и боролись. Толстый солдат, смешно взмахивая руками, бегал по лугу. Солдаты были веселы: они шли на войну, которой, несомненно, хотели».

Противником войны выведен в романе один только интеллигент Юзо, изменивший японскому духу. Вся японская армия, до последнего солдата, по утверждению автора, хотела войны, была одержима военным рвением.

Во-первых, это неверно. В войну против России японцы бросили не только кадровые войска, но — сразу — и резервы. В армию попало множество рабочих и крестьян, оторванных от своих родных и близких, от своего мирного труда. И, очевидно, в действительности не все солдаты так уж радовались войне.

Во-вторых, такое изображение могло бы быть оправдано, если бы автор показал этим необыкновенную наивность японцев, не представляющих себе, в какую пропасть ведёт их правящая клика, толкая на войну с Россией.

Как известно, несмотря на внезапность нападения Японии, на всю неподготовленность русской армии, руководимой бездарными генералами, японцам удалось захватить Порт-Артур и потеснить русских в маньчжурском предполье ценой таких страшных потерь, что японская армия оказалась перед катастрофой. При всех своих неудачах и несчастьях русские солдаты уложили на полях Маньчжурии цвет японского войска. Около миллиона убитых и раненых! Один лишь Порт-Артур едва не стал могилой всей армии Ноги.

«Трупы, трупы, везде трупы... Иногда мне казалось, что весь японский народ умрёт под Порт-Артуром», — повествует сам «герой» взятия Порт-Артура маршал Ноги, признаваясь в минуту пьяного откровения перед своими друзьями, что крепость он не взял, а ему сдал её царский генерал — немец Стессель.

И не один только Ноги стал бояться поражения; у маршала Оямы, — сказано в романе, — поджилки задрожали, когда он решил отступить от Ляояна, устранившись гибели своих лучших дивизий.

Но солдаты, японские солдаты остаются неизменными. Вот как они выглядят во время Мукденского боя в изображении П. Далецкого:

«Ушелья и распадки покрывал глубокий снег, склоны сопок обледенели, тайфун, сыпавший снег из низких серых туч и вздымавший его тут же с земли, превращал путь наступления в нечто зыбкое, неправдоподобное.

Лейтенант видел солдат рядом с собой, быстрый марш сопревал, воротники были откиннуты, шапки обнажали разгорячённые лбы. Командир роты Сукейши то исчезал во мгле, то появлялся вновь. Иногда он оборачивался к Майеяме, что-то кричал, но свист тайфуна заглушал слова...

Тропа становилась всё уже, нашли ещё тропку, и часть батальонов, проваливаясь в снег, двинулась по ней. Сукейши вынырнул из снежной мглы и крикнул:

— Это опять Порт-Артур!

Солдаты подхватили:

— Порт-Артур! Порт-Артур!»

Сколько в этой картинке героики и энтузиазма! Вся она — в духе героического эпоса.

Генералы устрашились гор трупов, у маршалов поджилки задрожали, нервы не выдержали, а солдатам всё нпочём! Лезут вперёд как одержимые. Ничуть не испугали их ни горы трупов товарищей, ни страдания. Для них война — удовольствие!

Но ведь из истории известно, что к моменту перемирия людские и материальные резервы Японии были исчерпаны, наступательный порыв армии выдохся как раз к тому времени, когда русские войска под командованием Линевича, сменившего бездарного Куропаткина, закончили развёртывание главных сил. И в то время, когда Линевич требовал от царя разрешения дать ещё одно сражение, начальник генерального штаба японской армии Ямагата на коленях умолял «божественного» микадо о немедленном заключении мира. Как свидетельствует в своих «Дипломатических комментариях» барон Исии Кикудзиро, начальник генерального штаба поставил перед

микадо альтернативу: или мир, или полный разгром японской армии.

Таким образом, успех японской армии, применявшей с начала до конца авантюрную стратегию, был успехом мнимым. Япония не победила Россию, а попросту царские генералы, в большинстве своём бездарные и трусливые, продали интересы родины японскому империализму.

На протяжении последующих лет японские шовинисты использовали этот свой «успех» для укрепления и раздувания мифа о непобедимости своей армии — писатели, дипломаты, генералы договаривались до того, будто Япония самим провидением избрана носителем божественной идеи о подчинении всего мира скипетру японского императора, что орудием этой идеи избрана японская армия, носительница высшего воинского духа... Обожествление армии даже вошло в религиозный культ японцев.

В противовес этому советский писатель должен был бы дать характеристику действительного положения вещей, должен был бы развенчать миф империалистических идеологов о непобедимости японской военщины. К сожалению, роман «На сопках Маньчжурии» недостаточно помогает решению этой задачи.

В книге П. Далецкого, рассказывающего о русско-японской войне, нет международно-политического фона. Почти не говорится о роли Америки — о том, как она спасла Японию от неминуемого краха; мало говорится и о роли Англии, заключившей в 1902 году союз с Японией с единственной целью — натравить её на Россию. Автор ограничивается описанием небольшой невразумительной беседы американского генерала и английского полковника с японским принцем Куни. Но это дано мимоходом и не производит нужного впечатления.

Есть в романе «На сопках Маньчжурии» и другие ошибки. В основном это относится к описанию быта японцев.

Так, например, на хибати — комнатных камельках для обогрева рук — пищу никогда не готовят — для этого существуют печи и очаги на кухнях. Автор сообщает, что японские офицеры ездят на велосипедах по улицам и что в районе парка Хибия находятся балаганы с подмостками

для состязания в борьбе. Но японским офицерам никогда не разрешалось разъезжать по улицам на велосипедах; а в районе Хибия, то есть в центре Токио, недалеко от императорского дворца, никогда не было никаких балаганов для борцов.

Автор дважды описывает молебны, происходящие в японской войсковой части: на алтаре рядом с эмблемой богини Аматерасу помещён Будда, священник размахивает жезлом, и генерал принимает активное участие в богослужении. Всё это не соответствует действительности. Начать с того, что «праздники поминовения душ» (сёконсай) устраивались вовсе не в войсковых частях, а в храме «Сёконся» в Токио, и в этих случаях на алтарях никогда не ставят изображений Будды и Аматерасу рядом, потому что Будда не имеет никакого отношения к этой синтоистской церемонии. Никаких жезлов у японских священников не имеется. Фантазией автора являются также «курительные травы», якобы зажигаемые генералом, и кадила; нельзя механически переносить детали православного богослужения в синтоистский ритуал.

Странной является церемония самоубийства офицера Юзо, изображаемая автором. Очевидно, автор списал эту церемонию из какой-нибудь книги по истории Японии или из пьесы для театра кабуки, в которых рассказывается об обрядах харакири, происходивших не во время русско-японской войны, а в XVII веке, в годы владычества сёгунов Токугава. Никогда японские офицеры не совершали самоубийства в храмах, а тем более в присутствии свидетелей и с помощью «кайтсяку» (термин автора). Эта «живописная» сцена — попросту выдумка автора.

В некоторых местах автор делает экскурсы в японскую историю, к сожалению не совсем удачные. Так, например, говоря о Хидэйоси, объединившем в конце XVI века всю Японию, автор сообщает, что Хидэйоси состоял в одной из «шаек отокодаке», в которые якобы вступали крестьяне, ремесленники и неудачники-самураи. Во-первых, Хидэйоси никогда не состоял в отокадатэ (а не «отокодаке»), которые возникли позже, а во-вторых, в этих «шайках» крестьяне никогда не состояли — это были дружины из городских простолудинов, выступавших против самураев.

Ряд японских персонажей романа носит фамилии и имена, которые не встречаются в японской жизни; например: Юзо, Кудара, Сосино, Теймай, Сукейши, Кван и др.; нет также женского имени Кохану. Кстати, неправдоподобным является то, что во время войны японку «Кохану» продают в Маньчжурии китайцу и он свободно везёт её через районы, занятые японскими войсками.

Как видим, П. Далецкий, дав широкую и правдивую картину состояния русского общества и русской армии в период русско-японской войны, допустил ряд ошибок и в некоторых важных вопросах истории, и во многих деталях изображаемой им жизни японцев. Это тем более досадно, что роман написан живо, увлекательно и несомненно привлечёт внимание советского читателя.

Н. БОГДАНОВ, Р. КИМ.

★

Книга о жизни узбекского народа

Таша на себе свой бедный скерб, семья маленького Халмурада уходит из родного селения. Впереди отец Дусмат с небольшим тюком за плечами, за ним мать Бувиниса с крошечным Авазом на руках, позади с узелком — сам герой книги восьмилетний Халмурад.

А за спиной их, не дожидаясь, пока хозяева скроются из виду, батраки «дяди» Дусмата, богатея Сарымсака, ломают на дрова хибарку обобранного баем «родственника».

Так попадает Халмурад «в люди», в хлебный город Ташкент, где отец, мать и братишка мальчика умирают с голоду, а сам он становится слугой-рабом богатого ишана Убайдуллы и его вздорной и злой семейки...

Следя за печальными фигурами бездомных скитальцев, правдиво и страстно описанных Парда Турсуном в его романе «Учитель», мы воспринимаем их как старых знакомых.

...Вот бредёт заснеженным полем азербайджанская крестьянка, тётя Сария (роман Мирзы Ибрагимова «Наступит день»). Она и её взрослая дочь ташат на руках больных детишек. Их дом разорён сельскими властями по воле злого помещика.

Кочует по чужим людям казахский мальчик сирота Сабит, лишившийся в раннем детстве отца и матери, умерших от нужды, и обобранный до последней нитки

Парда Турсун. «Учитель». Роман. Перевод с узбекского В. Смирновой. Редактор Б. Брайнина. Госиздат УзССР, Ташкент, 1951.

«благодетелем»-баем (С. Муканов «Мои мектебы»).

Тянется с семьёй в город деревенский кузнец — татарин Мустафа, спасаясь от разорения и голодной смерти (К. Наджми «Весенние ветры»).

На расстани далеко бегущих дорог прощается с родными семья крестьянина Василия, отца маленького Федя, героя «Повести о детстве» Ф. Гладкова. В деревне ей уже нечем кормиться, и она едет на заработки в рыбную Астрахань.

Всё это — отражённый в различной национальной форме, с разной степенью полноты, единый исторический процесс сближения и пролетаризации широких масс крестьянства, происходящий в условиях наступления буржуазного строя на одряхлевший, изживший себя феодализм.

Так разрабатывается в советской многонациональной литературе тема народа, определяющая актуальность и действительность нашего искусства.

Достоинство романа узбекского писателя Парда Турсуна «Учитель» заключается в том, что, внимательно всматриваясь в исторический опыт своего народа, он сумел отразить в судьбе одного человека — судьбу народа в решающие годы становления его как социалистической нации.

Детство основного героя романа Парда Турсуна «Учитель» — Халмурада протекает в годы первой мировой войны, отгороженное глухой стеной от внешнего мира, от людского моря, закипающего уже под ветром надвигающейся революции.

Забитый и вечно голодный, подвергающийся жесточайшей, поистине средневеко-

вой эксплуатации, сирота Халмурад не терпит, однако, чувства человеческого достоинства и веры в то, что должна настать справедливая человеческая жизнь для всех, кто нынче прудится на чужих людях. При первых раскатах революционного грома Халмурад бежит из дома ишана в советский детдом, откуда выходит народным учителем.

В самой основе характера героя сказывается глубоко воспринятая молодым узбекским прозаиком горьковская традиция. Вместе с тем, стойкий и глубокий оптимизм героя противостоит жалостливому тону повествования, свойственному некоторым восточным писателям, которые, подчас оплакивая горестную участь угнетённых, показывали её как безвыходную, бесперспективную.

Вся первая часть романа посвящена детству героя. В этой части мы знакомимся с характерными фигурами ишана Убайдуллы, которого мы встретим также под кличкой «Галочий глаз», его зловредной жены Атинай, его глупого и злого сына, ученика мусульманской медресе — Сайфуллы, его безличной дочери Мастуры. Здесь же возникает исчезающая в дальнейшем со страниц книги фигура буржуазного националиста — двуличного муллы Рамазанкари.

К сожалению, страницы первой части, в которых описано пребывание Халмурада в детском доме, относятся едва ли не к наиболее слабым художественно. Эти страницы знакомят читателя также с биографией узбекского большевика Давронова. Однако то немногое, что сообщено о Давронове, воспринимается как сухая анкета; образ его не раскрыт, деятельность его в качестве директора детского дома, друга и воспитателя беспризорной детворы показана в романе слишком бегло. В дальнейших событиях Давронов уже не участвует — ни лично, ни «заочно», хотя казалось бы, что в трудные, решающие минуты своей жизни благодарный и верный ученик Давронова — Халмурад не раз должен был вспомнить своего первого воспитателя-большевика.

Во второй и третьей частях романа рамки повествования раздвигаются. Халмурад становится народным учителем, вступает в большевистскую партию. Герой выходит в большую жизнь, включается в борьбу против эксплуататоров и угнетателей, в

борьбу за социализм, за счастье всего человечества. Заслуга автора заключается в том, что он сумел найти и показать такую фигуру, которая в силу социально-исторических условий могла стать и стала в центре событий, происходящих в преобразуемом узбекском селении.

В далёком узбекском кишлаке Камышкапа в момент появления в нём учителя Халмурада не было грамотных людей, способных самостоятельно прочитать газету, кроме уже известного нам Убайдуллы, перекочевавшего сюда из Ташкента. Впрочем, был в Камышкапе ещё один грамотей — сельский писарь, ставший впоследствии секретарём сельсовета, — Алмикул. Это человек пассивный, находившийся под влиянием байского ставленника, председельсовета Таджибая, рассматривавшего Камышкапа как свою вотчину.

Вот эти-то обстоятельства и выдвигают на первый план народного учителя, который становится проводником идей советской власти на селе. Живо и ярко показывает Парда Гурсун многогранную деятельность своего героя. Запоминаются трогательные сцены учёбы в школе взрослых, где за маленькими партами сидят сельские большевики и активисты, которые здесь не просто учатся читать и писать, а политически вооружаются для успешных битв за социализм. Ярко нарисованы в романе картины первых классовых стычек на селе, борьба активистов с тупым и упорным байским родичем — аксакалом Таджибаем, радостная, как праздник, учёба женщин. Впечатляющи сцены споров учителя и сельского парторга Абдурасуля с кулаками Ола-ходжой и Мадамино и последней встречи Халмурада с бывшим его хозяином Убайдуллой — «Галочьим глазом». Хорошо написана сцена разрушения колхозниками старых дувалов, разделяющих поле на мелкие участки.

Слабее несколько одающие детективом сцены в горах, когда учитель и его друг, юный колхозник Давлетьяр, выслеживают кулаков-террористов, готовящихся к побегу за рубеж.

Но сильнее или слабее те или иные страницы двух последних частей романа, — в этих частях автор широко развивает тему народной жизни, ясно и любовно воспроизводит образы людей из народа, их борьбу за лучшую долю.

Тут и сельские активисты — простодушный силач, музыкант и затейник Мелипалван; рассудительный, умудрённый тяжёлой батрацкой долей в прошлом, неустанной настойчивой борьбой в настоящем, сельский парторг Абдурасуль; горячий, открытый, любознательный юноша Давлетьяр; первая сельская активистка, достойная тётушка Алимхан; юная бунтарка Гульсум, которая осмелилась убежать из дома нелюбимого жениха в день свадьбы. Здесь и колеблющиеся середняки: тяжкодум Тургунбай и жадный до денег Мамасаид, всё ещё не понимающий смысла происходящего и стремящийся породниться со «знатным» баем Ола-ходжой.

Героям из народа противостоят данные порой в ярком сатирическом свете образы врагов: старого, хитрого Ола-ходжи, мясника Закира-ходжи, стремящихся примазаться к советской власти и одновременно держащих руку басмачей; злобного волка, матерого разбойника Мадамина; пустого щёголя и грязного клеветника, подкулачника Базарбая. Особенно выразителен образ Таджикиба, неумного пьяницы и бездельника, твёрдо верящего, однако, в свой «авторитет» председателя и «всемогущую» силу кулацких связей и капиталов.

Парда Турсун убедительно показал, как в жестокой классовой борьбе, завязавшейся в ауле Камышкапа в годы коллективизации и ликвидации кулацко-байских элементов, люди из народа, отдалённые раньше друг от друга, сплотились в единый коллектив.

Становление колхозного строя в узбекском кишлаке — это часть становления узбекского народа как социалистической нации. А становление социалистической нации неразрывно связано с партией, её идеями, идеями Ленина — Сталина, её повседневной практикой и борьбой, руководством и воспитанием людей.

Светом ленинизма освещена вся жизнь героев «Учителя», простых людей из народа. Партия всегда во-время оказывает им помощь в их ожесточённой борьбе с озверевшим врагом. Так, в момент, когда кулацкий агент и буржуазный националист Миркарим Тусканов пытается толкнуть односельчан на неправильный путь в обобществлении хозяйства, партия присылает своего посланца — русского рабочего, двадцатипятилетнего, который помо-

гает рассеять байское влияние. Огромную роль в укреплении молодого колхоза играет сталинская статья «Головокружение от успехов», которую учитель Халмурад читает народу, собравшемуся на кулацкой свадьбе. Эта сцена превращения свадебного пира в своего рода митинг — одна из сильнейших в романе.

Как романист, Парда Турсун ещё молод. «Учитель» — его первый большой роман, созданный на основе двух маленьких повестей. Но переработка этих повестей проведена настолько глубоко, а дополнения, внесённые автором, столь существенны, что мы имеем все основания говорить о принципиально новом произведении. Повествование, начинающееся с описания жизни в доме ишана и сосредоточенное вокруг одного героя, затем расширяется, охватывая собою разносторонние явления жизни, вовлекая в произведение новых, разнообразных героев. Читатель ещё ощущает композиционные и всякие иные трудности, переживаемые автором, который не всегда справляется с реалистическим показом всех персонажей произведения. Порой (например, говоря о биографии Давронова, Тусканова или Михайлова) автор пишет слишком бегло и поверхностно. Порой, наметив характерные и точные черты для образа, он не умеет сделать этот образ достаточно пластичным и индивидуальным (Михайлов), а на иного героя и вовсе не хватает у автора изобразительных средств (Сатывалды). Порой, выводя персонаж «под занавес», автор не оправданно спешит с его обрисовкой, и персонаж этот приобретает схематические черты (Тусканов). Эти и другие недостатки, встречающиеся в романе П. Турсуна, свидетельствуют, однако, о трудностях роста талантливого автора, основа произведения которого прочна, здорова, подлинно реалистична.

Отличительной чертой русского текста «Учителя» является свободный и ясный, совсем не «переводной» язык; в нём нет ложной экзотики, всяческих якобы неперевоаемых «хормонгов» и «бор-булингов», «украшающих» подчас даже произведения некоторых русских прозаиков, посвящённые жизни среднеазиатских республик. И, вместе с тем, знание переводчиком местного быта, а также знакомство с основами узбекского языка, по-

зволяет переводчику достигнуть того, что национальный колорит повествования ощущается отчётливо во всём: от бережного и творчески точного перевода народных речений — до тщательной передачи всех деталей, относящихся к быту и нравам

народа. Текст романа хорошо отредактирован, свободен от словесных огрехов, нередко сопровождающих поспешные «преддекадные» издания.

З. КИДРИНА.

★

Победы и поражения молодого писателя

За последнее время в узбекскую литературу пришла группа молодых писателей, посвятивших свои первые книги животрепещущим темам современности. Среди этих книг — повесть Рахмата Файзи «В пустыню пришла весна». Её содержание — освоение узбекскими хлопкоробами Голодной степи.

События развиваются так: ферганский комсомолец Мухитдин Рахимов, приехавший с товарищами работать в колхоз «Октябрь», добивается, чтобы его комсомольское звено было направлено на трудный участок — на урочище Беш-кой, причём берётся вырвать у пустыни лишние гектары земли. Он настаивает на этом наперекор старому Рихсибаю, прозванному Хасилот-ата («отец урожая»), непререкаемому в колхозе авторитету по хлопководству, который считает, что колхоз в этом году дополнительной нормы не выполнит. Затем, наперекор тому же Рихсибаю, Мухитдин проводит необходимые агротехнические мероприятия, с которыми основательно ознакомился на вечерних агрономических курсах в родном кишлаке Вуадиль. Наконец, тоже вопреки Рихсибаю, Мухитдин начинает сев на неделю раньше плана и добивается раннего созревания хлопка. В конце повести Мухитдин поступает на заочное отделение Ташкентского сельскохозяйственного института и остаётся в колхозе в должности полевода.

Этим содержание повести не ограничивается. Наряду с освоением новых земель и борьбой за высокий урожай колхоз «Октябрь» начинает строительство благоустроенных домов. Строительство ведётся силами самих же хлопкоробов, и задача

заключается в том, чтобы, не ослабляя борьбу за урожай, создать в Голодной степи жилища, достойные строителей коммунизма. Мало того, при помощи столичных шефов колхоз строит электростанцию. Эти задачи осуществляются благодаря умелому руководству парторга Ташпулатова, подхватившего инициативу передовиков и сплотившего своих односельчан в ту ударную силу, которая сокрушает все препятствия, все трудности и поمهжи на пути коммунистического преобразования жизни. В повести ставятся вопросы трудового сотрудничества хлопкоробов и городского рабочего класса, организационной и вдохновляющей роли русского народа в борьбе узбекских колхозов за высокие урожаи.

В небольшой повести, размером в семь печатных листов, молодой автор задумал создать, если так можно выразиться, художественную энциклопедию трудовой, идейной и морально-политической жизни передового узбекского колхоза. Нужно много сил и таланта, чтобы столь обширный круг тем, которых хватило бы на эпический роман, поднять на ограниченной площади семилистной повести. Стремясь запечатлеть многочисленные явления жизни, автор не в силах задержаться ни на одном вопросе, не может глубоко продумать ни одного явления. В результате серьёзные и значительные темы оказались в его повести только обозначенными, но не раскрытыми.

«Вот здесь я упомянул о древонасаждениях, — словно говорит себе автор и стремительно бежит дальше. — Вот здесь я видел начальника кузнечного цеха Харитонову и упомянул о дружбе русского и узбекского народов. А здесь, в сцене праздника урожая, я дал апофеоз колхозного труда, воссоздававшего над дикой пустыней».

Кажется, всё вписано в семилистный томик: все вопросы, все герои, все сюжет-

Рахмат Файзи. «В пустыню пришла весна». Повесть. Авторизованный перевод с узбекского В. Мильчакова. Редактор М. Никитин. Государственное издательство УзССР. Ташкент, 1951.

ные узлы. Но пройдут годы, творческие силы автора созреют, окрепнут, и он убедится в том, что, владея интересным материалом, художественно воплотить идею повести он не сумел. Больше того, обилие упомянутых, но совсем не раскрытых побед колхозной артели создало впечатлительные лёгкости и гладкости труда и борьбы советских людей за преобразование природы, за передовую агротехнику, за преодоление пережитков прошлого в сознании людей. Немного усилий — и Голодная степь покрылась рядами хлопчатника. Ещё немножко усилий — и степной кишлак засиял электрическими огнями...

Так верный замысел, при слабости мастерства, может исказить картину жизни, и великий подвиг советских людей предстанет перед читателями лёгкой прогулкой по нетрудным трудностям.

Не приобрёл живых, конкретных черт и главный носитель идеи повести — комсомолец Мухитдин. За ним следишь не без интереса, у него типичная для комсомольцев биография, интересная сама по себе, независимо от того, как она рассказана. Но то, что сообщает о своём герое автор, — лишь вехи, по которым движется герой. Самого героя не видно. Читателю торопливо сообщаются результаты его душевной жизни, которая, судя по этим результатам, очень богата и сложна. Но богатство её от читателя скрыто.

Возьмём один из драматических эпизодов повести. Скрытая от нас душевная жизнь Мухитдина должна бы здесь бурно прорваться наружу: Мухитдин, будучи в Ташкенте, попадает под град. Град для хлопка губителен. Естественно, что такой боевой комсомолец, такой пламенный иноватор, как Мухитдин, должен сильно встревожиться. Как же изображает автор душевное состояние своего героя? «Мухитдин с ужасом увидел, как по мокрому асфальту улицы запрыгали синевато-белые катышки льда... И уже не прячась от ливня, уныло побрёл по направлению к телефонной станции».

Автор даже не делает попытки проникнуть в мир сознания, в мир чувств своего героя, он лишь регистрирует внешние, физические признаки его душевной деятельности. Но и внешние признаки изображены с помощью стёртых, обезличенных

словоочетаний: «с ужасом увидел», «уныло побрёл».

Когда же всё обошлось благополучно — «из кабинки Мухитдин выскочил с сияющим лицом». Конечно, ни сияние на лице, ни ужас в глазах не являются средствами художественного воздействия: это только машинальные отписки от того, что должно составить главную заботу автора — изображение нравственной основы, побуждающей героя действовать в том или ином направлении и дарующей образу жизнь в литературе.

Особенно сказываются эти недостатки в том, как автор изображает первую любовь героя. За развитием этой любви приходится следить лишь по тому, как часто влюблённые смущаются и краснеют. Стоит Мухитдину спросить Юлдузхон, что она делает в комнате, как: «— Ничего, просто так, — тихо ответила девушка, вся красная от смущения». И молодой автор тут же торопится заявить: «Мухитдин был смущён не меньше». Стоит им на колхозном собрании встретиться влюблёнными глазами, как «оба одновременно покраснели, и девушка потупилась, а юноша с преувеличенной торопливостью стал устраниваться на суффе».

Герой способен смущаться не только перед Юлдузхон. «Мухитдин неожиданно для себя смутился под доброжелательным взглядом Бурцева (секретаря райкома.— А. Д.). Чувствуя, как густой румянец заливает его щеки и шею...» и т. д. Все эти примеры говорят о крайней скудости художнических наблюдений, о том, что Р. Файзи ещё ученически подбирает всё, что лежит на поверхности жизненных явлений. Кстати сказать, непонятна роль редактора, московского литератора М. Никитина. Уж если он не смог подсказать молодому писателю серьёзных конструктивных изменений, необходимость которых напрашивается с первого взгляда, то во всяком случае повторы-то и шаблонные описания он должен был устранить!

Совсем бледными получились у Р. Файзи вуадильские товарищи Мухитдина. Что мы знаем о них? Салиджан — насмешник, Риза слыл белоручкою, но работал хорошо, Сабир... о Сабире известно лишь, что он высокий и смуглый. Нельзя говорить и о Ташпулатове, как о литературном герое, — его образ ещё нужно «творить». То же

приходится сказать и о председателе колхоза Акрамове.

Что же от повести остаётся? — спросит читатель. Главный герой не удался, иные только намечены; события не раскрыты; в психологию людей автор проникать не умеет. Стоит ли анализировать повесть, которая, быть может, верна по идее, но так слаба художественно? Стоит, потому что литературные способности Р. Файзи проявляются и в этой художественно незрелой работе. Поруюко этому лучшие странички повести. К ним можно отнести эпизод первой встречи Мухитдина с Хасилат-ата на участке комсомольского звена. Здесь хороший, крепкий диалог. Здесь ярко передан вид дикой, тысячелетиями спавшей земли, впервые испытавшей удар кетмена. Перед читателем возникает живая картина, её глубокое содержание западает в душу. Энергично написана и сцена открытого партийного собрания в летней чайхане. Можно отметить тепло изображённую встречу парторга Ташпулатова с Рихсибаем после общественного осуждения отсталых настроений старого хлопкороба. В этой сцене, пожалуй, единственный раз оживает засушенный риторикой своих газетных речей Ташпулатов.

Нужно отметить известную свежесть в трактовке образа «отца урожая» Рихсибая. Рутинные люди, ещё вчера считавшиеся передовыми, а нынче почившие на лаврах своих былых заслуг, не раз изображались советскими прозаиками и драматургами. Р. Файзи пробует оживить этот «традиционный» образ. Рихсибай всегда стоял в первых рядах колхозников: сломав в себе закоренелые навыки к обособленному труду, он о свой личный опыт хлопкороба отдал на служение народу, стал доподлинным отцом урожая.

Когда же он остановился в своём росте? Трагедия таких людей, как Рихсибай, в том, что они, застыв на месте, твёрдо уверены, будто движутся вперёд, а подлинные новаторы кажутся им неучами, то есть

людьми консервативными. Следует вспомнить спор Мухитдина с Рихсибаем о полтиве новых земель — оба убеждены в своей правоте (значительность этого эпизода уже отмечалась). Вспомним сцену собрания, когда колхозники критикуют Рихсибая. Он искренно убеждён, что говорит от имени правительства, ибо правительство в его глазах — носитель высших новаторских мероприятий, а его собственные позиции кажутся ему подлинно новаторскими. Трагедия Рихсибая и в том, что ни сам он, ни руководители колхоза во время не заметили момента, когда он начал топтаться на месте.

А меж тем болезнь уходила вглубь. Резкая критика коллектива и в особенности ранний урожай, снятый Мухитдином, открыли Рихсибаю глаза на собственные ошибки. «Я душу вкладывал в каждую коробочку хлопка, — говорит Рихсибай, — старался увеличить богатство колхоза. А что получилось? Своими руками я зарыл в землю своё доброе имя. Сколько ущерба понесло государство от моей глупой заносчивости?..»

Поняв свои ошибки, Рихсибай воспринимает назначение его звеньевым как незаслуженное счастье, как знак доверия народа, перед которым он виноват. Давая клятву вернуть государству погибшее добро, Рихсибай эту клятву выполнит — сомневаться в этом нельзя.

Образ Рихсибая — удача молодого автора.

Как видим, повесть «В пустыню пришла весна» удачна лишь в отдельных и к тому же немногочисленных звеньях. Рахмат Файзи вышел на верную дорогу, но продвинулся по ней недалеко. Вызывает удивление, что Союз писателей Узбекистана не подал Р. Файзи руку помощи, прежде чем молодой писатель, с открытым сердцем идущий навстречу жизни, вынес свою первую книгу на суд всесоюзного читателя.

А. ДРОЗДОВ.

На освобождённой земле

Для буковинцев, искусственно оторванных от родины, в течение столетий лишённых политических прав, обречённых на нищету и голод, воссоединение с украинским народом было началом свободной жизни. Из поколения в поколение мечтали безземельные буковинские крестьяне хотя бы о маленьком, но своём клочке земли. После воссоединения беднейшие крестьяне получили землю. Но до коллективизации вопрос о том, как засеять и обработать свои наделы, не мог быть разрешён полностью.

Строительству колхозов в Северной Буковине и посвящена книга молодого украинского писателя Валентина Речмедина «На Верховине».

Многие буковинские крестьяне сразу поняли великое значение сельскохозяйственных артелей. В повести В. Речмедина это — Тодор Мамалыга, некогда изведавший весь ужас американского образа жизни, всю тщетность поисков заработка за океаном; побывав в восточных областях, он увидел расцвет и богатство колхозных хозяйств. Это — Гнат Руснак; кузнец Петро Кремьянец — пылкий, галантный человек, страстный энтузиаст колхозного строительства; Домна Безхатко и другие. Это — сельская молодёжь: Марийка Гуцуляквина и учительница Наталия Ивановна; это — обогатённые опытом, приобретённым ими в годы войны в рядах Советской Армии, — Михайло Руснак, Микола Гремячий.

Но вековая отсталость не могла не сказаться на взглядах некоторых крестьян. Были случаи, когда люди не решались идти в артель, боялись потерять свои частнособственнические права на землю. Эти настроения разжигали и поддерживали кулаки (Хавка, Грамажора). Успешному ходу коллективизации пытались помешать прятавшиеся в лесной глухомани остатки банд украинских буржуазных националистов (сын Хавки — Семён и ему подобные).

Валентин Речмедин. «На Верховині». Повесть. Редактор Л. Серпільн. «Радянський письменник», Київ, 1951. (Валентин Речмедин. «На Верховині». Повесть. Редактор Л. Серпильн. «Советский писатель», Киев, 1951).

На примере одного села, частично даже одной семьи Руснаков, писатель показывает явления, характерные для борьбы за построение колхозов в Западной Украине, показывает ход этой борьбы, факторы, обеспечившие победу колхозного строя.

В послевоенной украинской прозе мало книг, показывающих жизнь и людей колхозного села: «Лейтенанты» А. Копыленко, «Новые Потоки» В. Козаченко, «Над рекою Ворсклой» В. Минько и другие. При всём различии их художественного уровня бросается в глаза сходство сюжетных схем этих книг: демобилизованный воин возвращается в родное село, застаёт в нём полный развал, плохого председателя колхоза и т. д. Он становится организатором нового подъёма колхозного хозяйства, выдвигается на руководящую работу (председателя, парторга, бригадира), сплачивает колхозников на борьбу за преодоление отставания — и добивается успеха. С этой, в своё время подсказанной самой жизнью, сюжетной схемой мы встречались и в русской советской литературе послевоенных лет. На первый взгляд может показаться, что и В. Речмедин придерживается той же схемы: и у него возвращается в село демобилизованный воин Михайло Руснак, который становится душой колхоза. Однако Михайло Руснак возвращается не в разваленный плохим председателем колхоз, а в село, где вовсе нет колхоза. Ему — человеку, воевавшему за победу над фашизмом, повидавшему счастливую жизнь колхозников восточных областей, — приходится возглавить борьбу не за преодоление недостатков, а за создание новых форм жизни. В данном случае избранная автором сюжетная схема также подсказана самой жизнью, наблюдением и изучением процессов, происходивших в западных областях Украины в послевоенные годы.

Победе советского строя в западных областях посвящены и другие книги украинских писателей, например повесть С. Чернобривца «На освобождённой земле», И. Муратова «Буковинская повесть». Но С. Чернобривец и И. Муратов основное своё внимание уделяют изображению тяжёлого прошлого западноукраинского крестьянства, того прошлого, с которым навеки покончено в сентябре 1939 года.

Главное же содержание книги В. Речмедина — это современность, сегодняшний день, намечающиеся контуры завтрашнего дня. К прошлому автор обращается лишь для того, чтобы лучше, убедительнее объяснить психологию своих героев, чтобы показать рост и развитие сознательности ещё вчера забытых и отсталых людей. Пожалуй, если бы мы не знали о том, какой бесконечно тяжёлой была прошлая жизнь жены Гната и матери Михайла — Минодоры Руснак, мы бы не поняли, почему именно эта женщина попала под влияние кулака, почему так страстно мечтала она о своём единоличном хозяйстве, почему она оказалась наиболее упорной в своём нежелании вступить в колхоз. На примере семьи Руснаков писатель показывает столкновение передового, прогрессивного начала с отсталостью и косностью. Михайло — единственный в селе коммунист, вдохновенный агитатор, успешно ведущий за собой массы; Гнат одним из первых вступил в колхоз, он один из передовых людей артели. В противоположность им Минодора — носительница наиболее отсталых взглядов.

Не легко было Гнату решиться пойти в колхоз. Если бы не душевный разговор с секретарём райкома, Василием Степановичем Чаленко, Гнат ещё медлил бы, колебался. Писатель показывает, что вступление в колхоз для Гната (а значит — и для сотен ему подобных людей) было важнейшим событием в его жизни, равным второму рождению. И как же расцветает в коллективе душа Гната Руснака, как неузнаваемо изменяется он! Его труд становится исполненным творческих исканий. Мечтает ли Гнат о славе? Да, мечтает. Но это не холодное честолюбие, а порыв к самоутверждению, сознание собственного достоинства, наконец-то обретенная вера в себя, в свои силы. Подобным образом перерождается не один Гнат. Писатель показывает, как благотворно сказывается на большинстве крестьян преобразующая сила коллективного труда.

Один из наиболее привлекательных образов повести — это Марийка Гуцуляквина, невеста, а потом жена Михайла Руснака.

...В кабинет секретаря райкома входит девушка. Она смущена и краснеет. К Чаленко она пришла за советом, за помощью. Одинокую сироту преследует кулак: пере-

пиши, говорит он, на меня землю, куда тебе одной возиться с волами, не девичье это дело, а мой сын давно хочет на тебе жениться... Этот сын, бандит Семён Хавка, ночами стучится в двери её одиноко стоящей на горе хижины, угрожает ей. Чаленко указывает ей выход, он советует девушке вступить в колхоз, сблизиться с комсомольцами. В конце повести Марийка — один из наиболее активных членов артели, передовой, культурный человек, первая трактористка колхоза. На своей машине запахивает она вековые межевые границы.

На последних страницах повести среди колхозников видим мы и Минодору Руснак. Наконец-то поняла она, кем являлся в действительности её мнимый друг и советчик Хавка, жертвой и слепым орудием которого она была. Минодоре больше невмоготу одиночество. Заботливо помогают ей муж и сын стать на правильный путь, избранный всеми её односельчанами.

Автор стремится чётко нарисовать портреты действующих лиц. Кражистый, сутулый, приземистый Гнат, с загорелым морщинистым лицом, или низенький, худой, с выпуклым лбом, весело усмевающимися серыми глазами и воинственно торчащими вверх усами Мамалыга, или Хавка с его маленькими свинными глазками, оловянными, вороватыми и злыми, с сизым картофелеобразным носом — всё это запоминается. Правда, не все портреты у Речмедина удачны. Михайло, при всей симпатии автора к нему, очерчен довольно бледно.

В книге, наряду с сочным и ярким и изображением, то и дело встречаются целые страницы сухих описаний. Пусть эти описания и содержат познавательный материал, — всё же они выпадают из общей художественной ткани произведения.

Возможно, здесь сказались профессиональные навыки журналиста, привыкшего писать для газеты. Но нам кажется, что есть и другая причина. Материал, собранный для повести, был настолько обширен, что молодой, ещё не достаточно опытный писатель не сумел им полностью овладеть. Писателю всё казалось интересным, ему хотелось ценою каких угодно усилий втиснуть всё узнанное им в повесть. Ему хотелось рассказать и о замечательных буковинских вышивальщицах, и о помощи

восточных областей молодым колхозам, и о новых явлениях в буковинской школе, и о борьбе со знахарством, с суевериями... Каждый из соответствующих эпизодов интересен сам по себе, но многие из них не связаны с основным сюжетом повести.

Автор владеет диалогом, умело индифференцирует речь, передаёт её живые интонации, но порой это умение изменяет ему, и высказывания того или иного персонажа приобретают тогда характер однообразного монолога. Так, речи на собраниях, как правило, лишены индивидуальных речевых характеристик и напоминают абзацы из газетных статей. Таковы нередко и письма Михайла к родителям. В них всё правильно, но вряд ли такой живой и глубоко эмоциональный человек, как Михайло Руснак, писал бы родителям столь сухо.

Достоинством повести является то, что, показывая внутренний мир своих героев, их рост и обогащение, В. Речмедич не ограничивается описанием поступков, новых чувств. Духовно развиваясь, люди начинают и говорить другим языком. Чем шире умственные горизонты людей, тем богаче становится их язык: новые мысли требуют для своего выражения и новых слов. Прекрасным тому примером служит изменение языка Гната, Марийки. Правда, воспроизводя речь наиболее от-

сталых крестьян, писатель подчас злоупотребляет провинциализмами. Ряд местных слов можно и нужно было заменить более понятными. Видимо, в погоне за местным колоритом писатель иногда и в авторской речи отходит от общепринятых норм украинского языка, в основе которого, как известно, лежит полтавско-киевский диалект.

Можно принять такие выражения, как «газда» (хозяин), «вуйко» (дядя), «обійстя» (усадыба) — вместо общепринятых в украинском языке: «господар», «дядько», «садиба». Можно согласиться с употреблением слов, обозначающих наименование деталей одежды, носимой на Буковине («келтарик», «кресаня»), но нет никакой необходимости в употреблении слов «маржина» (скот) вместо «худоба», «звертелися» (завертелись) вместо «завертілися», «рискаль» вместо «мотига», «моцний» (крепкий) вместо «міцний» и т. д. Автор часто пользуется синтаксическими построениями, свойственными местному диалекту, но почти не употребляемыми в украинской литературной речи. Налёт своеобразного экзотизма явно вредит художественным качествам повести, правдиво показывающей сложный процесс преобразования народа, который получил возможность творчески трудиться в свободной стране.

П. УТЕВСКАЯ.

★

По стопам Перерепенко

Если бы Ивану Ивановичу Перерепенко, воспетому Гоголем (помните: «...потом велит Гапке принести чернильницу и сам, собственною рукою, сделает надпись над бумажкою с семенами: оная дыня съедена такого-то числа...»), довелось заняться историей литературы, то вполне вероятно, что он прежде всего подсчитал бы, сколько кур и сколько овец было в поместном хозяйстве того или другого русского писателя...

Повадки и методы Ивана Ивановича превосходно усвоила редакция одного издания наших дней. В девятом томе этого

издания, в исследовании Г. Лебедева можно найти исчерпывающие сведения о том, сколько овинов, сараев, погребов и амбаров было в костромском имении А. И. Герцена; там же обстоятельно выясняется «обеспеченность отдельных хозяйств мелким рогатым скотом» и «наличие домашней птицы в хозяйствах крестьян имения». С деловитостью, о которой мог бы только мечтать Иван Иванович Перерепенко, автор «исследования» преподносит нам также внушительную таблицу, озаглавленную: «Количество кур на одно хозяйство».

Но напрасно читатель будет пытаться найти в статистических выкладках и таблицах хоть что-нибудь, имеющее отношение к самому владельцу имения. Эти поиски заранее обречены на неудачу: автор не скрывает, что нога Герцена не ступала в костромские владения; с похвальной пря-

«Звенья», сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX—XX вв. Том IX. Составитель В. Бонч-Бруевич. Редактор Е. Вишневская. Государственный литературный музей, Госкультпросвет, М. 1951.

мотой он заявляет: нет «никаких данных, свидетельствующих о том, что, живя в 1840—1846 годах в Петербурге, Новгороде и Москве, Герцен в какой-либо мере занимался делами костромского имения...» Если, живя в России, Герцен не занимался имением, то ещё более очевидно, что он не мог делать этого, находясь в эмиграции. Всё это нисколько не смущает ни Г. Лебедева, ни редакцию сборников «Звенья», поощрившую столь фундаментальный анализ экономического состояния вотчины, по существу совершенно не связанной с Герценом.

Труд Г. Лебедева — не исключение на страницах девятого тома «Звенья». Рассматривая историю русской литературы с позиций Ивана Ивановича Перерепенко, редакция, видимо, полагает, что помещичье-хозяйственная деятельность тех или иных писателей, а также их предков и наследников, должна в первую очередь привлекать внимание современных читателей. Только этим можно объяснить появление в сборнике целого цикла больших статей, затрагивающих подобные «проблемы». Один из авторов добросовестно исследует историю усадьбы Батова, принадлежавшей Рылееву, её экономическое состояние, хозяйственные запасы и доходы владельцев. Другой историк литературы вкладывает весь жар души в подробнейшее изучение вопроса о том, какими путями Ф. Достоевский добивался получения наследства после смерти своей тётки Кумариной. Попутно автор этого труда строит догадки о том, каковы были причины, вызвавшие у Достоевского кровотечение из горла: по одним источникам в этом была виновата его сестра, взволновавшая писателя, по другим — к беде привело «значительное усилие, затраченное Достоевским, чтобы сдвинуть с места тяжёлую этажерку, за которую упала его вставка с пером».

С материалами этого рода прекрасно гармонируют письма П. А. Вяземского к жене за 1831—32 гг., занимающие более трети всего сборника — 256 страниц текста. Среди 140 писем, опубликованных здесь, нет ни одного сколько-нибудь существенного по содержанию и имеющего историко-литературное значение; все они носят узко-семейный характер и вряд ли кому-нибудь интересны, кроме адресата.

Бесчисленные бытовые подробности, содержащиеся в письмах князя Вяземского — барина и аристократа, его меркантильные расчёты и сообщения о светских успехах не помогают нам понять смысл его поэзии, несомненно значительной и своеобразной. Сведения об имениях Рылеева и Герцена, о тягбе Достоевского за наследство не имеют никакого отношения к творчеству названных писателей. Эти материалы, как бы тщательно они ни разрабатывались, бесполезны для подлинно научной истории литературы. Более того: они вредны, ибо в конечном счёте, нагромождённые друг на друга, создают у читателя ложное представление о корыстолюбии писателей, об их якобы исключительной заинтересованности в своих имениях, усадьбах, в извлечении доходов и т. п.

Очень жаль, что вместо публикации «материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли», как это обещано на титульном листе, «Звенья» снова демонстрируют своё давнее пристрастие к малозначительным подробностям, затемняющим подлинный литературный процесс и уводящим в сторону от актуальных вопросов истории русской литературы.

Очередной том «Звенья» открывается публикацией дневника князя П. И. Долгорукова, современника Пушкина и его сослуживца по канцелярии генерала Инзова в Кишинёве (1821—1822). Автору дневника, не раз встречавшему Пушкина, удалось сделать несколько интересных записей о нём. Однако наиболее ценные страницы дневника, характеризующие революционные настроения Пушкина и полностью подтверждающие другие свидетельства о единстве его с декабристами, о неукротимой ненависти поэта к самодержавию и крепостничеству, уже были опубликованы в печати («Правда» от 11 декабря 1936 года; «Новый мир», 1937, № 1) и успели прочно войти в пушкиноведческую литературу.

Теперь редакция «Звенья» впервые публикует дневник Долгорукова полностью. На протяжении многих десятков страниц мы следим за рассуждениями тупого, ограниченного чиновника, безудержного в своём верноподданническом усердии. Дневник дышит злобой к прогрессу, ненавистью к национальным меньшинствам и, наконец, неприязнью к самому Пушкину. В некоторых записях говорится о безнравственности

поэта; в записи от 9 марта возводится гнусная клевета на молдавский народ; 5 мая автор описывает, как он расправлялся с «беглыми» крестьянами; целые страницы посвящены описанию богослужений и встреч с духовенством. Что же касается философских рассуждений автора и его «изречений», то здесь не только Перерепенко, но любой другой гоголевский персонаж, включая Подколесина, годились бы ему в учителя... В погоне за ложным академизмом редакция отводит полтора листа странице реакционной писанины твёрдолобого провинциального чиновника.

Внимание читателя несомненно привлечёт статья М. Цявловского, заманчиво озаглавленная «Новые материалы для биографии Пушкина». Здесь, между прочим, можно прочесть следующие справедливые слова: «Я считаю для русокого пушкиноведения по меньшей мере излишним заниматься интимной жизнью убийцы Пушкина...» Однако, как это ни странно, статья самого М. Цявловского целиком посвящена интимной жизни убийцы Пушкина, причём — хотел или не хотел этого автор — приведённые им материалы должны в какой-то степени оправдать Дантеса.

М. Цявловский перепечатывает на французском языке, а затем переводит на русский письма Дантеса к своему приёмному отцу барону Геккерену; эти письма, впервые опубликованные в новой биографии Пушкина, которую недавно выпустил французский писатель Анри Труайя, относятся к началу 1836 года. В выпрепных, мелодраматических выражениях Дантес говорит здесь о любви к Наталии Николаевне Пушкиной. Фальшивые признания чужеземного волокиты исследователь счёл нужным сопроводить следующим заявлением: «В искренности и глубине чувства Дантеса к Наталии Николаевне на основании приведенных писем, конечно, нельзя сомневаться. Больше того, ответное чувство Наталии Николаевны к Дантесу теперь тоже не может подвергаться никакому сомнению». Тенденцию представить убийцу поэта в благородном свете можно ещё понять, если она обнаружена в книге буржуазного французского писателя, но вряд ли она допустима в советском издании, призванном правдиво освещать историю родной литературы.

К каким печальным результатам приводит порочный объективистский метод разработки и публикации исторических материалов, показывает статья Л. Филимоновой «Истоки душевной трагедии В. М. Гаршина». Автор задался целью установить причины и обстоятельства тяжёлых душевных переживаний, выпавших на долю Гаршина в раннем детстве.

Исследователь устанавливает, что детские горести будущего писателя были вызваны семейной распрей между его родителями. Вновь найденные документы свидетельствуют, что жизнь его матери, передовой женщины, связанной с революционными кругами, была невыносима в консервативной, верноподданнической семье. Отец Гаршина был отъявленный реакционер, доносивший на жену в III отделение, клеветавший на Герцена. «Звенья» публикуют дневник этого субъекта, где он пытается оправдать свои полицейские доносы сложными переживаниями и «философскими» рассуждениями. Чувство глубокого отвращения вызывают эти страницы. Однако автор исследования утверждает: «При всей субъективности записей они дают объективно ценный фактический материал». Далее говорится, что у отца Гаршина были даже «опозиционные настроения», что он человек «простых и ясных чувств» и т. п. О том, каковы были эти «чувства», мы узнаём из его доносов харьковскому полицмейстеру, затем управляющему III отделением и самому царю. В результате этих доносов полиция разгромила революционную студенческую организацию в Харькове. Трудно придумать более злобную клевету на Герцена, чем та, которую источает мракобес М. Гаршин. Обращаясь через III отделение к великому революционеру, он истерически вопит: «Вы пропадёте, как пропадают бешеные собаки, наделавшие много бед своим ядовитым укушением, это будет, наверно будет, я Вам предрекаю, пророчески предрекаю...» В письме-доносе, обращённом непосредственно к управляющему жандармским III отделением, тот же М. Гаршин пишет: «...Гниль сочинений в журнале Герцена, называющего себя Искандер, всегда возмущала меня».

Не довольствуясь обильными цитатами подобного характера, редакция «Звеньев», полная пиетета перед архивной «находкой», ещё раз демонстрирует свою «объектив-

ность»: на двух страницах она приводит фотокопию этого письма, содержащего грязные выпады против Герцека.

К числу материалов, действительно имеющих историко-литературное значение, в девятом томе «Звеньев» относятся лишь письма поэтов И. И. Козлова и Е. А. Боратынского, да небольшая заметка об «Аристипповой бане» Г. Р. Державина и приведённые затем два варианта этого стихотворения; первоначальная редакция «Аристипповой бани» публикуется здесь впервые. Единственная в книге статья по вопросам искусства посвящена картине художника Г. Г. Чернецова, которая содержит групповой портрет русских художников, находившихся в начале 40-х годов в Риме. Картина эта обнаружена лишь в 1939 году у одного частного лица. К сожалению, плохие фотографии лишают читателя возможности разглядеть лица, изображённые на картине, и оценить достоинства полотна. Названные материалы занимают лишь незначительное место в объёмистом томе.

Литературный музей предпринял выпуск сборников «Звенья» в 1932 году. За два десятилетия вышло девять томов этого издания, в среднем по одному тому в два года. Казалось бы, при таких темпах редакции была полная возможность обеспечить высокий научный уровень сборников, соответствующий уровню развития советской литературоведческой мысли.

Ещё в годы появления первых выпусков «Звеньев» советская печать не раз указывала на их серьёзные недостатки; руководствуясь неправильными представлениями о задачах литературной науки, редакторы сборников впадали в лжеакадемизм и аполитичность, публиковали материалы, лишённые общественного значения.

Прошли годы, много отшумело событий, выросла и окрепла советская историческая и литературная наука. Но всё это не коснулось сборников «Звенья»: здесь всё по-старому (хотя редколлегия и новая), здесь всё тихо, чинно и — по меньшей мере — никому не нужно.

В. ЖДАНОВ.



Новые библиографические справочники

Большой и новый материал о Ломоносове, Белинском, Горьком дают опубликованные в текущем году библиографические справочники.

В сборнике статей и материалов «Ломоносов» помещена «Библиография сочинений М. В. Ломоносова и литературы о нём за 1917—1950 гг.» Е. Рысс и Г. Коровина. Эта работа является продолжением изданного в 1915 году Академией наук указателя А. Фомина и др. — «Материалы по библиографии Ломоносова». В этом указателе регистрация литературы была доведена только до 1911 года. Образовавшийся таким образом пропуск учёта книг и статей за несколько лет восполняется помещённой в том же сборнике «Библиографией основной литературы о М. В. Ломоносове

за 1911—1916 гг.», составленной Е. Рысс.

Весь материал обоих новых справочников собран с достаточной полнотой, тщательно описан и расположен в систематическом порядке, по годам в каждом разделе. Это даёт возможность не только обозреть список литературы по данному вопросу («Ломоносов — физик и химик», «Ломоносов — историк», «Ломоносов — поэт и филолог» и т. д.), но и узнать о наиболее новых работах, посвящённых Ломоносову.

В отдельных, необходимых случаях справки справочника снабжены краткими пояснениями, указаны имеющиеся на книги рецензии.

Ряд критических замечаний вызывает справочник Е. Рысс, служащий связующим звеном между работой А. Фомина (СПб., 1915) и библиографией за советский период. Прежде всего, не было необходимости в указателе за 1911—1916 гг. применять другую, упрощённую классификацию, несходную ни с классификацией дореволюционного справочника, ни с новым указателем за 1917—1950 гг. Ничем не оправдан

«Ломоносов». Сборник статей и материалов. III. Издательство Академии наук СССР. М.-Л. 1951. Стр. 501—528.

«Литературное наследство» № 57. В. Г. Белинский. III. Издательство Академии наук СССР, М. 1951. Стр. 411—534.

«М. Горький». Материалы и исследования. IV. Издательство Академии наук СССР. М.-Л. 1951. Стр. 329—400.

и пропуск в работе Е. Рыссы основного раздела, имеющегося во всех справочниках, а именно — «Издания сочинений М. В. Ломоносова». В годы 1911—1916 Ломоносов издавался неоднократно.

Едва ли вообще рационально было библиографию Ломоносова за 1911—1950 годы разбивать на два отдельных указателя, так как принятый в справочниках хронологический принцип расположения материала совершенно отчётливо отделял библиографию советского периода от библиографии дореволюционной.

Новую библиографию нельзя назвать исчерпывающей, но, тем не менее, советский учёный, литературовед, читатель в настоящее время имеет в достаточной степени полную и хорошо составленную библиографию М. В. Ломоносова.

Почти одновременно со справочником по Ломоносову в 57-й книге «Литературного наследства» была опубликована работа К. Богаевской «Библиографический указатель сочинений Белинского и литературы о нём (1899—1950 гг.)».

Выбор данного периода объясняется тем, что указатель является продолжением библиографии, имеющейся в «Источниках словаря русских писателей» С. А. Венгерова, том 1 (СПб., 1900). Впрочем, название указателя К. Богаевской не совсем верно, ибо некоторые разделы его не ограничены рамками 1899—1950 годов, а охватывают литературу и более ранних лет.

В разделе «Библиографические указатели сочинений Белинского и литературы о нём» можно обнаружить ряд пропусков. Хотя К. Богаевской заносились в список все библиографии, выходявшие отдельными изданиями, вплоть до листовок, и библиография периодической печати, — в списке нет указателя «Великий русский критик и революционный демократ В. Г. Белинский», издаваемого Центральной читальней ВЦСПС (М. 1948), нет и библиографии, помещённой в журнале «Культурно-просветительная работа» за 1948 год, № 4.

Нельзя считать удачной применённую К. Богаевской классификацию материала, расположенного в одном случае по принципу историко-литературному, дающему общую картину развития изучения Белинского, в другом же — по принципу формальному, издательскому.

Поэтому в разделе «Критико-библиогра-

фическая литература о Белинском» (1899—1950) вместе со статьями советских критиков и литературоведов указаны и переизданные в том же году произведения писателей далёкого прошлого. Так, на одной странице указаны работы не только М. Иовчука, Н. Мордовченко, В. Щарбины и др., но и книги литературного критика 60—70-х годов М. Антоновича и писателя И. Гончарова — лишь потому, что эти книги были переизданы в год появления работ наших современников.

В следующем же разделе справочника «Белинский в мемуарах, дневниках и переписке современников» К. Богаевская располагает материал по годам (1851—1950) и, указывая сначала первую публикацию, даёт затем справку о переизданиях. В предыдущем разделе, наоборот, указываются сначала новые издания, а в примечании даются первые публикации.

Так, например, статья И. А. Гончарова «Миллион терзаний» отнесена ко времени издания сборника «Литературно-критические статьи и письма» (1938), а «Заметки о личности Белинского» из того же сборника — к рубрике 1881. Здесь же дана справка о том, что данная статья была переиздана в 1938 году. Эту статью можно найти и в книге «Виссарион Григорьевич Белинский в воспоминаниях современников», изданной в 1929 году, и в сборнике 1948 года «Белинский в воспоминаниях современников».

Отсутствие чёткости в разбивке библиографического материала затрудняет пользование справочником К. Богаевской.

Собранный К. Богаевской материал так велик, что естественно должен был возникнуть вопрос о составлении к нему хотя бы краткого предметно-тематического указателя. В справочнике по Ломоносову такой указатель заменяется разбивкой книг и статей по их содержанию.

Как и справочники по Ломоносову и Белинскому, библиография К. Муратовой «Литературная работа М. Горького» является продолжением ранее вышедших указателей, а именно: С. Балухатый «Литературная работа М. Горького» (М.-Л. 1936) и С. Балухатый и К. Муратова «Литературная работа М. Горького» (Л. 1941).

Новый указатель имеет подзаголовок — «Второй дополнительный список первопечатных текстов и авторизованных изданий

1888—1936», вполне точно определяющий его содержание.

Особенно ценным в этом справочнике является учёт богатого эпистолярного наследия М. Горького (письма к В. И. Ленину, Н. Крупской, К. Стаинславскому, В. Маяковскому, А. Макаренко и др.).

Составитель дополнительного списка учёл не только вновь появившиеся в печати публикации текстов М. Горького, но и не учтённые в двух предыдущих справочниках тексты М. Горького, опубликованные в старых изданиях (учёт текстов доведён до 15 апреля 1949 года). Таким образом, с появлением работы К. Муратовой мы ещё более приблизились к полному учёту всего напечатанного великим русским писателем, основоположником советской литературы.

Все при библиографические работы, рецензируемые нами, опубликованы в сборниках, хотя даже самая меньшая из этих работ по своему значению и объёму заслуживала бы отдельного издания. Ведь справочное пособие имеет несравненно больший круг читателей и по содержанию, характеру и способу использования разнится от других материалов сборников. В самом деле: сборник «Ломоносов» посвящён

трудам Ломоносова в области физики и химии, а помещённая в сборнике библиография охватывает литературу о всех областях научной и литературной деятельности Ломоносова. Конечно, статья «Сплавы Ломоносова для металлических зеркал», как и другие подобные статьи, будут иметь ограниченный круг читателей-специалистов, в то время как в справочнику будут обращаться тысячи читателей для получения самых разнообразных сведений. Примерно то же можно сказать и о справочниках по Белинскому и Горькому.

Практику печатания библиографических трудов в сборниках (к тому же дорого стоящих), среди прочего материала, вряд ли можно считать верной. В особенности это относится к работам, являющимся продолжением ранее изданных отдельными книгами библиографий. Часто эти дополнительные библиографии остаются неизвестными.

Более оправдывает себя выпуск справочных пособий в качестве «Приложений» к сборникам. Примером этому может служить «Дополнительный выпуск» к «Полному собранию сочинений В. В. Маяковского» (М. 1938).

Н. МАЦУЕВ.

★

Политика и наука

Китай сегодня

„Китай встаёт подобно солнцу с Востока, освещая Восток своими яркими лучами». Эти слова вождя великого китайского народа Мао Цзе-дуна выразительно определяют новую эру в истории не только самого Китая, но и всего азиатского континента.

Со страниц выходящего в Пекине на русском и английском языках журнала «Народный Китай» звучит голос свободного Китая, смелый, сильный, уверенный голос народа, завоевавшего в суровой борьбе право на национальную независимость и социальную свободу.

Содержание журнала богато и разнообразно. Перед читателями проходят яркие картины жизни современного Китая с

его великими достижениями, с успешно преодолеваемыми трудностями, с надеждами и устремлениями 475-миллионного народа. Его могучая энергия, разбуженная революцией, умело направляется коммунистической партией на благо страны.

Жгучей ненавистью к империалистическим грабителям, и в первую очередь американским и английским колонизаторам, в течение десятилетий терзавшим и угнетавшим многострадальный Китай, дышит каждая страница журнала.

Понимая, что Центральное народное правительство, пишет журнал, пользуется полнейшим доверием и поддержкой народа и установило сильный, эффективный и устойчивый режим, который не позволяет рассчитывать на успех каких-либо заговоров внутри континентального Китая, американские агрессоры обратились к

Журнал «Народный Китай». Издательство литературы на иностранных языках. Редактор Цяо Гуан-хуа. Пекин, 1950—1951.

старой империалистической политике окружения.

Они способствовали созданию кордо-на марionеточных режимов вокруг границ Китая: клики Ли Сын Мана в Южной Корее, правительства Иосида в Японии, Чан Кай-ши на Тайване, «императора» Бао-Дая в Индо-Китае, Пибул Сонграма в Сиаме и Квирино на Филиппинах.

Повторяя захватнический тезис ярого японского милитариста Танака, уолл-стри-товский дипломат Ачесон заявил: «Начи-нать надо в Корее». Корейский плацдарм, как в ряде статей подчёркивает журнал, по расчётам Пентагона и Белого дома должен был стать «передовой линией фронта американского наступления против Азии и в особенности против Китайской Народной Республики».

Китайский народ разгадал разбойничьи замыслы американских захватчиков и единодушно заявил: «Руки прочь от братской Кореи!». В многочисленных корреспонден-циях, письмах, документах, опубликован-ных на страницах «Народного Китая», по-казаны настроения и чувства китайских тружеников, десятками тысяч вступающих, в ряды добровольцев, чтобы оказать по-мощь корейскому народу в его героиче-ской борьбе против врага всех свободоло-бивых народов.

Доброволец Хуа Чан в письме, прислан-ном из Северной Кореи, рассказывает о чувстве волнения и гордости за новый Ки-тай, которое охватило его, когда добро-вольческие отряды переходили через Ялу—реку, разделяющую китайскую и корейскую земли, о горячей дружбе между корейца-ми и китайскими добровольцами.

— Когда встречаешься с корейцем, — рассказывает Хуа Чан, — он подбегает к тебе, знаком показывает, что он очень до-волен тобой, и взволнованным голосом спрашивает: «Мао Цзе-дун?» Когда ему в ответ кивнёшь головой и улыбнёшься, он тебе крепко жмёт руку. И если в ответ на его приветствие скажешь ему: «Ким Ир Сен», то этих двух имён — Мао Цзе-дун и Ким Ир Сен — достаточно, чтобы мы стали друзьями на всю жизнь.

Весьма символично, что китайские до-бровольцы уезжают на корейский фронт с песней «В защиту мира» на устах. Нано-ся сокрушительные удары по поджигате-лям войны, прикрываемымся флагом

ООН и стремящимся перебросить пламя военного пожара на китайскую террито-рию, они вносят свой вклад в дело защи-ты мира во всём мире. За время войны в Корее китайские народные добровольцы, как пишет на страницах журнала глав-нокомандующий Пын Дэ-хуэй, «закались и выросли в могучую непобедимую силу, стоящую на страже родины и мира во всём мире».

Во многих статьях «Народный Китай» знакомит читателя с ходом аграрной ре-формы, являющейся, по словам Мао Цзе-дуна, «основной задачей на данном этапе китайской революции».

Аграрная реформа, которая должна в ос-новном быть завершена в 1952 году, — небывалое по своим грандиозным масшта-бам социально-экономическое преобразова-ние. Эта реформа наносит смертельный удар по феодальной системе эксплуатации, господствовавшей в Китае в течение веков. На примере различных районов журнал по-казывает создание единого антифеодаль-ного фронта в деревне, нейтрализацию бога-тых крестьян и ликвидацию помещичьего класса.

В одном из номеров помещена Примеча-тельная фотография. Ликующий человек в крестьянской одежде несёт дощечку, ис-пещрённую иероглифами. Это — межевой знак, на котором написано: «Батрак Юй Цзинь-ю получил 5 му земли».

Миллионы таких межевых знаков уже появились на китайской земле. К лету 1951 года аграрная реформа была завер-шена на территории с населением пример-но в 300 миллионов сельских жителей (из общего числа 410 миллионов).

В ряде живо написанных очерков — «Как крестьяне отобрали свою землю у помещи-ков» (автор Сяо Цянь) даётся картина ве-ликих преобразований в китайской дерев-не. Большое впечатление оставляет сце-на народного суда над помещиками, про-исходившего в волости Хуэй Луи. Два-дцать крестьян и крестьянок выступали перед судом, заседавшим на площади. Они бросали суровые слова обвинения в лицо трём помещикам, не только грабив-шим крестьян, но и совершавшим насилия и убийства. Крестьяне восторженно встре-тили приговор суда, по которому один из обвиняемых был приговорён к длительно-

му тюремному заключению, а двое — к смертной казни.

На примере районов, где аграрная реформа уже завершена, журнал показывает первые результаты справедливого распределения земли: рост урожайности, увеличение доходов крестьян, ликвидацию нищеты.

Меняется облик земледелия в Китае, меняется облик самих крестьян. «Когда вы впервые приезжаете в деревню, в которой реформа уже завершена, — рассказывается в статье «Прогресс нового Китая», — вы сразу можете заметить это по уверенным взглядам крестьян, по их гордой прямой осанке. Во всём чувствуется новый подход к жизни».

Наряду с аграрной реформой китайский народ разрешает другую сложную проблему, имеющую многовековую давность, — проблему борьбы с наводнениями. Огромные ирригационные работы развернулись на бурной реке Хуанхэ, которая из года в год причиняла большие бедствия крестьянам, затопляя их поля и опустошая целые районы. В бассейне этой большой реки, где живёт около 60 миллионов человек, идёт грандиозное строительство. Более двух миллионов человек работает на берегах Хуанхэ. Здесь возникнут плотины и дамбы, которые укротят реку и поставят её силу на службу народу.

Большое ирригационное строительство развёртывается и в других районах Китая. О масштабах его можно судить по тому, что в 1950 году было поднято такое количество земли (420 миллионов кубических метров), которое вшестеро превышает объём грунта, вынутого при постройке Суэцкого канала. Уже теперь миллионы гектаров крестьянских полей избавлены от губительных наводнений.

Превращение отсталой аграрной страны в страну с развитой современной промышленностью — одна из главных задач, к решению которой приступила Китайская республика. Журнал «Народный Китай» подробно рассказывает об усилиях китайского народа, направленных на создание мощной национальной индустрии.

В новом Китае труд рабочих окружён всенародным почётом. Широко известно в стране имя мукденского токаря-новатора Чжао Го-ю. Улучшив конструкцию своего станка, он добился рекордных производ-

ственных показателей. Руководитель организации компартии Мукденского завода призвал Чжао Го-ю открыть свой «секрет» другим рабочим. «Вы — как паровоз, — сказал он токарю. — Если вы помчитесь вперёд без вагонов, вы можете значительно увеличить свою быстроту, но какая от этого будет польза? Паровоз полезен только тогда, когда он тянет много вагонов». Понадобилось очень немного времени, чтобы, следуя примеру Чжао Го-ю, токари других предприятий Китая поставили более двадцати тысяч новых производственных рекордов.

Журнал воспроизводит знаменательную запись, сделанную Чжао Го-ю в его дневнике в 1949 году. В ней он высказал четыре своих сокровенных желания: стать коммунистом, увидеть Генералиссимуса Сталина, увидеть председателя Мао Цзедуна и жить в социалистическом Китае. В статье «Как я стал Героем труда» прославленный токарь рассказывает, что в 1949 году он вступил в коммунистическую партию; 1 мая 1950 года ему посчастливилось увидеть на Красной площади товарища Сталина; в ноябре 1950 года в Пекине он был принят Мао Цзедунем. «Из четырёх моих желаний, — пишет Чжао Го-ю, — только одно ещё не осуществилось — для этого гребутся ещё некоторое время. Хотя мы не можем построить социалистический Китай в один год, я совершенно уверен, что под руководством коммунистической партии мы этого достигнем в рекордное время».

Сила нового Китая заключается в том, что таких рабочих, как Чжао Го-ю, стало множество. Новаторы, изобретатели, активные участники социалистического соревнования, мастера высокопроизводительных методов труда — явление в старом Китае немислимое — сейчас стали типичными представителями рабочего класса.

О высоких темпах промышленного развития Китая рассказывает на страницах журнала заместитель председателя Центрального Народного правительства Сун Цзи-лин, описывая северо-восточные районы — основную индустриальную базу страны. Рассказывая о крупнейшем в Китае Аньшаньском металлургическом комбинате, о трудовом энтузиазме его огромного рабочего коллектива, о непрерывном росте выпуска железа и стали, Сун Цзи-

лин заключает: «Когда я осматривала этот гигантский металлургический завод, я была совершенно потрясена волнующим зрелищем организованного общественного производства. Глядя на всё это, я ясно представила себе будущее китайского народа, которое творится подобно тому, как создаётся это железо и сталь».

Большое внимание журнал уделяет культурной жизни республики и, в частности, литературе, театру, кино.

Китайская реалистическая литература, развивающаяся под влиянием советской литературы, имеет славные боевые традиции, созданные основоположником китайской современной литературы Лу Синем — «китайским Горьким». Следуя указаниям Мао Цзе-дуна на яньюанском совещании по вопросам литературы (1942 г.), писатели Китая успешно выполняют задачу по «соединению революционной литературы с рабочими, крестьянами и бойцами». Впервые в китайской литературе героями романов, повестей, поэм стали люди из народа, активно преобразующие свою страну, строящие светлый мир. Новую страницу в истории литературы Китая открыли такие выдающиеся произведения, как «Перемены в Лицзячжуане» и «Песенки Ли Ю-цая», принадлежащие перу талантливого писателя Чжао Шу-ли; «Новые герои и героини» Юань Цзиня и Кун Цюэ; «Три бойца» Ли Бай-юя; «Солнце над рекой Сангань» Дин Лин и другие.

«И какую другую дань, — пишет известный критик Чжоу Ян о героях новой китайской литературы, — можем мы воздать им, этим подлинным творцам истории? Даже если мы дадим о них только краткие очерки, набросаем лишь их силуэты, история не так осудит нас, как если бы мы обошли их полным молчанием и не оставили никакого следа в литературе».

Новая литература стала близка народу ещё и потому, что она разрушила искусственную стену, которую в прошлом воздвигал между книгой и массовым читателем непонятный для простых людей старый литературный язык. Герои современной китайской литературы говорят языком простым, доступным самой широкой читательской аудитории.

Большие перемены произошли и в области театрального искусства. Китайский народ издавна с большим интересом отно-

сился к театральным зрелищам. Сейчас тяга к искусству значительно возросла. Театры, где ставятся современные пьесы и классические музыкальные драмы, уличные и иные представления ежедневно привлекают около трёх миллионов человек. Перед этой колоссальной аудиторией выступает около 350 тысяч артистов. Репертуар театров значительно обновлён. Из классической музыкальной китайской драмы, имеющей вековые традиции, исчезают элементы мистики, фатализма, проповеди конфуцианской и даосской философии, превозносящие смирение и покорность.

Пересмотр репертуара, приближение его к запросам народа проводится сейчас в Китае в широких масштабах. Возглавляет эту работу созданное правительством Бюро по делам преобразования театра, во главе с известным драматургом и поэтом Тянь Ханем. Наряду с перестройкой классического театра ведётся большая работа по расширению репертуара народного реалистического театра, на сцене которого ставятся лучшие пьесы китайских и советских авторов. Большим успехом у китайского зрителя пользуется инсценировка книги Н. Островского «Как закалялась сталь».

Журнал знакомит читателя и с успехами нового китайского киноискусства. С экранов изгнаны голливудские фильмы, проповедующие расовую ненависть, гангстеризм, растленный «американский образ жизни». Появились дублированные на китайский язык советские кинокартины и новые китайские фильмы. Молодое киноискусство Китая создало такие картины, как «Мост», «Дочери Китая», «Новые герои и героини», «Седая девушка», воспеваящие простых людей. Лучшие произведения китайской кинематографии завоевали международное признание.

Отдел хроники журнала объединяет под заголовком «Китай сегодня» разнообразные информационные сообщения, дающие широкое представление о различных сторонах хозяйственной и культурной жизни республики. «Рост хлопчатобумажной промышленности», «Закон о страховании рабочих», «Всеитайский съезд студентов», «В Тибете», «Английская компания Шелл ликвидирована», «Телефонная связь между Пекином и Москвой» (это — самая длин-

ная в мире телефонная линия в 12 000 километров), «Рост среднего образования» — все эти сообщения характеризуют сегодняшний день народного Китая.

Каждый номер журнала проникнут чувствами глубокой любви и признательности китайского народа к его лучшему другу — Советскому Союзу. Этими чувствами наполнены статьи руководителей нового Китая, генералов Народно-освободительной армии, писателей, учёных, рабочих. Могучая поддержка Советской державой Китайской республики на международной арене, щедрая и разнообразная экономическая помощь Китаю со стороны СССР, ос-

военне китайцами драгоценного опыта социалистического строительства в Советском Союзе — всё это решающие условия укрепления и упрочения народно-демократического строя в Китае.

«Китайский народ, — пишет журнал, — идёт вперёд, уверенный в том, что то, что достигну Советским Союзом сегодня, в своё время будет достигну и китайским народом, преобразующим свою страну под руководством рабочего класса во главе с коммунистической партией Китая».

*Кандидат юридических наук
Л. САВИНСКИЙ.*

★

Свидетельство шведских деятелей культуры

Шведская буржуазная печать по прямому указанию правящих кругов, раболепствующих перед Вашингтоном, старается разжечь в стране военную истерию. На все лады она трубит об угрожающей Швеции «агрессии с Востока», требуя усиления гонки вооружений. На страницах буржуазных газет, особенно таких как «Стокгольмс тиднинген», «Дагенс нюхетер», «Сюдсвенска дагбладет», нет недостатка в клеветнических выпадах по адресу Советского Союза.

Однако шведский народ отнюдь не склонен верить своей печати, нравы которой ему хорошо известны. Он хочет знать правду о стране социализма, идущей во главе лагеря мира и демократии.

За последние годы Советский Союз неоднократно посещали многочисленные гости из Швеции. В одном только 1950 году приезжало восемь делегаций. Среди них были представители науки, искусства, рабочих и женских организаций, спортивной молодёжи и т. д. Все они пытливы знакомилась с условиями труда и быта советских людей, с теми успехами, каких достигла наша страна в области экономики и культуры. Особое внимание членов делегаций привлекала борьба советского народа за мир.

Вернувшись на родину, делегаты делились с трудящимися Швеции своими впечатлениями от поездки по Советскому Союзу. Многие из них, не ограничиваясь выступлениями на собраниях и различных митингах, перед микрофоном и в прогрессивной печати, выпустили коллективные брошюры.

Одна из таких брошюр «Стокгольм — Ленинград — Кавказ», изданная обществом шведско-советской дружбы, содержит рассказы пяти деятелей культуры, побывавших в Советском Союзе в конце прошлого года. Брошюре предпослано предисловие председателя общества Георга Брантинга — депутата парламента от социал-демократической партии.

Ещё до выхода книги в свет авторы в беседе с корреспондентами отмечали, что в СССР им была предоставлена полная возможность осмотреть школы, заводы, колхозы, познакомиться с советской системой здравоохранения, народного образования, физического воспитания молодёжи. Делегаты особо подчёркивали, что повсюду их встречали очень гостеприимно и показывали решительно всё, что они хотели видеть.

Эти заявления, разумеется, не пришлись по вкусу шведской реакции и вызвали её озлобление. Шведская буржуазия, конечно, недовольна правдивым освещением жизни Советского Союза. Брантинг указывает, что причину этого недовольства понять совсем не трудно: люди, побывавшие в СССР, не приводят ни одного факта, который подтверждал бы дикие измышления клеветников. Напротив, отмечает Брантинг, «из

„Stockholm — Leningrad — Kaukasien“. Stockholm, 1951 («Стокгольм — Ленинград — Кавказ», Стокгольм, 1951).

путевых заметок создаётся впечатление, что многомиллионные массы там (в СССР.— П. В.) живут нормальной жизнью, зачастую к тому же очень богатой, активной и духовно насыщенной».

Отражая единодушное мнение авторов, Брантинг заявляет, что ВОКС всей своей деятельностью опровергает заведомо ложное утверждение, что СССР склонен будто бы отгораживаться железным занавесом от народов других стран. Он подчёркивает, что шведская делегация, весьма разнообразная по своему составу, имела широкие возможности для ознакомления с жизнью советской страны, поскольку делегаты сами выбирали объекты для изучения. Книга, пишет Брантинг, приводит читателя к основному выводу: «новое социалистическое общество идёт вперёд с неоспоримой жизнеспособностью».

Брошюра открывается статьёй художника Уно Валльмана «Стокгольм — Ленинград — Кавказ». Подкрепляя фактами свои наблюдения и выводы, Валльман с восхищением рассказывает о том, что «художники в Советском Союзе творят в условиях полной свободы, не зная тяжёлых материальных затруднений, являющихся постоянным бичом художника в капиталистическом обществе». «В Советском Союзе, — отмечает далее Валльман, — нет торговцев, наживающихся на труде художников. Художники живут мирно и счастливо и желают только того, чтобы на нашей земле царил мир и чтобы все люди, каждый в своей области, могли творить для народа, в обстановке мира и взаимопонимания».

Перу прогрессивного журналиста Херманссона принадлежит статья «Этот народ всегда будет стоять за мир». Проявляя глубокую наблюдательность, автор касается различных сторон жизни советских людей. Показывая на убедительных примерах рост материального благосостояния советского народа, Херманссон приходит к выводу, что «жизненный уровень в Советском Союзе поразительно высок, особенно если учесть, сколь короткое время имелось для устранения последствий ужасающих опустошений, произведённых военной машиной германского фашизма. Новый подъём достигнут здесь такими темпами, о которых капиталистическому

миру просто трудно составить себе конкретное представление».

На цифровом материале автор разоблачает всякого рода фальшивки, распространяемые в Швеции американской пропагандой, пытающейся уверять в превосходстве жизненного уровня простого американца над жизненным уровнем советского рабочего. Он подчёркивает, что в Советском Союзе «рост производства служит на благо самим рабочим и обществу в целом; нет капиталистов, пожинаящих сверхприбыль на труде рабочих. Размер и характер производства определяются не погоней за прибылями — решающей является потребность народа в различных продуктах».

Рассказывая о принципах дифференцированной оплаты труда в Советском Союзе, Херманссон сопоставляет заработную плату директора завода и передовых рабочих и приходит к выводу, что доходы в Советском Союзе зависят целиком от способностей каждого, что пути к более высоким доходам открыты для всех (следует оговориться, что под доходом автор статьи здесь разумеет заработную плату, вознаграждение по затраченному труду).

Рассказывая о советской культуре, Херманссон замечает, что «социализм создал крайне благоприятные предпосылки для развития прогрессивной культуры». Опримное впечатление произвела на него, как он выражается, «неслыханная массовость культурной жизни». В подтверждение автор приводит цифры тиражей издаваемых в советской стране книг, в частности произведений художественной литературы. Он даёт ясное представление об огромных масштабах культурно-просветительной работы советских профсоюзов.

Описывая, какой исключительной заботой советского государства окружены дети и молодёжь и давая высокую оценку роли пионерского движения, готовящего детей к общественной жизни, он подчёркивает, что «дети в Советском Союзе — в детских садах, в школе, во Дворцах пионеров — производят впечатление чрезвычайно гармоничных и жизнерадостных».

Буржуазная пресса за рубежом часто клеветнически утверждает, что в Советском Союзе якобы нет условий для свободного обмена мнений, для критики. Высмеивая эти нелепые измышления, Херманссон, как очевидец, рассказывает о прево-

димых в стране социализма широких открытых дискуссиях по различным вопросам науки, литературы, о свободе критики на различных собраниях, конференциях, съездах, в печати и так далее. Он подчёркивает при этом, что критика не только не лишает критикуемого возможности продолжать работу в своей области, но, наоборот, помогает ему двигаться вперёд, полнее применить свои силы на благо социалистического общества.

Интересны высказывания представителя союза рабочего образования Гуннара Хирдмана. Посетив несколько советских фабрик и заводов, он рассказывает об отношениях, складывающихся в трудовом советском коллективе. Рядовые рабочие относятся к стахановцам с уважением. отмечает Хирдман. Соревнуясь в труде, они стремятся равняться на передовиков производства. Такое же отношение к труду автор наблюдал и в колхозах.

Далее Хирдман делится своими впечатлениями о советской школе, о деятельности профсоюзов в культурно-просветительной области.

Доцент Гуннар Якобссон в статье «Праздник в саду на Кавказе» описывает изобилие колхозной жизни и те дружественные отношения, которые существуют между людьми различных национальностей в Советской стране.

Подробное описание постановки дела здравоохранения в Советском Союзе мы находим в статье врача Нильса Сильвершельда. Его впечатления представляют особый интерес поскольку он дважды побывал в Советском Союзе — в 1925 и в 1950 году. Сильвершельд отмечает, что медицинское образование и научные исследования в Советском Союзе поставлены неизмеримо выше, чем в других европейских

странах. Подробно ознакомившись с условиями работы на производстве, Сильвершельд замечает, что на советских промышленных предприятиях «самым тщательным образом заботятся о создании лучших условий труда, об избежании несчастных случаев, гонки и переутомления... Повсюду в Советском Союзе поражаешься плановости в труде и всеобъемлющей заботе о человеке... Советскому Союзу в большой степени удалось обеспечить жизнь, которая в одно и то же время способствует успешному формированию характерной индивидуальности и прививает людям чувство коллективизма, которое столь удивительно быстро стало само собой разумеющимся».

В заключение Сильвершельд пишет: «Мы довольно основательно ознакомились с жизнью советского народа и в будни, и в праздники. Я благодарен за поездку и в восторге от прогресса в Советском Союзе».

Во всех статьях авторы брошюры свидетельствуют о том, что советский народ и его правительство преисполнены желания во что бы то ни стало сохранить и упрочить мир во всём мире. «Борьба за мир,— читаем мы в статье Херманссона,— пронизывает всю жизнь и работу советских людей». «Советская власть,— пишет Хирдман,— видит в мире необходимое условие жизни самой страны». Советский народ, по свидетельству Сильвершельда, «вне всякого сомнения, непоколебимо стоит на защите мира».

Брошюра деятелей культуры Швеции, как об этом справедливо пишет в предисловии Г. Брантинг, несомненно будет содействовать укреплению дружбы и взаимного доверия между народами Швеции и Советского Союза.

П. ВИНУКUROV.

★

Международное право или международный произвол?

Американский журнал международного права — один из наиболее крупных юридических журналов США. То, что он проповедует, немедленно подхватывается буржуазной правовой наукой империалистического лагеря.

„American Journal of International Law“, Washington 1950—51 («Американский журнал международного права», Вашингтон, 1950—51).

Журнал близок к государственному департаменту. Среди членов его редколлегии мы находим неизвестного Филиппа Джессепа, который в качестве представителя США на предварительном совещании заместителей министров иностранных дел в Париже сделал всё возможное, чтобы сорвать это совещание.

Политику экспансии и прямой агрессии,

проводимую правительством Трумэна, «Американский журнал международного права» стремится облечь в псевдоюридическое одеяние. На страницах журнала проповедуются идеи чрезвычайно распространённой в современной американской юриспруденции так называемой «школы реалистов». Приверженцы этой школы призывают «обернуться лицом к действительности» и разрабатывать современное право «с трезвых реалистических позиций». Короче говоря, они ратуют за возможно большее сближение всякого рода теоретических построений с современной империалистической действительностью. Поставить правовую «теорию» на службу политике террора, проводимой внутри страны, и политике агрессии во внешнеполитических отношениях — вот основная задача «школы реалистов».

Монополистов США совершенно не устраивает существующее международное право. Оно мешает их стремлениям к завоеванию мирового господства.

При помощи всякого рода «доктрин Трумэна», «планов Маршалла», планов «помощи отсталым народам» заправила Уолл-стрит всё в большей степени подчиняют своему экономическому и политическому контролю зависимые от них государства и народы. Международное сотрудничество, международные соглашения — всё это уже давно отброшено в сторону. И вот американские юристы, с готовностью повернувшись лицом к «реальной действительности», с «реалистических» позиций по первому разряду хоронят международное право, а юридическая наука усиленно проповедует отказ от принципа суверенитета и создание системы «надгосударственных органов» и «надгосударственного права».

Из номера в номер «Американский журнал международного права» выступает за создание системы некоей надгосударственной международной юстиции, системы надгосударственных международных судов, при помощи которых Уолл-стрит сможет «законно», под «правовой» маской диктовать свою волю другим странам и осуществлять вмешательство в их внутренние дела. Международным судам, по замыслу учёных прислужников Уолл-стрита, должны быть предоставлены чрезвычайно широкие права, вплоть до права применения силы в отношении государств, отказывающихся

подчиниться диктату американского монополистического капитала. При этом американские буржуазные учёные не останавливаются даже перед требованием международной уголовно-правовой ответственности... государств! Подобному вопросу и посвящена специальная статья Пелла «На пути к Международному уголовному суду», помещённая в № 1 «Американского журнала международного права» за 1950 год.

В связи с этим намерением создать «международную уголовную юстицию» интересно отметить, как «Американский журнал международного права» понимает «основные права и обязанности государств», о которых в современной буржуазной литературе рассуждают очень много и часто. «Принципы международного права, которые предполагается включить в декларацию о правах и обязанностях государств,— пишет Кельзен в № 2 за 1950 год,— могут и должны быть сформулированы как обязанности». Прежде всего Кельзен требует, чтобы в декларации совершенно не упоминалось даже само слово «суверенитет». И далее, развивая свою точку зрения, Кельзен одним росчерком пера разделяется с принципом независимости и равенства: «Вряд ли верно утверждать, что каждое государство обладает правом на независимость», «неверно говорить о праве на равенство».

Касаясь вопроса о захвате чужих территорий, Кельзен цинично утверждает, что территории приобретаются «в соответствии с общепризнанным международным правом» в результате применения силы или угрозы её применения.

Таков кодекс американского беззакония! Нарушение суверенитета, независимости, равноправия — всё это правомерно, всё это якобы оправдано с точки зрения международного права. Всякое же сопротивление интервенции и агрессии, очевидно, будет представлять собой «международное преступление».

Понятно, кого имеют в виду учёные прислужники американского империализма, усиленно ратующая за возможность объявления государства «международным уголовным преступником». Честная, справедливая, отвечающая чаяниям народов всего мира политика стран демократического лагеря не устраивает поджигателей войны — они спят

и видят, как бы «засадить за решётку», объявить «международными уголовными преступниками» свободолюбивые народы.

Система «международной юстиции» — не единственный путь, при помощи которого буржуазные правоведы хотят уничтожить международное право и заменить его неприкрытым диктатом доллара. Среди намеченных мероприятий немалое место уделяется Организации Объединённых Наций. Империалисты США ведут политику подбивая ООН, стремятся превратить ООН в своё послушное орудие. Помогая своим хозяевам, американские «международные правоведы», грубо нарушая Устав ООН, открыли настоящий поход против принципа единогласия как путём прямых и открытых призывов к его отмене, так и путём всякого рода «обходных манёвров». К их числу принадлежит требование передать Генеральной Ассамблее право решать все важнейшие вопросы, которые по Уставу ООН относятся к ведению только Совета Безопасности, в том числе и вопрос о применении мер принудительного воздействия. Эти незаконные требования маскируются разговорами о необходимости «эволюции» ООН в сторону её превращения в «мировое правительство».

Принятие 5-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН резолюции от 3 ноября 1950 года вызвало единодушное одобрение американских международников. Ещё бы! Эта резолюция ставит Генеральную Ассамблею над Советом Безопасности. Теперь американская машина голосования получает полную возможность беспрепятственно штемпелевать любые «решения». Незаконность принятой резолюции не помешала «Американскому журналу международного права» провозгласить её «резолюцией, имеющей историческое значение».

Американский империализм, подготавливая новую мировую войну, усиленно ведёт «холодную войну» против стран миролюбивого демократического лагеря. Заслужившие печальную известность радиопередачи «Голоса Америки» представляют собой один из методов ведения «холодной войны», одну из попыток разжечь военный психоз. И тем не менее, «Американский журнал международного права» преспокойно заявляет, что правительство США «как с точки зрения моральной, так и с точки зрения правовой» вполне клеветать на

СССР и страны народной демократии и вести пропаганду войны. «Единственно, о чём следует пожалеть,— пишет Дж. Б. Уиттон, автор статьи «Пропаганда холодной войны»,— это о том, что эта кампания (радиопередачи «Голоса Америки».— О. П.) была начата слишком поздно и что она всё ещё ведётся в недостаточных масштабах».

Не более, чем «холодная война», «учёных» слуг Уолл-стрит смущает и подлинная «горячая» агрессия.

Журнал усиленно «доказывает» и «основывает» правомерность агрессивного Северо-атлантического пакта и его якобы соответствие Уставу ООН (статья Кульско-го в № 3 за 1950 г., статья Кельзена в № 1 за 1951 г.).

Отказ американского правительства признать законное правительство Китая, по мнению «Американского журнала международного права», вполне оправдан с точки зрения правовой и «не более парадоксален, чем признание... представителей Керенского в качестве единственного представителя России в течение многих лет уже после того, как это правительство перестало существовать».

Игнорирование правительства, избранного народом, и признание различных марионеток вроде Ли Сын Мана или Чан Кайши — такая политика несколько не удивляет буржуазных юристов, так как их «международно-правовые» концепции находятся в полном соответствии с волей их империалистических хозяев.

Прикрываясь флагом ООН, американские интервенционистские войска в Корее расстреливают женщин, детей и стариков, уничтожают мирные города. А «учёные» юристы США усиленно прубят о «законности» и «правомерности» американских зверств в Корее. Более того, апологеты американской агрессии стремятся ввести в постоянную практику тот незаконный порядок, при помощи которого были приняты резолюции по корейскому вопросу (как известно, на заседании Совета Безопасности отсутствовали представители СССР и Китая).

Так, Л. Вулсей откровенно высказывает в пользу того, чтобы «случайные обетательства», которые дали возможность принять июньские резолюции о Корее, были превращены в условия «постоянные».

Ещё более откровенный призыв к узакон-

нению агрессивной войны содержится в статье Питмана Поттера «Критический взгляд на превентивную войну». Питман Поттер призывает к созданию института специальных «международных должностных лиц» и специальных международных вооружённых сил, которые и будут организовывать и осуществлять так называемую «превентивную войну». Без этого, с сожалением констатирует Поттер, «превентивная военная акция будет лишена правового основания; это относится и к превентивной войне США против Советской России». Однако, бодро восклицает он, всё вышесказанное несколько не относится к «этической стороне вопроса... бывают моменты, когда этически нарушать право».

Империалистическая правовая наука, как небо от земли, далека от того подлинного

международного права, которое ставит себе целью укрепление мира во всём мире, охрану суверенитета и равенства всех государств и народов. Адвокатам Уолл-стрита не удастся никакими ухищрениями обмануть широкие трудящиеся массы. Могучее движение за мир развернулось на всём земном шаре. Прогрессивное человечество требует отказа от политики агрессии, прекращения интервенции в Корею, прекращения ремилитаризации Западной Германии и Японии. Принципы миролюбивой сталинской международной политики поддерживаются народами всего земного шара, борющимися за свою независимость, за мир во всём мире.

Кандидат юридических наук
О. ПОЛЕНЦ

★

Профсоюзные боссы на службе Уолл-стрита

Американские империалисты — новые претенденты на мировое господство — усиленно стремятся к развязыванию третьей мировой войны. Но для осуществления своих агрессивных замыслов они прежде всего нуждаются в прочном тыле. Товарищ Сталин ещё в 1927 году указывал на это обстоятельство: «...Чтобы вести войну, недостаточно роста вооружений, недостаточно организации новых коалиций. Для этого необходимо еще укрепление тыла в странах капитализма. Ни одна капиталистическая страна не может вести серьёзной войны, не укрепив предварительно свой собственный тыл, не обуздав «своих» рабочих...»¹

Для подавления демократических свобод и удушения прав трудящихся американская реакция создала самую совершенную, по своей организации и изощрённости методов, систему политического угнетения. Одним из важнейших звеньев этой системы является агентура американских монополий в рабочем движении США. В течение многих десятилетий американский капитализм вскармливал и

подкупал так называемую «рабочую аристократию», из среды которой и вышли различные гомперсы, грины, мэрреи, льюисы и другие злейшие предатели интересов американского рабочего класса.

С помощью шайки прожжённых штрейкбрехеров и продажных политиканов заправили Уолл-стрита добилась того, что рабочее движение в Соединённых Штатах пребывает в состоянии неорганизованности и раздроблённости. Две трети всех рабочих в США вообще не организованы в профсоюзы и целиком предоставлены произволу предпринимателей. Остальная часть рабочего класса США разбита на враждующие между собой объединения и профсоюзы.

Когда в 1886 году была создана Американская федерация труда (АФТ) — как центр организованного рабочего движения в США, — монополисты сумели продвинуть к её руководству своих доверенных лиц. С тех пор вся деятельность АФТ являет собой образец беспримерно рабского служения буржуазии.

Узко цеховой принцип профсоюзных организаций, положенный в основу АФТ, весьма благоприятствовал планам американских монополий. Он приводил к распылению сил рабочего класса, нарушал единство пролетариата Америки, помогал буржуазии срывать стачки и забастовки.

¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 10, стр. 282.

Б. Михайлов. «Агентура Уолл-стрита в Конгрессе производственных профсоюзов США». Редактор Ф. Чуйков. Профиздат, М. 1951.

Поэтому, когда среди рабочих масс США возникло широкое движение за создание новых профсоюзов, построенных по иному — производственному принципу, американская плутократия встретила его в штыки. Реакционное руководство АФТ, действуя по указке Уолл-стрита, мобилизовало все свои силы и возможности для противодействия объединению рабочего класса. Вместе с тем американская реакция предприняла шаги в том направлении, чтобы подчинить своему влиянию возникшее рабочее движение. И не случайно именно в это время в реакционной верхушке АФТ образовалось две группы.

Первая из них, возглавленная Гринном, Уоллом, Хатчесоном и т. д., яростно противилась созданию производственных профсоюзов и защищала старый цеховой принцип организации профдвижения.

Вторая группа, которую возглавили Льюис, Мэррей, Кэри и другие, выступила за создание производственных профсоюзов. Прикидываясь «друзьями народа» и широко используя демократическую фразеологию, Льюис, Мэррей и К° сумели сблизить массы и войти в доверие к рабочим.

Об этой крупнейшей диверсии Уолл-стрита против рабочего движения обстоятельно рассказано в интересной книге Б. Михайлова.

Автор правильно отмечает, что обе упомянутые группы «независимо от методов, которыми они пользовались, являлись врагами рабочего класса. Это по существу одна организованная шайка империалистических агентов в рабочем движении, выступающая проводником буржуазного влияния на трудящихся. Единственно, что их действительно разделяло и разделяет до сих пор, — это стремление обеспечить именно за своей группой монопольное положение в рабочем движении с целью его подавления, а также желание сохранить пальму первенства при получении щедрых подзечек от Уолл-стрита».

14 ноября 1938 года в Питтсбурге происходил первый учредительный съезд производственных профсоюзов, на котором и произошло оформление второго профсоюзного центра Американские прогрессивные деятели оказались не подготовленными к тому, чтобы возглавить вновь созданные профсоюзы. В результате руководство отраслевыми профсоюзами было захвачено

старым прислужником Уолл-стрита, Джоном Льюисом, тогда усиленно разыгрывавшим из себя «демократического» деятеля. Но Льюис и его клика, несмотря на всю свою реакционность, не могли не считаться с левыми настроениями подавляющей массы членов профсоюзов, входящих в КПП. Чтобы сохранить своё влияние, они были вынуждены всячески маскировать своё истинное лицо и на первом этапе хотя бы декларативно выступать в защиту интересов трудящихся.

«В истории борьбы между силами реакции и прогресса в КПП, — пишет Б. Михайлов, — определилось два этапа». Первый из них охватывает довоенный и военный период и характеризуется преобладанием прогрессивного курса в деятельности профсоюзов, объединяемых КПП. Второй начался вскоре после окончания войны и продолжается поныне.

В годы войны злейшие враги американской компартии Мэррей и его единомышленники под давлением большинства рядовых членов КПП, направляемых левыми прогрессивными деятелями, на время заняли позицию «примирения» с коммунистами и даже сотрудничества с ними. В этих условиях профсоюзы КПП приняли активное участие в борьбе американского народа против германского фашизма и японского милитаризма. Стремясь к увеличению выпуска военной продукции, рабочие, объединяемые КПП, несмотря на безудержную эксплуатацию предпринимателей, сознательно отказывались от защиты своих экономических интересов путём забастовок. Прогрессивные силы КПП требовали всемерного оказания помощи Советскому Союзу, выражали свои симпатии советскому народу и восхищались его борьбой.

Если группа Мэррея в это время занимала двурушническую позицию, вынужденно солидаризируясь с настроениями рядовой членской массы, то другие главари КПП, в частности Льюис и Рейтер, не могли скрыть своих антидемократических и антисоветских настроений. Даже в военный период эти предатели рабочего класса предпринимали немало попыток спровоцировать профсоюзы, входящие в КПП, на срыв единства действий.

Не прошло и года после окончания войны, как лидеры КПП полностью отказались от политической линии, выражавшей

волю большинства членов производственных профсоюзов. Они стали на путь полной поддержки агрессивной внешней политики правительства Трумэна, готовящего новую мировую войну.

В основу своей послевоенной деятельности клика Мэррея (который с 1940 года возглавил КПП) положила борьбу с коммунизмом. Эта банда по сигналу Уолл-стрита немедленно включилась в поход американской реакции против сил мира и демократии. Подражая херстовским лжецам, Мэррей и его подручные стали изливать потоки самой гнусной клеветы на Советский Союз, подняли злобный вой по адресу американских коммунистов, называя их «агентами иностранной державы».

Всячески пытаясь разжечь среди рядовой массы членов производственных профсоюзов ненависть к демократии и социализму, главари КПП открыто заявляют о своём желании верно служить поджигателям новой мировой войны. В своём выступлении на конференции профашистского Американского легиона 29 января 1950 года в Нью-Йорке один из лидеров КПП Кэри цинично заявил: «В прошлой войне мы объединились с коммунистами, чтобы разбить фашистов. В новой войне мы присоединимся к фашистам, чтобы нанести поражение коммунистам». Вся американская реакция аплодировала этому заявлению, а сам Кэри был немедленно произведён в одного из самых «умных и способных профсоюзных лидеров».

Реакционное руководство КПП последовательно поддерживает все внешнеполитические акции американских империалистов: оно выступило ревностным защитником и глашатаем так называемой «доктрины Трумэна», плана Маршалла и Северо-атлантического пакта. Выступая на XI съезде КПП, государственный секретарь США Ачесон выразил благодарность боссам КПП за «их содействие проведению внешней политики Соединённых Штатов и особенно плану Маршалла». Разу-

меется, Мэррей поспешил заверить своих хозяев, что он и его сообщники по предательству интересов рабочего класса и в дальнейшем будут верными наёмниками реакции.

Против предательской политики реакционного руководства КПП ведут неустанную борьбу левые прогрессивные деятели рабочего класса США. В годы второй мировой войны, пишет Б. Михайлов, «стала определяться группа прогрессивных профсоюзов, руководство которых возглавило в послевоенные годы решительную оппозицию против всей внешней и внутренней политики реакционных лидеров КПП. Эта группа состоит из одиннадцати профсоюзов». Крупнейшим среди них является профсоюз электро- и радио-технической промышленности, объединяющей около 600 тысяч членов.

Левые профсоюзы резко осудили политику травли американской компартии, прогрессивных организаций рабочего класса и интеллигенции, они выступают против всех проявлений дискриминации негров и рабочих других национальностей. Прогрессивные профсоюзы ведут последовательную борьбу за экономические интересы рабочих и требуют отмены закона Тафта-Хартли и других антидемократических законов. Вместе с американской компартией левые профсоюзы возглавляют борьбу американского народа за мир, свободу и демократию. Своей важнейшей задачей они считают борьбу за единство рабочего класса США.

Освещение актуальных вопросов международного профсоюзного движения и деятельности профсоюзов в отдельных странах является в настоящее время насущной необходимостью. Книга Б. Михайлова, в которой приведён обширный фактический материал, написана хорошим простым языком и будет с интересом прочитана широкими кругами советских читателей.

В. МИНАЕВ.

★

„Калибр“ — завод-новатор

Московский инструментальный завод «Калибр» первым в нашей стране завоевал право именоваться стахановским.

Коллектив калибровцев — это коллектив-новатор. Творить, вносить новое в нашу технику, в организацию труда, в социалистическое соревнование — стало здесь традицией.

Рецензируемая книга — первая, в которой дан (в историческом и теоретическом разрезе) очерк борьбы завода за коллективный стахановский труд, обобщён новаторский опыт калибровцев. Её авторы — кандидат экономических наук И. Чангли и директор «Калибра» А. Нешто. Само это соавторство представляет собой новую форму творческого содружества учёных с практиками, содружества, которое нашло широкое развитие на «Калибре».

Авторы хорошо спланировали книгу, правильно выделили главное в девятнадцатилетней истории завода («Калибр» — первенец стахановских пятилеток). Во множестве интересных и показательных фактов раскрываются качественно новые черты организации работы инструментального завода, характерные только для советской индустрии.

«Калибр» называют заводом-знаменосцем. В одном из его цехов талантливый мастер коммунист Российской положил начало новой форме стахановского движения, новому этапу социалистического соревнования. Здесь, в гуще рабочего класса, зародилось, оформилось и приобрело богатырскую силу движение за коллективный стахановский труд.

Об опыте Российской писалось немало. Авторы разбираемой книги по-новому освещают работу прославленного мастера и коллектива его участка, присущий этому передовому коллективу творческий дух.

Центральное место в книге занимают своеобразный исторический обзор и опыт теоретической характеристики борьбы за стахановское предприятие в послевоенный период. Это наиболее ценная часть работы Чангли и Нешто.

Авторы в основном справились со своей трудной задачей. Опираясь на богатый и убедительный фактический материал, они

И. Чангли, А. Нешто. «Знаменосец коллективного стахановского труда». Редактор Б. Потопевский. «Московский рабочий», 1951.

ставят вопрос о стахановском техпромфинплане, как о методе борьбы за стахановское предприятие. Стахановский промфинплан, разработанный на «Калибре» в содружестве с учёными, позволил вскрыть громадные резервы производства и, как показала жизнь, послужил базой для развития новых форм социалистического соревнования.

Авторы определяют главные направления борьбы за стахановское предприятие. В первую очередь это борьба за передовую организацию труда, основанную на высокой плановости социалистической экономики и новых производственных отношениях, характерных для социалистического общества. «Одним из важнейших организационных мероприятий, осуществлённых калибровцами в процессе борьбы за стахановский завод, явился перевод всего производственного цикла на поток», — отмечают авторы.

Обстоятельно излагаются далее вопросы стахановской технологии (это один из самых полных и ярко написанных разделов книги), хозрасчёта, как социалистического метода хозяйствования, и др.

Особая глава посвящена партийной организации и её роли в борьбе за стахановский завод. Партийная организация «Калибра» — одна из передовых в Москве: она воспитала людей, которыми гордятся москвичи, гордится весь наш рабочий класс. Это Российский. Оснас, Уткин, Васильев, это Булин, Волков, Прокопов и многие другие товарищи.

Большое место в этой главе уделено тому, как коммунисты организовывали идейно-политическое воспитание масс, развернули теоретическую учёбу на заводе. Авторы пишут: «Внедрение новой техники, новых методов труда, новой инициативы, новых форм соревнования не обходится без борьбы. Косность и рутинность проявляются иногда как отдельными рабочими, так и некоторыми руководителями». Борьба с этим отживающим явлением ведётся посредством испытанного большевистского метода критики и самокритики, метода, который прочно вошёл в общественный быт заводского коллектива. Коммунисты возглавляют борьбу за новое в труде и в сознании людей, борьбу непримиримую и высокопринципиальную, а потому и неизменно успешную.

Показателен случай, когда партийная организация завода оказала поддержку коллективу механического участка цеха микрометров в период освоения им конвейера с регламентированным ритмом Жаль, что об этом случае в книге рассказано недостаточно подробно.

«Калибр» называют ещё заводом-университетом. И это — также новое явление нашего времени. Переходный период от социализма к коммунизму богат такими новшествами.

На «Калибре» учатся люди всех возрастов, профессий и служебных положений — от вахтёра до директора. Пафос учёбы, роста, освоения новых высот профессии охватывает здесь всех. В свою очередь, у завода-университета учатся рабочие других предприятий, учёные, целые институты и заводы.

Традиционными стали на «Калибре» научно-теоретические конференции рабочих и инженеров завода совместно с учёными. Эти конференции, посвящённые изучению теоретических основ и практики социалистического соревнования, стали рядовым явлением для завода-университета. И в этом деле гон задают коммунисты. К сожалению, о конференциях в книге рассказано довольно бледно, подчас чисто протокольно.

Больше и подробнее следовало бы сказать о том, как конкретно складывается практика содружества с учёными. «Калибр» сотрудничает со многими институтами и научными учреждениями. В создании стахановского техпромфинплана принимали участие 40 научных работников. Такие, например, энтузиасты, как М. Эстеркин, Г. Брянский, В. Головинский (сотрудники Инженерно-экономического института им С. Орджоникидзе) дневали и ночевали в цехах, налаживая статистический метод контроля. И вся эта огромная помощь оказывалась безвозмездно, в порядке шефства. Как много говорит один этот факт!

«Калибр» часто именуют заводом-садом, Весной и летом листва деревьев и цветущие кусты заслоняют собой стены корпу-

сов. В состав завода прочно вошёл огромный «зелёный цех».

Цветы, зелень парка, разбитого на территории завода, белые халаты, которые одевают у станков работницы инструментального цеха; картины, выставленные в цехе эталонов; белые занавески на окнах литейного цеха (под окнами идёт формовка!) — всё это стало приметамі нозой культуры труда, за которую на «Калибре» идёт постоянная и успешная борьба.

В книге Чангли и Нешто дана краткая биография завода, показывающая, как в трудностях стройки и освоения, в условиях Великой Отечественной войны складывались славные традиции завода. Здесь мы находим характеристики лучших людей предприятия, его строителей, героев труда и войны, воспитанных на «Калибре». Из этих маленьких портретов складывается яркое представление о большом заводском коллективе. Однако к концу книги характеристики-портреты людей, столь интересные вначале, начинают приобретать некоторую однотонность — они становятся чересчур уж анкетными. О таких людях, как Сенина, Прокопов, Мовчин, Лесин, сказано досадно мало.

В рассказе об инициативе Российского оказались, к сожалению, оставленными в тени ближайшие творческие сотрудники славного мастера. А ведь они совместно с Н. А. Российским возглавили первый стахановский коллектив в нашей стране — цех микрометров «Калибра». Содружество стахановца Российского, инженера Я. В. Оснаса и технолога М. Н. Коренцевой следовало бы осветить и проанализировать подробно. Сами Российский и Оснас в своих статьях (в книгах «Слово мастеров» и «Слово начальников цехов») подчёркивают факт этого содружества, отмеченного тремя медалями Сталинских лауреатов.

Содержательная книга И. Чангли и А. Нешто нужна рабочему и инженеру, студенту и хозяйственнику, она интересна самым широким кругам читателей, ибо рассказывает о передовиках коммунистического труда.

А. ПАНТИЕЛЕВ.

С неправильных позиций

Новый труд П. М. Жуковского, посвященный культурным растениям и их сородичам, представляет собой прекрасно изданный, массивный (объемом около 600 страниц), иллюстрированный более чем четырьмястами рисунками том. Он включает не только сводку материалов об основных растительных ресурсах континентов мира, но и обзор биологических закономерностей, которые, по мнению автора, сыграли роль в историческом развитии важнейших культур, возделываемых народами разных стран. Здесь речь идет о культурах хлебных, сахароносных, о культурах, дающих жирные масла, белки, волокна, каучук, о культурах сочноплодных, сочносеменных, наркотических, лекарственных. Книга повествует и о таких широко известных и во многих странах мира возделываемых растениях, как пшеница, рожь, рис, картофель, яблоня, виноград, и о таких мало распространенных, как авокадо, перилла, кола, канна.

Столь подробной сводки в нашей литературе до сих пор еще не было, и в этом смысле появление труда П. М. Жуковского можно бы только приветствовать.

К сожалению, однако, книга совершенно неудовлетворительно освещает ряд важнейших вопросов. Особенно неудовлетворительно освещены здесь вопросы происхождения растительных видов, представляющие сейчас наибольший интерес для советского читателя и являющиеся ключевыми для решения всех проблем, затрагиваемых в книге.

На первых же страницах П. М. Жуковский правильно указывает, что «учение Мичурина — Лысенко, то есть советский творческий дарвинизм, основанный на законах диалектического развития организмов (в филогенезе и онтогенезе их), сделали понятной... предыдущую историю культурных растений».

Весьма поучительно рассмотреть, как именно понята автором и освещена в книге предыдущая история культурных растений и их сородичей.

П. М. Жуковский. «Культурные растения и их сородичи (Систематика, география, экология, использование, происхождение)». Редактор Н. А. Паламарчук. Государственное издательство «Советская наука», М. 1950.

Правильно указывая, что некоторые культурные растения, возделываемые людьми, возникли в результате «одомашнивания ныне еще живущих в диком состоянии видов», П. М. Жуковский в качестве примеров приводит лупин, мушмулу, абрикос, миндаль, крыжовник, орех, фишашку, коноплю и пр. Однако биологические основы процесса одомашнивания перечисленных видов в книге не рассматриваются.

Что касается множества других культур, происхождение их объяснено просто загадкой.

Вот, например, вывод автора касательно происхождения пшеницы, ржи, ячменя: «Вопрос о происхождении культурных видов хлебных злаков остаётся пока неразрешённым».

Овёс: «Эта проблема столь же трудно решается, как и для групп пшеницы, ржи и ячменей»; «мы просто не знаем, как появился вид *A. sativa*» (Аvena сатива).

Маис (кукуруза): «Маис принадлежит к числу наиболее трудно разрешимых загадок происхождения культурных растений».

Рис: «Мне кажется, прежде всего следует исходить из ботанико-географической ситуации»...

Сорго: «Хлебное сорго Азии, более чем какая-либо другая хлебная культура, не оставило никаких следов и не даёт догадок о своём происхождении».

Просо: «Рассуждать на эту тему затруднительно».

Гречиха: «Происхождение культурной гречихи от этой формы (дикой) всё же не установлено, но может быть заподозрено»...

О происхождении плодовых пород мы также не находим в книге ничего, кроме повторяемых на все лады признаний о том, что автор не в силах ответить на поставленный вопрос.

Но на него, видимо, и нельзя ответить, исследуя проблему так, как это делает П. М. Жуковский.

Возьмём, например, раздел о винограде. Вот какие данные использует автор при изложении истории растительного вида. «У древних семитов виноград известен был как древнее полезное растение»; в «Одиссее» Гомера: «Эвмей угощает Одиссея, явившегося к нему под видом нищего, по-

росёнком и вином»; в списке знаменитых пьяниц Эллады, составленном Атенеом, один из пьяниц был прозван «воронкой»; Ганнибал «поил вином больных лошадей своей переутомлённой армии» и т. д. и т. п. А вывод? Вывод, естественно, всё тот же: «Происхождение культурного винограда — одна из неразрешённых в настоящее время проблем».

Примерно так же обстоит дело и с большинством других плодовых культур.

«Происхождение домашней яблони совершенно неизвестно». «Происхождение культурных сортов груши представляется неясным». «Происхождение обыкновенной вишни... не выяснено». «Ещё труднее высказываться о путях возникновения культурных цитрусов». «Происхождение финиковой пальмы составляет одну из интереснейших загадок истории культурных растений...»

В конце концов непонятным становится, в каком плане может служить учебным пособием (а книга П. М. Жуковского допущена Министерством высшего образования СССР в качестве учебного пособия для биолого-почвенных факультетов государственных университетов) этот щедрый перечень утверждений о том, что история культурных растений и их сородичей, наподобие истории мидян, темна и непонятна...

В чём же всё-таки находит П. М. Жуковский определяющее и основное условие возникновения новых растительных видов вообще и видов культурных растений в частности?

Оказывается, в гибридизации.

Свои взгляды по вопросу о значении гибридизации автор книги однажды уже имел случай изложить. 5 августа 1948 года на сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина академик П. М. Жуковский выступил в прениях по докладу академика Г. Д. Лысенко «О положении в биологической науке» с пространной речью.

«Здесь на сессии увлекаются... и доходят до таких пределов, что вообще начинают развенчивать гибридизацию», — восклицал П. М. Жуковский по адресу своих идейных противников, никогда, к слову сказать, не отрицавших огромной роли гибридизации в создании новых растительных форм, но законно отказывавшихся призна-

вать гибридизацию единственным средством переделки природы растений и приводивших в своих выступлениях множество фактов успешного целенаправленного воспитания наследственности растительных организмов. Именно с этим и отказывался согласиться П. М. Жуковский. «Вот вы говорите, — продолжал он, — что вам удалось твёрдую пшеницу переделать в мягкую... Всё это воспитание, возможно, но я буду это называть мутацией... Я придаю мутациям большое значение».

Не стоило бы, конечно, воскрешать этот эпизод, так как впоследствии П. М. Жуковский заверил сессию, что его «выступление, два дня тому назад, было неудачным, было последним моим выступлением, как здесь говорят, против Мичурина... Вместе с тем, оно было последним выступлением с неправильных биологических и идеологических позиций».

Однако книга, изданная через два с лишним года после этого заявления, свидетельствует, что, в частности, по вопросу о возможностях воспитания растений П. М. Жуковский продолжает исповедывать старые взгляды, стоит на старых идеологических и биологических позициях, которые сам признал неправильными.

Правда, теперь П. М. Жуковский оговаривает, что он не согласен с ботаниками, которые объявили гибридизацию «генеральной линией в процессах видообразования». Он более не отрицает наследования приобретённых новообразований, но подчёркивает, что гибридизация является не столько источником пластичного материала для воспитания намеченных форм, сколько «стимулом для скачкообразных новообразований».

В итоге, даже для таких культур, о которых известны твёрдо установленные факты превращения, происходящего вне полового процесса, как, например, для мягких пшениц, П. М. Жуковский сохраняет в силе ссылку на возможную и здесь роль гибридизации.

«Если имеет место не только лабораторное, но распространено природное перерождение твёрдых пшениц в мягкие, то последнее пока подробно описано для Грузии. Это, следовательно, один возможный путь происхождения мягких пшениц. Другой путь — гибридогенный», — повторяет

П. М. Жуковский, упрямо отстаивая издавна любезную его сердцу концепцию.

Многочисленные опыты согласно подтверждают, что в результате двух-трёх осенних посевов твёрдая пшеница может превращаться в мягкую, то есть один вид может превратиться в другой. Преднамеренное целенаправленное воспроизведение таким путём превращения видов уже не составляет трудностей. Для подтверждения же гибридогенности мягких пшениц пока не имеется никаких доказательств. Однако П. М. Жуковский продолжает выдвигать именно такую версию, хотя сам же говорит о том, что экспериментальное подтверждение её мало вероятно.

В книге П. М. Жуковского ряд форм объявлен растениями «фатуонидного происхождения». «Фатуонидность», как объясняет автор, «скачкообразное изменение». «Скачки» П. М. Жуковский открывает на каждом шагу. Пшеница-спельта — «скачкообразное новообразование», происхождение вайской пшеницы «несомненно скачкообразное», образование прочного колосового стержня «может возникнуть путём скачкообразного изменения», возникновение плёчатой кукурузы — скачкообразное, прочное сочленение плодов с цветочной осью у чумизы возникло скачкообразно, ряд признаков гороха появился в результате скачка, увеличение размеров плода у крыжовника — скачкообразное, виноград склонен к скачкообразным закреплённым изменениям и т. д. и т. п. Даже длина волокна у хлопчатника изменялась, по П. М. Жуковскому, «не миллиметрами, а скачками».

Все такие «скачки» возникают по неустановленной причине, подобно де-фризовским мутациям, которым П. М. Жуковский издавна придавал, по его собственному признанию, «большое значение».

Разумеется, что при этом все приводимые в книге упоминания об успехах мичуринцев, о завоеванном советской биологической наукой умения «вызывать направленные наследственные изменения у растений и животных» — повисают в воздухе.

П. М. Жуковский считает, что изменения возникают больше в результате «спонтанных» переопылений и неуправляемых мутаций, именуемых ныне скачками. Вот почему его признания по поводу невозможности установить происхождение одних видов и ссылки на недоказуемое гибридогенное

возникновение других видов объективно являются отказом от поисков действительных условий, под воздействием которых появляются новообразования. И хотя эта концепция излагается вперемешку с упоминаниями о действенности мичуринской теории, здесь, в конечном счёте, мы имеем дело всё с тем же агностицизмом, всё с той же идеей непознаваемости природы, перенесённой на историю культурной флоры.

Рецензируемая книга изобилует, к сожалению, и многими фактическими ошибками, перерастающими иногда в ошибки идеологического порядка.

Достаточно сказать, что П. М. Жуковский утверждает, будто бы «закон неравномерного развития, открытый Лениным в истории общества, действует и в биологии, как это показал Мичурин», Разумеется, и В. Мичурин никогда ничего похожего не мог показать и не показывал в своих работах, не заявлял в своих сочинениях. Здесь П. М. Жуковский, перенося действие социальных законов в биологию, проявляет вульгаризаторство в вопросах теории.

Очень важно приводимое в книге замечание К. Маркса о том, что наши культурные растения, которые обыкновенно считаются даром природы, в своих современных формах являются продуктами изменений, совершающихся на протяжении многих поколений под контролем человека, при посредстве человеческого труда. Однако с этой точки зрения история культурного растениеводства меньше всего освещена в книге. С первых же строк мы сталкиваемся с утверждением о том, что человечество обязано своим прогрессом не собственному труду, а именно дарам природы, и «более всего», в частности, «покрытосеменным (цветковым) растениям»!

«Только на основе эволюции двудольных и однодольных растений могло произойти развитие человечества и его культуры», — повторяет Жуковский. В развитие этого «откровения» он указывает: «Можно ли представить себе высокий уровень материальной обеспеченности, если бы мы принуждены были довольствоваться хвойными деревьями, папоротниками, хвощами и мхами? Известно, что даже домашний скот наш не поедает такие растения, — наоборот, он затаптывает их».

Если попытаться вскрыть корни этих грубо ошибочных взглядов, они при ближайшем рассмотрении оказываются в тесном родстве с основной биологической концепцией автора.

Не случайно, излагая историю распространения многих культур, П. М. Жуковский, находит возможным уснащать свой рассказ анекдотами, почерпнутыми из буржуазной историографии растительных видов. Нет, и напомним автор то некоего кардинала, причастного к истории картофеля; то генуэзских купцов и арабского султана, облагодетельствовавших человечество своим участием в распространении цитрусовых; то находившегося при лиссабонском дворе французского посланника, по имени которого был назван табак; то жену испанского наместника в Перу, по имени которой было названо хинное дерево...

П. М. Жуковский на словах признаёт, что «начиная с того знаменательного исторического дня, когда человек впервые провёл борозду на своём участке и посеял в неё семена, он создал нозые, особые условия для произрастания растений и для их изменчивости». Однако те весьма многочисленные попытки проанализировать действительную историческую роль человека в создании культурных растений, которые мы находим в книге, сделаны в самой общей и поверхностной форме. Ещё чаще эти попытки оказываются вовсе бессодержательными.

«История культуры оливок тесно связана с историей средиземноморских древних народов», — говорит П. М. Жуковский, но раскрытие этих связей подменяет всё теми же развлекательными справками, которыми и без того изобилует его сочинение. Оливковое масло служило не только для еды, но и для жертвоприношений... Одиссей, вернувшийся в Итаку, умащён оливковым маслом... Из оливкового масла готовили мирру для мирропомазания... П. М. Жуковский напоминает даже о том, что в старину слово мирра «писалось через ижицу»...

В этих нескончаемых разговорах вокруг да около темы тонут, не оставляя следа в памяти, обрывки существенных и действительно относящихся к делу фактов. Вот почему в книге не получила научного отражения роль подлинных творцов истории культурных растений — роль масс, много-

вековой опыт тружеников земли, возделывавших поля, огороды и сады, раскорчёвывавших леса, удобрявших почвы, защищавших от вредителей свои посевы и насаждения. А ведь именно в этом процессе произведения природы изменялись, превращаясь в творения рук человеческих и порождая новые растительные формы, подобных которым не было в дикой природе.

Сейчас — после открытия способа превращения твёрдой пшеницы в мягкую, являющуюся другим систематическим видом, после преднамеренного получения и обнаружения зёрен ржи в колосьях пшеницы и т. д. — для каждого, кому близки вопросы биологии, ясно, что впервые в истории естествознания природа, образно говоря, схвачена за руку в момент и на месте превращения старого вида в новый.

Из этих фактов проистекают выводы исключительно важные для теории и для практики.

Подводя итог работам, проведённым за последние годы, и обобщая добытые факты, академик Т. Д. Лысенко заключил, что «Изменение условий внешней среды: существенное для видовой специфики данных организмов, раньше или позже вынуждает изменяться и видовую специфику — одни виды порождают другие. Под воздействием изменившихся условий, ставших неблагоприятными для природы (наследственности) организмов произрастающих здесь видов растений, в теле организмов этих видов зарождаются, формируются зачатки тела других видов, более соответствующих изменившимся условиям внешней среды».

Но ведь в наше время, в нашей социалистической стране изменение условий внешней среды, причём не в теплично-парниковых масштабах, не на грядке и не на делянке и даже не на отдельных полях, а на обширной территории, охватывающей миллионы квадратных километров, — уже поставлено на повестку дня. Народы СССР с воодушевлением работают над осуществлением этой величественной задачи.

Наша эпоха — эпоха великих строек коммунизма.

Сооружение грандиозных оросительных систем, закрепление песков и создание новых обширных зелёных оазисов в пустынях, степное лесоразведение и окультуривание почв, осуществляемое на юге и юго-

востоке страны, несут с собой глубокое и коренное изменение почвенно-климатических условий в важных сельскохозяйственных районах. Разрабатываемая Т. Д. Лысенко теория происхождения растительных видов обещает поэтому стать одним из наиболее действенных орудий в руках советских людей, преобразующих природу.

«Создавая для организмов новые условия или устраняя действие на них тех или иных из существующих условий внешней среды,— указывает Т. Д. Лысенко,— можно создавать новые полезные сельскохозяйственной практике виды растений, а также не давать возможности порождаться вредным для сельскохозяйственной практики (сорным) видам».

В новой теории видообразования наша, выпестованная товарищем Сталиным, материалистическая биология поднимается на высоты, которых никогда ещё не достигала мысль исследователей. С этих высот перед нашим взором всё яснее раскрываются общие очертания будущего, когда развитие растительного мира станет ещё более послушным планомерной, разумной воле человека.

Большее, чем когда-нибудь, значение приобретает поэтому правильное научное переосмысление всей прошлой истории растениеводства. Именно этого мы не находим в книге П. М. Жуковского.

Этот труд — лишнее доказательство полнейшей несостоятельности старых положений о видообразовании и происхождении культурных растений и их сородичей.

П. М. Жуковский проходит мимо одного из самых многообещающих открытий мичуринской биологии, мимо открытия, которое знаменует собой окончательное низвержение плоского эволюционизма и начало утверждения новой теории развития — происхождения видов.

Автор допустил немало ошибок и другого рода.

В книге приводится множество ссылок на труды И. В. Мичурина. Но чуть ли не в каждой из них содержится существенные неточности.

П. М. Жуковский указывает, к примеру, «будто «Мичурин создал свою Антоновку полуторафунтовую из скачкообразно изменённой ветви в 1886 г., размножив её прививкой», тогда как об Антоновке полуторафунтовой известно, что «Этот сорт по-

явился в виде «спорта» (почковой вариации) в 1888 г.» (Мичурин, Соч., т. 2, стр. 6).

Итак, 1886 год оказывается на поверку 1888 годом, а «скачок» ветви — почковой вариацией.

П. М. Жуковский пишет, что сорт Бессемянка Мичурина получен был «от скрещивания сортов домашней яблони на китаюку», тогда как этот сорт получен от скрещивания Скрижапеля и Бессемянки Комсинской (Мичурин, Соч., т. 2, стр. 20).

По П. М. Жуковскому, знаменитые мичуринские сорта абрикоса — Лучший маньчжурский, Монгол отобраны из сеянцев абрикоса маньчжурского (Арменияка Манчжурика), тогда как это были сеянцы Арменияка Сибирика (Мичурин, Соч., т. 2, стр. 256, 261).

Неправильно излагается в книге также история груши Бере Зимняя, яблони Таёжное и т. д. и т. п.

Такие же ошибки допускает автор и при ссылках на работы других учёных.

Например, в главе второй указывается, что если побеги «остаются долгое время или некоторое время на материнском растении (например, на взрослом стебле, взрослом корневище и т. д.), то они, под воздействием стадийно взрослого материнского растения, быстро «пробегают» стадии развития и выравниваются в стадийности с тем участком материнского растения, на котором образовались». В подтверждение этого «тезиса» автор ссылается на работы А. А. Авакяна с живородящими луками.

Нет нужды говорить, что совершенно неверно утверждение о том, будто побеги «догоняют в стадийности» материнское растение; совершенно очевидно также, что работы А. А. Авакяна с луками ни в каком смысле не могут служить обоснованием этого ошибочного мнения.

Утверждая далее, что зачаточные побеги стадийно развиваются подобно зародышу семени, если они «во-время отделены от взрослой материнской ткани», П. М. Жуковский пишет: «Это, кстати отметить, служит отличным доказательством влияния подвоя на привой». Снова неверное положение иллюстрируется примерами, не имеющими отношения к вопросу.

Не только общетеоретические, но и частные, специальные разделы книги букваль-

но кишмя кишат ошибками, неточностями, двусмысленностями, которые в данной рецензии просто невозможно перечислить.

Язык этой книги исключительно неряшлив и делает её явлением в некотором смысле уникальным в нашей научной литературе.

По поводу растений квиноа и каньюа, например, сообщается, что «из семян этих растений готовили кашу, листья служили для приготовления супа и шпината». В старинных травниках так называемая марь квиноа, или лебеда перуанская, действительно именуется ещё и «шпинатом перувианским», но в тех же травниках вполне чётко говорится, что листья этого растения «употребляют как овощ, вместо салата и шпината». Достаточно широко известно, что блюдо, именуемое в обиходе шпинатом, может фактически изготавливаться только из листьев растения шпината (*Spinacea oleracea*). Но поскольку, по Жуковскому, для коренного населения Южной Африки и коровий горох тоже служит «излюбленным (!) шпинатным растением», то не трудно догадаться, что в данном случае ботаническая терминология оказалась подменённой кулинарной.

П. М. Жуковский пишет, что расселение человечества происходило «путём иррадиации»! У этого термина до сих пор было два значения: в физике иррадиацией называют оптическое явление, при котором освещённая часть предмета кажется большей, чем неосвещённая; в медицине иррадиацией именуется болевое ощущение в окружности болевого фокуса. Но расселение человечества путём иррадиации — это по меньшей мере головоломка.

П. М. Жуковский пишет о «географической экспансии» или о «межгеографических гибридах», хотя совершенно очевидно, что экспансия географии столь же невероятна, как и гибриды между географиями.

Признаться, неловко говорить о таких досадных мелочах. Однако их слишком много, чтобы обойти их молчанием.

Для того, чтобы стать полноценным учебным пособием, которое сможет передать студентам сумму знаний, добытых передовой советской наукой, книга должна быть коренным образом переработана.

И. ХАЛИФМАН



КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

(Октябрь — ноябрь 1951 года)

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ

- К. Маркс.** Заработная плата, цена и прибыль. 68 стр. Цена 75 к.
- К. Маркс.** Капитал. Том I. 794 стр. Цена 20 р. Том II. 530 стр. Цена 15 р.
- К. Маркс.** К критике политической экономии. 272 стр. Цена 5 р.
- Ф. Энгельс.** Анти-Дюринг. 376 стр. Цена 7 р. 50 к.
- В. И. Ленин.** Аграрный вопрос и «критика Маркса». 164 стр. Цена 2 р.
- В. И. Ленин.** Задачи русских социал-демократов. 40 стр. Цена 50 к.
- В. И. Ленин.** Грозящая катастрофа и как с ней бороться. 48 стр. Цена 60 к.
- В. И. Ленин.** К деревенской бедноте. 72 стр. Цена 85 к.
- В. И. Ленин.** От какого наследства мы отказываемся? 48 стр. Цена 50 к.
- В. И. Ленин.** Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. 12 стр. Цена 20 к.
- В. И. Ленин.** Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе). 180 стр. Цена 2 р. 25 к.
- И. Сталин.** Как понимает социал-демократия национальный вопрос? 24 стр. Цена 25 к.
- И. Сталин.** О диалектическом и историческом материализме. 36 стр. Цена 50 к.
- И. Сталин.** О Ленине. 88 стр. Цена 1 р.
- И. В. Сталин.** Ответ корреспонденту «Правды» насчёт атомного оружия. 8 стр. Цена 10 к.
- А. Гаврилов.** Внутрипартийная демократия в большевистской партии. 144 стр. Цена 1 р. 80 к.
- Б. Грибанов.** Банда Тито — орудие американо-английских поджигателей войны. 152 стр. Цена 2 р.
- А. Кирсанов.** Борьба за единую, независимую, демократическую, миролюбивую Германию. 120 стр. Цена 1 р. 20 к.
- А. Окулов.** Борьба Ленина и Сталина за теоретические основы марксистской партии (1903—1912 гг.). 222 стр. Цена 4 р.
- И. Мостовец.** Прогрессивные силы США в борьбе за мир. 112 стр. Цена 1 р. 10 к.
- М. Пантелеев.** Четвёртая конференция РСДРП. 80 стр. Цена 1 р.

Г. А. Пруденский. За научное обобщение и распространение стахановских методов труда. 116 стр. Цена 1 р. 90 к.

Н. Рубинштейн. Правые лейбористы Англии — враги мира и демократии. 88 стр. Цена 1 р. 15 к.

Н. Рябов. Социалистическое накопление и его источники в первой и второй пятилетках. 248 стр. Цена 4 р. 15 к.

С. Трапезников. Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки. 264 стр. Цена 4 р. 50 к.

И. Чангли. Социалистическое соревнование — движущая сила развития советского общества. 144 стр. Цена 2 р.

Л. Шоричев. Двенадцатая Всероссийская конференция РКП(б). 56 стр. Цена 70 к.

Альбом наглядных пособий для политической школы. 79 плакатов. Цена 30 р.

Альбом наглядных пособий по истории ВКП(б). 106 плакатов. Цена 30 р.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Николай Атаров. Рассказы. 296 стр. Цена 6 р. 75 к.

Семён Бабаевский. Свет над землёй. Роман. Книга вторая. 302 стр. Цена 7 р.

Касымалы Баялинов. На берегах Иссык-Куля. Повесть. Авторизованный перевод с киргизского Г. Шариповой и Ю. Юзевского. 310 стр. Цена 7 р. 50 к.

Янка Брыль. В Заболотье светает. Повесть и рассказы. Перевод с белорусского В. Тарсиса. 252 стр. Цена 6 р.

П. Вершгоро. Люди с чистой совестью. Издание исправленное и дополненное. 642 стр. Цена 18 р.

Грузинские новости и рассказы. 364 стр. Цена 10 р.

Мехти Гусейн. Апшерон. Роман. Авторизованный перевод с азербайджанского. 316 стр. Цена 7 р.

Степан Злобин. Степан Разин. Исторический роман. 809 стр. Цена 20 р.

Миклай Казаков. Поэзия — любимая подруга. Стихи. Авторизованный перевод с марийского. 96 стр. Цена 2 р.

Сильва Канутикян. Мои родные. Стихи. Авторизованный перевод с армянского. 176 стр. Цена 2 р. 75 к.

Анна Караваева. Родина. Огни. Разбег. Родной дом. 876 стр. Цена 22 р.

Алексей Колосов. Новое поле. Рассказы, очерки, зарисовки. 304 стр. Цена 6 р. 50 к.

Константин Лордкипанидзе. Заря Колхиды. Авторизованный перевод с грузинского. 368 стр. Цена 8 р.

С. Маршак. Стихи. 1918—1951. 140 стр. Цена 3 р.

Владимир Матов. По просторам родины. Очерки и рассказы. 340 стр. Цена 7 р. 50 к.

Иван Мележ. Товарищи. Рассказы. Авторизованный перевод с белорусского С. Григорьевой. 198 стр. Цена 3 р. 50 к.

Хаджи-Мурат Мугуев. К берегам Тигра. Повесь. 240 стр. Цена 6 р.

Аркадий Первенцев. В Албании. 76 стр. Цена 1 р. 50 к.

Сулейман Рустам. Избранное. Стихи. Авторизованный перевод с азербайджанского. 188 стр. Цена 3 р. 75 к.

Советская литература на подъёме. Лауреаты Сталинских премий 1949 года. Сборник статей. 400 стр. Цена 10 р.

А. Хамадан. Гнев. Рассказы. 176 стр. Цена 4 р. 75 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

Павел Вежинов. Вторая рота. Повесть. Перевод с болгарского Алексея Собковича. 104 стр. Цена 1 р. 75 к.

В. М. Гаршин. Сочинения. 452 стр. Цена 7 р.

О' Генри. Рассказы. Перевод с английского. 180 стр. Цена 3 р.

Фёдор Гладков. Вольница. 552 стр. Цена 11 р.

Н. В. Гоголь. Тарас Бульба. 112 стр. Цена 1 р. 50 к.

М. Горький. Избранные произведения в трёх томах. Том I. 732 стр. Цена 11 р. 50 к. Том 2. 712 стр. Цена 11 р.

Ю. Данилин. Мопассан. Критико-биографический очерк. 236 стр. Цена 4 р. 75 к
Декабристы. Поэзия, драматургия, пресса, публицистика, литературная критика. Составил Вл. Орлов. 688 стр. Цена 24 р.

Кристинос Донелайтис. Избранное. Перевод с литовского. 112 стр. Цена 4 р. 50 к.

Виталий Закруткин. Пловучая станция. Роман. 328 стр. Цена 7 р. 50 к.

Алоиз Ирасек. Философская история. Перевод с чешского А. И. Павловича. 128 стр. Цена 3 р.

М. Исаковский. Сочинения в двух томах. Том первый. Стихи, поэмы, песни. 1924—1940. 256 стр. Цена 7 р.

А. И. Куприн. Повести и рассказы. 208 стр. Цена 2 р. 75 к.

А. И. Куприн. Рассказы. 64 стр. Цена 1 р.

Евгений Ланн. Гвардия Мак Кумгала. Исторический роман. Второе, исправленное издание. 368 стр. Цена 6 р. 75 к.

Кальман Миксат. Странный брак. Роман. Перевод с венгерского О. Громова и Г. Лейбутина. 344 стр. Цена 7 р. 50 к.

Мирсаид Миршакар. Стихотворения и поэмы. Перевод с таджикского. 196 стр. Цена 7 р.

С. Михалков. Избранные произведения. Стихи. Басни. Пьесы. 240 стр. Цена 8 р.

Виктор Некрасов. В окопах Сталинграда. 248 стр. Цена 4 р.

Вл. Оркан. Батраки. Перевод с польского Е. М. Рифтиной. 120 стр. Цена 2 р.

Болеслав Прус. Фараон. Перевод с польского Е. Троповского. 528 стр. Цена 13 р. 50 к.

А. С. Пушкин. Избранные поэмы. Сказки. 208 стр. Цена 2 р. 75 к.

Анна Саксе. В гору. Роман. Перевод с латышского Л. Блюмфельд. (Библиотека советского романа). 448 стр. Цена 8 р. 50 к.

Мигель де Сервантес Сааведра. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Перевод с испанского Н. Любимова. Часть первая. 560 стр. Цена 10 р. 50 к.

Сказки народов Севера. 670 стр. Цена 20 р.

Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в четырнадцати томах. Том пятый. Война и мир, том II. 380 стр. Цена 10 р.

А. А. Фадеев. Разгром. 160 стр. Цена 2 р. 50 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

В. Великанов. Пионерское звено. 140 стр. Цена 1 р. 75 к.

А. Гидаш. Шандор Петефи. 1823—1849. («Жизнь замечательных людей»). 352 стр. Цена 6 р. 50 к.

Л. Гумилевский. Александр Михайлович Бутлеров. 1828—1886. («Жизнь замечательных людей»). 336 стр. Цена 6 р. 50 к.

Л. Дроздов. С. Жемайтис. Юные преобразователи природы. 168 стр. Цена 4 р.

В. Жданов. Николай Александрович Добролюбов. 1836—1861. («Жизнь замечательных людей»). 608 стр. Цена 10 р.

В. Каверин. Два капитана. 592 стр. Цена 15 р.

Д. Кимонко. Там, где бежит Сукпай. Перевод с удегейского. 160 стр. Цена 4 р. 75 к.

Книга вожатого. Сборник. 542 стр. Цена 14 р.

В. Маяковский. Избранное (поэзия). 504 стр. Цена 15 р.

В. Маяковский. Собрание сочинений. Том 4. 208 стр. Цена 4 р.

Молодёжная эстрада № 4. Сборник. 160 стр. Цена 4 р.

Моя любимая родина. Сборник. 126 стр. Цена 5 р. 50 к.

Опыт пропагандистов начальных политкружков. 135 стр. Цена 2 р.

Опыт пропагандистов политшкол. 133 стр. Цена 2 р.

Е. Пермяк. Драгоценное наследство. 574 стр. Цена 13 р. 50 к.

О. Писаржевский. Дмитрий Иванович Менделеев. 1834—1907. («Жизнь замечательных людей»). 464 стр. Цена 8 р.

А. Фадеев. Молодая гвардия. Роман. Дополненное и переработанное издание. 560 стр. Цена 17 р. 50 к.

ДЕТГИЗ

Е. Благинина. Хорошо живётся. Стихи. 14 стр. Цена 2 р. 50 к.

А. Бондин. Моя школа. Повесть. 160 стр. Цена 5 р.

Ж. Грива. Рассказы об Испании. Перевод с латышского. 120 стр. Цена 2 р. 70 к.

Дагестанские народные сказки. Составление сборника и подготовка текста Н. Капиевой. 96 стр. Цена 2 р. 20 к.

Жизнь и творчество А. Гайдара. Составители И. Михайлова и А. Витман. 64 стр. Цена 90 к.

Н. Забила. Наша Родина. Перевод с украинского З. Александровой. 32 стр. Цена 4 р. 60 к.

Ю. Збанацкий. Тайна Соколиного бора. Повесть. Авторизованный перевод с украинского Е. Дырина. 352 стр. Цена 11 р. 20 к.

С. Капутикян. В Москву. Стихи. Перевод с армянского О. Гурьян. 16 стр. Цена 2 р. 50 к.

В. Кауров. В дальний путь. Повесть. Литературная редакция И. Михайловой. 224 стр. Цена 4 р. 80 к.

Книги о детях и школе. Составители З. Живова и Р. Бамм. 40 стр. Цена 45 к.

С. Маршак. Школа на колёсах. Стихи. 14 стр. Цена 1 р.

А. Мусатов. Дом на горе. Повесть. 336 стр. Цена 9 р.

Н. Островский. Гудок. (Обработанный для детей отрывок из романа «Рождённые бурей»). 16 стр. Цена 40 к.

М. Познанская. На родной земле. Перевод с украинского Е. Благининой. 48 стр. Цена 75 к.

И. Попов. Семья. Драма в 4-х действиях, 10 картинах. 80 стр. Цена 1 р. 90 к.

В. Смирнов. Открытие мира. Повесть. 280 стр. Цена 5 р.

А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича. 36 стр. Цена 1 р. 50 к.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. Сталин. О трёх особенностях Красной Армии. 12 стр. Цена 15 к.

К. Ворошилов. Сталин и Вооружённые Силы СССР. 98 стр. Цена 2 р. 50 к.

Д. Давурин. Второй эшелон. Повесть. 200 стр. Цена 5 р. 30 к.

Г. Н. Караев. В боях за Петроград. Разгром Юденича в 1919 г. 235 стр. Цена 9 р. 20 к.

Народы победят! Сборник произведений Ю. Фучика, П. Неруды, Н. Хикмета. 168 стр. Цена 3 р. 60 к.

М. В. Фрунзе. Избранные произведения. 584 стр. Цена 16 р.

ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. С. Новиков-Прибой. Избранное. 317 стр. Цена 10 р.

ГЕОГРАФИЗ

В. Б. Жмуйда. Главный Туркменский канал 104 стр. Цена 1 р. 65 к.

В. Т. Зайчиков. Корея. 480 стр. Цена 11 р. 25 к.

В. А. Обручев. Избранные работы по географии Азии. Том I. 500 стр. Цена 20 р. 35 к. Том II. 400 стр. Цена 16 р. 60 к.

Ал. Фёдоров, Ан. Фёдоров. Два года в Саянах. 352 стр. Цена 7 р. 25 к.

ГИЗЛЕПРОМ

П. А. Комков и Ф. А. Постников. Конструирование верхнего женского платья. 192 стр. Цена 9 р.

Н. Т. Павлов. Прядение хлопка. 674 стр. Цена 21 р. 80 к.

С. М. Русакова и С. И. Русаков. Домашняя швейная машина. 88 стр. Цена 3 р. 25 к.

ГОСТЕХИЗДАТ

Н. М. Беляев. Лабораторные работы по сопротивлению материалов. 336 стр. Цена 9 р. 60 к.

В. А. Красильников. Звуковые волны в воздухе, воде и твёрдых телах. 372 стр. Цена 6 р. 95 к.

Л. А. Люстерник и В. И. Соболев. Элементы функционального анализа. 360 стр. Цена 14 р. 10 к.

ГОСТОПТЕХИЗДАТ

И. Ш. Изффе. Опыт применения метода инженера Ковалёва в бурении и добыче нефти. 60 стр. Цена 2 р. 50 к.

Поиски и разведка газовых месторождений. (Труды Института природного газа). Выпуск 1. 115 стр. Цена 10 р.

ГОСФИНИЗДАТ

И. А. Никифоров. Анализ хозяйственной деятельности строительных организаций. 144 стр. Цена 6 р. 70 к.

Л. И. Скворцов. Роль кредита в индустриализации СССР. 132 стр. Цена 8 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

А. М. Александров. Учителя, не имеющие второгодников. 72 стр. Цена 1 р. 30 к.

Е. П. Бруновт. Изучение работ И. М. Сеченова в школе. 31 стр. Цена 60 к.

М. Л. Закожурникова. Обучение изложениям и сочинениям в начальной школе. 75 стр. Цена 1 р. 50 к.

А. С. Макаренко. Сочинения. Том IV. 534 стр. Цена 15 р.

И. П. Павлов. Избранные труды. 616 стр. Цена 20 р. 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК
СССР

Англо-американская этнография на службе империализма. 111 стр. Цена 7 р.

Л. Г. Бескровный. Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. 173 стр. Цена 11 р.

А. В. Вингер. Великие стройки коммунизма. 85 стр. Цена 2 р.

Н. В. Гоголь. Собрание художественных произведений. Том 1. 371 стр. Цена 10 р.

А. И. Дубинская. А. Н. Островский. Очерк жизни и творчества. 279 стр. Цена 10 р.

Г. П. Калужная. Правовые формы монополии высшей торговли СССР в их историческом развитии. 148 стр. Цена 7 р. 50 к.

М. П. Карева. Право и нравственность в социалистическом обществе. 183 стр. Цена 7 р.

Ю. Р. Клокман. Фельдмаршал Румянцев в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. 205 стр. Цена 13 р.

А. О. Ковалевский. Избранные работы. 676 стр. Цена 30 р.

А. С. Краснопольский. Основные принципы советского государственного социального страхования. 140 стр. Цена 7 р.

И. Д. Левин. Крах буржуазной демократии и современное государственное право капиталистических стран. Выпуск II. Англия. 169 стр. Цена 8 р. 50 к.

Народы Латинской Америки в борьбе против американского империализма. 460 стр. Цена 20 р.

Памяти академика И. М. Губкина. 310 стр. Цена 24 р.

Коста Хетагуров. Избранные произведения. Том III. 557 стр. Цена 12 р.

А. Б. Шапиро. Русское правописание. 199 стр. Цена 10 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»

Евг. Кригер. Очерки. 272 стр. Цена 6 р.

Положение о выборах народных судов РСФСР. 16 стр. Цена 15 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Алена Бериашкова. Путь открыт. Перевод с чешского. 278 стр. Цена 10 р.

М. Квин. Всеобщая стачка 1934 г. в Сан-Франциско. Перевод с английского. Цена 12 р. 25 к.

А. Клод. Куда идёт американский империализм. Перевод с французского. 306 стр. Цена 12 р. 10 к.

М. Корнфорт. В защиту философии против позитивизма и прагматизма. Перевод с английского. 304 стр. Цена 14 р. 70 к.

Назым Хикмет. Избранное. Перевод с турецкого. 380 стр. Цена 12 р. 85 к.

Сабахаттин Али. Доходный дом. Рассказы. Перевод с турецкого. 158 стр. Цена 4 р. 35 к.

Жан Фревилль. Рождение французской коммунистической партии. Перевод с французского. 131 стр. Цена 4 р. 30 к.

Ху Шен. Агрессия империалистических держав в Китае. Перевод с китайского. 304 стр. Цена 8 р. 25 к.

Чжоу Ли-бо. Ураган. Сокращённый перевод с китайского. 423 стр. Цена 14 р. 10 к.

«ИСКУССТВО»

Выдающиеся произведения советской литературы. 1950 г. 248 стр. Цена 8 р.

Д. И. Золотницкий. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. 1826—1889. 136 стр. Цена 4 р. 20 к.

Лев Левин. Золотые россыпи. Одноактные пьесы. 24 стр. Цена 50 к.

Л. Никулин. Улица мира. Одноактные пьесы. 24 стр. Цена 50 к.

МАШГИЗ

И. П. Бородачёв, А. А. Васильев и др. Дорожно-строительные машины. Справочник. 712 стр. Цена 35 р. 30 к.

И. И. Воронков, Н. Т. Красносельских и Р. П. Кузин. Опыт популяризации работы новаторов производства Уралмашзавода. 104 стр. Цена 3 р. 40 к.

Высокопрочные чугуны. Под редакцией Н. Н. Рубцова. 204 стр. Цена 10 р. 60 к.

Н. Н. Ковалёв, Ф. В. Аносов и др. Новые турбины Днепропетровской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина. (Работы, удостоенные Сталинской премии). 128 стр. Цена 7 р. 60 к.

Л. К. Коллеров. Газомоторные установки. 240 стр. Цена 12 р. 10 к.

И. И. Луневский. Как организовать многостаночную работу на машиностроительном заводе. 76 стр. Цена 2 р. 50 к.

В. И. Луцкык. Ремонт электродвигателей и генераторов. 180 стр. Цена 9 р. 90 к.

Е. Н. Маслов. Основы теории шлифования металлов. 179 стр. Цена 9 р. 60 к.

Электрические методы обработки металлов. Под редакцией Е. Я. Улицкого. 318 стр. Цена 14 р. 60 к.

МЕДГИЗ

А. Я. Альтгаузен. Лабораторные клинические исследования. 408 стр. Цена 7 р. 70 к.

Б. Н. Архангельский, Г. Н. Сперанский. Мать и дитя. Школа молодой матери. 172 стр. Цена 5 р.

И. С. Грязнов. Грипп. 16 стр. Цена 15 к.

Л. В. Ильина-Маркосян. Зубное и челюстное протезирование у детей. 156 стр. Цена 7 р. 20 к.

Н. И. Касаткин. Очерк развития высшей нервной деятельности у ребёнка равного возраста. 100 стр. Цена 3 р.

Б. Н. Клосовский. Циркуляция крови в мозгу. 372 стр. Цена 22 р. 40 к.

А. А. Мелентьев. Что нужно знать о бруцеллёзе. 12 стр. Цена 10 к.

Т. Р. Никитин и К. Н. Прибылов. Медицинский контроль за физическим воспитанием и лечебная физическая культура. 308 стр. Цена 6 р.

Е. Н. Павловский. Учебник паразитологии человека. 416 стр. Цена 11 р. 65 к.

Е. М. Тареев. Внутренние болезни. 952 стр. Цена 32 р. 20 к.

В. Я. Шлапоберский. Пенициллин в хирургии. 208 стр. Цена 7 р. 20 к.

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

Ю. Грачевский. Владимир Уткин. («Знатные москвичи»). 38 стр. Цена 75 к.

А. Ефимов. О языке пропагандиста. («Библиотечка пропагандиста»). Издание второе, переработанное. 128 стр. Цена 1 р. 75 к.

М. Златогоров. Сыны завода. («Знатные москвичи»). 39 стр. Цена 75 к.

И. Лемберик. Разведчик скоростей. («Знатные москвичи»). 42 стр. Цена 75 к.

Ответы на вопросы трудящихся. Сборник. Выпуск XVII. 63 стр. Цена 1 р. 25 к.

Страна моя, Москва моя. Сборник песен. 94 стр. Цена 1 р. 50 к.

М. Тесленко. Утро сталевара («Знатные москвичи»). 31 стр. Цена 75 к.

Л. Уварова. Чувство будущего. («Знатные москвичи»). 38 стр. Цена 75 к.

К. Финн. Зотов и его семья. Повесть. 186 стр. Цена 5 р.

В. Холодковский. Рейс машиниста Блаженова. («Знатные москвичи»). 94 стр. Цена 1 р. 65 к.

Школьный учитель. Очерки. 280 стр. Цена 10 р.

МУЗГИЗ

Г. Бернандт. С. И. Танеев. 28 стр. Цена 90 к.

В. Богданов-Березовский. Фёдор Стравинский. 52 стр. Цена 1 р. 40 к.

И. Бэлза. Вторая (Богатырская) симфония Бетховена. (Пояснение). 24 стр. Цена 40 к.

И. Бэлза. Очерки развития чешской музыкальной классики. 588 стр. Цена 28 р.

В. Ванслов. 9-я симфония Бетховена. (Пояснение). 20 стр. Цена 50 к.

Л. Гинзбург. А. А. Брандуков. 80 стр. Цена 2 р.

Е. Канн-Новикова. М. И. Глинка. Новые материалы и документы. Выпуск II. 192 стр. Цена 9 р.

Ю. Корев. «Медный всадник» Глиэра. (Путеводитель по советской музыке). 52 стр. Цена 1 р. 30 к.

М. Пекелис. Даргомыжский и народная песня. 212 стр. Цена 13 р. 30 к.

И. Ремезов. М. И. Глинка. 48 стр. Цена 1 р. 35 к.

ПРОФИЗДАТ

Американские рабочие о советском союзе. Впечатления американской рабочей делегации, посетившей Советский Союз в июне—июле 1951 года. 92 стр. Цена 1 р. 25 к.

Великие стройки коммунизма. Очерки. 220 стр. Цена 7 р. 20 к.

Ф. Зуев. Рабочий класс и профсоюзы народно-демократической Польши. 160 стр. Цена 3 р. 10 к.

Стахановские приёмы — всем рабочим. Сборник статей об опыте работы по методу Ф. Ковалёва на предприятиях различных отраслей промышленности. 168 стр. Цена 3 р.

СЕЛЬХОЗГИЗ

М. И. Княгиничев. Биохимия пшеницы. 416 стр. Цена 9 р. 50 к.

Коллектив авторов. Виноградарство. 216 стр. Цена 6 р. 25 к.

Г. М. Попова. Частная селекция полевых культур. 480 стр. Цена 10 р. 90 к.

П. А. Ходорович. Полезащитное лесоразведение. 264 стр. Цена 5 р. 10 к.

«СОВЕТСКАЯ НАУКА»

А. М. Длин. Математическая статистика в технике. 302 стр. Цена 8 р.

Машинная стенография. Под редакцией А. Г. Гильденбранда. 272 стр. Цена 1 р.

Е. Д. Прозоров. Главный Туркменский канал. 24 стр. Цена 45 к.

Н. И. Фейгинсон. Наследование приобретаемых свойств. 72 стр. Цена 1 р. 75 к.

А. Н. Цингер. Занимательная ботаника. 248 стр. Цена 5 р.

УЧПЕДГИЗ

Г. Е. Амитиров. Об изучении художественного мастерства писателя. 64 стр. Цена 75 к.

Н. П. Егорова, В. И. Куфаев и А. В. Янковская. Воспитание советского патриотизма в школе. 240 стр. Цена 4 р. 60 к.

З. В. Мануйленко. Роль игры в воспитании дошкольников. 40 стр. Цена 75 к.

П. П. Стороженко. Как помогать детям хорошо учиться. 76 стр. Цена 1 р. 40 к.

Б. М. Шербатский. Занятия по стилистике в старших классах средней школы. 184 стр. Цена 3 р. 40 к.

«ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ»

П. А. Ипполитов и В. Н. Кучменко. Конькобежный спорт. (Справочник). 144 стр. Цена 3 р. 25 к.

Коллектив авторов. Охотничьи просторы. 256 стр. Цена 9 р. 30 к.

Ф. Тарачков. Большие скорости. 64 стр. Цена 90 к.

Евг. Терник. Охотничьи встречи. Рассказы. 68 стр. Цена 1 р. 75 к.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Я. И. Айзенштат. Государственный строй народной республики Болгарии. 288 стр. Цена 10 р.

С. А. Бордонов. Народный суд на страже социалистической собственности. 40 стр. Цена 50 к.

В. А. Власов. Советский государственный аппарат. (Основные принципы организации и деятельности). 424 стр. Цена 13 р. 30 к.

К. П. Горшенин. Советский суд. 80 стр. Цена 1 р.

Закон о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик. 16 стр. Цена 15 к.

Д. Л. Златопольский. Государственный строй Венгерской народной республики. 112 стр. Цена 1 р. 40 к.

Д. С. Карев. Демократические основы организации и деятельности советского суда. 64 стр. Цена 80 к.

П. И. Кудрявцев. Положение о выборах народных судов РСФСР (в вопросах и ответах). 40 стр. Цена 48 к.

А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву. 388 стр. Цена 12 р.

А. С. Федосеев. Творческая роль советского государства и права в построении социалистического и коммунистического общества. 284 стр. Цена 11 р.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УЗБЕКСКОЙ ССР

Сергей Данилов. Кремлёвские зори. Стихи. 116 стр. Цена 4 р. 20 к.

«ЗАРЯ ВОСТОКА» (Тбилиси)

Леван Асатнани. Грузинская рабочая революционная поэзия в нелегальной и легальной большевистской прессе 1901—1907 гг. 56 стр. Цена 2 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР

Д. Иофанов, Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы. 432 стр. Цена 16 р. 50 к.

ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Юлия Шестакова. Новый перевал. Очерки и рассказы. 318 стр. Цена 12 р. 20 к.

КРАСНОЯРСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Енисей. Литературно-художественный альманах. Книга 8. 168 стр. Цена 8 р.

КРЫМИЗДАТ

В. Колтуненко. За высокий урожай хлопка. Опыт передовиков-хлопководов Крыма. 80 стр. Цена 1 р. 50 к.

Т. Сычева. По зову сердца. Записки артиллеристки. 228 стр. Цена 7 р. 50 к.

КУРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. Васильев, В. Нехай. Рыбоводство и рыболовство в Курской области. 96 стр. Цена 1 р. 60 к.

Лейся, песня! 160 стр. Цена 3 р. 50 к.

ЛЬВОВСКОЕ КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Инна Сабурова. Сильные правдой. Поэмы. 64 стр. Цена 2 р. 20 к.

НОВОСИБИРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Н. И. Наумов. Избранные произведения. 736 стр. Цена 18 р. 70 к.

Н. Осинки. Через все преграды. Повесть. 272 стр. Цена 8 р. 50 к.

Кондр. Урманов. Киликушка. Рассказы. 80 стр. Цена 2 р.

ПЕНЗЕНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. Анисимова. В полевом просторе. Песни и припевки. 56 стр. Цена 2 р. 50 к.

А. Богданов. Избранное. 160 стр. Цена 5 р.

Л. Вольпе. Салтыков-Щедрин в Пензе. 56 стр. Цена 1 р. 50 к.

Георгий Вьюнов. Очерки. 98 стр. Цена 2 р.

М. Полесских. Вымершие гиганты. 64 стр. Цена 2 р.

А. Ткачёв. Колхозная новь. Очерки. 96 стр. Цена 1 р. 50 к.

«ПРАВДА ВОСТОКА» (Ташкент)

Георгий Брянцев. Тайные тропы. Роман. 300 стр. Цена 20 р.

ПРИМИЗДАТ

И. Федосанко. У нас в Приморье. Рассказы. 59 стр. Цена 2 р. 25 к.

РОСТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Л. П. Громов. Эгюды о Чехове. 113 стр. Цена 3 р. 50 к.

Дон. Литературно-художественный альманах. 207 стр. Цена 5 р.

ТАДЖИКГОСИЗДАТ

З. Раджабов. Поэт-просветитель таджикского народа Асири. 24 стр. Цена 1 р.

ЯРОСЛАВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Иван Смирнов. Волга моя. Стихи. 40 стр. Цена 1 р.

Ярославский альманах. Книга 5. 192 стр. Цена 6 р. 25 к.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА „НОСЫЙ МИР“ за 1951 год

★

РОМАНЫ. ПОВЕСТИ. РАССКАЗЫ. ПЬЕСЫ

- Сергей Антонов.** Дожди. Рассказ X—67.
- Борис Бедный.** Комары. Рассказ V—123.
- Александр Бек.** Новый профиль. Повесть. X—3.
- Ванда Василевская.** Рэки горят. Роман. Авторизованный перевод с польского Е. Усиевич. VII—3, VIII—13; IX—5.
- Евгений Воробьев.** Высота. Роман XI—3; XII—11.
- Борис Горбатов.** Донбасс. Роман (Книга первая: Два товарища. Книга вторая: «Крутая Мария»). I—3; II—14; III—14.
- Георгий Гулна** Нама. Повесть. VI—3.
- Роман Ким.** Тетрадь, найденная в Сунчоне. Повесть. V—3.
- Иржи Марек.** Рассказы о шахтёрах: Хитрый штейгер; Человек с ружьём. Перевод с чешского Т. Аксель. Вечерние беседы в новом посёлке. Перевод с чешского Б. Шуплецова. XII—149.
- Игорь Муратов.** Буковинская повесть. Авторизованный перевод с Украинского Л. Шапиро. IV—3.
- Н. Носов.** Витя Малеев в школе и дома. Повесть. VI—109.
- Дмитрий Осин.** Красный бор. Рассказ. I—101.
- Дмитрий Осин.** Ранний звонок. Рассказ. V—100.
- Дмитрий Осин.** Большой Днепр. Рассказ. VI—86.
- Дмитрий Осин.** Первый месяц. Рассказ. XI—101.
- П. Павленко.** Неопубликованный рассказ. VIII—146.
- Андре Стиль.** «Сона» выходит в море. Рассказ. Перевод с французского Н. Немчиновой. IV—100.
- Говард Фаст.** Тридцать серебряников. Пьеса. Перевод с английского Е. Гольцовой и В. Изакова. X—97.
- Чжао Шу-ли** Регистрация брака. Рассказ. Перевод с китайского Вл. Рогова II—108.
- Чжао Шу-ли.** Песенки Ли Ю-цая. Рассказ. Перевод с китайского Вл. Рогова. XII—106.

ПОЭМЫ И СТИХИ

Айбек. В столице Пакистана (Из узбекских поэтов). Перевод С. Липкина. X—89.

Маргарита Алигер. Красивая Мёча. Поэма. VII—104.

Николай Асеев. Поэма северных рек. III—3.

Николай Асеев. Три стихотворения: Горная идиллия; Горный лагерь пионеров; Ива. VIII—144

Гамз Бабаджан. День рождения Навои (Из узбекских поэтов). Перевод С. Липкина. X—91.

К. Ваншенкин. Мальчишка. Стихи VI—191.

К. Ваншенкин. Два стихотворения: Его ещё на свете даже нету...; Сосновый дом... XII—104.

Иван Варавва. Солдатские стихи: Вышли на занятия гвардейцы; По караулам; Отбой. II—106.

Платон Воронько. Возрождение. Стихи: 1. Руины, руины, руины... 2. Свистя, упала бомба... 3. Есть на Слобожанщине... Перевод с украинского П. Железнова. VI—106.

Я. Вохменцев. Два стихотворения: Праздник; Комбайнеры. V—121.

Николай Грибачев. Пять стихотворений: В дороге; Дуб; Таёжные гости; Яблоня; Зима. II—104.

Николай Грибачев. Стихи о Кавказе: Эльбрус; Рустави; У Риони; Взърыз; Свадьба в Коцхгати; Привет, Баку! XII—5.

Матвей Грунин. Прежде и теперь. Стихотворение. III—69.

Т. Ефимцев. Степь. Стихи. I—128.

Владимир Жуков. Два стихотворения: На уроке словесности; Встреча. X—62.

Зульфия. Невеста (Из узбекских поэтов). Перевод Н. Гребнева. X—95.

Вера Инбер. Новые стихи. Из цикла «Путь воды»: Персеполь; Детский сад; Персик. IV—92.

Игорь Кобзев. Секретарь райкома. Стихи. X—65.

Аркадий Кулешов. Три стихотворения: Моё свидетельство; Земля и небо; Земля и море. Авторизованный перевод с белорусского Якова Хелемского. III—65.

Н. Кутюв. Новый край; Здесь глушь была... Здравствуй, море!; На элеваторе. Стихи. I—126.

Мих. Матусовский. Эстафета мира; Улица мира. Стихи. I—99.

Мирмухсин. Делегат. Стихи. Перевод с узбекского С. Липкина. V—93.

Н. Москалёв. Высотники. Стихи. VIII—157.

Сергей Мушник. Над полевым станом. Стихи. Перевод с украинского Вл. Фёдорова. VI—108.

Леснид Первомайский. Современные баллады: Голубь мира. Перевод с украинского М. Алигер. Залонго. Перевод с украинского Бориса Ирмнина: Песня негра. Перевод с украинского Мих. Матусовского; Женщина у Золотых ворот. Перевод с украинского С. Липкина; Когда я был молодым; Машенька. Перевод с украинского Веры Звягинцевой. II—3.

Николай Перевалов. По великому плану. Стихи: Человек запылённый устал...; В тайге; Первый снег. XI—118.

Н. Сидоренко. Первая в Якутии. Стихи. XII—143.

Иван Симонов. Гость. Стихи. XII—145.

Алексей Сурков. На британских островах. Стихи: Превращения; Воскресенье в Вест-Энде; Вестминстерское аббатство; Английскому священнику; На «чашке чая» в Пенклубе. VI—82.

Алексей Сурков. Дорога на Керманшак. Стихи. IX—3.

А. Твардовский. Из лирики. Стихи: О Сталине; Новая земля; Их памяти; Сыну погибшего воина; Июнь; В те дни за границей; За озером; Признание; На улице; О прописке; Перед дорогой; О юности. IX—66.

Уйгун. Любовь к жизни (Из узбекских поэтов). Перевод Н. Гребнева. X—93.

Владимир Федоров. Любовь моя. Стихи. IV—140.

Веселин Ханчев. Песня губной гармоники. Стихи. Перевод с болгарского Льва Озерова. V—141.

Александр Яшин. Два стихотворения: В седьмом строительном районе...; Дубок. XI—99.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Аваз-Отар-Оглы. Пять стихотворений: О языке. Когда народ познает счастье?; Фанатикам; Четверостишие; Да здравствует свобода! Перевод с узбекского С. Липкина. IX—77.

Бо Цзюй-и. Переводы Л. Эйлина (Из китайской классической поэзии): Мой вздох при взгляде на гору Сун и реку Ло; В жестокую стужу в деревне; Скорблю о смерти поэта Тан Цюя; Собираю траву дихуан; Я остановился на ночь в деревне на северном склоне горы Цзыгэ. XI—120.

Генрих Гейне. Из лирики. Перевод с немецкого С. Маршака: Погодите!; Когда выхожу я утром...; Когда тебя женщина бросит...; Чтобы спящих не встревожить...; Двое перед разлукой...; Над пеною моря...; Лорелей; Весь отражён простором...; Не подтрунивай над чёртом...; Гонец, как ты поступила со мною...; Какая дурная погода!; За столиком чайным...; Материю песни...; Кричат, негодуя, кастраты...; Большие обещания X—131.

Мэн Хас-жань. Переводы Л. Эйлина (Из китайской классической поэзии): Весеннее утро; Ночью на реке Цзяньдэ; В деревне у друга; Ранние холода. XI—123.

Шандор Петефи С венгерского. Переводы М. Исаковского: Ракоци. Застольная песня; Молодой батрак; Торг; Вдоль по улице кожу я...; VIII—158. Переводы С. Маршака: Что тут за шумное веселье?. Прощанье с 1844 годом; 1849. Который стакан?. Дядюшка Пал; Сказка без конца. VIII—161.

Турды. Пятистишия и газелы. Перевод с узбекского Н. Гребнева. IX—79.

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ; ЗА МИР, ЗА ДЕМОКРАТИЮ!

Б. Быховский. Философия регресса и выживания. VIII—214.

И. Волк, В. Корнилов, А. Васильев. Корея в борьбе. IV—144.

Д. Краминов. Наёмники американских монополий. I—146.

Д. Краминов. «Психологическая война» Уолл-стрита. XI—185.

Мих. Лифшиц. Чёрная паутина. I—162.

Д. Мельников, Л. Чёрная. Гитлеровские генералы под взводно-полосатым флагом. X—139

Говард Фаст. Пикси. Илл. США. Перевод с английского И. Кулаковской и В. Крючковой. VII—177.

Лео Фигер. Два месяца в свободном Вьетнаме. Перевод с французского Л. Любимова. III—121.

А. Ханьковский. Хищническое земледелие в США. III—140.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

Николай Асеев. Жизнь слова. IV—176.

Ванда Василевская. В Германии. VI—193.

Эм. Казакевич. Старые знакомые. I—129.

П. Павленко. Итальянские впечатления. II—131.

М. Пришвин. Заполярный мёд. III—70.

А. Твардовский. Ответ читателям «Василия Тёркина». XI—204.

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

Анатолий Злобин. Шагающий гигант. XI—149.

Ив. Зыков. Тонкая шерсть. V—142.

И. Осипов. Остров семи кораблей. III—87.

Вас. Фёдоров. Кузнечные сталевары. VIII—168.

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

В. Доликов. Два года в Эфиопии (Из дневника врача). XII—189.

И. Жмыков. В новом Китае. Литературная обработка С. Артемьева. VII—153; VIII—190.

С. Устюнгов. В тюрьме и на «воле». Записки турецкого коммуниста. Перевод с турецкого Р. Фиша. IX—82.

В. Шалагинов. Судья. X—138; XI—124.

ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

Акад. А. В. Винтер. О новых строительных машинах и механизмах II—192.

Акад. А. В. Винтер. Стройки нерода и стройки бизнесменов. IX—134.

Почётный академик Н. Ф. Гамалей. Патологическая и физиологическая старость. Предисловие кандидата медицинских наук И. Грязнова. XII—218.

Акад. В. А. Обручев. Наступление на пещи. VII—222.

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

Обсуждение повести Ю. Трифонсова «Студенты». II—221

О новых книгах советских прозаиков IV—193.

О некоторых явлениях и вопросах советской поэзии. VIII—229.

О литературе для детей. XI—245.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Г. Марягин. Нефтяники нашей родины. V—177.

Владимир Орлов. Русское солнце. I—182.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

В. Александров. О двух откликах на статьи С. Маршака. VII—252.

Акпер Бабаев. Певец мира и свободы — Назым Хикмет. XII—235.

Великая забота партии о советской литературе. VIII—3.

А. Гурвич. Сила положительного примера. Литературно-критический очерк. IX—151.

Б. Дацюк и К. Ковалевский. Создать историю русской журналистики! VI—229.

В. Залесский. Правда жизни — правда искусства (Театральные заметки). V—196.

Л. Левин. Агитатор партии (О творчестве П. А. Павленко). X—225.

Т. Мотылёва. Тема новой жизни (Заметки о книгах писателей Польши и Чехословакии). III—151.

В. Овчинников. Советская литература в Китае. V—213.

От редакции. XII—3.

Памяти Дмитрия Фурманова. (К двадцатипятилетию со дня смерти). III—148.

Виктор Розенцвейг. Новая жизнь, новая литература (Заметки о румынской поэзии и прозе). XII—249.

Борис Соловьёв. Поэмы о покорении природы. X—213.

Е. Сурков. Вопросы языкознания и советская литература. I—205.

Е. Сурков. Тема большой родни (О новых произведениях трёх украинских прозаиков). VII—233.

Ан. Тарасенков. За богатство и чистоту русского литературного языка! II—203.

Ан. Тарасенков. Величие Горького (К пятнадцатилетию со дня смерти). VI—218.

Н. Толчёнова. По поверхности жизни (Современная тема в художественной прозе журнала «Звезда»). XI—229.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Литература и искусство

Н. Абалкин. Начало важного разговора («Работа режиссёра над советской пьесой». Сборник статей). I—243.

Н. Абалкин. Продолжение важного разговора («Образ моего современника». Сборник статей мастеров советской сцены). XII—264.

В. Александров. Колхозная хроника (М. Шошин. «Село Думино»). III—176.

В. Александров. «Тайна» Девичьей поляны (Вл. Немцов. «Семь цветов радуги». Научно-фантастический роман). V—244.

А. Алексеева. Всепобеждающая жизнь (А. Шаров. «Жизнь побеждает»). II—243.

В. Архипов. Монография о Некрасове (В. Евгеньев-Максимов. «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова». Том I). VII—270.

Н. Асеев. Судьба поэта (Назым Хикмет. «Стихи». Перевод с турецкого). I—229.

Н. Асеев. В плену стилизаторства (А. Чивилихин. «Красная Горка». Поэма). V—240.

Ю. Бартенев. Малое заслонило большое (Н. Шутов. «Апрель». Повесть). X—279.

А. Барто. Избранные стихи Е. Трутневой (Е. Трутнева. «Избранное»). X—282.

Б. Беляев. Прочный фундамент (Сергей Сартаков. «Камельный фундамент». Повесть). VIII—255.

Н. Богданов, Р. Ким. Серьёзные недостатки интересного романа (Назал Далечный. «На сопках Маньчжурии». Роман. Тома I и II). XII—267.

Б. Брайнина. Хорошо делать — значит, хорошо жить (Шараф Рашидов. «Победители». Повесть. Перевод с узбекского А. Дроздова и В. Мильчакова). X—270.

Н. Бетошкина. Вашингтонская история (Jay Dess. «A Washington Story» Джей Дэйс. «Вашингтонская история»). III—213.

Р. Вяткин. Стихи рабочих и крестьян Китая («Гантедышоу»). («Стальные руки». Сборник стихов рабочих Северо-востока); «Гунжэньшисюань» («Сборник стихов рабочих»); «Цзяньла Маочжуси цингэань». («Увидишь председателя Мас, передай ему привет». Сборник народных песен и стихов). II—234.

Б. Галанов. Надуманный конфликт (Юрий Бессонов. «Семья лесорубов». Повесть). II—241.

Е. Городецкая. На краю земли (Н. Дубов «На краю земли». Повесть). IX—225.

Н. Герчаков. Труд советского актёра (Н. Черкасов. «Из записок советского актёра о своей профессии»). III—203.

И. Григберг. Незавершённая поэма (И. Вяхирев. «Наша молодость». Поэма). III—193.

Д. Данин. Утро великой стройки (В. Галактионов, А. Аграновский. «Утро великой стройки». Документальная повесть). VII—265.

Б. Дацик, кандидат исторических наук. Русские патриоты (Л. Никулин. «России верные сыны». Роман). III—181.

Л. Дмитрико. Кровью сердца (Александр Гаврилюк. Избранное). IV—221.

Н. Дмитриева. Два портрета художников (Р. Давовская. «Н. В. Кеврев». Очерки по истории русского искусства второй половины XIX века под общей редакцией Г. Жидкова; В. Прятков. «Н. А. Ярошенко». Очерки по истории русской живописи второй половины XIX века под общей редакцией Г. Жидкова). V—252.

В. Дорофеев. Новые работы о Серафимовиче (В. Куриленков. «А. С. Серафимович»; Критико-биографический очерк «А. С. Серафимович»; Исследования, воспоминания, материалы, письма). V—248.

А. Дроздов. Победы и поражения молодого писателя. (Рахмат Файзи. «В пустыню пришла весна». Повесть. Авторизованный перевод с узбекского В. Мильчакова). XII—274.

С. Евгенов. Свежий голос (Геворк Эмин. «Новая дорога». Стихи. Авторизованный перевод с армянского). II—246.

С. Евгенов. Новая поэма с Ленине (Расул Рза. «Ленин». Поэма. Перевод с азербайджанского А. Тарковского). VII—262.

В. Жданов. По стопам Перерепенко. («Звенья», сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX вв. Том IX). XII—279.

Н. Зелинский. Судьба народа (Садриддин Айни. «Рабы». Роман. Перевод с таджикского Сергея Бородинна). V—234.

В. Злыднев. Герои новой Болгарии (С. Даскалов. «Орденосец». Перевод с болгарского А. Эмильева). V—256.

Л. Зонина. Непокорённая Греция («Кровью сердца». Документы, письма и стихи казнённых греческих антифашистов. Перевод с французского Н. Смирновой. Стихи — в переводе Ф. Кельнна; Мельпо Аксиоты. «В двадцатом веке» Роман. Перевод с французского М. Мошенно). VI—256.

С. Ильичёва. Детство в берестяном чуме (Салчак Тона. «Слово арата». Авторизованный перевод с тувинского А. Тамира). IV—223.

Я. Иссаде. Правда кузнеца Игнотаса (А. Гудайтис-Гуаявичюс. «Правда кузнеца Игнотаса». Авторизованный перевод с литовского К. Горбуновой и Н. Папшиной). IV—229.

М. Исаковский. Заметки об одной статье (Ф. Самарин. «Песни наших земляков», статья. Альманах «Земля родная», книга седьмая). X — 264.

Н. Капиева. Певец счастливого Дагестана (Гамзат Цадаса. Избранное. Перевод с аварского). II — 237.

Н. Каписва. Альманах чкаловских писателей («Стенные огни». Литературно-художественный альманах чкаловского отделения Союза советских писателей, книга девятая за 1950 год). IV — 234.

Н. Капиева. Пробуждение народа (Жамсо Тумунов. «Степь проснулась». Роман. Авторизованный перевод с бурят-монгольского А. Митрофанова и С. Родова). VI — 241.

Ю. Карасев. Молодые поэты Албании («Албанские поэмы»). Перевод с албанского Д. Самойлсва). IV — 243.

Ю. Карасев. Бледно и невыразительно (Л. Аргутинская, М. Повзе. «Крылатые люди». Роман. Книга первая). VI — 244.

З. Кедрина. На пути к эпосе (Сулейман Рагимов. «Шамо». I том. Перевод с азербайджанского Азиза Шарифа). III — 187.

З. Кедрина. Творческий портрет писателя (Б. Браинина. «Константин Федин»). VI — 251.

З. Кедрина. Творения народного поэта (Дмитрий Гулда. «Избранное». Перевод с абхазского). X — 286.

З. Кедрина. Книга о жизни узбекского народа (Парда Турсун. «Учитель». Роман. Перевод с узбекского В. Смирновой). XII — 271.

Е. Книпович. Солдаты новой Болгарии (Павел Вежинов. «Военные повести»). Перевод с болгарского А. Собковича и Н. Попова). I — 252.

М. Козьмин. Новый вклад в советское пушкиноведение (Д. Д. Благой. «Творческий путь Пушкина (1813—1826)»). II — 249.

М. Козьмин. Об этом нельзя забыть (Николай Никитин. «Северная Аврора». Роман). IV — 216.

М. Козьмин. Весенние ветры революции (Кави Наджми «Весенние ветры». Роман. Авторизованный перевод с татарского А. Садовского) V — 228.

М. Козьмин. Выдающийся русский проветитель — Н. И. Новиков (Г. Макогоненко. «Николай Новиков и русское просвещение XVIII века»). VIII — 245.

М. Козьмин. Поэты мира в борьбе за мир («Поэты мира в борьбе за мир»). X — 260.

И. Константиновский. Выдающееся достижение румынской литературы (Mihail Sadoveanu. „Mitrea Cocor“. Михаил Садовяну. «Митря Кокор»). I — 235.

А. Костицын. Книга о героическом Севастополе (И. Козлов. «В городе русской славы»). III — 178.

А. Котляр. Недостатки интересной повести (А. Рутько. «Бессмертная земля»). I — 249.

И. Кротова. Обеднённые образы (Лез Линьков. «Отважные сердца». Рассказы). VII — 268.

В. Кутейщикова. Эпопея борьбы за мир и демократию (Pablo Neruda. „Canto general“. Пабло Неруда. «Всеобщая песнь»). I — 232.

К. Лапин. Сборники латышской поэзии («Поэты Советской Латвии». Перевод с латышского; «Поэты Советской Латвии». Сборник стихов в авторизованных переводах). VI — 248.

К. Лапин. Университет борьбы (А. Бродяла. «Марта». Повесть. Авторизованный перевод с латышского Д. Глезера). XI — 282.

Г. Ленобль. В эстонских колхозах (Ганс Леберехт. «В дороге». Повесть). VIII — 249.

К. Линев. Мирные люди (Берды Кербабаяв. «Айсолтан из страны белого золота». Повесть. Авторизованный перевод с туркменского Т. Озерской). IV — 232.

А. Ложечко. Ставропольский альманах («Ставропольский альманах» № 6 за 1950 год). VIII — 258.

Ю. Лукин. Повесть о человеческих сердцах (Елена Катерли. «Бронзовая прялка»). II — 232.

Ю. Лукин. Слово боли и гнева (Николай Грибачев. «Непокорённая Корея»; Андрей Малышко. «Корейская поэма»). XI — 258.

С. Львов. Люди сегодняшнего Крыма (Дм. Холендро. «Горы в цвету»). III — 184.

С. Львов. Очерк о Мартине Андерсене-Нексе (Александр Дымшиц. «Мартин Андерсен-Нексе». Критико-биографический очерк). X — 289.

П. Максимов. Пиррова победа (Джон Уивер. «Пиррова победа». Перевод с английского Т. Озерской и Н. Тренёвой). II — 258.

Г. Маргвелашвили. Роман об армянских колхозниках (Наири Зарьян. «Ацаван». Авторизованный перевод с армянского Анны Иоаннисян). III — 196.

Г. Маргвелашвили. Идеичность и мастерство (Григол Абашидзе. «На южной границе»). Стихи и поэмы. Перевод с грузинского). V — 231.

А. Мацкин. Уроки Станиславского (Н. Горчаков. «Режиссёрские уроки К. С. Станиславского»). IV — 246.

Н. Мацуев. Новые биографические справочники («Ломоносов». Сборник статей и материалов. III; «Литературное наследство» № 57; В. Г. Елининский. II; «М. Горький». Материалы и исследования. IV). XII — 282.

- Вл. Николаев.** Испытание характера (В. Ванькин. «Весной в половодье». Повесть). X—284.
- Н. Онуфриев.** Изучение литературного наследия Белинского («Литературное наследство», т. 55. В. Г. Белинский, I; «Литературное наследство», т. 56 В. Г. Белинский, II; «Литературное наследство», т. 57. В. Г. Белинский, III). IX—217.
- В. Панков.** На верном пути (Илья Котеев. «Колхозники». Роман) I—237.
- С. Розанова.** Критика, идущая от жизни (В. Александров. «Люди и книги». Сборник статей). VI—253.
- Е. Романова.** О литературе сегодняшней Америки («Современная американская литература». Сборник статей). IV—241.
- Е. Романова.** Теория и практика литературных бизнесменов. «Das neue literarische New York». «Субботнее литературное обозрение». Нью-Йорк. XI—268.
- Б. Рюриков.** Мировоззрение Добролюбова (В. С. Кружков. «Мировоззрение Н. А. Добролюбова»). VII—257.
- И. Рябов.** «Страсти-мордасти» (К. Осипов. «На пороге жизни»). III—130.
- И. Рябов.** Вестники коммунизма (Г. Баширов. «Честь». Роман. Перевод с татарского Н. Чертовой). V—224.
- Л. Светлов.** Содержательное исследование (Вл. Орлов. «Русские просветители 1790—1800-х годов»). II—254.
- С. Слепынин.** В погоне за занимательностью (О. Коряков. «Тропой смелых». Повесть). VIII—256.
- С. Смирнов.** Книга о борьбе простых людей Америки (Говард Фаст. «Кларктон». Роман. Сокращённый перевод с английского). I—255.
- С. Смирнов.** «Почему?» (Л. Карелин. «Младший советник юстиции». Повесть). IX—227.
- Н. Соколова.** Зерно характера (Александр Бек. «Зерно стали». Рассказы и очерки). V—242.
- М. Соловьёв,** кандидат исторических наук. Против искажения истории (В. Вадецкий. «Простой смертный». Роман. Книга первая). III—199.
- А. Софронов.** Стихи и песни Платона Воронько (Платон Воронько «Доброе утро». Перевод с украинского). II—229.
- Н. Степанов.** Русские повести XIX века («Русские повести XIX века 20—30-х годов». Тома I и II). III—206.
- А. Тарасенков.** Без огня, без вдохновения (Лев Филатов. «Вторая рота». Повесть). VIII—252.
- А. Тарасенков.** Судьба рабочего поэта (Иван Назаров. Стихи и песни). IX—223.
- А. Тарасенков.** Два потока (Н. Тихонов. «Два потока». Стихи о Пакистане и Афганистане). X—274.
- А. Твардовский.** Роберт Бёрнс в переводах С. Маршака («Роберт Бёрнс в переводах С. Маршака». Вступительная статья М. Морозова). IV—225.
- П. Топер.** Что значит быть честным в Америке (Эдвин Джилберт. «В беличьем колесе». Перевод с английского Н. Довгалевской и Т. Озерской). III—210.
- П. Топер.** Малая энциклопедия невежества. Лжи и клеветы. («Kleines literarisches Lexikon. I — Weltliteratur II — Deutsche Literatur. III — Literarisches Sachwörterbuch. A Francke A G. Verlag. Малая литературная энциклопедия. Том I—Мировая литература; том II — Немецкая литература; том III — Словарь литературных терминов»). VIII—261.
- П. Топер,** Германия вчера и сегодня («На переломе» Рассказы и повести современных немецких писателей. «Поэты демократической Германии»). X—292
- Ю. Трифонов.** Повесть о сталеварах (Николай Евдокимов. «Высокая должность»). V—238.
- А. Турнов.** Об одной типичной ошибке («Литературный Саратов». Альманах Саратовского отделения ССР. Книжки 12 (1950) и 13 (1951). IX—231.
- П. Утевская.** На освобождённой земле (Валентин Речмедин. «На Верховини». Повесть Валентин Речмедин. «На Верховине». Повесть). XII—277.
- Я. Фрид.** Борцы народной Италии (Рената Вигань. «Товариш Анжеле». Перевод с итальянского А. Богемской). IX—235.
- Н. Чуканов.** «Квадрат карты» (Евгений Воробьев. «Квадрат карты». Рассказы). IV—238.
- С. Швецов.** Неполющенный сборник. («Сатира и юмор в поэзии народов Советского Союза» Избранные переводы Бориса Тимофеева) XI—264.
- А. Шумский.** Горький — борец за мир и демократию (М. Горький. «За мир и демократию». Очерки, памфлеты, статьи, речи, письма). IV—212.
- Л. Эйдин.** Свидетельство друга (Константин Симонов. «Сражающийся Китай»). I—240.

ПОЛИТИКА И НАУКА

- М. Азарин.** Замечательный учёный-патриот (Академик Н. Д. Зелинский и доцент Л. С. Бондарь. «Высшие жирные кислоты и их отношение к туберкулёзным бактериям»). II—240.
- М. Азарин.** Творец теории химического строения. (А. М. Бутлеров. «Избранные работы по органической химии»). VI—279.

В. Александров. Национальное движение в Индии («Учёные записки Института востоковедения». Том I). VI—263.

Л. Безыменский. Легенда о Роммеле и её проповедники. (Lutz Koch. „Ergebnisse der Romme und sein Schicksal“; Лутц Кох. «Эрвин Роммель. Его роль и его судьба»; Desmond Young. „Rommel“; Десмонд Янг. «Роммель»; Hans Speidel. „Invas. on 1944. Ein Beitrag zu Romme's und des Reiches Schicksal“; Ханс Шпейдель. «Вторжение 1944 г. Исследование судьбы Роммеля и империи»). IV—256.

Т. Белаш, заместитель директора Кинельской государственной селекционной станции. Журнал, помогающий преобразованию природы. («Агробиология». Двухмесячный научно-теоретический журнал). V—276.

А. Блинов, кандидат исторических наук. Чёрная война английских колонизаторов. (C. Turnbull. „Black War. The Extermination of the Tasmanian Aborigines“; К. Тернбалл. «Чёрная война. Истребление коренных жителей Таомани»). VIII—270.

М. Буяновский, кандидат географических наук. Песчаные пустыни Северного Приаралья (А. Г. Гаель, М. С. Коликоз, Е. А. Малюгин, Е. С. Останин. «Песчаные пустыни Северного Приаралья и пути их освоения». Труды института пустынь Академии наук Казахской ССР, том второй). II—280.

М. Буяновский. Три столицы (С. Н. Рязанцев. «Фрунзе—столица Киргизской ССР»; Д. А. Чумичёв. «Сталинабад—столица Таджикской ССР»; Л. Е. Иофа. С. М. Дульгин. «Ереван—столица Армянской ССР»). VIII—280.

Б. Быховский, доктор философских наук. Откровения Иммануэля Ньюйоркского. (I. Ve kovsky „Wings in Coll's on“; И. Великовский. «Столкновение миров»). XI—278.

П. Винокуров. Книга о февральских событиях в Чехословакии (Алоиз Свобода, Анна Тучкова, Вера Свободова «Так было в феврале. Репортаж о февральских событиях в Чехословакии». Перевод с чешского А. Булыгиной и В. Шуплецова). II—263.

П. Винокуров. Порабощённая юность (В. Бронский. «Порабощённая юность»). III—232.

П. Винокуров. Свидетельство шведских друзей. („Stockholm—Leningrad—Kaukas'en“; «Стокгольм—Ленинград—Кавказ»). XII—288.

Акад. **А. Винтер.** Настольная книга гидростроителя. (Ф. Ф. Губин. «Гидроэлектрические станции»). IV—265.

В. Владимиров, Д. Давыдов. Народы Африки в борьбе за мир и свободу. („Africa for Freedom“ by Alphaeus Hunton Альфеус Хантон. «Африка борется за свободу»; „Nigeria. Why we fight for Freedom“ by Amunike Okator. Аманке Окафор. «Почему мы боремся за

свободу Нигерии»; „Tragedy in Africa. A Warning and a Challenge“; «Трагедия в Африке. Обвинение и предупреждение»). X—300.

П. Воскресенский. Великий композитор и химик (Н. А. Фигуровский и Ю. И. Соловьёв. «Александр Порфирьевич Бородин»). IV—272.

Генерал-майор **Н. Гарнич.** Ценный труд о Кутузове (П. А. Жилин. «Контрнаступление Кутузова в 1812 г.». VIII—272.

М. Голей. Новаторы отечественного машиностроения (Г. А. Матвеев. «История отечественного котлостроения»). I—275.

М. Голей. Знатные курыне («Курыне—выдающиеся деятели науки и техники») VI—268.

М. Гречев. Крах политики аргентинского диктатора (Паулино Гонсалес Альберди. «Кризис экономики Аргентины». Перевод с испанского Г. Калугина). II—269.

И. Грязнов, кандидат медицинских наук. По поводу одного предисловия (Р. Валлери-Радо. «Жизнь Пастера». Сокращённый перевод с последнего (1941 г.) французского издания А. Н. Калитиевской). V—273.

М. Давыдов. Покорение энергии рек. (В. Д. Галактионов. «Жизнь рек»). X—312

М. Давыдов. Преображённая Сибирь. (Е. Орлова. «Там, где протекает Обь»). XI—281.

Вал. Зорин. Идеи, которых не упрятать за решётку. („Ideas they cannot jail“; By Eugene Dennis, General Secretary Communist Party of the United States. Introduction by William Z. Foster. Юджин Деннис, генеральный секретарь коммунистической партии США. «Идеи, которых не упрятать за решётку». Предисловие Вильяма Фостера). IX—244.

А. Иглицкий. Весна в польской деревне (В. Залевский. «Тракторы разбудят весну!» Перевод с польского и предисловие В. Арцимовича). VI—266.

А. Исаев. Бразилия—страна голода и выживания (Жозуэ де Кастро. «География голода. Голод в Бразилии». Перевод с португальского Т. П. Комова). III—227.

Л. Каманин, кандидат географических наук; **Е. Донская.** Журнал, которому не хватает занимательности (Журнал «Вокруг света» №№ 3—10 за 1950 год). I—281.

С. Касаткин, доктор медицинских наук. Основоположник научной анатомии (Андрей Везалий. «О строении человеческого тела». Том первый. Перевод с латинского действительного члена Академии медицинских наук СССР В. Н. Терновского и члена-корреспондента Академии наук СССР С. П. Шестакова). IX—249.

Б. Котельников. Портреты советских спортсменов (Евгений Симонов. «Повесть о советской спортсменке»; Н. Королёв. «Наринге». Литературная обработка М. Александрова). V—280.

И. и Л. Крупениковы. Первый русский «доктор сельского хозяйства» (А. В. Советов. «Избранные сочинения»). III—245.

И. и Л. Крупениковы. Творцы русской лесной науки («Выдающиеся деятели отечественного лесоводства»). VIII—275.

Проф. **Б. Кузнецов, С. И. Вавилов** о советской науке (Академик С. И. Вавилов. «Наука сталинской эпохи». Второе дополненное издание). IV—270.

Проф. **Б. Кузнецов.** Ценное исследование о Ломоносове (А. А. Морозов. «Михаил Васильевич Ломоносов. 1711—1765»). VII—280.

В. Кузьменко. Польские крестьяне на Украине. Roman Wojcik i Eżyszka Żurka. «Widzieliśmy na własne oczy». Роман Вуйчик и Эльжибета Зыгула. «Мы видели собственными глазами». «Jak za a z jak gwasca w kolchozasi. Radzieskie, Ukraju». «Как живут и работают в колхозах Советской Украины»). II—261.

А. Кунина, кандидат исторических наук. Живые свидетельства американских злодеяний («В боях за советское Приморье. Сборник воспоминаний бывших красных партизан-приморцев». Литературная обработка С. Н. Николаева). VIII—264.

Л. Лагин. Правда об организации, историей не было в природе (Антони Зимба. «Молли Магвайрс». Из истории рабочего движения в США». Перевод с английского Н. И. Чернавской). III—229.

Д. Лебедев. Русские первооткрыватели (Д. С. Берг. «Великие русские путешественники»). IX—247.

В. Левачев. Слабая книга о транспорте (А. Галицкий. «Планирование социалистического транспорта»). I—270.

В. Левачев. Журнал советских моряков («Журнал «Морской флот»). III—237.

Б. Леонтьев. США — полицейское государство (Владислав Минаев. «Американское гестапо»). I—267.

Б. Леонтьев. Фашистский облик правящей клики США (Альберт Кан. при участии Артура Кана. «Измена родине. Заговор против народа». Перевод с английского). IV—250.

Б. Леонтьев. Идеология гангстеров. (Burnham James. «Comp. Defeat of Communism»). V—261.

Б. Леонтьев. Могучее движение наших дней (А. Л. Орлов. «Борьба народов мира за мир; В. Чепраков. «Борьба за мировое дело всех народов»). IX—237.

Б. Леонтьев. Будущее принадлежит коммунизму. (Уильям Э. Фостер. «Закат мирового капитализма». Перевод с английского). XI—274.

Е. Лукашеса, кандидат географических наук. США движутся на Север. («Американский Север». Географический сборник: переводных статей. Со вступительной статьёй И. И. Ермашова). IV—254.

Е. Лукашова. Великий гуманист (Н. Н. Минкухо-Маклай. Собрание сочинений. Том I. «Дневники путешествий (1870—1872)». Том II. «Дневники путешествий (1873—1887)»). VI—273.

Вл. Львов Журнал «Природа» («Природа» Популярный естественно-исторический журнал). VI—276.

Г. Марягин. Плоды безответственности (Проф. А. А. Яковлев. «Здесь всё моё... Научно-популярные очерки о горячих ископаемых»). IV—267.

Н. Мацуев. Ценный справочник о деятелях русской культуры. (И. М. Кауфман. «Русские биографические и библиографические словарии». Анонсированный указатель). II—281.

Ю. Миланушкин. Великий русский биолог И. И. Мечников (И. И. Мечников. «Избранные биологические произведения»; Б. Л. Могилевский «И. И. Мечников»). IV—280.

Ю. Миланушкин. Заметки биолога о заметках писателя (Александр Поповский. «Восстановим правду. Заметки писателя о русской науке»). VII—283.

Ю. Миланушкин. По дорогам медицинской науки. (И. С. Фридлянд. «По дорогам науки (Рассказы о медицине)»). X—315.

Д. Милютин. Бастион мира. (Bernard Grenier. «Au pays de Staline». Фернан Гренье. «В стране Сталина»). V—268.

Д. Милютин. От Гитлера до Трумэна. (Jean Vanier. «De Hitler à Truman». Жан Вомье. «От Гитлера до Трумэна»). VII—277.

Д. Милютин, Л. Лунгина. Атомная дипломатия США. (Dom n dce Desauy e. Charles Hagache. «Bombes ou paix atomique?». Доминика Дезанты и Шарль Арош. «Атомная бомба или атомный мир?»). X—309.

В. Минаев. Профсоюзные боссы на службе Уолл-стрита (В. Михайлов. «Агентура Уолл-стрита в Конгрессе производственных профсоюзов США»). XII—293.

Л. Михайлова. Поворотель льдов. (С. Г. Нагорный. «Георгий Седов») I—278.

Б. Могилевский. Новая глава в учении о крови. (Н. Г. Беленький «Видовонеспецифическая сыворотка. Биологические оویства и применение»). III—242.

Б. Могилевский. Воспоминания русского учёного. (Н. И. Пирогов. «Севастопольские письма и воспоминания»). VIII—277.

С. Морозов. Успехи советской кинотехники. (Е. М. Голдовский. «30 лет советской кинотехники»). II—273.

Полковник **А. Набоких.** Брошюры о Сталинской авиации (Генерал-майор В. П. Московский. «Военно-Воздушные Силы Советского Союза». Краткий очерк; Полковник Н. Н. Денисов. «Наша страна — родина авиации; Полковник А. Г. Ордни. «Могучая сталинская авиация»). IV—277.

А. Никифоров. Империя мошенников и гангстеров. Walter C. Reckless. «The Crime Problem». Уолтер Реклисс. «Проблема преступления». X—307.

Проф. **Г. Никольский.** Рыбные богатства Советской страны (Л. С. Берг. «Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран». Тома I, II, III). V—371.

Г. Нуоров. Гордость узбекской науки. («Бируни — великий узбекский учёный средневековья»). XI—253.

А. Палладин. Правые лейбористы — прислужники капитала («Правые лейбористы на службе английского и американского империализма»). VI—259.

А. Пантиелев. «Калибр» — завод-новатор (И. Чангли, А. Нешто. «Знаменосец коллективного шахтёвского труда»). XII—296.

О. Поленц, кандидат юридических наук. Международное право или международный произвол? («American of International Law». «Американский журнал международного права»). XII—290.

А. Погребинский, доктор экономических наук. Новые исследования по истории техники («Из истории отечественной техники. Исследования и материалы»). III—235.

М. Позлотин, кандидат исторических наук. Страницы героической борьбы болгарского народа (Л. Б. Валев. «Из истории Отечественного фронта Болгарии (июль 1942 г.—сентябрь 1944 г.)»). I—265.

В. Покровский, кандидат юридических наук. Новое исследование о Русской Правде (С. В. Юшков. «Русская Правда. Происхождение, источники, её значение»). II—271.

Подполковник юстиции **А. Полторак.** Маршал предателей (Berck Martin. «Tito's plot against Europe». Дэрек Картэн. «Заговор Тито против Европы»; Renaud de Jouvenel. «Tito maréchal des traîtres». Рено де Жувенель. «Тито — маршал предателей»; Dominique Desauy. «Masques et visages de Tito et des siens». Доминика Дезанти. «Маски и лица Тито и его клики»). III—219.

С. Раппопорт, кандидат исторических и технических наук. Журнал советских физиков (Журнал «Успехи физических наук». Том X. вып. 1—4; том XI, вып. 1—4; том XII, вып. 1). II—276.

Л. Сазинский, кандидат юридических наук. В новой Албании (Н. Шмелёв. «Новая Албания»). X—297.

Л. Сазинский, кандидат юридических наук. Китай сегодня (Журнал «Народный Китай»). XII—284.

М. Сазичкий, кандидат юридических наук. Орган советской юридической мысли (Журнал «Советское государство и право»). IV—262.

М. Сидоров, кандидат философских наук. Книга о советском социалистическом обществе («О развитии советского социалистического общества». Сборник статей). I—272.

Н. Соколова. Советский учёный в Эфиопии (Л. Г. Воронин. «В Африку за обезьянами»). III—247.

М. Стуруа. Американцы в Испании (Виценте Урибе. «Империализм янки в Испании». Перевод с испанского А. Гладковой). X—304.

Акад. **Е. Тарле.** За чтением журнала «Сторонники мира» (Журнал «Сторонники мира» №№ 10—19. 1950). I—262.

Акад. **Е. Тарле.** Просчёт американских агрессоров (А. Е. Кунина. «Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг.»). V—259.

Полковник **М. Толчёнов.** Историческая победа китайского народа (Кандидат исторических наук Г. Эренбург. «Национально-освободительное движение в Китае после Великой Октябрьской социалистической революции (1918—1924 гг.)»; В. Н. Никифоров. «Национально-освободительная война китайского народа против японского империализма (1937—1945 гг.)»; М. Ф. Юрьев. «Историческая победа китайского народа над американским империализмом и гоминдановской реакцией (1945—1949 гг.)»; Доктор экономических наук В. Я. Аварин. «Успехи Китайской Народной республики»). I—258.

Полковник **М. Толчёнов.** Американская политика агрессии и предательства (Б. Родов. «Роль США и Японии в подготовке и развязывании войны на Тихом океане 1938—1941 гг.»). IX—241.

Н. Толян. «Полоса чудес» (М. Ефетов. «Полоса чудес»). VI—270.

А. Трайнин, член-корреспондент Академии наук СССР. Преступное орудие поджигателей войны (М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит, Л. Н. Смирнов. «Бактериологическая война — преступное орудие империалистической агрессии»). III—222.

И. Халифман. С неправильных позиций (П. М. Жуковский. «Культурные растения и их сородичи»). XII—298.

Ф. Харченко. В преображённом крае (Е. П. Маслов. «Северный Кавказ»). IV—274.

М. Цунц. Неяркий рассказ о яркой жизни (И. Лапоногов. «В свободной Венгрии»). V—266.

Е. Черняк, кандидат исторических наук. Журнал поджигателей войны («Foreign Affairs». «Иностранные дела»). II—266.

Е. Черняк, кандидат исторических наук. Традиции американских захватчиков. («A. Billington. „We went East on A history of American Frontier“ P. A. Биллингтон «Экспансия на запад. История американской границы»). VII—267.

М. Шафир, кандидат юридических наук. Законы стран народной демократии («Конституция и основные законодательные акты народной республики Болгарии; «Основные законодательные акты народно-демократической республики Польши»; «Конституция и основные законодательные акты Румынской народной республики; «Конституция и основные законодательные акты народно-демократической республики Чехословакии»). III—216.

А. Шпирт, доктор экономических наук. Научно-техническая печать США — рупор монополий («Meta Progress», «Steel», «Combustion» U S A 1949—1950. «Успехи металлургии», «Сталь», «Горение». США. 1949—1950). III—224.

М. Юрьев, кандидат исторических наук. Великая крестьянская война в Китае (Проф.

Г. С. Кара-Мурза. «Тайпины. Великая крестьянская война и Тайпинское государство в Китае. 1850—1864») IV—258.

М. Юрьев, кандидат исторических наук. Победный путь китайского народа (Ф. Иензен. «Китай побеждает». Перевод с немецкого А. Семёновой, Е. Чирковой и С. Халецкой). VII—274.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Ноябрь — декабрь 1950 года.	I—284.
Декабрь 1950 г.— Январь 1951 г.	II—284.
Январь — февраль 1951 года.	III—251.
Февраль — март 1951 года.	IV — 283.
Март — апрель 1951 года.	V—284.
Апрель — май 1951 года.	VI—283.
Май — июнь 1951 года.	VII—286.
Июнь — июль 1951 года.	VIII—284.
Июль — август 1951 года.	IX—252.
Август — сентябрь 1951 года.	X—313.
Сентябрь — октябрь 1951 года.	XI—286.
Октябрь — ноябрь 1951 года.	XII—304.



Главный редактор **А. Т. Твардовский**
 Редколлегия: **М. С. Бубеннов, В. П. Катаев,**
С. С. Смирнов, А. К. Тарасенков, К. А. Федин, М. А. Шолохов

Редакция: Москва, 6 Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес),
 Вход с улицы Чехова, 1.

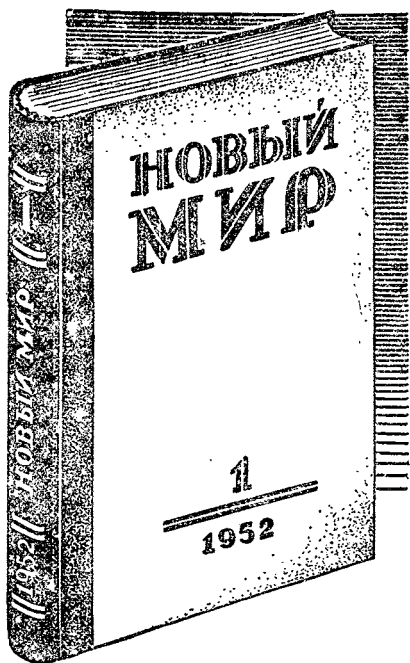
Сдано в набор 13/X 1951 г.
 А 07678. Объем 20 печ. л.

Тираж 104.000:

Подписано к печати 20/XI 1951 г.
 Заказ № 1968

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
 имени И. И. Скворцова-Степанова.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА



НА 1952 ГОД

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

**НОВЫЙ
МИР**

*

Журнал „Новый мир“ выходит
в переплёте и без переплёта

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1952 год:

	12 мес.	6 мес.	3 мес.
В переплёте	108 р.	54 р.	27 р.
Без переплёта	84 р.	42 р.	21 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

«Союзпечатью», всеми почтовыми конторами
и уполномоченными железнодорожных
издательств на транспорте.

Цена 9 руб.